

Б-211188

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Историография истории России

Под редакцией **А. А. Чернобаева**

б а з о в ы й к у р с

УМО ВО
рекомендует

Учебное
пособие
2-е издание

БАКАЛАВР

 Юрайт
ИЗДАТЕЛЬСТВО
biblio-online.ru

Б - 21188

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора **А. А. Чернобаева**

2-е издание, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом
высшего образования в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по гуманитарным направлениям и специальностям*

К

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2014

901076)

УДК 930.2(075.8)

ББК 63.3(2)я73

И90

Ответственный редактор:

Чернобаев Анатолий Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, главный редактор журнала «Исторический архив».

Рецензенты:

Уткин А. И. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М. В. Ломоносова;

Смирнова М. И. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культурологии Национального исследовательского университета «МЭИ».

И90

Историография истории России : учеб. пособие для бакалавров / А. А. Чернобаев [и др.] ; под ред. А. А. Чернобаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 552 с. : 32 с. илл. — Серия : Бакалавр. Базовый курс.

ISBN 978-5-9916-3303-1

В пособии излагаются узловые проблемы истории исторической науки в России с древнейших времен до наших дней. Особое внимание уделено ее состоянию в XX столетии. Учитывая современный уровень развития отечественной историографии, авторы в ряде случаев пересмотрели устоявшиеся выводы и оценки.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Книга поможет студентам и аспирантам, всем интересующимся историей русской исторической науки расширить базовые представления о пути, пройденном ею с момента возникновения до начала XXI в.

УДК 930.2(075.8)

ББК 63.3(2)я73

Б-211188

Научная библиотека
УНЦ РАН

© Коллектив авторов, 2010

© Коллектив авторов, 2013, с изменениями

© ООО «Издательство Юрайт», 2014

ISBN 978-5-9916-3303-1

Оглавление

Авторский коллектив	9
Предисловие	10
Глава 1. Историография как история исторической науки	14
1.1. Теоретические и методологические проблемы истории исторической науки России	15
1.2. Этапы развития исторической науки в России	27
<i>Рекомендуемая литература</i>	<i>35</i>
 Раздел I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ЭПОХИ ПЕТРА I	
Глава 2. Историография: XI—XV века	38
2.1. Исторические знания в Древней Руси в XI — начале XIII века	38
2.2. Исторические знания периода монголо-татарского нашествия и установления ордынского ига в XIII веке	49
2.3. Исторические знания в XIV—XV веках	55
<i>Источники</i>	<i>64</i>
<i>Рекомендуемая литература</i>	<i>64</i>
Глава 3. Развитие исторических знаний в XVI—XVII веках	66
3.1. Летописи и хроники XVI века	67
3.2. Новые формы исторических сочинений и летописи XVII века	69
3.3. Сибирское летописание	71
3.4. Посольский приказ	72
3.5. Записной приказ	74
3.6. Сочинения о разинском восстании. «Синописис»	75
3.7. Симеон Медведев	77
3.8. Илья Римский-Корсаков	79
3.9. «Скифская история» Андрея Лызлова	82

3.10. Зарождение критики источников.....	84
<i>Источники</i>	86
<i>Рекомендуемая литература</i>	86

Раздел II. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА XVIII ВЕКА

Глава 4. Петровские реформы и русская историография.....	88
4.1. Условия развития исторического самосознания	88
4.2. Петр I и история	90
4.3. «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева	95
4.4. Исторические труды о царствовании Петра I. П. П. Шафиров	97
4.5. Поиски, публикация, критика источников	101
<i>Источники</i>	104
<i>Рекомендуемая литература</i>	104
Глава 5. В. Н. Татищев — «Отец русской истории»	105
5.1. Историограф второй четверти XVIII века	106
5.2. «История Российская с самых древнейших времен»	110
5.3. Труды по экономике и географии.....	117
5.4. Значение В. Н. Татищева в становлении отечественной историографии	120
<i>Сочинения В. Н. Татищева</i>	122
<i>Рекомендуемая литература</i>	122
Глава 6. Историография второй четверти и середины XVIII века. Деятельность Академии наук	123
<i>Источники</i>	136
<i>Рекомендуемая литература</i>	137
Глава 7. Просветительство и историография России второй половины XVIII века	138
7.1. Новые направления в историографии	143
7.2. Интерес общества к истории	150
7.3. История в художественной литературе и изобразительном искусстве	153
7.4. Преподавание истории в учебных заведениях	154
<i>Источники</i>	156
<i>Рекомендуемая литература</i>	157

Раздел III. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Глава 8. Н. М. Карамзин. «Колумбы российских древностей» и их современники.....	160
8.1. Н. П. Румянцев и его кружок	160
8.2. Становление Н. М. Карамзина как историка	162
8.3. «История государства Российского»	164
8.4. Источники «Истории государства Российского»	166
8.5. Трактровка исторического факта.....	166
8.6. Общая концепция русской истории	167
8.7. Периодизация истории России	169
8.8. Отражение идей XIX столетия в исторической схеме Н. М. Карамзина	169
8.9. Значение «Истории государства Российского»	170
<i>Сочинения Н. М. Карамзина.....</i>	<i>174</i>
<i>Рекомендуемая литература</i>	<i>175</i>
 Глава 9. Развитие исторической науки во второй трети XIX века.....	 176
<i>Источники</i>	<i>200</i>
<i>Рекомендуемая литература</i>	<i>201</i>
 Глава 10. Славянофилы и западники в исторической науке середины XIX века	 202
10.1. Славянофилы	202
10.2. «Государственная школа» в русской историографии	207
10.3. Развитие исторической мысли в трудах общественных деятелей	223
<i>Источники</i>	<i>228</i>
<i>Рекомендуемая литература</i>	<i>228</i>
 Глава 11. С. М. Соловьев. Формирование органической концепции истории России	 230
11.1. Начало жизненного пути.....	231
11.2. Магистерская и докторская диссертации.....	233
11.3. Профессор Московского университета.....	235
11.4. «История России с древнейших времен»	238
11.5. «Величайший ученый XIX века»	245
<i>Сочинения С. М. Соловьева</i>	<i>247</i>
<i>Рекомендуемая литература</i>	<i>247</i>

Глава 12. Русская историография 60—80-х годов

XIX века.....	248
12.1. Источниковедение.....	260
12.2. Историография.....	262
<i>Источники.....</i>	<i>268</i>
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	<i>268</i>

Глава 13. В. О. Ключевский и историческая наука

в пореформенный период.....	270
13.1. Личность и творческий путь ученого.....	271
13.2. Теоретические основы исторического процесса.....	273
13.3. Исследования по социальному и экономическому строю общества.....	278
13.4. Концепция русской истории.....	280
13.5. Исторический источник и историография.....	287
13.6. Место В. О. Ключевского в отечественной исторической науке.....	291
<i>Сочинения В. О. Ключевского.....</i>	<i>292</i>
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	<i>293</i>

Глава 14. Историческая наука в России

конца XIX — начала XX века.....	294
14.1. Новые подходы к осмыслению прошлого.....	294
14.2. Концепции истории России.....	299
14.3. Марксистская концепция истории России.....	313
14.4. Развитие специальных и вспомогательных дисциплин.....	323
<i>Источники.....</i>	<i>327</i>
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	<i>328</i>

Раздел IV. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Глава 15. Октябрьская революция и историческая

наука.....	332
15.1. Становление марксистской исторической науки.....	333
15.2. Историки «старой школы» в Советском государстве.....	348
15.3. Историческая наука русской эмиграции.....	356
<i>Источники.....</i>	<i>363</i>
<i>Рекомендуемая литература.....</i>	<i>364</i>

Глава 16. Сталинизм и история.

30-е — середина 50-х годов XX века.....	365
16.1. Партийно-государственное руководство исторической наукой.....	365

16.2. Изменение организационной структуры советской исторической науки.....	372
16.3. Основная проблематика исторических исследований в 1930-е годы.....	374
16.4. Советская историческая наука в годы Великой Отечественной войны.....	379
16.5. Советская историческая наука в первое послевоенное десятилетие	382
<i>Источники</i>	391
<i>Рекомендуемая литература</i>	391
Глава 17. «Оттепель» в советской исторической науке. Вторая половина 50-х — 60-е годы XX века	393
17.1. Начало либерализации советской исторической науки.....	393
17.2. Методологические поиски советских историков	395
17.3. Консервативные тенденции в исторической науке.....	397
17.4. Расширение источниковой базы.....	399
17.5. Проблематика научных исследований.....	400
<i>Источники</i>	413
<i>Рекомендуемая литература</i>	413
Глава 18. Советская историография 70-х — первой половины 80-х годов XX века	415
18.1. Организация научных исследований.....	415
18.2. Теоретико-методологический уровень исторической науки.....	417
18.3. Борьба с инакомыслием.....	420
18.4. Проблематика научных исследований.....	424
<i>Источники</i>	434
<i>Рекомендуемая литература</i>	434

Раздел V. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Глава 19. «Перестройка» и историческая наука. Вторая половина 80-х — начало 90-х годов XX века.....	436
19.1. Писатели и публицисты об истории.....	436
19.2. Появление новых исследовательских проблем	439
19.3. Начало реформирования исторического образования	441
19.4. Изменения в источниковой базе.....	443
19.5. Изменение отношения к зарубежной историографии.....	444

19.6. Обновление методологических подходов к отечественной истории	446
19.7. Научная проблематика.....	450
<i>Источники</i>	456
<i>Рекомендуемая литература</i>	456
Глава 20. Историческая наука России в первой половине 1990-х годов	458
20.1. «Кризис» отечественной исторической науки	458
20.2. Реорганизация системы исторического образования	459
20.3. Реформирование архивного дела в России.....	461
20.4. Методологическая революция	463
20.5. Расширение круга исторических источников.....	466
20.6. Проблематика научных исследований	467
<i>Источники</i>	476
<i>Рекомендуемая литература</i>	477
Глава 21. Российская историческая наука конца XX — начала XXI века.....	478
21.1. Изменения в сфере исторического образования.....	478
21.2. Развитие источниковой базы	480
21.3. Теоретико-методологические основы	482
21.4. Особенности современных историографических источников.....	485
21.5. Проблематика научных исследований	488
<i>Источники</i>	496
<i>Рекомендуемая литература</i>	497
Заключение	498
Краткая библиография	500
Указатель имен	504

Авторский коллектив

Чернобаев Анатолий Александрович (руководитель авторского коллектива) — доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный редактор журнала «Исторический архив» (предисловие; гл. 1 — совместно с В. Д. Камыниным; гл. 5 и 7 — совместно с Н. М. Рогожиным; гл. 11; гл. 12—14 — совместно с А. Е. Шикло; гл. 15—21 — совместно с В. Д. Камыниным; заключение; краткая библиография; указатель имен; подбор иллюстраций);

Бондаренко Анна Федоровна — доктор исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Исторический архив» (гл. 2);

Камынин Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (гл. 1, 15—21 — совместно с А. А. Чернобаевым);

Рогожин Николай Михайлович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (гл. 3, 4, 6, 8; гл. 5 и 7 — совместно с А. А. Чернобаевым);

Шикло Алла Ервандовна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (гл. 9, 10; гл. 12—14 — совместно с А. А. Чернобаевым).

Предисловие

Настоящее учебное пособие посвящено узловым проблемам истории отечественной исторической науки. Свою главную задачу авторский коллектив видел прежде всего в том, чтобы дать студентам высших учебных заведений, аспирантам, соискателям, сдающим кандидатский экзамен по общенаучной дисциплине «История и философия науки», всем интересующимся развитием исторической мысли необходимый объем знаний по русской историографии, расширить их базовые представления о пути, проделанном наукой с момента ее возникновения до настоящего времени. При этом авторы, используя достижения в развитии отечественной и мировой историографии, в ряде случаев пересматривают устоявшиеся выводы, оценки и представления.

История исторической науки до 1917 г. получила широкое отражение в ранее изданной научной и учебной литературе, в том числе новейшей. С учетом этого особое внимание в предлагаемой работе уделено советскому и постсоветскому периодам, которые рассматриваются в неразрывном единстве с предшествующими этапами.

По признанию ведущих специалистов в области методологии, историческая наука XX — начала XXI в. в своих существенных параметрах во многом отличается от классической историографии XIX столетия. Б. Г. Могильницкий в курсе лекций «История исторической мысли XX века» пришел к выводу, что одной из важнейших предпосылок развития *мировой исторической науки* «являются ее глубинные мотивации, обусловленные внутренними закономерностями трансформации исторического познания. Только благодаря этому она собственно и может претендовать на статус научной дисциплины». Вместе с тем, полагает ученый, в современных условиях особое значение приобрели глобальные процессы, пронизывающие XX в., ибо «историческое познание, будучи самопознанием общества, может быть понято в своих существенных чертах только в контексте свершившихся в об-

ществе перемен». В полной мере эти положения применимы к развитию *отечественной исторической науки* в XX — начале XXI в., ведущие тенденции которой анализируются в пособии сквозь призму взаимоотношений истории и современности.

Наряду с рассмотрением конкретно-исторических условий и обстоятельств появления научных концепций и их сути, в пособии кратко излагаются биографии видных представителей отечественной исторической науки. Н. Л. Рубинштейн в книге «Русская историография» писал: «Связи общественные, связи идеологические, личный идейный рост самого изучаемого историка и развитие его научной деятельности — таковы элементы, без которых невозможно историографическое изучение. В ряде случаев эта общественная и научная биография не только раскрывает научные предпосылки, но дает как бы вторичную проверку, материал, дополняющий научный анализ». Еще ранее, на рубеже XIX—XX вв., выдающийся русский ученый А. С. Лаппо-Данилевский справедливо подчеркивал: «Историки — аккумуляторы исторических знаний общества», однако давать «исключительное преобладание изучению личности историка значит превращать историографию в сборник биографий». Несмотря на очевидную неполноту включенных во все главы книги биографических сведений об историках, это позволяет дать картину развития историографии в лицах, раскрыть творческую лабораторию ученых, кратко охарактеризовать их основные исторические труды.

Все главы (кроме первой) представляемого издания сгруппированы в пять разделов. Такое структурирование, по мнению авторов, отражает основные периоды развития отечественной историографии с XI по начало XXI в.

Раздел 1. Исторические знания с древнейших времен до эпохи Петра I.

Раздел 2. Российская историческая наука XVIII в.

Раздел 3. Развитие исторической науки в XIX — начале XX в.

Раздел 4. Советская историография.

Раздел 5. Историческая наука конца XX — начала XXI в.

На протяжении веков весомый вклад в познание прошлого вносили все народы, населявшие Россию. Активно развиваются национальные исторические школы и в настоящее время. Не имея возможности раскрыть в пособии все их многообразие, авторский коллектив ставит своей целью изложить историю развития главным образом русской исторической науки.

Создание обобщающего историографического труда, аналогичного «Очеркам истории исторической науки в СССР» (в 5 т., М.: Наука, 1955–1985), но написанного с учетом изменившегося после 1991 г. самого понятия «отечественная историческая наука», с новых методологических позиций и доведенного до начала XXI в., — дело будущего.

В конце каждой главы приводится библиография, включающая основные историографические источники и литературу. В краткой библиографии в конце книги — историографические труды, изданные в 2001–2012 гг. Все даты до 1 февраля 1918 г. даны по старому (юлианскому) стилю.

Целью изучения дисциплины «Историография истории России» является усвоение студентами важнейших исторических концепций с XI по начало XXI в. включительно. Полученные при изучении дисциплины знания необходимы для углубленного понимания процесса развития российской историографии, а также в исследовательской и преподавательской работе.

Задачами курса являются:

- в хронологической последовательности изучить развитие исторической науки в России;
- выработать навыки работы с историческими источниками и научной литературой.

В результате изучения дисциплины студент должен:

знать

- периодизацию и основные этапы изучения истории России;
- труды выдающихся историков России и их вклад в отечественную историографию;
- основные этапы развития российской историографии;

уметь

- раскрывать смысл и значение исторических понятий; выявлять причинно-следственную связь в развитии историографии;
- находить материалы по истории исторической науки в России в Интернете и анализировать их;

понимать

- значение исторической науки и историографии на современном этапе развития Российского государства и общества;
- необходимость знания истории исторической науки для развития личности и профессионального роста;
- сущность исторического подхода в научном познании;

владеть навыками

- анализа развития отечественной историографии с учетом событий и явлений политической, экономической, социальной и культурной жизни России;
- оценки развития истории отечественной исторической науки со своей точки зрения.

Авторы выражают признательность рецензентам: заведующему кафедрой истории Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктору исторических наук, профессору А. И. Уткину и доктору исторических наук, профессору, заведующей кафедрой истории и культурологии Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» М. И. Смирновой за полезные рекомендации и пожелания, а также ценные замечания, которые были учтены при подготовке пособия.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ КАК ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В наше время термин «историография» употребляется в нескольких основных смыслах:

- «историописание», т.е. непосредственное изучение отечественной или всеобщей истории;
- история изучения конкретной исторической проблемы («проблемная историография»);
- специальная научная дисциплина, изучающая историю исторической науки.

Наряду с этим историография рассматривается также в территориальном (русская, зарубежная, национальная) и хронологическом (дореволюционная, советская, современная) значениях. Для большинства современных ученых историография — это наука о развитии научного исторического знания, либо как совокупность трудов (представлений) по истории изучения какого-либо **события или процесса**.

Историография преподается в высших учебных заведениях, которые готовят профессиональных историков. Ее знание необходимо каждому из них. Академик Е. А. Косминский начинал свой лекционный курс по историографии в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова словами: «Если история есть самосознание общества, то историография есть прежде всего самосознание историка. В ней он осознает прошлое, пути и законы развития своей науки, определяет ее границы, возможности и будущее. Если без знания истории общество — слепое, то без историографии историк — не историк. Он должен знать историю своей науки, чтобы знать свое место в ней, определять направление своей деятельности».

1.1. Теоретические и методологические проблемы истории исторической науки России

Историография как специальная отрасль исторического знания является важнейшей составной частью исторической науки. Историческая наука прошла долгий и сложный путь, и специалистам необходимо осмыслить этапы этого пути, подвести итоги проделанной работы и поставить новые задачи. Все это возлагается на историю исторической науки. Таким образом, историческая наука является основой для развития историографии.

Длительное время историография воспринималась как одна из многочисленных вспомогательных исторических дисциплин, задачей которой являлось обеспечить историков знаниями об их предшественниках в изучении той или иной конкретной исторической проблемы. От историографов требовали практических рекомендаций: какие проблемы в исторической науке изучены хорошо, какие — недостаточно, и на что, в связи с этим, следует обратить особое внимание.

Во второй половине XIX в. благодаря усилиям ученых, специально занимающихся историографическими исследованиями, историография получила статус специальной отрасли исторических знаний со своим предметом, объектом и задачами. В настоящее время специалисты говорят об относительной самостоятельности историографии, которая изучает не только процесс накопления знаний о развитии человеческого общества, эволюцию исторической мысли, труды историков, концепции, их обоснование и аргументацию, но и условия существования исторического знания, организацию научных исследований, влияние на развитие исторической науки политики государства.

История исторической науки тесно связана с историей общественной мысли, которая является частью национального самосознания, активно влияющей на развитие исторической науки. Круг изучаемых историографами факторов вышел далеко за пределы собственно описания исторического прошлого, что делает историографию составной частью истории культуры в целом.

Первоочередной задачей историографии является выявление существенных черт, закономерностей историко-познавательного процесса в России, определение теоретических и методологических основ исторического познания, источниковой базы и методов работы с источниками, проблематики истори-

ческих исследований и сформулированных на этих основах общих и конкретных концепций истории России на том или ином этапе развития исторической науки.

Одна из задач историографии — изучение методики и технологии исторического исследования. Это сближает историографию с другими специальными историческими дисциплинами — источниковедением, археографией, архивоведением, археологией и др. Связь между ними заключается, во-первых, в том, что историография изучает историю развития этих дисциплин, во-вторых, историограф в своей работе использует их инструментарий. Они вооружают историографа знаниями о том, какие теоретические идеи и источники были в распоряжении исследователя в данных конкретных условиях, каковы были методы и методика их изучения, чем определялась проблематика исторических исследований. Все это в свою очередь связывает историографию с историей философии, социологией, историей культуры, исторической психологией, собственно историей России, позволяет ей отойти от описательности, библиографичности, простой регистрации вышедшей литературы, изложения ее содержания и сосредоточиться на изучении истории исторической науки.

Проблемная историография. Историографический анализ является составной частью познавательной деятельности в исторической науке. В любом крупном историческом исследовании речь идет об анализе литературы по какой-либо проблеме. Историографические обзоры присутствуют в качестве обязательного элемента в кандидатских и докторских диссертациях. **Бакалаврские и магистерские** сочинения студентов высших учебных заведений также сопровождает историография изучаемой проблемы. Можно сказать, что историографией занимаются все ученые-историки, чтобы не писать историю с «чистого листа» и не «изобретать велосипед».

Одна из задач проблемной историографии на современном этапе — традиционная и заключается в подведении итогов изучения проблемы в предшествующий период, выявлении дискуссионных или слабообработанных вопросов, определении путей дальнейшего исследования проблемы. Другая задача проблемной историографии является более сложной — на основе ценностного подхода выделить в предшествующей историографии то, что имеет значение для современного этапа развития научных знаний (фактический материал, идеи, постановку проблемы).

5-211188

Историография показывает, что проблематика научных исследований по отечественной истории постоянно меняется. Каждый этап в развитии общества нацеливает историков на изучение определенных (актуальных) проблем. Их возникновение объясняется либо появлением новых возможностей для ее изучения (открытие новых источников, совершенствование методики источниковедческого анализа и т.д.), либо, чаще всего, формулированием обществом новых запросов к прошлому. Так, экономические и политические реалии современной России вызвали повышенный интерес историков к изучению реформ и реформаторства в стране, истории предпринимательства, казачества, имущих слоев населения. Активно исследуются история повседневности, менталитет, гендерный аспект в России и др.

Историография и политика. Историография, как всякая научная дисциплина обществоведческого плана, подвержена влиянию со стороны идеологии, государственной власти, что неизбежно приводит к конъюнктуре в исследованиях. Зависимость историографии от политики проявлялась на всех этапах развития, начиная с летописного периода. Однако на различных этапах взаимодействие внутренних и внешних факторов исторической науки на различных этапах проявлялось в разной степени.

В дореволюционной России исторические сочинения нередко писали по правительственному заказу, действовали предписания цензорских органов о создании трудов по русской истории и Синода — по истории Русской православной церкви. И в то же время имели место преследование инакомыслящих, запрещение на занятие преподавательской и научной деятельностью.

На рубеже XIX—XX вв. российские ученые открыто заявили о своих политических пристрастиях; их исследования отражали интересы определенной политической партии. В связи с этим изменилась проблематика научных работ — гораздо чаще, чем раньше, история современности выступала объектом научного творчества.

Наиболее ярко взаимосвязь историографии и политики проявилась в советский период в условиях идеологического давления партийно-политической элиты на науку. От историков требовали неукоснительно следовать принципу коммунистической партийности, что повлекло за собой появление в историографии ненаучных явлений, таких как догматизм, субъективизм, конъюнктурщина, нетерпимость ко всякому

инакомыслию, игнорирование опыта, накопленного мировой исторической наукой.

Взаимосвязь науки и политики ощущается и в современной историографии. Применение концепции тоталитаризма к характеристике советской истории и историографии, негативная оценка этого большого этапа в развитии отечественной истории и историографии приводят к нарушению преемственности в развитии исторического знания.

Историография и общество. Отношения историографии как научной дисциплины с обществом реализуется не непосредственно, а через историческую науку. Исторические знания являются важной составной частью духовной жизни, которая обусловлена развитием общества. Оно требует от историков создания исторических представлений, соответствующих социальным ожиданиям социума.

Общество создает условия для изучения истории, оказывая влияние на организацию научных исследований, подготовку кадров историков, предоставляя возможность использовать исторические источники, публиковать созданные на их основе произведения. Формулирование соответствующих конкретному периоду времени задач приводит к тому, что на каждом этапе развития общества происходит интенсивное обновление исторического знания. Весьма распространенным является мнение о том, что каждое поколение создает заново свое представление о прошлом. В то же время сами исторические знания формируют представления в обществе, оказывая влияние на массовое сознание и содержание художественных произведений.

Мировая историография истории России. Изучение истории России в зарубежной историографии имеет длительную традицию. Распространение в Европе достоверных данных о русской истории связано с деятельностью первых иностранных ученых, приглашенных в разные годы для работы в Российской академии наук (Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер и др.). А. Л. Шлецер в 1867 г. после возвращения в Германию стал одним из создателей немецкой школы русистики. С тех пор развитие российской и зарубежной историографии о России тесно переплеталось.

Центры русистики и славистики были созданы во многих университетах и научных учреждениях Восточной и Западной Европы, США, Канады, Японии. Большой вклад в их деятельность внесли русские историки-эмигранты.

Российскую и, прежде всего, советскую историю активно изучали за рубежом в годы «холодной войны». Работы мно-

гих иностранных ученых по «советологии» и «кремлеведению» обосновали идеологическое противостояние двух систем с различным общественным строем. Вместе с тем зарубежное научное сообщество не было единым в отношении того, что происходило в советской истории. В нем выделялось консервативное, ревизионистское и прокоммунистическое направления.

В России по-разному воспринимали то, что писали о стране зарубежные авторы. В дореволюционное время на страницах исторической периодики публиковались рецензии на зарубежную, по преимуществу западноевропейскую, литературу по русской истории. Многие исследования о России переводили на русский язык и издавали в нашей стране. Их активно использовали отечественные ученые при изучении тех или иных проблем.

В СССР научному анализу зарубежной и эмигрантской историографии истории России уделялось мало внимания. Партийно-государственные органы делали все, чтобы «оградить» советского читателя от подобной литературы. Насаждалась мысль о политизированности западных исследований и их антисоветской направленности. Работы западных ученых, даже приобретенные советскими научными учреждениями, помещались в специальные хранилища библиотек, для доступа к ним и использования требовался особый допуск. Таким образом, эти работы становились достоянием узкого круга лиц. Переводилась и издавалась литература «прогрессивных» иностранных историков прокоммунистического и ревизионистского направлений и историков из стран мировой социалистической системы.

До Второй мировой войны советские историографы выступали с критикой зарубежных и российских эмигрантских историков, разоблачая антисоветскую сущность их трудов. После войны в советской исторической науке появился жанр историографических исследований, направленных на разоблачение «буржуазной фальсификации» истории России. Многие историографы специализировались на критике зарубежной историографии.

С «перестройкой» связано установление регулярных контактов российских и зарубежных историков. Проведение совместных круглых столов, симпозиумов, участие иностранных исследователей в научных конференциях, широкое издание их трудов сначала в СССР, а затем в России обогатило отечественную историографию. Наиболее заметно это в области

теории, философии и методологии истории. Отечественные исследователи активно используют опыт осмысления исторического прошлого, инструментарий научного исследования, накопленные в мировой историографии.

В то же время вызывает большое сожаление, во-первых, некритическое использование некоторыми современными российскими авторами зарубежных теоретических конструкций, которые разрабатывались в определенных конкретно-исторических условиях. Во-вторых, немалые трудности создает чрезмерное перенасыщение исследований иностранными научными терминами, трактовка которых зачастую неоднозначна; кроме того, многие из них имеют аналоги в русском языке.

Предмет и задачи историографии. Как любая научная дисциплина, историография имеет свои объект и предмет изучения, выполняет определенные задачи, использует большой набор принципов и методов историографического исследования.

Объектом историографии в настоящем учебном пособии является история дореволюционной, советской и современной отечественной исторической науки. История эмигрантской российской исторической науки затрагивается лишь частично в связи с судьбами конкретных российских историков, вынужденных в силу различных обстоятельств покинуть Родину и продолживших свое научное творчество за границей. *Предмет* историографии — изучение отечественной истории в исторической науке нашей страны.

Важнейшие задачи историографии:

- изучение организации научных исследований, что подразумевает анализ деятельности научных учреждений, высших учебных заведений, краеведческих и других самостоятельных обществ по развитию исторических знаний;
- изучение периодики по распространению исторических знаний;
- изучение влияния исторического образования на подготовку и уровень развития ученых историков;
- формирование теоретико-методологических основ исторической науки;
- развитие и совершенствование методов исторического исследования;
- формирование источниковой базы исторической науки;
- анализ проблематики научных исследований по различным проблемам отечественной истории.

Все эти составные части историографии рассматриваются в неразрывной связи друг с другом с учетом воздействия на них внутренних и внешних факторов.

Принципы периодизации. Периодизация истории исторической науки позволяет не просто определить этапы развития, но и выделить главное в эволюции историографии. Любая периодизация в науке является условной и зависит от того, какой принцип лежит в ее основе.

Первые попытки периодизации историографии относятся ко второй половине XIX — началу XX в. В это время завершается формирование историографии как научной дисциплины, в распоряжении ученых оказывается достаточно большое количество историографических источников для осмысления. Большая часть ученых начало развития русской историографии относили XVIII столетия, связывая этот момент либо с В. Н. Татищевым, либо с первыми иностранными историками, приглашенными для работы в Российской академии наук. Дробить этот небольшой промежуток времени на этапы для них не было никакого смысла.

Принципы периодизации истории исторической науки в России были различными. И. В. Лашинков и В. О. Ключевский исходили из ее тесной связи с положением страны. Они писали о важной роли крупнейших событий в развитии исторической науки.

П. Н. Милюков свою периодизацию — с конца XVII в. (с «Синописа») до Карамзина (включительно) и после Карамзина до 30—40-х гг. XIX в. — обосновывал формированием в обществе основных взглядов и теорий. В этой периодизации учитывалось не только значение идей Н. М. Карамзина для развития русской исторической науки, но и профессионализм кадров историков, степень западноевропейского влияния на них.

В советское время периодизация истории исторической науки соответствовала марксистской концепции исторического процесса, в основе которой лежал формационный подход. Советские историки подчеркивали органическую связь между исторической наукой и социально-экономическими процессами, происходящими в обществе. В результате русскую историческую науку разделили на четыре периода:

- 1) феодальная историография;
- 2) буржуазная историческая наука;
- 3) кризис буржуазной исторической мысли и создание марксистско-ленинской науки;
- 4) историческая наука советского периода.

В каждом из указанных периодов существовала своя периодизация, как правило, связанная с этапами развития Российского государства (историография Древнерусского государства, феодальной раздробленности Руси, централизованного Русского государства), с определенной фазой общественно-экономической формации (историография формирования капиталистического уклада, кризиса феодально-крепостнической системы, пореформенного развития, империализма), с этапами развития советского общества (историография периода борьбы за построение социалистического общества, упрочения и развития социалистического общества, развития социализма).

Некоторые советские историографы при разработке более дробной периодизации исходили из того, что общеисторическая периодизация не позволяет в полной мере показать особенности и своеобразие каждого этапа развития исторической науки. Они предлагали в качестве критерия при выделении отдельных этапов те изменения, которые происходили в самой исторической науке: в организации научных исследований, методологии, методике, проблематике исторических исследований.

В работах, вышедших под редакцией В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева, А. М. Сахарова, дореволюционная историография делилась на два периода: феодальный и капиталистический. В рамках первого периода выделялись этапы: возникновения и накопления исторических знаний (с древнейших времен до второй половины XVII в.); превращения исторических знаний в науку (конец XVII — середина XVIII в.); формирования, при господстве дворянской историографии, буржуазного и революционного направлений (вторая половина XVIII в.); кризиса дворянской историографии, утверждения буржуазной и оформление революционно-демократической историографии (первая половина XIX в.). Вторым периодом представлен этап утверждения капитализма — до середины 90-х гг. XIX в. и империализм.

В современной отечественной историографической литературе можно встретить различные подходы к разработке периодизации истории исторической науки. В большинстве учебников и учебных пособий она рассматривается в рамках дореволюционного, советского и современного периодов. Более разнообразной является дробная периодизация. Дореволюционную историографию в ряде случаев продолжают делить на феодальную и капиталистическую, внутри

этих периодов выделяют этапы в соответствии с общеисторической периодизацией (Г. А. Герасименко, В. А. Лабузов, В. И. Усанов). Многие современные историографы развитие дореволюционной историографии связывают с существованием в стране научных направлений и школ (А. Л. Шапиро, В. П. Макарихин, Г. Р. Наумова и А. Е. Шикло, коллектив авторов под редакцией М. Ю. Лачаевой).

Различные варианты периодизации предлагаются при изучении развития исторической науки в России в XX — начале XXI в. Большинство авторов указывают на 1917 г. как на рубеж между дореволюционным и советским периодами. В ряде работ историческая наука рассматривается на протяжении всего XX века (коллектив авторов под редакцией В. П. Корзун).

Обобщая результаты исследований историографов советского периода, периодизацию советского периода истории исторической науки в России можно представить следующим образом:

1920—1930-е гг.;

1941—1945 гг. — период Великой Отечественной войны;

1945—1955 гг. — первое послевоенное 10-летие;

1955 — середина 1960-х гг. — период «оттепели»;

1960—1980-е гг.

Высказывается мнение о чередовании в развитии советской исторической науки более либеральных (нэповское¹ 10-летие, эпохи «оттепели», «перестройки»), более консервативных (сталинизм (1930-е — середина 1950-х гг.) и «ресталинизация» (1970—1980-е гг.)) этапов. Некоторые историографы делят советскую историческую науку на 1920-е и 1930—1980-е гг. (О. А. Васьковский, В. Д. Камынин).

В рамках современного периода также выделяют этапы: «перестройки» исторической науки, первая половина 1990-х гг., вторая половина 1990-х гг. — первые годы XXI столетия (Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, Ю. А. Поляков).

Методология и методика историографических исследований. Историографические исследования в настоящее время проводятся в условиях научного плюрализма. Каждый историограф выбирает соответствующую его представлениям методологическую основу, с позиций которой оценивает исторические сочинения. Это его неотъемлемое право как ученого. Методологическая система оказывает серьезное влияние

¹ Нэп — новая экономическая политика.

на выбор научных принципов и методов исследования. Вместе с тем следует отметить одно обстоятельство — историческое произведение, написанное с позиций одной методологии, нередко оценивается специалистами, придерживающимися другой методологии, и при этом делаются выводы о необъективном подходе историка, его предвзятости и т.д.

При наличии различных методологических систем историографы не могут договориться о содержании таких важнейших теоретических понятий как «историографический факт» и «историографический источник». В данном учебном пособии под *историографическим фактом* понимается концепция ученого, реализованная им в одном или нескольких исторических сочинениях. *Историографическими источниками* выступают труды исследователей, созданные в самых разных формах: монографии, статьи, рецензии, доклады на научных конференциях, круглых столах и т.д.

Историографы изучают не только опубликованные работы ученых, но и их рукописи, архивы, научные лаборатории историков. В пособии рассматриваются лишь изданные работы, которые выступают в качестве основного историографического источника.

Историография изучает также работы публицистов, представителей смежных гуманитарных, а нередко и естественных наук. Дело в том, что историческое знание является объектом междисциплинарного исследования и привлекает многочисленных специалистов. Распространение их концепций и взглядов, представленных на страницах исторической публицистики, — одна из особенностей развития исторического знания Нового и особенно Новейшего времени.

Ученый при работе с историографическими фактами и историографическими источниками обязан изучить конкретно-исторические условия их появления, определить влияние на воззрения исследователя современной ему общественно-политической обстановки, оценить степень вклада исследователя в изучение проблемы, выявить то ценное, что имеется в историографическом источнике для современности. При этом он оперирует целой совокупностью общенаучных, исторических и междисциплинарных принципов и методов исследования.

На необходимости применения общенаучных принципов исследования в историографии настаивали советские ученые.

Академик И. Д. Ковальченко писал: «Общенаучные методы, применяемые во всех науках, рассчитаны на решение

тех или иных задач, возникающих в познавательной-исследовательской деятельности. Все они касаются существенных моментов этой деятельности, но «масштабность» их неодинакова. Одни из них выступают в качестве конкретных познавательных средств на эмпирическом и теоретическом уровнях познания (наблюдение и эксперимент, описание и измерение, анализ и синтез, индукция и дедукция и т.д.), а другие связаны с решением более широких познавательных задач (например, соотношение исторического и логического, конкретного и абстрактного, моделирование и др.)».

В советское время общенаучными (*использующимися во всех науках*) являлись принципы историзма, партийности и научной объективности. В настоящее время в историографии серьезной критике подвергаются принципы партийности и научной объективности. Многие историографы выступают против использования в историографии принципа партийности. Некоторые из них полагают, что научная объективность — это не принцип научного исследования, а его цель. Тем не менее, в современных историографических работах в том или ином виде применяются все названные общенаучные принципы исследования.

Использование в историографии принципа историзма требует от историографа обязательного соблюдения двух основных условий: во-первых, рассмотрения исторической концепции в развитии и в тех конкретно-исторических условиях, в которых она появилась; во-вторых, оценки исторической концепции в сравнении с предшествующим периодом исторической науки, что позволяет выявить процесс накопления исторических знаний, определить преемственность в развитии исторической науки. При этом недопустимо оценивать историческую концепцию с точки зрения сегодняшнего дня — это неизбежно приводит к ее модернизации.

Принцип партийности ранее предполагал обязательное выяснение и учет при анализе исторической концепции классово-вой позиции того или иного историка, его социального происхождения, принадлежность к определенной политической партии. Некоторые современные историографы считают, что «полное забвение в последние годы этого принципа в угоду общественно-политической конъюнктуре хотя и объяснимо, но вряд ли оправданно» (коллектив авторов под редакцией М. Ю. Лачаевой). Ряд ученых предлагают использовать этот принцип, переименовав его, например, в «принцип полного учета социально-субъективного в предмете исследования

и максимально возможной нейтрализации предвзятого отношения при интерпретации в оценке факта» (В. С. Прядеин). Историки, подготовившие данное пособие, разделяют мнение, что историограф обязан учитывать все факторы, влияющие на позицию, взгляды, концепцию автора анализируемого исторического произведения, на его подход к отбору исторических фактов и их интерпретацию.

Историограф активно использует в своем арсенале методику анализа исторических явлений, событий и процессов, которая применяется в исторической науке. Так, хронологический метод позволяет, выявив историографические источники, выстроить их в хронологическом порядке. Это помогает установить приоритеты в постановке проблемы и преэминентность в ее исследовании. Проблемно-хронологический метод способствует определению проблематики научных исследований, ее повторяемости или смены в зависимости от конкретного периода в развитии исторической науки. Метод периодизации указывает на общие черты исторических исследований в тот или иной промежуток времени. Компаративистский (сравнительно-исторический) метод позволяет сопоставить информацию, извлеченную из различных источников, для выявления научных школ и направлений в исторической науке.

В последнее время специалисты гуманитарных и социальных наук осознали, что, несмотря на различие направлений их деятельности, существует общий объект исследования — человек как продукт культуры во всех его проявлениях. В связи с этим историки при анализе историографических источников широко используют методы исследования других наук. Культурно-антропологический метод предполагает раскрытие позиции автора историографического источника при постановке проблемы и подбора аргументов в защиту своей точки зрения. Метод социальной психологии (психоанализ) достаточно продуктивен при анализе биографических трудов — он позволяет лучше понять эмоциональную сторону, внутренние побуждения исторических личностей. Просопографический метод (греч. «просопон» — лицо; просопография — отрасль знания о прошлом, посвященная характеристике исторических личностей) востребован при изучении биографий историков как неотъемлемой части истории исторической науки. Просопография как метод коллективной биографии полезна при изучении отдельных периодов в развитии исторической науки или научных направлений, хорошо показывает влияние жизненного пути и карьеры ученого на его

взгляды. Метод дискурсивного анализа предполагает установление корреляции между содержанием историографического источника, результатами научного исследования и социокультурным контекстом развития исторических событий и процессов.

1.2. Этапы развития исторической науки в России

Историография и история историографии как методологическая рефлексия. Историческая наука, изучая исторический процесс, приводит к появлению рефлексии в виде истории исторической науки. Историк не может не высказывать своего отношения к обсуждаемым в науке вопросам по изучаемым им проблемам. По мнению В. А. Муравьева, «исторический процесс, создав авторефлексию и исторические науки, возводит эту авторефлексию в степень, порождая историю исторических наук». Историография показывает, что между историческим процессом и представлениями историков о нем существует определенная разница, кроме того, историки по-разному воспринимают одно и то же событие. Историография пытается разобраться в причинах появления различных суждений об исторических событиях.

Развитие историографических исследований в России, в свою очередь, породило необходимость создания истории развития историографических знаний, по словам И. Д. Ковальченко, своеобразной «историографии историографии».

История историографии. Обращаясь к истории становления историографии как специальной исторической дисциплины, можно выделить в этом процессе несколько этапов.

Историография как элемент исторического исследования, как «побочный» продукт деятельности историка возникла в России в период превращения исторических знаний в науку. Российские историки, начиная с В. Н. Татищева, включали в предисловия к своим сочинениям очерки о своих предшественниках.

Специальные работы по историографии в России датируются первой половиной XIX в. Их появление связано с выходом «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Это произведение имело огромный успех среди читателей, однако многие историки встретили его неоднозначно. Историко-литературная полемика вокруг сочинения Карамзина способствовала развитию самого исторического знания.

Работы А. В. Александрова, Н. С. Арцыбашева, Я. И. Бередникова, А. С. Зиновьева, Н. И. Надеждина, А. В. Старчевского, Н. Г. Устрялова знаменовали оформление так называемой критической русской истории («скептическая школа»). Ее основатель — профессор Московского университета М. Т. Каченовский уже в 1818 г. выступил против концепции Карамзина. Историки скептической школы давали общие сведения об известных в то время исторических источниках, основных изданиях, а также об авторах исторических сочинений XVIII столетия и более раннего периода времени.

Формирование историографии как научной дисциплины происходило в середине — второй половине XIX в. Большой вклад в этот процесс внесли историографические работы С. М. Соловьева. Работая над «Историей России с древнейших времен», ученый внимательно изучал историческую литературу XVIII — первой половины XIX в.

С анализа летописей и летописных сводов начинал свои историографические наблюдения доцент Киевского университета И. В. Лашнюков. В работе «Очерки русской историографии» (1869) ученый дал периодизацию русской историографии с XI до середины XIX в. Повествование о русских историках он закончил упоминанием о молодом В. О. Ключевском.

Несомненный интерес для развития историографии как научной дисциплины представляют работы К. Н. Бестужева-Рюмина. Часть их вошла в сборник «Биографии и характеристики (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг)» (1882). В сборнике отсутствует общий анализ развития исторической науки в XVIII—XIX вв., Бестужев-Рюмин ограничился разбором концепций наиболее крупных представителей исторической науки этого периода. Наиболее подробно рассмотрены труды В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина и М. П. Погодина. В дальнейшем Бестужев-Рюмин внимательно анализировал концепцию С. М. Соловьева, делая это последовательно, по мере выхода очередных томов его «Истории России с древнейших времен».

Завершение становления историографии как научной дисциплины приходится на конец XIX — начало XX в. Профессор Киевского университета В. С. Иконников в работе «Опыт русской историографии» (т. 1, 1891; т. 2, 1908) исследовал деятельность *исторических* учреждений и организаций России. Он проанализировал русскую историческую литературу «до-научного периода» с древнейших времен до начала XVIII в.

П. Н. Милюков в сочинении «Главные течения русской исторической мысли» (1897) рассматривал основные идеи отечественных историков с конца XVII в. до 30—40-х гг. XIX в. Он дал периодизацию развития русской исторической науки, выделил наличие в ней нескольких исторических направлений, прежде всего западничество и славянофильство, исследовал развитие научных школ. Основу книги составил лекционный курс, который П. Н. Милюков читал студентам Московского университета.

В начале XX в. авторы историографических исследований оценивали развитие русской исторической науки с различных методологических позиций. В неопозитивистском ключе были написаны работы М. В. Довнар-Запольского «Исторический процесс русского народа в русской исторической науке» (1905) и Д. И. Багалая «Русская историография» (1911). С неокантианских позиций рассматривал развитие русской историографии А. С. Лаппо-Данилевский. Он предложил свою периодизацию исторической науки в России и показал генеалогию и методологические основы научно-исторических школ. Его «Очерк развития русской историографии» увидел свет в 1920 г. уже после кончины историка.

С марксистских позиций оценивал развитие отечественной исторической науки Г. В. Плеханов в «Истории русской общественной мысли». Над этим произведением он трудился с 1905 г., но не успел его завершить, доведя изложение лишь до конца XVIII в. (т. 1, 1914; т. 3, 1917).

Преподавание историографии. В университетах России проблемы историографии стали темой лекционных курсов в пореформенный период, хотя им предшествовали лекции С. М. Соловьева, прочитанные в Московском университете в 1850-е гг. об историках XVIII—XIX вв.

К. Н. Бестужев-Рюмин в лекционных курсах 1870-х — начала 1880-х гг. в Санкт-Петербургском университете и на Высших женских курсах определил общие проблемы историографии и расширил представление об историографии как науке. Его лекции отличала следующая особенность — анализируемые труды он вводил в общее русло развития исторической науки и, сравнивая с результатами предшествующих исследований, подчеркивал их научное значение.

В лекционном курсе, прочитанном в Петербургской духовной академии, М. О. Коялович проследил развитие исторических знаний в России с древнейших времен до 1880-х гг. В качестве объекта историографических исследований Коялович

рассматривал развитие только официальной исторической науки, причем делал это в духе славянофильской идеологии.

В. О. Ключевский в лекции по русской историографии в Московском университете в конце 1890-х — начале 1900-х гг. анализировал эволюцию форм исторического сознания, становление национальных традиций в русской историографии, ее ведущее значение в развитии исторической науки в России, давал портреты своих предшественников (И. Н. Болтина, С. М. Соловьева) и современников (С. Ф. Платонова, Н. Д. Чечулина, Н. А. Рожкова, В. И. Семевского, П. Н. Милокова). Начало русской историографии Ключевский связывал с летописными сводами XIII—XVI вв.

Историографические исследования в советской исторической науке. На советскую историографическую традицию первых послеоктябрьских лет большое влияние оказал М. Н. Покровский. Он раскрыл классовую сущность исторических теорий, относясь нигилистически к историографическому наследию. В работе историка «Классовая борьба и русская историческая литература» (1923), в сборнике статей под его редакцией «Русская историческая литература в классовом освещении» (т. 1, 1927; т. 2, 1929) звучала критика в адрес историков «старой школы», представители которой продолжали работать в СССР в 1920-е гг. Вместе с тем М. Н. Покровский высоко ценил своих предшественников, прежде всего С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, за введение в научный оборот огромного фактического материала, глубокое знание ими источников, научную добросовестность, литературное мастерство.

Накануне Великой Отечественной войны была опубликована книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941). В этом обобщающем историографическом труде впервые широко освещалось развитие исторических знаний в России с древнейших времен. Четвертый раздел книги, посвященный русской исторической науке в период империализма, завершали главы о вкладе в историческую науку В. И. Ленина и И. В. Сталина. При характеристике развития истории исторической науки Н. Л. Рубинштейн довольствовался главным образом анализом лишь профессиональной академической и университетской науки. Его книга в послевоенные годы подверглась резкой критике за преувеличение степени иностранного влияния на русскую историческую науку, а также за то, что он не выделял в развитии марксистской исторической науки ее ленинского этапа.

На протяжении длительного времени советские историографы работали над созданием академического труда об истории исторической науки в СССР. Для его написания в Институте истории АН СССР была создана сначала группа, а затем Научный совет по изучению истории исторической науки, которыми руководили академики сначала М. Н. Тихомиров, а позже М. В. Нечкина. «Очерки истории исторической науки в СССР», опубликованные в пяти томах в период с 1955 по 1985 г., являются наиболее крупным историографическим трудом по истории исторической науки с древнейших времен до 60-х гг. XX в. Академический труд отличался от предыдущих историографических работ советского периода тем, что, во-первых, большое место в Очерках отводилось характеристике не только профессиональной исторической науки, но и развитию революционной исторической мысли; во-вторых, впервые давался анализ советской историографии (т. 4 и 5); в-третьих, рассматривалось изучение русскими и советскими исследователями не только отечественной, но и всеобщей истории. Издание Очерков осталось незавершенным. Появление пятого тома пришлось на начало «перестройки», в ходе которой началось формирование критического отношения к советской исторической науке.

Кроме создания обобщающих трудов по русской историографии советские историографы изучали отдельные периоды и направления в развитии исторической науки в России, посвящали свои работы творчеству крупнейших русских и советских историков. Широкое развитие получила проблемная историография. Представление о ней могут дать историографические ежегодники «История и историки» (1965, 1970—1983, 1990), а также сборники «Двадцать пять лет исторической науки в СССР» (1942); «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР» (1962); «Развитие советской исторической науки: 1970—1974» (1975); «Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС». Вып. I: Советский период; Вып. 2: Дореволюционный период (1978), «Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС» (1982), в которых характеризовались достижения советских историков в изучении различных проблем отечественной истории за определенный исторический период.

Со второй половины 1950-х гг. преподавание истории исторической науки как учебной дисциплины становится обязательным на исторических факультетах университетов и педа-

гогических вузах страны. Издавались курсы лекций и учебные пособия по русской историографии, как авторские¹, так и коллективные². Во всех этих работах анализировалась дореволюционная историография.

В 1982 г. под редакцией И. И. Минца был опубликован единственный учебник по советской историографии — «Историография истории СССР. Эпоха социализма». В соответствии с господствующей в то время идеологией советская историческая наука характеризовалась в нем как вершина в развитии отечественной историографии, а марксистско-ленинская методология — как единственно верная основа для объяснения исторического процесса.

Современное состояние и перспективы развития историографических исследований. Переосмысление отечественной истории с новых теоретико-методологических позиций, которое началось в нашей стране со второй половины 1980-х гг., привело к сокращению количества историографических исследований. Историография как своеобразная форма рефлексии переживала кризис, как и сама историческая наука. Некоторые историки высказывали мнение, что историографические исследования «в своем монографически монументальном виде, как особая форма имитации мысли в исторической науке» должны «уйти в небытие, уступив место критически-провоцирующим статьям».

К середине 1990-х гг. кризисные явления в историографии были в значительной мере преодолены, и историографические исследования в России вышли на новый уровень развития. Их современное состояние существенно отличается от предыдущих этапов в развитии истории исторической науки. Во-первых, современные обобщающие историографические ис-

¹ *Иллерицкий В. Е.* Русская историография второй половины XIX века : лекции для студентов Московского государственного историкоархивного института. М., 1957 ; *Черепнин Л. В.* Русская историография до XIX в. : курс лекций. М., 1957 ; *Астахов В. И.* Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1959 ; *Астахов В. И.* Курс лекций по русской историографии: до конца XIX века. Харьков, 1965 ; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века : в 3 ч. Л., 1961—1965 ; 1971 ; *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962 ; *Шапиро А. Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982 ; *Сахаров А. М.* Историография истории СССР: досоветский период. М., 1978 ; *Муравьев В. А.* Историография истории СССР: XIX век. М., 1990 ; и др.

² Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961 ; 1971.

следования в большей степени посвящены анализу развития исторической науки в XX столетии, во-вторых, оценки этапов истории исторической науки даются с различных концептуальных позиций.

Наличие разнообразных мнений особенно отчетливо проявляется в современных оценках советской историографии. В книге «Советская историография» (издана в 1996 г. под редакцией Ю. Н. Афанасьева, научный редактор А. П. Логунов) она определяется как «особый *научно-политический феномен*, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей». В итоге, делает вывод Ю. Н. Афанасьев, «историческое творчество перестало быть творчеством». В историографическом труде «Историческая наука России в XX веке» (1997) выражена иная, более взвешенная точка зрения: раскрывая процесс развития исторической науки в советские годы, Г. Д. Алексеева считает «неразумным, опасным и вредным для науки отказываться от тех наработок и накопленного опыта, которые составили главное достижение предшествовавшего этапа деятельности историографов».

Современная научная историографическая литература отражает развитие отдельных этапов истории исторической науки в России, в частности рубеж XIX—XX вв. Исследователи дали разностороннюю характеристику этого этапа, подвергнув критике понятие «кризис буржуазно-дворянской историографии периода империализма».

Происходит дальнейшее развитие проблемной историографии. Здесь проделана определенная работа по обобщению процесса переосмысления некоторых проблем отечественной истории, который произошел на рубеже XX—XXI вв. Так, в книге Е. Б. Заболотного, В. Д. Камынина, И. Г. Шишкина «Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века» (2003) впервые предпринята попытка анализа литературы, появившейся со второй половины 1980-х гг. до начала XXI в. и посвященной проблемам социально-политической истории страны. Познакомиться с итогами изучения современными исследователями различных проблем отечественной истории позволяют сборники статей под редакцией Г. А. Бордюгова¹.

¹ См.: Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996; Исторические исследования в России -- II: Семь лет спустя. М., 2003; Исторические исследования в России -- III: Пятнадцать лет спустя. М., 2011; Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011.

Резко возрос интерес к изучению творчества отдельных отечественных историков¹. Отечественным историкам посвящены также монографии и воспоминания А. В. Антощенко, Б. П. Балуева, Н. Н. Болховитинова, Р. Ш. Ганелина, Н. А. Горской, Ю. Н. Емельянова, В. Д. Камынина, Ю. А. Полякова, А. А. Преображенского, С. С. Шмидта.

Современная учебная литература по истории исторической науки имеет ряд особенностей:

- во-первых, созданием учебников, учебных пособий и курсов лекций занимаются преподаватели многих вузов страны, в том числе периферийных;

- во-вторых, в современной учебной литературе дается анализ всех без исключения этапов истории исторической науки в России (изданы первые учебные пособия о развитии исторической науки в дореволюционный, советский и современный периоды)²;

- в-третьих, история исторической науки рассматривается на протяжении всего XX столетия³;

- в-четвертых, анализируются труды *как советских ученых, так и историков-эмигрантов*⁴;

- в-пятых, существенно обновилась методология исторических исследований;

- в-шестых, активно разрабатывается методика применения информационных технологий в историографических исследованиях (Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. М. Гарскова, Г. В. Можаяева).

Настало время показать степень изученности конкретных проблем отечественной истории на современном этапе. Для этого необходимо отказаться от пренебрежительного отношения к отдельным периодам в развитии отечественной историографии, восстановить наиболее значимые персоналии в истории исторической науки, которые попадали в разряд

¹ См.: Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1996 ; Портреты историков. Время и судьбы : в 5 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2000–2010 ; Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001 ; и др.

² См.: Русская историография XI — начала XXI века : учеб. пособие / под ред. А. А. Чернобаева. М., 2010 ; Историки России. Иконография / под ред. А. А. Чернобаева. М., 2008 ; 2011 ; Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. М., 2009 ; и др.

³ Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005 ; и др.

⁴ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Е. И. Пивовар [и др.]. М., 1999 ; и др.

инакомыслящих в силу идеологических причин (это относится ко многим представителям как дореволюционной, так и советской историографии).

Обобщающий труд по отечественной историографии, созданный на основе **новейшей** периодизации истории исторической науки, позволит представить ее развитие как поступательный процесс накопления знаний.

Рекомендуемая литература

Алексеевко, И. И. Историческая наука на новом этапе развития / И. И. Алексеевко. — Краснодар, 1997.

Балашов, В. А. Историография отечественной истории (1917 — начало 1990-х гг.): учеб. пособие / В. А. Балашов, В. А. Юрченков. — Саранск, 1994.

Бычков, С. П. Введение в отечественную историографию XX в.: учеб. пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. — Омск, 2001.

Герасименко, Г. А. История российской исторической науки (до-октябрьский период): учеб. пособие / Г. А. Герасименко. — Оренбург, 2002.

Заболотный, Е. Б. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века: учеб. пособие / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин. — Тюмень, 2004.

Историография истории России до 1917 года: в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. — М., 2003.

История и философия отечественной исторической науки: учеб. пособие / науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. — М., 2006.

Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М., 2003.

Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций: в 3 вып. / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 2001—2008.

Муравьев, В. А. Историография / В. А. Муравьев // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энцикл.: в 5 т. / редкол. В. Л. Янин (гл. ред.) [и др.]. — М., 1994—2001. — Т. 2. — М., 1996. — С. 391—396.

Наумова, Г. Р. Историография истории России / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. — М., 2009.

Прядеин, В. С. Актуальные вопросы методологии историографических исследований / В. С. Прядеин. — Екатеринбург, 1995.

Усанов, В. И. Историография отечественной истории: с древнейших времен до 1917 года: курс лекций: в 2 ч. / В. И. Усанов, В. А. Лабузов. — Оренбург, 2000.

Шапиро, А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособие / А. Л. Шапиро. — СПб., 1993.

Раздел I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ЭПОХИ ПЕТРА I

Глава 2

ИСТОРИОГРАФИЯ: XI—XV ВЕКА

2.1. Исторические знания в Древней Руси в XI — начале XIII века

Письменность на Руси появилась более чем за столетие до введения христианства в конце X в. О «русских письменах» известно уже по житию Кирилла (827—869), создателя совместно с Мефодием (815—885) славянской азбуки. Древнейшая русская надпись, сделанная кириллицей, датируется первой четвертью X в. Она была найдена в Гнёздове под Смоленском. Введение христианства (988) киевским князем Владимиром Святославичем (960-е — 1015) послужило толчком к дальнейшему развитию письменности на Руси, что имело огромное значение для накопления знаний, в том числе и исторических. Проникавшие первоначально в Киев, а затем и в другие города переводные сочинения, знакомившие читателей с библейской историей, с основными событиями истории древнего Востока и античных государств, вовлекали Древнюю Русь в мировую культурную традицию.

Не вызывает сомнений, что первые отечественные исторические сочинения появились не позже X в. Однако в результате войн, частых пожаров и других многочисленных бедствий до нашего времени они не сохранились. Тем не менее, следы их существования обнаруживаются во многих средневековых текстах.

С самого начала русская историография дала ряд крупных исторических произведений. На первом месте стоят летописи. Именно они на протяжении XI—XVI вв. являлись основным способом освещения происходивших событий. Древнейший список краткой русской летописи помещен в новгородской Кормчей книге (1280-е гг.). Вместе с «Летописцем вскоре» — сжатом хронологическом перечне, начинающемся от Адама

и заканчивающемся 829 г., — она содержит Русскую Правду, уставы Владимира и Святослава и другие источники по истории Руси XI в. Впоследствии они вошли в «Повесть временных лет», дошедшую до нас в составе летописных сводов более позднего времени: Лаврентьевской (1377), Ипатьевской (начало XV в.) и Первой Новгородской (1330-е гг.) летописей.

Крупнейшим историческим трудом ранней русской историографии является *«Повесть временных лет»*. Он стал итогом систематизации русского летописания, произведенного в начале XII в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором (1050-е гг. (?) — начало XII в.). Вторая редакция (1116) принадлежит игумену Выдубицкого Михайловского монастыря Сильвестру, третья (1118) была сделана по поручению новгородского князя Мстислава Владимировича (1076—1132).

В основу своего труда Нестор положил составленный в конце XI в. так называемый Второй Киево-Печерский свод, берущий начало в Древнейшем Киевском своде, доведенном до 1037 г. Его исходные положения были почерпнуты в греческих переводных хрониках и местном историческом материале. В 70-х гг. XI в. монах Киево-Печерского монастыря Никон Великий на основе Древнейшего Киевского свода составил Первый Киево-Печерский свод, куда включил записи исторических событий, происшедших после смерти Ярослава Мудрого (1054).

Начальный свод был дополнен документами и преданиями из устной традиции, расширена его историографическая основа, а русская история приведена в рамки традиционной христианской историографии. Основная цель «Повести» — дать историю Русской земли с древнейших времен до начала XII в. В ней максимально полно для своего времени отражены становление Древнерусского государства, его политический и культурный расцвет, а также начавшийся процесс феодального дробления.

Сложность написания труда заключалась в том, что у его составителя было большое количество противоречивых и разнообразных источников: русские сказания и жития святых, переводные исторические сочинения (византийская хроника Георгия Амартола второй половины IX в. и «Летописец вскоре» Константинопольского патриарха Никифора первой половины IX в.), охватывающие период от «сотворения мира» до IX в. Находящийся в них материал перерабатывался, нужное оставлялось, а то, что не относилось к теме, отбрасывалось. Кроме того, «Повесть временных лет» включает тексты фоль-

клорного происхождения (рассказы о смерти Олега от коня под 912 г., о мести Ольги древлянам под 945—946 гг. и др.), документальные источники (русско-византийские договоры 907, 911, 944 гг. и др.), краткие выписки из истории Византии и Болгарии. Широко была использована устная народная историческая традиция.

Подобно другим средневековым хроникам, «Повесть временных лет» открывается библейскими временами, начиная с Ноя. Обширная вводная часть написана в виде очерка, рассказывающего о событиях мировой истории. Далее Нестор показывает место Руси среди других стран Европы, Азии и Африки, при этом называя как непосредственных соседей восточных славян, так и жителей Западной и Северной Европы. Русская земля представлена страной с обширными торговыми и политическими связями. По пути «из варяг в греки» можно добраться на юг до Константинополя и на север до Балтийского моря, по волжскому торговому пути попасть в Каспийское море и дальше в богатые города Средней Азии.

Автор стремится рассказать читателю историю восточных славян от родового строя, постепенного перехода к отдельным княжениям, а затем к образованию государства с центром в Киеве. Датированная часть «Повести» начинается с 852 г. При изложении событий начала X в. рассказ летописца становится все более подробным.

Особой обстоятельностью отличается часть, повествующая о том, что происходило на Руси в XI в. Несмотря на то, что в центре исторического рассказа находятся Киев и киевские князья, «Повесть» является общерусским летописным сводом. Она включает в себя известия, относящиеся к различным землям: новгородским, черниговским, переяславским, суздальским и др. При этом она проникнута идеей общности и единства населявшего их народа.

«Повесть временных лет» достаточно полно отражает политические события того времени, в то время как общественная жизнь не привлекает внимания летописца. Созданная в стенах Киево-Печерского монастыря, она содержит краткое изложение церковной истории, ставя особые акценты на крещении и христианизации Руси.

Выдающейся особенностью «Повести» является стремление ее составителя критически отнестись к источникам. Несмотря на тенденциозное отношение к отдельным личностям и тем или иным историческим событиям, летописец порой приводит различные версии описываемого, при этом,

не только высказывая свое мнение, но и аргументируя его. Таким образом, уже на заре отечественной историографии появился труд, основанный на использовании большого количества источников, которые были подвергнуты критической переработке.

В ряду средневековых хроник «Повесть временных лет», как основной памятник восточнославянского исторического сознания, представляет собой крупнейшее явление. Ее значение выходит далеко за пределы произведения, описывающего только русскую историю.

Один из списков «Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись) под 1096 годом содержит *сочинения великого киевского князя Владимира Мономаха (1053—1125): «Поучение», автобиографию и письмо к двоюродному брату Олегу Святославичу. Этот литературный комплекс, принадлежащий одному из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры, иногда справедливо называют его завещанием детям. Большинство историков сходятся во мнении, что, вероятнее всего, оно было написано около 1117 г.*

Всю жизнь Мономах провел в борьбе с половцами и с их обычным союзником — князем Олегом Святославичем. Совершив успешные походы вглубь степей, он добился прекращения на некоторое время набегов на Русь половецких орд. Выступал князь и ярким противником междукняжеских усобиц, всеми силами стараясь предотвратить распад Русского государства. В то время оно переживало интенсивный процесс феодального дробления, ставшего результатом экономического и культурного роста отдельных княжеств. Понимая негативные последствия разобщения русских земель, большое значение Владимир Мономах придавал идеологической пропаганде политического и исторического единства Руси. Выступая на страницах своих сочинений в качестве труженика в ратных, духовных и домоустроительных делах, он взывал к самым высоким патриотическим чувствам русских людей и давал личный пример забвения обид. Не случайно княжение Владимира Мономаха (1073—1125) было временем усиления Руси.

Весьма обширную часть в историографии Киевской Руси составляют жития святых. Образцами для них служили греческие агиографические произведения. Первым известным русским агиографом был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Его перу принадлежат *«Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского» и «Чтение о житии и по-*

гублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», датируемые 1080-ми гг.

Первый памятник, преподобнический тип жития, рассказывает о земном пути игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия, начиная от его рождения, прихода в монастырь до игуменства и смерти в 1074 г. Житие описывает не только жизнь преподобного и монастырскую повседневность одной из первых обителей на Руси, но также содержит исторические сведения о политической борьбе в 1070-х гг. за киевский престол князей Святослава и Изяслава Ярославичей. При этом Феодосий выступает как активный участник этих событий, не боявшийся высказывать свое мнение по поводу конфликта братьев. В заключительной части «Жития» содержатся сведения о самом Несторе, о его приходе в монастырь при игумене Стефане, пострижении, дьяконстве, беседах с братией, «духовными мужами», знавшими святого. Материалом для труда Нестора послужили рассказы о юности преподобного, келаря Феодора и монаха Илариона, поведавшего о трудах Феодосия-игумена. Являясь одним из самых ранних творений русской оригинальной житийной традиции, Житие Феодосия Печерского задает тон всем последующим жизнеописаниям прославленных игуменов и основателей монастырей на Руси.

«Чтение» о житии Бориса и Глеба — княжеский тип жития. Оно посвящено истории убийства в 1015 г. сыновей князя Владимира Святославича Бориса и Глеба их сводным братом Святополком. Нестор начинает свое повествование издалека, с изложения библейской истории от «сотворения мира», затем он дает оценку крещению Руси, как событию чрезвычайной важности, после чего переходит к рассказу о разразившейся трагедии. В каждой из описанных ситуаций, автор подыскивает аналогию или прообраз в прошлом мировой и библейской истории.

После написания Нестором «Чтения» о Борисе и Глебе, на основе этого произведения и летописного материала было создано *«Сказание и страсть и похвала святым мученикам Борису и Глебу»* (после 1115 г.). Князья-мученики, погибшие в результате борьбы за власть между сыновьями Владимира Святославича, стали первыми, официально признанными Византией русскими святыми. Их культ имел важное государственное-политическое значение. Он освящал идею родового старшинства в системе вассальных отношений, осуждал княжеские распри, отражал стремление укрепить государственное

единство Руси на основе строгого соблюдения феодальных взаимоотношений между князьями (непротивление старшему в роде) и нравственных норм (не подними руку на брата).

Древнейшие списки «Жития» Феодосия Печерского и «Чтения» о Борисе и Глебе в составе «Сказания» о Борисе и Глебе находятся в Успенском сборнике XII в. (Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея), самом раннем памятнике восточнославянской письменности.

Еще одно агиографическое произведение, примыкающее к княжескому типу, — *«Житие Евфросинии Полоцкой»*. Это жизнеописание влучки полоцкого князя Всеслава Брячиславича, нареченной при крещении Предславой (около 1101—1173). Житие не включает обычные для подобных сочинений рассказы о посмертных чудесах, а изобилует многочисленными историческими реалиями. В нем содержатся такие сведения, как основание Евфросинией двух монастырей в Полоцке — женского Спасского в 1120-х гг. и мужского Богородицкого в 1150-х гг. Второй до наших дней не сохранился, а первый ныне носит название Спасо-Евфросиниевского. В Житии упоминается древнерусский зодчий по имени Иван, за 30 недель построивший каменный Спасский храм в женском монастыре; говорится о византийском императоре Мануиле I Комнине и Константинопольском патриархе Луке Хризверге, пославших Евфросинию по ее просьбе Эфесскую икону Божией Матери, которую привез в Полоцк «слуга» игуменьи Михаил; называются и другие реальные лица того времени. Несмотря на то, что архетип Жития до нашего времени не дошел (оно сохранилось в четырех поздних редакциях, самая ранняя из которых датируется концом XV в.), создание этого памятника русской агиографии следует относить к домонгольскому времени.

Средневековая историческая идея оформлялась и в уникальных памятниках богословской мысли. Наиболее ранним из дошедших до нас произведений такого рода считается *«Слово о законе и благодати»* митрополита Илариона (составлено между 1037 и 1050 гг., дошло в рукописях XII и XIV вв.). Оно представляет собой торжественную речь, проповедь первого русского по происхождению киевского митрополита, возведенного в 1051 г. Ярославом Мудрым (около 978—1054) на митрополичью кафедру без получения разрешения на то у константинопольского патриарха.

«Слово о законе и благодати» глубоко проникнуто историзмом. Это талантливая попытка автора осознать место сво-

его народа среди других народов. Целью Илариона является рассказ о прошлом Руси и ее настоящем, причем преподнести его так, чтобы перед слушателями раскрылась внутренняя логика этого глобального исторического события. «Слово» ярко и образно передает духовную атмосферу эпохи правления Ярослава. В нем говорится о приоритете христианской Благодати перед ветхозаветным Законом, звучат восхищенные слова о правоте исторического выбора Владимира Святославича, о его заслугах в деле крещения Руси, которое рассматривается автором в контексте мировых событий и священной истории. Имя князя Владимира поставлено в один ряд с именами Константина Великого (272—337) и тех апостолов, которые принесли благую весть жителям Римской империи, Индии, Африки. Прославляя русский народ и вместе с тем резко полемизируя с учением о «богоизбранничестве», Иларион проводит мысль о праве Руси на равенство среди других христианских народов.

«Слово» содержит также описание деяний сына Владимира Ярослава, продолжившего дело отца в возведении православных храмов и в политике распространения христианства по всем русским землям. С гордостью за свою страну говорит автор о славном ее прошлом, как залоге великого будущего. «Слово о законе и благодати» стало не только совершенным воплощением восточнославянской философии истории, призванной объяснить прошлое и настоящее нового христианского народа, но и основополагающим для книжности домонгольского периода, для самостоятельного пласта историко-графической традиции.

Своеобразным по форме произведением домонгольского периода является *похвальное слово князю Владимиру Святославичу*. До нашего времени оно дошло в переделанном виде и в поздних списках, имеющих одинаковое название: «Память и похвала князю русскому Володимиру, како крестися Володмир и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Ольга преже Володимира. Списано Иаковом мнихом». Текст «Похвалы» состоит из трех частей: Похвалы Владимиру, Похвального слова княгине Ольге и Жития Владимира. Существует точка зрения, что каждая из них имеет независимое происхождение, а все вместе они были собраны только в середине XIII в. Самым ранним временем создания (XI в.) датируются первая и третья части. Вторая, как полагают, была вставлена уже поздним редактором, включившим Похвальное слово Ольге,

содержащее легендарный рассказ о ее гробнице в Десятинной церкви, в том месте, где у Иакова о княгине была лишь краткая заметка.

Первая часть, несомненно, составлена под влиянием «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Иаков мних (монах), подобно Илариону, прославляет Владимира Святославича как крестителя Руси, сравнивает его деяния с деяниями Константина Великого, при котором христианство в Римской империи стало обретать статус государственной религии. Однако в отличие от предыдущего автора панегирик князю не столь обширен и велеречив, он краток, но вместе с тем весьма емок по содержанию. Его логическим продолжением является житийная часть «Похвалы», содержащая конкретные даты происходившего, перечень военных походов и одержанных Владимиром побед.

По сравнению с митрополитом Иларионом, дающим исключительно общую оценку такому эпохальному событию как крещение Руси, а также его широкое богословское толкование, монах Иаков выступает перед нами в большей степени как историк. Выдерживая общий панегирический стиль изложения, он представляет читателю жизнеописание князя в четкой хронологической последовательности.

XII век стал для Руси тем временем, когда объединенные ранее вокруг Киева земли стали интенсивно обособляться, княжества и отдельные города всячески старались отмежеваться как друг от друга, так и от «матери городов русских», наступил длившийся более трех столетий период феодальной раздробленности. Стремление к самостоятельности дало мощный толчок к развитию культуры средневекового города, общественной мысли, исторических знаний. Ввиду повышения интереса к местным событиям, этот процесс, носивший преимущественно локальный характер, нашел яркое отражение в летописании. Применительно к предыдущему периоду можно уверенно говорить о его существовании только в Киеве и Новгороде. В XII—XIII вв. количество центров летописания значительно увеличилось. К существовавшим ранее прибавились Переяславль Южный, Чернигов, Галич, Владимир Волынский, Суздаль, Владимир-на-Клязьме, Ростов, Тверь, Смоленск, Псков, Муром, Рязань и другие города.

Первоначальные погодные записи местного значения не сохранились, они дошли до нас в составе позднейших летописных сводов. К ним, прежде всего, относятся: а) Ипатьевский свод, названный так по монастырю, в котором он хранился

в XVII в.; имеет южнорусское происхождение, повествование доведено до конца XIII в.; б) Лаврентьевский свод, названный так по имени монаха Лаврентия, который переписал его в 1377 г. по заказу великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича (1322—1383); текст доведен до 1305 г.; в) Новгородские летописи, древнейшей из которых является Новгородская Первая, известная в двух редакциях (изводах), в старшей изложение доведено до 1330-х гг.

Каждый из них имеет сложную структуру, включающую в себя известия, бравшиеся переписчиками из разных источников. Так, *Ипатьевская летопись*, кроме «Повести временных лет» с продолжением до 1117 г., состоит из Киевской летописи XII в. (события 1118—1199 гг.) и Галицко-Волынской летописи (до 1292 г.). Текст свода предваряет перечень киевских князей от Аскольда и Дира (не позднее 860—882 гг.) до Михаила Всеволодича (1238—1240). Киевская летопись также не является первоначальной. В ее основе лежат погодные записи, ведшиеся в различных землях Древней Руси. Они были упорядочены в конце XII в. игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Киевская летопись включает воинские повести о русских князьях, о борьбе за киевский стол Мономашичей и Ольговичей, содержит рассказы об убийстве князя Андрея Боголюбского Кучковичами в 1174 г., о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и др. Несмотря на то, что предпочтение в летописи отдано истории Киевской земли, в ней рассказывается и о Новгороде, Волжской Булгарии, некоторых странах Центральной Европы. Галицко-Волынская летопись, в свою очередь, состоит из двух частей: составленной в Галиции при князе Данииле Романовиче (1201—1264) и продолженной на Волыни при его брате князе Васильке Романовиче (1203—1269) и его сыне Владимире (ок. 1249—1288). Первоначально летопись представляла собой не погодные записи, а свободное историческое повествование. Хронологическая сетка была наложена позднее. Большое внимание в ней наравне с темой обороны от внешних врагов уделено культуре Галицко-Волынского княжества. Отличается летопись почти полным отсутствием церковной истории.

Более половины *Лаврентьевской летописи* занимает «Повесть временных лет», доведенная до 1110 г., с припиской Сильвестра. Остальную часть свода составляют записи южнорусских известий до начала 1160-х гг. и затем продолженные событиями, происходившими на территории Владимиро-Суз-

дальской земли вплоть до 1304 г. По мере развития повествования Лаврентий переходит от рассказов из жизни Киевской Руси к перечню событий XII в. во Владимире-на-Клязьме; в начале XIII в. его внимание переключается на Ростовское княжество; затем вперемежку следуют описания происходившего в Твери, Москве, Рязани, Новгороде и других городах. Считается, что известия, датируемые второй половиной 1160-х гг. — началом XIV в., были почерпнуты Лаврентием из Владимирского великокняжеского свода 1305 г., созданного в Твери при князе Михаиле Ярославиче (1271—1318). Лаврентьевская летопись является одним из ценнейших источников по истории Северо-Восточной Руси домонгольского периода.

Древнейшей из новгородских летописей является *Новгородская первая старшего извода*. Она состоит из двух частей: изложение событий с 1016 до 1234 г. датируется концом XIII в.; вторая половина летописи, доведенная до 1330-х гг., была написана во второй четверти XIV в.; далее следуют приписки, кончающиеся серединой столетия. В основе Летописи лежит местное летописание, ведшееся при епископском дворе, поэтому внимание составителей было, в первую очередь, обращено на события, происходившие в Новгороде. Именно общественно-политическая, церковная и культурная жизнь этого богатого центра Северо-Западной Руси стали главными темами летописи. По своей сути она больше напоминает городскую хронику. Это своеобразный свод событий различного характера (вечевые собрания, народные волнения, пожары, наводнения, голод, церковное и гражданское строительство).

Поскольку Новгородская земля постоянно находилась в соприкосновении с другими древнерусскими центрами, это не могло не найти отражения в записях, неоднократно фиксировавших наиболее важные локальные и общерусские исторические события. На страницах летописи можно прочесть о междоусобной брани на Лишице (1216), о первом сражении с монголо-татарским войском на Калке (1223), о битвах на западных русских рубежах: со шведами на Неве (1240) и с тевтонскими рыцарями близ Раковора (1268); описано монголо-татарское вторжение 1237—1240-х гг. Содержится в Летописи рассказ и о событиях в Византии в начале XIII в.

Особое место в отечественной историографии домонгольского периода занимает выдающееся произведение Древней Руси «*Слово о полку Игореве*». По мнению большинства исследователей, оно относится к концу XII в. Поводом к его на-

писанию послужил поход новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев, состоявшийся в 1185 г. Русское войско потерпело поражение, оставшиеся в живых были взяты в плен. В эпическом стиле автор описывает не только подробности самого похода, но и рассказывает о военной истории Киевской Руси, о победе над половцами, одержанной годом раньше великим киевским князем Святославом Всеволодичем (ок. 1123—1194), о княжеских междоусобицах, мешающих дать решительный отпор половцам — давнему врагу, нападавшему на Русь более столетия. При чтении «Слова» становится очевидно, что автор хорошо знает русскую историю, фольклор, свободно ориентируется в географии, ему известен не только Киев, но и другие города и княжества Древней Руси. Существуют многочисленные версии относительно авторства и времени написания «Слова о полку Игореве», однако установить их наверняка до сих пор не представляется возможным.

К XII в. относится самое раннее из известных произведений, относящихся к жанру хождений («хожений») — *«Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли»*. Это древнейшее описание паломничества в Святую землю, послужившее образцом для всех последующих русских хождений. Оно является ценным источником исторических, географических и археологических сведений о Палестине и Иерусалиме первых лет XII в. «Хождение» игумена Даниила содержит перечень имен русских князей конца XI — начала XII в., входивших в верховную коалицию князей, номинально объединенных под великим князем киевским. Они расположены по системе старшинства, разработанной по инициативе Владимира Мономаха как своеобразное средство против междоусобиц. Судя по всему, Даниил разделял радость князя за прекращение княжеских распрей. Не случайно он называет себя «Русьская земли игуменом», воспринимая себя в Палестине представителем не отдельного монастыря или княжества, а некоего единого политического целого.

Авторы многих исторических сочинений, созданных в XII и особенно в XIII в., стремились донести до читателей, что междоусобные войны представляют опасность не только для целостности страны, но и для потери ее независимости. В этой связи следует упомянуть *«Повесть о взятии Царьграда фрягами»*, повествующую о событиях в Византии в начале XIII в., когда во время четвертого крестового похода в 1204 г. Константинополь был взят крестоносцами. «Повесть» представ-

ляет собой ценный исторический источник. Полагают, что ее автором был русский, либо находившийся в городе во время происходивших событий, либо вскоре после них. Он хорошо знал топографию византийской столицы и весьма обстоятельно описал боевые действия, подробности осады, взятия города, а также чинимые при этом грабеж и насилия. Последними словами «Повести» автор словно обращается с нападением русским князьям, погрязшим в междоусобицах: «Так и погибло царство богохранимого града Константинова и земля Греческая из-за распрей цесарей, и владеют землей той фряги». Древнейший список «Повести» находится в Новгородской первой летописи старшего извода.

Действительно, идея общности русской земли проходит красной нитью через все сколько-нибудь значимые произведения периода феодальной раздробленности. Средневековых авторов всегда волновал этот вопрос, особо остро вставший после вторжения на Русь монголо-татарских завоевателей.

2.2. Исторические знания периода монголо-татарского нашествия и установления ордынского ига в XIII веке

С конца 1230-х — начала 1240-х гг. на несколько десятилетий основной темой в отечественной историографии становится монголо-татарское вторжение. О разорении городов, сражениях русских войск с иноземными захватчиками рассказывают как специальные статьи летописных сводов, так и отдельные воинские повести. Этот список открывает летописный рассказ о первом военном столкновении русских с монголо-татарами *на реке Калке 31 мая 1223 г.* Из-за феодальных распрей объединенная русско-половецкая рать тогда потерпела жестокое поражение в битве с тридцатитысячным отрядом под предводительством военачальников Чингиз-хана Джебе и Субедея. Татары преследовали русских до Днепра, но вторгнуться в пределы Руси тогда не решились. Разные версии этого повествования содержатся в Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской первой летописях. В первой Повесть представлена наиболее краткой редакцией, во второй рассказ несколько развернут, самое подробное изложение битвы на Калке содержится в Новгородской первой летописи.

Как полагают исследователи, в основе последней лежит южнорусский летописный рассказ о мужественном сопротивлении врагу великого киевского князя Мстислава Романовича

с его зятем Андреем и князем Александром Дубровецким. Вариант Ипатьевской летописи был впоследствии дополнен вставками западнорусского происхождения. В позднейших летописных сводах Повесть о битве на Калке представляет собой различные комбинации сведений, почерпнутых из трех первоначальных версий. Во всех известных вариантах красной нитью проходит мысль о том, что причиной поражения русских была разобщенность князей, отсутствие между ними единства.

Спустя 14 лет после битвы на Калке, зимой 1237 г., монголо-татары вернулись и в этот раз уже надолго. Откликом на ордынское вторжение стала *«Повесть о разорении Рязани Батыем»*. В ее основе лежит взятие города монголо-татарами в декабре 1237 г. Первый вариант рассказа об этом событии содержится в Новгородской первой летописи и является выдержкой из рязанского летописания. Сама *«Повесть»* как отдельное произведение дошла до нас в списках, старшие из которых датируются второй третью XVI в. Несмотря на то, что в них она является частью цикла о Николе Зарайском (Зарайском), созданном в 1530-е гг., к моменту включения в него она уже существовала на протяжении трех столетий. Исследователи полагают, что автором первоначального текста этой воинской повести был рязанский летописец. Его рассказ изобилует целым рядом подробностей, которые мог знать именно житель Рязани. Не случайно повествование идет от первого лица и содержит такие обороты, как «Да и мы то видевши, устрашилися быхом и грехов своих плакалися день и нощь». Со временем детали трагической гибели Рязани стали стираться из памяти, а *«Повесть»* начала обрастать легендами. В XIV в. она была дополнена словами плача рязанского князя Ингваря Ингоревича, а в следующем столетии пополнена исторической песнью о Евпатии Коловрате.

После разорения Рязани монголо-татары пошли на Владимирское княжество. В феврале 1238 г. были захвачены и разграблены 14 городов Владимиро-Суздальской земли. Лаврентьевская летопись содержит подробный рассказ о взятии Владимира. В нем говорится о том, как татары разбили стан возле стен города, о переговорах с владимирскими князьями, подготовке к штурму, сожжении спрятавшихся в Успенском соборе жителей. Впоследствии этот сюжет лег в основу отдельной воинской повести, главный герой которой — великий владимирский князь Юрий Всеволодич (1188—1238). Повесть скорее всего была составлена по двум источникам — ростов-

скому и владимирскому. В ней с потрясающей силой раскрывается трагическая картина мужественной обороны города и жестокого истребления его населения. Все происходящее автор объясняет наказанием Божьим за грехи и комментирует следующими словами: «За умножение беззаконий наших привел на нас Бог поганных, не им покровительствуя, но нас наказывая». Истинные же причины и последствия страшных разорений и опустошений были осознаны уже позже.

4 марта 1238 г. русские полки потерпели сокрушительное поражение в сражении с отрядом, возглавляемым темником Бурундаем на реке Сити. Владимирское войско подготовиться не успело, против неприятеля выступил лишь трехтысячный отряд под руководством воеводы Дорофея Семеновича. В неравном бою русские были окружены и почти полностью перебиты. Погибли также владимирский князь Юрий Всеволодич, ярославский князь Всеволод Константинович и ростовский князь Василько Константинович. После победы на Сити ордынцы взяли Торжок, двинулись на Новгород, но из-за весенней распутицы повернули назад. По пути они разорили окраины Черниговского и Смоленского княжеств.

Эти трагические события послужили поводом к написанию *«Слова о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава»*. Полагают, что оно было создано между 1237 и 1246 гг. «Слово» представляет собой отрывок не сохранившегося полностью произведения, описывавшего разгром русских княжеств полчищами Батыя в 1237—1240-х гг. Местом написания «Слова», по-видимому, была Северо-Восточная Русь, в то время как его автор имел южнорусское происхождение.

Дошедший до нас текст, судя по всему, является вступлением или первой частью памятника. Он носит типичные черты преамбул аналогичных средневековых произведений, создаваемых во время междоусобных войн и внешних агрессий. Прежде всего, это ярко выраженный патриотический характер, воспевание былого богатства, политического могущества и красоты Русской земли. «Слово о погибели» дошло до нас в двух списках (XV и XVI вв.). В обоих оно стоит в виде предисловия к *«Повести о житии Александра Невского»*, что является поздним объединением.

Вместе с тем составление самого жития Александра Ярославича (1221—1263) исследователи относят к 1280-м гг. Полагают, что идея его написания принадлежит митрополиту киевскому Кириллу (ум. 1280), с 1251 г. непрерывно пребы-

вавшему в Северо-Восточной Руси и разделявшему политику Александра Невского. Это произведение, носящее в 13 дошедших до нас списках различные названия («житие», «слово», «повесть о житии»), представляет собой слияние княжеской биографии с воинской повестью. Не вызывает сомнений, что такой синтез был обусловлен особенностями исторической эпохи, ролью князя Александра Ярославича в борьбе с западными агрессорами и его мудрой политикой с Ордой. Автор «Повести о житии», скорее всего, книжник из окружения митрополита Кирилла, был знаком с библейской и античной историей. Об этом свидетельствуют приводимые им исторические параллели («лицо его [Ярослава] — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана»). Называя себя современником князя («слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его»), он писал биографию Александра по своим воспоминаниям, по рассказам соратников князя и, возможно, его сына Дмитрия (1250—1294). Главной целью этого сочинения было изложение наиболее значимых деяний Александра Невского, как умного политика и талантливое полководца. В «Повести» содержатся подробности побед в битве со шведами на Неве (1240) и с рыцарями Ливонского ордена на Чудском озере (1242), говорится о дипломатических отношениях князя с Ордой и упоминается его категоричный ответ Римскому папе («от вас учения не примем»). При помощи приводимых в тексте библейских аналогий автор стремился запечатлеть для потомков героический образ Александра, показать его роль в деле защиты отечества.

Пройдя в 1237—1239 гг. по землям Северо-Восточной Руси, разграбив и разорив их, Батый в 1240 г. двинулся на Киев. 6 декабря после ожесточенного штурма город был взят. О разорении Киева, а затем городов Галицко-Волынского княжества подробно сообщает южнорусская летопись. Несмотря на то, что описанию взятия Киева в ней отведено меньше одной страницы, перед читателем разворачивается монументальная картина, дающая яркое представление о грандиозности и трагичности происшедшего.

После Батыева нашествия киевское и владимирское летописание прекратились. В Южной Руси летописи продолжали вести в Галицко-Волынских землях, в Северо-Западной — в принявшем на себя защиту северо-западных рубежей

Новгороде, на северо-востоке после падения Владимира летописание переместилось в Ростов.

Галицко-Волынская летопись является продолжением Киевской в составе Ипатьевского свода. Она делится на две части, отличающиеся идейной направленностью. Первая, доведенная до 1260 г., посвящена истории Галицкого княжества. Значительное место в ней отведено жизнеописанию князя Даниила Романовича (1201—1264), поэтому в науке эту часть принято называть «Летописец Даниила Галицкого». Составленный при епископской кафедре в Холме в 1256—1257 гг., он подробно описывает деяния князя, его борьбу с боярством, с польскими и венгерскими феодалами за Галицкий княжеский стол. Автор «Летописца» был современником Даниила, хорошо знал происходившие события и, возможно, даже состоял в дружине князя. Его отличало пристрастие к воинским сюжетам и батальным сценам. Он также обладал высокой книжной культурой, был знаком с переводными сочинениями и составлял летопись не как хронографический перечень событий, а вел свое историческое повествование, которое больше напоминает княжеские жизнеописания, без указания точных дат. В основе «Летописца Даниила Галицкого» несколько источников. Среди них такие, как повесть о судьбе малолетних Даниила и Василька Романовичей, Сказания о битве на Калке и о Батыевом побойе, рассказ о поездке Даниила в Орду, цикл воинских повестей о борьбе с ятвягами, предания половецкого эпоса, официальные документы и др.

Волынская летопись, охватывающая период с 1261 по 1290 г., повествует о событиях, происходивших во Владимиро-Волынском княжестве. Особое внимание в ней уделено князю Васильку Романовичу (брату Даниила) и еще большее его сыну Владимиру Васильковичу (умер в 1288 г.). Некролог последнему содержит много фактических подробностей о жизни, делах и последних распоряжениях князя. В нем подчеркивается его высокая образованность, благочестие и человеческие достоинства. Судя по всему, Волынская летопись была составлена в 1290-х гг. монахом или священником, который был в курсе описываемых им событий. В отличие от летописца Даниила Галицкого, он хорошо усвоил практику и традиции летописного дела.

Содержащиеся в Ипатьевской летописи жизнеописания Владимира Васильковича, Мстислава Даниловича, Льва Даниловича и других князей показывают, что во второй поло-

вине XIII в. в Юго-Западной Руси утвердилась новая манера исторического повествования. Возможно, сильные галицко-волыньские князья стремились подражать обычаю, получившему распространение в Византии, когда император назначал специального историографа. В его обязанности входило находиться при императоре всю жизнь, многое записывать с его слов, пользоваться архивами монарха, и на основе всего этого составлять его жизнеописание. Возвеличивая в глазах современников галицко-волыньских князей, южнорусская летопись вместе с тем воснебавляет воинскую доблесть в борьбе с внешними врагами и в целом посвящена прославлению Русской земли.

XIII веком датируются два самых ранних ростовских свода — Ярослав Всеволодича 1239 г. и свод 1263 г. Оба находятся в составе Лаврентьевской летописи. В истории ростовского летописания заметную роль сыграла княгиня Марья, дочь черниговского князя Михаила Всеволодича (1179—1246). Летопись княгини Марьи, созданная после событий 1262 г., когда по ростовским землям прокатилась волна восстаний против ордынских баскаков — наместников Золотой Орды, содержит цикл повестей о мученической кончине русских князей, не пошедших на компромисс с завоевателями. В них раскрываются такие сюжеты, как гибель в 1238 г. на реке Сити владимирского князя Юрия Всеволодича и мужа Марьи, ростовского князя Василько Константиновича, убийство в 1246 г. в Орде отца княгини и др.

Заметное место среди этих произведений занимает краткое сказание *о черниговском князе Михаиле Всеволодиче, убитом со своим боярином Феодором в Орде по приказу хана*, составленное во второй половине XIII в. (не ранее 1271 г.). Его появление связывают с установлением Марьей церковного почитания отца и его боярина и строительством в их честь церкви в Ростове. Впоследствии на основе краткого сказания было создано несколько более пространных редакций. Автором первой из них, написанной в конце XIII в., был некий священник Андрей. Она носит название «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго и Феодора воеводы первого в княжении его». Во всех редакциях «Сказания» убийство черниговского князя в Орде трактуется как гибель за христианскую веру, что в условиях монголо-татарского ига носило характер политического протеста. Несмотря на то, что точных сведений, зачем Михаил ходил в Орду, не сохранилось, в «Сказании» причиной его поездки называется жела-

ние «обличить лживость» Батыя, «совращающую христиан». Такая интерпретация являлась противопоставлением черниговского князя другим русским князьям, которые после покорения Руси монголо-татарами должны были для получения ярлыков на княжение являться в Орду. Эта трактовка придавала рассказу о гибели Михаила, пожертвовавшего своей жизнью за чистоту христианства, общерусскую патриотическую окраску. Самый ранний из дошедших до нас списков «Слова новосвятою мученику...» содержится в пергаменном сборнике XIV—XV вв.

2.3. Исторические знания в XIV—XV веках

В XIV в. возобновляются связи Руси с другими странами, прерванные монголо-татарским нашествием. Об этом свидетельствует возрождение популярного ранее жанра «хождений», в которых паломники описывают достопримечательности чужих земель. 1320-ми гг. датируется *«Сказание о святых местах в Константинограде»*, приписываемое новгородскому архиепископу Василию Калике. В 1348 или 1349 г. совершает паломничество в Константинополь Стефан Новгородец, оставивший его описание под названием *«От странника Стефанова Новгородца»*. Оно представляет как литературный, так и исторический интерес, поскольку это рассказ о том, что его автор увидел сам или слышал от своих провожатых. Сочинение Стефана Новгородца является ценнейшим источником по истории и топографии Константинополя, подробным путеводителем по городу конца 1340-х гг., содержащим немало сведений о предметах, которые неизвестны по другим средневековым описаниям столицы Византии.

В конце XIII — первой половине XIV в. на Руси возникают новые летописные центры. На исходе XIII в. начинают вестись летописные записи в Твери и Пскове, в 20-х гг. XIV в. зарождается летописание в Москве.

Ранние летописные записи Твери датируются 1280-ми гг. Они велись при дворе тверского епископа и фиксировали сведения о военных событиях, церковном строительстве, городских происшествиях и др. Первый летописный свод Твери был составлен в 1305 г. при дворе тверского князя Михаила Ярославича, занимавшего великокняжеский стол во Владимире с 1305 по 1317 г. Вобравший в себя летописные своды Южной и Северо-Восточной Руси, он имеет важное значение

в истории русского летописания, выступая ядром всего последующего исторического изложения с древнейших времен до начала XIV в.

Текст начала XIV в. был дополнен и переработан в 1319 г., затем лег в основу великокняжеского свода 1327 г., впоследствии использован московским летописанием и получил продолжение как тверская великокняжеская летопись. До нас свод 1305 г. дошел в копии 1377 г., сделанной тремя писцами, одним из которых был монах Лаврентий, оставивший запись, что начал работу 14 января, а закончил 20 марта 6885 года. По его имени летопись получила название Лаврентьевской. Она была выполнена для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича по поручению суздальского епископа Дионисия. Процветавшее в 60—70-х гг. XIV в., тверское летописание прерывается после разгрома в 1375 г. Твери великим владимирским князем Дмитрием Ивановичем (1350—1389). Спустя семь лет оно возобновляется, а в 1409 г. создается свод епископа Арсения. Отличительной чертой тверского летописания является политическая заостренность и особый интерес к темам борьбы с монголо-татарскими завоевателями. Авторы записей с болью переживали княжеские усобицы, разорение тверской земли ордынцами.

Тверское происхождение имеет *«Повесть о Шевкале»*, рассказывающая о восстании против бесчинствующего со своим отрядом в Твери ханского баскака Чол-хана (Шевкала), двоюродного брата хана Узбека. Она представлена тремя видами. Первый, самый ранний, читается в летописях, отразивших тверские своды (в Рогожской летописи и в Тверском сборнике). Здесь наиболее подробно описывается ход событий, инициатива сопротивления ордынцам принадлежит народу, но ничего не говорится о том, как был убит Шевкал («и кликнуша тверичи и начаша избивати татар, где кого застронив, донде же и самого Шевкала убиша и всех порядку»). Второй вид, находящийся в нескольких летописных сводах, приписывает инициативу выступления против Шевкала тверскому князю Александру Михайловичу (1300—1339) и сообщается, что татары были сожжены на княжеском дворе. Третий вид *«Повести»* находится в *«Предисловии летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей Тферских»* в Тверском сборнике. Она представляет собой похвалу князю и вместе с тем проникнута сочувствием к восставшим.

Полагают, что *«Повесть о Шевкале»* возникла при дворе тверских князей вскоре после того, как Иван Данилович Ка-

лита (ок. 1283—1340) получил ярлык на великокняжеский стол, а Тверь оправилась от татарского погрома, учиненного ордынцами в отместку за расправу над Чол-ханом.

«Повесть» состоит из двух частей, созданных не одновременно. В первой говорится о получении тверским князем Александром Михайловичем ярлыка на великое Владимирское княжение и о том, что Шевкал пошел на Тверь, чтобы погубить христианство, перебить русских князей и привести в Орду много пленников. Во второй довольно подробно, с яркими деталями рассказывается о бесчинствах, чинимых ордынцами, и о самом восстании. Судя по всему, начальная часть имеет более позднее происхождение. Она была присоединена в качестве своеобразного вступления к основному повествованию, записанному в самое ближайшее к дате восстания время, возможно, его очевидцем и участником. Если рассказ, легший в основу «Повести о Шевкале», носил характер документального предания, возникшего по свежим следам события, то в самой «Повести» восстание в Твери в 1327 г. получило уже более широкое историческое осмысление. Возникновение в годы монголо-татарского ига такого рода произведений выражало народный протест против иноземного гнета и имело большое патриотическое значение.

Зародившееся в XIII в. летописное дело в Пскове, в следующем, XIV столетии, стало регулярным. Оно носило официальный характер и велось в главном храме города — Троицком соборе, где хранились важнейшие городские документы. Псковским летописанием руководили выборные вечевые власти, поэтому оно преимущественно состоит из лаконичных деловых записей светского содержания, церковно-религиозные сюжеты занимают в нем мало места, сообщения же об общерусских событиях немногочисленны и кратки. Подробно в псковских летописях описываются военные столкновения псковичей с их внешними врагами — ливонскими рыцарями и Литвой. Они содержат точные указания времени и места события, называют имена участников, полны множеством деталей, свидетельствующих о непосредственности впечатлений. При составлении псковских летописей были использованы новгородские сюжеты, ряд литовских, смоленских и полоцких известий.

Тесно связана с псковским летописанием «*Повесть о Довмонте*». Она была создана во второй четверти XIV в. и дошла до нас в составе трех псковских летописей, где предвзвешивает изложение истории Пскова. К первоначальной редакции

ближе всего текст, находящийся в Псковской первой летописи; однако ни в одном из ее списков «Сказание» не сохранилось в полном виде. По своему характеру это произведение является светской биографией князя Довмонта, пришедшего в Псков из Литвы в 1266 г. вместе с дружиной. После принятия крещения с именем Тимофей он был посажен псковичами на княжение. За время своего правления (до 1299 г.) Довмонт не раз успешно проводил военные действия против Литвы и Ливонского ордена и снискал уважение и любовь псковичей.

«Повесть» посвящена воинским деяниям князя и его прославлению. Начинается она с рассказа о крещении Довмонта, далее следует описание его похода на Литву, Раковорской битвы с объединенными силами рыцарей Тевтонского ордена и Дании в 1268 г., сражения на реке Миропоповне. Все эти исторические события насыщены множеством деталей и имен, свидетельствующих о том, что автор имел в своем распоряжении конкретные документальные источники.

Во второй, меньшей, части «Повести» содержатся хвалебные слова в адрес Довмонта, который сравнивается с киевским князем Владимиром Святославичем и ставится в один ряд с новгородскими князьями Александром Невским и его сыном Дмитрием. Отмечается также его благочестие: «Сей князь не только одной храбростью отмечен был от Бога, но отличался боголюбием, был приветлив в миру и украшал церкви и попов, и нищих любил, и все праздники достойно соблюдал, наделял необходимым священников и чернецов, был милостив к сиротам и вдовицам». Заканчивает автор свой рассказ кончиной Довмонта 20 мая 1299 г. и описанием его погребения в Троицком соборе Пскова.

В основе «Повести о Довмонте» лежат летописные заметки о князе и устные предания об одержанных им победах. Несмотря на житийное начало и некоторые вставки в тексте, характерные для этого жанра, основное содержание «Повести» передано в характерной манере псковских летописей и является в большей мере историческим сказанием, чем житием. Возможно, сказание о Довмонте первоначально было составлено именно для летописи, и это объясняет то, почему оно так органично в нее включилось. Впоследствии, уже во вне-летописной редакции XVI в., из светской героической биографии князя оно превратилось в типичное житие, обильно украшенное агиографической фразеологией и собственными измышлениями автора.

С 1320-х гг. прослеживается летописание в Москве. Первый московский летописный свод был составлен около 1340 г. В его основу был положен великокняжеский свод тверского князя Александра Михайловича 1327 г., привезенный в Москву Иваном Даниловичем Калитой после подавления им восстания в Твери и получения вслед за этим ярлыка на великое Владимирское княжение (1328). Затем этот свод был сокращен, переработан на московский лад и пополнен сведениями из записей семейного летописца Ивана Калиты и летописца митрополита Петра (умер в 1326). Московское летописание велось при кремлевском Успенском соборе, построенном в 1326 г.

Во второй половине XIV в. значение Москвы стало заметно возрастать. Московская великокняжеская власть на то время была единственной реальной силой, способной возглавить объединение разрозненных русских земель в единое централизованное государство и дать организованный отпор Орде. Три десятилетия княжения внука Ивана Калиты великого князя Дмитрия Ивановича (1359—1389) ознаменовались политическим усилением Москвы, ее экономическим ростом. В 1378 г. в сражении на реке Воже русские войска нанесли сокрушительное поражение военным силам ордынцев под руководством воеводы Бегича. В Симеоновской летописи и Рогожском летописце содержится *рассказ о побоище на реке Воже в Рязанской земле*, в котором говорится, что правитель Орды Мамай послал на Московское княжество многочисленное войско, а московский князь Дмитрий Иванович, узнав об этом, вышел ему навстречу. Далее описывается сама битва и то, как ордынцы спасались бегством, а разгневанный Мамай послал новую рать на Рязанскую землю, причинив ей много зла.

Осознав возросшую силу Москвы, спустя два года Мамай предпринял большой поход на Русь, завершившийся Куликовской битвой. С этим знаменательным для русской истории событием связан цикл исторических произведений, куда входят *Задонщина*, краткая и пространная летописные повести о Куликовской битве, *Сказание о Мамаевом побоище*.

Некоторые исследователи полагают, что раньше всех, в 80-е гг. XIV в., была написана *Задонщина*, дошедшая до нас в шести списках. Это эмоциональное эпическое описание сражения на поле Куликовом, за основу которого было взято Слово о полку Игореве. Краткий летописный рассказ «О побоище иже на Дону» сохранился в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи. Изложение событий в нем

представлено в виде эпизодов, выстроенных в хронологической последовательности. Более пространное описание содержит *Летописная повесть о Куликовской битве*, находящаяся в Софийской первой, Новгородских четвертой, пятой и Новгородской Карамзинской летописях. Автор Летописной повести, опираясь на исторические и литературные источники, создал развернутый сюжетный рассказ, в котором подчеркивал роль московского великого князя Дмитрия Ивановича как защитника Русской земли и отмечал коварство Мамая и его союзников — литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега Ивановича. Очевидно, повесть была создана около середины XV в., как публицистическое произведение, целью которого была пропаганда объединения сил против врагов Русского государства. Позднее всех из сочинений Куликовского цикла датируется «Сказание о Мамаевом побоище», основную редакцию которого относят к 80—90-м гг. XV в. Созданное в церковных кругах, возможно в Троице-Сергиевом монастыре, это наиболее обстоятельное повествование о сражении на Куликовом поле. «Сказание» занимает центральное место в цикле и было намного популярнее названных выше. Насыщенное множеством подробностей и фактов, что, казалось бы, должно подчеркивать достоверность изложения, на самом деле под видом истории оно предлагает читателю разработанную в деталях легенду.

Победа на Куликовом поле определила дальнейшее развитие Русского государства. Она выявила военное превосходство объединенных русских сил над монголо-татарами, что имело важное национально-патриотическое значение, и показала, что главенствующее положение в Северо-Восточной Руси теперь занимало Московское княжество. Даже набег на Москву хана Тохтамыша, состоявшийся спустя два года после Куликовской битвы (1382), в результате которого город был разгромлен, не мог подорвать авторитет великого московского князя в глазах современников и его роль в политической жизни страны. Это событие нашло отражение в летописной повести под названием «О пленении и о прихождении Тахтамыша царя и о Московском взятии» (в научной литературе — «*Повесть о нашествии Тохтамыша*»). Она была создана на основе краткого рассказа под 1382 г. и, по-видимому, одновременно с Летописной повестью о Куликовской битве и в одном с ней кругу книжников. Старшие ее списки также содержатся в Софийской первой, Новгородских четвертой, пятой и Новгородской Карамзинской летописях. Несмотря

на ярко выраженный эпический характер «Повести», подробности изложения описываемых событий и их историчность показывают, что при ее написании было использовано несколько источников, среди которых свидетельства очевидцев занимали далеко не последнее место.

После Мама и Тохтамыш еще не раз совершались на Русскую землю ордынские набеги. Тем не менее, передавая в 1389 г. в своем завещании великое княжение старшему сыну Василию, князь Дмитрий Иванович действовал уже независимо от Золотой Орды. Весть о приближении нового, более жестокого врага — Тимура (Тамерлана, в русской транскрипции — Темир Аксака), разбившего в 1395 г. на Тереке своего соперника Тохтамыша, опередила движение его войск. Русские люди восприняли встречу с опасным противником как решительную схватку с ненавистными притеснителями. Тем чудесней оказалась неожиданная развязка: пройдя Рязанские земли, Тимур взял Елец, затем было двинулся на Москву, но, простояв у Дона около двух недель, развернулся и ушел обратно, направляясь в Крым. Этому историческому событию, очень важному для обескровленной и обессиленной к тому времени Руси, которая не смогла бы оказать достойный отпор Тимуру, посвящена «*Повесть о Темир Аксаке*». Созданная между 1402 и 1418 гг., она была призвана показать избранность Москвы как политического центра Руси, а московского князя представить правомочным наследником Киева и Владимира. Не случайно автор начинает свой рассказ, называя Василия Дмитриевича (1371—1429) благоверным и христоролюбивым великим князем, самодержцем Русской земли, а едва ли не на центральное место повествования выдвигает описание перенесения иконы Владимирской Божией Матери из Владимира в Москву. Именно с этим актом, инициированным московским князем, связывается в «Повести» чудесное спасение Москвы от Тамерлана. Это сочинение неизвестного автора, написанное в окружении великого князя Василия Дмитриевича, впоследствии неоднократно перерабатывалось. В соответствии с идеологическими противоречиями, возникавшими порой между княжеской и церковной властью, менялись акценты, и новые версии «Повести» прославляли уже не князя, а церковных иерархов. Тем не менее, основной идеей произведения по-прежнему оставалось утверждение единства Руси под началом Москвы.

Идея о единстве Руси и о главенстве Москвы была центральной мыслью не сохранившегося «Летописца великого

русского» — московской великокняжеской летописи, доведенной до 1389 г. В 1408 г. она вошла в первый общерусский летописный свод — Троицкую летопись, сгоревшую в пожаре 1812 г. При ее составлении были использованы новгородские, рязанские, тверские, ростовские, смоленские и другие источники, а повествование начиналось «Повестью временных лет» и заканчивалось набегом в 1408 г. на Русь Едигея.

Последний сюжет Троицкой летописи лег в основу летописного сказания *о нашествии на Москву Едигея*, известного в нескольких вариантах. Оно посвящено противоборству крепнущей, стремившейся к объединению Руси и Золотой Орды, пытавшейся восстановить после разгрома Тимуром свое бывшее могущество. Первоначальный текст, находившийся в Троицкой летописи, сохранился лишь в отдельных выписках; его переработка, сделанная в Твери около 1413 г., содержится в Симеоновской летописи, в которой Сказание значительно расширено. В первой его половине описывается подготовка Едигея к походу на Русь с целью заставить вновь платить Орде дань, применение им коварных дипломатических приемов, чтобы внести разлад между литовским князем Витовтом и московским Василием Дмитриевичем. Подробный рассказ об этих хитросплетениях выдает в авторе произведения не только выдающегося книжника, но и мудрого политика, призывавшего Русь и Литву объединиться против общего врага — монголо-татар. При этом он сравнивает ордынцев с половцами времени Киевской Руси, а себя — с автором второй редакции «Повести временных лет», Сильвестром, «нисавшем без прикрас и скончавшемся в почете». Во второй половине Сказания рассказывается о подробностях похода Едигея, который разорил Переяславль, Ростов, Нижний Новгород, Городец и другие города, затем осадил Москву, но взять ее так и не смог.

В целом XV в. характеризуется расцветом летописания и созданием общерусских летописных сводов — законченных произведений, имеющих определенные идеологические тенденции и соединяющих в своем тексте несколько источников. В течение этого столетия такие своды были созданы в Новгороде, Вологде, Перми, Ростове, Пскове и других городах, что являлось одним из проявлений претензий отдельных княжеств на верховную власть в стране. Для летописания XV в. характерен повышенный интерес к историческому прошлому. Это нашло отражение в помещении в начальную часть составляемого свода «Повести временных лет» или вы-

держек из нее, что имело принципиально важное идеологическое значение: история каждого княжества становилась продолжением истории всей Русской земли, а великие князья этих княжеств выступали наследниками киевских правителей. В связи с этим летописные своды все более политизировались. Их составители пользовались местными летописями, которые перерабатывали и редактировали в соответствии с политическими интересами и поставленными задачами, а также включали в них документы из архивов, публицистические и юридические памятники.

Исторнография XV в. отражает не только события и идеологию времени объединения княжеств Северо-Восточной Руси вокруг Москвы, повышения национального самосознания, но и обращается к темам международного характера. Падение в 1453 г. Константинополя под ударами турок-сельджуков послужило поводом создания повестей, посвященных крушению Византии. Среди них особое место занимает *«Повесть о взятии Царьграда турками»*. Ее автор, Нестор Искандер, скорее всего, русский по происхождению, будучи очевидцем происходящего, оценил значение тех трагических событий для грядущих поколений. По его словам, уклоняясь под различными предлогами от непосредственных обязанностей, он «писал в каждый день творимая деяния». Основное внимание в «Повести» уделяется описанию осады города, поведения в этих условиях императора Константина и султана Мехмеда. Сочетание рассказа о конкретных военных событиях с художественным вымыслом составляет отличительную особенность произведения, подготовившего историческое обоснование политической теории: «Москва — третий Рим».

По мере постепенного складывания централизованного Российского государства и укрепления его международного положения русские летописи начинают приобретать общехисторический характер, превращаются в хронографы, содержащие сведения не только о России, но и о других странах. Источниками этих исторических сочинений, в которых систематически от «сотворения мира» излагались основные этапы всемирной истории, были библейские книги, сочинения античных авторов и отцов церкви, жития, апокрифы, хроники и др. В конце XV в. был составлен «Русский хронограф», автором которого, по некоторым предположениям, был выходец из Сербии Пахомий Логофет. В нем была предпринята попытка создания истории преимущественно греко-православного мира. Помимо новых византийских источников, в «Рус-

ском хронографе» использованы южно-славянские сочинения и русские летописные своды конца XV в.

Особенность отечественной историографии этого времени заключалась в более отчетливой и определенной, чем раньше, идее единогодержавия и ликвидации всех самостоятельных и полусамостоятельных государственных образований на территории России. Историческую мысль XV в. следует воспринимать как важнейший элемент процесса формирования русской (великорусской) народности, находившего свое осмысление, в том числе, и в исторических произведениях, определяя свое место среди других стран и народов.

Источники

Задонщина: Похвала Великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу, когда победили с помощью божьей поганого Мамаю со всеми его силами / пер. текста и примеч. О. В. Творогова ; вступ. ст. и библиогр. указ. Л. А. Дмитриева. — М., 1980.

Памятники общественной мысли Древней Руси : в 3 т. — М., 2010. — Т. 1: Домонгольский период ; Т. 2: Период ордынского владычества ; Т. 3: Московская Русь / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский.

Повести Древней Руси. — М., 2009.

Повесть временных лет. — М. ; Л., 1950.

Полное собрание русских летописей. — СПб., 1846—1921. Т. 1—24 ; М. ; Л., 1949—1963. Т. 25—29 ; М. ; Л., 1965—1994. Т. 29—39 ; М., 1995. Т. 41.

«Се повести временных лет» (Лаврентьевская летопись) / сост., авт. примеч. и указ. А. Г. Кузьмин. — Арзамас, 1993.

Рекомендуемая литература

Буганов, В. И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы) / В. И. Буганов. — М., 1975.

Историография истории России до 1917 года : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. — М., 2003.

Кузьмин, А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания / А. Г. Кузьмин. — М., 1977.

Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. — М. ; Л., 1947.

Мильков, В. В. Осмысление истории в Древней Руси / В. В. Мильков. — СПб., 2000.

Насонов, А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: очерки и исследования / А. Н. Насонов. — М., 1969.

Наумова, Г. Р. Историография истории России : учеб. пособие / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. — М., 2008.

Письменные памятники истории Древней Руси / под ред. Я. Н. Щапова. — М., 2003.

Присёлков, М. Д. История русского летописания XI—XV вв. / М. Д. Присёлков. — Л., 1940.

Рыбаков, Б. Л. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи / Б. Л. Рыбаков. — М., 1963.

Сахаров, Е. В. Фантомная история Киевской Руси, 862—1113: проблематика древнерусского летописания / Е. В. Сахаров. — М., 2009.

Тихомиров, М. Н. Русское летописание / М. Н. Тихомиров. — М., 1979.

Фомина, Ю. Новгородское летописание XI—XVII вв.: отечественная историография / Ю. Фомина. — М., 2008.

Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. — СПб., 1908.

Глава 3

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В XVI—XVII ВЕКАХ

Конец XV—XVI в. — время образования Русского централизованного государства. Это рубеж между Древней Русью и Россией, обозначившийся во всех сферах жизни: политической, экономической, социальной, церковной, духовной, включая семейно-бытовой уклад людей. В стране распространяются работы по физике, астрономии, астрологии, космографии и всемирной истории. Среди многочисленных иностранцев, приезжавших в Россию, были дипломаты, купцы, эмигранты-греки. Интерес к русским возрастал — на Западе появился даже особый вид литературы, посвященной Московии и получивший в дальнейшем название «россика».

Духовное неприятие «еллинских учений» акцентировало внимание русских интеллектуалов на развитии собственного самосознания. Первичной ячейкой, в которой формировалась духовная культура народа, являлся церковный приход. И хотя прихожане в большинстве считали себя христианами, их взгляды не всегда соответствовали каноническим и догматическим церковным уставам и правилам.

Центрами книжности, новых идей и развития исторических знаний оставались монастыри. Часть служителей церкви с момента основания Иосифом Волоцким монастыря (1479) и в течение всего XVI в. активно участвовала в церковной и политической жизни Русского государства. Роль иосифлянских публицистов в разработке и пропаганде официальной идеологии постоянно возрастала в первой половине столетия.

Идея «богоизбранности Руси» получила развитие в теории «Москва — третий Рим». Сформулированная около 1524 г. монахом Псково-Печерского монастыря Филофеем теория отражала враждебные католицизму (латинству) настроения: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». По Филофею, после падения собственно Рима и Константи-

поноля, погибшего в результате отхода от истинного православия (Флорентийская уния, 1439), главой православного мира стала Москва. Теория «Москва — третий Рим» служила укреплению авторитета Русской православной церкви. Московское же правительство использовало теорию Спиридона-Савы (декларированную в «Послании о Мономаховом венце», 1510—1520, и в «Сказании о князьях Владимирских»), связывающую русскую государственность с мировыми державами прошлого. Одновременно разгораются богословские споры, с критикой официальной церкви выступают боярин Федор Карпов и Матвей Башкин, Артемий и Феодосий Косой; оппонировав им, произносит свои проповеди митрополит Даниил; распространяет свои писания кружок Максима Грека. Политическая борьба находит отражение в публицистических сочинениях Андрея Курбского и Ивана Грозного, Ивана Пересветова и Ермолая Препрешного. Появляются исторические повести, посвященные отдельным событиям и даже отдельным лицам.

3.1. Летописи и хроники XVI века

Новизна официальной историографии конца XV—XVI в. заключалась в пропагандировании более отчетливо и определенно, чем раньше, идеи самодержавия, подразумевавшей ликвидацию всех самостоятельных и полусамостоятельных княжеств. Кроме того, значительно возрос интерес к всеобщей истории, что было вполне понятно в связи со стремлением включить историю Русского государства во всемирную, показать величие и роль Москвы и московских государей как блюстителей истинной веры, носителей лучших мировых традиций. В хронографе XVI в., условно называемом хронографом первой редакции 1516—1522 гг., составители использовали периодизацию всемирной истории по четырем монархиям: Вавилон, Персия, Греко-Македонское царство и Римская империя. Известная идея «длящийся Рим» была продолжена до «Российская земля растет и молодеет, и возвышается, ей же расти и молодеть и расширяться до скончания века» (Филофей).

Следует отметить, что в XVI в. историческая литература идет по пути создания масштабных произведений. Яркие примеры — Воскресенская и Никоновская летописи. Список первой хранился в Воскресенском монастыре на Истре, список

второй принадлежал патриарху. Сохранившийся до наших дней текст Воскресенской летописи был составлен в первой половине 1540-х гг. Позднейшие ее редакции доведены до 1560 г.

Никоновская летопись была составлена в конце 1520-х гг. в Москве, при дворе митрополита всея Руси Даниила Рязанца (1522—1539) и доведена до 1558 г. Целью ее создания стала подготовка к собору (1531), на котором осуждались взгляды «нестяжателей» на церковное землевладение. Эта летопись — наиболее полный свод сведений по русской истории, один из важнейших источников по истории русского средневековья.

Последнее большое летописное произведение, в котором использовалась и приказная документация, и хронографы, — «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича, составленный до 1555 года». Это не только летопись, но и панегирик Грозному и митрополиту Макарию. Летописец отличается большими размерами. Значительную часть занимают в нем посольские дела, выписки из разрядных книг, характеристика личности Ивана Васильевича, тексты царских речей, история построения Свияжска и взятия Казани.

Официальная московская летопись второй половины XVI в. — это уже не рассказ, а своеобразная опись важнейших документов, поступающих на хранение в государственный архив. Таковы Лебедевская и Александро-Невская летописи. На смену традиционному летописанию приходят исторические произведения нового характера (повести о Смуте начала XVII в.). Авторы уже не только излагали факты, но тут же и обсуждали, оценивали и связывали их в общую историческую картину. Но традиции летописания не прерывались и продолжали жить по областям, а также в произведениях нового типа, в частности в «Степенной книге царского родословия». Это литературно-историческое произведение более всего свидетельствует о разложении летописного жанра.

В начале 1560-х гг. духовник Ивана IV Андрей, впоследствии митрополит Афанасий, составил Степенную книгу. События в ней располагались не по годам, как в летописях, а по степеням (отсюда и название) — граням, каждая из которых соответствовала правлению сменявших друг друга скипетродержателей. Степени начинались правлением Владимира I Святославича и доводились до Ивана IV. Степенная книга объединила летописные и агнографические тексты и дополнила их устными преданиями. Составитель книги попытался

представить русскую историю как деяния святых московских государей и их предков.

Самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой России, можно сказать, исторической энциклопедией XVI в. стал Лицевой летописный свод в составе 10 томов. Почти каждая его страница украшена миниатюрами, общим числом более 17 тыс. Три первых тома посвящены всемирной истории, остальные семь — русской. Особенностью свода являются скорописные редакторские записи, сделанные на полях последних двух томов — Синодальной летописи и Царственной книги. Тома описывают одни и те же события, связанные с началом царствования Ивана Грозного. Последнее позволило историкам (Д. Н. Альшиц, А. А. Амосов, В. В. Морозов, С. О. Шмидт) высказать гипотезу о принадлежности записей самому царю. Вероятно, когда работа была завершена, некоторые содержательные моменты вызвали неудовольствие грозного заказчика. Свои пометы царь вносил, явно пользуясь дополнительными источниками, указывая, как описывать те или иные события, и предлагая при этом новые дополнительные тексты. Свод и содержащиеся в нем приписки являются важнейшим источником по истории политической борьбы XVI в.

3.2. Новые формы исторических сочинений и летописи XVII века

В XVII в. характер государственного летописания видоизменяется, оно все более становится частным делом отдельных авторов. В некоторой степени летописание сохранялось в Новгороде, Пскове, по монастырям, отдельным церквям, в архиепископиях.

В Москве летопись уже не удовлетворяла запросов отдельных категорий населения. Потребность в исторических справках, особенно дипломатов, представителей патриархии, отдельных приказов диктовала необходимость создания новых форм исторических произведений. В связи с этим появляются обзоры русской истории воспитательного и учебного характера. Уникальный Никоновский свод был, однако, очень громоздким и неудобным для пользования произведением. Создаются исторические повести, хронографы, степенные книги, сложные компиляции (Латухинская степенная книга, Новый летописец).

События периода Смуты вызвали подъем исторической мысли и нашли отражение в большом количестве исторических произведений, в которых сохранился летописный способ изложения. Дьяк Иван Тимофеев во «Временнике» дал своего рода методическое обоснование: «Предняя последи писать, последняя же напреди, ниже подробно». Самая ранняя из исторических повестей о Смуте — повесть 1606 г. в составе «Иного сказания» полностью сохранила летописную точность и хронологическую последовательность изложения. Летописи — общенародная память об исторических событиях — органически вошли в состав повестей XVII в. («Извет старца Варлаама», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича» и др.).

Во второй четверти XVII в. интерес к летописанию вновь возрастает. Многие произведения исторического характера дополняются заметками летописного свойства. Появляются такие сочинения, как, например, «Новый летописец» — рассказ, составленный за один прием.

Своего рода подъем переживает летописная литература на местах, особенно в Новгороде Великом, Пскове и Тобольске. Областные летописи, не будучи уже официальными, возвращаются к старым, традиционным формам изложения событий, их авторы используют простой разговорный язык, фольклор, рассказы очевидцев. В новгородских и псковских летописях заметны симпатии и сочувствие мелкому люду. Среди прочих выделяются Уваровская, Забелинская и Погдинская летописи. Развитие городского летописания сопровождалось появлением новых летописных скрипториев (мастерских) в различных центрах. Летописанием занимались дворяне, монахи, приказные подьячие и церковные дьячки, горожане, стрельцы, казаки и даже крестьяне.

Исследования последних десятилетий опровергли мнение об «угасании» русского летописания к концу XVI столетия. В трудах академиков М. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина и таких крупных ученых, как В. И. Буганов, А. А. Зимин, В. И. Корецкий, убедительно доказано его значительное расширение в конце XVI и XVII вв. В последней четверти XVII в. происходит эволюция русского летописания, продолжавшаяся и в XVIII в. Помимо Свода 1652 г., исторических компиляций и сводов 70—90-х гг. были созданы оригинальные летописи, посвященные древним и современным событиям (Мазуринский летописец, Летописец 1686 г.).

3.3. Сибирское летописание

В XVII в. появляется особый вид литературы о Сибири (Есиповская и Строгановская летописи) с описанием исторических и географических особенностей этого края. Следует отметить, что одно из первых русских описаний Сибирской земли «О человецех незнаемых в Восточной стране» было составлено в конце XV столетия. Сибирские народы в нем собирательно названы «самоедь». В действительности речь идет о ненцах, хантах и манси. Всего перечислено девять видов «самоеди», сообщается об их образе жизни, промыслах и товарах, которыми они располагают. Сказание сохранилось в 14 русских рукописях конца XV — первой половины XVIII в., а также в переводе англичанина Ричарда Джонсона (ок. 1560 г.). Несомненно, что книжник, оставивший нам описание «Восточной страны», знал достаточно много о далеких народах «за Камнем» и, вероятно, имел собеседников — «самовидцев» этой страны.

«Список с чертежа Сибирския земли» датируется 1672 г.; ранее, в 1663 г., составлено «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства». В описании заметно использование фольклора, местных легенд, преданий и т.п. В 1621 г. организуется Сибирская архиепископия, ее архиепископ Киприан Старорусенков составляет синодик, взяв за основу «казацьи» написания и татарские записки.

Первые сибирские летописи, отличавшиеся величавостью слога, риторикой, вымышленными диалогами, содержат торжественное введение, описание Сибири и заключительную часть о торжестве христианства в этом крае, который раньше был местом «вогнеждения» зверей и «водворения» сиринов. Особое место в сибирских летописях занимает прославление Ермака и его казаков. Основная цель Строгановской летописи — доказать участие Строгановых в покорении Сибири.

В распространении знаний о Сибири большую роль сыграл Семен Ульянович Ремезов (1642 — после 1720), разносторонний ученый родом из бояр, служилых людей города Тобольска. Он был живописцем, знаменщиком, затем «чертежником» — составителем карт Тобольска и Сибири. С. У. Ремезов составил этнографическую карту Сибири и «Историю Сибирскую». Последняя представляет собой ряд небольших статей, каждая из которых подписана над определенной иллюстрацией, выполненной самим Ремезовым. В качестве канвы ученый использовал Есиповскую летопись, дополненную многочисленными устными татарскими и русскими преданиями, песнями и плачами. Позднее в «Историю» была влетена Кун-

гурская летопись, обнаруженная ученым в 1703 г. Это почти единственный памятник казачьего летописания.

К концу XVII в. относится историческая повесть о завоевании Сибири Ермаком, включенная в «Описание Новые земли Сибирского государства», составленная, вероятно, в Москве, в Сибирском приказе.

3.4. Посольский приказ

В XVII столетии расширился не только состав авторов, но и круг учреждений, занимавшихся рукописным делом. Помимо монастырей одним из таких учреждений стал Посольский приказ. Среди его руководителей выделяются высокообразованные деятели, о которых в XVII в. подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин писал: «Хотя порою бывает меньше, но по приказу и по делам выше всех».

Постепенно Посольский приказ превратился в своего рода культурный центр страны. В нем работала большая группа переводчиков, сюда стекались многочисленные сведения о событиях за рубежом. Здесь находился архив и большая библиотека с печатными и рукописными книгами, географическими картами, хранились художественные произведения иностранных живописцев и золотописцев. В стенах приказа зародилась мысль о необходимости написания трудов по истории страны, отражающих величие России и рост ее международного авторитета. Во второй половине XVII в. здесь создавались исторические и переводились иностранные сочинения, содержавшие сведения по русской истории, внешним связям, а также книги об избрании на царство и родословные московских государей.

С 1620-х гг. при Посольском приказе регулярно переводились и распространялись так называемые «летучие листки» (или вестовые письма) — донесения о важных международных делах. На их основе появилась первая придворная газета для царя и Боярской думы — «Куранты». Газета сообщала о различных событиях в других странах, международных переговорах, происшествиях (пожары, стихийные бедствия). Материалы для газеты поставляли приезжавшие из-за границы русские и иностранные дипломаты, купцы, монахи-паломники и др. Глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин впервые в России наладил почтовое сообщение (по линии Москва — Рига).

Одним из начальников Посольского приказа был **Артамон Сергеевич Матвеев** (1625—1682), талантливый дипломат,

книжник, писатель, историк, основатель русского придворного театра, человек драматической судьбы. Сын посольского дьяка, выросший во дворце, он прослыл почитателем европейской культуры. Возглавив приказ, Матвеев развернул бурную деятельность по составлению книг по истории России. Конечно, работал целый коллектив, в котором начальник выступал, скорее, как организатор и редактор.

Самое знаменитое и роскошное произведение книгописной мастерской Посольского приказа этого времени — так называемый Титулярник. В нем впервые воспроизведена иконография русских князей, царей и патриархов от Рюрика до Алексея Михайловича, портреты и титулы тех монархов Европы и Востока, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения, государственный герб России, гербы отдельных княжеств, западных и восточных государств. Русскую историю для Титулярника написали выдающийся дипломат и писатель, выходец из Молдавии Николай Гаврилович Милеску-Спафарий и подьячий Посольского приказа Г. Долгово. В создании миниатюр Титулярника, которые подчас имели и портретное сходство, принимали участие ученики знаменитого иконописца Симона Ушакова. Идеиная направленность Титулярника — законность и преемственность династии Романовых от Рюриковичей, а также ее богоизбранность. Иначе говоря, перед нами откровенная проповедь идей формирующегося абсолютизма. Среди других тем — церковная власть в России, патриархи и патриаршество, посольские дела. Можно сказать, что Титулярник — это не только справочно-информативное издание, но и первая книга по истории внешней политики России. С ним знакомили наследников престола, на него ссылались, копировали и издавали в XVIII в.

Набор источников для Титулярника был достаточно традиционен: Степенная книга, «Утвержденная грамота 1613 г. об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», Новый летописец, «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета», акты земских соборов, сказания и повести о Смутном времени и князьях владимирских, статейные списки (отчеты) русских послов и различные летописцы. После гибели А. С. Матвеева текст Титулярника пытались продолжить.

Под руководством Матвеева была составлена также «История о невинном заточении ближнего боярина А. С. Матвеева». Цель та же — обосновать законность династии Романовых и связать ее с предшествовавшим царствованием Ивана IV.

Источниками труда послужили две редакции «Книги об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича», ее первоисточник «Утвержденная грамота об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова», другие грамоты и акты.

3.5. Записной приказ

Во второй половине XVII в. имели место не только отдельные исторические произведения. Правительство Алексея Михайловича попыталось создать специальное учреждение — Записной приказ, предназначенный для сбора источников и создания трудов по истории России. Приказ был организован по указу царя в ноябре 1657 г., его главой назначили дьяка Михаила Кудрявцева, а после его смерти дьяка Григория Кунакова. Перед служащими поставили задачу: «Записывать степени и грани царственные». Особое внимание обращалось на значение и сбор источников, в связи с чем предписывалось брать книги из приказов и «где сведает» начальник. При М. Кудрявцеве и Г. Кунакове начался активный сбор материалов, однако после смерти последнего в 1653 г. следы приказа теряются, вероятно, он прекратил свое существование.

Продолжил деятельность Записного приказа **Федор Иоакимович Грибоедов** (? — 1673), подьячий, а затем дьяк приказа Казанского дворца, участник законотворческой комиссии по составлению Соборного уложения 1649 г., писатель и дипломат. Ф. И. Грибоедов стал первым летописцем династии Романовых, в своей работе он использовал повествовательные (нарративные) источники и приказные записи. Его «История о царях и великих князьях земли русской» (1669) является продолжением Степенной книги с конца XVI в. до правления Алексея Михайловича. Здесь присутствует царская родословная, начиная от Августа кесаря Римского, его «присного брата, именем Пруса», и изложена предыстория воцарения династии Романовых, включая события Смутного времени. В «Истории» нет политических событий, ратных подвигов и дипломатических трактатов, не упоминаются борьба с татарами, воссоединение Украины с Россией и т.п. Виновником всех бед, случившихся в России, был объявлен Борис Годунов, большое внимание автор уделил восшествию на российский престол Михаила Федоровича.

Следует отметить, что «История» Грибоедова редактировалась, известно 10 ее списков и несколько редакций. По окон-

чании работы автора наградили. Интересное предположение относительно предназначения «Истории» сделал С. Ф. Платонов. По его мнению, она была составлена для первоначального руководства и воспитания царских детей. Детей у царя Алексея Михайловича было 12, и он очень серьезно относился к их воспитанию и просвещению. Впоследствии книгу дополнили перечислением имен всех царских детей до времени правления Федора Алексеевича, многих боярских фамилий, она служила общеобразовательным, учебным целям.

3.6. Сочинения о разинском восстании. «Синописис»

Памятниками исторической мысли конца XVII столетия являются повести, написанные вскоре после окончания крестьянской войны (1667—1671) под предводительством Степана Разина. В настоящее время их известно четыре: «Астраханское сказание Петра Золотарева», «Известие о бунте и злодействах донского казака Стеньки Разина», «Сказание о явлении и чудесах пресвятыя владычцы нашея, нарицаемая Тихвинская, о избавлении града Цивильска от нахождения казаков Стеньки Разина с товарищи» и «Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшего от воров и изменников воровских казаков». В какой-то степени созвучны им обнаруженное недавно произведение «Чудеса Боголепа Черноярского», а также новые списки рассказа о восстании Разина в «Истории о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и наследниках его (1613—1700)».

Наиболее примечательно произведение служилого человека, сына боярского Петра Алексеева Золотарева. Повествование носит форму распросных речей соборных попов Кирилла Елисеева и Петра Иванова. Краткий вариант «Астраханского сказания» был составлен через год после гибели митрополита Иосифа, казни С. Разина и его сподвижников. Однако в стране еще сохранялась тревожная обстановка, волновались казаки, оставшиеся отряды в Соловецком монастыре, на Дону и в Поволжье. В «память предыдущим родам» и в напоминание о мучениках, «которые за православную веру и российского самодержца пострадали от воров и изменников», Золотареву предложили составить пространный вариант «Астраханского сказания». Эта работа напоминает не летопись, а смешение различных стилей: «чудеса» и «знамения» перемежаются с последовательным изображением астраханских событий и военных

действий. Произведение П. А. Золотарева, как лица светского, отличается попыткой не только выявить связи в описываемых событиях, но и дать им свое толкование.

Авторы других вышеупомянутых повестей и сказаний, хотя и написанных с позиций провиденциализма (т.е. предначертаний воли Божьей), также обращают внимание на реальные причины исторических событий, конкретные действия людей, логику их поведения и жизненные обстоятельства.

Центром науки и просвещения Восточной Европы во второй половине XVII в. стала Киево-Могилянская академия. Уникальное учебное заведение славилось своими демократическими и вольнолюбивыми традициями. Из стен Академии вышли известные проповедники. Именно здесь была написана первая и самая популярная в конце XVII—XVIII в. учебная книга по русской истории — Синописис. Слово «синопсис» означает «общий взгляд», в данном случае — «Обозрение российской истории». Действительно, автор излагает русскую историю на 200 небольших страницах печатного текста, притом в доступной литературной форме, что обеспечило Синописису большую популярность. С 1672 по 1836 г. вышло 30 изданий книги. Ее читателями были государственные деятели, дипломаты, ученые, крестьяне и особенно мещане. По Синописису изучал русскую историю М. В. Ломоносов.

Традиционно авторство Синописиса приписывается Гизелю (в монашестве Иннокентий, 1600–1683), архимандриту Киево-Печерской лавры с 1656 г. В средневековой Руси среди духовных лиц был распространен обычай творить анонимно «по благословению и во славу Божию». Именно поэтому авторы большинства произведений того времени нам неизвестны. По мнению ученых, исследовавших Синописис (А. С. Лаптю-Данилевский, И. О. Максимович, И. А. Шляпкин и др.), Гизель выступал скорее в роли цензора, редактора и публикатора изданий типографии Киево-Печерской лавры. Протестант, перешедший в православие и принявший в Киеве постриг, политический деятель Гизель был писателем философско-схоластического направления («Мир человека с Богом», «О истинной вере» и др.), читал курс философии. Следует отметить, что Гизель представлял украинскую церковно-феодалную верхушку, что повлияло на трактовку им отдельных событий, касающихся отношений Киева и Москвы. Гизель умело поддерживал нормальные отношения с Москвой и сохранял связь с духовенством Правобережной Украины. Синописис умалчивает о противоречиях украинской и московской позиций.

Основа методики работы Гизеля — компилятивность. В самом заглавии указано: «Синописис, или Краткое собрание из разных летописцев». Историки считают Синописис сокращением «Хроники» Феодосия Сафоновича, компиляцией из «Хроники» М. Стрыйковского. В Синописис полностью вошла третья редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и значительная часть Густынской летописи. Автор ссылается на труд преподобного Нестора, создателя «Повести временных лет». Использовались им и данные античных и средневековых авторов, греческие хронографы, немецкие летописцы, церковная всемирная история Барония и др. На полях издания даны ссылки на источники сообщений об излагаемых фактах и событиях. В ряде случаев в Синописисе отмечены противоречия и разночтения в использованных источниках, беллетризуются описания военных баталий. Отсюда был один шаг к следующему этапу в отечественной историографии — сопоставлению и проверке источников.

3.7. Симеон Медведев

Среди тех, чьи работы отличались критическим отношением к источникам, нельзя не назвать замечательного русского историка-публициста, духовного писателя, мыслителя и общественного деятеля **Симеона Агафонниковича Медведева** (в монашестве Сильвестр, 1641—1691). Сын небогатого курского купца, Симеон подростком подрабатывал на площади, т.е. составлял желающим письма и деловые бумаги. Здесь его приметил думный дьяк Разрядного приказа С. И. Заборовский и взял с собой в Белгород, а затем в Москву.

В училище Заиконоспасского монастыря Медведев стал любимым учеником (позднее и последователем) поэта и просветителя Симеона Полоцкого. По окончании учебы Медведев выехал (1668) на посольские съезды в свите знаменитого дипломата и государственного деятеля А. Л. Ордин-Нащокина. Но опала последнего сказалась и на Медведеве, оказавшемся в Путивльской Молчинской пустыни. В 1674 г. он постригся в монахи под именем Сильвестра, затем смог перебраться в Курский Богородицкий монастырь, а по воцарении Федора Алексеевича (ученика Полоцкого) получил разрешение жить в московском Заиконоспасском монастыре.

Здесь Медведев работал в богатой библиотеке Полоцкого; переводил сочинения учителя с латинского и польского язы-

ков, дополнял их, готовил к печати. Вместе с Полоцким организовал первую в России светскую, неподотчетную патриарху Верхнюю (дворцовую) типографию и приступил к изданию светских книг. В 1681 г. Медведев основал (на средства царя Федора) славяно-латинское училище в Заиконоспасском монастыре. В следующем году, несмотря на активное противодействие патриарха Иоакима, добился привилегий для московской Славяно-греко-латинской академии. Речь шла об автономном всеподлинном высшем учебном заведении, призванном готовить просвещенных деятелей государства и церкви. Автор проекта утверждал, что национальная наука станет источником силы и славы государства. Он полагал, что просвещенная Россия удивит весь мир, ведь только знанием «вся царствия благочинное расположение, и твердое зашишение, и великое распространение приобретают». Осуществлению задуманного помешала смерть царя Федора. Через несколько лет Медведев вновь попытался реализовать свои замыслы, передав свой проект на рассмотрение царевне Софье Алексеевне. Просьба осталась без ответа.

Вскоре на Медведева обрушились репрессии, но он продолжал трудиться и как духовный писатель, и как автор светских сочинений. Из последних его трудов можно назвать «Оглавление книг, кто их сложил», ставшее первым научным библиографическим очерком в России. Главный исторический труд Симеона Медведева — «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». Развивая традицию гражданской историографии, посвященной актуальным проблемам страны, историк обратился к событиям 1681—1683 гг. В этой работе Медведев выразил свой подход к истории и обществу, постарался определить и растолковать читателю сущность социально-исторического конфликта в России, вступившей в период преобразований.

Во Введении к «Созерцанию» речь идет о роли исторических знаний в жизни человеческого общества. Это коллективная память, позволяющая различать добро и зло, основа социального разума. Величайшая ответственность лежит на «письменных людях», благодаря которым можно «памятствовать» о прошлом. История, повествующая лишь о славных делах, — бессмысленна и тлетворна. Ни высокое положение, ни даже монаршая власть не спасают человека от праведного суда истории. Медведев говорит и о коллективной ответственности «верхов» за судьбу власти. Автор подводит читателя к сути конфликта: не будет покоя в стране,

где сановные «верхи» начинают «величаться» над народом, а «меньшие люди» в ответ презирают «господство». В «Созерцании» прослеживается идея восстания по мере того, как народ убеждается в невозможности добиться правды мирным путем. Автор полагает народное возмущение справедливым, но не одобряет восстание, ведущее (по его мнению) к гибели государства. Медведев принимает народное возмущение как средство «вразумления» правителей.

«Созерцание» стало одним из первых в России историческим произведением нелетописного характера. Наличие других исторических сочинений, написанных в это время, позволяет современным исследователям говорить об успешном переходе «от летописания и других традиционных форм историографии к историческому исследованию».

3.8. Илья Римский-Корсаков

Одним из таких исследований в последней четверти XVII столетия стала «Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии, несравненного древностию времени роду... Корсаков-Римских». Ее автор **Илья Александрович Римский-Корсаков** (1630-е – 1701) — яркий представитель мыслящей, образованной, социально активной русской интеллигенции своего времени.

По богатству содержания труд И. А. Римского-Корсакова вышел далеко за рамки обычных родословных росписей и является выдающимся памятником отечественной исторической мысли. Поражает масштаб замысла этого сочинения. Автор считает, что все люди ведут свой род от Адама и Евы, т.е. равны по своей природе. Но далеко не каждый может проследить свой род от прародителей человечества, поскольку редко у кого все предки были достойны воспоминания. Генеалогия решает эту задачу, возводя род Римских-Корсаковых сквозь века к Адаму. Впрочем, собственно Римские-Корсаковы появляются в повествовании лишь на заключительном этапе. Главное внимание автор сосредоточил на античном этапе человеческой истории. Любопытно, что уже в Предисловии сформулированы требования к историческому повествованию. Не только авторские суждения, но и все приводимые факты должны быть достоверны, основаны на сообщениях источников, причем различных. Строгий подход к источниковой базе характеризует и другие сочинения Римского-Корсакова.

Оставив в начале 1660-х гг. придворную службу, он принял постриг в Крестомаровской пустыне Нижегородского уезда (в монашестве — Игнатий). В июне 1667 г. Римский-Корсаков сделал вклад в книжное собрание пустыни — большой сборник тщательно написанных, отредактированных и снабженных примечаниями переводов греческих житий. В том же году он посвятил игумену Павлу (Маровскому) переписанный и отредактированный им текст скитского патерика (в двух частях). Очередной работой стал Крестомаровский синодик. В нем дворянские роды (в том числе и самого автора) подчеркнута перемешаны с родами «черных людей», о которых составитель пишет с большим уважением.

Немногие известные рукописи Римского-Корсакова этого времени свидетельствуют о разносторонности и глубине его внутренней культуры. В 1673 г., выполняя задание правительства, он призвал запорожских казаков к борьбе с османокрымскими полчищами. «Слово к православному и христовому запорожскому воинству, внегда принесенней быти всечестней иконе... в благочестивыя полки их, противу нечестивым турком и татаром» — яркий памятник русского ораторского искусства и политической публицистики. В нем Римский-Корсаков подчеркивал, что противник могуч, но единодушные российских воинов поможет им превзойти славнейшие в истории подвиги. Только те, что идут на врага «единым сердцем, единою душою», могут сокрушить «лютая оружия сопротинных», освободить всех «немоющих» братьев на землях Европы, «яже от благочестивых царей злочестивии врази неправедно восхитиша», победить в великой борьбе за объединение всех православных земель под крыльями российского двуглавого орла.

Весной 1675 г. Римский-Корсаков вернулся в пустынь. От этого времени до нас дошел написанный им Торжественник, при составлении которого автор использовал не только русское летосчисление (от «сотворения мира»), но и даты от Рождества Христова. Через год публицист сменил тихую обитель на Соловецкий монастырь, где получил должность еkkлeсиарха (церковного уставщика). В июле 1680 г. Римского-Корсакова призвали в Москву возглавить подворье Соловецкого монастыря. Через три года он назначается архимандритом престижного Спасо-Ярославского монастыря, в 1684 г. — архимандритом царского родового монастыря Спаса на Новом (Москва).

В 1687 г. Римский-Корсаков участвует в острой политической полемике, развернувшейся против Крымских походов. В «Слове благочестивому и христолюбивому российскому воинству... идущему, с Божиею помощию, в зашщение свя-

тых церквей и всего православия на сопротивные агаряны» он обратился к историческим корням подвига во имя России. Используя материал отечественной историографии, Римский-Корсаков рассказал о «дивной и мужественной храбрости» русских воинов в многовековой борьбе с кочевниками, призвал ратоборцев не посрамить славы «прежде храбрствовавших». «Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству» исторически обосновывало освободительную миссию России, призванной прийти на помощь европейским народам. Автор доказывал, что Российское царство является преемником Восточной Римской империи, говорил о долге русского воина перед угнетенными славянскими братьями, неизбежности решительной битвы с «варварскими языки, брани хотящими», которые наше государство «уничужают и бесчествуют». На полях экземпляра «Слова благочестивому и христолюбивому российскому воинству», врученного автором царевне Софье Алексеевне, проставлены ссылки на источники. Все библейские тексты переведены на русский язык с греческими параллелями. Автор нашел и унифицированную форму точных ссылок на Степенную книгу.

После свержения правительства Софьи Алексеевны Римский-Корсаков продолжал отстаивать необходимость борьбы с османско-крымской агрессией. В начале 1690 г. он вручил царям Ивану и Петру «Слово избранно от божественных писаний и от повестей отеческих о Российском царствии» (известное в литературе как «Историческое известие о российском царстве»). Воздав хвалу двум царям, Римский-Корсаков вновь обратился к русской истории. Он показал значение мечты русских людей об окончательной победе над кровожадными ордами, мечты, способствовавшей возвышению Русского государства. Автор справедливо утверждал, что главная опасность исходит не от вассального Крымского ханства, а от его хозяина — Османской империи. Приведя «свидетельства» богословской литературы и даже тайные сведения из-за османской границы, Римский-Корсаков утверждал необходимость России в союзе с другими членами Священной лиги (Австрия, Венеция, Речь Посполитая) нанести смертельный удар агрессору, освободить Европу от страшной опасности. Острая публицистичность «Слова избранно...», как обычно, сопровождалась тщательностью в работе с источниками, точными цитатами, ссылками и пояснениями.

В 1692 г. Римский-Корсаков стал митрополитом Сибирским и Тобольским. Наряду с церковно-административной

деятельностью он продолжал работать как историк. Три его окружных послания против раскольников составили солидную книгу, в которой рассматривались история религиозного инакомыслия в России и распространение взглядов расколуучителей в Сибири. В этой работе историк-публицист также разрабатывал приемы анализа источников, используя свои генеалогические знания.

Создававшийся под руководством митрополита летописный свод, прославлявший героическую борьбу Руси с «бусурманами», был дополнен составленной К. Истоминым «книжицей» о победах русской армии в Азовских походах. Автор «Скифской истории» разделял взгляды Римского-Корсакова на историю и насущные задачи внешней политики России.

3.9. «Скифская история» Андрея Лызлова

Необходимость единения всех славянских народов перед угрозой татаро-турецкого нашествия была одной из самых актуальных проблем в конце XVII—XVIII в. В яркой форме она представлена в «Скифской истории» А. И. Лызлова, оказавшего значительное влияние на становление отечественной исторической науки.

Андрей Иванович Лызлов (ок. 1655 — не ранее 1697) родился в Москве, происходил из служилых дворян. Он интересовался русской историей, знал польский и латинский языки. Благодаря исключительным способностям и влиянию отца в 1675 г. Лызлов получил чин стряпчего, а через два года его перевели в стольники. Об авторитете отца свидетельствует тот факт, что отпевал его патриарх Иоаким.

В 70-е гг. XVII в. Россия совместно с Речью Посполитой готовилась отразить новую волну османской агрессии. Основная тяжесть борьбы с султаном и крымским ханом и их пособниками на Украине легла на Российское государство. А. И. Лызлов участвовал в Чигиринских походах (1677—1678). Когда турецко-крымская армия начала генеральное наступление в Украине, он попросил перевести его в полк князя В. В. Голицына. Служба под началом одного из самых образованных людей своего времени побудила Лызлова заняться изучением истории. Ему были доступны материалы патриаршей ризницы, где служил его отец; библиотека В. В. Голицына; монастырские книгохранилища. А. И. Лызлов делает выписки из сочинений А. М. Курбского, посланий Ивана Гроз-

ного, хроник Мацея Стрыйковского и Александра Гваньини, знакомится с книгой польского ксендза, писателя и историка Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого».

Начинающего историка не могли не волновать политические проблемы своей страны, и Лызлов приступает к созданию главного труда своей жизни — «Скифской истории». Работа неоднократно прерывалась: почти три года он находился в Крымских походах (1687–1688), служил «ротмистром у стряпчих», ездил в Киев вручать воеводе И. В. Бутурлину жалованье и к гетману И. С. Мазепе с наказами, постоянно выполнял полковую службу.

В 1692 г. Лызлов завершает фундаментальный труд объемом почти 800 страниц. «Скифская история», написанная на основе многих русских и иностранных источников, раскрыла историческое значение борьбы Руси, славян, народов Восточной, Южной и Центральной Европы с кочевниками.

Автор знакомил читателя с историей Европы и Азии с глубокой древности до конца XVI в. В центре его внимания находилось вековое противостояние оседлых народов Европы и кочевых племен и народов. По существу, Лызлов исследовал борьбу греков, персов и римлян с кочевниками Северного Причерноморья и Балкан, внешние связи Руси и ее взаимоотношения с хазарами, печенегами, половцами, историю гуннов и волжских болгар, Венгерского и Болгарского государств, Монгольской империи, Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств. Рассматривая историю осман, Лызлов приводит подробные сведения о происхождении и особенностях ислама. Важными являются сведения по организации вооружения, комплектования и тактики ведения войны в османской армии. По мнению Лызлова, причины неудач и поражений христиан в борьбе с османами кроются в их несогласии и разобщенности. В «Скифской истории» упомянуто большое количество государств и народов Центральной и Южной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Средней Азии, Приуралья и Сибири, около 300 имен государственных и военных деятелей, из них около 100 русских.

Необходимо отметить, что «Скифская история» — первая в отечественной историографии книга, которая обладала всеми признаками научной монографии: реконструкция событий, сопоставление материалов, система ссылок с точными указаниями томов и страниц использованных источников. Историк подчеркнул значение источников, указав их в заглавии и перечислив в начале книги. Основная ее идея — не уничи-

тожение «неверных», а обуздание агрессора. При этом, по мнению автора, не только оружие, но и мирный договор могут служить залогом добрососедских отношений.

Историкам известно около 30 списков «Скифской истории», большинство которых относится к концу XVII и первой половине XVIII в. На рубеже веков она стала одним из самых популярных исторических сочинений. «Скифская история» была в библиотеках государственных деятелей, дворян, духовенства, купцов и промышленников. Широко распространялась книга по разным регионам страны.

Благодаря стараниям Лызлова в России появилось произведение, знаменовавшее собой переход от исторического повествования к историческому исследованию. Книга Лызлова отличалась от работ историков-гуманистов Западной Европы. Последние отражали идеологию нарождающейся буржуазии, поэтому идеализировали античность и пропагандировали республиканские идеи. В России выразителями новой, рационалистической, мысли были дворяне, в отличие от европейских коллег они восхваляли монархию и призывали к укреплению могущества своего государства.

3.10. Зарождение критики источников

В последней четверти XVII в. получает распространение критика источника. Начало новому явлению было положено в церковной среде, а побудительным фактором стало исправление церковных книг и раскол церкви. Образец такой критики — определение Собора 1673 г. о мощах Анны Кашинской. Открытие мощей происходило в г. Кашине (1650) в присутствии царя Алексея Михайловича, духовенство объявило Анну святой. После изменения в стране церковно-политической обстановки обратили внимание на иконографию святой с двуперстным сложением, осужденным Соборным постановлением. Патриарх направил в Кашин следственную комиссию, а за этим последовало соборное определение 1673 г. Комиссия дала образец совершенно четкого применения критики текста. В составленном акте зафиксировали расхождение жития с Троицкой летописью и сличение свидетельств жития с данными непосредственного «досмотра» мощей. На основании выявленных противоречий сделали вывод о подложности жития и самих мощей. Этот пример иллюстрирует, как практические цели способствовали развитию исторического самопознания.

В конце XV — XVI в. летопись является выразителем строго официальной точки зрения, но утрачивает значение государственного документа. Она превращается в литературное произведение и носит воспитательный характер. В то же время летопись становится и сводом, описью исторического материала. Летопись уже не могла удовлетворить усложнившихся политических потребностей. Непосредственно документ и историческая беллетристика заменяют официальное летописание.

После Смутного времени усиливается летописание на местах (Новгород, Псков). В них в большей степени сказываются частная инициатива и демократические тенденции, а также стихия фольклора. На протяжении семи веков существования летопись была связана с жизнью, отражала общественно-политические события. В этом причина ее жизнеспособности и огромного влияния на русскую действительность.

В XVII в. появляется немало новых форм исторического повествования. Помимо летописных сводов, летописей и летописцев сотнями списков тиражируются Русский хронограф и Степенная книга. Люди разного происхождения и социального положения составляют свои повременные записи. Можно сказать, что в это время зарождается мемуарная литература. Она в большинстве своем безымянна, тем не менее, известны произведения дьяка Благовещенского погоста на реке Ваге Аверкия, московских площадных подьячих Шантуровых, знатного дворянина, государственного деятеля и дипломата И. А. Желябужского.

В конце XVII в. получили развитие исторические и автобиографические повести, посвященные отдельным событиям и лицам. Самыми крупными произведениями, в которых тщательно продуманный замысел сочетался с внимательным отбором источников и сопоставлением сведений, являются «Созерцание краткое» и «Известие истинное» С. А. Медведева, «История» Ф. И. Грибоедова, «Генеалогия» И. А. Римского-Корсакова, «Скифская история» А. И. Лызлова. По мнению ряда современных исследователей (А. П. Богданов, Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло и др.), подобные произведения знаменовали начало нового этапа в развитии русской историографии, связанного с переходом от накопления исторических знаний к их научному осмыслению. При всех несомненных успехах отечественной исторической мысли до конца XVII в. она развивалась в рамках средневекового мироощущения. История как наука, и в еще большей мере историография как отдельная

дисциплина, стали функционировать в России лишь с XVIII столетия, однако на основе тех достижений, которые были сделаны и накоплены в предыдущие века.

Источники

Грибоедов, Ф. История о царях и великих князьях земли Русской / Ф. Грибоедов. — СПб., 1896.

Лызлов, А. И. Скифская история / А. И. Лызлов ; отв. ред. Е. В. Чистякова ; сост. А. П. Богданов. — М., 1990.

Общественная мысль России в XVI—XVII вв. : в 2 т. / сост., авт. коммент. И. Л. Андреев, В. Н. Козляков ; авт. вступ. ст. И. Л. Андреев. — М., 2010.

Синописис. — К., 1836.

Рекомендуемая литература

Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII веков / М. А. Алпатов. — М., 1973.

Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII — первая четверть XVIII века / М. А. Алпатов. — М., 1976.

Альшиц, Д. Н. Становление российской государственности. Начало пути / Д. Н. Альшиц. — СПб., 2001.

Амосов, А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование / А. А. Амосов. — М., 1998.

Богданов, А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века / А. П. Богданов. — М., 1995.

Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков / Б. М. Клосс. — М., 1980.

Морозов, В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В. В. Морозов. — М., 2005.

Око всей великой России / отв. ред. Е. В. Чистякова ; сост. Н. М. Рогожин. — М., 1989.

Пушкарев, Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: очерки истории / Л. Н. Пушкарев. — М., 1982.

Чистякова, Е. В. «Да будет потомкам явлено...» / Е. В. Чистякова, А. П. Богданов. — М., 1988.

Раздел II

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА XVIII ВЕКА

Глава 4

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Первая четверть XVIII в. была временем больших и серьезных преобразований, которые коснулись практически всех сторон жизни России: социально-экономической, политической, культурной, религиозной. В это время были созданы административно-бюрократический аппарат (Сенат, Синод, коллегии), регулярная армия, военно-морской флот, реорганизована система местных учреждений.

Реформы Петра I способствовали утверждению абсолютистской монархии, предпосылки которой обозначились задолго до этого. Значительные успехи во внешней политике позволили стране выйти к Черному и Балтийскому морям, потерянные ранее древнерусские земли вновь вошли в состав России, международный авторитет которой вырос.

4.1. Условия развития исторического самосознания

Преподавание истории как учебной дисциплины в Петровскую эпоху осуществлялось только в частной школе Феофана Прокоповича. Такой предмет отсутствовал в программах цифирных школ и Школы навигацонных наук. Учреждение специальных учебных заведений и Академии наук (1725), введение более легкого для восприятия гражданского алфавита, распространение печатных светских книг предопределяли появление идеологической литературы. Правительство было заинтересовано не только в том, чтобы запечатлеть события исторической важности, но и сделать их доступными широкому кругу населения. Издатели первой русской газеты «Ведомости» подчеркивали ее историческую направленность. На заглавном листе комплектов газеты за 1704 и 1705 гг. написано: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания,

и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах».

Развитие исторического самосознания в начале XVIII в. самым непосредственным образом связано с широким распространением деловой документации. Приказное делопроизводство в это время переживало апогей своего развития. В многочисленных приказах постоянно составлялись служебные записи дипломатического, военного, гражданского и церковного характера. В Российском государственном архиве древних актов находится большое количество хроник текущих дипломатических, военных, поместных событий. Дворцовые и частные разряды, статейные списки (отчеты) дипломатов, различного рода журналы или подневные записи походов, путешествий, хождений по святым местам — бесценный источник для истории исторической науки. Основная часть этого материала вошла в боярские, посольские, разрядные, писцовые, родословные, вкладные и прочие книги.

Вся деловая документация представляет собой специальный вид исторических произведений с хронологической и календарной последовательностью. Следует отметить преемственность хроникальной манеры повествования этого рода исторических произведений с летописанием и по форме, и по содержанию. Ярким примером могут служить статейные списки (отчеты) русских дипломатов, которые составлялись на протяжении XVI—XVII вв. К концу XVII столетия полнота и красочность их содержания достигли совершенства. Это источники не только истории дипломатии, исторической географии, лингвистики, этнографии, но и памятники, свидетельствующие о высоком уровне подготовленности представителей русской дипломатии, их осведомленности в вопросах всемирной и отечественной истории.

Служащие Посольского приказа постоянно обращались к истории дипломатических отношений России с иностранными государствами. Так, большая подготовительная работа проводилась перед отправлением Великого посольства Петра I. В конце 1696 г. в Посольском приказе была затребована справка о сношениях России с иностранными государствами, начиная с 1580 г. Служащим приказали снять копии со статейных списков посольств в те страны, куда намеривались отправиться члены Великого посольства. Исторические справки составлялись для оформления титулования государей и правителей. В конце XVII — начале XVIII в. были подготовлены такие справки, как «Краткое описание жи-

тия, владения и смерти государствующих королевей шведских от рождества Христова даже до сего времени...», «Описание Рима и двора Папского», «Пресветлейший свет, или краткое приятое генеалогическое и политическое описание почтай всех нынешних живых пресветлых высоких персон» и пр.

Повседневные записи о жизни русских царей — «дворцовые разряды» — представляют собой своеобразный придворный журнал XVII в. Здесь регистрировались дипломатические приемы, различные церемонии, процессии, церковные службы, свидетельства, которые также в известной степени могут быть отнесены к историческим произведениям. С 90-х гг. XVII в. появляются исторические произведения об отдельных военных походах, написанные на основе разрядных записей. Они во многом напоминают старые разрядные записи военных событий, различие заключается в том, что это уже отдельные законченные исторические повествования. В этом отношении заслуживает внимания описание «потешных» маневров 1691 г. и Кожуховских маневров в сентябре — октябре 1694 г.

К источникам, близким по происхождению к разрядным записям, относятся журнальные записи, которые велись в бомбардирской роте, всегда сопровождавшей Петра I. Петровские «юрналы» систематически велись до 1724 г. со времени первого Азовского похода (1695) специально назначенными или выделенными лицами и являются официальными историческими документами. Подобные журналы боевых действий составлялись при командующих, например журнал вице-адмирала К. И. Крюйса о походе на Азовское море (1699), морские журналы Н. А. Сенявина (1705—1712), Ф. И. Соимонова (о походе в Персию) и др. Важно отметить, что оригиналы походных журналов, морских кампаний и копии с них использовались как основной источник при написании «Истории Свейской войны». Со временем походные журналы эволюционировали в самостоятельные исторические произведения. Деловая документация XVI—XVII вв. — это хроникальная основа, которая представляла основной фактический материал и питала историческое самосознание историографов XVIII столетия.

4.2. Петр I и история

Петр I интересовался отечественной историей и немало способствовал ее разработке. Когда будущему императору

было шесть лет, его учитель Никита Зотов «сказывал своему воспитаннику о царе Алексее Михайловиче, Иване Грозном, Дмитрие Донском, Александре Невском и Владимире». Для наглядного обучения использовались лицевые летописи: Царственная книга, Никоновская летопись и др. Царница Наталья Кирилловна повелела отдать для обучения сына «все исторические книги с диковинами, и всея России книги с рисунками градов, и многих знатных во вселенной городов». Распоряжение 1682 г. предписывало прислать Петру Алексеевичу в Троице-Сергиевский монастырь «книгу Царственную, откуда произыде корень великих государей». В 1683 г. из библиотеки царя Федора Алексеевича для Петра были взяты «Библия в лицах с летописцем» и «Хроника» Матвея Стрыйковского. Не случайно в своих записных книжках Петр I ссылаясь на исторические примеры, отражавшие гибель греческой монархии, падение Карфагена и Константинополя. В 1709 г. он потребовал разыскать в монастырях жалованные грамоты великих князей до времени правления Ивана IV и уточнить, какие у тех грамот печати.

Петр I собирал старинные монеты, медали, необыкновенные предметы, мечтал написать текст первой русской истории и составлял новый алфавит. Специальным Указом (1720) он предписал губернаторам городов пересмотреть все, что у них хранится в монастырях, соборах и банях, составить описи и прислать в Сенат. В связи с этим Петр I писал Б. И. Куракину: «Ежели еще какие наши старинные пушки, а наипаче мартыры, которые литы в Руси во сто лет и старее, чтоб их купить, не допусая до переливки». В 1722 г. был издан новый Указ с требованием «гражданские летописцы, степенные хронографы и прочие им подобные» прислать в Синод «для снятия копий с них». Довольно часто указы императора не исполнялись из-за нежелания передавать в руки правительства те документы, которые ценились в антипетровских кругах.

Поборники идеи самодержавного строя и абсолютизма для подтверждения своих убеждений использовали теорию полицейского государства. В Германии ее развивал Х. Р. Вульф, в России — сам Петр I. Согласно данной теории, постоянный контроль государства за жизнью подданных составляет первую заботу правительства об общем благе народа. Производственная и хозяйственная деятельность, имущественные отношения, брачная связь и воспитание детей, религия, наука, поэзия, музыка, театр — все должно направляться и управляться государством, и прежде всего органами полицейской

власти, под руководством просвещенного и абсолютного монарха. В преамбулах к своим указам Петр I постоянно объявлял о намерении добиваться «общего блага», управлять государством таким образом, «чтоб все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Таким образом, все население страны обязано было нести установленную указами службу государству. Более того, жить в жилище, построенном по «указному» чертежу, носить «указное» платье и обувь, предаваться «указным» увеселениям, лечиться в «указных» местах и быть похороненным в «указных» гробах, на «указных» кладбищах и в «указные» сроки. Так Петр I реализовывал свое понимание «общего блага».

В первой половине XVIII в. устанавливается более тесная связь с западноевропейской историографией. Среди переводов сравнительно большого количества иностранных работ по всеобщей истории следует отметить «Введение в историю Европейскую» Самуила Пуффендорфа, сторонника теории «естественного права», т.е. права на основе человеческого разума; произведения католического писателя, папского кардинала, библиотекаря Ватикана Цесаря Барония («Аналы»); книги протестантского епископа Вильгельма Стратемана; сочинения Юлия Цезаря, Иосифа Флавия, Квинта Курция («О делах содеянных Александром Великим...»), Адриана Шхонебека («История о орденах или чинах воинских») и др. Особое внимание переводчиков привлекали сочинения на политические и военные темы.

Философское осмысление истории в XVIII в. связано прежде всего с учением о естественном праве и общественном договоре. Приверженцами этого учения были голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645) и английский философ Томас Гоббс (1588–1679). Важнейшим сочинением Гроция являлся труд «О праве войны и мира», опубликованный в 1625 г. и переведенный на русский язык около 1710 г. Наиболее известная работа Гоббса «Левиафан» вышла в свет в 1651 г. Гроций и Гоббс были единомышленны в вопросе о происхождении государства, которое рассматривали как результат добровольного общественного договора. Но каждый из них придерживался собственного мнения о вытекающих из общественного договора правах и обязанностях государства и подданных.

Успехи естествознания позволяли научно объяснить многое из того, что еще недавно являлось сферой теологии. Используя их, ученые надеялись распространить действие

законов математики и естествознания на историю. В России, как и в Германии, теория естественного права использовалась не только для апологии абсолютизма, но и для обоснования дворянских привилегий.

Представителем теории естественного права был один из виднейших публицистов, церковно-политический деятель петровского времени **Феофан Прокопович** (1681—1736). Он написал ряд похвальных слов, сочинений по риторике и педагогике, стихи, драму и специальные исторические труды. Трагедокомедия «Владимир», посвященная периоду крещения Руси и написанная Прокоповичем в 1705 г., стала одним из первых национально-исторических произведений. В 1706 г., встретившись с Петром I, Феофан Прокопович в приветственной речи говорил о событиях отечественной истории, связанных с Киевом, деятельностью Владимира и Ярослава. Впоследствии Прокопович составил историографический трактат, вошедший как составная часть в его учебник «Риторика». Отмечая возможные случаи использования риторики для исторических сочинений, он писал: «Не просит ли помощи у красноречия наше отечество, когда столько славных деяний его совершенно забыты?» Феофан Прокопович преследовал две цели: во-первых, показать приемы и правила, необходимые для историка, и, во-вторых, подвергнуть критике вымыслы против православия писателей-католиков. История, по Прокоповичу, должна излагать факты прошедшего и представлять возможность учиться делать полезное и избегать вредного.

Народы, еще не знающие государственных законов, «естественном законная творят», говорил Прокопович. «Таковы законы суть в сердце каждого человека». К числу присущих природе человека законов или свойств относятся: стремление к сохранению, продолжению жизни и своего рода, почитание родителей и требование «не творити другому, аще себе не хоещи». Первейший же закон сердца каждого человека «любити и бояться Бога». Согласно Прокоповичу, власть и слава царская обосновывались как Священным писанием, так и естественным правом. При этом подчинение царской власти и вообще всем власть предержащим признавалось главным естественным законом («се всех законов главизна»).

Ф. Прокопович соглашался с «политическими учителями», утверждавшими, что форма правления зависит от «природы народов» и ее особенностей. Однако считал, что демократия, аристократия, выборная монархия по польскому образцу порождают многие бедствия. Как доказательство в «Слове по-

хвальном» (посвящено рождению царевича Петра Петровича) он приводил многие примеры из древней и новой истории, истории Европы, Азии и Африки, Киевской Руси и Смуты начала XVII в.

Феофану Прокоповичу принадлежит обширный труд «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и до взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно». «История» делится на четыре книги: в первой излагаются события от рождения Петра Алексеевича до начала Северной войны; во второй описываются первые годы войны (до основания в 1703 г. Санкт-Петербурга); третья доводит изложение материала до 1708 г.; четвертая посвящена действиям войск Карла XII на Украине и заканчивается победой русских войск под Полтавой. В целом, это взгляд автора на основные этапы Северной войны. Построение Петербурга, согласно его концепции, — результат побед России, приведших к возвращению берегов Невы.

Выступая апологетом абсолютизма, Прокопович поднимает вопрос о взаимоотношении государства, монарха и народа, одновременно усложняя идеологическую трактовку основ абсолютизма. Появляется теория ответственности монарха за порученное ему государство и за народ. Кроме того, он сформулировал идею «государственной пользы», к которой должны быть направлены труды монарха, и подчеркивал мысль о том, что государь должен быть примером для своих подданных. Особое значение приобретают понятия «ревности Отечества», «славы России» и т.п.

В «Истории» Феофана Прокоповича использованы «Рассуждение...» П. П. Шафирова, материалы «Журнала или Поденной записки» Петра I и другие источники, о которых будет сказано ниже. В целом все изложение отличается документальностью. Имеются как положительные, так и отрицательные характеристики отдельных исторических лиц, например гетмана Мазепы.

В начале XVIII в. в России все чаще предпринимаются попытки осмыслить историю и определить ее задачи с точки зрения правящего класса с целью дальнейшей практической деятельности. История становится самостоятельной отраслью знания, исторические произведения начинают отличаться по своему содержанию, характеру и целям от литературы, публицистики и т.п.

В 1708 г. Петр I поручил справщику московской типографии, дьяку *Федору Поликарповичу Поликарпову* (ок. 1670—1731)

написать историю России. Задачи были четко определены: «Понеже его царское величество желает ведать российского государства историю, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано... И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно. О сем имей старание, да имани получить немалую милость; от гнева же сохрани тебя Боже!»

Ф. П. Поликарпову, по мысли Петра, следовало начать повествование с XV в., т.е. со времени окончания периода политической раздробленности и создания централизованного государства. Иными словами, от автора требовалось составить идеологическое обоснование политики абсолютизма. Уже в самой постановке социального заказа есть указание источниковедческого порядка (выборка материала из летописей и его сличение, критическая проверка разноречивых свидетельств).

Однако опыт не удался, и автору передали мнение царя: «История твоя российская не очень благоугодна была». Такая оценка Петром и его окружением работы Поликарпова была вызвана прежде всего тем, что о современных событиях, особенно связанных с ходом Северной войны, он писал кратко и без достаточного источниковедческого обоснования. Здесь необходимо отметить, что Поликарпов, воспитанный в духе XVII в., критически относился к преобразованиям, которые проводили Петр и его сподвижники.

4.3. «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева

Памятником русской историографии первой четверти XVIII в. является большой труд «Ядро Российской истории» (1716). Его автор **Алексей Ильич Манкиев** (? — 1723), секретарь князя А. Я. Хилкова. Последний был послом с 1700 г. в Швеции. Во время Северной войны оба были интернированы. По возвращении в Россию (1718) Манкиев работал переводчиком в Коллегии иностранных дел.

По словам Манкиева, он «имел на сей труд повеление, а особливо, чтоб описать славные его царского величества дела». Кроме летописей, автор использовал актовые и вещественные источники. «Сей труд» очень отдаленно напоминает сочинения типа летописцев и отличается по своему построению от Степенной книги и Синописа. «Ядро Российской

истории» делилось на семь книг, каждая из которых разбивалась на главы. Деление на книги соответствовало наиболее характерным и крупным периодам русской истории.

В первой книге Манкиев рассматривает вопросы происхождения русского народа и Российского государства. История Руси, по его мнению, начинается с Рюрика, положившего начало самодержавной власти. Династия русских царей, в целях ее возвеличивания, через Рюрика генеалогически связывалась с династией римских императоров.

Рассматривая вопрос о происхождении названий «славяне», «росы», автор применил метод анализа и сопоставления корней, общих для ряда близких по значению слов. Имя «россианы» производится им от потомка Мосоха — князя Руса, термин «славяне» — от великой славы, которую они заслужили своей храбростью и мужеством. А. И. Манкиев впервые критически разбирает утверждения историографов других стран, которые, сравнивая корни русских слов с латинскими, отождествляли эти слова и по смыслу («славяне» и «*sclavus*» — невольник, раб). А. И. Манкиев осмысливал имена славянских вождей — Святослав, Венцеслав, Мстислав, Болеслав — и подчеркивал, что «почти все от славы имена имели, а не от невольничества, как некоторым приспилось». Второй его довод сводился к признанию большей древности славянского языка по сравнению с «испорченным римским». Как ни субъективна такая аргументация, она была шагом вперед в русской историографии по пути развития приемов изучения источников.

Несовершенство демократического строя привело к раздорам, «несоюзнству» среди новгородских «граждан» и заставило их обратиться к варяжским князьям с призывом взять на себя правление на Руси. Политический смысл концепции Манкиева заключался в утверждении давности абсолютизма в России и мысли, что самодержавие — наиболее совершенная форма государственного устройства.

Последующее изложение посвящено истории самодержавной власти, которая обеспечивает, по мнению автора, твердый порядок и проходит в своем развитии следующие этапы: от Рюрика до Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо; от нашествия татаро-монголов до ликвидации их власти при Иване III; от Ивана III до смерти Федора Ивановича; от Бориса Годунова до Михаила Романова; от Михаила Романова до царствования Петра I по 1712 г.

Так обосновывалась великодержавная схема исторического развития России. Что касается народных движений,

Манкиев отрицательно характеризует городские восстания в Москве в 1648 и 1662 гг.: «бунты черни». Бунтовщиком называет он С. Разина: «даже по самую Рязань и к Москве идти был намерен». Стрелецкое восстание (1682) Манкиев называет «великим смятением» и расценивает его как акт, подготовленный царевной Софьей и направленный против ее противников из числа бояр.

Политическая история в «Ядре Российской истории» занимает основное место, но встречаются известия, касающиеся и экономических вопросов. Например, о торговле с Англией в XV в. Всю книгу Манкиева отличает интерес к вопросам всемирной истории. Так, говоря о происхождении русского народа, автор приводит предания, касающиеся происхождения египтян, греков, римлян, англичан, французов, венгров. Дается представление о византийском законодательстве и особенно о законах Юстиниана. Рассказывает автор и об открытии Америки, о Кромвеле и Английской революции.

Наряду с русскими источниками, Манкиев использует и материалы иностранные, ссылается на античных авторов (Геродота, Ксенофонта, Птолея, Плиния), польских хронистов (Длугоша, Стрыйковского, Кромера, Вельского и др.). Свидетельства С. Герберштейна сопоставляет с данными русских летописцев. Про посланника шведского короля Карла IX Петра Петрея-де-Ерлезунда пишет: «Во всех своих книгах народ русский без чистой совести и срама ругает».

Работа Манкиева была напечатана только в 1770 г., что снизило ее значение в развитии исторической науки. Г. Ф. Миллер как издатель ошибочно приписал авторство книги князю А. Я. Хилкову.

4.4. Исторические труды о царствовании Петра I.

П. П. Шафиров

Наряду с трудами общего исторического характера в первой четверти XVIII в. появились работы, посвященные исключительно царствованию Петра I. Особое внимание уделялось в них внешней политике.

Задача исторически обосновать права России на владение побережьем Балтийского моря была поставлена в «Истории Свейской войны». Второе название работе — «Журнал или Поденная записка блаженной и вечнодостойной памяти императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения

Нейштадского мира» — дал М. М. Щербатов, подготовивший ее к печати в 1770 г. Издатель указывал, что часть работы (изложение до 1715 г.) отредактировал Петр I, остальной материал он не просмотрел.

По своему содержанию это не был журнал военных действий. Его задачи были гораздо шире: показать развитие внешней политики России накануне и во время Северной войны; охарактеризовать вооруженные силы страны; ход военных действий на всех театрах. Таким образом, «Журнал» положил начало систематическому освещению отечественных войн России.

«Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр I... к начатию войны против короля Карола XII, Шведского 1700 году имел...» вице-канцлера **Петра Павловича Шафирова** (1669—1739) (напечатано в 1717 г.) представляет собой, с одной стороны, трактат по международным отношениям, с другой — произведение исторического характера. «Рассуждение» появилось накануне переговоров России со Швецией об условиях мирного договора, в нем содержалась программа международных отношений и обоснование норм международного права, которых, как стремился показать автор, придерживалось русское правительство. Переведенная на немецкий язык книга Шафирова получила известность в Европе.

В «Рассуждении» автор рассматривает три вопроса, которым посвящает соответствующие разделы: о причинах Северной войны; о виновниках длительного ведения войны; о том, в какой мере стороны соблюдали правила войны.

Выступая апологетом Петра I, Шафиров писал об успехах, достигнутых Россией при этом государе. Таким образом, оценка значения царствования Петра I, данная автором, свидетельствует, что в его понимании исторического развития России определяющая роль отводится царю-преобразователю. Прославление абсолютизма сочеталось у Шафирова с идеализацией монарха, т.е. Петра I. Такой подход можно рассматривать как отказ от объяснений исторических явлений с позиций провиденциализма.

Причины Северной войны автор связывал с неприязненными действиями Швеции, и вследствие этого она является законным актом со стороны России.

В «Рассуждении» доказывалось, что ответственность за длительный характер военных действий несет Карл XII, отвергавший предлагаемые ему русским правительством «обширные пропозиции». П. П. Шафиров подтверждал фактами, что

Россия вела войну по обычаю и правилам всех христианских народов, а Швеция допускала правонарушения и жестокости.

Изложенная в «Рассуждении» внешнеполитическая программа отвечала интересам дворянского государства — овладение Балтийским побережьем являлось необходимым условием экономического и культурного развития России. Тем не менее, местами Шафиров явно идеализирует внешнюю политику России, проводимую Петром I.

В «Рассуждении», хотя зарождение археографии в России относится к середине XVIII в., Шафиров начал публикацию дипломатических документов о русско-шведских отношениях с середины XVI в. по 1700 г. Он был одним из первых, кто начал разрабатывать приемы передачи текста документов.

«Рассуждение», как явление исторической мысли с историческим обоснованием и документацией выдвигаемых вопросов, было новым явлением в области исторической, правовой и политической мысли.

Царствование Петра I отражено в ряде исторических работ, принадлежащих перу его ближайших сотрудников. Один из них — **Борис Иванович Куракин** (1676—1727), представитель потомственной аристократии, женатый на сестре первой супруги Петра I А. Ф. Лопухиной. Участник многих военных походов, начиная с Азовских и вплоть до Полтавы, Б. И. Куракин был назначен с конца 1709 г. полномочным послом в Англию, затем в Ганновер, Нидерланды и Францию. Дипломатическая деятельность предполагала знание истории того или иного города или страны, нередко ему приходилось составлять своего рода исторические справки. Дипломат, мемуарист, автор большого эпистолярного наследия, историк, Куракин симпатизировал потомственной аристократии, которую считал несправедливо обиженной Петром. Его перу принадлежат: «Дневники и путевые заметки за время с 1705 по 1710 г.», «Жизнь князя Бориса Куракина», сочинение «Русско-шведская война. Записки. 1700—1710», «Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях. 1682—1694» и «Ведение о главах в Гистории».

«Дневники и путевые заметки» Куракин вел во время своего пребывания за границей: в Вильно, Ковно, Кенигсберге, Кольберге, Берлине, Карлсбаде, Лейпциге, Амстердаме и других городах. Свое описание он снабдил небольшими историческими справками. Это произведение еще нельзя назвать в полной мере историческим. Тем не менее, сравнивая «Дневники...», в которых автор анализировал события, со ста-

тейными списками российских дипломатов XVII в., только фиксировавших увиденное, можно говорить о дальнейшем развитии исторической мысли в стране.

Произведение «Жизнь князя Бориса Куракина» охватывает время с 1676 по 1709 г. и по своему содержанию выходит далеко за пределы автобиографии. Автор, помимо перечисления преобразовательных мероприятий петровского правительства, подробно рассказывает о прибылях государства, расчетах государственных доходов и т.п.

«Записки» о русско-шведской войне доведены Куракиным до 1710 г. Источниковедческой основой этой работы стали личные воспоминания, современные газеты и реляции. В «Записках» содержатся многие дипломатические и военные подробности. Б. И. Куракин писал только о тех сражениях, в которых принимал личное участие. Сохраняя общеисторический фон при изложении событий, он уделил внимание деятельности Петра и его военачальников.

Наиболее заслуживает историографического изучения сочинение Куракина — «Гистория о царе Петре Алексеевиче...». Это часть большого, но незавершенного труда по «Гистории Славянороссийской империи». Сохранился план, в соответствии с которым предполагалась работа автора как с письменными источниками, так и используя личные воспоминания.

Куракин предполагал вкратце остановиться на происхождении славянороссийского народа и рассказать о первых киевских князьях. На восприятии исторической действительности сказывалось аристократическое происхождение автора. Он намеревался изложить не только историю всех ветвей рюриковского рода, но и «фамилии выезжих», т.е. рода Куракиных, поскольку последние вели свое родословие от полоцкого князя Изяслава (X в.). В «Гистории» рассказывается о перенесении столицы из Киева во Владимир и оттуда в Москву, специальные главы посвящены Новгородской и Псковской республикам. Из содержания книги, доведенного до середины XV столетия, читатель узнает о крещении, обычаях, княжеском правлении на Руси и времени, когда она становится суверенной страной. Описание конкретных исторических личностей начинается с Ивана III, значительное место отведено Ивану Грозному. Смутное время Куракин называет революционным. Излагая события, произошедшие в период времени от Михаила Романова до воцарения Петра I, Куракин пишет о Разине, бунтах на Украине и в Москве, Никоне и расколе.

Рассматривая правление Петра I, автор выделяет три основные темы: вопросы внутриполитической жизни, война со Швецией и дипломатическая деятельность России. Петр I как личность не вызывал большого интереса Куракина. Симпатизируя Софье, основное внимание он обращает на борьбу различных придворных группировок за власть в 1682—1694 гг. Рассказывая о государственных деятелях, Куракин пишет, в частности, что Софья — «принцесса доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и не искусная в делах и ума легкого». В работе приводятся язвительные характеристики ряда представителей боярства и дворянства: Л. Н. Нарышкин — «человек гораздо посреднего ума и невоздержанный к питью, также человек гордый, хотя и не злодей»; Т. Н. Стрешнев — «лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего... интриган дворовый»; Б. А. Голицын — «ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежной, понеже любил забавы, а особливо склонен к питию»; Лопухины, родственники первой жены Петра I, «были люди злые, скупые, ябедники, умов самых низких и незнающих нимало во обхождении дворовом, ниже политики — в оной знали»; Ф. Ю. Ромодановский — «сей князь был характеру партикулярного; собою видом как монстра, нравом злой тиран; превеликий нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству верный так был, что никто другой»; Лефорт «был человек забавный и роскошный или назвать его дебошан французской». Характеристики конкретных личностей занимают много места в «Истории» Куракина. «Характеры» исторических лиц во многом влияют, по мнению автора, на происходящие события. Ход истории определяется влиянием и взаимодействием таких факторов, как «интрига» и «счастье».

4.5. Поиски, публикация, критика источников

Произведения первой четверти XVIII в. свидетельствуют о перенесении внимания в объяснении истории с Божьего повеления на действия, «интриги» отдельных людей и их групп, связанных между собой общими целями: история — это поле борьбы характеров, причем успех часто зависит от случая, счастья, «фавора». История становится самостоятельной отраслью знания, исторические произведения начинают отделяться по своему содержанию, характеру и целям от произведений литературы и публицистики.

Авторы, основываясь на примерах из истории, приходят к выводу о неизбежности перемен как в судьбе отдельных личностей, так и целых царств. История учит властителей тому, как надо держать в подчинении своих подданных, как укротить мятежников, смирить крамольников и искоренить непокорных. Все больше утверждается идея о том, что история должна быть не просто собранием занимательных рассказов и небылиц, а поучительным чтением, характеризующим историю государства, общества. Причем изучение истории следует доводить до современности.

В конце XVII — начале XVIII в. была проведена большая работа в области собирания, публикации и критики исторических источников. Такой деятельностью начали заниматься эрудированные западноевропейские монахи-историки с целью обоснования превосходства римско-католической церкви; свою задачу они видели в том, чтобы распространить как можно больше документов, разоблачающих идейных противников. Монахи-эрудиты открывали неизвестные материалы и хроники, проводили скрупулезный и тонкий источниковедческий анализ в защиту и во имя славы Господа. Порой именно благодаря тщательности поиска, тонкости анализа и трудолюбию они, даже вопреки своим убеждениям, входили в противоречия с интересами и постулатами церкви.

Среди прочих следует отметить труды библиотекаря Сен-Жерменского монастыря Жана Мабильона (1632—1707), который справедливо считается основоположником дипломатики — вспомогательной исторической дисциплины. А началось все с изучения актов и дипломов, полученных церковью и монастырями на пожалованные земли и доходы. Ж. Мабильон и его соратники своей деятельностью способствовали разработке также других вспомогательных исторических дисциплин — палеографии и хронологии. Ученый монах-бenedиктинец Бернар де Монфокон (1655—1741) на рубеже XVII и XVIII вв. развернул огромную публикаторскую и комментаторскую деятельность с теоретическим обоснованием, положив тем самым начало палеографической науке. Подобные достижения соответственно отражались на формальной критике источников, определений их состава и подлинности. Будущий фактический создатель научной критики письменных источников в России А. Л. Шлёцер вышел из немецкой школы профессора Геттингенского университета И. Д. Михаэлиса.

Схожие случаи можно встретить и в России. Это деятельность патриарха Никона, связанная с исправлением бо-

гослужебных книг после сравнения их с более древними подлинными первоисточниками. Позднее в борьбе с расколом Петр I прибегал к прямому документальному подлогу. С санкции императора были опубликованы и вышли тремя изданиями «Деяния соборные на еретика арменина Мартина», документ, якобы относящийся к 1157 г., и «Феогностов требник», который будто бы был составлен в 1329 г. по повелению Ивана Калиты. Оба памятника содержали резкую критику того, что раскольники считали присущим древнему благочестию. В ответ раскольник Андрей Денисов провел тщательное источниковедческое исследование как «Деяний...», так и «Феогностова требника» и доказал, что «вид письма», «речения и пословицы», содержащиеся в документах, «не древнего времени, но нынешнего». Кроме палеографических и филологических методов критики источников Денисов обратился к хронологии и установил, что упомянутый в «Деяниях соборных» в качестве правившего киевского князя Ростислав Мстиславович в действительности не княжил в это время. Раскольники доказывали подложность «Деяний» и «Требника» отсутствием в подлинных древних памятниках письменности упоминаний о себе. Кроме того, такой известный церковный деятель, как Иосиф Волоцкий (Санин), указывал, что со времен крещения при Владимире и до новгородской ереси «жидовствующих» на Руси каких-либо ересей не существовало. Следовательно, не было и никакого еретика Мартина в XII в.

Подводя итоги, можно сказать, что развитие историографии в начале XVIII в. проходило в двух направлениях. Первое представляли произведения, наполненные идеями естественного права и общественного договора; второе — собирание и издание письменных исторических источников.

По определению Д. С. Лихачева, «всем своим существом Петровская эпоха была выражением отношения новой России к древней... при этом... огромное значение имеет пристальное исследование того, как памятники культуры Древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре». Темы, связанные с древнейшей русской историей, характерные черты древнерусской литературы и ее герои занимают в исторических сочинениях значительное место. Они широко отражены и в художественной культуре России Нового времени (литература, оперное и театральное искусство, изобразительное искусство). Сближение историописания с литературой наметило те тенденции исторических сочинений, которые при-

вели в начале XIX в. к созданию «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Источники

Манкиев, Л. И. Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом Андреем Яковлевичем Хилковым / Л. И. Манкиев. — М., 1770.

Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / И. Т. Посошков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. В. Козлова, Л. Н. Вдовина. — М., 2010.

Прокопович, Феофан. Избр. тр. / Феофан Прокопович ; сост., авт. вступ. сл. и коммент. И. В. Курукин. — М., 2010.

Шафиров, П. П. Рассуждение о причинах Свейской войны / П. П. Шафиров // Сборник документов по истории СССР / под ред. В. В. Мавродина. — М., 1973.

Рекомендуемая литература

Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII — первая четверть XVIII века / М. А. Алпатов. — М., 1976.

Историография истории России до 1917 года : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. — М., 2003. — Т. 1.

История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие / науч. ред.: Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. — М., 2006.

Черепнин, Л. В. Русская историография до XIX века : курс лекций / Л. В. Черепнин. — М., 1957.

Шапиро, А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. : учеб. пособие / А. Л. Шапиро. — СПб., 1993.

Глава 5

В. Н. ТАТИЩЕВ — «ОТЕЦ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

После смерти Петра Великого (1725) борьба за власть приобрела острый характер. Отдельные группы дворян устраивали заговоры и, используя гвардейские полки, совершали дворцовые перевороты, возводя своих кандидатов на престол. С воцарением в 1730 г. Анны Иоанновны, фаворитом которой стал Бирон, ко двору были приближены многие немецкие дворяне, выходцы из Курляндии и других областей Прибалтики. Засилье немецких временщиков вызывало протест среди русского дворянства как в политической жизни, так и в идеологии.

Большую роль в истории отечественной науки сыграла Академия наук, где в 40–60-х гг. работали М. В. Ломоносов и такие выдающиеся иностранные ученые, как физик и химик Д. Бернулли, математик Л. Эйлер, астроном и географ Ж. Н. Делиль. Научные изыскания отвечали практическим потребностям государства. Исторические вопросы изучались в связи с административно-хозяйственными задачами, экономическими проблемами, развитием ремесла, мануфактуры, торговли, статистики. Появляется новый тип сочинений — исторические и географические лексиконы (словари).

Историография по-прежнему сосредоточивалась на изучении истории государства — его возникновении и роли варягов в этом процессе. «Норманнская теория» происхождения Русского государства использовалась иностранными авторами для доказательства будто бы имевшей место неспособности русского народа к самостоятельному общественно-политическому развитию. Иное мнение разделяла партия патристически настроенных ученых. Наличие различных взглядов на историю России имело положительное значение для развития науки.

Во второй четверти XVIII в. начинается активное соби-
рание источников для исторических исследований. Помимо
летописей в научный оборот вводятся такие памятники, как
Русская Правда, Судебник 1550 г., Книга Большого Чер-
тежа. Выделяются специальные исторические дисциплины.
На смену религиозно-церковной точке зрения на историче-
ские явления приходит их рационалистическое объяснение.

5.1. Историограф второй четверти XVIII века

Крупнейшим представителем историографии второй чет-
верти XVIII в. был **Василий Никитич Татищев** (1686—1750).
Он происходил из старинной, но обедневшей дворянской фа-
милии. Его отец, псковский помещик, стольник Никита Алек-
сеевич Татищев, определил сына в московскую Инженерную
и артиллерийскую школу. Будучи родственником царицы
Прасковьи (жены Ивана V), Василий Татищев рано попал
в окружение царя Петра Алексеевича. В 18 лет он поступил
на военную службу: участвовал в Северной войне (1700—
1721), сражался под Нарвой, Полтавой, где получил ранение
(1709), в Прутском походе (1711); побывал в Польше и Прус-
сии; на Аландском конгрессе (1718—1719) выполнял различ-
ные дипломатические поручения.

В. Н. Татищев постоянно расширял свои знания, изучал
языки (по его словам, он знал польский и немецкий), знако-
мился с западноевропейской литературой, приобретал книги
(надписи на некоторых принадлежащих ему экземплярах ука-
зывают на иностранные города) для двух своих библиотек,
которые впоследствии представляли ценные для своего вре-
мени собрания. В его книжных коллекциях находились труды
по военному делу, естественнонаучным знаниям, но более
всего по истории, географии, государственному праву и ди-
пломатии; встречались также раритеты и архивные мате-
риалы — источники его будущей «Истории Российской».
Одно из своих книжных собраний — в тысячу томов — Ва-
сильи Никитич отдал «для пользы заводских школ», что сви-
детельствует о его внимании к просвещению не только дво-
рянских детей, но и детей рабочих.

В 1719 г. В. Н. Татищев получил от Петра I (по рекомен-
дации Я. В. Брюса) задание составить географическое опи-
сание России с соответствующими картами («обстоятельной
российской географии с ландкартами»). Выполнение этой за-

дачи было связано с практическими мероприятиями по межеванию земель («землемерие»), и Татищев представил царю специальный проект, касающийся производства межевания.

Для составления географического описания России потребовались конкретные сведения, и он занялся изучением истории. Ученый отмечал, что именно к этому времени относятся его подготовительные работы по разработке русской истории.

В 1720 г. Татищева отправили в Сибирь для управления горными заводами, и поручение Петра I осталось «без действия». Выполняя свои обязанности, он одновременно знакомился с географией, этнографией, историей этого края, составлял записки, касающиеся водных путей сообщения в Сибири, организации Ирбитской ярмарки и т.п. Здесь Татищев приобрел некоторые летописи, важные в историческом отношении, список «весьма древнего письма на пергаменте», ценный тем, что содержал сведения, которые в других летописях «ни одном не написаны». К поискам книг была подключена даже местная администрация: «рукописные книги и тетради, и письма» следовало «отсылать в Тобольск в губернскую канцелярию». В частности, Татищев получил от заводского комиссара Т. Бурцева «книгу в четверть по-русски написанную о Муроме городе и о других вопросах, в коже серой, букварь новой печати Санкт-Петербурхе, тетрадку нешитую о учении Синоду...».

По его инициативе в 1721 г. создаются казенные школы для рабочих при Кунгурском и Уктусском заводах, позднее — горнозаводские школы в Екатеринбурге, Соликамске, Каменске. Василий Никитич составил методическое руководство («Инструкция о преподавании в школах при Уральских заводах») для учителей заводских школ. Обучение в школах дополнялось практическими занятиями на заводах. В. Н. Татищев был сторонником сочетания теории и практики в процессе обучения: «Не только присматриваться, но и руками по возможности применяться, и о искусстве ремесла — в чем оное состоит — уведомиться и рассуждать».

С 1724 по 1726 г. Василий Никитич находился в Швеции «для призыву мастеров, потребных к горным и минеральным делам», изучал горное и монетное дело, наблюдал за русскими людьми, обучавшимися на местных металлургических заводах. Это время он активно использовал для расширения своих знаний в области истории и географии: общался со шведскими учеными (известными ему еще по Сибири Ф. Стра-

ленбергом и Г. Бреннером, где они были в плену, а также с Г. Ю. Биорнером), занимавшимися русско-шведскими отношениями, знакомился с местными древностями, работая в библиотеках и архивах.

По возвращении в Петербург Татищев поступил на службу в Московскую монетную контору, учрежденную для оперативного руководства монетными дворами. В 1730 г. Татищев активно участвовал в политической борьбе, развернувшейся в связи с воцарением Анны Иоанновны. Он выступил против «верховников» (членов высшего правительственного учреждения России — Верховного тайного совета, которые стремились обеспечить через этот орган власти господство в государстве нескольких аристократических фамилий), защищая интересы широких кругов шляхетства (дворянства). В политическом проекте «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», составленном Татищевым, исторически обосновывалась необходимость самодержавия в России и предлагались формы участия дворянства в государственном управлении.

Создание литературного произведения «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ» относится к 1733 г. В этой работе ученый изложил основы своего философского и политического мировоззрения. Тогда же, по-видимому, написана и «Духовная» Татищева, в виде наставления сыну, где также отражены его общественно-политические взгляды.

Через год Татищева назначили главным начальником всех горных заводов в Перми и Сибири, а затем перевели в Оренбургский край в качестве начальника Оренбургской экспедиции. Удаление из столицы, а затем и устранение от заведования горным делом, вероятно, было вызвано недовольством его деятельностью со стороны Бирона и ставленника последнего — Шемберга, возглавлявшего горнозаводское управление в России.

В 1734 г. Татищев разослал местным властям в города Сибири и Казанской губернии вопросник (касающийся сведений по географии, этнографии и истории) из 92 пунктов, рассчитывая таким образом собрать материал для составления «Общего географического описания всей Сибири». Через два года были написаны первые главы этого труда. Позднее он разработал и представил в Академию наук «Предложение о сочинении истории и географии Российской». «Предложение» содержало 198 вопросов по истории, географии и этно-

графин России (в том числе о народах Поволжья, Приуралья, Сибири), ответы на которые предполагалось получить через губернскую администрацию. Одновременно ученый работал над комментариями к найденным им текстам Русской Правды, Судебника 1550 г. (с дополнительными к нему указами) и «Историей Российской».

В 1739 г. Татищев привез первоначальный вариант «Истории Российской» в Петербург и показал ее ряду лиц. Ревнители старины усмотрели в пронизывающей текст рационалистической структуре посягательство на основы православия, в чиновных академических кругах автора пренебрежительно упрекали в недостатке эрудиции. Издание труда Татищева отложили. Вероятно, это было связано и с враждебным отношением к нему иностранцев, пользовавшихся влиянием в Академии.

Вскоре против Татищева возбудили судебное дело по обвинению в служебных злоупотреблениях. Возможно, для этого и были основания, главной же причиной преследования ученого некоторые исследователи называют его близкие отношения с кабинет-министром А. П. Волынским, возглавлявшим круг дворян, недовольных антинациональной политикой Бирона и его приспешников.

Несмотря на трудные условия, в которых находился в это время Татищев, он не оставлял своих научных занятий. В подготовленном в 1739—1740 гг. труде «Руссия или, как ныне зовут, Россия» ученый рассмотрел вопросы как исторической, так и современной ему физической, экономической и политической географии. В начале 1740 г. он представил в Академию наук подготовленные им к печати «Древние законы» (Русскую Правду и Судебник 1550 г. с дополнительными указами).

С падением Бирона общественное положение Татищева улучшилось. В период с 1741 по 1745 г. он занимал должность астраханского губернатора. Затем вновь попал в опалу и последние годы жизни провел в имении Болдино (ныне Солнечногорский район Московской обл.), продолжая трудиться над «Историей Российской».

Государственный деятель, последователь дела Петра I, ученый-энциклопедист В. Н. Татищев проявлял интерес к различным областям знаний. Он одновременно писал и об изменении монетной системы, и об усмирении киргизов в Оренбургской губернии, и об Иоакимовской летописи.

Мировоззрение историка формировалось и развивалось на модной в то время идее естественного права немецкого

ученого С. Пуффендорфа. Можно сказать, что Татищев был сознательным и последовательным утилитаристом — всегда стремился извлечь из любого занятия практическую пользу. Высшая цель, или «истинное благополучие», считал он, достигается при «разумном самолюбии»: «нужно человеку прилежать, чтоб ум над волей властвовал», а для того чтобы доставить преобладание уму, надо развить его природные силы наукой. Следовательно, главная наука — это познание самого себя, что является условием «высшего добра». Из этого условия развивается затем целая система «нужных» для человека наук: «телесные» (медицина, экономия), «политические» (законоучение), «душевные» (логика, богословие), «щегольские» (стихотворство, музыка), «любопытные» (астрономия, хиромантия), «вредные» («некромантия»).

Таким образом, мировоззрение Татищева находилось в полной гармонии с практическими задачами времени и с трезвым, прозаическим складом его натуры.

5.2. «История Российская с самых древнейших времен»

Отмеченные особенности своих воззрений Татищев перенес и в область специальных исторических исследований. Изучение русской истории являлось составной частью его общего мировоззрения.

Исторические работы Татищева можно сгруппировать следующим образом:

- 1) труды обобщающего характера;
- 2) комментарии к текстам исторических памятников;
- 3) исторические обзоры в экономических записках;
- 4) исследования по исторической географии.

Историческая концепция, данная им, — это схема истории самодержавия, представляемого в образах отдельных монархов.

Крупнейший обобщающий труд Татищева «История Российская с самых древнейших времен» был опубликован (причем очень несовершенно и неполно) уже после его смерти. Это историческое произведение во многом отличается как от летописных сводов, так и от книг Грибоедова, Манкиева и др. В. Н. Татищев систематизировал имеющийся в его распоряжении летописный и документальный материал, по-новому, в свете мировоззрения своего времени, дал объяснение исторического процесса, подвергнув критическому разбору источники.

«Истории Российской» предшествует содержащееся в первом томе Введение, или «Предъизвещение», где автор высказал свои взгляды на задачи и методы исторического исследования, характер источниковедческих критических изысканий и т.п. Такое Введение с постановкой исторической проблематики и источниковедческой методики уже отличает труд Татищева от более ранних произведений русской историографии.

Определяя предмет истории, Татищев указывает на происхождение слова «история» от греческого термина, означающего «деяние». Однако, по мнению Татищева, такое словопроизводство не дает оснований сводить задачи истории к изучению лишь собственно человеческих «деяний» (т.е. действий, поступков). В понятие «деяние» входит также и «приключение» (т.е. событие). В связи с этим историк поднимал вопрос о причинности деяния, считая «причиной» всякого «приключения» (события) «внешнее действо» (внешнее воздействие), происходящее от Бога или от человека. Таким образом, история, по Татищеву, должна изучать как действия людей и события, так и их причины, которые следует искать в воле человека или в Божьем промысле. Перед нами прагматическое объяснение исторического процесса как цепи явлений, внешне воздействующих друг на друга.

В «Предъизвещении» Татищев излагал (в соответствии с мыслями, высказанными ранее в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ») свое понимание всемирно-исторического процесса как истории «приключений» и «деяний», которые происходят «от ума или глупости». Под «умом» историк подразумевал природное свойство, превращающееся в «разум» в результате просвещения, под «глупостью» — «недостаток или оскудение ума». Как и в «Разговоре...», Татищев представляет нам три явления во всемирной истории, важные для «просвещения ума»: изобретение письма, пришествие Христа, введение книгопечатания.

В. Н. Татищев различает историю «сакру», или «святую» («священное писание»); «церковную»; «гражданскую», или «политику»; историю «наук и ученых». Он связывал исторический процесс с успехами просвещения, достижениями человеческого разума и выделял в специальную отрасль исторического знания историю науки.

Обосновывая прикладное назначение («пользу») истории, Татищев доказывал, что знание истории сообщает опыт, помогающий практической деятельности в разных областях. Уче-

ный говорил и о разных типах исторических произведений с точки зрения хронологии: можно начинать историю от «сотворения мира», но можно брать в качестве исходного пункта какой-либо важный момент прошлого, выделяя, например, историю «древнюю», «среднюю» и «новую». Наконец, тип исторического произведения зависит и от порядка изложения материала: по годам («хронограф или летопись»), по правлениям государей («архонтология, или о государех сказание») и т.д. Подобная классификация трудов по их задачам, характеру отбора материала и способу изложения была новым явлением в русской историографии.

Очень интересны рассуждения о тех качествах, которые необходимы историку, и о той подготовке, которой он должен обладать. В. Н. Татищев приводит две точки зрения по этому вопросу: одни считают, чтобы писать историю, достаточно прилежно читать материалы, иметь хорошую память и владеть хорошим стилем; другие указывают, что историку нужно быть философски образованным человеком. В. Н. Татищев заявляет, что в известной степени необходимо и то, и другое. Приступая к своему труду, историк должен приобрести необходимый минимум исторических сведений, прочитать нужное количество книг (русских и иностранных). Однако этого мало, необходимо осмыслить собранные факты.

В. Н. Татищев сравнивает историка с домовитым хозяином, который, приступая к постройке дома (исторического произведения), должен не только собрать для этого пригодные припасы (исторический материал), сохраняя их до поры в «хранилище» (своей памяти) с тем, чтобы воспользоваться ими когда нужно, но обязан еще осмысленно, разумно использовать этот материал, иначе выстроенное здание будет непрочным. В утверждении, что историк должен быть и собирателем фактов, и истолкователем их, сказался присущий Татищеву рационализм. Он пытался осмыслить проблемы источниковедения, выявить основы исторической критики, выдвинуть критерии оценки достоверности исторических источников. И в данном случае Татищев прибегает к образной форме изложения, сравнивая историка со строителем здания: как строитель должен уметь «разобрать припасы годные от негодных, гнилые от здоровых», так и «писателю истории нужно с прилежанием рассмотреть, чтоб басен за иетинну... не принять...».

Разбирая приемы отбора и критики источников, Татищев указывает, что историку главным образом следует использо-

вать показания участников событий, затем рассказы современников и, наконец, записи, составленные на основании данных, полученных от участников или современников событий. Источники отечественного происхождения он считает заслуживающими доверия в большей степени, чем записки иностранцев, которые не всегда владели русским языком. Но в то же время Татищев говорит о необходимости критического подхода и к русским источникам, авторы которых могли быть одержимы «страстью самолюбия или самохвальства».

В рассуждениях Татищева много здравых и верных наблюдений, хотя выдвигаемые им критерии источниковедческого анализа исходят преимущественно из его общего представления об историческом процессе, где действуют «министры или знатные правители, генералы и проч.», сведения которых, отраженные в источниках, кажутся ему наиболее достоверными.

В «Предъизвещении» Татищев перечисляет источники, привлеченные к исследованию: летописи, Книга Степенная царского родословия, Синописис, различные сказания и повести, документальный материал (почерпнутый из архивов Казани, Астрахани, Сибири) и т.п. Отдельные памятники сопровождают критические замечания: по мнению Татищева, Степенная книга представляет собой «сущую архонтологию», т.е. биографии царей, хронограф «в летах... много неисправен» (содержит неправильные даты), в Синописисе имеется «много басен и недосказательных включений».

В связи с вопросами источниковедения следует подчеркнуть, что ученый указывал на важность изучения вспомогательных исторических дисциплин. Среди них он называет «хронологию, или летосказание» (знание систем летоисчисления), «теографию» и «генеалогию, или родословие государей». Интерес к последней дисциплине характерен именно для дворянской историографии. Средневековая генеалогия заложила не только основательную источниковую базу, но и дала возможность позднейшим ученым использовать ее приемы для составления разного рода родословий: росписей и таблиц.

С развитием исторической науки проявился интерес и к генеалогии как к существенному компоненту исторического исследования. Ее научное значение осознавали первые русские ученые-историки. В. Н. Татищев же впервые обосновал значение основных «вспомогательных» исторических дисциплин. Он указывал, что для успешного написания исторического сочинения необходимо знание: 1) хронологии — «весьма

нужно знать, когда что делалось»; 2) географии — «показует положение мест, где что прежде выпало и ныне есть»; 3) генеалогии — «нужно знать, кто от кого родился, кого детей имел, с кем браками обязан был, из чего можно уразуметь правильные наследства и домогательства». Таким образом, в представлении Татищева, генеалогия — одна из трех наук, с помощью которой историк может решить стоящие перед ним задачи. Кроме того, интерес Татищева к генеалогии был продиктован стремлением исторически проследить правящее положение монархии и дворянства как его опоры.

Материал «Истории Российской» разбит на четыре книги, или пять частей. Такая структура отличается от предложенной Татищевым в «Предъизвещении» (четыре части) и отражающей его взгляды на периодизацию русской истории.

Часть первая (по печатному изданию — кн. 1, ч. 1–2) посвящена событиям до 860 г., т.е. до летописного рассказа о призвании Рюрика с братьями; часть вторая (по печатному изданию — кн. 2 и 3) — времени от вокняжения Рюрика до татаро-монгольского нашествия (1237); часть третья (по печатному изданию — кн. 4) — до времени Ивана III; часть четвертую (по печатному изданию — кн. 5) автор хотел посвятить времени от княжения Ивана III до восшествия на престол Михаила Федоровича; фактически события рассмотрены лишь до 1577 г. Неиспользованный авторский материал сохранился лишь в отрывках.

В основе периодизации Татищева лежит история самодержавия в России, намеченная в его политическом проекте 1730 г.

Первая книга «Истории Российской» (в двух частях) по своему построению и содержанию отличается от последующих. Она состоит из ряда глав, посвященных исследованию отдельных проблем древнейшей истории восточного славянства. Следующие книги напоминают сводную летопись (построенную на основе известий, взятых из разных летописных списков), в которой в хронологической последовательности изложена политическая история Руси.

Содержание первой книги начинается с вопроса «о древности письма» у славян. Приведя известия различных древних авторов, Татищев пытается их истолковать в том смысле, что «славяне задолго до Христа и славянорусы собственно до Владимира письмо имели...». Интерес к древней славянской письменности связан с общими представлениями Татищева о том, что изобретение письма является одним из важ-

нейших факторов исторического процесса. Другим фактором, определяющим развитие просвещения, Татищев считает роль христианства. Вопросу о распространении христианства на Руси посвящены следующие главы, основанные на данных как русских, так и иностранных памятников. При этом автор подвергает критике сведения источников, иногда прибегая к довольно произвольным приемам, в частности, он считал, что летописное известие о двух лицах (Аскольде и Дире) в действительности должно относиться к одному «мужу» — Аскольду Тирару.

В первой книге «Истории Российской» идет разбор древних русских летописей. Наиболее ранним памятником летописного типа Татищев считал один приобретенный им текст, автором которого якобы был новгородский епископ X в. Иоаким. По мнению ряда историков, в действительности так называемая Иоакимовская летопись представляет собой, по-видимому, памятник конца XVII в., составленный по указанию новгородского архиепископа этого времени по имени также Иоаким. Разбирая летопись Нестора («Повесть временных лет») и его продолжателей, Татищев делает ряд интересных критических замечаний, например, что до Нестора были на Руси и другие историки. Он ставит вопрос (хотя и не решает его) о необходимости отделить текст, принадлежащий Нестору, от текстов последующих редакторов, работавших над «Повестью временных лет» («некоторые неразумные дерзнули и в средину его летописи нечто внести, а иное разтерjali...»).

Затем Татищев переходит к описанию рукописей («манускриптов»), использованных в его «Истории Российской». Заканчивается описание призывом ко всякому «трудолюбивому» исследователю, сделавшему новые находки, сообщать о них в Академию наук, «дабы при другом издании могли пополнить или переправить...». Так выдвигается задача дальнейшего собирания рукописей, которые должны послужить источниковедческим фундаментом последующих научных трудов.

Много внимания уделяется вопросу о происхождении различных древних народов Восточной Европы. Пытаясь разобраться в обилии их названий, сохранных источниками (греческими, римскими и др.), Татищев приводит этому несколько объяснений: иногда «иноязычные» писатели, «невнятно выслушав» название, «неправильно [его] писали»; порой «соседи дают областям и народам имена сами, о которых другие или те самые народы не знают». В ряде случаев иностранные писатели не могли передать названия чужих

народов из-за отсутствия в собственном языке соответствующих букв. Народы меняли имена при переселениях. Все эти и другие объяснения историка, несмотря на их известную наивность, свидетельствуют о его критическом подходе к выдвинутой проблеме.

Повествование конкретной истории древнейших народов (скифов, сарматов, гетов, готов и др.) Татищев сопровождает отрывками из сочинений Геродота (V в. до н.э.), Страбона (I в. до н.э. — I в. н.э.), Плиния Старшего (I в. н.э.), Птолемея (II в.), Константина Багрянородного (X в.), использует и труды немецкого историка Г. З. Байера.

В. Н. Татищев доказывает древность славян, которые еще до того, как получили свое имя от «славы», уже зарекомендовали себя славными делами. «Из всех славенских областей, — писал историк, — русские государи наиболее всех распространением и умножением языка славенского славу свою показали»; «славян по всей Руси до Рюрика было много, но пришествием Рюрика с варяги род и язык славенский был уничижен»; имя Русь или Рось в греческих источниках «задолго и до Рюрика знаемо было...». И только княгиня Ольга, происходившая из рода славянских князей, «народ славенской возвысила и язык во употребление общее привела». Таким образом, признавая норманское происхождение княжеской династии у восточных славян, Татищев считал, что она утвердилась тогда, когда славяне уже прошли известный путь общественного развития.

В главе «О древнем правительстве русском и других в пример» первой книги историк ставит ряд теоретических вопросов об обществе и государстве, которые решает, как и в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ», на основе понятия «естественного закона». Представление о началах общежития и власти Татищев выводит из естественной потребности человека в семье: «...первое в роде человеческом сообщество учинилось, когда муж и жена свободные для общей их пользы согласятся в сочетание или в сокупление такое, которого главный урок умножить род свой». На семейной основе возникает «правительство отеческое» и «сообщество родовое». С размножением человечества появляется третья форма общежития, основанная на договоре, — «сообщество домовное», где господам принадлежит власть над холопами. Перечисленные формы общественной организации Татищев называет «единодомовными», или «хозяйскими». Он подчеркивает, что эти организации не могли долго существо-

вать самостоятельно. Вследствие злых качеств человеческой природы родились преступления, появилась нужда в защите от них. В то же время возросли хозяйственные потребности людей, они удовлетворялись путем известного общественного разделения труда: люди «разных промыслов и ремесел... совокупились, дабы всяк свободно потребное себе в близости достать, и своим промыслом других довольствовать» мог. Так возникли города, которым потребовалось общее правление — «гражданство» (или «политая»): «несколько таких городков союз учиня в едино общество согласились».

Далее Татищев останавливается на формах государства, доказывает преимущество для России абсолютизма по сравнению с другими типами государственного устройства. Много внимания уделяется титулам различных правителей: греческий «базилевс» («василеус»), римский «рекс» (*rex*), латинский «дукс» (*dux*), немецкий «фюрст» (*fürst*), славянские «царь» и «князь» и т.д.

Последующие книги «Истории Российской» содержат изложение исторических событий в соответствии с данными летописи и представляют меньший интерес для характеристики Татищева-историка. Ценные наблюдения географического, этнографического и терминологического характера приведены в примечаниях к этим книгам.

В. Н. Татищев (как указывалось выше) подготовил к изданию под названием «Законы древние русские» Русскую Правду (краткой редакции), извлеченную из списка XV в. Новгородской летописи, и Судебник Ивана IV с дополнительными указами. Кропотливое изучение рукописей Татищева, проведенное А. И. Андреевым, убеждает, что он работал над примечаниями к Русской Правде и Судебнику 1550 г. около 15 лет. Эти труды историка увидели свет много лет спустя после его смерти.

5.3. Труды по экономике и географии

«Краткие экономические до деревни следующие записки» Татищев написал в 1742 г. В них говорится о том, как должно вести помещичье хозяйство, организовать управление помещичьими имениями, какими должны быть занятия и быт крестьян («А кто... к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двой или трои сутки. А особливо вражды, ссор и драк между собою отнюдь не иметь... а жить всем согласно и единодушно...»).

Свое видение торгово-промышленного развития страны историк представил в специальных записках, составленных для императрицы Елизаветы Петровны: «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта», «На память о делах астраханских», «Предложение о размножении фабрик». В этих записках ставится вопрос о распространении в Астраханском крае шелковой и хлопчатобумажной промышленности, ремесла, о повышении доходности рыбных и соляных промыслов, о колонизации края, торговле с Востоком и т.д.

Записка «Например представление о купечестве и ремеслах» (1748) подытоживает многолетний опыт изучения Татищевым хозяйственной деятельности и отражает его взгляды на задачи экономической политики. В ней он высказался о формах содействия государства развитию промышленности и торговли в России. Почти одновременно (в связи с проведением в 1742–1745 гг. второй ревизии) было написано «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» (1747). Обе работы сопровождают исторические очерки. Так, в записке «Например представление о купечестве и ремеслах» дается обзор мероприятий в области развития торговли и промышленности, осуществленных русскими правителями с X по XVIII в. «Мы по истории довольно видим, — пишет Татищев, — как всема давно государи о ползе купечества русского прилежали».

Историк предлагает свою периодизацию экономического развития Русского государства. Первый период — это время до монгольского нашествия на Русь. Договоры киевских князей с Византией (X в.) не только «до войны, мира и союзов касались», но имели значение и для развития торговли. Ссылается Татищев также на «договор купеческой» Владимира Святославича (X в.) с волжскими булгарами, говорит о строительстве городов владими́ро-суздальскими князьями. В результате татаро-монгольского нашествия «монархия русская и все государство» были приведены «в крайнее падение». Не пошатнулось лишь экономическое положение Новгорода, который, напротив, «в великую силу пришел и всея Руси купечество (т.е. торговлю) в руках своих имел».

Следующий период — с конца XV до начала XVII в. — он связан с деятельностью Ивана III, Ивана IV Грозного и Бориса Годунова, направленной к распространению ремесел и созданию благоприятных условий для торговли (введение книгопечатания, чеканка монеты, выделка огнестрельного

оружия, торговые договоры с Англией и Голландией, посылка русских людей за границу для обучения и призыв в Россию «ремесленников из разных мест»).

События начала XVII в. Татищев расценивает как «безумную разпрю знатных шляхетских родов (аристократии) и междоусобную войну». Новым подъемом Россия обязана Алексею Михайловичу, который «преострым умом и охотою ко экономии вечную по себе славу оставил». В. Н. Татищев указывает на появление при Алексее Михайловиче «медных», «железных», «оружейных» заводов, «холчевых и шелковых фабрик», «кораблестроения». Развитию экономики способствовали договоры с Англией и Голландией, Новоторговый устав (1667) и другие указы, «весьма полезные купечеству», устройство «особливого» для купцов «правительства», т.е. создание специальных приказов, ведавших делами торговых людей, вызов в Россию иностранных ремесленников, распространение просвещения.

Результаты экономической политики Алексея Михайловича были временно подорваны действиями «некоторых знатных правителей». Мероприятия Петра I продолжили эту политику, которая была выражена в создании специальных коллегий по делам промышленности и торговли, Главного магистрата, учреждении Академии наук, устройстве школ.

После смерти Петра Великого, в результате действий «злостных и ненасытных лакомством правителей», его «уставы и учреждения» были «отринуты или переменены» (т.е. уничтожены или изменены). Лишь со вступлением на престол Елизаветы Петровны было принято решение «возобновить» «все законы, уставы и учреждения родителя ея».

В своей записке «Например представление о купечестве и ремеслах» Татищев предлагает ряд новых мероприятий, которые должны, с его точки зрения, благоприятно отразиться на росте ремесла и торговли. Идеолог дворянского государства, он выступает сторонником торгово-промышленного подъема в стране.

Ученый подчеркивал тесную связь между историей и географией: «Гистория или деесказания и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствия к знанию нам подать не могут». География и картография, по его мнению, помогают объяснению исторического прошлого, раскрывая природные условия, в которых совершались исторические события, устанавливая отношение современных поселений народов к их прежним местам жительства, выясняя старые и новые наименования и местоположения городов.

В. Н. Татищев различает географию математическую (исчисление широт и долгот), физическую (изучение природных условий) и политическую. В задачи последней входит: «политическое в географии описание представляет селения великие и малые, яко грады, пристани и пр., правительства гражданские и духовные, способности, прилежности и искусства, в чем либо того предела обыватели упражняются и преимуществуют, яко же их нравы и состояния...», т.е. описание поселений, форм государственного и церковного устройства, занятий жителей, черт их быта.

В трудах «Россия или, как ныне зовут, Россия» и «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи», «О географии вообще и русской» Татищев останавливается на вопросах исторической географии. Он придерживается периодизации, положенной в основу «Истории Российской», выделяя пять периодов: 1) до Рюрика; 2) «от начала монархии, Рюриком основанной, до нашествия татарского»; 3) время с 1238 по 1478 г., когда Иван III «в совершенство татарскую власть опроверг и монархию утвердил»; 4) время с 1478 по 1613 г., когда с восшествием на престол Михаила Федоровича «монархия паки в первое состояние и покой приведена»; 5) последующие годы.

При изучении исторической географии России Татищев пользовался как русскими источниками (например, Книгой Большого Чертежа), так и иностранными хрониками (трудами Адама Бременского, Гелмолда и др.). Историк специально изучал историческую географию Сибири. Отдельные исторические и географические наблюдения исследователя изложены в статьях, помещенных в его работе «Российский исторический, географический и политический лексикон» (доведен до буквы К).

5.4. Значение В. Н. Татищева в становлении отечественной историографии

По словам С. М. Соловьева, Татищеву, наряду с М. В. Ломоносовым, «принадлежит самое памятное место в истории русской науки в эпоху начальных трудов». Однако значение Татищева-историка было признано далеко не сразу. Долгое время его труды недооценивались, а то и подвергались резкой критике. Историка обвиняли в вымыслах и подлогах, объявляли его ссылки на рукописи, неизвестные исследователям

последующих поколений, вымышленными. Взгляды Татищева на историю приписывались исключительно западноевропейскому влиянию, потому отрицались их оригинальность и самостоятельность. Нередко утверждалось, что немецкие ученые-историки — члены Академии наук, прежде всего А. Л. Шлёцер, — «на две головы выше» Татищева. Между тем сам Шлёцер, оценивая «Историю Российскую» Татищева, писал: «Он отец русской истории, и мир должен знать, что русский, а не немец явился первым творцом русской истории».

Негативное отношение к трудам Татищева объясняется несколькими причинами. Из всех сочинений Татищева при его жизни было опубликовано только одно (причем в Швеции на латинском языке и в Англии на английском) — «Сказание о звере мамонте», первая в мировой литературе статья о мамонтах. Рукопись «Истории Российской» пролежала в Академии наук почти 30 лет, первые четыре тома увидели свет в 1760—1780 гг., а пятый в 1848 г. За это время историческая наука ушла далеко вперед, и, по словам академика М. Н. Тихомирова, труды Татищева «казались уже устаревшими, некритическими, и молодые русские историки того времени увидели в них только нагромождение источников». Другая причина неприятия сочинений Татищева-историка — тяжеловесность стиля. Они написаны языком первой половины XVIII в., содержат огромный массив выдержек из летописей на древнерусском языке, и потому читать их непросто. Неоднозначно воспринималась современниками нетрадиционность многих выводов и положений Татищева, что не могло не вызвать критики со стороны консервативных кругов.

В XIX в. отношение к Татищеву и его сочинениям также не было однозначным. Упреки в его адрес высказывал Н. М. Карамзин. Совершенно иной была оценка С. М. Соловьева, по мнению которого «заслуга Татищева состоит в том, что он первый начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название Россия, — одним словом, указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русскою историею».

Значение Татищева в становлении отечественной историографии было раскрыто лишь во второй половине XX в.

Усилиями А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. П. Ирошникова, А. Г. Кузьмина, С. Л. Пештича, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, А. И. Юхта и других историков в научный оборот введены все основные труды Татищева, изучены его жизнь и деятельность. В 1960-е гг. впервые были изданы академическое собрание сочинений ученого (в 1990-х гг. репринтное издание), позднее его избранные произведения (М., 1979), записки и письма (М., 1990). На рубеже XX—XXI вв. опубликованы библиография произведений Татищева и литературы о нем (М., 1995), описание его личного архивного фонда (М., 2001), иконография Василия Никитича (М., 2001). В Москве, Астрахани, Екатеринбурге проводятся Татищевские чтения. Все это позволило в полной мере оценить вклад Татищева в развитие русской общественной мысли и культуры.

Сочинения В. Н. Татищева

Татищев, В. Н. История Российская : в 7 т. / В. Н. Татищев. — М. ; Л., 1962—1968 (М., 1994—1996).

Татищев, В. Н. Избр. тр. по географии России / В. Н. Татищев. — М., 1950.

Татищев, В. Н. Избр. соч. / В. Н. Татищев. — Л., 1978.

Татищев, В. Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. / В. Н. Татищев. — М., 1990. — Серия : Научное наследство.

Татищев, В. Н. Избр. тр. / В. Н. Татищев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Б. Каменский. — М., 2010.

Рекомендуемая литература

Кузьмин, А. Г. Татищев / А. Г. Кузьмин. — М., 1981.

Толочко, А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия / А. Толочко. — М. ; К., 2005.

Торопицын, И. В. В. Н. Татищев и социально-экономическое развитие России первой половины XVIII века / И. В. Торопицын. — Астрахань, 2001.

Чернобаев, А. А. В. Н. Татищев и становление исторической науки в России // Задавая вопросы прошлому... / А. А. Чернобаев. — М., 2006. — С. 357—365.

Юхт, А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. / А. И. Юхт. — М., 1985.

Юхт, А. И. Поборник новой России: В. Н. Татищев / А. И. Юхт // Историки России. XVIII — начало XX века. — М., 1996. — С. 6—27.

Свердлов, М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской» / М. Б. Свердлов. — СПб., 2009.

Свердлов, М. Б. Ломоносов и становление исторической науки в России / М. Б. Свердлов. — СПб., 2011.

Глава 6

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ И СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК

Со второй четверти XVIII в. развитие научной мысли в России связано с деятельностью основанной Петром I в 1725 г. в Петербурге Академии наук. Положение об ее учреждении отправили русским дипломатическим миссиям для опубликования за рубежом и с целью набора подходящих кадров. Помощь иностранных академиков принималась и оплачивалась, но каждому из них предписывалось обязательно привезти одного-двух учеников и желательно, «которые из словенского народа, дабы могли удобнее русских учить».

В Академии наук преобладали ученые немецкой национальности, в частности историки. Дело в том, что «Священная Римская империя германской нации» не была единым политическим целым. Она состояла более чем из 300 суверенных государств и имела 1800 таможенных границ. Ученые, писатели, музыканты и художники были вынуждены поступать на службу к владельцам княжеств, где царили сословная замкнутость, атмосфера карликовых резиденций и имперских городов. Многие представители немецкого Просвещения покидали Германию в поисках лучшей доли, перебираясь в том числе и в Россию.

Согласно уставу Академии наук в ее «третьем классе» должен был состоять один академик по «истории древнейшей и нынешней». Эта должность сначала принадлежала И. Колю, который занимался рукописями Московской синодальной библиотеки. Специалист по истории церкви, он приступил к изучению древних славянских народностей; однако, слабо зная русский язык, существенных успехов не достиг.

Среди ученых-историков первой половины XVIII в. только древнейшая история считалась достойной внимания. На ос-

новании зарубежных источников русскую историю этого периода разрабатывал академик Г. З. Байер.

Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738) был приглашен в Академию наук в 1730 г. До приезда в Россию он учился в Кенигсбергском университете. В возрасте 20 лет Байер обладал солидными знаниями по маньчжурской и монгольской литературе, свободно объяснялся по-китайски, мастерски владел приемами филологической критики, изучил византийское рукописное наследие и средневековых писателей. Подготовленный к разработке древнейшего периода русской истории молодой ученый, однако, не знал русского языка. Русская летопись была известна ему в латинском переводе. Среди исследований Байера следует выделить варяго-русский вопрос, который он изучал на скандинавских материалах, и первые разработки исторической географии Киевской Руси.

Деятельность Байера получила в отечественной историографии различную оценку. Н. Л. Рубинштейн отмечал его прекрасное знание византийских и скандинавских источников. По мнению М. Н. Тихомирова, он был «бездарным, малоразвитым и воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам». В. К. Яценский подчеркивал беспочвенность утверждений Байера в области норманнского вопроса, но признавал, что его историко-географические исследования «сыграли полезную роль в истории нашей науки».

Действительно, Байер был крупным ученым-ориенталистом (арабистом, синологом) и филологом. Его работы по истории России основаны преимущественно на материалах античных, средневековых греческих и латинских писателей, а также на скандинавских источниках. Это этюды по истории Скифии и скифов, Греко-Бактрийского царства, киммерийцев, гиперборцев (народы, упоминаемые Геродотом).

В специальных статьях «О варягах», «О происхождении Руси», «География Руси и соседних областей по данным северных писателей» Байер обосновывал норманнскую теорию возникновения Русского государства. Он сосредоточил внимание на одном факте — призывании князей из варягов. По мнению Л. В. Черепнина, аргументация автора — весьма натянутая и неубедительная. Например, ряд славянских имен он выводил из корней слов скандинавского языка. Выводы Байера вызывали сомнение вследствие незнания им русского языка еще у Татищева. Тем не менее, он перевел главные работы Байера по древней русской истории и поместил их в первой книге «История Российская с самых древнейших времен».

Из немецких историков более всех, почти 60 лет, в Академии наук работал **Герард Фридрих Миллер** (1705—1783). Он приехал в Россию в 1725 г., после учебы в Рингельнском, а затем в Лейпцигском университетах. Г. Ф. Миллера пригласил в Россию президент Академии Л. Л. Блюментрост. Адъюнкт, преподаватель латинского языка, истории и географии при академической гимназии, библиотекарь при Академии наук, Миллер довольно быстро приблизился к влиятельным академическим кругам. В 1728 г. ему «препоручено было... при Академии вице-секретарство». В том же году он уже редактор академической газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Как приложение к газете ученый издает «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях».

Первый в России исторический журнал «Собрание российской истории», созданный Миллером, выходил на немецком языке с 1732 г. В журнале печатались источники и статьи по русской истории как отечественные, так и иностранные. Именно в этом журнале началась публикация «Начальной летописи».

В ходе Сибирской экспедиции (1733—1743), возглавляемой В. Берингом, Миллер сложился как историк и ученый. В течение 10 лет он знакомился с географией обширного края, этническим составом его населения, составлял карты, обследовал архивы, изучал быт и фольклор. Работа по сбору материала начинала приобретать научные формы и научную организацию.

Результат работы в Сибири — 38 фолиантов копий актового материала, так называемые «портфели Миллера», которые представляют богатейшую коллекцию материалов для изучения как Сибири, так и Европейской части России XVI—XVII вв. Учитывая, что многие подлинные документы с тех пор навсегда утрачены вследствие плохого хранения и многочисленных пожаров, «портфели Миллера» сохраняют свою научную значимость и сегодня.

В 1744 г. Миллер подготовил проект, предусматривавший учреждение Исторического департамента для сочинения истории и географии Российской империи. Его деятельность предполагала изучение и публикацию таких источников, как: 1) степенные книги, летописи и хронографы; 2) рукописи татарские, персидские, турецкие; 3) архивные дела из столичных и местных архивов; 4) жития святых; 5) рукописные известия о построении церквей и монастырей; 6) надгробные и другие надписи в церквях и монастырях; 7) родословные книги;

8) разные русские древности; 9) устные предания; 10) иностранные сочинения о России и других государствах, подлинные документы о международных отношениях. В связи с этим была составлена программа организации специальных экспедиций для сбора источников на местах. Проект отклонили.

В 1747 г. Миллер принял русское подданство. Ему присвоили звание историографа и утвердили в должности ректора университета. Исторический департамент был учрежден в 1748 г., но на других основаниях.

В следующем году ученый разбирал архив А. Д. Меншикова и одновременно работал над «Историей Сибири». Тогда же ему было поручено составить «диссертацию о начале российского народа и отчего оный так называется» для торжественного заседания в Академии наук, приуроченного к «тезоименитству» императрицы Елизаветы Петровны. Обсуждение диссертации продолжалось несколько месяцев. 29 заседаний Чрезвычайного собрания академиков проходили в напряженной обстановке. На основании письменных мнений ряда академиков канцелярия Академии наук отправила Профессорскому собранию указ об уничтожении диссертации Миллера, «так как она предосудительная России».

В. О. Ключевский писал, что Миллер, развивая норманнскую теорию, приход славян с Дуная на Днепр относил к христианским временам (не ранее Юстиниана); варягов отождествлял со скандинавами и утверждал, что скандинавы дали Руси государей.

Основного оппонента Миллера — М. В. Ломоносова — поддерживали Н. И. Попов, С. П. Крашенинников, А. П. Сумароков, И. Э. Фишер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, И. Д. Шумахер. В источниковедческом отношении позиция Миллера была достаточно серьезно обеспечена. Но как идеолог норманнской теории он нередко делал ошибочные выводы, обедняя историю Древней Руси. Норманнистские заблуждения ученого никоим образом не умоляют его значения в изучении истории Сибири, в собирании и анализе исторических источников.

Первый том «Описания Сибирского царства и всех, происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его русской державой по сии времена» увидел свет в 1750 г. В журнале «Ежемесячные сочинения» была опубликована основная часть второго тома. Целиком этот труд издали в 1761—1763 гг. на немецком языке под названием «История Сибири»; на русском языке двухтомник Миллера появился лишь в середине XX в.

В 1750-е гг. ученый возвращается к издательско-журнальной работе, которой занимался до 1732 г. В это время в «Ежемесячных сочинениях» выходят его работы по истории Сибири, «Опыт новейшей русской истории», очерки истории Новгорода и Пскова.

В 1766 г. Миллера назначили начальником в Московский архив Иностранной коллегии. Он переезжает в Москву, одержимый желанием «давать наставления молодым людям для продолжения исследований после его смерти», «устраивать архив, приводить его в порядок и сделать полезным для политики и истории». Судьба подарила ему еще 17 лет. Г. Ф. Миллер организует первую экспедицию с целью поиска архивных материалов по городам и монастырям Московской губернии. За 50 лет до начала археографических экспедиций он сформировал и воспитал кадры русских архивных и археографических работников, среди которых Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский и др. Ученый пишет историю российского дворянства, очерк истории Преображенского и Потешного полков, историю Академии наук, морских плаваний. Он первым опубликовал «Историю Российскую с самых древнейших времен» В. Н. Татищева, Судебник Иоанна Грозного с примечаниями В. Н. Татищева, «Ядро Российской истории» А. И. Манкьева, Степенную книгу, «Географический словарь Российского государства», письма Петра I к Б. П. Шереметеву, «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. М. М. Щербатов писал: «Миллер не токмо вложил мне охоту к познанию отечества моего; но, увидя мое прилежание, и побудил меня к сочинению оной». С благодарностью отзывались о нем Н. И. Новиков, И. И. Голиков и др.

Г. Ф. Миллер впервые в отечественной исторической науке поставил вопрос о точном воспроизведении документа в неизменном виде с сохранением всех особенностей печатаемого списка, орфографии и грамматики. Язык памятника, указывал ученый, служит свидетельством места и времени его возникновения. Такой подход обусловил научное изучение текста, появление критики источника. Г. Ф. Миллер ввел порядок научного обоснования изложения истории — обзор источников, которым начинаются его очерки. В случае расхождения свидетельств разных источников он параллельно воспроизводил те и другие, давая возможность для сопоставления и проверки высказанного суждения.

Во главу научного исследования Миллер поставил принцип «истинности». Если до него критика факта сводилась

к критике «здравого смысла», как единственного «разумного» критерия, то ученый отстаивал общий принцип рационализма, задача которого — борьба с баснословием. Он приступил к разработке «генеалогии» как специальной дисциплины.

Младший коллега Миллера **Август Людвиг Шлёцер** (1735—1809) родился в г. Ягштадте графства Гогенлоэ. Сын пастора, он в пять лет потерял отца. С десятилетнего возраста Шлёцер давал частные уроки, в 16 лет поступил на богословский факультет Виттенбергского университета, где получил хорошую богословскую и филологическую подготовку, в 1754—1755 гг. он слушал лекции в Гёттингенском университете. Следующие три года Шлёцер работал в Стокгольме домашним учителем, конторским служащим, корреспондентом гамбургской газеты и одновременно изучал скандинавские языки. К 25 годам, по его словам, он знал «грамматически до пятнадцати языков», а также естественные науки и медицину. Издал на шведском языке «Опыт всеобщей истории торговли и мореплавания в древнейшие времена», на немецком языке — «Новейшую историю учености в Швеции».

В 1761 г. Шлёцер был рекомендован жившему в Петербурге Г. Ф. Миллеру в качестве домашнего учителя и помощника в обработке собранных материалов по русской истории. По приезду в Россию в конце 1762 г. он некоторое время находился на частной службе у Миллера, затем получил официальную должность адъюнкта по русской истории при Академии наук.

План занятий, представленный Шлёцером в Академию наук, предполагал изучение отечественных и иностранных источников, использование тех и других для составления свода русской истории. Под отечественными памятниками Шлёцер понимал, прежде всего, летописи, которые необходимо обрабатывать в следующих направлениях: подбор списков, их сравнение и выявление «чистого и верного текста»; грамматическое изучение, т.е. прочтение текста и выяснение его смысла; сопоставление летописей для проверки содержащихся в них разнородных сведений. Ученый считал необходимым написать очерк русской истории от основания государства до пресечения династии Рюриковичей, а также создание популярных книг по истории, географии и статистике.

В 1767—1768 гг. Шлёцер вместе с переводчиком Академии наук С. Башиловым издал Русскую Правду, Судебник царя Иоанна, две первые части Никоновой летописи, позднее —

очерк русской истории на французском языке и «Русскую историю до основания города Москвы (1147)» — на немецком. Оба сочинения были переведены на русский язык и долго служили для школьного употребления.

В 1769 г. Шлёцер, покинув Россию, занял должность профессора в Гёттингенском университете. Преподавая там всеобщую историю и статистику, он продолжал изучать «Начальную летопись». Ее критическое исследование Шлёцер закончил в 1800 г. и посвятил работу Александру I. Российский император в благодарность прислал ученому бриллиантовый перстень, а позже пожаловал орден св. Владимира и герб с изображением Нестора.

Российская история поражала и влекла Шлёцера своими масштабами. Он признавался, что не способен написать сколько-нибудь хорошую историю России для серьезных читателей. Свое внимание ученый сосредоточил на другом — изучение источника и его критика стали основными направлениями в его научной работе «Нестор».

А. Л. Шлёцер сформулировал общие принципы критики текста, различая три ее вида, три этапа критического изучения: 1) что Нестор писал действительно? 2) что он под сим разумел? 3) правильна ли его мысль? Последний этап был переходным от критики текста к интерпретации исторического факта, т.е. самого исторического процесса. Этим Шлёцер не занимался, его дело — критика текста.

Ученый четко и ясно описал технические приемы критики: сличение и систематизация списков по их названиям, установление их взаимосвязи, генеалогии. Он обратил внимание на такие характеристики источника, как бумага и внешнее оформление, письмо, приемы написания, иллюстрации, язык. Из этого комплекса данных, по мнению ученого, можно было определить место и время возникновения не только изучаемого списка, но и того утраченного текста (протографа), от которого данный список происходит. В итоге, как полагал Шлёцер, древность списка не тождественна древности редакции и сама по себе не решает вопроса о степени его достоверности.

Изучая русское летописание, Шлёцер написал близкую к действительности историю создания летописных сводов, подверг их критическому анализу. Разбор русского начального летописания ученый довел до 980 г. В ходе этой работы он пересмотрел основные вопросы, занимавшие историческую науку того времени: историческая этнография и происхождение современных народов; норманнская теория (он указал,

что за 200 лет в русском языке не осталось ни одного скандинавского термина); общественный строй славян IX—X вв. (доказывал примитивность политического строя и отсутствие государственности).

А. Л. Шлёцера обвиняли в немецком национализме, в стремлении доказать, что именно немцы принесли в Россию культуру и государственный строй, а ее внешняя политика, начиная с образования Московского государства, носила исключительно завоевательный характер. Довольно широкое распространение получило мнение, что Шлёцер презирал Россию и русский народ. Между тем этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Когда Шлёцер принялся за изучение церковнославянского языка, он, не скрывая своего изумления, восхищался его богатством и говорил: «Вот на какой язык лучше всего перевести Гомера».

В 1809 г. ученый был избран почетным членом Общества истории и древностей российских. В 1813 г. Н. П. Румянцев внес 25 тысяч рублей в Фонд издания русских летописей при Академии наук и в своем обращении к ее руководству сослался на Шлёцера как основателя научного изучения летописей. Его работа «Нестор» получила широкое признание в науке, была переведена и издана на русском языке. Начиная с Н. М. Карамзина, русские историографы смотрели на Шлёцера как на первоучителя и руководствовались его приемами критики исторических текстов.

Гениальный русский ученый **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711—1765) не был профессиональным историком, но его работы, посвященные прошлому русского и других народов, явились новым словом в науке. Рост национального самосознания, борьба за экономическую, политическую и культурную независимость России повлияли на Ломоносова, он счел своим долгом сделать русскую историю достойной внимания общества, украсить ее новыми приемами изложения. Чувство патриотизма пронизывало его исторические труды.

Жизненный путь ученого хорошо известен, и мы остановимся главным образом на тех обстоятельствах, которые оказали влияние на его мировоззрение. Выходец из государственных крестьян, он считал, что успешное экономическое развитие России возможно лишь при проведении ряда мероприятий по улучшению положения крестьянства. В то же время Ломоносов был сторонником просвещенного абсолютизма.

В 1749 г. по просьбе В. Н. Татищева он написал посвящение великому князю Петру Федоровичу к первой части «Истории Российской». Посвящение пронизывала следующая мысль: занятие историей является патриотическим делом, к которому побуждает «искренняя любовь и горячее усердие к отечеству». В соответствии с взглядами Татищева на первый план он выдвигал задачу изучения «дел бывших в России владетелей, а особливо самодержавных», т.е. абсолютных монархов.

В том же году ученый выступил с замечаниями на диссертацию Миллера «Происхождение имени и народа российского», решительно возражая против его концепции. М. В. Ломоносов критиковал сам принцип отбора источников — игнорирование русских авторов и преимущественное внимание к иностранным, отмечал субъективный подход Миллера — использование лишь того материала, который отвечал его предвзятой точке зрения. В этой связи он высказал соображения о задачах критического анализа древних памятников письменности: «Надо уметь отделить в них правду от баснословия». Подверглись сомнению и выводы Миллера (идущего вслед за Байером), основанные на созвучии корней ряда слов. Ломоносов считал неправильными утверждения о позднем появлении славян в местах их последующего пребывания; о том, что Русь — это новое название; наконец, противопоставление Руси славянам. Он доказывал, что название «россияне» происходит от «роксалан» (славян), которые вместе с готами (тоже, по его мнению, славянами) переплыли с побережья Черного моря к Балтийскому, получив там название «варяги».

Система доказательств Ломоносова характеризует его источниковедческие приемы. В первую очередь он оперирует материалами письменных источников. Привлекая топонимические данные, ученый доказывал существование славянских названий деревень, городов, рек, целых земель там, где (как он считал) когда-то жили варяги-русь. М. В. Ломоносов утверждал, что еще в его время курляндцы, обитавшие на территории, занятой ранее варягами-русью, и являвшиеся их потомками, говорят «языком, от славенского происходящим». Указание Нестора-летописца также свидетельствует, что «славенский и русский язык едино есть».

М. В. Ломоносов не мог примириться с утверждениями Миллера, на страницах диссертации которого «русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют» и т.д. Он считал, что для «славено-

российского народа» будет «предосудительно», «ежели его происхождение и имя положить столь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут».

Вместе с тем в ряде случаев М. В. Ломоносов необоснованно критикует Миллера и Байера. Так, он упрекает последнего, что тот не столько заботится об «исследовании правды», сколько о том, «дабы показать, что он знает много языков и читал много книг». М. В. Ломоносов изображает Байера в виде «идольского жреца, который, окутив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением, закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы».

Полемика с Миллером свидетельствовала о хорошем знании Ломоносовым источников, своеобразном и в ряде случаев вполне критическом подходе к ним. По существу вопроса, он стоял на правильных позициях, доказывая значительную давность появления славян на территории Восточной Европы и зарождения у них государственности независимо от норманского завоевания. Правда, отождествление ученым варягов и готов со славянами было лишено достаточного научного основания.

Основное произведение исторического характера, принадлежащее Ломоносову, — «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Он начал эту работу в 1751 г., написал ее в основном в 1754—1758 гг., напечатали произведение уже после смерти ученого, в 1766 г. Автор утверждал, что российский народ «много видел в счастье своем перемены», страдал от внешних врагов и от внутренних междоусобиц и, тем не менее, не только не утратил своей национальной независимости, «не токмо не расточился», но и высочайшей степени «величества, могущества и славы достигнул».

В «Древней Российской истории» Ломоносов высказывает некоторые общие соображения об историческом развитии как смене периодов упадка и расцвета: «Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление». Мысль о поступательном движении истории, преодолевающей на своем пути многочисленные препятствия, отступающей и снова идущей вперед, была для того времени достаточно прогрессивной.

М. В. Ломоносов не изолировал отечественную историю от западноевропейской, выявляя черты сходства и различия в жизни народов. Он разделял мнение, что след в прошлом оставляют люди разных поколений и народы разных времен,

историческая наука должна воссоздать по этим следам развитие народов от прошлого к настоящему. История — это движение, она не знает ограничительных рамок времени и пространства.

История человечества складывается из действий людей ряда поколений. Если люди разных времен выступают раздельно, то история объединяет их деяния в общем всемирно-историческом процессе. Эта трактовка представляла значительный шаг вперед от развитого Татищевым понимания истории как науки, изучающей цепь человеческих «деяний» и «приключений», к мысли об их преемственности и непрерывности.

М. В. Ломоносов выдвигал задачу выяснить общие и своеобразные черты в развитии отдельных народов. При этом он исходил из идеи повторяемости явлений у народов, одновременно выступающих на всемирно-исторической арене. Выявляя параллели в истории отдельных народов и указывая особенности их исторической жизни, Ломоносов в этом вопросе отошел от схемы Татищева с его выделением в развитии народов четырех «станов», подобных возрастам отдельных людей.

М. В. Ломоносов, как и Татищев, исследовал вопрос о пользе истории. Он видел ее в правдивости изображения прошлого, которая является условием морального воздействия на людей. История «дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное». Таким образом, ученый в свете рационалистического мировоззрения трактовал и сущность государства, и характер исторического процесса, подчеркивая моменты, помогающие их пониманию, — «разум», «польза», «правосудие», «твердость», «мужество» и т.д. Используя исторические факты, он обосновывал роль просвещенного абсолютизма в развитии человечества.

По Ломоносову, древняя российская история делится на две части: «О России прежде Рюрика»; «От начала княжения Рюрикова до кончины Ярослава первого». Ученый решал вопрос о древнем населении России и происхождении русского народа по летописным данным; он указывал, что «старобытными» жителями России являются славяне и чудь.

Исследователь подробно рассматривал данные древних и средневековых писателей о славянах и их роли во всемирной истории, стремился доказать древность «славянского племени». Специальные главы «Древней Российской истории» посвящены чудь и варягам. Варягами, по мнению Ломоносова,

именовались вообще северные народы. Варягов-россов он отождествляет с пруссами, говорившими на языке, близком к литовскому, который являлся «отраслью» языка славянского. Эта точка зрения не может быть признана верной, но мысль автора о том, что общественное развитие славян началось задолго до появления на территории Восточной Европы норманнов и что имена «рос» — «русь» славянского происхождения, является правильной. М. В. Ломоносов писал, что народы, как этнические категории, формируются в процессе «переселений» и «странствований», «в таком между собою сплетении», что часто нельзя сказать, какому народу отдать преимущество в смысле древности. Словом, не бывает «чистых» народов.

«Самодержавства российского основатель» Рюрик рассматривается как «герой», отличающийся «разумом и мужеством». Утверждение «самодержавства», по мнению ученого, вызывало сопротивление сторонников «общенародного прежнего владения». Эта мысль свидетельствует о понимании автором «Древней Российской истории», что возникновение государственности происходило в борьбе, участниками которой выступали родовые и племенные старейшины. Факт создания государства у восточных славян он расценивает как исторический прогресс.

Вторая часть «Древней Российской истории» разбита на главы, посвященные отдельным княжениям. Изложение построено на данных летописей и некоторых византийских источников. До нас, к сожалению, не дошли комментарии (цитаты, тексты документов и т.д.), которые Ломоносов предполагал дать к книге.

Для понимания исторических взглядов Ломоносова представляет интерес его рукопись «Идеи для живописных картин из российской истории». Он рассматривает здесь вопросы из истории государства (единодержавия — абсолютизма) в России, национально-освободительной борьбы и касающиеся международного значения России. Сама идея создания живописных картин на исторические сюжеты показывает, что Ломоносов придавал большое воспитательное значение истории.

«Слово похвальное блаженным и вечнодостоинным памяти государю императору Петру Великому», написанное Ломоносовым в 1755 г., — настоящий панегирик (в торжественной форме художественной прозы). Ученый отмечал деяния Петра I в области просвещения, промышленности, торговли, меры, предпринятые царем, для создания регулярной армии. Особым достижением императора он считал строительство флота, связывал с ним расширение торговых связей и гео-

графические открытия. Он стремился подчеркнуть, что Петр не только управлял как государь, но и «собственным примером побуждал к трудам подданных!».

Автор примечаний к рукописи «История Российской империи при Петре Великом», составленную по предложению русского правительства Вольтером, Ломоносов внес в текст ряд поправок фактического характера. Ученый исправил неверные утверждения Вольтера об уровне экономического, политического и культурного развития России.

«Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», принадлежащее Ломоносову, сохранилось во французском переводе недошедшего до нас оригинала. Это рассказ о политической борьбе конца XVII в., облеченный в художественную форму, с пересказом речей действующих лиц и психологическими мотивировками их поступков, с известной драматизацией всего происходившего в то время.

В 1759 г. ученый написал (издан в 1760 г.) «Краткий Российский летописец» с родословием, посвященный царевичу Павлу Петровичу. Изложение трехчастного летописца пронизано идеей величия славянского народа.

До конца жизни Ломоносов интересовался и занимался историей, заботился о судьбах исторической науки. В проект нового регламента Академии наук (1764) он внес специальный параграф о должности историографа, обязанного собирать исторические сведения о России и издавать труды по русской истории. Историографу должны были быть доступны государственные архивы, при этом он должен был быть человеком «надежным и верным», русским по национальности, не склонным в своих исторических сочинениях «к ошпынству и посмеянию». М. В. Ломоносов выступал против назначения Миллера историографом. Он не доверял Шлёцеру и глубоко переживал, что в руках последнего могут оказаться судьбы русской исторической науки.

Характеристика Ломоносова была бы неполной без упоминания о некоторых его работах в областях, смежных с исторической наукой. Среди его трудов сочинения по физической и экономической географии, статистике. М. В. Ломоносов составил анкету с целью систематизации сведений для Российского географического атласа. В труде «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» Ломоносов дает исторический обзор экспедиций, географических открытий, совершенных англичанами, испанцами, голландцами и русскими.

Ученый проявлял большой интерес к русскому языку. В «Российской грамматике» он писал, что в русском языке есть «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского и сверх того богатство и сильная в изображении краткость греческого и латинского языка». Этой же теме посвящен труд «О пользе книг церковных в российском языке».

М. В. Ломоносов был, бесспорно, крупным историком-исследователем, и, признавая его значение в развитии отечественной науки, совсем не обязательно изображать всех немецких ученых, работавших вместе с ним, бездарными и невежественными людьми.

Он понимал политическое значение истории, ее роль в воспитании народа. В его работах просматривается постановка вопроса о создании истории не только правителей, но и народов.

Вторая четверть и середина XVIII столетия отмечены движением вперед русской исторической науки. Основным дискуссионным вопросом в историографии стал варяжский. Академики-немцы подвергли критике теорию о происхождении русских царей от императора Августа, представление о мирном, добровольном и всенародном призвании варяжских князей; утверждали, что приход варяжских князей знаменовал собой начало Русского государства. Заслуга Ломоносова, возглавившего антинорманнистов, заключалась в том, что он первым исследовал вопрос об уровне развития восточнославянского общества и создании Русского государства. Ученый рассматривал историю прежде всего как историю народа, который проделал длинный и сложный путь развития задолго до появления у него государства.

Подводя итог дискуссиям, вызванным отношением к норманнской теории, следует отметить, что для исторической науки гораздо более важным и актуальным является вопрос: не кто создавал, а как создавалось Русское государство.

Источники

Ломоносов, М. В. Древняя Российская история от начала российской народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. : в 11 т. — М. ; Л., 1952. — Т. 6. — С. 163—286. (*Ломоносов, М. В.* Полн. собр. соч. : в 10 т. — Т. 1, 2, 6, 7, 8. — 2-е изд., испр. и доп., подгот. к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. — М. ; СПб. : Наука, 2011. — Т. 6. — С. 93—180.)

Ломоносов, М. В. Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 17–84.

Ломоносов, М. В. Краткий Российский летописец с родословием // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 287–358.

Миллер, Г. Ф. Избр. труды / Г. Ф. Миллер; сост. С. С. Илизаров. — М., 2006.

Миллер, Г. Ф. История Сибири : в 2 т. / Г. Ф. Миллер. — М., 1999.

Миллер, Г. Ф. Сочинения по истории России : избр. / Г. Ф. Миллер; сост. А. Б. Каменский. — М., 1996.

Новое о Ломоносове : материалы и исследования к 300-летию со дня рождения / сост., отв. ред. С. С. Илизаров. — М., 2011.

Шлёцер, А. Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлёцером : в 3 ч. / А. Л. Шлёцер. — СПб., 1809–1819.

Рекомендуемая литература

Антипин, Л. Н. Ломоносов: у истоков отечественной исторической науки / Л. Н. Антипин. — М., 2009.

Готтлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук : сб. ст. — СПб., 1996.

Джаксон, Т. Н. Миллер Герард Фридрих. Шлёцер Август Людвиг / Т. Н. Джаксон // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 15–18, 62–66.

Илизаров, С. С. Герард Фридрих Миллер (1705–1783) / С. С. Илизаров. — М., 2005.

Некрасова, М. В. Ломоносов Михаил Васильевич / М. В. Некрасова // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 19–24.

Славяне и Русь: проблемы и идеи. — М., 1998.

Фомин, В. В. Ломоносов — гений русской истории / В. В. Фомин. — М., 2006.

Фомин, В. В. Русские летописи и варяжская легенда / В. В. Фомин. — Липецк, 1999.

Хлезов, А. А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке / А. А. Хлезов. — СПб., 1997.

Черепнин, Л. В. А. Л. Шлёцер и его место в развитии исторической науки // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. — М., 1994.

Чернобаев, А. А. Немецкие ученые-историки — члены Российской академии наук в XVIII в. // Чернобаев А. А. Немцы в России: Три века научного сотрудничества. — СПб., 2003. — С. 125–135.

Шанский, Д. Н. Запальчивая полемика: Герард Фридрих Миллер, Готтлиб Зигфрид Байер и Михаил Васильевич Ломоносов / Д. Н. Шанский // Историки России. XVIII — начало XX века. — М., 1996. — С. 28–38.

Глава 7

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В XVIII в. получили развитие исторические идеи гуманистов XVI и рационалистов XVII столетий. В центре внимания просветителей XVIII в. (Ф. М. Вольтер, Э. Гиббон, Ж. А. Кондорсе, Г. Б. Мабли, Ш. Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм и др.), как и их предшественников, находился человек — индивид, равный всякому другому. Христианская идея всеобщего равенства перед Богом была «опущена с неба на землю» и использована для того, чтобы сломать сословные перегородки. XVIII в. был временем возрождения античного духа. Человеческая личность противопоставлялась феодальному корпоративизму. Подкреплялись эти идеи теориями общественного права, общественного договора и разумного эгоизма.

С точки зрения просветителей, все благодеяния должны последовать сверху, и чем могущественнее правитель, тем больше у него возможностей облагодетельствовать своих подданных. Просвещенный монарх, окруженный философами, — идеал, естественно выраставший из идеологии буржуазного Просвещения. Идеи французских, английских и немецких просветителей стали общеевропейским явлением.

Во второй половине XVIII столетия в России определились два направления просветительства. Представители умеренного, или либерального, крыла выступали за реформы, которые должны были осуществляться «просвещенным» монархом, представители революционного — за народную революцию. Распространение просветительской идеологии в России связано с Екатериной II. Правда, переписываясь с французскими философами и литераторами, императрица не предполагала возможных последствий своего увлечения.

Историческая литература была довольно широко представлена в России переводами произведений античных писателей, в частности, «отца истории» Геродота, сделанного А. А. Нар-

товым. Как и в большинстве других стран Европы, в России выходили энциклопедии, словари (лексиконы) по самым различным отраслям знаний, словари иностранных языков, в том числе и языков народов ее населявших, географические и исторические словари. Лучшими из них были «Географический лексикон Российского государства» Ф. А. Полунина и Г. Ф. Миллера (1773 и 1788—1789) и незавершенное произведение В. Н. Татищева «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский» (впервые был издан в 1793 г.). В «Опыте исторического словаря о Российских писателях» (1772) Н. И. Новикова содержались биографии представителей различных слоев общества.

В 60-х — первой половине 70-х гг. формировались исторические концепции, выражавшие взгляды разных социальных групп, зарождается буржуазная историография, в некоторых трудах появляется критика крепостного строя. В свою очередь дворянские историки пытаются осмыслить происходящее и укрепить свои позиции, обращаясь к историческому опыту.

Определенный подъем самосознания был связан с пробуждением так называемого «любительского интереса», который понимался исключительно как интерес к родной истории. Одним из таких «любителей истории», знавших и понимавших ее, был **Алексей Иванович Мусин-Пушкин** (1744—1818), сановник и ученый, владелец одной из самых знаменитых в России библиотек и коллекции древнерусских рукописных собраний, знаток российских древностей, издатель ряда исторических памятников и автор исторических исследований. Он вошел в русскую литературу и историографию как человек, открывший миру «Слово о полку Игореве».

А. И. Мусин-Пушкин занимал руководящие посты в учреждениях, которые определяли правительственную политику в области просвещения и науки. Управляющий корпусом чужестранных единоверцев (создан в 1775 г. для обучения детей, репатриированных после русско-турецкой войны 1768—1774 гг.), обер-прокурор Святейшего Синода, президент Академии художеств, он использовал свое положение для формирования источниковой базы отечественной истории.

Деятельность Мусина-Пушкина была не просто научной, а нравственно-патриотической — собирательство древнерусских памятников, их изучение и издание с целью «показать отцов наших почтенные обычаи и нравы». Он издал Русскую Правду и «Поучение Владимира Мономаха», оба памятника

с примечаниями. В 1767 г. вышел первый том «Библиотеки русской истории». В нем был помещен Кенигсбергский или, как его еще называют, Радзивилловский список «Начальной летописи»; биография Нестора и инструкция для издания памятников. Тогда же были изданы Никоновский список летописи, Царственная книга и летопись по Воскресенскому списку.

Взгляды аристократической части дворянства в области исторической мысли выражал князь **Михаил Михайлович Щербатов** (1733—1790) — общественный деятель, историк, публицист. Он получил хорошее образование, владел несколькими иностранными языками. Библиотека Щербатова насчитывала 50 тысяч томов, множество древних рукописей и собственных сочинений.

В 1760-е гг. в ряде статей Щербатов сформулировал свои социально-политические взгляды: отрицание равенства людей, требование сильной государственной власти, критика правительства с позиций дворянской аристократии. Он проводил большую работу по научной публикации исторических источников (Царственная книга, «История Свейской войны», «Летопись о многих мятежах», Царственный летописец и др.).

В 1767 г. в качестве депутата от дворян Ярославской губернии Щербатов участвовал в Комиссии по составлению нового Уложения, где выступил как лидер оппозиционного правительству родовитого дворянства. Он выступал за ограничение доступа в дворянство лицам из других сословий.

Послужной список Щербатова довольно большой: работа в Комиссии о коммерции, герольдмейстер, действительный камергер, заведование секретным делопроизводством по военным делам, тайный советник, президент Камер-коллегии, сенатор.

В 1778 г. Щербатов ушел с гражданской службы и до конца своих дней занимался историей и публицистикой — писал о вопросах законодательства, экономики, статистики, просвещения, всякого рода «рассуждения» и «размышления».

Свои взгляды на историю Щербатов выразил и обосновал в «Истории Российской от древнейших времен». Этот труд особенно ценен тем, что насыщен большим количеством разнообразных источников. С 1770 г. было напечатано 18 книг «Истории», за них автор получил звание историографа и почетного члена Петербургской Академии наук (1776). Изучением истории Щербатов занялся не без участия Екатерины II, которая поручила ему разобрать архив Петра Великого.

По Щербатову, исторический процесс представляет собой последовательно сменяющиеся события, происходившие под воздействием людей, «тайные пружины» поступков которых историк обязан выяснить. Его политический идеал — монархия, опирающаяся на старинное родовитое дворянство. Вопрос о происхождении государства Щербатов решает исходя из рационалистических предпосылок. Главной положительной чертой государственного строя он считает обеспечение возможности вельможам сдерживать власть царскую и дерзость народа. Статья Щербатова «О древних чинах, бывших в России и о должности каждого из них» преследовала цель исторически обосновать права «благородного сословия».

М. М. Щербатову принадлежит также интересный опыт изучения современной ему России, осуществленный им в труде «Статистика в рассуждении России» (1775—1777). Работа содержит целый ряд исторических сведений относительно прошлого городов и губерний, происхождения тех или иных учреждений.

В 1783 г. он издает утопический роман «Путешествие в землю Офирскую», в котором иносказательно воспекает старые порядки Руси. В конце 80-х гг. в сочинении «О повреждении нравов в России» Щербатов критиковал политику правительства и нравы придворной среды. По его мнению, история России после Петра I — это время пороков, излишеств в пище и одежде, корыстолюбия и лести, стремления к роскоши.

В области источниковедения Щербатов разделял идеи Байера и Миллера, демонстрируя критический подход к источникам. Он выдвинул определенные критерии выбора наиболее достоверных летописных списков и правила их палеографического анализа, обосновал некоторые приемы изучения актового материала, необходимость знания хронологии. В основе разработанной им периодизации лежит развитие самодержавия и изменение его взаимоотношений с аристократией.

В целом труды М. М. Щербатова — важный этап в русской историографии. Его творчество оказало заметное воздействие на И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева.

Иван Никитич Болтин (1735—1792) стал оппонентом и критиком Щербатова. Родился Болтин в старинной дворянской семье и получил домашнее воспитание. Позднее он поступил в Конногвардейский полк, где близко познакомился с Григорием Потемкиным, который впоследствии всегда помогал Болтину. После военной службы была таможенная, затем

Болтин — прокурор Военной коллегии и вплоть до кончины — ее советник. Иван Никитич был одним из самых образованных людей своего времени, хорошо знал труды французских писателей и философов Бейля, Мерсье, Вольтера.

В историографии с именем Болтина связана критика работ двух его современников — Н. Г. Леклерка и М. М. Щербатова. Сочинения Болтина с критическими замечаниями представляют собой последовательно расположенные выписки из работ упомянутых историков и примечания к ним в виде развернутых ответов автора. Отсюда заглавия работ: «Примечания на “Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором И. Болтиным” (1788); «Критические примечания генерал-майора Болтина на [первый и второй] том “Истории” князя Щербатова» (1793—1794).

Француз Н. Г. Леклерк (1726—1798) приезжал в Россию два раза в царствования Елизаветы и Екатерины, всего прожил в России около 10 лет. По возвращении во Францию он издал в 6 томах свою работу «История естественная, нравственная, гражданская и политическая древняя и нынешняя России». «Примечания» Болтина на нее составили два больших тома — более 500 страниц. По его определению, сочинение Леклерка — «вовсе не история, а сельская лавочка, в которой можно найти и бархат, и помаду, и микроскоп, и медное кольцо».

В «Истории Российской» Болтин обнаружил довольно много ошибок и небрежностей, он критиковал Щербатова за неправильное ее понимание, незнание исторических приемов и неумение разбираться в фактах по степени их важности. Комментарии Болтина имели важное научное значение — они способствовали развитию углубленного анализа источников и становлению вспомогательных исторических дисциплин.

Задача «Критических примечаний» заключалась в том, чтобы восстановить правильность исторического факта, затем наметить пути установления этого факта и, наконец, дать характеристику и оценку отдельных сторон исторического процесса. И. Н. Болтин подчеркивал, что достоинство историка составляет «избрание приличных веществ» (т.е. нужных и доброкачественных источников), «точность, безпристрастность в повествованиях, дельность и важность в рассуждениях, ясность и чистота в слоге и проч.».

Разделяя точку зрения об общности общественного развития различных народов, Болтин останавливался на роли в этом процессе таких условий, как климат, воспитание, форма

правления. Понятие «национальный характер», по его мнению, зависит больше от климата. Стремление определить общие линии исторического развития ряда народов сочетается у Болтина с идеей своеобразия их исторической жизни. Наконец, он подчеркивает значение в истории счастья, фортуны — понятий, в конечном счете ассоциирующихся с Божественным промыслом.

Представление о сходстве исторического развития различных стран и одновременно идеи о своеобразии России Болтин использует для построения своей концепции. Крепостной строй для него — это порядок, который можно обосновать, исходя из «естественного разумения о вещах»: если «вольный человек» не может быть «без собственности», то крестьянин не может быть без помещика; вольность приносит пользу далеко не каждому народу. Защищая крепостнический строй России, Болтин подчеркивает, что он в большей мере отвечает интересам русского народа, чем порядки, господствовавшие в других странах. Политическим идеалом Ивана Никитича была крепкая самодержавная власть.

Свое отношение к религии, церкви и духовенству Болтин выразил словами: «для народа просвещенного духовенство просвещенное полезно; для народа же непросвещенного духовенство просвещенное бедственно и губительно».

Исторические взгляды Болтина отличались оригинальностью. Он один из наиболее крупных представителей историографии второй половины XVIII столетия.

7.1. Новые направления в историографии

Отечественную историю изучали не только в столицах, но и в провинциальных центрах. Характерным явлением для развития исторической мысли того времени явилось расширение тематики исторического исследования в экономическом направлении. Видными представителями этого течения были В. В. Крестинин, И. И. Голиков и М. Д. Чулков, выходцы из того нового класса, который со второй половины XVIII в. играл все большую роль в экономической жизни страны. Тяготение буржуазии к познанию прошлого закономерно. Историки из купцов или разночинцев не столько интересовались штатными сюжетами феодальной историографии, сколько историей коммерции, понимаемой ими как история торговли, финансов, фабрик и заводов.

Василий Васильевич Крестинин (1729—1795) — талантливый ученый-самоучка, знаток истории русского Севера. Он родился в Архангельске, в семье «первостатейного» купца, получил хорошее для своего времени образование, владел несколькими иностранными языками, довольно рано увлекся историей. По его инициативе в 1759 г. группа архангельских жителей организовала Общество любителей местной истории — первое в России историческое общество, которое осуществляло активную археографическую деятельность. Одна из заслуг Крестинина — введение в научный оборот списка Пространной Правды, найденного им в составе старинной Кормчей. Кроме того, он опубликовал один из вариантов Двинского летоисчисления, открыл ряд литературных памятников, среди них рукописное сочинение «О походе государя Ивана Васильевича Грозного в Новгород», список «Повести о Смутном времени» Авраамия Палицына.

В. В. Крестинин тщательно исследовал местную историю, прежде всего вопросы «сельского домостроительства», промышленности, коммерции, в том числе внешнеторговых связей. Это нашло отражение в его сочинениях «Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен» (1784), «Краткая история о городе Архангельском...» (1792), «Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 по 1719 г.» (1795) и др. Признанием научных заслуг Крестинина стало избрание его в 1786 г. членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Одним из видных представителей так называемой провинциальной историографии был **Иван Иванович Голиков** (1734—1801), автор тридцатитомного сочинения «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России». Отец Голикова, богатый курский купец, не обременял себя заботами об образовании сына, и впоследствии Иван Иванович неоднократно повторял, что он не исследователь, а лишь усердный «собираатель материалов, относящихся ко славе нашего отечества, и припроводитель оных в хронологический порядок». Между тем труд непрофессионального историка — один из наиболее значительных среди публикаций того времени о царе-реформаторе и, по мнению современных ученых А. Н. Котлярова и Г. В. Можяевой, «примерно на полвека определил основные направления в изучении истории Петра Великого».

Среди недостатков сочинения обычно отмечают «идеализацию личности Петра и его деятельности, отсутствие

самостоятельных умозаключений и оценок, незнание или неиспользование приемов критики источника, описательно-повествовательную форму изложения». Тем не менее, делают вывод Котляров и Можаяева, «внимательное прочтение сочинения Голикова убеждает в особой тщательности автора, в его стремлении к точности и полноте изложения, в использовании определенных источниковедческих и археографических приемов, в широкой историографической основе его труда, наконец, в наличии собственной методики, которая здесь просматривается». Как представитель купечества, Голиков внимательно проследил деятельность Петра I, направленную на развитие торговли и промышленности, которые считал важнейшими факторами экономической и политической стабильности государства.

Михаил Дмитриевич Чулков (1743–1793) — литератор, журналист, автор обширного труда по экономической истории. Сын солдата московского гарнизона, он учился в гимназии при Московском университете, выступал на сцене столичных театров, несколько лет находился на придворной службе. В 60–70-е гг. Чулков издавал сатирические журналы, сборники рассказов, песен и сказок (мотивы его сочинений впоследствии использовал в своих произведениях А. С. Пушкин), опубликовал «Краткий мифологический лексикон».

Перейдя на службу в Коммерц-коллегию, Михаил Дмитриевич сосредоточил внимание на историко-экономической тематике. Он выявляет и систематизирует документы, извлеченные из архивов, изучает опубликованные источники и литературу. В результате этой работы появилось семитомное «Историческое описание российской коммерции» (1780–1788). В первых пяти томах представлен обзор истории внешней торговли по отдельным регионам и странам, в шестом и седьмом — последовательно изложены документы по истории коммерции в России во второй половине XVIII в. Огромный фактический материал, включенный в «Историческое описание», Чулков в большинстве случаев не анализировал и не сопровождал комментариями и выводами. Он ставил перед собой практическую задачу — познакомить купцов с состоянием и порядком ведения торговли в разных странах. От современной ему историографии автор воспринял монархическую схему развития русского исторического процесса. Появление важного источника по истории экономического развития России имело большое научное значение.

В трудах В. В. Крестинина, И. И. Голикова, М. Д. Чулкова нашли отражение новые направления в проблематике исторических сочинений, массовые представления о прошлом. В сознании людей уже начинало складываться определенное понимание историзма. Исследователь русской провинциальной историографии второй половины XVIII в. А. А. Севастьянова писала: «Бытовавшие в среде грамотных образованных городских жителей взгляды отражались рядовыми представителями этой прослойки, теми, кому все проблемы общественного сознания понятны и родственны».

Таким образом, в рассматриваемое время были изданы произведения, сыгравшие значительную роль в развитии исторической науки. Тогда же впервые были напечатаны основные источники русской истории — летописи и законодательные памятники.

Николай Иванович Новиков (1744—1818) принялся за подготовку издания памятников прошлого в 1770-х гг. Самым важным его начинанием стали 10 книг «Древней российской вивлиофики». Это был первый ежемесячный архивный журнал. Он состоял исключительно из архивных публикаций и памятников древней письменности. Русская история должна была служить, по представлению издателя, целям просвещения и борьбы с невежеством. Позднее издание было расширено до 20 частей. Аналогичное собрание источников стала выпускать и Академия наук («Продолжение Российской Вивлиофики», 11 частей, 1786—1801).

Происходил Новиков из небогатых дворян Бронницкого уезда Московской губернии, обучался в Московской университетской гимназии, поступил на службу в лейб-гвардии Измайловский полк в Петербурге. Еще во время военной службы он проявлял интерес к словесности и книжному делу. В 1767 г. Новикова назначили одним из протоколистов Комиссии депутатов по составлению нового Уложения, и он стал лично известен императрице. Изучая материалы наказов, он близко познакомился с русской действительностью.

После выхода в отставку Новиков издавал еженедельный журнал «Трутенъ» (1769—1770), противопоставляя его французской просветительской философии, из которой русское общество усвоило лишь вольтеровский смех, превратив его в «безразборчивое зубоскальство». В журнале Новикова сатирически изображался высший свет, проводилась мысль о несправедливости крепостного права. Между «Трутнем» Новикова и «Всякой всячиной» Екатерины II возникла полемика

о содержании сатиры. В итоге «Трутень» сначала умерил тон, отказался от обсуждения крестьянского вопроса, а затем и вовсе прекратил свое существование, конечно, не по своей воле. В 1772—1774 гг. Николай Иванович издавал журналы «Живописец», «Кошелек», однако и они были закрыты.

Модному французскому воспитанию Новиков пытался противопоставить добродетели предков. Материалы в его издания поступали из древлехранилищ и церковных собраний. Екатерина II разрешила Новикову доступ к государственным архивам. Много документов ему предоставили Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов, Н. Н. Бантыш-Каменский, а субсидировала издание «Вивлиофики», и достаточно щедро, сама императрица.

В это время Новиков считал, что «введение наук в России и художеств безвозвратно погубили нравы», но вместе с тем он был ревностным приверженцем просвещения, почитателем Петра I. Н. И. Новиков, находясь, по его словам, «на распутье между вольтеризмом и религией», стал масоном. Масонская система И. Рейхеля, в которую он вошел, исповедовала нравственность и самопознание.

С 1777 г. Новиков издает Санкт-Петербургские «Ученые ведомости». Журнал ставил цель сблизить русскую литературу и науку с ученым миром Запада и в то же время подчеркивал заслуги отечественных писателей, особенно исторических. Нравоучительные идеи Новиков проводил и в ежемесячном журнале «Утренний свет» (1777—1779), который издавался в Москве и Петербурге, публикуя произведения Э. Юнга, Б. Паскаля, переводы немецких писателей. Все доходы с изданий шли на устройство и содержание народных училищ.

В 1779 г. куратор Московского университета М. М. Херасков предложил Новикову взять в аренду университетскую типографию, в которой издавались «Московские ведомости». Начинается самый блестящий период деятельности Новикова. За три года деятельности он опубликовал в университетской типографии больше книг, чем вышло до него за 24 года ее существования.

Н. И. Новиков начал готовить к изданию «Сокровища древностей Российских», но книга в свет не вышла. Можно предположить, что он заменил ее другим изданием — «Повествователь древностей Российских, или собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии Российской». Опубликованная им «История о невинном заточении ближнего

боярина Аргамона Сергеевича Матвеева» рассматривалась общественностью как оппозиционное выступление против Екатерины II, отстранившей в результате дворцовых интриг от дел полководца П. А. Румянцева. В 1783—1784 гг. Новиков выпускает «Прибавления» к «Московским ведомостям», включавшие статьи по истории. В 1788 г. без указания типографии он выпустил «Историю о страдальцах соловецких», ее издание впоследствии послужило основанием для его ареста.

Деятельность Новикова была в полном расцвете, когда его обвинили в незаконной перепечатке и перепродаже книг. После того как Николай Иванович напечатал «ругательную» «Историю ордена иезуитов», которым покровительствовала Екатерина II, было велено составить опись его изданий, самого «испытать в вере», типографию закрыть. В мае 1792 г. Новикова заключили в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет. Его обвинили в «гнусном» расколе, корыстном обмане, масонстве, сношениях с герцогом Брауншвейгским и в издании «зловредных» книг.

П. И. Новиков провел в крепости четыре с половиной года. Освобожденный Павлом I в первый день его царствования он вышел на свободу, но вернуться к общественной деятельности не смог. До самой смерти Новиков прожил безвыездно в имении Авдотьино (ныне Ступинский район Московской обл.), заботясь лишь о нуждах и просвещении своих крестьян.

В сатирических журналах Новикова активно участвовал **Александр Николаевич Радищев** (1749—1802). Внук петровского денщика и сын богатого помещика, Александр Радищев с семи лет жил в семье родственника — директора Московского университета А. М. Аргамакова. Дети Аргамаковых имели возможность заниматься на дому с профессорами и преподавателями университетской гимназии, вместе с ними Александр Радищев с 8 до 13 лет учился в доме дяди по программе гимназического курса, бывал на экзаменах, гимназических и студенческих диспутах.

В 1762 г. Радищева определили в столичный Пажеский корпус. Через четыре года в составе группы студентов его отправили в Лейпциг для обучения праву. Кроме юриспруденции, в течение пяти лет будущий просветитель изучал литературу, естественные науки, медицину. Владея иностранными языками, он обыкновенно знакомился с произведениями непосредственно в подлинниках, по его словам, «учился мыслить», знакомясь, в частности, с сочинениями французских просветителей.

По возвращении в 1771 г. Радищев поступил на службу (в чине титулярного советника) протоколистом в Сенат; затем (в годы крестьянского восстания Е. Пугачева) — обер-аудитором (дивизионным прокурором) в штаб Финляндской дивизии. За время военной службы он познакомился с делами о беглых рекрутах и злоупотреблениях помещиков, манифестами Пугачева и приказами Военной коллегии. Все это не могло не повлиять на формирование его мировоззрения.

Вскоре Радищев публикует свой перевод «Размышлений о греческой истории» Г. Мабли, в одном из примечаний к которому писал, что самодержавие суть «напротивнейшее человеческому естеству состояние». В Коммерц-коллегии Радищев сблизился с графом А. Р. Воронцовым, рекомендовавшим Александра Николаевича для службы на столичной таможне. Известно, что Радищева и Воронцова долгое время связывала искренняя дружба. После ареста Радищева Александр Романович поддерживал его семью.

В два последних десятилетия XVIII в. Радищев создал основные оригинальные произведения, жанрово весьма разнообразные: «Дневник одной недели», ода «Вольность», поэма «Творение мира», «Житие Федора Ушакова» и «Письмо к другу, жительствующему в Tobольске». Воспользовавшись указом Екатерины II о вольных типографиях, Радищев завел свою типографию на дому и в 1790 г. напечатал в ней главное свое сочинение — «Путешествие из Петербурга в Москву».

Труд, вызвавший скандал и сделавший автора знаменитым, был написан в духе «Сентиментального путешествия» Йорика (Л. Стерна). Путешествие частного лица из города-государства Петербурга в патриархальную Москву совершалось на фоне миграции просвещенного дворянства из города в деревню, интереса к романам Ж.-Ж. Руссо. Частный человек начал ощущать себя гражданином. Отсюда неизбежный интерес к организации общества, в котором он живет, стремление его усовершенствовать, размышления «на злобу дня».

Екатерина II «Путешествие из Петербурга в Москву» восприняла иначе. Недавняя пугачевщина, Французская революция, война Североамериканских штатов за независимость — в этой ситуации произведение Радищева приобретало прежде всего смысл политический. Императрица назвала его «бунтовщиком хуже Пугачева». 30 июня 1790 г. автор «Путешествия» был арестован. В июле как государственного преступника Радищева приговорили к смерти «посредством отсечения головы», но по случаю заключения мирного договора, завершив-

шего войну со Швецией (1788—1790), императрица заменила смертную казнь ссылкой «в Сибирь, в Илимский острог на десятилетнее безысходное пребывание».

Находясь в ссылке, Радищев изучал сибирские промыслы, экономику края, быт крестьян. В письмах к А. Р. Воронцову он делился мыслями об организации экспедиции по Северному морскому пути. В Илимске были написаны «Описание Тобольского наместничества», «Письмо о китайском торге», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и др.

Досрочная свобода пришла со смертью Екатерины II в 1796 г. Император Павел Петрович позволил писателю вернуться в имение. Творчество А. Н. Радищева этого периода связано с интересом к фольклору и славянской мифологии («Бова», незаконченные «Песни, петье на состязаниях в честь древних славянских божеств»).

В марте 1801 г., с воцарением Александра I, Радищев получает полную свободу и, более того, назначение в Комиссию по составлению законов. Он активно работает над проектами законодательных реформ. В записке «О законоположении», «Проекте гражданского уложения» и других работах Александр Николаевич развивает идеи уничтожения крепостного права и Табели о рангах, запрета продажи крестьян в рекруты, отмены телесных наказаний и пыток, введения суда присяжных и публичного судопроизводства, свободы слова и печати. При этом ответ на вопрос, как оградить от гибели «здание свободы», в последних трудах Радищева отсутствует.

Страшное потрясение, пережитое им в 1790 г., не прошло бесследно. Испытывая чрезвычайное психическое напряжение, Радищев свел счеты с жизнью.

7.2. Интерес общества к истории

Самостоятельное развитие русской мысли проявилось именно в исторической науке, свидетельствуя о культурных достижениях страны. Значение истории в жизни общества нашло отражение в одном из широко распространенных литературных жанров того времени — так называемых «словах». Их писали ко дню рождения, бракосочетанию, восшествию на престол, коронации, в связи с кончиной, погребением, заключением мира, открытием учреждения, освящением храма и т.п. В количественном отношении доминировали похвальные «слова» царям. Многие просветители в произведениях

данного жанра высказывали свои идеи и историографические соображения. С этой точки зрения интересны «слова» 1760—1770-х гг., построенные на историческом материале: «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях», «Слово о Римском правлении и о разных оног переменах», «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государства» и др.

Популярность исторических знаний обусловила создание книжных хранилищ. Екатерина II купила библиотеку Дидро и Вольтера; приобрела библиотеку Г. Ф. Миллера, оставив собрание в пользовании ученого до конца его жизни. Приобретение библиотек видных деятелей науки и культуры стало модным в России.

Развитие историографии определялось интересами правительства. Екатерина II, которой Д. И. Фонвизин предварительно сообщил о своем желании перевести и издать Тацита, не позволила ему ознакомить русских читателей с античным писателем, так как считала его историком-тираноборцем.

В 1783 г. императрица решила преподать урок, как нужно писать историю России, и впоследствии ревниво следила, чтобы ее «Записки касательно Российской истории» служили руководством для тех, кто посвятил себя этому делу. Так, Екатерине Алексеевне пришлось по душе «История Российского государства» И. Г. Штриттера (Стриттера). Государыня ознакомилась с этим произведением еще в немецкой рукописи, сделала отдельные замечания, но в итоге рекомендовала «из сего немецкого труда (заглядывая непрестанно в “Записки касательно Российской истории”) сделать историю, выбирая из того и другого все то, что здравому рассудку не противно будет».

Интерес к истории просматривался в сочинениях многих государственных деятелей. Ярким примером являются знаменитые «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Андрей Тимофеевич не раз принимался за составление самых различных исторических произведений. Он занимался «Историей нашей Шведской войны» (1788—1790), собирал сведения «о разных происшествиях и любопытных анекдотах, случившихся при осаде Очаковской». Не остались без внимания и острые исторические темы, в частности раскол. В 1770 г. М. Д. Чулков впервые упомянул о знаменитом произведении старообрядческой литературы «Житии Аввакума». Попытку изучения истории стригольников предпринял А. И. Журавлев, выпустивший

в 1790-х гг. три издания «Полного исторического известия о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях».

Важное значение приобретает деятельность обществ, казалось бы, не имевших прямого отношения к истории. Например, Вольное экономическое общество было организовано в 1765 г. «ко исправлению земледелия и домостроительства». Интерес к истории «домостроительства», возникший из потребностей общественной и хозяйственной практики, стимулировался «Трудами» Вольного экономического общества.

В середине XVIII в. были предприняты попытки осветить историю науки. Например, С. П. Крашенинников в речи 1750 г. «О пользе науки и художеств» исходил из признания принципа историзма, когда говорил о происхождении «мастерства и художества» от самого простого: корабля — от лодок, архитектуры — от шалашей и т.д. При Академии наук в 1779 г. начали выходить «Академические известия», в которых предполагалось широко освещать историю наук. Ценные и интересные мысли высказывали ученые Московского университета: И. А. Третьяков — о происхождении университетов в Европе, П. И. Струков — о влиянии наук на человека и общество, А. А. Прокопович-Антонский — о начале и успехах наук и т.п.

На развитие и распространение русской исторической мысли определенное влияние оказывала периодическая печать. Интерес к истории экономики, антикрепостнические тенденции, наполнение содержания предмета истории, критика источников свидетельствовали о связи историографии с просветительской идеологией. Различные взгляды на исторический процесс определяли темы и содержание статей в журнале.

Журнал «Ежемесячные сочинения» (20 т., 1755—1764) занимался публикацией и документов, и оригинальных исторических произведений. «Ежемесячные сочинения» распространяли исторические знания, пропагандировали их роль в общественно-политической, экономической и научной жизни страны, осуществляли разработку ряда проблемных вопросов отечественной истории. Другой научно-литературный журнал Академии наук, выходивший в 1786—1796 гг., — «Новые ежемесячные сочинения» — также был энциклопедическим по содержанию изданием.

В середине 80-х гг. Академия наук приступила к изданию «Собрания сочинений, выбранных из “Месяцесловов” на разные годы». Публиковавшиеся в нем исторические материалы отражали правление Ивана Грозного и Петра Великого, покорение Сибири и др.

Первый частный журнал «Праздное время, в пользу употребленное» (1758) наряду со статьями, посвященными общественно-политическим вопросам, экономике, сельскому хозяйству и заводской технике, довольно подробно освещал историю торговли. В журнале А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» печатались сочинения «О пользе мифологии», «О первоначалии и созидании Москвы», «Российский Вифлием» и др. Упомянем также журналы «Старина и новизна» (1773), «Растущий виноград» (1783), первый провинциальный журнал «Уединенный пошехонец» (1786).

На страницах русских журналов и в предисловиях к переводным книгам по всеобщей истории и к оригинальным отечественным сочинениям появляется историографическая критика. Примером обстоятельного историко-критического обзора является предисловие Х. А. Чеботарева к «Краткой всеобщей истории» И. Фрейера.

7.3. История в художественной литературе и изобразительном искусстве

Исторические знания находили отражение в художественной литературе и изобразительном искусстве. Произведения, в которых использовались исторические сюжеты, заставляли читателей, слушателей, зрителей задумываться над прошлым, настоящим и будущим.

В русской литературе видное место занимает драматургия А. П. Сумарокова. Из девяти его трагедий семь посвящены сюжетам русской истории. Новаторство Сумарокова проявилось в том, что он отказался от классических сюжетов и персонажей и представил события сравнительно недалекого прошлого, напоминающие о тяжелых для России временах. Лучшее его произведение — «Дмитрий Самозванец» (1771) — было переведено на европейские языки. Следует отметить, что Сумароков писал не только трагедии, его перу принадлежит историческая работа, посвященная Москве, — «О первоначалии и созидаании Москвы» (1759). По словам С. С. Илизарова, Сумароков, взяв за основу древнее сказание, «бережно сохраняя дух и содержание текста, дал первый опыт осмысления начальной истории Москвы в традициях научной литературы Нового времени».

Упоминания заслуживают также трагедии Я. Б. Княжнина (знаменитый «Вадим»), драматургические подделки на исторические темы Екатерины II.

Отечественная историческая живопись, скульптура и графика, как проявление национальной культуры, ведут свое начало со второй половины XVIII в. Н. М. Карамзин справедливо отмечал познавательное значение искусства как средства для закрепления исторических знаний.

Внимание художников привлекали Древняя Русь, деятельность и жизнь князей Олега, Владимира Святого, Александра Невского, Дмитрия Донского. Одну из первых (начало 1730-х гг.) исторических картин в России — «Куликовская битва» — написал И. Н. Никитин. Художник отступил от типичных образов того времени и показал активное участие вооруженного народа в защите Родины. Широкие возможности живописи для распространения исторических знаний продемонстрировал Ломоносов в работе «Идеи для живописных картин из российской истории».

В начале 1770-х гг. по заданию Академии художеств ее воспитанники М. И. Козловский и Ф. Ф. Щедрин создали барельефы, изображающие воинские подвиги князя Изяслава Мстиславича. Накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Ф. Г. Гордеев выполнил барельеф, наполненный определенным политическим смыслом: «Заклучение мира Олега с греческими царями Львом и Александром под стенами Константинопольскими» (1767). События второй русско-турецкой войны отражены в акварелях «Штурм Очакова» и «Штурм Измаила» М. М. Иванова. Первым художником, который посвятил все свое творчество русской истории, был Г. И. Угрюмов. Его кисти принадлежат картины «Торжественный въезд в Псков Александра Невского после одержанной им над немцами победы», «Взятие Казани», «Венчание Михаила Федоровича на царство» и др. К летописному рассказу о Владимире и Рогнеде, к сюжетам изобразительного искусства, неоднократно обращались скульпторы Ф. Ф. Шубин и М. И. Козловский, живописец А. П. Лосенко.

Постепенно историческое изобразительное искусство становилось национальным. В то же время наиболее востребованными в обществе оставались модные картинки и портреты современников.

7.4. Преподавание истории в учебных заведениях

Большую роль в школьном образовании во второй половине XVIII в. играла Первая Казанская гимназия (открыта

в 1758 г.), где систематически преподавали всеобщую и отечественную историю. В 1759 г. в ее библиотеке имелась «Римская история» Тита Ливия, «Древняя история» Роллена, «Английская история», некоторые сочинения Вольтера и др. Казанская гимназия долгое время служила подготовительной школой для Московского университета и для Академической гимназии в Петербурге.

Историю преподавали и в других провинциальных учебных заведениях. Например, в Астрахани в начале 1770-х гг. открылась «публичная школа», в которой все желающие, особенно дети солдат астраханского гарнизона, могли изучать европейские и азиатские языки, географические, исторические, философские и математические науки. В Харькове в начале 1780-х гг. в семинарии, или коллегииуме, были восстановлены «новые науки», в том числе история и география.

Историю изучали студенты многих высших и специальных учебных заведений Петербурга и Москвы. В 1786 г. вышел Указ об открытии народных училищ в 25 губерниях Российской империи и главных народных училищ в 14 губерниях. С этого времени история стала обязательным предметом школьного образования.

Политика правительства в учебном деле была сформулирована в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества» (1764). Документ признавал преимущественное значение нравственного воспитания по сравнению с научным образованием. Правительство Екатерины II стремилось создать единообразную структуру училищ. Комиссия об учреждении народных училищ (создана в 1783 г.) должна была организовать в Петербурге Главное народное училище, заботиться о подготовке учителей и об издании учебников.

Преподавание истории лучше всего было поставлено в Московском университете. Оно носило определенный морализующий характер, но не была забыта и научная сторона — от студентов требовалось твердое знание хронологии и параллельное изучение вспомогательных исторических дисциплин. В Московском университете и гимназиях историю преподавали А. А. Барсов, Х. А. Чеботарев, Ф. Г. Дильтей и др.

Опытный преподаватель И. Ф. Яковкин в 1797 г. составил хронологические таблицы по всемирной истории, рекомендованные для использования в школах России. В том же году он представил составленную им «Новую всемирную историю». В 1799 г. вышла из печати «Сокращенная Российская история» с историческими картами (ее авторами были ассессор

Д. П. Шелехов и титулярный советник М. А. Матинский). К сожалению, многие из книг не доходили до читателя, десятилетиями залеживались на складах и потом попадали в макулатуру.

Основные направления отечественной исторической мысли второй половины XVIII в. были представлены дворянской и просветительской историографией, которая развивалась на русской почве, но подвергалась западноевропейскому влиянию. В связи с развитием капиталистических отношений в России даже историки феодального направления вынуждены были приспосабливаться к новым запросам, расширять историческую тематику. Опубликование источников и трудов по отечественной истории с середины 1760-х до середины 1770-х гг. обеспечило небывалое для того времени развитие исторических знаний в России. Их распространение в различных кругах общества способствовало использованию исторических сведений в законодательстве, дипломатии, общественно-политической жизни, науке, литературе и искусстве.

Прогресс в отечественной историографии, связанный с влиянием просветительской концепции исторической мысли, выразился в формулировке общих представлений об истории. В это время расширяется круг историков и исторических персонажей, особым вниманием пользуется экономическая история. При изучении истории все чаще применяется историко-сравнительный метод, благодаря которому устанавливается общность исторического развития России и Запада. Западноевропейское просветительство и развитие естествознания содействовали превращению в России исторических знаний в науку, необходимую для «всех сынов Отечества».

Источники

Критические примечания генерал-майора Болтина на первый и второй том Истории князя Щербатова : в 2 т. — СПб., 1793—1794.

«О повреждении прав в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева : букинист. изд. — М., 1993.

Общественная мысль России XVIII века : в 2 т. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. — М., 2010.

«Столетие безумно и мудро» / сост. Н. М. Рогожин. — М., 1986.

Щербатов, М. М. История Российская от древнейших времен : в 7 т. / М. М. Щербатов. — СПб., 1901—1904.

Щербатов, М. М. Неизданные соч. / М. М. Щербатов. — М., 1936.
Щербатов, М. М. Избр. тр. / М. М. Щербатов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Г. Калинина. — М., 2010.

Рекомендуемая литература

Аксенов, А. И. С любовью к Отечеству и просвещению: А. И. Мушин-Пушкин / А. И. Аксенов. — Рыбинск, 1994.

Володина, Т. В. История в пользу российского юношества: XVIII век / Т. В. Володина. — Тула, 2000.

Дербов, Л. А. Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII века / Л. А. Дербов. — Саратов, 1987.

Дмитриева, И. А. Щербатов Михаил Михайлович / И. А. Дмитриева // Историки России: Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 41—47.

Колесник, И. И. История русской историографии XVIII — первой половины XIX века / И. И. Колесник. — Днепропетровск, 1987.

Комиссаренко, А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке / А. И. Комиссаренко. — М., 1990.

Котляров, А. Н. Крестинин Василий Васильевич. Голиков Иван Иванович / А. Н. Котляров, Г. В. Можаяева // Историки России: Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 25—32, 48—54.

Мезин, С. А. Русский историк И. И. Голиков / С. А. Мезин. — Саратов, 1991.

Севастьянова, А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века / А. А. Севастьянова. — Ярославль, 1988.

Смирнова, М. И. Болтин Иван Никитич / М. И. Смирнова // Историки России: Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 55—61.

Шанский, Д. Н. Что должно историку: Михаил Михайлович Щербатов и Иван Никитич Болтин / Д. Н. Шанский // Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. — М., 1996. — С. 39—60.

Юхт, А. И. Чулков Михаил Дмитриевич / А. И. Юхт // Историки России: Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 75—81.

Раздел III

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ

НАУКИ

В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Глава 8

Н. М. КАРАМЗИН.

«КОЛУМБЫ РОССИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ»

И ИХ СОВРЕМЕННОКИ

Вторая половина XVIII и весь XIX в. буквально пронизаны интересом к отечественной истории. В первую очередь этому способствовали деятельность Академии наук, а также активная университетская жизнь. Многочисленные исторические сочинения, организация архивов, рукописных отделов и музеев к концу XVIII в. обусловили создание фундаментальной источниковой базы для изучения отечественной истории. Представители интеллектуальной среды выступали за сохранение самобытности России и ее исторических традиций. Просвещенная публика желала знать историю своего Отечества, и как следствие появляются многочисленные исторические общества.

8.1. Н. П. Румянцев и его кружок

Большую работу по разысканию и публикации исторических источников проделали члены Кружка любителей русской истории графа **Николая Петровича Румянцева** (1754—1826). В кружок входили археографы и источниковеды: Ф. П. Аделунг, В. Берх, А. Х. Востоков, П. М. Строев; ученые-историки: Н. С. Арцыбашев, И. Х. Галиль и др. Результат деятельности Румянцевского кружка — публикация десятков книг, создание Музея древностей, рукописная часть которого в настоящее время является основой Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (в прошлом — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

Один из участников кружка, П. М. Строев (1796—1876), считал невозможным писать русскую историю, не собрав всех материалов, разбросанных по разным хранилищам. С именем

Строева, который описал и спас от гибели тысячи древних рукописей, связано становление отечественной библиографии, биобиблиографии и особенно археографии. Для издания документов, собранных организованной ученым экспедицией, в 1834 г. правительство создало при Академии наук специальную Археографическую комиссию, ставшую преемницей Румянцевского кружка.

Сотрудник Румянцева К. Ф. Калайдович (1794—1832) снискал себе известность библиографическими, историческими, источниковедческими исследованиями. Он положил начало изучению и публикации этнографического и фольклорного материала. В Румянцевском кружке ученый подготовил публикации памятника русского эпоса, известного как «Сборник Кириши Данилова», сочинений древнерусского писателя Кирилла Туровского, Судебников 1497 и 1550 гг. Калайдович также проводил археографические и археологические обследования центральных районов России.

Один из сподвижников Румянцева в Петербурге — Ф. П. Аделунг (1768—1843). Широкую научную известность ему принесла работа «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия — с 1801 по 1806 г.». В этом библиографическом труде собрана и систематизирована русская печатная продукция начала XIX в.

Энциклопедическими познаниями по истории Просвещения обладал В. Г. Анастасевич (1775—1845). По предложению Румянцева он занимался подготовкой сводной публикации Ипатьевской летописи. Анастасевич переводил исторические источники и сочинения польских авторов, участвовал в издании «Словаря русских духовных и светских писателей» Евгения Болховитина.

В деятельности кружка Румянцева принимали участие ученые не только Москвы и Петербурга, но и других городов России. Активную работу проводили ученые западных районов страны, в таких городах, как Гомель, Полоцк и Вильно. В основном она была связана с археологическими раскопками и описанием памятников. Многочисленные поручения Румянцева выполнял будущий министр финансов Е. Ф. Канкрин. Сотрудничество и тесные контакты были налажены с финскими, польскими и литовскими учеными.

Заметно возрос интерес к археологии, исторической географии, геральдике, нумизматике и другим историческим дисциплинам, что во многом стимулировалось развитием аналогичных направлений в европейской исторической науке.

Начало XVIII и XIX в. в исторической науке России кардинально отличаются. Для первой четверти века Просвещения характерны: практический утилитарно-националистический взгляд на задачи истории, наивное смешение источника с исследованием, определение начала истории в современной терминологии, произвольная этнографическая классификация и некритическая передача летописных вариантов в одном сводном изложении. По прошествии столетия постепенно уходят патриотические преувеличения и модернизации, знание истины становится задачей историка, изложение источника уступает место исследованию, основанному на нем. Повышаются научные требования к специальному изучению летописей, лингвистических, археологических и этнографических памятников, вырабатываются научная классификация и критические приемы изучения источников. Исследователей все больше привлекает внутренняя история России.

Продолжало существовать и ломоносовское — риторическое — направление с литературным взглядом на историю. Такой взгляд отражен в сочинениях Н. М. Карамзина, в них литературный талант переплетается с самостоятельной переработкой новых исторических источников. А. С. Пушкин писал: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Причина этого явления заключалась в огромной силе духовного воздействия на людей научного и художественного таланта Карамзина.

8.2. Становление Н. М. Карамзина как историка

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) родился в селе Михайловка Симбирской провинции Казанской губернии в дворянской семье. Сначала будущий писатель учился дома, затем в Московском пансионе; с 15 лет он был зачислен в Петербурге в гвардейский Преображенский полк, семнадцатилетним юношей выходит в отставку поручиком и живет в Москве.

Любитель света и развлечений Карамзин сближается с Н. И. Новиковым и вступает в масонскую ложу, включается в просветительскую деятельность, занимается переводами, пишет стихи, редактирует журнал «Детское чтение».

Отношение Карамзина к масонству сложное. Собственно говоря, он никогда не разделял масонских взглядов. Н. М. Карамзин со свойственным ему рационализмом решительно отвергал мистику масонства. В то же время следует отметить, что морализирующая и филантропическая тенденции масонства внутренне соответствовали «чувствительности» его натуры, на которую неоднократно он сам впоследствии указывал. Чувствительность натуры Карамзина вполне могла объяснять его первоначальную близость к масонскому кружку Новикова (в мироощущении Николая Михайловича с этого времени преобладают просветительские принципы с их культом независимой и неповторимой человеческой личности; неслучайно он навсегда остался интеллектуалом-одиночкой) и последующее влияние на него западноевропейского сентиментализма. Сентиментализм на Западе имел определенную социальную направленность, отражал начало буржуазного направления в литературе, вводя в нее на место героизации и идеализации привилегированной общественной верхушки личную жизнь и душевные переживания обыкновенного среднего человека. Карамзин как представитель русского сентиментализма взял от этого направления только морализирующее чувствительное начало, но изменил его социальную значимость; сентиментальная повесть писателя превратилась в идиллическую картину крепостного быта.

В 23 года Карамзин отправляется в заграничное путешествие. Он посетил страны, где формировалась просветительская философия, литература, эстетика, политэкономия, история, беседовал с Кантом, видел Гёте, входил в келью Лютера, был гостем философа Лафатера, поклонился праху Вольтера. Карамзин посещал библиотеки, музеи, театры, государственные учреждения, слушал лекции в Лейпцигском университете, многие часы провел в Дрезденской галерее. В Национальном собрании революционной Франции слушал Мирабо, бывал в якобинском клубе, во время литургии видел Людовика XVI и Марию-Антуанетту. В Англии в Вестминстерском аббатстве слушал «Мессу» Генделя и изучал работу парламента. Будущий историк сделал вывод: «Все гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа».

Из-за границы Карамзин возвращается с «Письмами русского путешественника». По существу в этом произведении была намечена программа развития России: живительный патриотизм, критическое восприятие отечественной истории и сопоставление ее с историей других стран. Писатель

полон литературных и издательских планов, готовит к публикации «Письма», выпускает «Московский журнал», где публикуется «Бедная Лиза», имевшая шумный успех во всех слоях общества.

1793 год стал поворотным в его жизни. Якобинская диктатура, сомнения в идеалах Просвещения, которые предвосхищали наступление в Европе революции, повлияли на Карамзина. Пессимизм овладевает молодым литератором. Смерть нежно любимой супруги Елизаветы Протасовой окончательно повергла его в меланхолию.

Восшествие на престол Александра I (1801) вызвало энтузиазм просвещенного русского общества, воспрянул духом и Карамзин. В это время он уже признанный российский писатель и мыслитель; периодически выступает с публицистическими очерками по проблемам русской истории в созданном им журнале «Вестник Европы» (1801). С ним сотрудничают Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский.

8.3. «История государства Российского»

31 октября 1803 г. 37-летний Карамзин Высочайшим указом получает должность историографа с пенсией (три тысячи рублей), равной профессорскому жалованью. Перед ним открываются все архивохранилища и библиотеки. В скромно обставленном кабинете на втором этаже барского дома в подмосковном Остафьево, имении отца своей новой жены Е. А. Вяземской, совершает Николай Михайлович подвиг ученого-историка.

В своем труде исследователь не только поставил задачу художественного воплощения истории, повременного литературного описания событий, но и объяснения их «свойств и связи». Он руководствовался следующими принципами: любовь к Отечеству, как части человечества; следование правде истории; современный взгляд на события прошлого: «что есть или было, а не что быть могло»; комплексный подход к истории, т.е. создание истории общества в целом. Движущая сила исторического процесса, по Карамзину, — это власть, государство. Весь русский исторический процесс является борьбой самодержавия с народоправством, олигархией, аристократами и уделами. Единовластие представляет собой стержень, на который нанизывается вся общественная жизнь России. Разрушение единовластия всегда приводит к гибели, возрож-

дение — к спасению. Самодержавие олицетворяет собой порядок, безопасность и благоденствие. Неслучайно его «История» называется российской, а не русской. В сочинении нет идеи избранности русского народа и национального нигилизма. Он сумел удержаться на объективном уровне подхода ко всем народам России и Европы.

Работа над «Историей» шла интенсивно. К 1811 г. Карамзин написал почти восемь томов, но события 1812—1813 гг. временно оборвали работу. Только в 1816 г. он поехал в Петербург, имея уже девять томов, и приступил к изданию первых восьми, как законченной цельной части своей «Истории».

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровения и правил; завет предков к потомству, — так начинает Карамзин свой труд. — Правители, законодатели действуют по указаниям истории... Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление... Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей... она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества. — Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума».

Итак, поставлена политико-назидательная задача. История для Карамзина служит правоучению, политическому наставлению, а не только научному познанию; ее назначение — утверждение сильной монархической власти.

Живописность и искусство также характеризуют исторические взгляды Карамзина. История России богата героическими яркими образами, она — благодатный материал для художника. Показать ее в красочном, живописном стиле — задача историка. Основные элементы в понимании истории Карамзин заимствовал из XVIII столетия, предшествующего современному ему этапу в развитии истории. Однако историческая наука прошла уже значительный путь, и, конечно, нельзя было вовсе обойти две основные проблемы исторической науки, к разрешению которых через наследие прошлого настойчиво пробивалась историческая мысль, — проблему источника и проблему исторического синтеза. Здесь очевидно противоречие между требованием научной документации и литературно-художественным направлением. Н. М. Карамзин нашел этому противоречию своеобразное разреше-

ние, разделив свою историю на две самостоятельные части. Основной текст — литературное повествование — сопровождался в приложениях самостоятельным текстом документальных примечаний.

8.4. Источники «Истории государства Российского»

С именем Карамзина и его «Историей» связана публикация, введение в научный оборот значительного числа исторических памятников. Среди них новые летописные списки и многочисленные юридические и литературные памятники. Расширяя, вслед за М. М. Щербатовым, использование записок иностранцев, Карамзин и в этой области привлек много новых текстов. Результатом этой работы и явились те обширные примечания, которыми Карамзин снабдил свою «Историю».

Примечания состоят главным образом из выдержек из источников, изображающих те события, о которых рассказывается в «Истории». Обычно приводятся параллельные тексты из нескольких источников. Это огромное количество документального материала сохранило свою свежесть в ряде случаев до конца XIX в., тем более что некоторые списки и памятники, которыми пользовался Карамзин, погибли во время московского пожара 1812 г. или от других стихийных бедствий.

В работе по розыску и обработке этих документов значительную роль сыграли выдающиеся деятели русской археографии. Из переписки Карамзина с К. Ф. Калайдовичем, А. Ф. Малиновским (директор Московского архива Коллегии иностранных дел), П. М. Строевым видно, что новооткрытые памятники, использованные в «Истории», в значительной части — их находки. Но Карамзин не ограничивается формальным воспроизведением источника. Примечания свидетельствуют о том, что длительная и углубленная работа над документальным материалом, обширные исторические познания автора привели его к необходимости критического анализа.

8.5. Трактовка исторического факта

Исторический факт — элемент прагматического повествования. И если примечания имеют целью научное установление факта, то историческое повествование психологически

его объясняет. В духе прагматизма XVIII в. Карамзин замечает размышление над внутренней природой явлений, к которому подошел уже И. Н. Болтин, «плодовитостью в изъяснении причин». Событие служит ему лишь отправной точкой, внешним поводом, идя от которого он развивает свои психологические характеристики и морализирующие и сентиментальные рассуждения; люди и события — тема для литературного поучения.

Психологизм для Карамзина, с одной стороны, не только средство объяснения фактов, но и самостоятельная литературная тема, характер литературного стиля. Исторический факт превращается в психологический сюжет для литературного творчества, не всегда связанного с документальным обоснованием. С другой стороны, психологизм исторической науки XVIII в. связан с рационализмом, с ее основной концепцией, которая делает историческую личность ведущей действующей силой истории. При этом в самой деятельности исторической личности Карамзин видит осуществление своего политического идеала.

Психологическое повествование определяет основную связь между событиями; политическая схема — общее содержание исторического процесса. Как у Татищева или позднее у Щербатова, содержание «Истории» представлено не развитием самих исторических событий, а раскрытием политической идеи самого автора.

8.6. Общая концепция русской истории

Политическая концепция Карамзина складывалась под влиянием событий европейской истории, отмеченных на Западе французской буржуазной революцией и наполеоновскими войнами, а в России — демократической проповедью А. Н. Радищева, режимом Павла I, наконец, политикой Тильзита и реформами М. М. Сперанского. Это были 20 лет борьбы между старым, феодальным, и новым, буржуазным, порядком.

Во всей полноте свою историко-политическую программу Карамзин изложил в «Записке о Древней и новой России» (1811), поданной Александру I в качестве дворянской программы и направленной против реформ Сперанского. Российское единодержавие составляет основу историко-политической концепции Карамзина. Он использовал татищевскую

схему «совершенного единовластительства» от Рюрика до Мстислава, которое сменяет «аристократия или паче расчленное тело», и, наконец, восстановление «совершенной монархии» при Иване III.

По прошествии столетий монархическая система дополняется новым элементом — дворянством, которое также обосновывает свои права и привилегии, притом именно родовой знати, аристократии. Такое развитие татищевской схемы было начато уже Щербатовым. В этом переработанном виде принял и развил ее Карамзин в условиях обострения кризиса, обозначившегося французской революцией на Западе, реформами Сперанского и назреванием движения декабристов в России. «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание Российской монархии» — таков итог политической программы Карамзина. Монархия Щербатова и Карамзина — это дворянская монархия. Дворянство и крепостничество — опора самодержавия. Отсюда исторический национализм, идеал консервативной традиции, противопоставляемый Карамзиным буржуазной революционности Западной Европы. Это было противопоставление российского самодержавия «ужасной французской революции», которая «погребена», и современной конституционной монархии, представляющей, по Карамзину, «право без власти», тем самым обращенное в «ничто». «Все народное ничто перед человеческим», — писал Карамзин в 1790 г. Теперь он опасается европейского влияния. Петр I, насаждая просвещение, «захотел сделать Россию — Голландией». Эта схема в целом являлась утверждением консерватизма, отрицанием реформ, всего нового, т.е. самого принципа исторического развития, теории прогресса, утверждаемой передовой, исторической мыслью с конца XVIII в.

Осложненная дворянской идеей монархическая концепция Карамзина приводит к пересмотру ряда конкретных моментов новейшей истории России и их оценки. Переоценке прежде всего подвергалась деятельность Петра I, который искажил ход русской истории, изменил национальному началу, подорвал моральное влияние русского духовенства. Вслед за Щербатовым Карамзин подвергает критике и Екатерину II, хотя и более сдержанно. Но основная тема та же: фаворитизм, нарушивший право дворянства на соучастие во власти. Наконец, перенося этот дворянско-монархический принцип на события более отдаленного прошлого, Карамзин в свете конфликта

царя с дворянством рассматривал царствование Ивана Грозного, разделяя мнение Щербатова относительно отрицательной оценки деятельности царя.

8.7. Периодизация истории России

Развивая в общей историко-политической концепции дворянскую концепцию М. М. Щербатова, Карамзин следует за ним в основном и в конкретном развитии общей исторической схемы «Истории государства Российского». Н. М. Карамзин начал с критики Шлёцера, предложив взамен более обобщенную периодизацию. Он мыслил разделить историю России на три периода: древний — от Рюрика до Ивана III, средний — до Петра I и новый — послепетровский. Это деление — сугубо условное, и идет оно, как все периодизации XVIII в., от истории русского единодержавия. Периодизация Карамзина начинается с Рюрика, т.е. с образования государства, как предлагал и Шлёцер; в истории государства — это, по Карамзину, удельный период. С Ивана III для Карамзина, как и для других историков XVIII в., начинается история единодержавия, с Петра — новейший период, история «преображенной России».

«Мы хотим обозреть весь путь государства Российского от начала до нынешней степени оно́го» — такова тема русской истории по Карамзину.

8.8. Отражение идей XIX столетия в исторической схеме Карамзина

Как в вопросах источниковедения, так и в трактовке исторических явлений ученый не мог, однако, уйти от новых явлений в исторической науке.

Новое понимание истории исследователи пытались увидеть иногда в высказываниях Карамзина о феодализме, в его сопоставлении феодального и поместного строя. Но в этих случайных упоминаниях нет даже того содержания, которое вложил в них еще Болтин. Н. М. Карамзин и здесь пошел не за Болтиным, в известной мере предварявшим научную мысль XIX в., а за Щербатовым. И если можно говорить в какой-то мере о сопоставлении им исторического развития России и Западной Европы, то оно превращалось, скорее,

в противопоставление, притом, такое же внешнее, как и вся историческая схема Карамзина.

Реально отражают новое направление в «Истории» специальные главы, посвященные «состоянию России» за каждый отдельный период ее истории. Содержание этих глав выходило за рамки чисто политической истории, автор знакомил читателей с внутренним строем, экономикой, культурой и бытом. Выделение таких глав становится обязательным в общих работах по истории России, появляющихся в XIX в.

8.9. Значение «Истории государства Российского»

Карамзинская «История государства Российского», безусловно, сыграла важнейшую роль в развитии русской историографии. Николай Михайлович не только подвел итоги работы историков XVIII столетия, но и сделал историю доступной для читателя. Знакомство широкой читающей публики с историческими знаниями воспитывало интерес и уважение к отечественной истории.

Наряду с восхвалением Карамзина громко раздавались критические отзывы. Они исходили от специалистов-историков, младших его современников, представителей новой исторической науки буржуазного направления XIX в., которые шли по линии углубления и расширения критики источников. Отношение современников к «Истории» Карамзина А. С. Пушкин обобщил в эпиграмме:

*В его истории изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья и прелести кнута.*

В то же время поэт отмечал: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегами — хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий.... в творении Карамзина... слились воедино две главные традиции русской историографии: методы источниковедческой критики от Шлёцера до Татищева и рационалистическая философия времен Манкьева, Шафирова, Ломоносова, Щербатова и др... Можно сказать, что как ученый он точен, как философ — оригинален, а как литератор — неповторим».

Исследователь и знаток русской культуры нашего времени Ю. М. Лотман мудро заметил: «Критики... напрасно упрекали Карамзина в том, что он не видел в движении событий глубокой идеи. Карамзин был проникнут мыслью, что история имеет смысл. Но смысл этот — замысел Провидения — скрыт от людей и не может быть предметом исторического описания. Историк описывает деяния человеческие, те поступки людей, за которые они несут моральную ответственность».

В XIX столетии воспитанники всех учебных заведений были знакомы с «Историей государства Российского». Труд Н. М. Карамзина оставался обязательным чтением в гимназиях и университетах. Известный мыслитель Н. Н. Страхов, близкий к Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому, писал: «Я воспитан на Карамзине... Мой ум и вкус развивались на его сочинениях. Ему обязан пробуждением своей души, первым и высоким умственным наслаждением».

Практически все издания прошлого столетия, рассчитанные на юношеское восприятие, включали отрывки или пересказы «Истории» Карамзина. Например, в «Истории России в рассказах для детей» детской писательницы А. О. Ишимовой, в книге знаменитого педагога К. Д. Ушинского «Детский мир. Хрестоматия» (для чтения на уроках родного языка в младших классах). Историк и москвовед П. В. Сытин в 15 лет прочитал все тома «Истории» и сделал из них обширные выписки.

В послеоктябрьский период общественно-политические воззрения Карамзина были признаны консервативными, националистическими и монархическими, и его труды надолго исчезли из педагогической литературы. Сегодня они возвращаются и, будем надеяться, вновь окажут свое благотворное, живительное воздействие.

Нельзя не упомянуть и о влиянии труда Карамзина на историческое краеведение. Этот, по определению Д. С. Лихачева, «самый массовый вид науки» получил свое становление в России также под воздействием «Истории» Карамзина.

Опережая время, Николай Михайлович намного расширил источниковую базу исторической науки. Он был одним из первых историков, кто ввел в научный оборот в качестве источника древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы; обратил внимание на старинные слова, обычаи россиян, их жилища, одежду и захоронения; впервые в русской науке заговорил о влиянии природных условий на исто-

рический процесс, на физический и духовный облик различных наций. Благодаря Карамзину значительно расширилось представление о социальном составе лиц, действовавших в истории России. Его труд способствовал демократизации представлений о содержании истории и ее участниках, расширил круг самих исследователей и в итоге воспитывал в обществе уважение к науке и труду ученого.

Успехи в области исторической науки, неразрывно связанные с творчеством Карамзина, не прошли бесследно для отечественной литературы. Издание Русской Правды Ярослава Мудрого, «Поучения» Владимира Мономаха, наконец, открытие «Слова о полку Игореве», «История» Карамзина пробудили интерес к прошлому Отечества, стимулировали развитие жанров исторической прозы. Увлеченные национальным колоритом и древностями, российские литераторы пишут исторические повести, «отрывки», публицистические статьи, посвященные русской старине. При этом история выступает в виде поучительных рассказов, преследующих воспитательные цели.

Выше уже говорилось о том, что взгляд на историю сквозь призму живописи, искусства — особенность исторического видения Карамзина. Он считал, что история России, богатая яркими героическими образами, — благодатный материал для художника. Показать ее красочно, живописно — задача историка. Что же значит, в понимании Николая Михайловича, «выбрать, одушевить, раскрасить» историю?

В 1802 г. он опубликовал статью «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». Это был своего рода манифест о необходимости органического слияния исторической правдивости с образностью. Поводом для статьи Карамзина явилось решение президента Академии художеств относительно тематики создаваемых произведений. Граф А. С. Строганов распорядился, чтобы слушатели Академии обращались к тем сюжетам отечественной истории, которые могут содействовать увековечению памяти и славы великих людей, «заслуживших благодарность Отечества». Следствием выступлений Строганова и Карамзина явилось то, что в 1803 г. начались работы над созданием известного памятника «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Модель его была завершена скульптором И. П. Мартосом в 1815 г., а торжественное открытие состоялось в 1818 г. на Красной площади Москвы.

Продолжая и развивая традицию, выраженную в патриотической работе Ломоносова «Идеи для живописных картин по русской истории», Карамзин отстаивал внесловную ценность человека применительно к русской истории, взятой как материал искусства. Историк считал необходимым отражение в искусстве и литературе национальных особенностей русского характера, подсказывая живописцам темы и образы, которые они могут почерпнуть из древней отечественной литературы. Советы Николая Михайловича охотно использовали не только художники, но и многие писатели, поэты и драматурги. Особенно актуальными они были в период Отечественной войны 1812 года.

В своей статье Карамзин спорит с теми, кто не видит нужды в эстетическом освещении русской истории, кто в деле воспитания патриотизма и национального самосознания полагается только на силу голого исторического факта. Однако, по мнению Карамзина, искусство лишь выявляет и заостряет эстетические возможности истории, но не создает их. «В наше время историкам уже не позволено быть романтиками и выдумывать древнее происхождение для городов, чтобы вызвать их славу».

В отличие от Ломоносова, Карамзин интересуется не столько героическими эпизодами Древней Руси, показывающими личное мужество отдельных исторических деятелей, сколько сюжетами, которые дают возможность раскрыть психологические состояния персонажей. Такими, например, как свадебный договор Ольги с Игорем; прощание Ярослава Мудрого с дочерью Анной, просватанной за французского короля, и т.д.

В середине 1830-х гг. издатель Андрей Прево решил воплотить идеи Карамзина и подарить россиянам, прежде всего младшему поколению, «Живописного Карамзина». Можно сказать, что великий историк и художник слова проделал всю подготовительную работу. За окончательное воплощение замысла взялся В. М. Строев (брат знаменитого археографа), переложивший карамзинский труд для детского чтения.

В работу по созданию литографий с энтузиазмом включился целый коллектив рисовальщиков и гравиров. Составителем картин был Б. А. Чориков, сын таможенного досмотрщика, получивший образование в Императорской Академии художеств. По рисункам Чорикова сцены «Истории» Карамзина ожили на литографиях, выполненных П. Ивановым, О. Андерсоном, К. Бетгровым, И. Щедровским и П. Разуминым.

Определенные ограничения изобразительного языка обязывали рисовальщиков к максимальному отражению психологической глубины каждого образа. Большинство иллюстраций «Живописного Карамзина» выполнены в традициях академической школы. Для монументальных образов карамзинской «Истории» язык классицизма оказался наиболее подходящим. Батальные сцены, эпизоды примирения князей и избрания на царство, прием послов других государств, предсмертные минуты исторических героев — все это исполнено торжественности и значимости. В то же время гравюрам недостает колорита «места и времени», национальных красок — того, что было в древнерусской миниатюре, в росписи старинных храмов.

Сразу после выхода в свет в 1836 г. «Живописный Карамзин» получил восторженную оценку на страницах популярного журнала «Библиотека для чтения» и, конечно, у «русского юношества», которому и предназначалась эта книга. Самое главное значение этого издания состоит в том, что с его выходом поэты, художники, драматурги, музыканты и актеры обрели, по существу, методическую разработку для художественного воплощения наиболее ярких страниц отечественной истории.

Создатели «Живописного Карамзина» с честью выполнили завет Николая Михайловича: «Историку нельзя говорить за своих героев. Что остается ему... Порядок, ясность, сила и живопись». Сам издатель А. Прево называл «Живописного Карамзина» «детским», т.е. приспособленным для юношеского восприятия. Идея подобной публикации полностью соответствовала просветительскому настрою образованного русского общества середины XIX столетия.

Сочинения Н. М. Карамзина

Карамзин, Н. М. Записка о Древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин ; предисл., подг. текста и прим. Ю. С. Пивоварова. — М., 1991.

Карамзин, Н. М. Избр. тр. / Н. М. Карамзин ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц [и др.]. — М., 2010.

Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. / Н. М. Карамзин ; отв. ред. А. Н. Сахаров ; подг. текста В. Ю. Афиани [и др.]. — Т. 1–6. — М., 1985–1998.

Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — М., 1988.

Рекомендуемая литература

Афиани, В. Ю. Археографические особенности изданий «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина / В. Ю. Афиани // Археографический ежегодник за 1991 г. — М., 1994. — С. 23—32.

Козлов, В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников / В. П. Козлов. — М., 1989.

Козлов, В. П. Колумбы российских древностей / В. П. Козлов. — М., 1985.

Лотман, Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. — М., 1987.

Сахаров, А. Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин / А. Н. Сахаров // Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. — М., 1996. — С. 76—123.

Сахаров, А. Н. Карамзин Николай Михайлович / А. Н. Сахаров // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 82—90.

Смирнов, А. Ф. Николай Михайлович Карамзин / А. Ф. Смирнов. — М., 2005.

Глава 9

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Полемика, развернувшаяся в 1820—1830-е гг. вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, знаменовала начало нового этапа в русской историографии, имела большое культурно-историческое значение и оказала неоценимое влияние на сознание общества. На фоне происходивших в стране изменений в социальной, политической и экономической жизни возрастал интерес к прошлому, а вместе с ним и требования к историческому знанию. Критический разбор «Истории государства Российского» способствовал определению направления научного поиска теоретических, источниковедческих, концептуальных подходов в понимании прошлого.

Начало этого процесса связано в первую очередь с именами М. Т. Каченовского, И. Г. Эверса и Н. А. Полевого. Основываясь на идеях западноевропейских (немецких философов Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, французских историков Ф. Гизо, О. Тьерри, немецких романтиков) и российских ученых рубежа XVIII—XIX вв., они поставили новые задачи перед отечественной исторической наукой.

Михаил Тимофеевич Каченовский (1775—1842) — историк и журналист, издатель одного из популярнейших журналов XIX в. «Вестник Европы» (1804—1830), профессор Московского университета, специалист в области древнейшей и средневековой истории России, славянских языков, основатель «скептической школы» в русской историографии.

М. Т. Каченовский, сын грека Качеони, происходил из мещанского сословия. Он окончил Харьковский коллегиум, затем много занимался самообразованием: изучал иностранные языки (древние, немецкий, французский, славянские), русскую и западноевропейскую литературу. Урядник Ека-теринославского казачьего ополчения в начале трудовой де-

тельности, Каченовский к 30 годам получил степень магистра философии, в 1806 г. — доктор философии и изящных искусств. С 1808 г. его ученая и преподавательская деятельность связана с Московским университетом: в 1821 г. — профессор, заведующий кафедрой истории, статистики и географии Российского государства; с 1836 г. — декан словесного отделения; через год — ректор. В 1841 г. Каченовского избрали действительным членом Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности. В Университете он читал курс лекций по риторике и археологии, русской и всеобщей истории, статистике, географии и этнографии, первым из отечественных историков ввел в лекционные курсы обзор источников по истории России. «В наше время, — вспоминал слушавший его лекции К. С. Аксаков, — любили и ценили, и боялись, причем чуть ли не больше всех, Каченовского».

В первой большой работе «Об источниках для русской истории» (1809), в статьях «О банном строении», «Два рассуждения: о кожаных деньгах и Русской Правде», «Мой взгляд на Русскую Правду», «О баснословном времени в русской истории» и других сочинениях Каченовский определил свой взгляд на предмет истории, сформулировал требования к критике древнейших русских памятников. По мнению ученого, историческая наука в России стояла на пороге «неожиданных перемен в понятиях о ходе происшествий в русской истории с XI в.». Опираясь на результаты исследований Г. Ф. Миллера и особенно А. Л. Шлёцера, Каченовский обратил внимание не только на необходимость восстановления подлинного текста летописей, но и на выяснение истинности сообщаемых в источнике исторических фактов, т.е. на критику историческую.

В основании разработанного им критического метода лежали представления об историческом процессе, как «цепи великих происшествий», имеющих свои причины и следствия. Каченовский говорил о необходимости анализировать содержание древних памятников с учетом обстоятельств, места и времени их создания. Иначе говоря, он рассматривал исторические источники как продукты определенной эпохи и требовал в связи с этим установления соответствия фактов, в них сообщаемых, с «историческим ходом происшествий», с общим духом времени, к которому они относятся.

Представление Каченовского об историческом процессе как едином, взаимосвязанном, подчиненном общим законам развития, привело его к сравнению истории России с исто-

рией западноевропейских народов. Сравнительно-исторический метод приобрел у него источниковедческое направление и служил для установления подлинности исторических источников и достоверности сообщаемых фактов. Рассматривая с этой точки зрения древнерусские летописи, Каченовский поставил под сомнение подлинность и достоверность самого источника, сделал вывод о том, что понятия, употребляемые в летописях, Русской Правде, чужеродны для Руси. Русские летописи X—XI столетий «в таком виде, — полагал он, — как оные мы имеем, делают исключение из всеобщего хода образованных народов — явление беспримерное в истории и особенно в истории нашего Севера».

М. Т. Каченовский пытался доказать, что Русская Правда возникла под балтийско-немецким влиянием не ранее XIII в., поскольку только к этому времени сложилось городское самоуправление в европейских странах и, следовательно, ранее не могло быть в Новгороде. Таким образом, ученый пришел к заключению, что «из всех известных списков, даже древние, не старше четырнадцатого века». Отсутствие их в IX—XIII вв. делало всю историю того времени недостоверной и баснословной, и приписывать «предкам нашим небывалых триумфов», «договоров несбыточных» есть «составление ложных понятий о могуществе, богатстве и славе любезного нашего отечества».

Ученики Каченовского — П. М. Строев, Н. В. Станкевич, основатель известного в 1830-х гг. кружка, О. М. Бодянский, в будущем основоположник отечественного славяноведения, — написали ряд статей в том же духе, опубликованных в «Ученых записках Московского университета». Эта группа ученых во главе с Каченовским получила в исторической науке название «скептическая школа».

Скептики видели средство познания прошлого в очищении источников в «горниле критики». Основным смыслом их работ был анализ внутреннего содержания древних памятников, событий, сообщаемых в источниках в контексте «общего духа времени к которому относятся», установление непротиворечивости их описания с общими законами развития. Они считали, что так как «Начальная летопись» и Русская Правда не отвечали примитивным отношениям, которые, по их мнению, имели место на Руси, то они не могли появиться на этом этапе развития. К тому же описываемые происшествия, упомянутые в летописях, не соответствовали «не только первому веку нашего младенчества государства, но и всеобщему духу европейских государств того времени», делали для них рус-

ские памятники недостоверными, составленными не ранее XIII—XIV вв., и отражавшими «дух» именно этого времени. В общем, недоверие к древнейшим памятникам привело скептиков к утверждению, что они не дают «истинное представление о минувших судьбах нашего отечества».

Выводы скептиков не получили поддержки ученых. Основная полемика развернулась вокруг вопросов о времени написания летописей, их авторстве, доверии к сообщаемым ими известиям. М. П. Погодин привел свидетельства, в том числе византийских ученых, в поддержку сообщений летописей. П. Г. Бутков, Н. И. Надеждин, Н. А. Полевой и ряд других ученых, хотя и признавали скептицизм в отношении древних памятников «небезоснованным» и «естественным», отвергли крайние выводы Каченовского и его учеников. Бутков не без сарказма говорил, что «у нас нет истории» до появления их трудов. Заслуги Каченовского и его последователей современники видели в том, что они закладывали основы исторической критики, направляли внимание на внутреннее содержание источников, рассматривали их в связи с общим развитием общества. Скептики заставили историков думать, «терпеть беспокойство, сомнения», рыться в иностранных и отечественных летописях, архивах. Мысль скептиков о необходимости критики слов и фактов, соединенная с философией истории, с познанием юриспруденции народов, становилась, по словам Полевого, потребностью времени. Она стимулировала развитие исторического знания на базе нового отношения к источнику.

К середине XIX в. ученые полностью осознали, что от предварительной разработки источников зависит общий научный уровень исторических исследований. Источник стал самостоятельным объектом изучения. Определяется понятие «источник», задачи и методы работы с ними.

Иоганн Филипп Густав фон Эверс (1781—1830) положил начало созданию на основе родовой теории органической концепции истории российской государственности и провел первое в русской историографии исследование правовых институтов Древней Руси. Его концепция определила одно из основных направлений отечественной исторической науки XIX в.

Эверс — выходец из Пруссии. Окончив Гёттингенский университет, он в 1803 г. приехал в Лифляндию в качестве домашнего учителя и с желанием «посвятить всего себя изучению русской истории». Уже первый его труд «О происхож-

дении Русского государства», вышедший на немецком языке в 1808 г., получил признание. В 1809 г. Эверс был избран профессором Дерптского университета, возглавил кафедру географии, истории и статистики, в 1810 г. он декан филологического факультета, в 1818 г. — ректор университета. В 1826 г. ученого избрали членом Петербургской Академии наук.

Как ученый Эверс сформировался под влиянием немецкой школы, в том числе А. Г. Геерена, Ф. К. Савиньи, К. Ф. Эйхгорна. С глубоким уважением он относился к Шлёцеру, который пробудил в нем интерес к русской истории. О Карамзине Эверс писал: «Всегда учусь у него нашей профессии, ни один человек не знает так много из русской истории, как он, и ни один не станет охотнее учить меня». Критически переосмысливая опыт предшественников, Эверс сделал ряд новых выводов о русской истории.

Предметом исследования ученого являлось образование государства и правовых институтов на Руси. Он сосредоточил свое внимание на изучении древнейшего периода русской истории, о чем свидетельствуют его труды: «О происхождении Русского государства», «История руссов», «Предварительные критические исследования для Российской истории».

Концепция ученого представлена в работе «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (1826 г., русский перевод 1835 г.): «Все в истории проистекает из естественного развития рода человеческого». По Эверсу, естественное развитие — это эволюционный, постепенный переход из одного состояния в другое, где каждая последующая форма сложнее, чем предыдущая. Это положение определило подход к исследованию истории государства и права. Эверс представил их как результат внутренней жизни общества, его органического развития, связанного с прошлым, с одной стороны, являющего собой новые определения — с другой. Каждой эпохе соответствуют те или иные отношения, представления людей. Изменения возникают под влиянием внутренних процессов, поэтому Эверс подчеркивал важный для него принцип исследования событий в связи с другими историческими явлениями. Он стремился «везде в голых, бессвязных факторах открывать мысль, которая в них выражается, или связь прагматическую».

Эверс первым из историков России попытался объяснить возникновение и развитие древнейшего русского права, исходя из господствовавших у первобытных народов отношений, — так называемого патриархального состояния граждан-

ского общества. Начальным общественным образованием, по мнению ученого, являлась патриархальная семья с сильной властью отца. Естественная потребность в защите от внешних врагов привела к объединению семей и образованию родов «под главенством общего родоначальника». Власть главы рода была ограничена; семьи имели определенную независимость, обусловленную имевшимися у них средствами, в том числе землею. Главой рода был тот, кто ближе стоял к общему родоначальнику. Из родов образовались племена, глава каждого из них со временем становился могущественным князем, «но первоначальное семейное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу». Семья, род, племя — три ступени патриархального общества. Развитие происходит от более узкого союза, семьи, к более широкому — роду и племени как переходному звену к государству, которое не что иное, как «соединение отдельных родов... под властью одного общественного главы». Эверс называл его «верховным патриархом» — он управлял государством как своей семьей, основываясь на здравом смысле и на понятиях, освященных древним обычаем. Таким образом, Эверс выделял две ступени в развитии общества, присущие всем народам и обусловленные «природой человека»: патриархальное состояние и государство. Последнее является результатом органического «естественного хода развития рода человеческого», высшей формой общественного образования. Такое понимание образования государства было новым для отечественной историографии. И хотя отдельные элементы схемы Эверса имели место в трудах В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, она ломала привычные представления, связывавшие образование государства с внешними факторами, призыванием варягов. Ученый пытался показать, что процесс образования государства на Руси не является спецификой ее истории, а соответствовал общему направлению развития истории мировой.

Эверс считал, что исторические явления живут только в контексте своего времени, своей эпохи, поэтому недопустимо подходить к ним с современными мерками, не уяснив «себе предварительно, посредством общих исторических сведений, характера известного народа на той ступени образования, какое он имеет в данное время». Например, он писал о Святославе: «Не его вина, что первый пример разделения, о коем упоминает история, случайно падает на его княжение; не заслуга других, что не встретилось при них подобного при-

меру... Нельзя порицать и век, не поставляя в укоризну человеку того, что проистекает из естественного хода развития общества. Ибо сие то развитие и произвело раздели». Раздача князьями земель соответствовала уровню общественного развития, данной политической организации. Так, князь в политической системе того времени прежде всего выступал как глава рода, а в родовых представлениях все имущество — не частная, а родовая собственность и принадлежит всем членам рода. Поэтому Владимир, Святослав могли поступить только так, как поступили, а не иначе. Для того времени все это было естественным. Когда изменились условия, был ликвидирован и этот порядок. Историзм являлся для Эверса основным принципом познания прошлого. Он отказался от морализирующего, правоучительного тона. Явления истории происходили в определенной обстановке, подчеркивал ученый, и поэтому они не должны служить назиданием настоящему.

Исходя из понимания общего хода исторического процесса, Эверс писал, что славяне еще в доваряжский период имели самостоятельные политические объединения, верховных властителей (князей), которые использовали наемных викингов для укрепления своего господства. Объединение княжеств, необходимое для решения внутренних и внешних проблем, не произошло из-за раздоров князей за главенство, что и привело к передаче управления чужеземцу, «от коего наименее можно было ожидать пристрастия». «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрика единовластии. Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело», поэтому «Рюриково единоедержавие было неважно и не заслуживает того, чтобы начинать с оного русскую историю». Этот вывод разрушал традиционное для русской историографии представление о том, что история России начинается единоедержавием Рюрика.

Первый период русской истории Эверс начинал с 552 г., т.е. с первого известия о славянах, окончание его связывал с разделом Владимиром Святославичем своего княжества между сыновьями (1015). Второй период продолжался до монгольского завоевания (битва при Калке 1224 г.). Третий заканчивался началом княжения Ивана Грозного. Правление Петра I — рубеж четвертого и пятого периодов. Изложение Эверс строил по княжениям и довел до 1689 г. В этой периодизации обращает на себя внимание определение начала рус-

ской истории — с первого известия о славянах и происхождении Русского государства, которое ученый представлял как результат их внутренней жизни. В отличие от своих предшественников он не связывал возникновение государственности на Руси с призыванием варягов, а в характеристиках периодов отказался от подробного описания политической жизни князей, ограничившись кратким изложением фактов.

Представляя историю Русского государства, Эверс считал необходимым, в первую очередь, «подолгу останавливаться на законах и договорах: на первых, так как они являются главным источником знаний о внутреннем состоянии народа, на вторых, потому что они свидетельствуют об основах внешней деятельности». В отдельных главах он характеризовал систему государственного управления и правовых норм, состояние торговли и ремесел, науки, искусства и т.п. По объему и содержанию в их освещении ученый значительно превосходил своих предшественников.

Эверс специально исследовал историю русского права, которое являлось отражением общественных отношений, и его развитие, составлявшее собственно историю самого государства. При родовом строе не существовало еще формальных законов, т.е. письменно изложенных постановлений и правил. В основе их лежат обычаи и некоторые первоначальные постановления, которые были сделаны при основании государства, или с общего согласия, или по воле первых властителей. Законы письменные — продукт государственной деятельности. Таковыми он считал договоры Олега и Игоря, Русскую Правду. Ученый последовательно проследил изменения, происходившие в правовых отношениях от времен Рюрика до утверждения Ярослава на киевском престоле. Каждое княжение он рассматривал с учетом правила наследования, уголовного права, имущественного владения, государственного управления, финансовой системы.

Эверс пришел к выводу, что в основе системы управления лежал единственный образец, который был известен людям, вступавшим в новое общество, — «правление великим семейством». Государь действовал подобно частному человеку, пекущемуся о своем хозяйстве, т.е. как родоначальник в своей семье. Различия были только в величине союза. Традиция передачи власти была нарушена приходом варяжского князя. Но это не смогло, по мнению Эверса, изменить естественного хода развития права и системы управления, а только ускорило их формирование. Рюрик следовал древнему образу правления,

в основании которого лежали родовые отношения, когда престол рассматривался как всякое родовое имущество, и следовательно, члены рода могли требовать своей доли. Постепенно с развитием понятия «государство», т.е. с исчезновением родовых связей, «разделы исчезли и явилось наследие престола, основанное на первородстве». Устанавливаются государственные отношения — «единовластие», монархия, представляющая древнейшую форму правления, ведущую начало от патриархальной семьи. Самодержавие — это уже определенная качественная характеристика монархии, историческая форма, утвердившаяся окончательно в период татаро-монгольского ига. Именно самодержавие как институт создало условия для развития общественной жизни и благосостояния государства.

С образованием государства формируются податная и финансовая системы. Введение их в России, отмечал Эверс, произошло в правление князя Олега.

Рассматривая правовые отношения в России, ученый отмечал, что «у всех древнейших народов в переходный период развития их гражданского состояния, право совершенно сходно в главных чертах».

Тщательный анализ памятников русской истории дал основание Эверсу утверждать, что «данные летописей, хотя и переданные спустя 200 лет, не могут быть подвергнуты ни малейшему сомнению, они согласуются с другими повествованиями из древнейшей истории народов». Ученый сделал ряд интересных замечаний, касающихся Русской Правды, в частности, относительно принадлежности Краткой Правды Ярославу, связав ее с новгородскими событиями 1015—1016 гг.

Эверс подверг сомнению господствующее в то время в историографии утверждение о скандинавском происхождении варягов-русов. Исследование этногенеза народов, населявших территорию России и соседствовавших с ней, фактов, почерпнутых из арабских источников, северных и восточных авторов, подвело его к выводу о черноморском (хазарском) происхождении руссов. Он даже выдвинул гипотезу, что полуостров Тмутаракань является «родовым наследием Рюриковой династии». Рассуждения о хазарской Руси почти не встретили поддержки среди ученых. С резкой критикой выступили Карамзин, Полевой. М. П. Погодин в рецензии на книгу Эверса заявил об отсутствии у ее автора «строгих доказательств» и «цицероновской хитрости» в их поиске, более того, он написал работу о норманнском происхождении Руси. Впоследствии Эверс отказался от своей гипотезы.

Труды Эверса не произвели на современников впечатления. Они были известны в сугубо научных кругах. Одна из причин заключалась в стиле и форме изложения материала: сдержанность, стремление к научной доказательности, строгая приверженность источнику. В работах ученого отсутствуют художественные отступления, нравственные оценки, яркие картины исторических событий, пространные описания характеров князей и их походов, пересказ событий многочисленных междоусобиц. В предисловии к одной из своих работ он отмечал: «Иные историки весьма пространно описывают государей и их походы. Я не хотел бы им подражать». Знакомство с трудами Эверса затруднялось и тем обстоятельством, что он писал на немецком языке, а переводы сильно запаздывали. Кроме того, дискуссионный характер его суждений, новизна идей требовали серьезных размышлений и времени для усвоения.

Современники ставили в заслугу Эверсу глубокое исследование юридического быта Древней Руси, отмечали его работу по изучению древнейших памятников русской истории, новые идеи для объяснения прошлого России. Эверсу, писал Карамзин, наша история обязана многими «удовлетворительными» объяснениями и «счастливыми мыслями». Но лишь спустя десятилетия «счастливые мысли» Эверса были оценены по достоинству и нашли своих последователей. «Основателем, отцом историко-юридической школы» называл его один из крупнейших исследователей Русской Правды Н. В. Калачов. Труды Эверса, считал он, «по части русской истории останутся навсегда незабвенными: он первый из юристов бросил критический взгляд на древнейший быт нашего отечества, первый старался объяснить его с естественной точки зрения, приняв для этого в основание общий ход развития у всех народов государственного быта из патриархальных, родовых отношений; первый, наконец, показал самый способ, как приняться с этой точки зрения за разработку наших древних памятников».

Николай Алексеевич Полевой (1796—1846) известен как талантливый публицист, литературный критик, редактор и издатель журнала «Московский телеграф» (1825—1834), названный В. Г. Белинским «лучшим журналом России от начала журналистики». В историческую науку он вошел как автор шеститомной «Истории русского народа» (первый том вышел в 1829 г.) и ученый, представивший в систематизированном виде новые идеи в подходе к изучению и осмыслению истории.

Н. А. Полевой родился в просвещенной семье иркутского купца. Он не получил никакого систематического образования. Ученый-самоучка, как и многие его современники, Полевой, благодаря своему трудолюбию и незаурядному уму, приобрел различные знания. Он хорошо знал русскую и зарубежную литературу, изучал иностранные языки. Особое внимание уделял Николай Алексеевич русскому языку, и за свои работы в этой области был принят в Общество русской словесности. После закрытия «Московского телеграфа» Полевой начал издавать первый в России иллюстрированный журнал «Живописное обозрение», принимал участие в редактировании «Библиотеки для чтения», «Русского вестника» и других изданий. Жизненным кредо его было служение просвещению России, ее культурному развитию.

Перу Полевого принадлежат четырехтомная «История Петра Великого», пятитомная «История Наполеона», «Русская история для первоначального чтения» и многие другие книги, статьи, рецензии на исторические темы. Уже первые исторические работы Полевого привлекли внимание ученых, он был принят в члены Московского общества истории и древностей российских.

Теоретической основой для постановки и решения Полевым новых в русской исторической науке методологических проблем стала немецкая философия, труды французских историков Ф. Гизо, О. Тьерри, сосредоточившихся на изучении гражданской истории, пришедшей на смену истории сильных личностей. Н. А. Полевой отмечал заслуги своих предшественников и современников — В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлёцера, Н. М. Карамзина — в изучении русской истории, в собирании и систематизации исторических материалов. Эпоху в истории древностей, по его мнению, составили труды Н. П. Румянцева, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, А. Х. Востокова.

История для Полевого — одно «из важнейших понятий человеческих... проверка всех догадок и предложений ума, философия опыта». Задача исторической науки «соображать ход человечества, общественные нравы, понятия каждого века и каждого народа, выводить цепь причин, производивших и производящих события». Это позволит открыть «тайну бытия в настоящем, цель будущей судьбы своей». Следование истине, беспристрастие, соблюдение исторической перспективы, отказ от изложения событий из «своего века, своего народа, самого себя» — так определял основные принципы своей работы Полевой.

В осмыслении прошлого ученый исходил из представлений о единстве исторического процесса. Идея не была новой, но получила у Полевого более глубокое обоснование и конкретное содержание. Народы живут в непосредственном взаимодействии друг с другом и подчиняются «одинаким законам», «условиям общей жизни товарищей бытия его». Законы проявляются в определенной форме, в зависимости от места и времени действия. История каждого народа имеет свои особенности, и каждый народ заслуживает внимания — в этом проявляется многообразие исторического процесса. «Все, чтобы не представлялось нам, — писал Полевой, — мы созерцаем в частном и общем: частное есть общее, одно и то же, двояко познаваемое». Понять историю можно, только «обнимая весь мир, рассматривая каждое общество, каждого человека, каждое деяние его в связи с жизнью всего человечества».

Общий закон Полевой видел в единстве цели исторического развития, начертанной Провидением. Оно определяет направление жизни. Отсюда необходимость рассмотрения каждого явления с его началом и будущим, выяснение, почему «именно такое происшествие случилось именно в такое-то время, такой-то народ поступил так, а не иначе, шел туда, а не сюда».

В конкретном выражении идея единства, представленная Полевым, — соотношение исторической жизни России и стран Западной Европы. Россия и Запад для него есть части мировой истории и, следовательно, подчинены общим законам развития. Россия прошла школу веков, подобно Западу, и жизнь ее совершалась в тождественных с западной историей явлениях, отличаясь только по форме, времени и месту. По мнению Полевого, история феодализма на Западе и история русских уделов, Новгорода и средневековых городских общин, междоусобий князей и феодальных войн — явления одного порядка.

Ученый писал о непрерывном, поступательно-прогрессивном движении человечества. Род человеческий совершает свое бытие спиралью, бесконечным винтом. Каждый виток — новая ступень развития. Она выше, совершеннее предыдущей, «место действия обширнее, сущность более объемлюща».

Принимая установившееся в науке разделение на древнюю, среднюю и новую историю, Полевой каждую из них представлял как более высокую ступень в развитии основных элементов общества: философии, религии, политики, образовании. Доисторический период — это время становления

первых обществ и возникновения первых наук, знаний, законов, торговли и т.п. В древней истории происходит дальнейшее развитие элементов общества: в религии — освобождение духа и познание «истин откровения», в философии — свобода мышления, в политике — борьба республики с единовластием. Для Средних веков характерно усиление влияния религии, «недоступная теократия» в политике. Новая история «отразила в себе все, о чем мечтали древние и средние века». Все эпохи смыкаются между собой, образуя непрерывную цепь изменений, одно вытекает из другого, каждая эпоха подготавливается предыдущей.

Закон прогрессивного развития, утверждал Полевой, обязателен для любого народа. Всякие попытки остановить движение ведут к упадку и гибели народа. Вместе с тем историк отмечал сложность и противоречивость движения: оно включает в себя моменты упадка, возврата назад, но тем не менее общество переходит с каждым шагом к «большему благу, большему совершенству человеческому». Такой взгляд на исторический процесс дал возможность Полевому признать правомерность всех эпох в истории человечества, в том числе Средних веков, периода уделов в России, и обосновать неизбежность и необходимость перемен в современной ему России.

Главная закономерность исторического развития, по Полевому, — «нескончаемая борьба» противоположных начал, где окончание каждой очередной борьбы есть начало новой. Он не раскрыл подробнее это положение, но дал новое направление для поиска внутренних причин исторического прогресса.

Продолжая традиции русской исторической мысли, Полевой обратил внимание на три основных фактора, определяющих жизнь человечества: природно-географический, дух мысли и характер народа, события в странах окружающих. Природными условиями он объяснял специфику Азии и Европы. Азия огромна, могуча физическими силами, человек в ней подавлен громадностью. Европа уступала Азии обширностью и разнообразием, она бедна физическими силами. Следствием этого явилось преобладание в ней духа. Азия, в свое время колыбель «общественного и умственного образования», в силу природных условий окаменела в своем развитии. В ней сохранились «пастушеская, полудикая, воинская жизнь»; религия — «тяжкое, подавляющее чувство величия сил природы»; философия — религиозный мистицизм или «отчаянный материализм, нисходящий в безбожие»; поли-

тика — неограниченный деспотизм; искусство — исполинские истуканы, подземные храмы. В Европе — оседлая городская жизнь; религия — возвышение духа; философия — смелая, свободная, ведущая к разгадке тайн природы; политика — развитие свободной воли человека; искусство — произведение изящного; человек — сознающий свое достоинство. Азия олицетворяет вещественность (природу), Европа — духовность (человека). Единство вещественности и духовности, т.е. Азии и Европы, составляет жизнь человечества. Определяющим Полевой считал духовность, отсюда его интерес и ориентация на Запад.

Однако ученый видел и другую сторону этого единства — вечную борьбу вещественности и духовности. История человечества представлялась ему как борьба Азии и Европы. Она заключалась в попеременном вторжении Азии в Европу и затем «вдвижение ее Европой обратно». Этанами движения он определял границы периодов исторического развития. История человечества начиналась на Востоке. Мир древний был стерт с лица земли бурным потоком, нахлынувшим из Азии. Затем Европа двинулась в Азию (крестовые походы). Ответное движение турецких орд в Европу — завоевание Царьграда, конец истории Средних веков. Одним из последних этапов движения Запада на Восток Полевой считал «великую северную войну», вторжение Наполеона. Это — начало новейшего периода в истории человечества. Восток устоял и приходит очередь двинуться ему в Европу. Это движение, утверждал Полевой, «не будет так воинственно и разрушительно, как в начале Средних веков, не будет так воинственно и религиозно, как было в конце их». Это движение «великого народа, соединившего в себе Восток и Запад, Азию и Европу, народа родного Европе и родного Азии. Сей народ — русский народ, сие живительное начало — Россия».

Такова концепция всемирной истории Полевого: столкновение Востока и Запада, вызванное непохожестью природно-географических условий и вытекающих отсюда различий в общественном развитии. Разрешение проблемы он видел в достижении Востоком уровня развития Европы, наступление равновесия.

Географическими условиями, положением России между двумя стихиями объяснял Полевой особенности ее исторического развития. Однако сам по себе географический фактор не создавал и не упразднял общих закономерностей. Он влиял на темпы, формы, дух и характер народа. В частности, харак-

тер русского народа, сформировавшийся в условиях местоположения между Азией и Европой, определил его историческое развитие. Русский народ соединил в себе «воображение Востока с умом Запада и с твердостью северного характера». Залогом силы и единства государства является вера россиян.

Рассматривая Русь IX—XI вв., ученый обращал внимание на связи ее с Грецией. Нашествию татар он придавал решающее значение при объяснении внутренних изменений в России. Учитывая роль указанных факторов в российской истории, Полевой делал вывод: «Состояние общности, дух времени, образ мысли и понятий, географические подробности, современные события в странах, окружавших Русь, должны были произвести то, что было на Руси».

Государство для историка являлось высшей формой выражения народного духа. Его прочность и благосостояние зависят от поддержки народа. Однако в силу своей непросвещенности, он не подготовлен к самостоятельным действиям, поэтому правители «двигают грубый материал» и образуют из него «отдельные правственные миры». Самодержавие «великой династии Романовых» обеспечивало, по его мнению, могущество Русского государства в прошлом, оно является залогом процветания России и в будущем. В итоге история народа в концепции Полевого становится той же историей государства и его самодержцев.

Одним из первых в отечественной историографии ученый обратил внимание на обусловленность действий личности историческими условиями. Человек не может действовать по своему произволу, не может ускорить ход событий. Действия великих людей определены условиями и потребностями эпохи. Они являлись лишь тогда, когда «время вызывало их на подвиг». Так появились в России Иван III, Петр Великий и др. Оценивать значение личности, полагал Полевой, возможно только при рассмотрении «всех деяний» ее, с учетом предшествующей и последующей истории. Анализ событий XVII в. убедили Полевого в необходимости реформ Петра I, деятельности которого он придавал особое значение.

В вопросе о происхождении государства историк исходил из понимания того, что оно создается постепенно, поэтому в словах «Русское государство» в отношении к первому периоду отечественной истории содержится ошибка: древняя история России может быть только «историей русского народа, а не историей русского государства». Это положение определило его схему русской истории: первый период —

время истории русского народа, второй — история русского царства, третий — Российская империя. Границы этих периодов: вторжение варягов, затем монголов и вступление России в европейскую систему при Петре I. Таким образом, Полевой отверг два принципиальных положения предшествующей русской историографии: установление государства на Руси с приходом варягов и факт добровольного их призвания. Он утверждал, что известие о «призвании варягов оказывается недостоверно и несообразно». Как и другие народы Европы, славяне были покорены выходцами из германских и скандинавских земель, которые «на мечях» положили начало общественным образованиям, т.е. все государства начинались одинаковым образом.

В «Истории русского народа» Полевой представил целостную теоретико-методологическую концепцию исторического развития и на этой основе осмыслил всемирно-исторический процесс и прошлое России в контексте не только европейской, но и восточной истории. Он выделил главные составляющие исторического процесса и факторы его определяющие. В конкретном изложении ему удалось далеко не все — Полевой не смог написать историю русского народа, не пошел дальше общих фраз о «духе народа», не раскрыл целостности, внутренней обусловленности русской истории, ограничившись некоторыми новыми оценками тех или иных событий. Его «История русского народа», писал Н. И. Надеждин, явилась «с предзнаменованием грозным и вместе блистательным, возвещающая конец старой и начало новой эпохи в нашей истории». Продолжил эту мысль К. Н. Бестужев-Рюмин: Полевой прокладывал новый путь, он мог ошибаться в своих выводах, мог делать неудачные попытки, но главное «им были требования выделены, последующим историкам предстояло их наполнить по мере сил и накопления материала».

Творчество Каченовского, Эверса, Полевого можно рассматривать как переходную эпоху в развитии отечественной исторической науки, когда происходило отрицание старых подходов к изучению и осмыслению прошлого, старых схем исторической жизни России и становление новых.

Начиная с 1830-х гг. в научных, литературных и общественных кругах России было широко известно имя **Михаила Петровича Погодина** (1800—1875) — ученого-историка и педагога, собирателя старины, публициста и драматурга, издателя «Московского вестника» (1828—1830) и «Москвитянина» (1841—1856).

Сын крепостного крестьянина графа И. П. Салтыкова, получившего вольную в 1806 г., Погодин окончил Московский университет. В 1824 г. он защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси». Современники считали ее «лучшим сводом главных доказательств норманнистов». Ученая и педагогическая деятельность Погодина началась в 1826 г. в Московском университете, где он читал курс всеобщей и русской истории. Князь В. А. Черкасский, слушавший его лекции, вспоминал: «Он знакомил нас не с одними внешними явлениями истории, но и с сокровенным внутренним смыслом; он учил нас любить науку, любить и уважать Россию, ценить ее великие тяжелые жертвы, которые Древняя Русь умела принести ради сохранения своего самостоятельного быта и создания единственно устоявшегося в бурях истории славянского государства; он учил нас сознать себя русскими, членами родной русской — одной общей великой славянской семьи».

С 1835 г. Погодин — профессор русской и всеобщей истории, заведующий кафедрой российской истории. В 1844 г. из-за конфликта с попечителем Московского университета С. Г. Строгановым он уходит в отставку и сосредоточивает все внимание на публицистической и издательской деятельности, продолжая свои научные исследования по истории России. М. П. Погодин много работал в Обществе истории и древностей российских и в Обществе любителей российской словесности, в Московском археологическом обществе. В 1841 г. он был избран академиком Петербургской Академии наук.

Диапазон научных интересов Погодина был широким. Но главным предметом его творчества была история Древней и средневековой Руси. Ему принадлежит ряд крупных исследований: «Происхождение варягов и Руси», «Исторические афоризмы», «Исследования, замечания и лекции о русской истории» в семи томах, «Историко-критические отрывки» и многие другие, где он изложил свои взгляды на предмет, метод и задачи исторических исследований.

«Время, в которое мы живем, — писал Погодин, — научило нас многому и предложило вопросы, прежде неслыханные», ответы на которые должна дать история. «Столбовую дорогу» в отыскании истины в событиях прошлого проложил Карамзин. У него Погодин учился «и добру, и языку истории», «любви к отечеству, уважению к народным традициям». Духом критики он «напитывался» у А. Шлёцера. Уточнял свои исторические позиции в полемике с М. Т. Каченовским,

Историки России

Татищев
Василий Никитич
(1686—1750)

Ломоносов
Михаил Васильевич
(1711—1765)

Миллер
Федор Иванович
(Мюллер Герард Фридрих)
(1705—1783)

**Елагин
Иван Перфильевич
(1725—1794)**

**Щербатов
Михаил Михайлович
(1733—1790)**

**Болтин
Иван Никитич
(1735—1792)**

**Голиков
Иван Иванович
(1735—1801)**

Шлёцер
Август Людвиг
(1735—1809)

Бантыш-Каменский
Николай Николаевич
(1737—1814)

Платон, митр.
(Левшин Петр Георгиевич)
(1737—1812)

Болотов Андрей
Тимофеевич
(1738—1833)

Чулков
Михаил Дмитриевич
(1743—1793)

Мусин-Пушкин
Алексей Иванович
(1744—1817)

Новиков
Николай Иванович
(1744—1818)

Малиновский
Алексей Федорович
(1762—1840)

Карамзин
Николай Михайлович
(1766—1826)

Евгений, митр.
Болховитинов
Евфимий Алексеевич
(1767—1837)

Каченовский
Михаил Трофимович
(1775—1842)

Эверс
Иоганн Филипп Густав
(1781—1830)

Бантыш-Каменский
Дмитрий Николаевич
(1788—1850)

Полевой
Николай Алексеевич
(1796—1846)

Строев
Павел Михайлович
(1796—1876)

Погодин
Михаил Петрович
(1800–1870)

Надеждин
Николай Иванович
(1804–1856)

Устрялов
Николай Герасимович
(1805–1870)

Бодянский
Осип Максимович
(1808–1877)

**Беляев
Иван Дмитриевич
(1810—1873)**

**Грановский Тимофей
Николаевич
(1813—1855)**

**Макарий, митр.
Булгаков Михаил
Петрович
(1816—1882)**

**Аксаков
Константин Сергеевич
(1817—1860)**

Костомаров
Николай Иванович
(1817–1885)

Кавелин
Константин Дмитриевич
(1818–1885)

Самарин
Юрий Федорович
(1819–1876)

Забелин
Иван Егорович
(1820–1908)

**Соловьев
Сергей Михайлович
(1820—1879)**

**Данилевский
Николай Яковлевич
(1822—1875)**

**Леонтьев
Павел Михайлович
(1822—1875)**

Коялович
Михаил Осипович
(1828–1891)

Чичерин
Борис Николаевич
(1828–1904)

Бестужев-Рюмин
Константин Николаевич
(1829–1897)

Гильфердинг
Александр Федорович
(1831–1872)

Шапов
Афанасий Прокопьевич
(1831–1876)

Иловайский
Дмитрий Иванович
(1832–1920)

Попов
Нил Александрович
(1833–1891)

Иконников
Владимир Степанович
(1841–1923)

**Ключевский
Василий Осипович
(1841–1911)**

**Кондаков
Никодим Павлович
(1844–1925)**

**Семевский
Василий Иванович
(1848–1918)**

Кареев
Николай Иванович
(1850—1931)

Ковалевский Максим
Максимович
(1851—1916)

Виноградов
Павел Гаврилович
(1854—1925)

Плеханов
Георгий Валентинович
(1856—1918)

Вишпер
Роберт Юрьевич
(1859—1954)

Милуков
Павел Николаевич
(1859—1943)

Николай Михайлович
великий князь
(1859—1919)

Любавский
Матвей Кузьмич
(1860—1936)

**Платонов
Сергей Федорович
(1860—1933)**

**Айналов
Дмитрий Власьевич
(1862—1939)**

**Лихачев
Николай Петрович
(1862—1936)**

Н. А. Полевым, Г. Эверсом, С. М. Соловьевым. М. П. Погодин был в курсе новейших европейских исторических и философских идей. Как и многие его современники, он увлекался философией Шеллинга и идеями романтизма. Ученый пытался осмыслить национальные идеалы и традиции, место русского народа в общечеловеческом развитии, определить собственное представление о смысле и содержании истории.

В истории, считал Погодин, надо изучать «историю ума и сердца человеческого, душу народа», т.е. явления, прежде всего, личные, бытовые, религиозные, художественные, «выставить “наружу” работников и архитекторов, построивших Россию». Действия «духа человеческого» он представлял в виде цепи событий, где каждое кольцо «необходимо держится всеми предыдущими и держит в свою очередь все последующие». Эта гармония подчиняется определенным условиям, законам, понять их — задача историка. Для этого важно исследовать все, даже самые незначительные происшествия, их причины, «ловить звуки», лишь тогда можно прочесть историю так, как «глухой Бетховен читал партитуру». Исходя из этого, Погодин определял принципы изучения прошлого: «собрание, очищение, распределение событий».

«Связь и ход происшествий, — продолжал он, — есть понятие об управлении Божиим... поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной благим Провидением». Но тайна Провидения «едва ли доступна человеку». Все, что свершается, должно было свершиться. Каждое кольцо, каждое явление в цепи событий — чудо. При этом Погодин утверждал, что люди не слепые орудия Высших сил, «свободная воля есть первое условие человеческого бытия». Но также как человеку недоступно проникнуть в тайну Провидения, невозможно и проследить «намерения и действия человека». Историк не может ответить на вопрос, почему все пошло так, а не иначе. Он может только почувствовать «замысел Божий в глубине души своей», интуитивно приблизиться к нему. В соединении «религиозного чутья» и научного поиска ученый видит возможность приблизиться к истине. «Ум, озаренный верой, науками подкрепится» — таков для него путь познания прошлого.

Убеденный в торжестве законов естественного и духовного мира, Погодин одним из первых в русской исторической науке пришел к выводу, что поиск истины в истории может быть таким же, как и в других науках. Образ историка он сравнивал с образом натуралиста. Но историк имеет дело

со сложнейшими категориями: человек, народ, государство, развитие которых связано с целым комплексом свойств, поэтому он должен в деталях изучить все события, выявить условия и корни их появления, постепенность, органичность их развития. Именно это и делает, заключал Погодин, историческую науку действительно наукой.

Свой метод исследования Погодин называл «математическим», имея в виду, что историк должен «собрать все места из летописи, грамот и других источников об известном предмете, и затем, имея их перед глазами, делать выводы о его значении и отношении, в каком он находится к другим смежным предметам, и вообще ко всей истории, проверяя свои выводы прочими сведениями». Математическое заключение он представлял как единственный путь, ведущий к цели, другие «увлекают в сторону, назад, или, по крайней мере, замедляют успехи». Таким методом Погодин исследовал русские летописи и на этой основе представил древнейший период русской истории.

Изучая историю России, Погодин сравнивал труд ученого с работой коллекционера, например, нумизмата, разбирающего монеты по месту, времени чеканки, по материалам, из которого они изготовлены, и, подобно В. Н. Татищеву, с работой архитектора. Именно за такую работу взялся Погодин, представив в своих исследованиях «план, фасад строения» и для себя, и для будущих времен. Только после возведения такого «фундамента истории» можно было, по его мнению, перейти к анализу и выводам, т.е. ко второму виду исторических работ — «повествованию». Свои «Исследования, замечания и лекции по русской истории» он называл книгой «с тысячью справок и подлинных слов из разных сведений», «расчисткой поля» истории, чтобы другие получили возможность делать какие угодно соображения и идти дальше. Исследователи с «высшими взглядами» нашли бы в этих сочинениях «нужное знание для систем и теорий».

«Россия, — утверждал Погодин, — огромный мир», она обладает неизмеримыми пространствами и богатствами «вещественных и духовных сил». Выяснить, как сложился этот «колосс», как «сосредоточились, как сохраняются в одной руке все сии силы» — главная задача исторической науки. Для ее решения ученый считал необходимым обратиться к изучению истоков образования государства, ибо, сформулировал он одно из своих основных положений, «начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный ка-

мень» истории. Следует также показать отличительные свойства и судьбу Российского государства в сравнении с историей других государств и народов.

Начинает свои исследования Погодин с выяснения, какие племена явились основателями Русского государства. Обращаясь непосредственно к проблеме образования государства, он исходил из того, что оно начинается «неприметной точкой». Такой точкой для России явилось призвание Рюрика новгородцами. Но это нельзя безусловно назвать началом Русского государства, предупреждал Погодин. Новое гражданское начало, положенное Рюриком, подверглось влиянию славян, «блеснуло и погасло». Главным результатом призвания Рюрика историк полагал начало династии. Роду Рюрика было предназначено основать впоследствии величайшее государство в мире. Судьба династии определяла последующее развитие русской истории, а ее сохранение было основным делом исторического развития. Направляемая Божественным промыслом, она «чудесно» охраняется от прекращения. Одни князья сменяют других: младенец Игорь «тонкой нитью» связывает начало истории с последующими событиями. Он убит, но есть Ольга, Святославу не удастся остаться в Болгарии, хотя он хотел. М. П. Погодин находит связь между смертью царевича Дмитрия в Угличе и деятельностью Петра I — «не прекратись род московских князей, не было бы Романовых, не было бы Петра». В этих утверждениях ученого проявляется мистическое представление об историческом процессе.

Призвание Рюрика Погодин рассматривает как начало русской истории, первый ее этап, который называет норманнским. Норманны раскинули план будущего государства, наметили его пределы. Но о государстве как о едином целом, пусть и «сметанным на живую нитку», можно говорить лишь с Ярослава, когда все племена и города стали подданными одного князя, были одного происхождения, говорили одним языком, исповедовали одну веру.

Временем от кончины Ярослава до нашествия монголов ученый датирует удельный период. На первый план выступает вопрос о праве наследования великокняжеского престола, т.е. вопрос династический. Господствовало право старшего в роду. Земли Руси находились в общем владении княжеского рода. Однако каждый князь стремился обособиться в своем уделе и в то же время вел борьбу за великокняжеский престол.

Третий период — монгольский (до образования Московского государства). Затем наступает новая эпоха — европей-

ско-русская. Современное время — период национально-самобытный. Ему и принадлежит будущее.

Более определенно общие представления об истории России отражены Погодиным не в ее периодизации, а в перечислении им основных происшествий, составляющих, по его определению, существо русской истории: основание государства, принятие христианской веры, столица Москва, Донское побоище, освобождение России от поляков, Полтавская битва, сожжение Москвы в 1812 г., и «самое к нам близкое, самое радостное, животрепещущее — освобождение двадцати пяти миллионов крепостного народа».

Основное внимание Погодин сконцентрировал на древнейшей и средневековой истории. Но он обращался к событиям и более позднего времени: высказал собственный взгляд на историю Московского государства XVI в., пытался дать оценку событиям XVII в.

Личность и эпоху Ивана Грозного ученый характеризовал негативно. Он видел в нем слабого человека, ничтожного политика, у которого отсутствовал государственный взгляд. Усиление власти при Иване IV Погодин рассматривал как естественное положение хода государственного строительства, начавшееся задолго до него. Восторженные отзывы звучали в адрес Петра I. Историк подчеркивал, что реформаторская деятельность царя, его нововведения имели глубокие корни на русской почве. Благодаря реформам, Россия, воспользовавшись достижениями западной цивилизации, «заняла почетное место в политической системе европейских государств», приобрела основания для последующего развития.

Одним из важнейших в отечественной историографии и общественно-политической мысли XIX в. являлся вопрос о соотношении исторического развития России и стран Западной Европы. В его рассмотрении Погодин исходил из двух посылок. Первая — история России есть составная часть истории человечества, т.е. истории европейской. В них имели место одинаковые события, обусловленные «общим (родовым) ее подобием» и «единством цели». Поэтому ученый не может изучать историю России вне контекста истории Европы. Вторая — «всякий народ развивает своей жизнью особую мысль». Россия всегда шла своим путем и обязанность историка отыскать этот путь, показать его своеобразие.

Все европейские великие происшествия, средства для развития которых «мы по вере, языку и другим причинам» не имели, были заменены у нас на другие, писал Погодин. Они

имели другую форму, решали те же задачи, только другим путем. Ключ к пониманию использования им сравнительного метода находится в заглавии одной из его работ: «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала». В России, утверждал Погодин, не было западного среднего века, но был восточный русский; развивалась удельная система, которая существенно отличалась от феодальной, хотя и составляла вид того же рода; на Западе была реформация, в России — реформы Петра I. По Погодину, история русская и западноевропейская — два процесса, идущие рядом, но не пересекающиеся. Они могут пройти через похожие стадии развития, но это не будет означать, что они обязательны для их эволюции. В итоге Погодин пришел к выводу, что «вся история России до малейших подробностей представляет совершенно иное зрелище».

Истоки различий ученый видел в «изначальной точке», «зародыше», т.е. в особенностях образования государства. Образование государства на Руси было следствием призвания, «полюбовной сделки», а на Западе — последствием завоевания. Идея для российской историографии не новая, но у Погодина она доминирующая, определяющая судьбу и особенности развития русской жизни во всех ее аспектах, в том числе в институтах власти, социальном строе, экономических отношениях. На Западе пришельцы побеждают туземцев, отнимают у них землю, обращают в рабство. Победители и побежденные образуют два класса, между которыми возникает непримиримая борьба. В городах третье сословие борется с аристократией. Борьба их оканчивается революцией. На Западе король был ненавистен туземцам. В России государь был «званным... мирным гостем», имел дело с народом «лицом к лицу, как его защитник и судья». Земля была в общем владении, сподвижники князя получали ее на время как род жалования. Народ оставался свободным. Все жители различались только по роду занятий, а в политическом и гражданском отношении были равны между собой и перед князем. Высшие сословия приобрели свои привилегии «службой отечеству, России». Русскому простолыдину был открыт доступ к высшим государственным должностям, «университетское образование заменяло привилегии и грамоты». М. П. Погодин заключал: в России нет ни разделения, ни феодализма, ни рабства, ни ненависти, ни борьбы. Все преобразования шли сверху, от государства, а не снизу, как в Европе. Таким образом, разница в первичной точке решила судьбу России.

но в то же время отсутствие «широкого общего взгляда», в силу чего результаты его деятельности были «ограниченными, имеющими только частное значение». М. П. Погодин, писал Кавелин, «всеми своими сторонами принадлежал к прошедшему», однако он не «чужд некоторых новых требований, взглядов, ученых приемов, которых мы не встречаем у его предшественников». Ю. Ф. Самарин ставил в заслугу историку его попытки разъяснить «явления русской истории из нее самой», отстаивание первенствующего значения национальной идеи, национального сознания как главного условия жизни русского общества. По мнению Ключевского, Погодин «соединил в историографии впечатления и требования двух эпох общественного развития (20—30-х и 60—70-х гг. XIX столетия)». К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал: Погодин внес в науку «требование строгой плёцеровской документальности» и «свой русский инстинкт, почти всегда указывавший на истинное значение событий и побуждавший его никогда не забывать тесной связи прошедшего с настоящим».

Таким образом, М. Т. Каченовский, И. Ф. Г. Эверс, Н. А. Полевой, М. П. Погодин определили новый предмет исследования и новое отношение к изучению и осмыслению исторического прошлого. Не история государей, а история народа, общества в целом, его внутренняя структура стали предметом изучения отечественной исторической науки. Были сделаны первые попытки создания философского осмысления прошлого, выяснения смысла русской исторической жизни, поставлены вопросы «что есть Россия?», «что есть русские?», каково их место в западноевропейской истории. В содержании научных работ ученых нашли отражение настроения российского общества, его потребность в научном знании, уточнении и объяснении как процесса исторического развития России в целом, так и отдельных его составляющих.

Источники

Каченовский, М. Т. Два рассуждения: о кожаных деньгах и о Русской Правде / М. Т. Каченовский. — М., 1849.

Погодин, М. П. Древняя русская история до монгольского ига : в 3 т. / Н. А. Полевой. — М., 1871.

Погодин, М. П. Избр. тр. / М. П. Погодин ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев ; подг. текстов А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев, Е. П. Харченко. — М., 2010.

Погодин, М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории : в 7 т. / Н. А. Полевой. — М., 1846—1859.

Полевой, Н. А. История русского народа : в 6 т. / Н. А. Полевой. — М., 1829—1833.

Полевой, Н. А. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого / Н. А. Полевой. — СПб., 1846.

Эверс, И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И. Ф. Г. Эверс. — СПб., 1835.

Рекомендуемая литература

Дурновцев, В. И. Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин / В. И. Дурновцев, А. Н. Бачинин // Историки России. XVIII — начало XX века. — М., 1996. — С. 194—214.

Зеленов, М. В. Каченовский Михаил Трофимович; Эверс Иоганн Филипп Густав / М. В. Зеленов // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 110—121.

Павленко, Н. И. Михаил Погодин / Н. И. Павленко. — М., 2003.

Умбрашко, К. Б. М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист / К. Б. Умбрашко. — М., 1999.

Умбрашко, К. Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины девятнадцатого века : в 2 т. / К. Б. Умбрашко. — М., 2006.

Шикло, А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого / А. Е. Шикло. — М., 1981.

Глава 10

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

К 1840-м гг. в исторической мысли и исторической науке сложились две основные точки зрения на определение «свойства почвы», на которой строилось русское общество. Сторонники «духовной самостоятельности народа», по словам А. С. Хомякова, признавали за ним «обязанность самобытного развития и право самотрудного мышления». Свою схему исторического развития России они строили с учетом присущих русскому народу свойств характера, определивших принятие им православной веры. Приверженцы этой точки зрения получили название славянофилы, по определению Погодина — «русское направление». К ним он относил и себя. Славянофилы подкупали, отмечал В. О. Ключевский, «широкой, размахистой идеей» и верой в народные силы.

Другая схема исторического развития России строилась на основе признания общих для всех народов законов развития. Эту точку зрения выражали западники, в исторической науке — «государственная школа». Их отличали, по словам Ключевского, «дисциплина мысли, уважение к научному знанию, любовь к точному изложению». Но русский западник, продолжал он, «возбужденный, растерявшийся человек, который недоумевает, какой народ ему родной, где его отечество».

При всем различии взглядов славянофилов и западников большинство ученых придерживались мнения, что история воплощает «дух народа» как ее основное условие и содержание.

10.1. Славянофилы

Кружок славянофилов включал публицистов, поэтов, философов, историков, общественных и государственных деятелей. Среди них были К. С. Аксаков, П. В. и И. В. Киреев-

ские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков. Несмотря на тесное духовное общение, каждый из них являл собою яркую индивидуальность, у каждого был свой путь в науку. В своих работах они высказывали мысли и ставили вопросы, которые определили одно из основных направлений русской философской и исторической мысли. Славянофилы, по определению Н. А. Бердяева, были «первыми русскими “европейцами”, которые, пройдя школу европейской философии, “переболев” шеллингианством и гегельянством, попытались создать основы самостоятельной философии истории». Теоретиками славянофильства были А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, предпринявшие первую попытку создания русской философии истории.

Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) — философ, богослов, историк, занимался вопросами мировой цивилизации. Философские и исторические искания Хомякова нашли отражение в статьях «О старом и новом» (1839), «Письма из Петербурга о выставке» (1843), в обширном труде по всемирной истории «Семирамида» и др. В них рассматривались вопросы человеческой жизни, ее истории, что такое Россия, в чем ее призвание, какова позиция историка в его отношении к прошлому.

Главной составляющей мировоззрения Хомякова являлось признание духовного строя людей определяющим источником жизни человечества, судеб народов, движения к нравственному идеалу и божественной истине. Из трех возможных начал «рода человеческого» — «племя», «государство», «вера» — последнее, по Хомякову, наиболее значимое. Вера составляет предел внутреннего развития человечества. Она — высшая точка всех его помыслов, тайное условие его жизни и действий, концентрированное выражение «духа народного». Все понятия, вся жизнь получают от нее особый характер и смысл.

Русское племя обратило внимание на церковь византийскую, православную, обращенную к «хижине земледельца». Она обусловила развитие славян, их приверженность общинному строю, святость семьи, нравственные устои. Православная церковь облагородила «лучшие инстинкты души русской, произвела все хорошее, чем мы можем гордиться».

Другим началом, способствовавшим развитию нравственности, умственных и вещественных сил земли русской, Хомяков называл правительственную власть. При этом для него народ значительнее и существеннее государства. Сама верховная власть покоится на признании ее народом, который, бу-

лучи источником власти, вручает ее царю; последний и несет это бремя, а народ представляет «свободу мнений».

А. С. Хомяков писал не только об особом пути развития России, но и об имеющихся у нее возможностях решения задач всемирной истории — освобождение человечества от одностороннего и ложного развития, какое получила история под влиянием Запада. Он призывал Россию встать впереди всемирного просвещения. История дает ей право на это в силу всесторонности и полноты ее начал. А. С. Хомяков верил, что православие России может привести к переработке всей системы культуры.

Иван Васильевич Киреевский (1806—1856) — философ, публицист, критик, общественный деятель, как и его друг А. С. Хомяков, уделял большое внимание проблеме России и Запада, соотношению русского и европейского просвещения. Его историко-литературные взгляды нашли отражение в статьях «Девятнадцатый век», «В ответ А. С. Хомякову», «Обозрение современного состояния словесности», «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению в России». Об эволюции взглядов Киреевского на русский исторический процесс свидетельствуют его статьи в журнале «Москвитянин».

С конца 1830-х гг. Киреевский утверждал, что Россия и Запад суть разнонаправленные культурно-исторические категории. По его мнению, виновницей духовной пустоты западноевропейской цивилизации является католическая церковь. На смену Западу, исчерпавшему свои духовные потенции, идет восточно-православная культура, носительницей которой является Россия. Ее главное преимущество заключается в полученном от Византии православии, сохранившем в чистоте христианское учение. Самобытное развитие России продолжалось до Петра I, чьи реформы нарушили его естественный ход. Однако, несмотря на отделение образованного на европейский манер дворянства от народа, отрицательные социальные последствия раздвоения общества еще можно преодолеть, так как в русском народе сохранился прежний, допетровский уклад жизни. Отсюда задача, какой ее видел Киреевский, — изучив во всей полноте восточное православие и народный быт, ввести его в жизнь. Лишь тогда в обществе восторжествуют истинные русские начала, которыми проникнуты все сословия.

А. С. Хомяков и И. В. Киреевский оказали большое влияние на историка и филолога **Константина Сергеевича Ак-**

сакова (1817—1860) и известного государственного деятеля и историка **Юрия Федоровича Самарина** (1819—1876). Теоретики славянофильства помогли им преодолеть увлечение философией Гегеля и обратиться к православной вере. «Я оставил немецкую философию; русская жизнь и история стали мне еще ближе; а главное, основное для меня то, о чем Вы думаете и говорите — Вера, Православная вера», — писал Аксаков в письме к Н. В. Гоголю.

Религиозное мышление Аксакова, Самарина и других славянофилов определяло их понимание и отношение к прошлому, убеждало в значимости «народных начал» в истории. Раскрыть эти народные начала, понять русскую жизнь являлось, по их мнению, главной задачей исторической науки. Исходя из этого, славянофилы оценивали все предшествующие и современные попытки представить русскую историю.

Вся жизнь народа, утверждал Аксаков, согласуется с внутренним нравственным законом, его внутренней правдой. Осуществление нравственного закона на земле есть цель человечества. Но каждый человек и каждый народ решают его по-своему, выбирая для этого тот или иной путь. Внутренняя правда, нравственный закон русских, по его мнению, обусловлены православной верой. Под ее влиянием «нравственный подвиг» возведен на степень исторической задачи целого общества. Православная вера, продолжал эту мысль Самарин, определила систему нравственных убеждений народа, осознание им внутренней свободы, достоинства человека, отречение от своей личности и подчинение целому. Центром концепции исторического развития для Самарина является понятие «народность» — некая квинтэссенция национального духа. Народность, в его понимании, есть движущая сила истории.

Вера органически связана с исконными основаниями народной жизни — с общиной, т.е. с «потребностью людей жить вместе, в согласии и любви», писал Аксаков. Община является хранительницей национальных традиций, морально-нравственных устоев русского общества, она высшее начало, которому «предстоит только преуспевать, очищаться и возвышаться». К. С. Аксаков делал вывод об определяющей роли в русской истории Земли (народа, общины) — хранительницы «внутренней правды», духа народного. Выражение «внешней правды», по его мнению, — государство, т.е. закон, «наряд».

Православная вера являлась для славянофилов критерием и мерилom понимания прошлого. В процессе постижения прошлого требуется, по Аксакову, учет «всех сил и способностей

духа», «безошибочного духовного инстинкта». При этом он не отрицал научного познания. Ю. Ф. Самарин придерживался такой же позиции: наука и религия развиваются «рука об руку», но главным критерием истины он полагал веру, соответствие «народному духу».

Славянофилы выстраивали свою схему русской истории. Соединение племен и родов под одной властью, т.е. создание государства, утверждал Аксаков, заслуга не варягов. Напротив, пробуждение идеи государства в русском народе было поводом к их призыванию. Присутствие варягов придало идее внешний образ и предопределило самостоятельное существование Земли и государства. К. С. Аксаков неоднократно подчеркивал, что славянский народ сознательно захотел государства и сознательно отдал себя ему. Подобного примера он не находил в истории. Будучи народом «негосударственным», утверждал ученый, он не из себя образует государство, а призывает его, «они не из себя избирают князя, а ищут его за морем». В этом Аксаков видел проявление внутренней свободы русского народа, идеи единства русской земли, что определяло ее историю.

Носителем этой идеи и соответствующей ей структуры общественного образования, по мнению Аксакова, являлась столица. Смена столиц — основа его схемы русской истории. Столица Киев — государство основывалось на единстве кровного союза. Столица Владимир — ослабление родовых связей, раздробление государства. Нашествие монголо-татар обостряет чувство духовной связи и показывает выгоды земского союза. Столица Москва — воплощение идеи единства земского начала и государства. Столица Петербург — разрыв Земли и государства. Россия разделилась на две части, по столицам. Петербург олицетворял государство, Москва — Землю, народ. Будущее, считал Аксаков, за Москвой. Она в 1812 г. приняла на себя удар Наполеона и спасла «себя и государство». Москва для него — символ нравственного освобождения, духовной свободы.

Ю. Ф. Самарин рассматривал государство как основу и цель развития русской истории. Начало российской государственности он связывал с принятием христианства, которое установило внутренние основы «верховой власти», придало образу князя понятие о нравственных его обязанностях, в то время как призванные варяги дали только «внешний образ».

В понимании содержания русской истории Самарин исходил из положения о том, что Русское государство есть собственно развитие, расширение общинного начала. Киевская

Русь в его представлении — это община, основанная на кровном родстве и освященная церковью. Разрастание ее привело к появлению вотчинной общины, основанной на единстве областном. Это был период раздробленности. Московская Русь являла собой всероссийскую общину, охватывающую всю Русь. Она выражала земское и церковное единство всей Земли. Следующий период — петербургский.

В прошлом славянофилы пытались найти нравственную опору, которая помогла бы решить проблемы современности, найти путь, по которому должна пойти Россия в будущем, чтобы преодолеть недоверие и непонимание, сложившееся в стране между народом и правительством, ликвидировать зло «угнетательной» системы государства относительно свободы мысли и духа, нравственности, возвратиться к основам русской жизни.

О значении славянофилов А. И. Герцен писал: «С них начинается перелом в русской мысли... Они натолкнулись на живые русские вопросы».

10.2. «Государственная школа» в русской историографии

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевский так характеризовал середину 1840-х гг.: «Мы встречаем строго ученый взгляд новой исторической школы, главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин: тут в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни».

В 1844 г. К. Д. Кавелин защитил диссертацию «Об основных началах русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения о губерниях». В 1846 г. С. М. Соловьев сформулировал основные положения своей концепции истории России в докторской диссертации «История отношений между князьями Рюрикова дома», в 1851 г. вышел первый том его «Истории России с древнейших времен». Спустя два года завершил работу над диссертацией «Областные учреждения в России в XVII веке» Б. Н. Чичерин. С этими именами связывают новое направление в отечественной исторической науке, за которым утвердилось название «государственная школа», или западники (Соловьева многие ученые прямо не относят к этой школе).

При всех особенностях восприятия и осмысления каждым из них исторического процесса все они были едины во взгля-

дах на отечественную историю, проявляли интерес к философии истории Гегеля, его диалектическому методу, в той или иной степени увлекались идеями позитивизма. Названные ученые обосновывали необходимость теоретического осмысления прошлого, сделали попытку соединить историческую теорию с конкретно-историческим материалом, сформулировали концепцию исторического развития российской государственности, ее институтов и правовых норм. Государство рассматривалось ими как субъект и двигатель исторического прогресса. Они были убеждены в способности русского народа к развитию и принадлежности его «к семье народов европейских».

К николаевскому режиму Кавелин, Чичерин, Соловьев относились критически, признавали необходимость реформ и были единодушны в методах их проведения. Индивидуальность каждого ученого проявлялась как в восприятии и трансформации теоретических идей эпохи, использовании тех или иных методов исследования, так и в разработке конкретных исторических проблем, в отношении к отдельным событиям и явлениям. К. Д. Кавелин пытался представить историю России как «живое целое», проникнутое одним духом, одними началами. Заслуга Соловьева — в использовании богатейшего фактического материала и создании цельной, органической концепции русской истории. Б. Н. Чичерин посвятил свое научное творчество изучению правовых норм и юридических учреждений.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) происходил из знатного, но не богатого дворянского рода. Первоначальное образование было домашним. В 1839 г. Кавелин окончил юридический факультет Московского университета, после защиты магистерской диссертации (1844) получил должность адъюнкта на кафедре истории русского законодательства. В 1848 г. он оставил университет из-за конфликта с профессором русского права Н. И. Крыловым. К преподавательской деятельности в качестве профессора гражданского права в Петербургском университете Кавелин вернулся лишь в 1857 г., но через несколько лет вынужден был уйти в отставку вместе с другими профессорами в связи со студенческими волнениями.

Изучая историческое знание прошлой и современной ему эпохи, Кавелин сделал вывод, что существующий взгляд на русскую историю, оценки ее событий являются «детским лепетом незрелой и петвердой мысли». Время требует «глу-

боких раздумий» и диктует необходимость сделать историческую науку «источником и зеркалом народного самосознания».

Главной задачей исторической науки Кавелин считал создание «теории русской истории». Основные ее положения ученый представил в работах «Взгляд на юридический быт Древней Руси», «Критический взгляд на русскую историю», «Мысли и заметки о русской истории». В построении теории Кавелин опирался на достижения современных ему западноевропейских ученых в области философии и истории с их идеями о прогрессе как необходимом последовательном переходе от одной стадии развития к другой, более высокой. Изменения в обществе, писал Кавелин, обусловлены не только общими закономерностями исторического развития, но в первую очередь внутренними источниками, началами, присущими тому или иному общественному организму. Явления истории ученый понимал как различное выражение этих начал, связанных между собой и вытекающих одно из другого. Он писал об органичности, плавности развития, постепенном возрастании нового в старом и отрицании последнего первым.

Содержание исторической жизни народов, по Кавелину, составляют два основных элемента — форма общественного организма и личность. Они изменяются постепенно под влиянием внутренних, внешних и случайных обстоятельств. Следовательно, делал вывод ученый, ключ к пониманию русской истории «в нас самих, в нашем внутреннем быте», в начальных формах образования. Цель исторической науки, считал Кавелин, — изучение развития форм общественных образований и разъяснение человеку его положения в обществе.

Основные положения своего понимания развития русской государственности Кавелин сформулировал в статье «Взгляд на юридический быт Древней Руси» (1847). Первоначальный быт определялся кровным, родственным союзом славян. Увеличение количества семей, усиление их самостоятельности, сосредоточение на собственных интересах ослабляли родовые отношения, власть старшего в роде и привели к междоусобиям. Призванные для прекращения раздоров варяги не нарушили в целом ход русской истории. Их попытки, длившиеся около двух веков, внедрить гражданские начала не увенчались успехом. Ярослав, «князь чисто русский», как называет его Кавелин, первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить политическое единство на родовом начале. Однако междоусобия князей привели к распаду Руси на несколько независимых территорий.

Исследуя эволюцию вотчинных отношений в государственных, Кавелин обращал внимание на внутренние процессы: постепенный, естественный распад родовых связей, выступление «на сцену действия» личности, стремление к объединению. Этому способствовали и татаро-монгольские правители; их отношения с русскими князьями строились с учетом личных качеств последних, чем воспользовались «даровитые, умные, смысленные князья московские». Они отказались от кровного союза во имя идеи государства. С введением опричнины Иваном IV, созданием служилого дворянства, изданием Судебника 1550 г. обозначился второй главный элемент общественной жизни — личность.

Московское княжество — важный этап в развитии Русского государства. Идея государства уже глубоко проникла в жизнь, и в Смутные времена русский народ встал на «защиту Веры и Москвы». Новая династия завершила процесс образования государства.

Таким образом, Московское государство подготовило почву для новой формы жизни. Появилось понятие о государстве и государственной службе, формировалась новая политическая система. Начало ее — Правление Ивана IV, окончание — царствование Петра I. Оба, считал Кавелин, сознавали идею государства и были «благороднейшими ее представителями». Естественно, что время и условия наложили отпечаток на их деятельность.

Факт образования государства для Кавелина является важнейшим моментом русской истории. Это результат естественного, закономерного хода развития общества, с одной стороны, и воплощение основной идеи исторической жизни русского народа, проявление его духовной силы — с другой. Ученый неоднократно подчеркивал, что только великорусский элемент, единственный между славянскими, сумел основать прочное государство.

Внутренний строй российского общества, сформировавшийся к XVII в. и вплоть до Петра I, был определен первоначальными отношениями, сложившимися в великорусском племени — дом, двор в составе главы семьи и домочадцев. Появившийся затем княжеский двор повторял прежнюю структуру отношений: князь — глава семьи, члены которой и дружина являются его слугами. То же и в основании политической власти Московского государства — только пределы больше и развитие выше. Царь — безусловный господин и наследственный владелец земель, масса народа — его холопы

и сироты. Он защитник народа, это его долг и обязанность. В свою очередь, каждый член общества также обязан нести службу в пользу государства.

С XVII в. устанавливается всеобщее крепостное право — определенную повинность должен был нести каждый «до смерти и наследственно». Закрепоцались не только крестьяне, но постепенно и все группы населения. К земле, ведомству, учреждению были приписаны дворяне, купцы, мастеровые и т.д. Крепостное право, Кавелин неоднократно возвращался к этому вопросу, было основанием всей общественной жизни и прямо вытекало из внутреннего быта великорусского дома и двора. Оно не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. В правах и убеждениях народа крепостное право поддерживалось не насилием, а сознанием. В Древней Руси крепостное право было властью, иногда жестокой и суровой, вследствие грубости правов, но не правом собственности на человека. Позже оно получило выражение в возмутительной эксплуатации. Людей стали обращать в рабов, и это поставило вопрос о его отмене.

С середины XVIII в. началась постепенная отмена крепостного права. Совершался этот процесс, как и все движение в России, сверху вниз, от высших слоев общества к низшим. Получили гражданские права дворянство, духовенство и купечество, затем разнородные слои среднего общества, затем казенные крестьяне и, наконец, помещичьи. По мере распространения гражданских прав на все состояния и звания создавались сословные организации, появилось общинное земское устройство. Эти представления ученого получили название «теория закрепощения и раскрепощения сословий».

Суть политической системы России — сильная централизованная власть, самодержавие. При Петре Великом, отмечал Кавелин, царская власть приобрела новое значение. Петр был не только царем, но и двигателем, орудием преобразования российского общества. Своей личной жизнью он придал самодержавию новый характер и в этом смысле определил весь последующий ход истории, внес в государственный устав мысль о том, что власть «есть труд, подвиг, служба России». Петр I укрепил царскую власть, поднял ее и придал ей высокое нравственное и народное значение. В этом Кавелин видел величайшую заслугу российского императора.

Вместе с развитием внутреннего быта и государства ученый рассматривал и другой, по его мнению, важнейший элемент бытия народа — личностное начало. Личность, по Ка-

велину, — это человек, ясно сознающий свое общественное положение, свои права и обязанности, ставивший разумные и практические цели и стремившийся воплотить их в жизнь. Если быт определяет содержание общественного развития, то «двигает» его личность. Стремление человека к полному, всестороннему, нравственному и физическому развитию и есть движущее начало реформ и переворотов. Уровень развития личности соответствующим образом сказывается на самом обществе.

К. Д. Кавелин с сожалением констатировал, что русская история началась с совершенного отсутствия личностного начала. Но если «мы народ европейский и способны к развитию», то должны были обнаружить стремление к индивидуальности, стремление личности высвободиться из-под давившего его гнета. Индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немислим человеческий быт, заключал ученый. Переход от естественного союза людей к сознательному их образованию делал неизбежным развитие личности.

Истоки появления личности на Руси Кавелин относил ко времени принятия ею православия. Однако ни родственный быт, ни вотчинные отношения не позволяли личности проявить себя. Пробуждение личного начала к нравственному и духовному развитию, полагал Кавелин, началось только в XVIII в. под влиянием внешних обстоятельств и только в высших слоях. Петр I — первая свободная великорусская личность со всеми характерными чертами: практичностью, смелостью, широтой, но и присущими недостатками. Отсюда и оценка Кавелиным Петровской эпохи в целом и самого преобразователя, действовавшего в связи с потребностями своего времени.

Отношения России с Западной Европой ученый рассматривал с точки зрения единства исторического процесса, которое обусловлено общими законами развития человеческого общества, предполагавшими «различия в качественной своей основе». Они определяются конкретными обстоятельствами: внутренним первоначальным бытом, географическими условиями, культурным влиянием народов и т.п. Поэтому сравнение исторической жизни народов затруднено, так как история каждого народа имеет свои качественные характеристики.

Много внимания уделял историк исследованию условий, под влиянием которых происходило развитие русского народа. Прежде всего, это внутренний быт. К. Д. Кавелин, подобно другим ученым, указывал на такую особенность

россиян, как принятие христианской веры восточного вероисповедания. Православие не только способствовало выработке национального самосознания, но и стало выражением государственного единства. Вера и церковь на Руси получили характер государственного и политического учреждения.

Другая особенность заключалась в постоянном движении великороссов, колонизации ими северных земель, начало которой он относил к XI—XII вв. За 700 лет были освоены огромные пространства и создано государство. Отличительная черта русской истории — отсутствие влияния завоевателей. Кроме этого, Россия не имела в своем распоряжении наследия культурных, просвещенных народов. «Мы осуждены были жить своим умом», — делал вывод Кавелин. Все это не способствовало быстрому развитию личности, выработке норм гражданской жизни. Чрезвычайная замедленность этого процесса являлась особенностью русской истории, и в итоге перед россиянами и народами Западной Европы встали разные задачи. Вторым предстояло развить личность, а первым — создать ее. Этот вывод раскрывал положение Кавелина «о совершенной противоположности истории России истории западных государств». Данная позиция проявилась у него в 1840-е гг. С утверждением личностного начала в эпоху Петра I ученый сделал вывод о том, что Россия, «исчерпав все свои исключительно национальные элементы, вошла в жизнь общечеловеческую».

Подтверждая тезис о том, что ключ к русской истории находится в ней самой, Кавелин предостерегал от необдуманного перенесения каких-либо западноевропейских образцов жизни на русскую почву: «Принимая из Европы без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную деятельность в самом корне прежде, чем она успела начаться. Еще недавно мы точно так же относились к европейским учреждениям, пока, наконец, опытом не убедились, что обычаи и учреждения всегда и везде носят на себе отпечаток страны, где они образовались, и живые следы ее истории».

Теория исторического процесса, сформулированная Кавелиным, представляла стройную картину развития русской общественной жизни, проникнутую единым началом. Государство, утверждал он, есть результат исторического развития, высшая форма общественного образования, при которой

создаются условия для духовного и нравственного развития всего общества. Что принесет России новый период, и что она внесет в сокровищницу всемирной истории, покажет будущее, заключал ученый.

Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) — теоретик «государственной школы», известный общественный деятель, публицист, историк-юрист. Б. Н. Чичерин принадлежал к старинному дворянскому роду. В 1849 г. он окончил юридический факультет Московского университета. В 1861 г. был избран профессором по кафедре государственного права. Через несколько лет Чичерин ушел из университета в знак протеста против нарушения принятого в 1863 г. университетского устава. Свое внимание после этого Чичерин сосредоточил на научной работе. В 1893 г. ученого избрали почетным членом Петербургской Академии наук.

Большое влияние на становление мировоззрения Чичерина и его исторические взгляды оказали Т. Н. Грановский и К. Д. Кавелин. Он основательно изучал гегелевскую философию и увлекся «новым миросозерцанием», раскрывшим ему «в удивительной гармонии верховные начала бытия». Знакомство с памятниками старины приучило Чичерина «рыться в источниках и видеть в них первое основание серьезного изучения науки».

Сочетание научной и общественно-политической деятельности было характерной чертой жизни и творчества Чичерина. Современность и история шли у него рядом. «Только изучение прошедшего, — писал он, — дает нам ключ к уразумению настоящего, а вместе и возможность прозревать будущее».

Главное место в творчестве Чичерина занимали труды, посвященные вопросам происхождения и развития государства, истории правовых и общественных институтов, взаимоотношениям государства и общества, власти и закона. Они получили освещение в его диссертации, в работах «О народном представительстве», «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», в многочисленных статьях и публицистических произведениях. Б. Н. Чичерин был одним из первых ученых России, обратившихся к теоретическим проблемам социологии и политики, что нашло отражение в его работах 80—90-х гг. XIX в.

История человечества, по Чичерину, — история развития «духа», который реализуется в частных стремлениях отдельного человека и общих нормах общественной жизни. Исто-

рический процесс он представлял как смену общественных союзов, постепенно возводивших человеческое общество к установлению «нравственно-юридически целого», т.е. государства. Формы общественных союзов отражали соотношение на том или ином историческом этапе общего начала и личностного.

Б. Н. Чичерин выделял три ступени в развитии общества. Первая — патриархальный быт, в основе которого кровное родство. Развитие личности постепенно привело к потере значения кровных связей. Вторая ступень — гражданское общество (Средние века). Оно основывается на началах свободы личности и частного права. Но «личность во всей ее случайности, свободе, во всей ее необузданности» привела к господству силы, неравенству, междоусобицам, которые подрывали само существование союза. Третья ступень — установление нового порядка, высшей формы общественного союза — государства. Только в государстве может развиться и разумная свобода, и нравственная личность, только оно способно свести к единству разрозненные элементы, прекратить борьбу, поставит каждого на свое место и таким образом водворить внутренний мир и порядок. Такова, делал вывод Чичерин, диалектика развития общественных элементов.

Эти представления о развитии человеческого общества являлись для Чичерина основой рассмотрения истории России как одного из проявлений общей истории человечества. России присущи все основные элементы общественной жизни, она проходит те же стадии развития, однако они имеют свои особенности, являвшиеся следствием условий, в которых совершается ее история.

Б. Н. Чичерин обращал внимание, во-первых, на специфику природно-географических условий: безграничные степные пространства, отсутствие естественных преград, однообразие природы, малочисленность населения, рассеянность его по равнине. Под влиянием этих условий сформировался характер народа. Достаточно благоприятные условия жизни не вызывали «деятельность и напряжение умственных и физических сил», не способствовали развитию различных сторон человеческого духа, науки, промышленности. Рассеиваясь в пространстве, русский народ был лишен «внутреннего средоточия», не имел своего центра, что лишало его возможности на собственной основе достичь государственного единства.

Во-вторых, восточные славяне не имели такого источника развития правовых и гражданских институтов, как Западная

Европа в лице Древнего Рима. Они были оторваны от древнего образованного общества. Однако русский народ, при всех своих особенностях, принадлежит, утверждал Чичерин, к семье народов европейских. Он развивался параллельно с ними, по одним и тем же началам жизни. Различия в истории западных народов и России проявлялись в путях и формах перехода с одной ступени на другую.

Патриархальный быт был нарушен в результате воздействия внешних сил — призвания варягов, установивших новый порядок. Ослабление родовых связей выдвинуло на первый план имущественный интерес, каждый князь стремился к умножению своих сил. Это привело к распаду Руси на мелкие княжества. Установилась удельная система.

Государство и на Западе, и в России появилось одновременно, при переходе от Средних веков к Новому времени. Большую роль в образовании Русского государства Чичерин отводил внешнему фактору — татаро-монгольскому игу, которое приучило народ к покорности и тем самым способствовало установлению единой, централизованной власти. В результате государство образовалось «сверху» действиями правительства, а не самостоятельными усилиями граждан. Однако все предшествующие эпохи в развитии общества имели «одну цель, одну задачу — устройство государства».

Б. Н. Чичерин выделял два процесса в образовании государства на Руси: приведение в статическое состояние народа, соби́рание земли и сосредоточение власти в руках князя. Эти процессы он прослеживал по договорным и духовным грамотам великих и удельных князей. Первыми осели князья, которые постепенно покорили кочующие племена. Они «сделались образователями и строителями русской земли». Иван IV, писал Чичерин, должен был вооружиться всею яростью грозного венценосца, Борис Годунов — употребить весь разум хитрого политика, чтобы обуздать разгул кочевой жизни. «Нашествие иноплемеников переполнило меру горечи, — отмечал ученый. — Народ восстал... выгнал поляков и выбрал себе царя», предоставив ему дальнейшую судьбу свою.

Утверждая, что новые формы жизни приходят на смену старым, Чичерин обосновывал это явление следующим образом: в результате постепенного разрушения понятия старшинства, исчезновения понятия об общей родовой собственности преобладающее значение получала собственность каждого члена рода. Каждый князь стремился к увеличению своих владений. Отсюда постоянные столкновения между ними. Пер-

вым признаком нового порядка явилось понимание великим князем необходимости усиления власти наследника, старшего сына. При Василии Темном старший сын получил больше владений, большие силы и стал покорять более слабых. Этим путем начали собираться раздробленные массы и создаваться «единое тело», с одним главою, ставшим единодержавным правителем. Таким образом, крайнее развитие личного начала привело к водворению начал государства, т.е. перевело территориальное значение великокняжеского достоинства в значение личное, династическое.

При Иване III эти стремления усилились. Торжество государственных отношений было определено в духовной грамоте Ивана IV. Он благословил старшего сына своим царством, прекратил раздел земель, записал обязанности князей и, наконец, заявил о совершенном уничтожении всякой самостоятельности удельных князей — теперь уже подданных царя. Царство русское стало единой неразделенной землей, в которой частный порядок наследования уже не имел места.

Подобно Кавелину, Чичерин утверждал, что власть в лице государя, олицетворявшая в себе общественное начало, соединила разрозненные силы общества, сомкнула разобщенные общественные элементы в сословия и местные союзы, подчинила их государственному порядку. Сделано это было путем не определения их прав, а наложением на них обязанностей, государственного тягла. «Все равно должны были всю жизнь служить государству... Каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди — посадские и крестьяне — отправлением разных служб, податей и повинностей, крестьяне служили своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству». Это было закрепощение не одного, а всех сословий в совокупности, это было государственное тягло, положенное на всякого, кем бы он ни был. Такие отношения окончательно оформились при Петре I. С укреплением государственной власти появилась возможность освободить сословия от наложенного на них тягла. Этот процесс начался, по мнению Чичерина, во второй половине XVIII в. Век спустя освободили крестьян.

Появление земского представительства — результат действий правительства, а не плод внутреннего развития общества. Б. Н. Чичерин одним из первых в русской историографии рассмотрел организацию его органов в связи с общим ходом развития России. Он отмечал, что земские соборы не-

чезли не вследствие сословной розни и опасения монархов, а в результате внутреннего «ничтожества».

Соединяя население в прочные союзы, заставляя его служить общественным интересам, государство, полагал Чичерин, тем самым формировало и сам народ. Только в государстве «неопределенная народность», которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом. При этом и народ, и государство имеют каждый свое назначение, свою самостоятельность. Народ «живет и действует, рождая из себя разнообразные стремления, потребности, интересы». Он составляет государственное тело. Государство устанавливает в обществе согласие, побуждает народ к совокупным действиям во благо общества, есть «глава и распорядитель». Только в государстве, считал ученый, оценивают заслуги, оказанные личностью обществу, возвышается внутреннее достоинство человека. Он становится деятельным общественным фактором и может достигнуть полного развития своих интересов. Государственная власть соединяет общие воли и частные устремления, при ней достигаются условия для развития разумной свободы, нравственной личности.

Согласно концепции Чичерина об особой роли государства, его образование есть «поворотная точка в русской истории. Отсюда она неудержимым потоком, в стройном развитии является до нашего времени». На вершине государства — сильная самодержавная власть, которая является основой его единства и направляет развитие общественных сил. Постепенно, с умножением правительственных средств, власть становилась все сильнее. В Европе нет народа, писал ученый, у которого правительство было бы сильнее, чем в России.

Б. Н. Чичерин выделял два этапа в развитии государства. Первый — это централизация общественной жизни, сосредоточение всей власти в руках правительства. Народный элемент отходит на задний план. Правительственная деятельность достигла «петеримой крайности». Процесс государственной организации совершился: «управление... пустило свои ветви по всем областям, а централизация увенчала все здание и сделала его покорным орудием единой воли... Правительство сделалось всеобъемлющим, господствующим всюду... а народ все более бледнел и исчезал перед ним». Следствие этого — «всеобщее растление государственного организма»: развитие чиновничества, бюрократии, «умножение письменности, которая стала на место настоящего дела», официальная

ложь, взяточничество. В результате возникла необходимость освободить из-под государственной опеки все общественные элементы и допустить к самостоятельной деятельности «народный элемент». Таким образом появилась возможность перейти ко второму этапу — либерализации, т.е. к достижению единения всех общественных и государственных элементов. «Нам нужна свобода!» — писал Чичерин, ясно выражая свою политическую позицию, — свобода совести, общественного мнения, книгопечатания, преподавания, публичности всех правительственных действий, гласности судопроизводства. Одним из величайших зол он полагал крепостное право. Несмотря на увлечение либеральными идеями, ученый связывал возможность их достижения с отдаленным будущим, предпочитая «честное самодержавие несостоятельному правительству».

Проследивая процесс образования государства, Чичерин исходил из того, что каждая новая ступень является следствием развития предыдущей. С появлением гражданского общества кровные связи не исчезают полностью, а входят в него, как один из составляющих элементов. Государство, в свою очередь, не уничтожает все элементы гражданского общества. Люди остаются со своими частными интересами, правами и отношениями родственными, имущественными, договорными, наследственными. Б. Н. Чичерин подчеркивал сложность исторического процесса. Направление его может изменяться, отклоняться в сторону, но характер движения один, в его основе личные и общественные интересы. Противоречия, возникающие между ними, становятся побудительной причиной изменений в общественном организме.

В целом ученый придерживался в своих подходах к изучению и осмыслению прошлого философии истории Гегеля. Вместе с тем он отмечал некоторую ее ограниченность. Эта философия, писал Чичерин, достигла высших пределов умозрения, охватывая весь мир и все явления, подвела их под свою точку зрения, нанизывая факты на «нить ложных выводов», насильно подводя их под логические формулы. Порочность этого пути доказывается при углублении в действительность, при соприкосновении с реальным миром. Историческая же наука должна основываться на добросовестном всестороннем изучении фактов, анализе всех сторон общественной жизни. Основательно изучать факты и выводить из них точные заключения — таков был исторический метод в определении Чичерина. Постепенный переход от частного к общему, от яв-

ления к законам и началам, им присущим, придает науке точность и достоверность. Научное знание — знание разума. Оно ничего не принимает на веру, все подвергает строгой критике разума. Такое понимание задач исследования и отношение к изучаемому предмету представляло возможность для ученого выйти за рамки гегелевского отношения к истории. Историческая наука должна стоять на твердой почве, но изменения в общественной мысли приводят к тому, что меняются и научные точки зрения, полагал ученый.

Б. Н. Чичерин теоретически обосновал концепцию «государственной школы», признавая государство высшей формой общественного развития и его определяющую роль в русской истории, а в качестве основного предмета исторического исследования — государственные правовые и общественные институты.

Ко второму поколению представителей «государственной школы», более известной как «историко-юридическая», современная историография относит В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского, Ф. И. Леонтовича.

Профессор Московского и Санкт-Петербургского университетов **Василий Иванович Сергеевич** (1832—1910) — автор работ о земских соборах, удельно-вечевой Руси XIV в. Исторические явления и общественные отношения он рассматривал в их правовом содержании. Формировалось мировоззрение Сергеевича под влиянием позитивистской теории. В работе «Задачи и методы государственной науки» (1871) он отверг метафизический взгляд предшественников на прошлое, воспринял положение позитивистов о единстве человеческого общества и мира природы. В. И. Сергеевич отказался от широких обобщений и сосредоточил внимание на установлении исторических фактов.

Основные подходы Чичерина в изучении русской истории разделял **Александр Дмитриевич Градовский** (1841—1889), известный своими работами в области истории и теории права Древней Руси и европейских стран. А. Д. Градовский изучал историю местного самоуправления в России в XVI—XVII вв., деятельность Сената, Верховного тайного совета, административные преобразования Екатерины II и Александра I.

Федор Иванович Леонтович (1833—1911) исследовал законодательство, отражавшее положение крестьян в XV—XVI вв. Некоторые аспекты концепции истории России, сформулированные учеными «государственной школы», получили развитие в трудах историков конца XIX — начала XX в.

Таким образом, славянофилы и «государственники» расходились в подходах к изучению и осмыслению русской истории, что отразилось на восприятии ими важнейших для середины XIX в. проблем: отношения народа и государства, народа и личности, России и Запада.

Славянофилы акцентировали внимание на национальных, культурных, нравственных качествах народа, которые в неизменном виде, по их мнению, сохранялись в массе низших слоев населения (крестьянстве). Олицетворение народного начала они видели в общине, вышедшей из «тысячелетней жизни русского народа», факта нравственного и бытового, выступали за сохранение общины в будущем. При рассмотрении отношений народа и государства славянофилы на первое место ставили народ. Народ (Земля) и государство рассматривались ими как две самостоятельные силы. Народ имел право мнения и слова, государство — неограниченное право действовать по закону. Славянофилы утверждали, что народ может существовать без государства, а государство без народа существовать не может. Отсюда их вывод о необходимости восстановления Земской думы, единства государства и народа, нарушенного Петром I.

Для историков «государственной школы» народ выражался в государстве, в нем сосредоточивается вся его жизнь. «Государство есть высшая форма проявления общежития, высшее проявление народности в общественной сфере», — писал Чичерин. «Государственники» не видели в общине особенностей русской народной жизни. Патриархальная вольная община, основанная на кровном родстве, встречающаяся у всех народов, была заменена вотчиной, созданной властью. Современная крестьянская община создана в XVII в. государством для исполнения фискальных и административных обязанностей. С ликвидацией такой необходимости государство должно распустить общину.

«Государственники» видели идеал жизни народа в правовом государстве. Если для славянофилов возвышение личности противоречило идее православия и получения верховной власти от Бога, то для Кавелина и Чичерина личность выступала одним из основных элементов общества.

Несмотря на различные подходы, славянофилы и представители «государственной школы» были едины в определении сути государства в России — силы, способной провести в обществе необходимые преобразования. В практическом отношении, по определению Чичерина, «лучшие из славянофилов

легко сходились с западниками, так как цели у тех и других были одни, и в практических действиях теоретические разногласия сглаживались и споры умолкали».

В отношении к западноевропейской цивилизации, вопросу, «занимавшему всех мыслящих», представители «государственной школы» исходили из признания единства, закономерности мирового исторического процесса, общности развития России и западноевропейских государств. Россия прошла школу веков подобно Западной Европе. Все народы имеют одинаковые начала, движутся к одной цели, проходят одни и те же ступени на пути прогресса, подчиняются общим факторам развития. «Русский народ принадлежит к семье народов европейских, развивается параллельно с ними по одним и тем же началам жизни». Тем не менее, имели место особенности России, обусловленные природно-географическими условиями, религией, обстоятельствами образования государства. Отсюда отношение западников к преобразованиям Петра I. По их мнению, он дал России новую форму, обеспечил вступление ее в Европу — переход к более высокой ступени развития русского народа, но не нарушил нравы и обычаи русских людей, не лишил их народности. «Мы оевропеились», писал Кавелин, но «никогда не теряли своей народности, не переставали быть русскими и славянами». «Государственники» видели в петровских преобразованиях пример для современной им России.

Славянофилы делали вывод о совершенной противоположности прошлого России и стран Европы. В основе истории русского народа лежит особый «нравственный закон». Под влиянием веры «нравственный подвиг, возведенный в степень исторической задачи целого общества, образует своеобразный быт, широкий и крепкий характер, особый тип культуры». Противопоставляя допетровскую Русь новой России, они настаивали на том, что Петр I уничтожил исконные основы быта русского народа. Следовательно, надо восстановить русские святые начала. Однако негативное отношение к Петровской эпохе не означало для славянофилов возвращение в допетровский период. Речь шла не о воскрешении старины, которая «имела значение в свое время», но «превратилась в бессмысленные оковы для настоящего». Теоретики славянофильства имели в виду не поворот вспять, а возврат к нравственным нормам отцов.

В целом, славянофилы положительно относились к западноевропейской культуре, не отрывали Россию от всемирной

цивилизации. Они считали возможным пользоваться ее достижениями, в которую вносят свой вклад все народы, в том числе и Россия. При этом славянофилы выступали против механического переноса западноевропейской культуры на русскую почву. Такой же позиции придерживались Кавелин и Чичерин. Преимущества западноевропейской культуры очевидны, считал Чичерин, и надо воспользоваться ее плодами, но заимствовать можно лишь то и тогда, когда Россия собственным внутренним развитием дойдет до сознания этой необходимости, не «обезьянничая», а пропуская их через собственное сознание, приспособлявая к условиям жизни российского общества.

10.3. Развитие исторической мысли в трудах общественных деятелей

Историческая мысль неразрывно связана с общественной мыслью. Сфера ее проявления — общие вопросы истории, логика исторического процесса, разработка теоретических и методологических проблем, осмысление прошлого, а не детальное исследование тех или иных конкретных вопросов истории, чем занимаются профессиональные историки. Существенную роль в развитии исторической мысли в России этого периода играли представители революционно-демократического направления общественной мысли В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский. Они высказали ряд идей, нашедших отклик в отечественной философии истории и определивших некоторые важные теоретические вопросы исторической науки.

Главной задачей исторической науки революционные демократы ставили раскрытие роли народа в истории. В освещении этого вопроса, по их мнению, должны найти свое место религия, искусство, наука, войны и т.д. Политическая сторона, писал **Виссарион Григорьевич Белинский** (1811—1848), должна быть только «рамою истории, но не содержанием ее».

Одной из важнейших в революционно-демократической мысли была тема народа и государства. Для Белинского народ представлял собой не отвлеченное понятие и не просто-народье, как у славянофилов, а «живую индивидуальность», т.е. результат слияния «частных индивидуальностей в общее сознание своей личности». «Народ, — писал он, — есть личность». Отдельная личность без народа не существует. Сила влияния личности определяется тем, в какой мере она отра-

жает интересы народа, определяет исторические моменты. Величие и могущество народного духа доказывали, по мнению Белинского, стремительную централизацию Московского государства, свержение татаро-монгольского ига, возрождение России «подобно фениксу из собственного пепла в годину междоцарствия». События 1812 г. пробудили Россию, чувство общей опасности сплотило в одну силу народ, возбудило его сознание, народную гордость.

Государство, по Белинскому, — «высший момент общественной жизни и ее высшая и разумная форма». В государстве народная жизнь получает определенные формы, являет истинное свое существование. Критикуя государственный строй, он был уверен, что «власть — живой источник обновления», а народ его — «путеводная звезда». В. Г. Белинский верил в силу народа, «смотрящего вперед», и ставил перед историками задачу понять его значение, роль в истории как своей, так и других стран.

Александр Иванович Герцен (1812—1870) подходил к государству лишь как к форме общественного устройства. «Господствующая ось, около которой шла наша жизнь, — писал он, — это наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему... и желание деятельно участвовать в его судьбах». А. И. Герцен обратил внимание на творческую роль народных масс, на их «непростую трудовую деятельность» в освоении новых территорий, что умножает его материальные ресурсы, усиливает мощь России и укрепляет ее международное положение. Русский народ «преимущественно православный» и «преимущественно социальный», наиболее близко стоящий к осуществлению «того экономического устройства, той земной оси, к которой стремятся все социальные учения».

Народ Герцен рассматривал как активную силу, определявшую ход истории. Государство лишь форма, через которую происходит всякое человеческое «созитие». Он видел две России: Россию самодержавно-помещичью, богатую, вооруженную, и Россию «черного народа», бедную, хлебопанешскую, общинную, безоружную, «вытолкнутого вне закона и отданного в работу» народа. История России со времени реформ Петра I, за исключением пугачевского бунта и народного пробуждения в 1812 г., не что иное, как «история русского правительства и русского дворянства». Для Петра I на первом плане было государство, а «человек ничто».

Воспринял и поддержал идеи Герцена **Николай Гаврилович Чернышевский** (1828—1889). Государство не выражает

собой «божественное откровение, не является воплощением идеи справедливости и права», утверждал он. Оно постепенно достигло «невиданной силы», и народ оказался «огромным войском, покоренным безграничной властью правительства». Монархия является органом аристократии и, следовательно, действует исключительно в ее интересах. Государство не вечно, полагал Чернышевский, но пока существует несоразмерность между удовлетворением человеческих потребностей и самими потребностями, оно будет существовать.

Важное место в революционно-демократической мысли занимал вопрос об общине. А. И. Герцен с пиететом относился к общине, которая, по его мнению, неоднократно спасала русский народ от многочисленных врагов, от «выращенного по-европейски помещика и от немецкого бюргера»; несмотря на сильные потрясения, она устояла против вмешательства власти, сохранила общинную собственность вопреки распространению личной. Будущее страны, полагал он, определит крестьянский мир — «коммунизм есть общинное устройство». А. И. Герцена называют основоположником «русского общинного социализма».

Н. Г. Чернышевский соглашался с мнением славянофилов о патриархальном, а не государственном происхождении общины, существовании общинных принципов в неизменном виде в течение многих веков, которые уживались с любой формой государственного устройства. Из этого он делал вывод о неприкосновенности общины и сохранении ее, несмотря на изменение экономических отношений. В отличие от славянофилов Чернышевский видел в общине основу нового общества, построенного на принципах равенства и свободы.

В определении внутренней устойчивости государства все эти мыслители обращались к народу. Но они по-разному понимали отношения народа и государства, что определяло и различные точки зрения на будущее России.

Одной из характерных черт русской революционно-демократической мысли в подходе к истории было понимание, что «важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности». По словам Герцена, из мира человека, мира истории «двери открываются прямо в собственное участие в современных вопросах». Поэтому историк, обращаясь к прошлому, писал Белинский, объясняет его, производит «суд» над ним. Этот «суд» над историей, продолжал Чернышевский, он производит, исходя из своих политических и общественных убеждений.

В. Г. Белинский, Герцен и Чернышевский были убеждены в бесконечности прогресса человечества. «Никогда человечество, — говорил Белинский, — не скажет себе: “Стой, довольно, больше идти некуда!”» Прогресс неизбежно ведет к установлению справедливого общества, основанного на равенстве и всеобщем благоденствии. Этим определялся исторический оптимизм революционеров-демократов. Они открыто выступали против существующих в России порядков и возлагали надежды на будущее. Главное условие прогресса для революционных демократов — развитие просвещения, знаний, науки, нравственное совершенствование общества.

В статьях, написанных в последние годы жизни, Белинский обращал внимание на значение материальной, экономической стороны жизни общества, влияющей на его развитие. Он связывал прогресс с тем, как и в какой мере на том или ином историческом этапе удовлетворяются потребности народных масс: «Историк должен показать, что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности». Материальное благосостояние составляет половину всех вопросов современности, уточнял Герцен. Историческая наука, обслуживающая народные массы, должна «свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические». Экономические перевороты имеют значительное преимущество перед религиозными и политическими революциями. Революция в будущем не сможет сделать шаг дальше, не касаясь экономических вопросов. Н. Г. Чернышевский углубил эту мысль: деятельность общества определяет человек, он удовлетворяет в нем свои моральные и духовные потребности.

Неизменным условием общественного прогресса Чернышевский считал науку: «Она творит все». Создаваемые ею знания — основание всех понятий, всей деятельности человечества. Умственное совершенствование людей — движущая сила прогресса. Но, резюмировал Чернышевский, успехи знания, политическое развитие зависят от обстоятельств жизни, они обусловлены развитием трудовой жизни и средствами материального существования. Созидателем материальных ценностей, национального богатства являются трудящиеся, и поэтому творческая сила истории заключена в народной массе. Однако народ далек от науки и поэтому не может соблюсти все условия прогресса; участие его в историче-

ской жизни ограничено. Между тем, писал Чернышевский, «сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа».

В. Г. Белинский и другие революционные демократы восприняли гегелевскую идею скачка. В борьбе старого и нового неизбежен революционный взрыв. Переход к новому обществу «не может сделаться сам собою, временем, без насильственных переворотов, без крови...». Н. Г. Чернышевский подчеркивал противоречивость исторического прогресса. Исторический путь «не тротуар Невского проспекта», замечал он. Человечество не может идти прямо и ровно. История движется медленно, но движение «свое производит скачок за скачком», осуществляет через борьбу старого и нового. В истории до сих пор не было ни одного примера, когда успех достигался бы без борьбы, без напряжения сил, «без боя». Никакая система не может отрицать сама себя. Это служило Чернышевскому подтверждением правомерности революционных взрывов.

В. Г. Белинский, Герцен и Чернышевский отвергали положение Гегеля о «неисторических» народах. «Нет народа, — писал Герцен, — взшедшего в истории, которого можно было бы считать стадом животных, как нет народа, заслуживавшего именоваться соимом избранных». Н. Г. Чернышевский, подтверждая эту точку зрения, делил общества на живущие чужим трудом и своим собственным. Первые благоденствуют, вторые терпят нужду. Это разделение обществ основано на материальных интересах, которые находят отражение в социальной и политической структуре. Поэтому убедить русское дворянство изменить свое отношение к крепостному праву, утверждал он, это все равно, что «доказать выгодность течения Волги с юго-востока на северо-запад».

Интересен подход Чернышевского к постановке и решению проблемы национального и интернационального. Национальное отражает духовную культуру того или иного народа, специфические черты, свойственные всем сторонам его жизни, динамику их развития на природном, социальном и индивидуально-творческом уровне. Интернациональное — это отражение в культуре совокупных результатов каждого народа, их взаимодействие, утверждение своего места среди других народов в общем процессе исторического развития. Оно осуществляет процесс взаимодействия основных компонентов духовной культуры каждого народа, что должно являться предметом изучения, с одной стороны, стать инструментом

исторического исследования — с другой. На основании этого В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и другие мыслители революционно-демократического направления высказали ряд новых идей, связанных как с принципами познания, так и с пониманием существа исторического процесса; пытались определить роль народных масс, человека в истории. Для них историческая наука была «коренной» наукой, призванной пробудить в людях общественный интерес, патриотические чувства. «Не любить историю может только человек, совершенно неразвитый умственно», — заключал Чернышевский.

Источники

Аксаков, К. С. Об основных началах русской истории ; О русской истории // Аксаков К. С. Избр. тр. / К. С. Аксаков, И. В. Аксаков ; сост., авт. вступит. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. — М., 2010. — С. 196—208.

Герцен, А. И. Избр. тр. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. К. Кантор. — М., 2010.

Кавелин, К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России ; Мысли и заметки по русской истории // Кавелин К. Д. Избр. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р. А. Арсланов. — М., 2010. — С. 59—114, 189—270.

Киреевский, И. В. Избр. ст. / И. В. Киреевский. — М., 1984.

Самарин, Ю. Ф. Избр. тр. / Ю. Ф. Самарин ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. И. Цимбаев. — М., 2010.

Рекомендуемая литература

Арсланов, Р. А. К. Д. Кавелин: человек и мыслитель / Р. А. Арсланов. — М., 2000.

Антонов, В. Ф. Н. Г. Чернышевский о русской истории / В. Ф. Антонов. — М., 1984.

Благова, Т. Н. Родоначалыники славянофильства: А. С. Хомяков и И. В. Киреевский / Т. Н. Благова. — М., 1995.

Ефремова, Е. В. Самарин Юрий Федорович / Е. В. Ефремова // Историки России : Биографии. — М., 2001. — С. 193—198.

Иллерицкая, Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века / Н. В. Иллерицкая. — М., 1998.

Искра, Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории / Л. М. Искра. — Воронеж, 1995.

Киреева, Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина / Р. А. Киреева. — М., 2004.

Тихонова, Е. Ю. В. Белинский в спорах со славянофилами / Е. Ю. Тихонова. — М., 1999.

Цамутали, А. Я. Вся русская история есть по преимуществу государственная: К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин / А. Я. Цамутали // Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. — М., 1996. — С. 244—267.

Цимбаев, Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н. И. Цимбаев. — М., 1986.

Цимбаев, Н. И. Историософия на развалинах империи / Н. И. Цимбаев. — М., 2007.

Шикло, А. Е. Аксаков Константин Сергеевич / А. Е. Шикло // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 170—177.

Глава 11

С. М. СОЛОВЬЕВ.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ

Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — крупнейший историк дореволюционной России, выдающийся вклад которого в развитие русской исторической мысли признавали ученые самых разных школ и направлений. Как афоризм звучит высказывание о Сергее Михайловиче его знаменитого ученика В. О. Ключевского: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли. В истории нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьева».

Действительно, несмотря на сравнительно недолгую жизнь, Соловьев оставил огромное творческое наследие — опубликовано свыше 300 его произведений общим объемом более тысячи печатных листов. Особенно поражает новизной выдвинутых идей и богатством фактического материала «История России с древнейших времен»; ее 29 томов выходили в свет регулярно с 1851 по 1879 г. Равного этому событию не было в русской исторической науке ни до Соловьева, ни после его смерти.

С. М. Соловьев аккумулировал новейшие для того времени философские, социологические и исторические концепции. В частности, в молодости он с увлечением изучал Г. Гегеля, большое влияние на ученого оказали теоретические воззрения Л. Ранке, О. Тьерри, Ф. Гизо. Высоко ценил Соловьев философию истории Дж. Вико. Раскрывая внутренние процессы развития восточнославянского общества, он внимательно изучал исследования польского историка Р. Губе о древнем славянском праве, книгу П. Шафарика «Славянские древности», сочинение Ю. Венелина «Скандинавомания и ее по-

клонники». На формирование научной концепции историка оказали влияние сочинения Э. Гиббона, Ф. Савиньи, Ж. Сисмонди. В связи с этим отдельные авторы рассматривали Соловьева как энигона философии истории Гегеля, подражателя западноевропейских историков. Подобные утверждения совершенно несостоятельны. С. М. Соловьев — не эклектик, а крупный ученый-мыслитель. Одна из его заслуг состоит в том, что он не только осознал необходимость разработки философии русской истории, введения ее в состав философии истории вообще (у Гегеля русский народ не был включен в число «всемирно-исторических» народов), но и внес неопределимый вклад в реализацию этой задачи. Уже в студенческие годы Соловьев подготовил работу «Феософический взгляд на историю России» (впервые опубликована лишь в 1996 г.), в которой были заложены методологические основы его исторической концепции, получившие дальнейшее развитие в более поздних трудах ученого.

11.1. Начало жизненного пути

С. М. Соловьев родился 5 мая 1820 г. Его отец, протоиерей Михаил Васильевич Соловьев, был законоучителем (преподавателем Закона Божия) и настоятелем в Московском коммерческом училище. Получив образование в Славяно-греко-латинской академии, он отличался начитанностью, свободно говорил по-французски, знал греческий язык, всю жизнь пополнял личную библиотеку. Мать будущего историка, Елена Ивановна, урожденная Шатрова, стремилась поддерживать в семье демократический дух.

В восьмилетнем возрасте будущего ученого записали в духовное училище. По договоренности с администрацией мальчик учился дома, в училище являлся только для сдачи экзаменов. «Самое училище, — писал позднее Соловьев, — возбуждало во мне сильное отвращение по страшной неопрятности, бедному, сальному виду учеников и учителей, особенно по грубости, зверству последних». В 1833 г. отец забрал сына из училища и выписал из духовного звания. В том же году его зачислили в третий класс Первой московской гимназии.

Поначалу у Соловьева, фактически не изучавшего точных дисциплин, возникли сложности в учебе. Благодаря трудолюбию и незаурядным способностям они были преодолены, и вскоре юноша становится первым учеником по успеваемо-

сти. Особенно заметные успехи показывал Соловьев по любимым предметам — истории, русскому языку и словесности, кроме того, он знал семь иностранных языков. Настольными книгами будущего ученого были «История государства Российского» Н. М. Карамзина, многотомный труд Жозефа де ла Порта «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового Света...», сочинения И. Н. Бесалаева, К. Милота и др.

В гимназии Соловьев приобрел могущественного покровителя в лице попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова, которому был представлен как первый ученик. «С того времени, — вспоминал много лет спустя Строганов, — я не терял его из виду». Почти полвека граф следил за успехами своего воспитанника, не раз оказывал ему помощь в трудных обстоятельствах.

В 1838 г. Соловьев с серебряной медалью (золотых не давали) окончил гимназию, по результатам выпускных экзаменов его приняли на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета. В ту пору старейший вуз страны был, по меткому определению А. И. Герцена, «храмом русской цивилизации», «средоточием русского образования». Среди профессоров, оказавших сильное влияние на Соловьева, следует назвать античника Д. Л. Крюкова, медиевиста Т. Н. Грановского, экономиста А. И. Чивилева, историка и юриста К. Д. Кавелина. Так, изучая историографические обзоры Крюкова, Соловьев заинтересовался трудами профессора Дерптского университета Г. Эверса. Его книга «Древнейшее право русов», вспоминал Сергей Михайлович, «составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин ударял только на мои чувства. Эверс ударил на мысль, он заставил думать над русской историей».

Некоторое время Соловьев был близок с М. П. Погодиным, возглавлявшим в Московском университете кафедру русской истории. Последнему импонировало, что талантливый и усердный студент симпатизировал русофильским настроениям. М. П. Погодин познакомил Соловьева со своим богатейшим собранием рукописей. Работая над ними, Сергей Михайлович сделал свое первое открытие: обнаружил неизвестную ранее пятую часть «Истории Российской» В. Н. Татищева, которая в 1848 г. была впервые опубликована. Единомышленником Погодина Соловьев не стал. Впоследствии он замечал: «С большим запасом знаний от Карамзина и строем мыслей

в голове, возбужденных Гегелем, Вико, Эверсом, я вступил в четвертый курс и стал слушать Погодина. Понятно, что его лекции не могли меня удовлетворить, ибо они не удовлетворяли и товарищей моих, хуже меня подготовленных».

После окончания университета Соловьев получил предложение графа С. Г. Строганова выехать за границу в качестве домашнего учителя детей его брата, бывшего министра внутренних дел А. Г. Строганова. Молодой историк дал согласие и с 1842 по 1844 г. жил в семье Строгановых. Это позволило ему побывать в Австрии, Германии, Франции, Бельгии. В свободное время он посещал лекции известных профессоров (выше всех в историографии XIX в. Соловьев ставил Ф. Гизо), художественные галереи и театры, работал в библиотеках. Пребывание за границей расширило кругозор историка во многих направлениях.

11.2. Магистерская и докторская диссертации

По возвращении в Москву Соловьев сдает в январе 1845 г. магистерские экзамены, а в октябре защищает магистерскую диссертацию на тему «Об отношениях Новгорода к великим князьям». Диссертация отличалась оригинальным подходом ко многим проблемам русской истории, ее автор выступил сторонником схемы Г. Эверса о переходе родовых отношений в государственные. В свете теории родового быта он рассматривал эволюцию общественных отношений в истории Древней Руси. По его мнению, семья и порожденные ею семейные и родовые отношения сохранялись у восточных славян значительно дольше, определяя их общественную жизнь, чем у народов Западной Европы. Этому способствовали экономическая слабость и малонаселенность земель, на которых обитали восточные славяне. Постепенно усложнявшаяся структура родовой организации привела к возникновению в городах, являвшихся центрами племен, вече — верховного народного собрания. На роль представителей военной и судебной власти претендовали князья. С XII в. в большинстве земель они захватили власть в свои руки, чему в немалой степени содействовали созданные в процессе колонизации «новые» города. В борьбе «старых» и «новых» городов историк видел одно из проявлений противоборства родовых и государственных начал.

Исследуя данную проблему, Соловьев вслед за Эверсом подчеркивал своеобразие Новгорода в истории России. Рас-

смотрение взаимоотношений Новгорода с великими князьями на протяжении ряда столетий позволило автору выстроить логически связанную цепь событий от «начала русской истории» до присоединения Новгорода к Москве при Иване III. Это в корне противоречило выводам Погодина, который делил указанный период на два обособленных — варяжский и монгольский. Неудивительно, что бывший наставник долго «тянул» с отзывом на диссертацию Соловьева, а затем сделал на нее достаточно двусмысленное заключение: как магистерская она «очень хороша, но как профессорская — вполне неудовлетворительна». Молодого ученого поддержали профессора-западники, и защита прошла успешно. В рецензии, опубликованной в «Отечественных записках», Кавелин отметил, что труд Соловьева представляет собой «первую серьезную попытку понять и объяснить постепенное развитие древней русской жизни», является важнейшим событием после «Истории государства Российского» Карамзина.

Через два года, в 1847 г., Соловьев защитил докторскую диссертацию «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». В напечатанном виде она представляла книгу в 700 страниц. В центре внимания автора находилась проблема государства. Тщательное изучение летописей, духовных и договорных грамот великих и удельных князей, монастырских актов позволило Соловьеву объяснить ход древней русской истории как «естественную связь событий», «естественное развитие общества из самого себя». Ученый утверждал: борьба родовых и государственных отношений составляет основное содержание истории России до конца XVI в., когда произошло окончательное торжество государственных отношений над родовыми; эта победа была куплена «страшной, кровавой борьбой с издыхающим порядком вещей». Опровергая общепринятое в то время выделение в русской истории монгольского периода, Соловьев писал: «Это название может быть допущено только тогда, когда мы берем одну внешнюю сторону событий, не следя за внутренним, государственным развитием России; мы не имеем никакого основания ставить монгольские отношения на первом плане, приписывать азиатской орде такое сильное влияние на развитие европеизированного общества».

После защиты второй диссертации 27-летнего доктора русской истории — случай уникальный — утвердили в должности экстраординарного профессора, три года спустя — ординарного профессора. Тогда же он начал сотрудничать с популяр-

ными журналами «Современник» и «Отечественные записки». При поддержке Грановского Соловьев входит в кружок западников университета, оказывается в центре духовной жизни Москвы.

11.3. Профессор Московского университета

Вся сознательная жизнь Соловьева была тесно связана с Московским университетом. Многие годы он возглавлял кафедру русской истории, занимал должности декана историко-филологического факультета (1864–1870) и ректора (1871–1877). О Соловьеве как преподавателе В. О. Ключевский писал: «Обыкновенно мы уже смиренно сидели по местам, когда торжественной, немного раскачивающейся походкой, с откинутым назад корпусом вступала в словесную внизу (имеется в виду одна из аудиторий в Московском университете. — *Авт.*) высокая и полная фигура в золотых очках, с необильными белокурыми волосами и крупными пухлыми чертами лица без бороды и усов, которые выросли после. С закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед, не снеша, низким регистром своего темного жирного баритона начинал он говорить свою лекцию и в продолжение 40 минут резко поднимал тон». Это действо «не трогало и не пленяло, не било ни на чувства, ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете». Главное в его лекциях — «гармония мысли и слова».

Историк-византист П. В. Безобразов, зять Сергея Михайловича, оставил следующие воспоминания о своем знаменитом родственнике и старшем коллеге: «Соловьев был известен как самый аккуратный профессор в университете. Он не только не позволял себе пропускать лекции даже при легком нездоровьи или в дни каких-либо семейных праздников, но и никогда не опаздывал на лекции, всегда входил в аудиторию в четверть назначенного часа минута в минуту, так что студенты проверяли часы по началу соловьевских лекций». Годами ученый вставал в шесть часов и, выпив полбутылки сельтерской воды, принимался за работу. Ровно в девять пил утренний чай. В 10 часов выходил из дому и возвращался в половине четвертого; в это время он читал лекции, работал в архиве или исправлял другие

служебные обязанности. В четыре часа Соловьев обедал, после чего опять работал до вечернего чая, т.е. до девяти часов; в послеобеденное время он позволял себе отдохнуть — «занимался легким чтением, но романов не читал, а любил географические сочинения, преимущественно путешествия. В 11 часов он неизменно ложился спать и спал всего семь часов в сутки». Научный и общественный авторитет Соловьева был очень высоким. В 1864 г. его избирают членом-корреспондентом, в 1872 г. — действительным членом Императорской академии наук. С 1870 г. он работает директором Оружейной палаты, в следующем году удостоен чина тайного советника, в 1879 г. избирается председателем Общества истории и древностей российских. По приглашению императорской четы ученый неоднократно выезжал в длительные командировки в Петербург, где занимался русской и всемирной историей с цесаревичами Николаем и Александром Александровичами, будущим императором Александром III, с великими князьями.

С. М. Соловьева отличали беспредельная преданность науке, трудолюбие и организованность. Каждое его исследование привлекало пристальное внимание специалистов и широкой публики. Среди них статьи «Древняя Россия», «Исторические письма», «Наблюдения над исторической жизнью народов», «Шлёцер и антиисторическое направление», «Прогресс и религия». Реформаторская деятельность Петра I всесторонне рассмотрена в работе «Публичные чтения о Петре Великом»; книга выросла из лекций, прочитанных ученым в 1872 г. в связи с 200-летием со дня рождения почитаемого им императора. На основе широкого круга источников и литературы ученый написал «Историю падения Польши»; в работе проявились политическая тенденциозность автора, его умеренный либерализм и лояльность к существующему режиму. Богатством фактического материала отличается монография «Император Александр I. Политика. Дипломатия», в которой историк проводит мысль, что Александр I был личностью, противостоявшей Наполеону I, а его внешняя политика воплощала в себе стремление примирить силы реакции и революции, вернуть странам Европы мир и порядок.

Работа «Писатели русской истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредьяковский, Щербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митрополит Платон» и серия статей «Н. М. Карамзин и его "История государства Российского"», опубликованные вначале в журналах и сборниках, сыграли важную

роль в становлении отечественной историографии как самостоятельной дисциплины. Соловьев, основываясь на подходах историков к своему предмету, различал в нем два направления: «рационалистическое» и «риторическое». «Строгая наука», считал он, была «выведена» усилиями представителей первого из них: В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А. Л. Шлёцера. Н. М. Карамзин, наиболее яркий представитель «риторического» направления, по мнению Соловьева, свою роль в науке уже сыграл. Высоко оценивая значение автора «Истории государства Российского», в котором «русская история нашла своего Ливия», Соловьев вместе с тем по-своему осмысливал отечественную историю, иначе объясняя события и закономерности развития российской государственности.

Важное научное значение имели общие и специальные курсы, прочитанные Соловьевым в Московском университете. В них наиболее полно отражены исторические взгляды и общественно-политические установки ученого.

Популярностью у современников пользовались неоднократно переиздававшиеся учебники и учебные пособия, разработанные Соловьевым: «Курс новой истории» в двух частях, «Общедоступные чтения о русской истории», «Учебная книга русской истории». Последняя из них предназначалась для средних учебных заведений. В 1915 г. вышло ее 14-е издание. В книге рассмотрены события более позднего времени — царствования Александра I и Николая I, чем в «Истории России с древнейших времен». В наши дни «Учебная книга русской истории» была переиздана.

Большой интерес представляют воспоминания историка, к сожалению, незавершенные. После его смерти они были изданы под названием «Мои записки для детей моих, а если можно и для других». «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими, — писал Соловьев, — но беда, если за них принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е. Преобразователь, вроде Петра Великого, при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель». Разочаровавшись в «правительственной мудрости» реформаторов 1860—1870-х гг., ученый, тем не менее, уповал не на контрреформы, а на сильную государственную власть, способную обеспечить прогрессивное развитие страны.

11.4. «История России с древнейших времен»

Вершиной научного творчества С. М. Соловьева является его фундаментальная «История России с древнейших времен». К ее написанию он приступил, будучи совсем молодым человеком. В «Записках» он рассказал о начале этой работы: «Пособий не было; Карамзин устарел в глазах всех; надобно было, для составления хорошего курса, заниматься по источникам; но почему же этот самый курс, обработанный по источникам, не может быть передан публике, жаждущей иметь русскую историю полную и написанную, как писались истории государств в Западной Европе? Сначала мне казалось, что история России будет обработанный университетский курс; но когда я приступил к делу, то нашел, что хороший курс может быть только следствием подробной обработки, которой надо посвятить жизнь. Я решился на такой труд и начал с начала, ибо, как уже сказано, предшествовавшие труды не удовлетворяли».

С. М. Соловьев изучил широкий круг источников и литературы, главным для него было создание органической концепции истории России. Безусловно, почти за 30 лет работы многие его взгляды менялись, но он последовательно отстаивал свои исходные основополагающие теоретические принципы и подходы на страницах книги.

События внутренней жизни страны в «Истории России» освещены до 1775 г., дипломатические отношения — до 1780 г. М. О. Коялович, автор первой работы по историографии русской исторической науки «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», следующим образом характеризовал организацию материала в многотомном сочинении Соловьева:

«В этом громадном историческом труде такой порядок. Сперва излагаются внешние события в хронологическом порядке за немногими исключениями. Так, время Иоанна III излагается не хронологически, а по группам событий: Новгород Великий, София Палеолог, Восток, Литва. Русские внешние дела освещаются при этом еще кратким обзором событий в славянском мире в древние времена и вообще западноевропейских государств. Эти последние обозрения особенно обширны и подробны в те времена, когда у нас устанавливались и усиливались дипломатические отношения, т.е. главным образом в новейшие времена, с Петра I. Затем рассматриваются внутренние дела. Хронологическая группировка их неодн-

накова. В старые времена группы обнимают большое время, как, например, в 3-м томе от смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкого (т.е. Удалого, до 1228 г.) или в 4-м до смерти этого Мстислава и до Иоанна III. В другие времена обозрения эти располагаются чаще всего по княжениям, царствованиям, наконец, просто по группам нескольких годов, как, например, в царствование Елизаветы Петровны по десятилетиям или в царствование Екатерины по группам событий за три, за два и даже за один год. Везде, однако, более или менее выдерживается один план в распределении событий внутреннего быта. Начинается этот отдел обозрением жизни князей или царей, затем идут обозрения состояния высших сословий и учреждений, далее — жизни городов, жизни жителей сел, торговли, законов, духовного и светского просвещения, литературы, нравов.

Фактическая сторона в том и другом отделе, т.е. касательно внешних событий и внутреннего быта, необыкновенно богата и научно поставлена. Автор все читал сам и дает факты из первых рук, из первых источников. Для большей точности он чаще всего вписывает подлинные места источников, и только подновляет слог в древних русских памятниках, где речь невразумительна».

Одна из главных целей сочинения Соловьева — дать представление об истории России как едином, закономерно развивающемся процессе. В предисловии к первому тому он писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как ее понимает автор предлагаемого труда». В этой емкой формуле классически выражен принцип историзма, положенный в основу «Истории России». Историзм является сильной стороной научной концепции Соловьева.

Идею исторического прогресса ученый понимал как эволюцию, постепенное совершенствование, переход от низших форм к высшим. Он был убежден, что исторический прогресс может и должен стать средством продвижения России к «правовому государству» и «европейской цивилизации». С. М. Соловьев последовательно проводил мысль о внутренне обусловленном, поступательно-прогрессивном ходе истории.

ческого развития всех народов, в том числе и России: «все органическое, к которому принадлежат народы и целое человечество, проходит одинаково через известные видоизменения бытия, родится, растет, дряхлеет, умирает». Для историка необходимо проследить этапы развития народа. Первый, по Соловьеву, — этап господства «чувства» — характеризует неразвитость общественной жизни, разгул индивидуальных страстей. Второй — этап господства «мысли» — это время зрелого развития, распространения просвещения и науки. Переход от первого этапа ко второму в Западной Европе он связывал с эпохой Возрождения, в России — с эпохой Петра I.

Источником исторического прогресса является борьба противоречивых начал, как общих для всех народов, так и своеобразных, — объясняющих национальные особенности каждого из них. Высшей целью исторического развития ученый считал стремление к воплощению в жизнь идеалов христианства, справедливости и добра. Прогрессивно-поступательное развитие, по Соловьеву, — закон исторической жизни. Убежденность историка в неразделенности прошлого и настоящего поражала его собеседников.

Общественный прогресс Соловьев связывал с постепенным переходом от родового строя к государственному, который представлялся ему высшей формой исторического развития народов. В свете этого история государственной деятельности должна находиться, по его мнению, в центре внимания исследователей.

Родовой быт и его постепенное перерастание в государственные отношения рассматривались Соловьевым как одно из проявлений общности исторических судеб народов России и стран Западной Европы. По словам «первооткрывателя» российского феодализма Н. П. Павлова-Сильванского, это заключение сближало «русское историческое развитие с западным в их исходных пунктах, столь важных с точки зрения органического развития. Это сближение наносило сильный удар теории исключительной самобытности русского развития».

Исследуя государственные и родовые отношения, Соловьев разработал периодизацию истории России: с IX до второй половины XII в. — господство родовых междукняжеских отношений; со второй половины XII до конца XVI в. — родовые отношения между князьями переходят в государственные (этот этап завершается смертью Федора Ивановича и пресечением династии Рюриковичей); начало XVII — Смута, грозившая «юному государству разрушением»; с 1613 г. до середины

XVIII в. — государственная жизнь России стала развиваться в среде европейских держав; вторая половина XVIII — первая половина XIX в. — время, когда заимствование «плодов европейской цивилизации» стало необходимым не только «для материального благосостояния», но и для «нравственного просвещения».

Важное место в процессе исторического развития России занимали политические и юридические структуры, на основе которых складывается государство, их возникновение и эволюция. В этом вопросе взгляды историков «государственной школы» и Соловьева совпадали. Однако отдельные подходы ученого выходили за рамки представлений К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. Среди главных условий, определявших развитие Древней Руси, Соловьев на первое место ставил «природу страны», на второе — «быт племен, вошедших в новое общество», на третье — «состояние соседних народов и государств». При этом ученый полагал, что в истории России «ход событий постоянно подчиняется природным условиям». С географией страны он связывал предопределенность зарождения русской государственности и наиболее интенсивного хозяйственного освоения земель в центре Среднерусской возвышенности, борьбу «леса и степи», ход и направление колонизации, взаимоотношения Руси с соседними народами.

Следует подчеркнуть, что в своих оценках исторического развития России Соловьев учитывал всю совокупность факторов: природные условия, отсутствие выхода к морю, постоянная борьба с кочевниками задержали развитие страны, и она вступила в возраст «мысли» на 200 лет позднее европейских стран. Но, будучи народом способным, христианским, русские имеют все возможности догнать другие народы, тем более что влияние негативных факторов на разных этапах истории не одинаково. Так, природные условия «во времена младенчества» сказываются на жизни народа более сильно, с развитием его духовных сил это влияние ослабевает.

Исследование Соловьевым условий жизни народов вызвало немало нареканий со стороны его коллег. Только в XX столетии изучение истории в тесном переплетении с географическими и этнографическими сюжетами получило широкое признание.

Значительно полнее, чем в трудах предшественников, в первом томе отражен ранний период русской истории. С. М. Соловьев приводит разнообразные сведения о скифах, сарматах, понтийских греках, гуннах, готах, варягах, финно-

угорских народах, показывает, как славяне постепенно осваивали земли Восточно-Европейской равнины. обстоятельно прослежено (сначала на фоне истории Киевского государства, а после его распада — Северо-Восточной Руси) влияние родовых отношений на судьбу княжеской династии. О господстве норманнов «не может быть и речи», писал ученый, они лишь «служили князьям туземных племен; многие служили временно»; те же, которые оставались навсегда, «быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию». Он акцентировал внимание на деятельности сыновей и внуков Ярослава Мудрого — Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского. С последним ученый связывал начало утверждения принципа единовластия, новых государственных отношений, которые приходят на смену родовым.

Своеобразно подходил Соловьев к вопросу о роли татаро-монголов в развитии России. Он не разделял мнения, что татарское иго явилось фактором, оказавшим решающее воздействие на объединение русских земель вокруг Москвы. Возникновение и упрочение государственных отношений историк связывал, прежде всего, с вотчинным правом собственности, которое князья обрели в Северо-Восточной Руси, где они возвели «младшие» города в противовес «старшим», олицетворявшим вечевоу строй. На раннем этапе русской истории князья были не самодержцами, а членами одного рода, совместно управлявшими Русской землей. Они перемещались с одного «стола» на другой в соответствии с системой «лестничного восхождения». Ученый отвергал приятную до него схему «самодержавие — раздробление — снова самодержавие», которой придерживались Карамзин и Погодин.

Первый том «Истории России» вызвал многочисленные и крайне разноречивые отклики. Концепцию Соловьева решительно поддержал Кавелин. Высказав ряд критических замечаний, он тем не менее утверждал, что работа принадлежит к числу «лучших исторических произведений, появившихся в последнее время». Ученым событием первостепенной важности назвал сочинение историка «Современник»; читающая публика, многого ожидавшая от книги господина Соловьева, отмечалось в журнале, «не обманулась в своих ожиданиях».

Среди рецензий, однако, преобладали недоброжелательные, а порой грубые и издевательские. Против Соловьева выступил известный историк-славянофил И. Д. Беляев, ко-

того поддерживал Погодин, неприязненно относившийся к своему бывшему ученику с 1847 г. Описание географического положения страны, данное Сергеем Михайловичем, Беляев считал неудачным, по его мнению, автор «Истории России» не сумел проследить влияние природы на историю страны. Глава, посвященная народам, населявшим Восточную Европу до появления славян, «запоздала на целое полустолетие». Особенно возражал рецензент против принятой Соловьевым трактовки понятия «род».

По отзыву самого Погодина, в книге нет «ни одной живой страницы», угол зрения автора «далеко отстоит от нормального», и потому пытаться понять концепцию Соловьева «так же бесполезно, как и обвинять его несправедливо за физический недостаток мысли».

С. М. Соловьев болезненно переживал подобные нападки, но продолжал упорно работать. Спустя годы ученый вспоминал: «Никогда не приходила мне в голову мысль отказаться от своего труда, и в это печальное для меня время я приготовил и напечатал 2-й том “Истории России”, который вышел весною 1852 года. Как видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами истории, постоянно ежегодно выходившими; 3-й и 4-й тома не опоздали, книга шла...»

С появлением новых томов сочинение Соловьева получало все большее признание. По-прежнему были и отрицательные рецензии, однако в большинстве откликов подчеркивалось обилие фактических сведений, содержавшихся в труде ученого, его умение убедительно разъяснять спорные и сложные вопросы русской истории.

Особое внимание общественности привлекли шестой, седьмой и восьмой тома, посвященные событиям второй половины XVI — началу XVII в., царствованию Ивана IV и Смутному времени. В отличие от Карамзина и Погодина, Соловьев рассматривал деятельность Грозного как период окончательного торжества в России государственных отношений. Он не идеализировал царя, не оправдывал его жестокость, но не сводил все к личным качествам самодержца, к его больной психике, видел во введении опричнины, в разгроме боярства реальные проявления борьбы старого и нового, расценивал их как историческую необходимость и закономерность. Излагая внутриполитические и международные проблемы Смутного времени, Соловьев сравнивал различные версии, сопоставлял их и выбирал наиболее достоверные, углубляя изучение данного периода русской истории.

В последующих томах Соловьев выдвинул ряд положений, согласно которым истоки важнейших событий и явлений в истории России XVIII столетия необходимо искать в социальных и экономических процессах, протекавших в XVII в. Одним из первых в русской историографии он обосновал тезис об исторической обусловленности реформ Петра I, постепенном сближении России с Западной Европой. Во второй половине XVII в., утверждал ученый, «русский народ явственно тронулся в новый путь; после многовекового движения на Восток он начал поворачиваться на Запад». Историк выступил против теорий, согласно которым реформы Петра I означали насильственный разрыв с традициями прошлого, насаждение в стране чуждых ей обычаев и нравов. Трактовку деятельности Петра I как переход России «от небытия к бытию» Соловьев считал неисторическим взглядом. Он не разделял принятую точку зрения о делении истории России на донетровскую и петровскую.

История России первой четверти XVIII в. занимает центральное место в сочинении Соловьева. Его исследования эпохи Петра I имели принципиальное значение для освещения этого переломного момента русской истории. Ученый не только ввел в научный оборот огромный пласт архивных документов, но по-новому представил многие стороны российской действительности в годы петровских реформ и личность царя-преобразователя. Для Соловьева Петр I был «прирожденным главою государства» и вместе с тем — основателем «нового царства, новой империи», непохожим на своих предков; он — вождь, «а не создатель дела, которое потому есть дело народное, а не личное, принадлежащее одному Петру». В этих рассуждениях в полной мере проявилось чувство историзма, столь характерное для Соловьева: его уверенность, что формы деятельности великих людей зависят от множества факторов, обусловлены бытом и правами народа. При подобном подходе, считал историк, великий человек «не утрачивает своего значения; народ не низводится до степени стада, бессознательно идущего туда, куда его гонит чужая воля».

С. М. Соловьев показал, что ближайшие преемники царя-реформатора — Екатерина I, Петр II и Анна Ивановна — не сумели продолжить его начинаний, произошло отступление от «программы преобразователя». Перелом произошел лишь при Елизавете Петровне, которая избавила страну от засилья иностранцев; при ней «Россия пришла в себя» от «ига Запада».

Последние тома «Истории России» посвящены правлению Екатерины II до начала крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. Соловьев приводит обширный материал о внутренней и внешней политике, хозяйственной жизни и быте России второй половины XVIII столетия.

Не все проблемы истории страны одинаково глубоко рассмотрены Соловьевым. Определенным недостатком книги является акцентирование внимания, прежде всего, на истории государства. В этой связи К. С. Аксаков заметил, что «История России» может быть совершенно справедливо названа историей Российского государства, так как «Земли, народа читатель не найдет в ней». Современники обвиняли автора «Истории России» за его подход к одному из самых актуальных вопросов -- о роли народных масс в истории. В ряде случаев оценка исторических событий отражала умеренные политические взгляды Соловьева. Подвергая критике крайности самодержавия, он никогда не посягал на основы существующего строя, видел в царской власти силу, защищавшую интересы всех сословий.

В «Истории России» немало и других спорных положений, если рассматривать это сочинение с позиций науки сегодняшнего дня. Однако их значение несопоставимо с тем, что сделал Соловьев для отечественной и мировой историографии. По словам Ключевского, 29 томов главного труда Соловьева навсегда связали имя ученого «с успехами русской исторической науки и русского общественного сознания».

Особо следует отметить широкое использование Соловьевым практически всех известных в то время исторических источников. Изложение событий до XVI в. он строит на основании летописей, духовных и договорных грамот, актов феодального иммунитета. Изучая историю XVII—XVIII вв., ученый вводит в научный оборот огромный массив архивных документов, мемуары русских и иностранных государственных деятелей, предпринимателей, путешественников. К его трудам, прежде всего к «Истории России с древнейших времен», специалисты до сих пор обращаются как к ценнейшему своду фактического материала.

11.5. «Величайший ученый XIX века»

В 1877 г. Соловьев серьезно заболел, но продолжал работать: готовил материалы к очередному тому «Истории Рос-

сии», интересовался литературными новинками. 4 октября 1879 г. ученый скончался. Его похоронили на Новодевичьем кладбище в Москве.

В некрологах отмечались заслуги историка перед отечественной культурой. Профессор Петербургского университета К. Н. Бестужев-Рюмин писал: «Мы жалуемся, что у нас нет характеров, а вот еще недавно жил между нами человек с твердым характером, всю жизнь посвятивший службе русской земле; мы жалуемся, что у нас нет ученых, а вот только что сошел в могилу человек, место которого в ряду величайших ученых XIX века».

С. М. Соловьев ввел в научный оборот огромный документальный материал и высказал немало интересных положений, побуждая последующие поколения историков вновь и вновь обращаться к его работам. «По многим причинам, — писал В. О. Ключевский, — 29 томов его “Истории” не скоро последуют в могилу за своим автором».

Историки второй половины XIX — начала XX в. в той или иной мере являлись последователями С. М. Соловьева. Продолжая его традиции в понимании русской истории, они либо разрабатывали отдельные составляющие его концепции, либо пытались создать новые. По словам Г. В. Вернадского, значение Соловьева «в развитии русской исторической науки очень велико. Его “История России” и при его жизни, и долгое время после его смерти служила молодым русским историкам как необходимое введение в их собственную работу».

А. Е. Пресняков, выступая в 1920 г. на заседании, посвященном памяти С. М. Соловьева, сформулировал свое видение места великого ученого в отечественной истории: «Соловьев — признанный основоположник русской истории, как особой научной дисциплины, потому что в его трудах на смену “философской” и литературно-художественной историографии века “Просвещения”, завершенной на русской почве “Историей государства Российского” Н. М. Карамзина, выступила историческая наука с новым конструктивным принципом обобщения изученного материала». Именно поэтому, несмотря на последующее успешное развитие отечественной исторической науки, интерес к трудам Сергея Михайловича Соловьева не ослабевает, его сочинения продолжают издаваться, пользуются неизменным спросом у специалистов и широкого круга читателей.

Сочинения С. М. Соловьева

Соловьев, С. М. Избр. тр. / С. М. Соловьев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. И. Цимбаев. — М., 2010.

Соловьев, С. М. Избр. тр. Записки / С. М. Соловьев. — М., 1983.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев. — М., 1959—1966.

Соловьев, С. М. Первые научные труды. Письма / С. М. Соловьев. — М., 1996.

Соловьев, С. М. Публичные чтения о Петре Великом / С. М. Соловьев. — М., 1872 (1995).

Соловьев, С. М. Соч. : в 18 кн. / С. М. Соловьев. — М., 1988—1995.

Соловьев, С. М. Соч. : в 18 кн. / С. М. Соловьев. — доп. изд. — Кн. 19—22. — М., 1996—1998.

Рекомендуемая литература

Безобразов, П. В. С. М. Соловьев: Его жизнь и научно-литературная деятельность / П. В. Безобразов. — СПб., 1894.

Вернадский, Г. В. С. М. Соловьев / Г. В. Вернадский // Русская историография. — М., 2000. — С. 106—111.

Дмитриев, С. С. Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследство / С. С. Дмитриев, И. Д. Ковальченко // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. — М., 1988. — Кн. 1. — С. 6—48.

Иллерицкий, В. Е. Сергей Михайлович Соловьев / В. Е. Иллерицкий. — М., 1980.

Ключевский, В. О. Сергей Михайлович Соловьев. С. М. Соловьев как преподаватель. Памяти С. М. Соловьева // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. — М., 1989. — Т. 7. — С. 303—319, 320—328, 329—344.

Цамутали, А. Н. Я родился историком: С. М. Соловьев / А. Н. Цамутали // Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. — М., 1996. — С. 215—243.

Цимбаев, Н. И. Сергей Соловьев / Н. И. Цимбаев. — М., 1990.

Чернобаев, А. А. Соловьев Сергей Михайлович / А. А. Чернобаев // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 207—214.

Чесноков, В. И. Правительственная политика и историческая наука России 60—70-х годов XIX века / В. И. Чесноков. — Воронеж, 1998.

Шаханов, А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты / А. Н. Шаханов. — М., 2003.

Глава 12

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

60—80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В 60—80-е гг. XIX в. происходило дальнейшее развитие теоретических и методологических подходов к познанию прошлого. Историки стремились уйти от априорных схем к конкретному изучению отдельных сторон жизни общества, показать специфику тех или иных ее объектов, представить многообразие исторического процесса. В Европе подобные идеи нашли выражение в позитивистской философии французского ученого О. Конта, были развиты Д. Миллем, Г. Спенсером. Интерес к ним возрос и в России.

Позитивизм привлекал внимание историков идеями об обществе как явлении историческом, развивающемся от простого к сложному, от однородного к разнородному. Его последователи считали возможным достижение объективного знания посредством применения методов естественных наук. Позитивизм провозгласил самоценность факта, эмпирического материала, а вершиной научного развития — знание, основанное на опыте. Общество рассматривалось не как интегрированное целое, а как сумма отдельных частей, а всякое явление понималось как сумма фактов. Позитивистская методология опиралась на теорию равноправных факторов, сочетание и воздействие которых на исторический процесс различно в зависимости от времени и места. Предметом исследования становились изолированные, единичные объекты. Это давало возможность детального изучения отдельных частей (сторон) общественной жизни.

Расширились предметная область исторической науки и конкретные исторические исследования. Юридические институты, экономическая история, история крестьянского хозяйства стали предметом специальных исследований В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского, Н. К. Шильдера, А. Я. Ефименко, В. И. Семевского и др. Историческая наука обогати-

лась методами как смежных, так и естественнонаучных дисциплин.

Однако уже вскоре обнаружилась ограниченность теории и методологии позитивизма. В общем плане была очевидной потеря целостности объекта, его качественных характеристик. Задача исторической науки сводилась к изучению отдельных составляющих общества, в то время как исследование общих законов развития отнесено было к области интересов и задач специальной дисциплины — социологии. Предлагаемые позитивистами подходы и методы исследования не позволяли работать с такими категориями, как нравственность, народный дух, смысл истории.

Отечественные ученые, как и в случае с философией истории Г. Гегеля, избегали прямого использования идей позитивизма. Дополняя или отказываясь от некоторых из них, они опирались на интуицию и личное восприятие, т.е. субъективный фактор.

Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873), профессор кафедры русского законодательства Московского университета, предпринял одну из первых попыток представить историю русского народа. В монографии «Крестьяне на Руси» (1860) он рассмотрел статус крестьянства в рамках российской государственности, процесс складывания его как сословия, вопросы крепостного права, русской общины. В исследованиях «Земские соборы на Руси» и «Судьбы земщины и земского начала на Руси» показано участие народа в событиях, происходивших в разные эпохи русской истории.

История России, по мнению Беляева, представляет процесс развития, взаимодействия и сращивания двух первоначально независимых структур — земщины и государства. Поэтому ученый выделил три формы отношений: независимая самоуправляемая земщина; земщина, подчиненная государству; земщина, подчинившая себе государство (повгородская). На этом основании он выстроил свою схему русской истории: «Независимая самоуправляемая община, не стесненная рамками государства, существовала в доваряжеский период; с приходом варягов на Русь начали формироваться две другие формы правления: повгородская и самодержавная». Объединение земли вокруг Москвы привело к образованию единой общерусской земщины и к земским соборам. Соборы, писал Беляев, с одной стороны, утверждали самодержавную власть, с другой — «сближали царя с народом и дали ему возможность знать нужды и желание земли». С развитием централизации

земщина теряла свое значение и разрушалась. Окончательно она утратила свою силу и была поглощена государством в первой четверти XVIII в. Новый виток в отношениях земщины и государства наступил, как считал Беляев, на современном ему этапе. Правительство, проводя либеральные реформы, содействовало процессу восстановления земщины, что соответствовало позиции славянофилов.

Своеобразие русской истории ученый связывал исключительно с общинным бытом, но в отличие от славянофилов придерживался мнения, что современная ему община является результатом государственной деятельности.

Афанасий Прокофьевич Щапов (1831—1876) — профессор Казанского университета, историк демократического направления, автор ряда работ, посвященных истории народа. «Не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности вступаю я на кафедру русской истории», — так определил он свою позицию на вступительной лекции в университете в ноябре 1860 г. Смысл «народности» в том, утверждал Щапов, что народ — главный фактор и творец истории. Он считал, что ни идеи славянофилов, ни идеи западников не отвечали вполне историческому и современному призванию русского народа.

В работах «Земство и раскол», «Сельский мир и мирской сход», «Земские соборы в XVII столетии» Щапов сформулировал свой взгляд на историю великорусского народа. Сущность его «земско-областной» теории определялась тезисом — русская история раскрывается в формах народного начала, т.е. областности, общинности, земском самоуправлении. «Под земством и земским саморазвитием, — писал историк, — я разумел все сферы социального развития, всю массу народа со всеми ее этнографическими видоизменениями, всю совокупность сил народных — умственных и физических, все интересы и потребности народные — умственные и экономические». По Щапову, провинциализм, областность — это идеальная, выработанная веками форма саморазвития народа, сложившаяся путем колонизационного процесса. Ее историческим основанием служила географическая среда, этнографические, материально-бытовые, духовно-нравственные особенности населения и особая система управления. Другой формой общественного устройства было самодержавное государство. Со времени его образования оно вступило в борьбу с областностью и земщиной. Противопоставляя государственную централизацию земско-областническому управлению,

ученый видел и положительную роль единства страны в истории. Сформулированная им «земско-областная» теория провозглашала высшей ценностью народ и свободу, саморазвитие и самоуправление.

Согласно этой теории Щапов выстраивал схему исторического развития России, определял его особенности и давал трактовку важнейшим историческим событиям. Наиболее ярко, по его мнению, конфликт земско-областной системы и государства проявился в Смутное время, когда восстали инородные области, демонстрируя их «особность», нарушился моральный и нравственный строй, обнаружилось недоверие областей друг к другу. Ученый рассматривал Смуту как раздельтельную грань между древней «особно-областной» и новой «соединенно-областной» централизованной Россией. Начиная с XVII в. и особенно интенсивно в XVIII в. народ и вся земско-областная система «подминалась государством, бюрократией, ухудшалось положение народа, росла крепостная зависимость крестьян», происходила нивелировка «особности».

Одним из основных структурных элементов областности Щапов определял общину, являвшуюся формой самоорганизации народа. Он попытался проследить процесс складывания многочисленных сельских и городских миров от мирских сходок и до земских советов и земских соборов, всенародного общественного устройства. Несмотря на все изменения общественной жизни, Щапов рассматривал общину как хранительницу мирского начала, «народосоветия». Она играла большую роль в развитии русского народа, в обретении им свободы.

В дальнейшем Щапов изменил свое отношение к «земско-областной» теории: «Я защищал инициативу и самостоятельность сил народа, верил в инициативу, самостоятельность земств... однако вера не оправдалась. Народ оказался неспособным к новому самоустройству в силу своей косности, темноты, непросвещенности». Свои новые и своеобразные идеи он развивал под влиянием увлечения естественными науками, предоставлявшими, по его мнению, возможность глубже проникнуть в ход исторического процесса. Новая концепция ученого, изложенная в работах «Естествознание и народная экономия», «О влиянии гор и моря на характер населения», была ориентирована на изучение взаимоотношения природы и человека. Он отстаивал идею о первенствующем влиянии на историю физиологических и психологических составляющих характера народа, которые складываются под влиянием природно-географических и климатических условий. Отлични-

тельными чертами характера русского народа Щапов считал склонность к коллективным действиям, медленную восприимчивость в сочетании с возможностью острого восприятия новых неожиданных впечатлений. Последнюю использовал Петр I: медленно движущаяся Россия включительно до XVII в. стала энергично развиваться в XVIII в.

Таким образом, Щапов усилил значение географической доминанты и колонизационных процессов в стране, представляя последние не как простое расширение территории государства, освоение новых земель, а как складывание естественно-исторической жизни, определенного народного мирозерцания. К этому времени изменились и взгляды ученого: он уже не противопоставлял государству внутреннее саморазвитие масс, признал диалектику взаимоотношений центра и окраин. Новый взгляд на русскую историю определил новое направление в рассмотрении ряда явлений и процессов.

Многие идеи Щапова получили развитие в творчестве других ученых, выражавших демократические настроения: Н. А. Аристова, Г. З. Елисеева, И. Г. Прижова, С. С. Шашкова. Они занимались конкретной разработкой проблем жизни простого народа. Особенно это заметно в трудах Прижова «Ничие на Святой Руси», «История кабаков в связи с историей русского народа». С. С. Шашков обратился к изучению положения крестьян и рабочих в XVIII в. («Комиссия Уложенная и крестьянское дело при Екатерине II», «Русский рабочий»). Результаты исследований Елисеева, представленные в его работах «История крестьянства», «Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия», «Записки о сельском управлении в России», принадлежат Аристову. Все эти ученые изучали жизнь народа, его борьбу, культуру, быт. Они воспринимали народ не как пассивного носителя исконных нравственных начал и норм быта, а как силу действительную.

«Не восхищаться народностью, а знать ее следует», — такую задачу поставил перед собой профессор Харьковского и Петербургского университетов **Николай Иванович Костомаров** (1817—1885). Он проявил себя как профессионал во многих областях исторической науки, в частности в этнографии, источниковедении, археографии, фольклористике. Главное содержание русской истории и, следовательно, главный предмет изучения прошлого, по мнению Костомарова, состоит в исследовании развития народной духовной жизни, ибо здесь «основа и объяснение великого политического со-

бытия, тут проверка и суд всякого учреждения и закона». Духовная жизнь народа проявляется в его понятиях, верованиях, чувствованиях, надеждах, страданиях. Но историки, возмущался он, не говорят ничего об этом: «Бедный мужик, земледелец, труженик, как будто не существует». Н. И. Костомаров в числе первых приступил к изучению общественной деятельности и домашнего быта народа. Воплощая «задушевную мысль» свою, он не только занимался сбором народных песен и преданий, но и обратился к народным памятникам, результатом чего явились его работы «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества», «Семейный быт в произведениях южнорусского народного песенного творчества». «Н. И. Костомаров наряду с немногими другими учеными впервые “спустился в низшую по-тогдашнему” сферу народной жизни», — отмечал Аристов.

Н. И. Костомаров, сын дворянина и крепостной крестьянки, был непосредственно знаком с народной жизнью. В его трудах и лекциях, отмечал современник, послышался голос «живого народа», который выступил не в одной роли подчиненного материала, но как фактор, пытавшийся самостоятельно направить исторический процесс.

Отличительной чертой работ историка является рассмотрение всех составляющих Россию народностей: украинской, великорусской, белорусской, южнорусской, повгородской и др. «Если мы говорим: история русского народа, — писал он, — то принимаем это слово в собирательном смысле как массу народов, связанных единством одной цивилизации и составляющих политическое тело». Наибольшее внимание он уделял украинской народности.

Жизнь народная, утверждал Костомаров, проявляется в своеобразных укладах: удельно-вечевом (федеративном) и единодержавном. Борьба этих укладов составляет содержание его концепции. Федеративный строй Древней Руси под влиянием внешних обстоятельств, татаро-монгольского ига заменяется единодержавием. С Ивана III «начинается бытие самостоятельного монархического русского государства». Свобода общины и личности приносится в жертву. Петр I завершил то, что было подготовлено веками предшествующими и «повел единодержавную государственность к ее полному апогею» — к обособлению государства. Оно «составило свой круг, образовало особую народность, примкнувшую к власти» (верхние слои). Таким образом, в русской жизни возникло две народности: народность государственная и народность масс.

Приверженец федеративного строя, Костомаров полагал, что укоренить новое в стране возможно, лишь опираясь на народ и крепкую самодержавную власть. 1861 г. ознаменовал новый период в русской истории: государство примирилось с народностью, и в будущем, писал он, «пусть государство не мешает свободе местной народной жизни... а последняя не будет бояться государства, находя в нем покровительство своему развитию».

Как творца истории рассматривал народ и другой ученый, известный исследователь русской культуры и быта **Иван Егорович Забелин** (1820–1908). Народ, по его определению, не «мужик или барин, а это есть дух, особый нрав, обычаи, особая сила, которая все преодолевает по-своему». Для того чтобы «уловить душу народа», Забелин считал необходимым обратиться к истории, географии, политике, ве- рованиям, конкретным жизненным ситуациям, материальной и духовной культуре. Он планировал создать большую работу «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии» и показать все типы общества. Первый тип, «передовой» (собственники, хозяева), — цари, князья, дворяне. Во втором типе — «земледельцы-капиталисты» — ученый выделял капиталиста-господина и младшую ветвь — посадских и чернослободских сирот. Третий — казачество, мелкий тип — холопы, дьяки, дворовые слуги. И только после того, когда будут раскрыты частные типы, можно будет дать наиболее полные и верные характеристики общих форм народного быта. И. Е. Забелин не реализовал свой замысел полностью. Были подготовлены только два тома: «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии» и «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии». Местоположение, политику, хозяйство, город, нравы он представил в другой своей работе — «История города Москвы».

Ученый рассматривал общество как высшую организацию «идей и дел», совершаемых человеком. Он представил процесс образования государства как реализацию идеи русского народа о централизованном государстве. «Единодержавие есть разумный продукт патриархальных семейных отношений», — писал историк и заключал, что «народ в том виноват, а не кто другой».

Большой интерес проявлял Забелин к личности, которая воплощает идеи, стремления, мечты народа в «живое дело». Личность создает промышленность, литературу, политическое устройство, она — основа всякого бытия. До сих пор историки

изучали общество, полагал он, не поставив перед собой задачу изучения личности в любой сфере, в любом ее выражении.

Идея славянофилов об особом «нравственном законе», присущем каждому народу и определяющем особенности его жизни, нашла отражение в концепции мировой истории **Николая Яковлевича Данилевского (1822—1885)**. Ученый-естествоиспытатель, он разделял взгляд на единство развития природы и общества. В 1869 г. была опубликована серия его статей, объединенных названием «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому». В этой работе ученый изложил свое понимание мировой истории, содержание которой составляет смена культурно-исторических типов.

В природе, полагал Данилевский, существуют определенные типы животных, растений, неизменные виды, изолированные и обособленные друг от друга. Народы — это самостоятельные, разнообразные культурно-исторические типы общества, отличающиеся религией, бытом, социальным и политическим устройством, экономикой. Основу культуры составляют духовная природа народа и «психологический строй общества». Он выделял несколько культурно-исторических типов, сменявших друг друга: египетский, китайский, ассиро-вавилонно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, германо-романский, или европейский, славянский. Каждый тип, развиваясь самостоятельно в соответствии с особенностями его духовной природы и внешними условиями, вносит свой вклад в общую сокровищницу мировой истории; имеет собственные задачи, собственную идею, свою преобладающую сторону жизни, проходит в своем развитии периоды роста, цветения и исчезновения. У каждого типа своя высшая точка развития. Всякий новый тип не связан с предыдущим и не являет собой более совершенный уровень развития, поэтому одна цивилизация (культурно-исторический тип) не может гордиться тем, что составляет высшую точку развития в сравнении с предшествующей ей или современной. По Данилевскому, прогресс — не появление более совершенной цивилизации, а разнообразие их, которое позволяет «исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях».

Общечеловеческой цивилизации никогда не существовало, считал ученый. В свете этого некорректно рассуждать об истории как о едином процессе, охватывающем все народы, о все-

общем прогрессе. Он отвергал деление истории на древнюю, среднюю и новую. Таким же искусственным ему представляется деление на Восток и Европу. В истории один лидирующий тип сменяет другой, не передавая плодов своей деятельности. Все типы развиваются независимо друг от друга. По мере того как каждый из них выполняет свою историческую миссию, на его место приходит следующий.

Используя тезис об отсутствии единой цивилизации (стандарта), ученый критикует европоцентризм, однолинейную схему общего прогресса. Европейскому типу, полагал Данилевский, не следует придавать статус образца. Между Россией и Западом — извечные взаимное непонимание и неприятие именно в силу того, что народы относятся к разным культурно-историческим типам. В современную эпоху происходит упадок германо-романского типа и развитие славянского типа, которому должно принадлежать будущее. Победа достигается в борьбе: Европа будет сокрушена при разрешении восточного вопроса. Удел России — «счастливый», «не покорять и угнетать, а освобождать и восстанавливать мир, у нее другая земля, кровь, религия, основания, словом — другая история. Россия — особый мир».

Психологической основой славянского культурного типа Данилевский считал православие. Русский народ — богоизбранный, характер его, как и славян вообще, наиболее соответствует христианскому идеалу: мягкий, покорный, почтительный к власти. Православие определяет внутреннюю свободу народа. Сила русского народа заключена в его внутреннем нравственном сознании. «По отношению к силе и могуществу государства, по способности жертвовать ему всеми личными благами, и по отношению к пользованию государственною и гражданскою свободою русский народ одарен значительным политическим смыслом», — писал Данилевский. Политический смысл славян проявился в создании огромного государства и в установлении гражданской и государственной свободы. Строение государства есть первая историческая деятельность народа, следующая деятельность — культурная.

Историк, подчеркивая особенности России — обширные леса и степи, позволявшие уклоняться от тягот, налагаемых государством, угроза нападения внешних врагов, — проводил мысль о необходимости сильной власти, т.е. самодержавия. Преобразования Петра I, утвердив политическое могущество России, спасли главное условие народной жизни — политическую самостоятельность государства. Вместе с тем Данилев-

ский вслед за славянофилами утверждал, что реформы Петра привели к искажению народного быта, разделению общества на европеизированные «верхи» и сохранившие русскую самобытность «низы». При том что власть для русских имеет мало привлекательности, продолжал он, они не стремились ограничить ее размеры, изгнать законно царствующую династию, произвести какие-либо политические смуты, а с введением гражданственности, освобождением крестьян вовсе исчезли какие-либо причины возникновения недовольства в народе.

Будущее России ученый видел в развитии своего культурно-исторического типа, своей самобытности, всеславянского самосознания. Начало этому развитию, по его мнению, было положено лучшими представителями русской культуры в лице А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. С. Хомякова, Л. Н. Толстого, М. И. Глинки.

Таким образом, Данилевский обосновывал закономерность возвышения славянского культурно-исторического типа, отмечал его уникальность, указывал на особое место, которое он должен занять среди других народов. Впервые в мировой историографической практике ученый теоретически осмыслил сложные культурно-исторические процессы, их индивидуально-этническое своеобразие, сформулировал проблему культурно-исторической типологии. Концепция Данилевского не получила дальнейшего развития в отечественной историографии его времени, но отдельные ее мотивы использовались учеными конца XIX—XX в.

Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920) был широко известен во второй половине XIX в., особенно как автор самых популярных школьных учебников по истории. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, он защитил в своей *alma mater* в 1858 г. магистерскую диссертацию «История Рязанского княжества». Работа, с интересом встреченная в среде ученых, представляла собой одно из первых комплексных исследований региональной истории в отечественной историографии. В 1870 г. Иловайский защитил докторскую диссертацию «Гродненский сейм 1793 г.: Последний сейм Речи Посполитой», отразив в ней русско-польские отношения и гибель Польши как самостоятельного государства.

Главным делом своей жизни ученый считал обобщающий труд «История России», который охватывал период с древнейших времен до царствования Алексея Михайловича. Первые два тома (1876, 1880) были в целом благожелательно

встречены в научных кругах, хотя большинство историков не поддерживали его критику норманнского происхождения русской государственности и версию о племенах роксалан как генетических предшественниках русского народа. Последующие тома «Истории России» (третий — пятый тома впервые изданы в 1890—1905 гг.) вызвали более негативную реакцию. Автора обвиняли в устаревшей методологии исследования, компилятивности, отсутствии «научного чутья», ставили в вину противоречивые определения, неудачные формулировки. Резкие оценки были вызваны не только реальными недостатками работы, но и консервативно-охранительными взглядами Иловайского, непопулярной в образованном обществе его публицистической деятельностью.

Помимо больших сочинений, Иловайский писал статьи, очерки, путевые заметки, исторические воспоминания. В них отражены его впечатления о стране, даны портреты профессоров Московского университета, других современников.

Становление Иловайского как ученого происходило в период 1860-х гг., что, безусловно, повлияло на его историческое мировоззрение. Он признавал, что историческая наука «стремится раскрыть самые законы и основания, на которых общество существует и развивается», однако сравнивал историю с искусством, считал, что интерпретация исторических событий не имеет объективного характера, а определяется личными склонностями исследователей. По классификации Иловайского, среди ученых следует выделять историков-мыслителей, историков-бытописателей, историков-библиографов, историков-художников. Себя он причислял к последней категории, пытался вслед за Н. М. Карамзиным «объединить» науку и искусство, «изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображению историка», «согреть... изложение своим теплым участием».

Исторический прогресс, полагал Иловайский, заключается в нравственном совершенствовании общества, а воплощается в формах «государственного быта». Вводя это понятие, он дополнял формулу историков «государственной школы», которые считали государство высшим достижением истории народа. Согласно Иловайскому, «государственный быт» специфичен для каждого народа и состоит из четырех элементов: формы правления, религии, политического и сословного положения, этнографического элемента. В центре внимания исследователя должны находиться носители власти — именно через их деятельность проявляется история народа, который

представляет «этнографическую почву», выделяющую из себя «действующих лиц».

Данные положения легли в основу концепции русской истории, разработанной Иловайским. Считая себя приверженцем «здорового консерватизма», он отстаивал верность традициям «государственного быта», одновременно признавая необходимость его модернизации. В истории России с древнейших времен до XVII в. включительно ученый выделял три этапа: киевский, московско-литовский и московско-царский, т.е. начало становления русской государственности, время ее оформления и расцвета. Внутри каждого этапа материал группировался по княжениям и царствованиям. Новейший (петербургский) период в истории России Иловайский характеризовал как гибкий, приспособленный к европейским условиям жизни.

Прочность «государственного быта» ученый связывал с личными качествами правителя. По Иловайскому, Иван III, Василий III, Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Николай I и Александр II много сделали для укрепления самодержавного строя. Отрицательно оценивалась деятельность Ивана Грозного; Петра I он обвинял в «недостатке национальной политики», упрекая в этом же Александра I, Александра II и Николая II. Основным сословием русского общества, по определению историка, были бояре и дворяне; большой вклад в оформление и укрепление Русского государства, в развитие отечественной культуры и образования внесли представители православного духовенства; важную роль в жизни страны играли купечество, посадский люд, предприниматели. Писал Иловайский и о народном «инстинкте самосохранения». В его рассуждениях о разрушительных для отечественной государственности последствиях любого иностранного влияния проявлялся исключительный русский национализм.

Научные труды Иловайского по-разному оценивались современниками. Особое неприятие значительной части общества вызывала его охранительно-патриотическая публицистика. На рубеже XIX—XX вв. за Иловайским прочно закрепился ярлык консерватора и националиста, историка-ретрограда. В советской исторической науке он рассматривался как типичный представитель дворянско-монархической историографии. В настоящее время, по мнению исследователя его творчества И. В. Бабич, «возможен новый подход к попыткам Иловайского синтезировать методы исторической науки

и искусства, рассматривать прошлое с учетом того отпечатка, который сообщают ему черты национального характера, национального типа».

12.1. Источниковедение

Расширение предмета исторических исследований, новые подходы к познанию и осмыслению прошлого, введение в научный оборот новых источников стимулировали развитие специальных исторических дисциплин, в первую очередь источниковедения и историографии.

Давний интерес к источникам и выработка принципов их критического осмысления привели к осознанию необходимости специальных знаний для работы с ними. Начинает оформляться специальная дисциплина — источниковедение. Это проявилось в целенаправленном и систематическом поиске исторических источников, развитии методов и методики работы с ними, определении возможности использования тех или иных групп источников для получения исторического знания.

М. Т. Каченовский первым высказал мысль, что требовать от историка-прагматика, чтобы он сам готовил для себя материалы, было бы крайне несправедливо. «Специальной работой по их (источников. — *Авт.*) очищению, — писал он, — должен заниматься историк-специалист». Об исторической критике как особой научной дисциплине впервые заявил Н. И. Надеждин. Новейшие ученые, считал он, из исторической критики сделали «особую маленькую науку: ее помещают обыкновенно в числе вспомогательной научной истории». Цель ее, определял ученый, в «отыскании крупинки истины в обломках и лоскутах, разбитых вдребезги, развеянных по лику земли».

К середине XIX в. ученые полностью осознали, что от предварительной разработки источников зависит общий научный уровень исторических исследований. Источник стал самостоятельным объектом изучения. В работах П. М. Строева, Н. Г. Устрялова, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. В. Калачова и других историков источниковедение рассматривалось как специальная дисциплина. Они определили понятие «источник», задачи и методы работы с ним, специфику отдельных групп исторических материалов.

В исторической науке утвердилось понятие о том, что каждый вид источника требует «особых приемов и средств

изучения, особых занятий и приспособлений», целью которых, по определению Бестужева-Рюмина, являлось «указать путь, которым добываются научные результаты», понимаемые как «истина». В выборе метода анализа источников и их отборе каждый ученый исходил из собственного понимания хода исторического процесса, использования той или иной теории и методологии, задач исторического исследования. Конкретно-исторический подход открывал более широкие возможности для истолкования внутреннего смысла фактов, о которых свидетельствовал источник, выяснения их научной ценности. Большое значение стали придавать изучению личности автора источника, что включало в себя определение его жизненных обстоятельств, общественного положения, отношения к описываемым событиям и т.п. Тем самым был поставлен вопрос о субъективном характере самого источника: без определения намерения автора, степени его образования, общественного положения, отношения к описываемым событиям, влияния на него обстоятельств времени невозможно использовать источник. Таким образом, предоставлялась возможность «определить угол зрения преломления действительности» в источнике.

Изучение источника рассматривалось не как самоцель, а как создание основы для исторического исследования. Историк не тот, писал Бестужев-Рюмин, кто вдумчиво и внимательно прочел источник, а тот, кто «пережил его», кто может «представить целостный образ прошлого».

В середине — второй половине XIX в. появились специальные работы, отразившие значительный опыт в изучении отдельных видов источников, в первую очередь летописей. Летописи являются не только «первым надежным содержательным источником», но и «величайшим памятником славянского и русского сознания», писал М. О. Коялович.

Изучая гражданскую историю, ученые обратили внимание на актовый, законодательный материал, древнейшие законодательные памятники. С этими памятниками в первую очередь работали историки-юристы — К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич и др.

Специальное исследование Русской Правде посвятил **Николай Васильевич Калачов** (1819—1885), известный архивист, археограф и источниковед. Выступая на Первом археологическом съезде, он говорил о необходимости усиления занятий специальными историческими дисциплинами — источниковедением, археографией, архивоведением.

В связи с интересом к народному быту, самосознанию народа особое внимание уделялось устному народному творчеству. В повестях, сказаниях, песнях и т.п. «народ беззамеренно проговаривался о важнейших приключениях своей жизни», писал Н. И. Надеждин. По словам М. П. Погодина, они являются важнейшим источником для «истории развития сознания, которое едва ли не самая важная сторона истории», проливают свет на нравственное и умственное состояние славян в дохристианский период. Особое значение этому виду источников придавали славянофилы. Они полагали, что в повестях, сказаниях, песнях раскрывается внутренний быт, «народная психология», «в них хранятся ключи к пониманию всех событий и всех поворотов народной жизни».

Одним из крупнейших источниковедов второй половины XIX в. был **Константин Николаевич Бестужев-Рюмин** (1829—1897), выпускник юридического факультета Московского университета, действительный член Академии наук, основатель Высших женских (Бестужевских) курсов. В середине 60-х гг. он возглавил кафедру русской истории в Петербургском университете. За магистерскую диссертацию «О составе русских летописей до конца XVI века» (1868) получил сразу докторскую степень. К. Н. Бестужев-Рюмин, писал его современник, тот ученый, которому мы обязаны первым трудом по источниковедению русской истории. Он впервые в отечественной историографии дал анализ обширного материала, определил разнообразные подходы к тексту летописей, усовершенствовал технику источниковедческого анализа, способствовал повышению значения источника как самостоятельного объекта исследования, одним из первых разработал классификацию источников, в основу которой были положены их внутреннее содержание и формы. К. Н. Бестужев-Рюмин объявлял себя приверженцем «объективного знания», основанного на тщательном изучении источников. По его мнению, чем меньше историк «дает место личной фантазии, тем ценнее, тем прочнее его выводы».

12.2. Историография

По мере накопления исторических знаний возникла потребность выяснить, кем и как они были получены, какие из них включены в сложившуюся систему знаний о прошлом. Эта работа, начатая в XVIII в., к середине XIX в. привела

к оформлению специальной научной дисциплины — историографии.

В 1820-х гг. появляются первые специальные исследования по изучению исторических знаний в России. В 1827 г. преподаватель Московского учебного пансиона А. З. Зиновьев защитил диссертацию на степень магистра «О начале, ходе и успехах критической российской истории». Степень доктора философии в Петербургском университете получил Н. Г. Устрялов в 1836 г. за работу «О системе прагматической русской истории». Через три года А. Ф. Федотов защитил диссертацию «О главнейших трудах по части критической русской истории». В 1845 г. вышла работа А. В. Старчевского «Очерк литературы русской истории до Карамзина», которую можно рассматривать как первое монографическое сочинение по отечественной историографии. А. В. Старчевский пытался представить все основные исторические труды по истории России, ибо, считал он, «изучающий предмет добросовестно должен знать, что уже по этой части сделано, какие вопросы занимали наших изыскателей отечественной судьбы и как они смотрели на некоторые ее периоды».

В становлении историографии как специальной отрасли исторического знания большую роль играли лекции-обзоры исторической литературы, предварявшие чтение общих курсов по истории России. Начало этому положил М. Т. Каченовский в 1820-е гг. Курс историографии в Казанском университете в 1846/47 учебном году был прочтен Н. А. Ивановым, в Московском университете в 1848/49 учебном году — С. М. Соловьевым. Традицию чтения этого курса по всеобщей истории заложил Т. Н. Грановский. В 1868 г. В. С. Иконников прочел свою первую лекцию по историографии в Киевском университете; К. Н. Бестужев-Рюмин, затем А. С. Лаппо-Данилевский — в Петербургском; Д. И. Багалей — в Харьковском. Результат работы этих ученых в области истории науки — публикация монографий и исследований.

Во второй половине XIX в. историография представляла собой уже сложившуюся отрасль исторического знания со своим предметом и задачами исследования, пониманием своего места в исторической науке. Введением термина «историография» отечественная наука обязана профессору Нежинского юридического лицея И. В. Лашнюкову. В работе «Очерки русской историографии» он дал анализ летописей как первого историографического памятника.

В предмет историографии включали обзоры исторической литературы и исторических источников, научные биографии историков. Сложившееся представление об исторической науке логически привело к пониманию историографии как науки народного самопознания, что нашло свое выражение, в частности, в заголовке работы М. О. Кояловича. К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников поставили задачу изучения «учено-учебных» и научных учреждений, исторических обществ, археографических комиссий. Они включили в предмет историографии изучение исторических источников, исторической географии, хронологии, археологии и других исторических дисциплин.

Определились хронологические рамки изучения исторической литературы. Большинство ученых первым историческим сочинением считали летописи. Была дана периодизация развития исторических трудов в России. Так, Н. И. Надеждин выделял два этапа в изучении прошлого: докритический — от создания летописей до середины XVIII в., когда довольствовались «сказаниями наших предков», и критический (научный) — с середины XVIII в. С. М. Соловьев писал о трех периодах:

1) с древнейших времен до эпохи Петра I, когда исторические труды только начали появляться;

2) XVIII в., когда произошло соединение в народном сознании московского и петербургского периодов русской истории, что нашло отражение в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина;

3) XIX в., призванный «собрать воедино все части русской истории».

Появились первые классификации исторических знаний, направления и школы. Ученые разделялись по национальному принципу — русские и иностранные; по отношению к роли варяжского элемента в образовании государства на Руси — норманнисты и антинорманнисты; по способам «обработки русской истории», литературному стилю, целям изучения, методам исследования. Сложились понятия «скептическая школа», «государственная школа».

В качестве основного в историографии утвердился исторический подход. Чтобы оценить труд историка, писал С. М. Соловьев, надо «показать, каково же было отношение этого знаменательного труда к трудам предшественников, как удовлетворял он требованиям современников, и каково было его влияние на труды последующих». Пришло понимание того,

что историк работает в определенной общественной среде и обладает своей индивидуальностью. О влиянии на исторические сочинения эпохи, характера и социальной принадлежности ученого писали многие. Еще Н. М. Карамзин отмечал: «Каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю», а исследователь, «творец» истории, «всегда изображается в творении и часто против своей воли». Ю. Ф. Самарин, размышляя над тем, должен ли историк принадлежать к какой-нибудь партии, философской системе, приходил к выводу, что без этого сама наука существовать не может.

Об известной самостоятельности историографических исследований говорит и расширение специальных разделов в журналах — критика и библиография, хроника, новые книги, рецензии на выходящую литературу, в том числе историческую, дискуссии по наиболее актуальным проблемам прошлого и настоящего. Увеличивается количество справочной литературы, библиографических указателей. Появляются энциклопедические словари, например «Словарь» А. А. Плюшара, «Биографический словарь питомцев Московского университета».

По мнению Р. А. Киреевой, первым историком России, для которого историография стала доминантой, был К. Н. Бестужев-Рюмин. Одна из основ его исследований — историографический подход при анализе русских летописей, сказаний, юридических памятников и государственных актов. В духе времени ученый рассматривал историческую науку как науку самопознания. Развитие народа, его внутренняя история отражены в многочисленных историографических статьях Бестужева-Рюмина: «Современное состояние русской истории как науки», «Различные направления в изучении русской народности», «Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе», в серии научных портретов русских историков XVIII и XIX вв. Значение трудов Бестужева-Рюмина, по выражению Ключевского, заключалось в том, что он представил историю «работы мысли над русской историей».

Среди историков — специалистов в области изучения истории науки — обращает на себя внимание **Михаил Осипович Коялович** (1828—1891), доктор богословских наук, профессор Петербургской духовной семинарии, известный историк церкви, автор работ «Литовская церковная уния» (1859—1861), «История воссоединения западно-русских униатов»

(1873) и др. Широкую известность Коялович приобрел после выхода труда по русской историографии — «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884). В этой работе он выразил свой взгляд на освещение истории России в исторической литературе. Хронологически книга охватывает период с появления первых исторических памятников — былины, летописей, исторических трудов А. М. Курбского, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова до И. И. Костомарова и В. О. Ключевского, рассматриваемых автором как этапы становления русского самосознания. Свои славянофильские позиции Коялович отстаивал в дискуссиях с другими историками, со своими предшественниками и современниками. Для него главный принцип в осмыслении историографического материала — «субъективный, известный угол зрения», особенно в области «дорог и путей» освещения русской истории. Подчеркивая субъективный характер исторического знания, ученый считал важным четко осознавать и обозначать свою позицию, в этом случае «все мы и вернее будем идти к истине, и скорее сойдемся на этом пути друг с другом, при всех наших русских субъективизмах, конечно, научных и честных...».

Историография была одной из главных сфер научной деятельности профессора Киевского университета, с 1914 г. действительного члена Академии наук **Владимира Степановича Иконникова** (1841—1923). В лекциях по русской историографии, в статьях о И. Н. Болтине, А. Л. Шлёцере, Н. Г. Устрялове, О. М. Бодянском, об исторических взглядах Екатерины II и А. С. Пушкина, в работах «Очерки разработки русской истории в XVIII в.» (1867), «Общий взгляд на развитие науки русской истории» (1868), «Скептическая школа в русской историографии и ее противники» (1871) он представил общую картину изучения истории, наметил и дал характеристику отдельным направлениям и школам, попытался связать развитие исторических знаний с конкретно-историческими условиями жизни страны.

Обобщающий труд Иконникова по отечественной историографии — работа «Опыт русской историографии» (1891). В ней ученый вывел историографию как историю исторической науки за рамки изучения исторических сочинений и концепций. Он полагал, что историография должна изучать разные компоненты, без которых не может существовать и развиваться сама историческая наука, поэтому включил в свое сочинение информацию об источниках по русской

истории, их собирании, издании, использовании, месте хранения. Каждый раздел книги заканчивается библиографическими сведениями. В. С. Иконников впервые ввел в практику исследования изучение истории исторических учреждений, исторических обществ, периодических исторических изданий, деятельности правительства и др. Его работа уникальна по широте привлеченного материала. Автор рассматривал общие вопросы исторической науки: предмет истории, ее положение в ряду других наук, влияние национальных черт на историков и их работы. «Опыт русской историографии» — первый обобщающий труд такого рода в отечественной литературе. Это замечательный по своей полноте справочник по истории исторической науки в России, не потерявший своего значения до настоящего времени.

В своей теоретико-методологической основе русская историческая наука 60—80-х гг. XIX в. прошла путь от увлечения немецкой классической философией до позитивизма. Для нее было характерно творческое восприятие их идей в соответствии с задачами, которые стояли перед отечественной наукой. Достижением исторической науки явилось включение в научно-познавательный процесс новых проблем, в том числе изучение быта, характера, общественной организации народа, его различных слоев. С одной стороны, продолжала развиваться государственная концепция русской истории, с другой — были сделаны попытки представить иной взгляд на историю России, отражающий современные потребности и интересы общества.

Активное накопление источников поставило вопрос о разработке методов работы с ними, что определило развитие источниковедения. Необходимость осмысления опыта предшествующей науки повлекла за собой становление историографии как самостоятельной исторической дисциплины. Происходила внутренняя специализация — наука шла по линии выделения отечественной и всеобщей истории, групп стран (византиноведение, востоковедение, история Франции, Англии и др.).

Историческая наука стала делом профессионалов-историков, владеющих передовыми для того времени теориями и методами исследования. При этом историки поддерживали тесную связь с общественной мыслью и делали попытки поставить науку на службу российскому обществу. Расширилась и углубилась исследовательская практика.

Источники

Беляев, И. Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе / И. Д. Беляев. — М., 1879.

Бестужев-Рюмин, К. Н. Биографии и характеристики / К. Н. Бестужев-Рюмин. — СПб., 1882 (М., 1997).

Бестужев-Рюмин, К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века / К. Н. Бестужев-Рюмин. — СПб., 1868.

Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. В. Ренников, М. А. Емельянов (Лукияничков). — М., 2010.

Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии : в 2 т. / И. Е. Забелин. — М., 1862 ; 1872.

Иконников, В. С. Опыт русской историографии : в 2 т. / В. С. Иконников. — К., 1891—1892 ; 1908.

Иловайский, Д. И. История России : в 5 т. / Д. И. Иловайский. — М., 1876—1906.

Костомаров, Н. И. Исторические монографии и исследования : в 2 кн. / Н. И. Костомаров. — М., 1989.

Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей : в 3 кн. / Н. И. Костомаров. — М., 1990—1991.

Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — СПб., 1884 (1997).

Щапов, А. П. Соч. : в 3 т. / А. П. Щапов. — СПб., 1906—1908.

Рекомендуемая литература

Балуев, Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» / Б. П. Балуев. — М., 1999 (Тверь, 2001).

Вакулина, Е. Н. Исторические взгляды И. Д. Беляева / Е. Н. Вакулина. — М., 1990.

Ефремов, А. В. Борьба за историческую концепцию Н. Я. Данилевского в оценке современников / А. В. Ефремов. — М., 2006.

Иллерицкая, Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века / Н. В. Иллерицкая. — М., 1998.

Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. — М., 1996.

Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001.

Киреева, Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века / Р. А. Киреева. — М., 1990.

Киреева, Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года / Р. А. Киреева. — М., 1983.

Маджаров, А. С. Афанасий Прокопьевич Щанов: История жизни (1831—1876) и жизнь «Истории» / А. С. Маджаров. — Иркутск, 1992 ; 2005.

Малинов, А. В. К. Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов / А. В. Малинов. — СПб., 2005.

Пивоваров, Ю. С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке / Ю. С. Пивоваров // Мир России. — М., 1992. — Т. 1. — С. 163—224.

Пивоваров, Ю. С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия / Ю. С. Пивоваров. — М., 1997.

Формозов, А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. — М., 1984.

Цамутали, А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX века / А. Н. Цамутали. — Л., 1971.

Черепица, В. Н. М. О. Коялович: история жизни и творчества / В. Н. Черепица. — Гродно, 1998.

Чесноков, В. И. Правительственная политика и историческая наука России 60—70-х годов XIX века / В. И. Чесноков. — Воронеж, 1998.

Шаханов, А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века / А. Н. Шаханов. — М., 2003.

Глава 13

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Василий Осипович Ключевский (1840—1911) — историк, источниковед, историограф, создатель научной школы — занимает исключительное место в отечественной исторической науке и культуре. Его труды — «Курс русской истории», магистерская и докторская диссертации, спецкурсы по истории сословий в России, методологии, источникам и терминологии русской истории, лекции по историографии — стали классическими, до сих пор используются специалистами, навсегда вошли в отечественную историографию. Он был непревзойденным мастером исторических характеристик, художником, «за которым скрывается мыслитель».

Исследователь и педагог Ключевский заслужил признание представителей различных научных школ и направлений. В 1880-е гг. М. О. Коялович подчеркивал, что, изучая исторические явления, Ключевский «доискивался их в русском складе жизни на большой глубине»; это позволяло ему ставить, как правило, верный исторический диагноз. О «душевной сложности» Ключевского, в которой сплелись самые разнородные элементы русской стихии и общечеловеческой мысли, писал С. Ф. Платонов. Ученик Ключевского М. Н. Покровский, в будущем историк-марксист, резко критиковал концептуальные установки «буржуазных» и «мелкобуржуазных» историков, однако это не мешало ему высоко оценивать заслуги своих предшественников в лице Соловьева, Ключевского и других историков за введение в научный оборот огромной массы фактического материала, глубокое знание источников, научную добросовестность, литературное мастерство. Последующие поколения советских историков (М. В. Нечкина, Р. А. Киреева, Э. Г. Чумаченко) всесторонне раскрыли мировоззрение Ключевского, дали системный анализ его жизни и творчества.

В. О. Ключевский — один из наиболее известных в мире российских историков. Признавая заслуги ученого, Международный центр по малым планетам (Смитсоновская астрофизическая обсерватория, США) присвоил его имя одной из планет Солнечной системы (планета № 4560 — Ключевский).

13.1. Личность и творческий путь ученого

Родился В. О. Ключевский 16 января 1841 г. в селе Воскресенское Пензенского уезда Пензенской губернии. Его отец и оба деда (по отцовской и материнской линиям) были священниками. В 1850 г. отец трагически погиб, мать с двумя детьми переехала в Пензу, где семья ютилась в маленьком домике, который из сострадания к немущей вдове отдал священник — друг мужа. «Был ли кто беднее нас с тобой в то время, — писал позднее Ключевский сестре, — когда остались мы сиротами на руках матери».

Детские и юношеские воспоминания о годах, проведенных в деревенской глуши, а затем в провинциальной Пензе, среди русской природы и быта, близкого к сельскому, он пронес через всю жизнь. Именно тогда зародился у Ключевского интерес к истории. В ученические годы (Ключевский учился в Пензе в приходском духовном училище, в духовном уездном училище и в духовной семинарии) его любовь к истории окрепла. Уже со школьной скамьи он изучал труды Татищева и Карамзина, Грановского и Кудрявцева, Соловьева и Костомарова. Частные уроки, которыми Ключевский-семинарист зарабатывал себе на кусок хлеба, были его первым опытом педагогической деятельности.

В 1861 г., не окончив курс семинарии, Ключевский поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он с головой окунулся в занятия, с упоением читал своих «старых знакомых» — Саллюстия, Горация, Вергилия; с другими, писал Ключевский, «только что знакомлюсь, как с Геродотом, Гомером, Ксенофонтом. Славное знакомство». Будущий ученый старательно посещал лекции и читал труды специалистов по отечественной истории. Помимо обширной обязательной программы Ключевский под руководством Ф. И. Буслаева занимался сравнительной филологией и собирался связать с филологией свое будущее. Знаток классической древности П. М. Леонтьев предлагал ему остаться при кафедре римской словесности и древностей.

На последних курсах Ключевский взялся за изучение русской истории под руководством С. М. Соловьева, которого считал своим учителем. Для кандидатского сочинения была избрана тема по истории Московской Руси XV—XVII вв. с использованием записок иностранцев — слабо изученных в то время источников. «Сказания иностранцев о Московском государстве» стали первым опубликованным исследованием молодого историка.

В 1865 г. Ключевский с золотой медалью окончил Московский университет, его оставили при кафедре русской истории для подготовки к званию профессора. В 1872 г. он защитил в качестве магистерской диссертации монографию «Древнерусские жития святых как исторический источник». Спустя 10 лет, в 1882 г., Ключевский защитил докторскую диссертацию «Боярская дума Древней Руси».

Успешно складывалась научно-педагогическая и служебная деятельность ученого — 43 года он работал в Московском университете и других высших учебных заведениях (Александровское военное училище, Московская духовная академия, Училище живописи, ваяния и зодчества, Высшие женские курсы). Блестящий лектор, Ключевский пользовался огромным успехом у студентов. На протяжении всего научного и педагогического пути он активно занимался исследовательской работой, много времени и сил уделял поиску и анализу архивных материалов. В 1887 г. Ключевский был утвержден в должности декана историко-филологического факультета, в 1889 г. — помощника ректора Московского университета (в декабре 1890 г. тяготившийся административной работой, он подал прошение об увольнении). В 1893 г. ученый возглавил Общество истории и древностей российских при Московском университете. В 1899 г. Ключевский был избран членом-корреспондентом Академии наук, в следующем году — академиком, в 1908 г. — почетным академиком по разряду изящной словесности.

По своим общественно-политическим взглядам Ключевский был либералом с четко выраженной антидворянской позицией. Это видно по его записям в дневниках: «Русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц», «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время». Но это записи «для себя». Отношение Ключевского к официальной власти неизменно оставалось весьма критическим, тем не менее, он проявлял лояльность к самодержавию, избегал активного

участия в общественно-политической деятельности. Лишь в годы Первой русской революции ученый принял участие в Петергофском совещании, выступая на котором выразил надежду, что через Думу правительство поймет «душу народа». В 1905—1906 гг. он входил в состав правительственных комиссий: по разработке нового цензурного устава, пересмотру Основных государственных законов, об учреждении Государственной думы. В начале 1906 г. Ключевский неудачно баллотировался в выборщики в Первую Государственную думу по списку конституционно-демократической партии. Избранный в конце 1906 г. от Академии наук и университетов членом Государственного совета, он отказывается от почетного звания, мотивируя свое поведение тем, что в Совете не будет чувствовать себя независимым в обсуждении вопросов государственной жизни. Главным делом для Ключевского всегда оставалось изучение истории. Без ее знания, считал ученый, «мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу».

13.2. Теоретические основы исторического процесса

Теоретические основы исторической концепции Ключевского отражали методологические искания научной мысли второй половины XIX в. Уже в первых его работах отчетливо проявился новый подход к исследованию одной из ключевых проблем, занимавших умы представителей «государственной школы», — роли государства в истории, идеи государства как наивысшего выражения «народного духа». Для них главным научным интересом была история государства — его происхождение, развитие и национальные особенности, а доминирующими источниками — акты государственной власти, официальные памятники законодательства, дипломатические документы. Для Ключевского, отмечала исследователь творчества историка Р. А. Киреева, «наибольший интерес представляли общественные группы и классы, повседневная жизнь народа, внутренние процессы, которые приводят в движение исторические силы, т.е. социально-экономические проблемы». Он признавал историческую неизбежность возникновения государства, но не считал его движущей силой обществен-

ного прогресса. Заимствуя у представителей «государственной школы» основные темы — роль географической среды, проблему колонизации, интерес к истории учреждений, Ключевский ставил и освещал их по-иному, новаторски. Другим был и круг источников, в том числе архивных, впервые введенных им в научный оборот.

От С. М. Соловьева Ключевский воспринял идею о значении географической среды в историческом развитии народа. Однако в отличие от своего учителя он не сводил географический фактор к антитезе степи и гор, дерева и камня, а постоянно прослеживал воздействие природных условий на народную жизнь. Значение природно-географического фактора ученый подчеркивал во всех своих основных трудах.

С учетом природных условий Ключевский раскрывал психологический тип великоросса. Такой подход сближал его с А. П. Щаповым. Но если последний пытался найти решение вопроса в физиологическом воздействии географических условий как на отдельного человека, так и на целое общество, Ключевский эти условия рассматривал как внешний фактор. По его мнению, оформление психологического типа великоросса происходит в процессе колонизации.

Позитивизм Ключевского определял его подход к изучению вопросов социальной и экономической истории, что не соответствовало исходным позициям представителей «государственной школы». Это видно уже по характеру тех источников, к которым обращается исследователь. Уделяя первостепенное внимание изучению быта, материальных условий народной жизни, ее идеологических проявлений, Ключевский анализировал сначала «Сказания иностранцев», затем «Древнерусские жития святых». На основе этих произведений, а не официальных источников — летописей и актового материала — ученый раскрывал «быт местного мирка... со своими нуждами и болезнями, семейными непорядками и общественными неурядицами».

Интерес Ключевского к социальной истории получил отражение во многих его исследованиях — в докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси», в статьях «Происхождение крепостного права в России», «Подушная подать и отмена холопства в России», «История сословий в России», «Состав представительства на земских соборах Древней Руси», «Отмена крепостного права» и др. Внимание ученого было сосредоточено главным образом на изучении истории правящих классов и крестьянства. Что же касается «торгово-промыш-

ленных групп Древней Руси», буржуазии и пролетариата, — о них он писал значительно меньше. По мнению историка и философа русского зарубежья Г. П. Федотова, это является свидетельством того, что социальная тема возникла у Ключевского не из европейской социальной борьбы, а имеет более глубокие, народные и вместе с тем личные корни: по условиям своего рождения и воспитания он «был, как бы, предназначен к тому, чтобы увидеть историю России в классовом разрезе».

В. О. Ключевский рассматривал исторический процесс как развитие общественных классов, роль и взаимоотношения которых менялись в связи с экономическим и политическим положением страны. Представители «государственной школы», историки-юристы М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич и др., выступили против его теоретических построений. Однако большинство специалистов восприняли новую схему русской истории, представленную в работе «Боярская дума Древней Руси», с интересом и одобрением. «Многие главы его книги положительно блестящи, — писал в то время студент, впоследствии академик С. Ф. Платонов, — а сама книга — целая теория, сплошь выходящая из пределов темы, близкая к философскому осмыслению всей нашей истории».

Историческая концепция Ключевского сложилась в процессе чтения курса лекций по русской истории, сначала в Москве на Высших женских курсах и в Московской духовной академии, затем — в Московском университете. Г. П. Федотов писал в 1931 г., что курс Ключевского, «как его знает наше поколение», сформировался в самом начале 1870-х гг. И уже «не только историческое мировоззрение Василия Осиповича, но и видение им русской истории было вполне законченным и цельным к началу семидесятых годов».

С подобным утверждением можно согласиться лишь частично. Сам Ключевский неоднократно говорил, что его «Курс русской истории» — это непрерывно идущая вперед работа, которой необходима обработка и переработка. И действительно, его историческая концепция, оставаясь неизменной в главном, постоянно совершенствовалась, чему, безусловно, способствовали систематические занятия ученого в архивах, изучение отечественной и зарубежной исторической и философской литературы, напряженная научно-исследовательская работа. Лишь в начале 1900-х гг. Ключевский принял решение об издании своего «Курса русской истории».

С первых лекций Ключевский уделял особое внимание вопросам методологии. Постепенно он создал стройную систему

курсов, включавшую общий курс русской истории и пять спецкурсов, которые читал по строгому плану. Открывал цикл теоретический курс «Методология русской истории». Это был первый в России опыт подобного курса методологического характера, и уже в этом состоит его непреходящая историографическая ценность. Из многих поднятых в курсе проблем выделим три.

Во-первых, Ключевский неоднократно писал о неразрывной связи изучения русской (местной) истории с общеевропейской. Обязательность подобного подхода, указывал ученый, определяется тем, что метод изучения русской истории может быть выработан только в связи с обобщениями всеобщей истории, выведен из метода общесторического изучения.

Во-вторых, ученый утверждал, что предметом исторического изучения является исторический процесс, «историческое движение». При этом в понятие «движение» он включал «силы, его производящие, свойства предметов, движимых этими силами, и порядок, или последовательность, самого движения». Он подчеркивал разницу между терминами «движение» (или «процесс») и «прогресс». Первый — это простое, не квалифицированное механическое понятие. Второй — квалифицированное движение, подразумевающее движение к лучшему, последовательный успех человеческого общежития. Однако этот успех подлежит сомнению, так как не имеет достаточной очевидности. Следовательно, «исторический прогресс есть термин, который ничего не определяет в ходе исторического движения». В связи с этим Ключевский предпочитал говорить не о «прогрессе», а об успехах людского общежития, о приобретениях культуры или цивилизации.

В-третьих, изучив исторические теории ряда европейских ученых, Ключевский пришел к выводу, что «теории, с одной стороны, шире, а с другой — уже истории». Проявляется это в том, что они показывают, откуда и куда идет история; для историка же важнее всего изучение самого процесса движения, того, как совершается движение. «Я хочу сказать, — подытоживал Ключевский, — что философия истории и история — это две различные сферы ведения, которые никогда не сойдутся: здесь господствуют различные начала и различные методы изучения: философия истории есть философия, а не история; история, следовательно, должна быть сама собой, не переходя в философию». В то же время глубокое знание историком философии истории, методов исторического

познания имеет крайне важное значение, позволяет не ограничиваться описанием исторического процесса. Задача исторического изучения — дать указание «доступной наблюдению связи и преемственности явлений, не восходя к исходному пункту этих явлений и не спускаясь к конечным их целям».

Для Ключевского существовала разграничительная линия между историей и философией истории. Такая позиция ученого вызывала немало споров и критику в его адрес.

Теоретические положения, развитые Ключевским в 20 лекциях спецкурса «Методология русской истории», в целом философская основа его концепции, были кратко изложены в четырех вступительных лекциях первого тома изданного в 1904 г. «Курса русской истории». Среди них понимание «местной» (т.е. национальной) истории как части всемирной, «общей истории человечества»; признание содержанием науки истории исследование исторического процесса, иначе говоря — хода, условий и успехов «человеческого общежития или жизни человечества в ее развитии и результатах»; выделение трех основных исторических сил, которые «строят людское общежитие»: «человеческая личность, людское общество и природа страны». Относительно истории общества ученый полагал, что ее изучение составляет особую отрасль исторического знания: науку об обществе, историческую социологию, «наиболее обильный материал для которой дает изучение местной истории».

Новаторская идея Ключевского, выраженная в его концепции, заключалась в необходимости анализировать внутренние социально-экономические процессы и взаимоотношения различных слоев общества на том или ином этапе его развития. При таком подходе внешняя политическая история государства отступала на второй план, уступая место исследованию хозяйственной жизни страны, ее экономики и торговли.

Основным фактом русской истории Ключевский считал колонизацию: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней... Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке». Как известно, идею колонизации ученый воспринял от С. М. Соловьева, дополнив и развив ее на обширном конкретно-историческом

материале. В дальнейшем эту идею развивали ученики Ключевского. Наиболее полным исследованием на эту тему является монография М. К. Любавского, написанная в 1920-е гг., «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» (впервые издана в 1996 г.).

13.3. Исследования по социальному и экономическому строю общества

По мнению многих ученых — современников Ключевского, он положил начало социально-экономическому направлению в отечественной историографии. В. О. Ключевский неоднократно, особенно в 1870—1880 гг., исследовал различные аспекты истории социальной и хозяйственной деятельности России, в частности, в работах «О хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря» (1867), «Жития святых как исторический источник» (1872) (о монастырской колонизации), «Русский рубль XVI—XVIII вв. в отношении к нынешнему» (1884) и др. Наиболее крупная работа Ключевского по социальной тематике — его докторская диссертация «Боярская дума Древней Руси» (1881), где раскрывалась социальная природа Думы, история формирования и взаимодействия классов, их место в политической структуре российского общества; не случаен подзаголовок работы — «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества».

«В истории общественного класса, — считал ученый, — различаются два главных момента, из которых один можно назвать экономическим, другой политическим». По мнению историка, классы могут формироваться волей правительства (сверху) или экономическими процессами (снизу). Классы разделяются между собой «родом капитала, которым работает каждый». Господствующий капитал является источником власти, его владельцы образуют политическую силу. Отсюда один из тезисов Ключевского — политический факт вытекает из экономического. Другой порядок образования классов — политические формы — определяют направление хозяйственной деятельности народа. Здесь экономический фактор следует за политическим. До XV в. в российских землях преобладал первый вариант образования классов. В XV—XVI вв. потребности внешней обороны создают вооруженный класс (дворянство), которому передается земледельческий капитал. Таким образом, Ключевский пошел дальше своих

предшественников и современников, в том числе представителей «государственной школы», — он обратил внимание не только на политическую волю правительства в формировании классов, но и на экономические его основы. Думу он считал законодательным учреждением, которое регулирует все отношения в стране, — это «маховое колесо, приводящее в движение весь правительственный механизм». Более того, Боярская дума, по Ключевскому, является «конституционным учреждением с обширным политическим влиянием». Упадок Думы историк связывал с «одряхлением» боярства на рубеже XVII—XVIII вв.

Проблемы, поставленные Ключевским в монографии «Боярская дума Древней Руси», получили дальнейшее развитие в работе «Состав правительства на земских соборах Древней Руси» (1890), что было актуально в условиях проведения контрреформ 1880-х гг. «Состав правительства на земских соборах Древней Руси» — первый обобщающий труд о земских соборах. Социальная тематика отражена в специальных курсах «Терминология русской истории» и «История сословий в России». В первом Ключевский проследил содержание терминов политических, юридических и экономических в их развитии с древнейших времен до XVII в. Во втором, развивая положения «Боярской думы» о формировании классов и сословий, историк показал их эволюцию. Взаимоотношения общественных классов находились в центре внимания ученого при изложении курса русской истории, представленной им как социально-исторический процесс. Эта проблема рассматривалась как один из факторов развития российского общества. История сословий «вскрывает нам два наиболее скрытые и тесно связанные друг с другом процесса: движение сознания общих интересов и высвобождения личности из-под сословного гнета во имя общего интереса».

Вопрос о крепостном праве давно занимал историческую науку. Источник его видели в правительственных указах, на основании чего была сформулирована так называемая «теория указного закрепощения» сословий. В. О. Ключевский, признавая в целом положение историков «государственной школы» о постепенном всеобщем закрепощении сословий, а затем об обратном процессе — раскрепощении, отошел от этой схемы. Он впервые в отечественной исторической науке обратил внимание на экономическую основу крепостного права. В статьях «Крестьянский вопрос накануне законодательного его возбуждения», «Право и факт в истории крестьянского

вопроса» (1881), «Происхождение крепостного права в России», «Подушная подать и отмена холопства в России» историк сформулировал так называемую теорию «безуказного» закрепощения крестьян: «Крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства, последнему принадлежат не основания права, а его границы».

Крепостное право определялось частно-правовым моментом, развивающимся на основе экономической задолженности крестьян землевладельцам. «Бродячесть, безземелье и недостаток земледельческого капитала привели к тому, — писал Ключевский, — что уже в XVI в. большинство крестьян на землях крупных землевладельцев было без шума, незаметно закрепощено путем долгового обязательства». В начале XVII в. уже действовали все экономические условия неволи владельческих крестьян, но юридической нормы их крепости еще не было. Она оформилась, по мнению Ключевского, когда по порядной записи крестьяне были лишены права отказа от своих обязательств в отношении землевладельца. Крестьяне стали лично зависимыми. Государство в целях обеспечения своих потребностей санкционировало поземельное прикрепление крестьян по закону. Историк обратил внимание на нравственную сторону установления крепостного права. Оно «глубоко понизило уровень нашей гражданственности» и надолго задержало рост народных сил, дало «уродливое направление всей русской культуры». Таким образом, Ключевский одним из первых признал обусловленность исторического процесса социальными, экономическими и другими факторами.

13.4. Концепция русской истории

В «Курсе русской истории» в полном виде представлена историческая концепция Ключевского, раскрывающая особенности истории России. Ученый показал, как действуют основные исторические силы, как они строят государство и общество, каковы люди, руководившие их строением, что при этом приходится переживать народу, а также преемственность идеи единства русской земли и церкви.

Основным фактором русской истории он считал процесс колонизации. Все другие (прежде всего политические и экономические) состояли с ним в близкой или отдаленной связи, были важными показателями умственной и нравственной

жизни, в которых получила практическое воплощение главная идея русского народа — идея государства. Эти факторы давали возможность, по определению Ключевского, проследить, «как вырабатывалось в практике жизни и выяснялось в сознании народа понятие о государстве и как это понятие выражалось в идее и деятельности верховной власти, как в связи с ростом государства завязывались и сплетались основные нити, образовавшие сложную ткань нашей народности».

Русскую историю он делил на периоды в соответствии с народными передвижениями (колонизацией), а также с развитием политической, социальной и экономической сторон исторического процесса. В каждом периоде основные элементы общежития находились в разном сочетании, которое определялось «свойствами страны» и внешними обстоятельствами. Ряд стоянок, которыми прерывалось движение русского народа и на которых общежитие отличалось от предыдущих, — это ряд периодов:

- первый (VIII—XII вв.) — Русь Днепровская, городо-вая, торговая;

- второй (XIII — середина XV в.) — Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, волебно-земледельческая;

- третий (середина XV — начало XVII в.) — Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая;

- четвертый период (начало XVII — середина XIX в.) — всероссийский, императорско-дворянский, крепостнический, земледельческий и фабрично-заводской.

В *первый период* у обосновавшейся на Днепре восточной ветви славян начал складываться новый уклад общественной жизни. Связующим началом явился экономический (торговый) интерес. Торговые города стали центрами объединения. Из их союза образовалось великое княжество Киевское — древнейшая форма Русского государства. Однако в Киевской Руси действовали племенные, экономические, социальные и церковно-правственные, но не политические связи. Население русской земли до середины XI в. было связано «механически» — элементом единства выступал княжеский род и территориальные пределы, а не национальные особенности народа. Постепенно «завязывалось» земское, народное единство. Нитями, из которых сплелось это единство, были интересы, права и отношения, еще не успевшие облечься в твердые законы и учреждения. Единого государства, как и русского народа, не было, полагал Ключевский, пока оно цеплялось еще за территориальные пределы земли,

а не за национальные особенности народа. Речь шла о русской земле, но не о русском народе. Зарождение русского народа связано с формированием идеи о русской земле как «об общем делании, как о деле неизбежном, обязательном для всех и каждого», о государственном единстве и религиозно-нравственном служении. Этот процесс, подчеркивал ученый, был медленным и сложным. Он не прерывался и в XII в., когда возникло новое явление, которое Ключевский обозначил понятием «политическая раздробленность». Русская земля начала распадаться на обособленные друг от друга земли, но, несмотря на это, сохранилась племенная общность областей, единство земское, экономическое, духовное. Киев как великокняжеский престол остался церковно-православным центром.

Для *второго периода* характерно массовое переселение и колонизация района Верхней Волги. Главными становятся этнографические, политические, экономические и социальные факторы. Устанавливается новый порядок — удельная система. Ее «руководителями и устроителями» становятся наследственные владельцы: вотчинники, удельные князья. Отношения между князьями строятся на личном интересе.

Отток населения из Приднпровья в район Верхней Волги Ключевский объяснял тремя причинами: экономическим и политическим принижением низших классов, княжескими усобицами, половецкими нападениями. Этнографическим последствием этого процесса было деление русской народности надвое — южнорусов и великорусов.

В удельные века, писал Ключевский, само понятие «народ» определялось как политический и нравственный союз. Существовали территориальные землячества — тверское, московское, новгородское и профессиональные общественные цехи бояр и вольных слуг, невольных, тяглых, черных плательщиков, посадских и сельских. Историк рассматривал удельную систему как переходную форму на пути русской земли к единству политическому. Несмотря на раздробленность и иноземное иго в народе сохраняются идеи единства церкви и нравственных начал, которые способствовали собиранию земель в нечто целое и роли в этом процессе Московского княжества.

Завершение территориального объединения земель Северо-Восточной Руси под одной властью — главное явление *третьего периода*. Создание Московского государства явилось воплощением национальной идеи единства, приобрело, писал историк, «характер народного, патриотического подвига».

В силу внутренних трудностей и давления внешних обстоятельств Московское государство, отмечал Ключевский, имело три особенности: первая — ярко выраженный боевой характер, предопределенный борьбой на Западе за национальное единство, на юго-востоке — за христианскую цивилизацию; вторая — тягловый, неправовой характер внутреннего управления с резко выраженными сословиями, каждое сословие было обязано работать на государство, кормить или оборонять его; третья — верховная власть с неограниченным пространством действия и с «нерешенным вопросом об отношении к собственным органам».

Власть в Московском государстве осуществлялась при содействии боярства. Основу народного хозяйства по-прежнему составлял земледельческий труд вольного крестьянства, работавшего на государственной или частной земле. Государственная земля все более сосредоточивалась в руках нового класса, создаваемого государством, а свобода крестьянского труда все более стеснялась. Частные отношения права регулировались борьбой личных интересов.

Так «вековыми усилиями» и жертвами образовалось Российское государство, равного которому, замечал Ключевский, по составу, размерам и мировому положению не было со времени падения Римской империи. Но народ, создав это государство, «по своим духовным и материальным средствам еще не стал в первый разряд среди других народов Европы, еще не развернулся в полной мере».

Четвертый период русской истории насыщен важнейшими событиями: значительным расширением территории, утверждением на престоле новой династии, окончательным закрепощением земледельческого населения, началом развития фабрично-заводской промышленности, формированием нового правительственного класса — дворянства, ростом сословного неравенства. В этот период произошло объединение всех частей русской народности, соединение их под единой властью — была образована Российская империя, единое, централизованное государство.

До Смуты, по мнению Ключевского, государство мыслилось в народном сознании только при наличии государя, воплощалось в его лице и поглощалось им. Смута показала, что государство может какое-то время быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа. Народ, прежде служивший «простым строительным материалом», своими силами успешно предотвратил попытки разрушить

Русское государство, избрал новую династию и выступил деятельным участником государственного строения. Народная самодеятельность, вызванная Смутой, закрепились во всеобщем Земском соборе.

Обращаясь к Петровской эпохе, Ключевский подчеркивал, что общие идеи преобразований были высказаны уже в XVII в. Петр I «не выскочил на историческую сцену неожиданно-негаданно», а осуществлял те преобразования, необходимость которых была осознана ранее. Однако проводил он их по-своему. Реформы в финансовой, экономической, социальной сферах проводились одновременно с военными действиями. В целом реформы Петра I имели «сиюминутный» характер, были, по сути, военно-финансовыми и, по мнению ученого, не обогатили и не просветили народ, не сделали более сильным государство.

В. О. Ключевский полагал, что Петр I близко подошел к идее правового государства, но обстоятельства и привычки помешали ему провести свои идеи в жизнь. Он подчеркивал слабые стороны императора, которые тот унаследовал от своих предшественников, особенно два политических предрассудка: веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения. В. О. Ключевский был убежден, что самовластье само по себе противно как политический принцип и его никогда не признает гражданская совесть.

Екатерина II, несмотря на стремление действовать в национальном и благодушно-либеральном духе, учитывая интересы всех сословий, на практике с особым вниманием относилась только к дворянам. Суть ее политики Ключевский определил как ту же деспотию, только смягченную приемами, европейски прикрашенную законами, «которые не исполнялись, и учреждениями, которыми распоряжались лица».

В конце XVIII — начале XIX в. были созданы условия перехода к новому государственному устройству, а именно: завершен процесс собирания территорий, произошли национальное объединение русских земель и начало сближения различных классов общества, уравнивание их перед законом. Главной опорой правительства стали, по Ключевскому, чиновничество и дворянство.

Характеризуя императоров XIX в. и их деятельность, ученый был сдержан и осторожен. Так, в четырех последних лекциях «Курса русской истории», посвященных царствованиям Александра I и Николая I, а также отмене крепостного права

и земской реформе при Александре II, изложены основные направления политики России, но не так подробно, как в годы предыдущих царствований. Все начинания Александра I в области внутренней политики, по мнению Ключевского, были безуспешны, их итогом стала «катастрофа 14 декабря», вызванная умонастроениями просвещенной дворянской молодежи под влиянием победы в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походов. Это событие, внешне сходное с дворцовыми переворотами XVIII в., имело совершенно другой характер: целью декабристов было установление в стране нового государственного порядка, а не возведение на престол того или иного лица. Политическая программа Николая I преследовала цель поддержать существующий порядок путем усложнения механизма государственного управления. Такая политика царя привела к усилению бюрократической централизации.

Александр II в известной степени удалось решить два насущных вопроса, стоявших в повестке дня государства: отменить крепостное право и восстановить прерванную прежде совместную деятельность сословий «в делах политического и хозяйственного быта России». Вместе с тем, оценивая реформу 1861 г., Ключевский подчеркивал ее существенные недостатки, сплетение в ней настоящего и прошлого: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина преображала реформу». «Освобождение народного труда» реформа запутала столькими «узлами», что экономическое будущее страны поставлено под сомнение. Причину такого «юридического недоразумения» он связывал с неразрешенностью аграрного вопроса, т.е. сохранением земли у дворянства.

С воцарением Николая II, по Ключевскому, начался новый период русской истории, но он не может быть предметом изучения для современников в силу невозможности представить его последствия. Отношение ученого к современности было тесно связано с пониманием им существа исторического развития России — воплощения национальной идеи единства государства, гражданского и политического равенства, всеобщего благоденствия.

Одной из главных в отечественной историографии была проблема соотношения развития Западной Европы и России. В. О. Ключевский рассматривал отечественную историю, с одной стороны, как органическую часть всемирного исторического процесса, с другой — как уникальное явление.

В России наблюдается, писал он, действие тех же сил и элементов общежития, что и в других европейских обществах, но в своеобразном их сочетании — с неодинаковой напряженностью. Они проявляются в другом подборе, принимают иные размеры, обнаруживают свойства и характер народной жизни, собственные темпы. Оригинальность России проявляется в «сравнительно медленном» развитии, «сравнительно простоте» общественных институтов.

В Западной Европе были более резкие сословные очертания и сложные общественные формы, но достигались они быстрым и простым путем, тогда как простые общественные формы в России создавались процессом продолжительным и сложным. Наше общество, по словам Ключевского, шло путем, напоминающим «наши проселочные дороги». Феодальные отношения и удельные времена имеют сходные черты, но основания их различны. Феодализм в Европе был результатом развалившейся империи Карла Великого. Удельный порядок в России сложился не на развалинах предыдущего, не в пределах Киевской Руси, а «сбоку» ее, в соседнем окско-волжском междуречье, как новое политическое образование.

Не обошел вниманием Ключевский и проблему западного влияния на историко-культурный процесс в России. Под «влиянием» он имел в виду осознание российским обществом «превосходства культуры влияющей» и необходимости у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя не одни только «житейские удобства», но и основы «житейского порядка», взгляды, понятия, обычаи.

Для историка было важным определить силу влияния западноевропейской общественной и научной мысли на русскую. Оно, писал ученый, поддерживало «охоту к историческому размышлению», оттачивало сознание, являлось «гимнастикой для нашего ума». По его мнению, западное влияние на Россию начинается с XVII в., когда русское общество осознало несостоятельность существующего порядка, самих его оснований, скудность собственных материальных и духовных средств и «широко раскрыло двери иноземному влиянию».

Петр I начал «широкою рукою забирать практические плоды европейской цивилизации», но мы, писал Ключевский, «призвали к себе западную культуру, насколько в ней нуждались». После Петра «стали отдаваться ее влиянию настолько, насколько она нам нравилась». Постепенно влияние Запада захватило человека и как личность, и как гражданина.

Средства европейской культуры попали, полагал Ключевский, в руки немногих тонких слоев общества и были обращены не на пользу стране, они извратили русскую культуру. Лучшие представители дворянства способствовали выработке своего национального самосознания.

В начале XIX в. пришло понимание необходимости изменить пассивное усвоение плодов чужого ума, приложить европейские идеи к русской действительности. Для этого потребовалось искать идеи в прошлом Отечества. Результаты поисков выразились, в частности, в складывании таких течений, как западники и славянофилы.

По мнению Ключевского, проблема заключалась не в самом влиянии, а в направлении, какое оно получило, не в том, что оно нам приносит, а в том, что и как мы из него воспринимаем, что воссоздается самим обществом. Влияние, вызываемое самим обществом, воспринимается незаметно, органически.

13.5. Исторический источник и историография

«Наша история еще покоится на архивных полках и едва начинает двигаться оттуда», — писал Ключевский. Большую роль в этом движении играл сам ученый, который был неутомимым исследователем и знатоком источников. Он продолжил работу своего учителя С. М. Соловьева по сбору фактического материала, постоянно работая в различных архивах. В своих первых работах «Древнерусские жития святых как исторический источник», «Сказания иностранцев о Московском государстве», в исследованиях о крепостном праве, в рецензиях на работы своих современников, в специальных исследованиях о летописях, Русской Правде и Псковской Правде он обращался к различным источникам. В. О. Ключевский обратил внимание на деятельность известных исследователей и собирателей источников П. М. Строева, Я. И. Бередникова, археографических экспедиций и комиссий. Он не представлял себе историка без знания источников, без умения работать с ними и извлекать из них информацию.

В. О. Ключевский разработал специальный курс «Источники русской истории», где обобщил опыт своих предшественников и собственный опыт. В курсе он не только охарактеризовал различные виды источников (летописи и хронографы, сказания и повести, виды актов, статистический и археографи-

ческий материал), но и определил методику и методы их анализа. Ученый отмечал трудности работы с каждым из них, определил задачи исторической критики в зависимости от видов источника и задач, поставленных исследователем. Особого внимания требовали древнерусские летописи — толкование текстов различных редакций, памятники, отражавшие правительственную деятельность, частные юридические акты.

Они должны были быть систематически изучены для определения их значения в разработке тех или иных проблем. Ключевский развил положения своих предшественников о необходимости филологической критики, особенно древнейших русских памятников. Сложность работы с ними, подчеркивал историк, заключается в «утрате обильного логического запаса народной речи» и в быстром «изменении смысла тех или иных понятий».

В спецкурсе «Терминология русской истории» ученый блестяще решил задачу выяснения смысла политических, экономических, социальных, бытовых терминов с древнейших веков до XVII в. «Изучая термины, — подчеркивал ученый, — мы будем пытаться составить схемы, которые бы представляли процесс развития явлений этого порядка». Так, термин «русь» он рассматривал как понятие этнографическое (племя), социально-политическое (сословие), географическое (область) и как государственную территорию. Работа Ключевского с терминами не потеряла своего значения и для современных историков.

Для Ключевского чрезвычайную важность представлял реальный исторический факт, его содержание и возможность использования. Он подчеркивал необходимость фактической критики, которая должна «определять угол преломления действительности в источнике», т.е. степень влияния автора на характер представляемой информации. Торжество исторической критики, писал Ключевский, состоит в том, чтобы «выяснить не только то, что говорят люди известного времени, а подслушать то, о чем они умалчивают». Ученый владел такими приемами исследования, какие были недоступны большинству историков. Он вживался в эпоху, проникал в самую сущность предмета, мировоззрения, в чувства и настроения людей прошлого. Ключевский, отмечал М. М. Богословский, «оригинально анализировал факты, разлагая их на части, и комбинировал отдельные факты в стройные системы, которые обобщал затем в грандиозную общую схему своего курса; он открывал в исследуемых фактах новые, никем ра-

нее не замеченные черты, своеобразно их освещал, отыскивал причины и выводил следствия». Используемые приемы Ключевский определял как метод «народно-психологического» чутья. Особенностью его исследований является стиль изложения, отличающийся ясностью и четкостью определений, «художественной красотой», — работы ученого были понятны любому читателю.

В. О. Ключевский как истинный профессионал отличался бережным отношением к научным традициям. Обращаясь к студентам, он неоднократно повторял: «Мы несем с собой средства, выработанные нашими предшественниками». Знание этих средств, практические опыты предшественников особенно важны для начинающих историков. Историографии как специальной дисциплине посвящены его работы об историках, а также специальный курс. Опубликованный в собрании сочинений Ключевского курс историографии начинается с Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера. В предшествующих и последующих исследованиях начало историографии ученый связывал с летописями, которые рассматривал не только как источник, но и как историческое произведение.

В историографических работах Ключевский стремился проследить развитие исторических знаний с древнейших времен до своего времени. Критериями периодизации отечественной науки, по его мнению, могли быть: виды исторических работ (летописи, мемуары, записки современников, попытки систематического изложения истории), царствования (в XVIII в. петровская эпоха, елизаветинская, екатерининская), наиболее значительные труды (И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев). Определяющими для Ключевского были изменения, происходившие в жизни общества и в связи с этим в историческом мышлении: «При перемене в понятиях общества, разумеется, должны были произойти значительные перемены и во взглядах на задачи и приемы исторического изучения. Писание истории должно было смениться изучением ее; украшенное повествование о прошлом или откровение свету славных дел предков сменилось потребностью уяснить себе сам ход своего прошлого; патриотическое самопрославление уступило место национальному самосознанию».

Изменения в изучении прошлого ученый связывал с подходами к истории, с определением ее целей и задач, с формами исторических сочинений, методами исследования, принципами воспроизведения минувших явлений. В частности,

при сопоставлении летописей с многообразием научных знаний Ключевский отмечал, что для первых цель изучения прошлого — «удержать в памяти людей текущие события», наблюдать и изображать текущую жизнь в порядке движения, т.е. в хронологической последовательности, для историографии — восстановить в сознании людей смысл минувшего, объяснить происходящее, воспроизвести исторические явления в их внутренней связи, в непрерывном сцеплении причин и следствий.

Большое значение историк придавал переходным эпохам в развитии общества. Таким поворотным моментом для него была Смута, которая произвела переворот и в бытописании, и в представлениях о силах, управляющих миром. Исторический процесс перестал носить чудотворный таинственный характер и приобрел реальные фактические черты. Так, заключал он, совершился трудный переход русского бытописания от летописи к историографии. Однако это еще «не научное сознание, а поучение, назидание». Завершил данный период в русской исторической мысли, по Ключевскому, Карамзин. Его «История государства Российского» является рубежом целого периода в русской историографии, отличавшегося своими особенностями в историческом изучении и размышлении.

Французская революция и нашествие Наполеона, продолжал Ключевский, поколебали веру в человеческий разум как основу человеческого общежития, внимание русского общества переключилось на поиск «исторического разума» (исторических закономерностей). В дневнике за 1868 г. историк отмечал, что современная наука «стоит на решительном моменте своего развития», которое открывает основной смысл истории, связывает все ее главные явления. С этого момента начинается развитие науки в собственном смысле слова. Научное обоснование исторической науки, по мнению ученого, было положено Соловьевым, его «Историей России с древнейших времен».

Неоднозначная оценка событий в истории страны повлекла за собой оформление различных направлений в исторической науке. В XVIII в. Ключевский выделял «официальное» и «патриотическое» направления. В 30—40-е гг. XIX в. происходит формирование «скептической» и «государственной» школ, обостряется борьба западников и славянофилов. Относительно конца XIX в. Ключевский отмечал сближение этих направлений и появление новых, в частности народни-

ков. Таким образом, критерии выделения направлений у него были разными и связаны с теми задачами, какие ставил перед собой ученый в то или иное время изучения истории исторической науки.

В отличие от позитивистов Ключевский разделял мнение многих своих предшественников о субъективном характере процесса познания, отражения в исторических исследованиях личного восприятия событий автором. Его интерес к личности и внутреннему миру ученого, связям с культурной средой эпохи и историографической ситуацией предшествующей и современной воплотился в ярких очерках об ученых-историках. Рассматривая научный процесс как непрерывный, он и в характеристиках научной деятельности ученых устанавливал связи с концепциями предшествующей и современной им историографии, отмечая новизну взглядов на исторический процесс. Так, Ключевский высоко ценил И. Н. Болтина за «выработку историко-критических приемов», Н. М. Карамзина — за то, что он «помог русским людям лучше понять свое прошлое, но еще больше он заставил их любить его», С. М. Соловьева — за «выяснение природы и действия сил и условий, участвующих в построении человеческого общества». Характеристики и оценки научного творчества М. П. Погодина, М. Т. Грановского, И. Е. Забелина, К. Н. Бестужева-Рюмина и других историков, данные Ключевским, и сегодня являются примером историографического анализа.

13.6. Место В. О. Ключевского в отечественной исторической науке

Творчество Ключевского оказало значительное влияние на современную ему и последующую историческую науку. По словам П. Б. Струве, он был мастером «стиля обобщающего изображения», тонким исследователем, своеобразным выразителем «экономического истолкования» русской истории, что с наибольшей силой проявилось в «Курсе русской истории» и в спецкурсе «Методология русской истории». В. О. Ключевский уточнял, пересматривал, перерабатывал, дополнял выводы своих предшественников, в частности, историков «государственной школы». Он органически соединил историю политическую, правовую с социально-экономическими процессами, происходившими в народной жизни, и сформулировал собственную концепцию русской истории,

где элементы человеческого общежития постоянно вступают в новые сочетания, представляют разнообразие действий и свойств человеческого общежития. М. В. Нечкина, один из крупнейших исследователей научного творчества Ключевского, писала: «Он дал русской науке одну из самых ярких концепций исторического прошлого страны — противоречивую, недосказанную, но полную проблем... Он заставил тысячи голов думать над множеством вопросов, на многие из которых он сам не мог ответить. Он обогатил этими вопросами и тех, кто был согласен, и тех, кто спорил с ним. Мало этого, он нарисовал на основе своей проблематики такие живые, художественные картины и образы людей минувших веков, которые запоминались на всю жизнь».

В. О. Ключевский ценил историческую науку и обращал внимание на практический результат изучения истории. Научные наблюдения и выводы, утверждал он, не могут оставаться в области чистого знания, ибо «цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами и поступками». Историческим изучением проверяется ход исторического воспитания народа. «История народа, научно воспроизведенная, становится приливо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого». Уровень развития народных сил, накопленный запас народных средств, писал Ключевский, «это плоды многовекового труда наших предков, результат того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели». «Их недомыслие», говорил ученый студентам, «наша задача, то есть задача вашего и идущих за вами поколений».

«Курс русской истории» В. О. Ключевского — замечательный памятник русской культуры, в котором можно видеть итог «мыслительной работы русского народа над своим прошлым, подведенный одним из талантливейших его сынов». Эту оценку М. М. Богословского следует отнести ко всему творчеству Ключевского.

Сочинения В. О. Ключевского

Ключевский, В. О. Боярская дума Древней Руси / В. О. Ключевский. — М., 1882.

Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. — М., 1871.

Ключевский, В. О. Избр. / В. О. Ключевский; сост., авт. вступ. ст. и коммент. О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов. — М., 2010.

Ключевский, В. О. История русского быта / В. О. Ключевский. — М., 1995.

Ключевский, В. О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / В. О. Ключевский. — М., 2012.

Ключевский, В. О. Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. — М., 1983.

Ключевский, В. О. О нравственности и русской культуре / В. О. Ключевский. — М., 2006.

Ключевский, В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. / В. О. Ключевский. — М., 1993.

Ключевский, В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. — М., 1866.

Ключевский, В. О. Соч. : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1987—1990.

Ключевский, В. О. Характеристики и воспоминания / В. О. Ключевский. — М., 1912.

Рекомендуемая литература

Киреева, Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки / Р. А. Киреева. — М., 1966.

Киреева, Р. А. Ключевский Василий Осипович / Р. А. Киреева // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001. — С. 313—322.

Михайлова, Е. Е. Философия истории В. О. Ключевского и его учеников / Е. Е. Михайлова. — М., 2003.

Нечкина, М. В. В. О. Ключевский: История жизни и творчества / М. В. Нечкина. — М., 1974.

Чернобаев, А. А. Феномен В. О. Ключевского и отечественная историческая наука второй половины XIX века / А. А. Чернобаев // История и философия отечественной исторической науки. — М., 2006. — С. 139—151.

Чумаченко, Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед / Э. Г. Чумаченко. — М., 1970.

Шаханов, А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты / А. Н. Шаханов. — М., 2003.

Глава 14

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Развитие исторической науки на рубеже XIX—XX вв. характеризовалось, во-первых, интенсивной работой исторической мысли в области теории и методологии исторического познания, широтой охвата изучения прошлого; во-вторых, усилением влияния политики на историческую науку.

Как никогда ранее, ощущалась тесная связь науки с эпохой. Люди старались, по словам В. О. Ключевского, выяснить цель, которая «составляется из совокупности интересов, господствующих в данную минуту. Эта естественная потребность в целесообразности и обращает умы к прошедшему, где ищут и исторического оправдания этим интересам, и практических указаний на средства к достижению желаемой цели».

Возросло значение исторической науки в общественно-политической борьбе. Историки принимали активное участие в политической жизни, в думских избирательных кампаниях, в создании и деятельности политических партий. Исторический опыт, исторические аргументации и выводы послужили обоснованием программ формирующихся партий, явились средством воздействия на сознание народных масс.

В это время произошло резкое размежевание исторических концепций по теоретико-методологическим позициям, отношению к социально-экономическим и политическим проблемам современности, будущему России и по способам борьбы за него.

14.1. Новые подходы к осмыслению прошлого

Перемены в общественной жизни существенным образом повлияли на самочувствие исторической науки, заставили пересмотреть ее основы, подходы к познанию и осмыслению накопленного материала. Ее состояние в отечественной исто-

риографии раскрывалось через понятие «кризис». Оно было введено в научный оборот в начале XX в. самими участниками научно-познавательного процесса. Кризис исторической науки связывался с изменениями представлений о природе, целях и методах исторической науки, с пересмотром социологических схем и понятий. Была поставлена под сомнение теория прогресса, которая составляла «чуть ли не главный догмат культуры XIX в.». Один из теоретиков исторической науки Р. Ю. Виппер видел наиболее яркое выражение кризиса в «жестком конфликте между идеалистическим и материалистическим толкованием истории, в споре о существовании законов исторической жизни». Д. М. Петрушевский, крупнейший специалист по всеобщей истории, также обратил внимание на кризисные явления в исторической науке и поставил задачу выработки «теории исторического познания».

Советские ученые в разное время в понятие «кризис» вкладывали разное содержание — от всеохватывающего упадка, движения назад, до понимания кризиса как естественного процесса развития науки. Историографическая ситуация рубежа веков характеризовалась как теоретико-методологический кризис. Он связывался с распространением в исторической науке субъективизма, отрицанием объективности исторического знания и самой исторической действительности, с отказом от признания ее поступательно-прогрессивного развития. Особое внимание обращалось в этом плане на либерально-буржуазное направление.

Современные исследователи отказываются рассматривать историческую науку рубежа XIX—XX вв. через понятие «кризис», особенно отдельные ее аспекты (источниковедение, медиевистика) и конкретно-исторические труды историков. Однако это не снимает проблему. Кризис — это естественная стадия развития науки, время перехода от одного качественного состояния к другому. Саморегуляция системы научных знаний на базе новых теорий и методологий является «выходом из кризиса».

Поиски новых подходов к исследованию и осмыслению материала были вызваны неудовлетворенностью позитивистскими основаниями исторической науки: методами исследования накопленного наукой исторического материала, приверженностью к социологизации, опытному знанию как единственному пути к истине. Позитивизм не отражал увеличения интереса к индивидууму, который объявлялся и содержанием, и двигателем исторического процесса.

Перемены коснулись прежде всего теоретических и методологических оснований исторической науки. Активно обсуждались вопросы ее предмета и статуса, специфики исторического познания, методов исследования, места исторической науки в системе других наук. Они являлись предметом широких дискуссий историков, философов, социологов различных течений и направлений.

В предшествующий период развития исторической науки внимание историков было сосредоточено на теории исторического процесса, на таких вопросах: как он совершался и каков его характер, чем обусловлено то или иное течение исторического процесса, каковы факторы, управляющие им. В конце XIX — начале XX в. интерес сместился в сторону определения теории исторического познания, в область гносеологии, т.е. принципов и методов получения исторических знаний.

Методология выделяется в особую отрасль научного исторического знания, что отвечало практическим задачам исследований, внутренней логике его развития. Появляются специальные работы по методологии истории Р. Ю. Випшера, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Ковалевского, Н. М. Бубнова, М. М. Хвостова и др. Методология, как специальный курс, включается в программу подготовки специалистов-историков. В Московском университете впервые в отечественной учебной практике такой курс читал В. О. Ключевский, в Петербургском — А. С. Лаппо-Данилевский, в Киевском — Н. М. Бубнов, автор первого «Пособия по методологии истории» (1911).

Пересмотр теоретических и методологических основ исторической науки происходил по многим направлениям. Существенное влияние продолжал оказывать на практику исторических исследований позитивизм. Наиболее яркими его представителями в это время были П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, С. Ф. Платонов, Н. А. Рожков, народники.

В 1890-е гг. в русской исторической науке распространяются материалистические идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. При материалистическом понимании истории на первый план в определении общественного бытия выдвигался материальный фактор, т.е. производство материальных средств. «Материалистическое понимание истории, — писал Ф. Энгельс, — это такой взгляд на ход всемирной истории, который конечную причину и реняющую движущую силу всех важнейших событий находит в экономическом развитии общества, в изменении средств производства и обмена, в вытекающем отсюда разде-

лении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой». Совокупность производительных сил и производственных отношений, складывающихся в процессе производства, обуславливает все общественные отношения и сознание людей. Это определило и понимание роли народных масс в истории как основной производящей силы общества, создателей материальных ценностей. Материалистическое учение исходит из объективного характера законов развития, возможности их познания и использования в процессе сознательной деятельности. Марксисты признавали также влияние на ход исторического развития политического строя, правовых отношений, идей, религии, что предусматривало рассмотрение всех сторон жизни общества во взаимодействии.

С критикой позитивизма и марксизма выступили сторонники метафизического мирозерцания — ученые, придерживавшиеся неокантианской теории и методологии исторического познания, получившей распространение в России в конце XIX — начале XX в. «Неокантианский дух, — отмечал Н. А. Бердяев, — стал орудием освобождения от марксизма и позитивизма и способом выражения назревших идеалистических настроений». При помощи метафизики ученые считали возможным получить ответы на вопросы, которые выходили за рамки опытного научного знания, в том числе предвидеть будущее.

Внимание русских историков привлекли идеи неокантианской философии истории баденской школы — В. Виндельбанда, Г. Риккерта и др. Согласно этой философии, с учетом различия взглядов ее отдельных представителей, мир является воплощением субъективных установок, планов и мотивов людей. Они представляли историю как цепь единичных, неповторимых событий, что определяло ее специфику, отличало историческую науку от естественных наук. Неокантианцы отвергали идею закономерностей как руководящего принципа исторического познания, признавали индивидуальность, уникальность исторических событий. Общественные явления рассматривались ими как результат сознательной деятельности людей, совокупность целей, поставленных индивидуумами. В силу этого они отрицали тождество наук естественных и общественных. Неокантианцы разработали учение о ценностях, история выступала для них как наука оценочная. Высшими ценностями объявлялись религиозные, этические, эстетические. В русской исторической науке эти положения развивал и уточнял А. С. Лаппо-Данилевский.

Начался активный поиск религиозных форм осмысления истории. Вера, поколебленная в исторической мысли позитивизмом, снова становилась одним из путей познания и осмысления прошлого. Обращение к метафизике было характерно для историка и философа Л. П. Карсавина. Религиозно-мистические идеи осмысления прошлого, настоящего и будущего России привлекли внимание С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева, заложивших основы христианского социализма.

В конце XIX — начале XX в. не было какой-либо ведущей теоретико-методологической линии, оказывающей решающее воздействие на историческое познание. Различные подходы пересекались, противостояли друг другу. Каждый из них имел свои положительные стороны и ограничения, возможные рамки использования, позволявшие рассмотреть те или иные стороны общественной жизни. Отсюда новое понимание теории исторического прогресса, закономерностей, сил, определявших историческое развитие, принципов и методов исторических исследований.

Предметом широкой дискуссии стал вопрос о специфике исторической науки и ее месте в системе научных знаний. Историки обратили внимание на различия естественных, генерализирующих наук (номотетических), имеющих дело с явлениями повторяющимися, и наук индивидуализирующих (феноменологических), имеющих дело с индивидуальным и неповторимым, к которым относили историческую науку. Эта точка зрения на разделение общественных и естественных наук становится преобладающей.

Несмотря на свойственную для позитивизма социологизацию исторического знания, делаются попытки разграничить область социологии и исторических исследований. Объект у них один — история общества. Различия находятся в определении предмета, целей и методов изучения. Специфику исторической науки ученые видели в том, что в историческом процессе главную роль играет сознательная деятельность людей. Это обращало историков к изучению личности индивидуума в историческом процессе. Если задачей социологии признавалось целостное изучение социального организма в единстве всех его сторон, связей, отношений, то задачей исторической науки — изучение индивидуального, единичного. Однако это разделение наук не исключало признания возможности использования в исторической науке обобщающих методов, приведения единичного к общему.

Многие ученые были осторожны и в объяснении исторического процесса с точки зрения поиска причинно-следственных связей. Так, В. О. Ключевский, разделяя мнение о связи предшествующих и последующих явлений, рассматривал ее через понятие «впитывание в себя новым прошедшего», что и делало процесс развития непрерывным. Проследить эту связь он считал невозможным в силу многообразности явлений, отсутствия знания о многих из них.

Если в предшествующий период ученые-историки исходили из признания прогрессивно-поступательного характера исторического процесса, то в конце XIX в. появились сомнения по этому поводу. Прогрессивный характер исторического процесса как переход общества с низших стадий развития к более совершенным с точки зрения экономики, политики, социальной организации отстаивали марксисты. Единственным законом истории полагали прогресс теоретики народничества П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, понимая его как постоянное совершенствование человека и вырабатываемых им идей. Представители других направлений исторической мысли задумывались над вопросом: «Что, собственно, есть прогресс и можно ли его установить?» Большинство ученых, рассматривая движение общества вперед как общую тенденцию, связанную с развитием сознания человека, его нравственных постулатов, приходили к выводу о невозможности определения собственно прогресса в жизни народов. Н. И. Кареев, например, сделал заключение, что прогресс не автоматически объективно обусловлен и закономерен, а только возможен, он зависит от усилий личностей, творящих историю, и поэтому не прочен. Прогресс для него — это способность человека к развитию, но еще не само движение общества.

Таким образом, в исторической науке шел процесс пересмотра мировоззренческих, теоретических и методологических позиций. При этом обнаружилась преобладающая тенденция — отказ от основных понятий предшествующего периода. Главной задачей исторической науки стало изучение индивидуумов, их целей, идей, которые и определяли движение общества.

14.2. Концепции истории России

Теоретические и методологические поиски в науке конца XIX — начала XX в. нашли отражение в построении ряда исторических концепций. Представители различных школ

и направлений разрабатывали многие проблемы отечественной истории. Остановимся на краткой характеристике трудов П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, Н. П. Павлова-Сильванского, первых историков-марксистов, творчество которых оказало существенное влияние на последующее развитие русской исторической науки.

Научная и педагогическая деятельность **Павла Николаевича Милюкова** (1859—1943), ученика В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, началась в Московском университете на кафедре русской истории. В 1892 г. он получил степень магистра. Спустя три года «ввиду крайней политической неблагонадежности» ему запретили преподавать и уволили из Московского университета. П. Н. Милюков был одним из организаторов конституционно-демократической партии и автором ее программы. После Февральской революции он вошел в состав Временного правительства в качестве министра иностранных дел. Октябрьскую революцию воспринял враждебно и в 1920 г. эмигрировал из России.

П. Н. Милюков видел два подхода к историческому исследованию — научный и практический. Первый, по его мнению, открывает законы исторической науки, второй — устанавливает правила политического искусства. Практические задачи времени при этом оказывают воздействие на интерпретацию материала. Таким образом произошедшее событие обосновывает решение будущих политических задач.

Основные научные работы Милюкова были созданы в 90-е гг. XIX в.: «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», «Главные течения русской исторической мысли», «Очерки по истории русской культуры». В 1900-е гг. он писал в основном публицистические статьи. В эмиграции подготовил монографии «История второй русской революции», «Россия на переломе» и др.

По своим мировоззренческим позициям Милюков был позитивистом. «Я взял у Конта его научное направление, — писал ученый, — защищал позитивизм от метафизики». Однако в отличие от позитивистов Милюков, во-первых, считал, что задача историка состоит не только в ответе на вопрос, как происходил процесс, но и почему он так происходил; во-вторых, признавал зависимость исследования и выводов от мировоззренческой позиции ученого — «взгляды на историю обусловлены теориями и системами». Наглядно это по-

казано в его работе «Главные течения русской исторической мысли».

История — наука конкретная. Она изучает, по Милюкову, «индивидуальную физиономию» явлений, своеобразные качества национального организма в рамках общих законов развития и выводит законы генезиса данного организма. В этой связи особое внимание он уделял исследованию культурной истории, под которой подразумевал экономическое, социальное, политическое, умственное, нравственное, религиозное и эстетическое развитие общества. Отсюда цель «Очерков по истории русской культуры», как сформулировал ее Милюков, — «сообщение читателям тех основных процессов и явлений, которые характеризуют русскую общественную эволюцию».

Попытку сведения разных сторон исторической эволюции к какой-нибудь одной он считал «совершенно безнадежной». С этих позиций Милюков выступал против материального и духовного монизма. Особенно нетерпим он был к материализму. Главной потребностью, направлявшей деятельность людей, считал историк, является стремление поддержать собственное существование и продлить существование рода. Фактор, побуждающий людей увеличивать производство необходимых им средств существования, — рост народонаселения, биологический закон. Сведение общественных явлений к естественным, разложение их до простейших элементов, к которым можно приложить законы физики, химии, биологии и других наук, было для ученого одним из методологических принципов в познании исторического процесса.

П. Н. Милюков выделял три основных фактора развития: внутренняя тенденция, особенность исторической среды, деятельность отдельной личности. Внутренняя тенденция является собой некую общую закономерность жизни народов. Она для всех одинакова, но в чистом виде нигде не проявляется. «Под влиянием данных географических, климатических, почвенных и других условий основное направление исторической жизни может разнообразиться до бесконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможных вариаций одну и ту же основную подкладку». Но даже если ученому не суждено открыть ни одного исторического закона, «мы по необходимости должны были бы все-таки признать их существование», делал вывод Милюков.

Кроме влияния на ход общественного развития основной тенденции (общее) и окружающей среды (специфиче-

ское), Милюков признавал и влияние индивидуальных особенностей действующих лиц. С одной стороны, последний фактор вносит случайность в развитие, которую ученый рассматривал так же, как закономерность. С другой — под воздействием личности в стихийный процесс общественного развития элемент сознательности. «Только личность, официальные или моральные руководители массы, совершали общественно-целесообразные поступки». Именно они могут привести к замене стихийного исторического процесса сознательным, к замене «общественно-целесообразных поступков отдельных личностей — общественно-целесообразным поведением массы». Подготовку масс он возлагал на интеллигенцию и ей отводил решающую роль в формировании национального самосознания.

Все народы проходят одинаковые ступени общественного развития, но по-разному и в разное время в зависимости от сочетания исторических условий, писал Милюков. Сочетание их бесконечно разнообразно. Россия пережила те же моменты, что и Западная Европа, но по-своему. В соответствии с обозначенными позициями Милюков рассматривал историю России как сумму элементов, каждый из которых был представлен им в отдельном очерке: население, экономика, политика, социальный строй, религия. Они даны в динамике, в соотношении различных элементов, определенных условиями исторического развития, в сравнении с подобными структурами стран Западной Европы.

Природно-географические условия, протяженность территории и малочисленность населения, его раздробленность в колонизационном процессе, необходимость отражения постоянной внешней опасности определили, по мнению Милюкова, своеобразие русского исторического процесса. Особенность его состояла в замедленности и элементарности развития всех сторон общественной жизни. Государство на Руси, в отличие от западноевропейских обществ, при недостатке внутренних условий для его организации складывалось сверху под влиянием внешней опасности. Это определило гипертрофированную роль государства во всех областях жизни и неизбежность всех перемен сверху. Вследствие экстенсивного характера экономики слабо развивались города, промышленность не успевала сложиться органически под влиянием внутренних потребностей и была создана правительственными мерами. Капиталистические формы промышленности в России поддерживались искусственными средствами, поэ-

тому не сложилось ни класса капиталистов, ни рабочих в европейском смысле этих понятий. Русскому капитализму конца XIX в. еще далеко до западноевропейского, он все еще переживает переходное время. Особенность российского капиталистического хозяйства Милюков видел в его позднем происхождении и замедленном развитии, что не нарушало, однако, общих закономерностей исторического процесса.

Социальные группы, утверждал историк, строились также сверху. Под внешним влиянием Московское государство к концу XV в. стало «военным станом», резко возросли военные и финансовые потребности правительства. П. Н. Милюков связывал с этим систему внутреннего управления и социальную структуру общества. Нужды внешней обороны обусловили прикрепление всех сословий к тяглу — служилых людей, посадское население и крестьянство. Сословия не имели собственных корпоративных организаций и идеологии. Начавшийся во второй половине XVIII в. процесс раскрепощения сословий не решил эту задачу. В результате дворянство превратилось к середине XIX в. в «дарового нахлебника государства» и нуждалось в его опеке. Городское сословие, сложившееся не в результате развития промышленности и торговли, а только после отмены крепостного права, было слабым. Будущее, считал Милюков, за сословиями, обладавшими капиталом и знаниями. Целью общества становится благосостояние не только отдельной группы, а наибольшего количества людей.

Русская культура, самосознание, по мнению Милюкова, обуславливались не общественными отношениями, как на Западе, а государственной политикой и заимствованием западноевропейской общественной мысли. Этим он объяснял постоянную борьбу в общественном сознании России «националистических» и «критических» элементов, т.е. сторонников своеобразия русской истории и приверженцев западноевропейского образа жизни.

Исторический процесс в России шел медленно, задерживал экономическую эволюцию, но дальнейший ее ход, утверждал Милюков, пойдет одинаковым порядком со странами Европы, хотя полного отождествления не будет. В этой связи задача правительства заключается не в поддержке «традиций старины», ибо постоянный процесс эволюции сделал невозможным их сохранение, а в создании оригинальной русской культурной традиции во всех областях жизни общества, соответствующей современным требованиям.

Таким образом, Милюков дал свое представление об отдельных элементах и проблемах российской истории. Его концепция истории России отражала повышенный интерес науки и общества конца XIX — начала XX в. к социально-экономическим проблемам, государственному строительству, роли личности, методологии исторического исследования.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919) после окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1886) и успешной защиты магистерской диссертации (1890) в звании приват-доцента приступил к преподаванию в Петербургском университете. Диапазон его исследовательских интересов необычайно широк: древняя, средневековая и новая история, проблемы методологии, историография, источниковедение, археография, архивоведение, юриспруденция, история науки. Выдающиеся научные достижения Лаппо-Данилевского получили признание — в 36 лет его избрали в Петербургскую Академию наук. В 1916 г. ученый был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета.

А. С. Лаппо-Данилевскому был свойствен постоянный интерес к проблемам методологии и методов исторического исследования. В начале XX в. они становятся основными в его научном творчестве. Первые работы ученого, в том числе и магистерская диссертация «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890), вышедшая отдельной книгой, относятся ко времени увлечения позитивистской методологией. Но уже в статье «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», опубликованной в сборнике «Принципы идеализма» (1902), Лаппо-Данилевский выступил с критикой позитивизма. Он не мог принять догматизма многих его построений, смешение эмпирического и теоретического уровней познания, абсолютизацию методов естественных наук и вульгарный эмпиризм, невнимание к личности и отрицание субъективности самих исторических исследований. А. С. Лаппо-Данилевский начал разработку основ исторической науки в духе неокантианской философии истории. По признанию ученого, на него также большое влияние оказали Н. К. Михайловский и историки юридического направления Б. Н. Чичерин и А. Д. Градовский.

Свое осмысление неокантианской философии историк представил в работе «Методология истории» (1910—1913). В первой ее части изложена теория и методика исторического

познания, вторая часть посвящена проблемам источниковедения, методов и техники исследования. Это первое в отечественной историографии фундаментальное исследование проблем познания с неокантианских позиций. Цель своего труда автор определил так: «Содействовать всякому интересующемуся историей сознательно относиться к основным задачам и методам исторического мышления».

Специфику исторического процесса Лаппо-Данилевский видел в присутствии в общественной жизни целенаправленной, творческой деятельности людей. Общественная жизнь по сути своей есть воздействие человека на среду, поэтому она разнообразна, неповторима и индивидуальна. В основе ее лежат духовные мотивы и устремления, которые регулируются психологией людей и, следовательно, по мнению Лаппо-Данилевского, определяются законами психологии. Но если даже психологические законы были бы вполне установлены, писал он, все же непосредственное перенесение их в область истории не может дать исторических законов, ибо психологические факторы могут объяснить лишь причины отдельных мотивов и действий.

Историческая наука изучает индивидуальный факт, т.е. результат конкретного действия индивидуальности. Именно это, полагал Лаппо-Данилевский, позволяет вникнуть в суть факта, погрузиться в материал истории. Говоря об индивидуальном факте, он имел в виду не только конкретные действия отдельных личностей, но в целом и событие, и социальную группу, и народ, поскольку они несут в себе индивидуальность — воздействие личности. Отсюда определение им подходов к изучению исторического материала. В основе его лежит идеографическое знание (знание об индивидуальном). Идеографический метод позволяет охватить все многообразие и своеобразие исторических явлений, не упуская из виду наблюдений конкретных индивидуальных фактов. В то же время историческое изучение действительности получает научный характер лишь в том случае, если оно пользуется номотетическим знанием и может соотнести с ним знание индивидуального. Оба подхода можно совмещать, но не смешивать. Они ставят познавательные цели разного рода.

А. С. Лаппо-Данилевский признавал невозможность изучения индивидуального вне отношения к определенной культурной ценности. Под ценностью он понимал то значение, которое приписывает данному явлению ученый. Таким образом, Лаппо-Данилевский ввел в русскую историческую науку

аксеологический аспект, т.е. отношение к объекту, основанное на личном отношении к нему историка. Он развил мысль о субъективном, индивидуальном характере самого процесса исторического познания, выдвинул на первый план вопрос о познающем субъекте — историке. Однако Лаппо-Данилевский предупреждал о необходимости отличать отношение к ценности от субъективной оценки фактов историком, так как его сознание, ценностные ориентиры определяются господствующими, культурными ценностями и «абсолютной ученостью».

История непосредственная не дана историку, утверждал Лаппо-Данилевский, и судить о ней можно только по результату воздействия человеческого сознания, психики на среду. Результат этого воздействия и представляет исторический факт, доступен исследователю. Но цели человека, его действия не всегда совпадают с результатом. Следовательно, воспроизвести этот факт в своем сознании историк может, лишь опираясь на существующую общечеловеческую психику («чужую одушевленность»), которая выступает как нравственный постулат.

Исторический источник для Лаппо-Данилевского — результат духовной деятельности людей, отражающий духовную атмосферу времени. Задача ученого — обнаружить его внутреннее психологическое содержание. Вместе с тем источник является и результатом познавательной деятельности историка, т.е. объектом исследования источник становится в той мере, в какой он используется историком для изучения тех или иных исторических процессов. Без историка нет источника, утверждал Лаппо-Данилевский. Он впервые в русской исторической науке сформулировал гносеологический подход к пониманию источника. Это позволило ему раскрыть функциональную природу источника, его эвристические возможности, определить его познавательную ценность.

Эволюция взглядов Лаппо-Данилевского от позитивизма к неокантианству далеко не сразу и не всегда находила отражение в его конкретно-исторических исследованиях. Как уже отмечалось, в диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» ученый опирался на позитивистские установки в изучении прошлого. Одно из достоинств этого сочинения — введение в историческую науку новых массовых источников, тщательное их изучение. В то же время диссертация была, по сути, продолжением исследования государст-

венно-правовых и социальных институтов России XVII в. его предшественниками. В ней Лаппо-Данилевский изложил результаты изучения финансовой структуры Московского государства, порядок обложения налогами и их распределение — вопросы, мало освещенные в отечественной исторической науке. Кроме этого, он реконструировал внутренний мир крестьянской и посадской общины, большое внимание уделил выяснению целей, жизненных установок людей.

Экономическую историю Лаппо-Данилевский рассматривал также в работах «Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв.» (1895), «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» (1898), «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (1899) и др. И здесь его внимание привлекает личность, ее инициатива и самостоятельность. Ученый попытался показать процесс становления и развития личности и ее воздействие на русскую историю. До XVIII в., считал он, значение каждого лица было «стерто». Реформы Петра I положили начало эмансипации, расчистили почву, на которой только и могла развиваться человеческая личность. Под влиянием идей, заимствованных извне, начали формироваться собственное общественное мнение и собственные идеи. Личность, «цепеневшая» под железной рукой правительства, постепенно стала активно заявлять о себе в политике, экономике и культуре, что привело к значительным изменениям в развитии России.

Особый интерес представляют исследования Лаппо-Данилевского по истории культуры. К этой проблематике он обратился еще в студенческие годы и продолжал заниматься ею на протяжении всей своей творческой деятельности. Мысль о значении изучения культурной среды, с которой ученый должен соотносить свои знания о прошлом, нашла выражение в его главной книге «История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики». Вчерне труд был завершён к 1906—1907 гг. Активная доработка текста продолжалась до 1911 г., когда Лаппо-Данилевский предполагал начать печатать первый, вводный том, который «обнимает только XVII век (до эпохи преобразований)». В силу ряда причин книга тогда издана не была. Лишь в 1990 г. первый том монографии вышел в свет. Большая часть рукописи не издана до сих пор.

Несмотря на то, что с момента написания работы «История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием

ее культуры и ходом ее политики» минуло 100 лет и многие проблемы, поставленные автором, успешно решены, это сочинение и сегодня не утратило научного значения. А. С. Лаппо-Данилевский рассматривал культуру как некую цельную индивидуальность, в которой отражено сознание народа и отдельных личностей. Культура для него представляет некий абсолют в материальной, духовной, социальной сферах общества. Ее главные составляющие — развитие народного самосознания и формирование личностного начала. По существу, автор первым в отечественной историографии дал глубокий анализ трудов крупнейших зарубежных специалистов по данной проблематике; выдвинул и обосновал свою, оригинальную концепцию истории русской культуры; исследовал влияние на ее формирование католицизма и протестантизма; разработал проблему развития личности, ее взаимоотношений с государством.

А. С. Лаппо-Данилевский — один из крупнейших историков-мыслителей России XX столетия. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к его жизни и творчеству. При этом знаменательно, что труды ученого воспринимаются ныне не только как историографическое наследие, но и как важная составная часть сегодняшнего знания.

Сергей Федорович Платонов (1860—1933) — выпускник Санкт-Петербургского университета, в 1890 г. он был утвержден в должности профессора кафедры русской истории, в 1900—1905 гг. возглавлял историко-филологический факультет университета, стал признанным главой петербургской школы историков. Своими учителями, которым «обязан тем, что сделался историком», Платонов называл К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Д. Градовского, В. Г. Васильевского. Октябрьскую революцию 1917 г. ученый воспринял как историческую аномалию. Единственным выходом из создавшейся ситуации считал установление демократической республики на основе широкой коалиции. Тем не менее, он пошел на сотрудничество с советской властью, принимал активное участие в деятельности научных учреждений, был главным редактором «Русского исторического журнала». Затем Платонова постигла участь многих представителей российской интеллигенции — в 1929 г. он уволен со всех занимаемых постов, арестован «за антисоветскую, контрреволюционную деятельность» и выслан в Самару, где вскоре скончался. Его книги не издавались, имя предано забвению. В советской историографии ученого оценивали с политической точки зрения: как представителя охранительного направления русской историогра-

фии, видели в нем только защитника монархии. Лишь в начале 1990-х гг. вновь стали издаваться произведения историка и появились первые специальные исследования его научной и преподавательской деятельности.

Методология Платонова основывалась на эклектизме. Он объединил положения различных теоретических школ, взяв «от каждой стороны то, что считал ее правдой». Это нашло отражение в признании «теории факторов», в понимании задач и целей исторической науки, методов исследования. С. Ф. Платонов разделял выводы предшествующей ему историографии об органическом, внутренне обусловленном, закономерном и поступательно-прогрессивном ходе исторического развития, о влиянии природно-географического фактора, взаимодействии народов, эволюции человеческого общества от родовых отношений к государству. Одним из важнейших факторов развития он признавал само государство.

У современных ученых, отмечал Платонов, хотя и отсутствует одна господствующая историографическая доктрина, но существуют общие взгляды, новизна и плодотворность которых являются основой их трудов. Он ценил сочинения Н. И. Костомарова, проявлял интерес к работам В. О. Ключевского. Состояние русской историографии, писал Платонов, требует от историка сообщить факты и дать им первоначальную научную обработку. И только собрав факты и осветив их, «мы можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании разных частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни». Долг русской историографии, ее конечная цель — показать обществу его прошлое в историческом свете, построить систему местного исторического процесса, жизнь своей национальности.

Как и его предшественники, Платонов уделял большое внимание проблеме роли личности в истории. Личность проявляет себя через государство, и, в свою очередь, государство проявляется через личность. Отсюда интерес ученого к государям как носителям и проводникам государственного начала. Например, Петр I, по Платонову, от природы был наделен проницательностью, он — живая, впечатлительная натура. Эти качества в сочетании с высокой образованностью, общим культурным уровнем сделали его преобразователем. С. Ф. Платонов обращал внимание на то, что личность — носительница государственного начала, она ведет за собой

массы. Время, когда нет царя, считал он, есть «безгосударственность», и это ведет к смуте.

Интересна концепция Платонова истории России. Варяжские князья с их дружиной были первыми представителями племенного единства. Переезжая с места на место по русской земле, соединяя племена и города в общих военных и торговых целях, они создавали этим почву для национального объединения и национального самосознания. Рубежом в истории Киевской Руси было принятие христианства. Политическая жизнь, основывавшаяся на родовом порядке владения, была неустойчива. Усобицы князей, внешняя опасность, упадок торговли и бегство населения явились причинами отсталости Южной Руси. На окраинах русской земли зарождалась новая жизнь, получила развитие удельная система. Политический, общенациональный характер русское общество приобретает при Иване III.

В XVI в. политическая власть возникает на почве национального самосознания и единого вероисповедания. Московское государство объединило великорусские земли под единой властью. В правлении Ивана IV Платонов отмечал стремление царя уничтожить из политических соображений землевладельческую знать, боярство, оберегавшее устои старого общества, и заложить основы экономического господства другого класса — дворянства, обязав их служить государству. Открытое столкновение власти с боярством, с одной стороны, систематическое принесение в жертву интересам служилого сословия интересов промышленного и землевладельческого класса — с другой, стали причиной появления острых политических и социальных противоречий. Выражением кризиса общества стала Смута, заключал Платонов.

Петровские преобразования были обусловлены всем ходом предшествующей исторической жизни России, личными качествами преобразователя. Реформы Петра I по своему существу и результатам не привели к общественному перевороту. Петр не был «царем-революционером». Положение сословий и их взаимные отношения не претерпели существенных перемен. Не наблюдал Платонов никакого переворота ни в экономической, ни в культурной жизни. Изменения в культурной жизни, образовании коснулись только высших слоев общества.

Деятельность Екатерины II ученый связывал с утверждением традиционных понятий о русском народе, сословном строе, внутренней политике правительства. При ней дворянство — не только привилегированный класс, но и класс,

господствующий и в уезде (как землевладелец), и в общественном управлении (как бюрократ); права владельческих крестьян упразднялись, усиливалось крепостное право. При этом, писал Платонов, не могло пройти бесследно для русских умов влияние идей Просвещения XVIII в. и немецкой философии. Россия втягивалась в «умственные интересы» Запада и начинала с новой точки зрения смотреть на родную историю.

Высоко оценивал Платонов деятельность Александра II, принесшего русскому народу «неведомые ему дотоле блага гражданственности», утвердившего самодержавную власть и государственный порядок. Начало нашего современного порядка, считал он, кроется в условиях появления первых сословных учреждений 1860-х гг., это тот момент, когда кончается история и начинается действительность.

Важнейшей темой исследований Платонова была Смута начала XVII в. Он вошел в историческую науку как крупнейший специалист по истории этого времени. Работу «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» (1899) — докторская диссертация ученого — он считал высшим достижением своей жизни. Общий взгляд Платонова определяло положение В. О. Ключевского о Смуте как переходном периоде двух смежных эпох — старой и новой России. В своей характеристике Смуты и ее причин Платонов сделал упор на социально-экономические моменты, борьбу промышленного и земледельческого класса со служилыми землевладельцами. Политическую причину Смуты он видел в разрушении государственного порядка, борьбе за московский престол, формировании новой аристократии. Поводом для Смуты стало пресечение династии. Таким образом, Платонов разделил причины и повод Смуты, что было новым в исторической науке.

В схеме развития событий того времени ученый выделял три периода по характеру столкновения: династический, социальный и национальный; и несколько моментов по степени вовлечения в Смуту различных групп населения: бояр, казацких низов, земства, среднего класса, консервативных слоев общества. Изложение событий было построено таким образом, что освещался главный смысл переживаемых русским обществом «политических несчастий и социального междоусобия». На этом основании автор делал вывод о перемене господствующего класса в Московском государстве и о влиянии этой перемены на общий правопорядок того времени.

Концепция Смуты начала XVII в., разработанная Платоновым, до сих пор не утратила научного значения. Его книги, статьи, учебники по русской истории и сегодня востребованы, они ориентируют исследователей на тщательное изучение источников и получение «реального знания», свободного от догм и стереотипов.

Одним из крупных историков России конца XIX — начала XX в. был **Николай Павлович Павлов-Сильванский** (1869—1908). После окончания Петербургского университета (1892) он работал в архиве Министерства иностранных дел, Археологической комиссии. Как и большинство ученых 1890-х гг., Павлов-Сильванский был последователем позитивистской методологии, увлекался социологией. Школа Петербургского университета приучила его к тщательной работе с источниками. Это особенно прослеживается в его исследованиях по социально-экономической истории средневековой Руси.

Уже в первых своих работах — «Закладничество-патронат», «Государевы служилые люди», «Иммунитет в удельной Руси» — Павлов-Сильванский обратился к изучению социальной истории. Главным делом его жизни стало изучение удельного порядка на Руси и создание теории «русского феодализма». В книгах «Феодализм в Древней Руси» (1907), «Феодализм в удельной Руси» (1910) впервые в отечественной историографии комплексно исследованы институты Древней Руси с иных подходов к методам анализа источников, чем у его предшественников. Основной пафос книг — ученый утверждал существование на Руси не просто феодальных отношений, а феодализма как целого исторического периода.

Н. П. Павлов-Сильванский признавал в качестве исходной позиции общие для России и европейских стран закономерности развития. Проведя широкий сравнительно-исторический анализ удельного порядка в России с феодальным в западноевропейских странах, он пришел к выводу, что основные их институты (община, боярщина, вассальная служба, условное землевладение, иерархия власти и др.) по существу своему и по природе своей были тождественны. Основой феодальной системы, по мнению ученого, является крупное землевладение — боярщина, расширявшаяся за счет поглощения общины. Н. П. Павлов-Сильванский первым в русской исторической науке связал экономический фактор (начальное хозяйство) с феодальной раздробленностью. Он дал характеристику различных социальных слоев российского общества: дворянства и духовенства, посадских людей, крестьянства.

В русской истории Павлов-Сильванский выделял два знаменательных события: XII в. — взятие Киева Андреем Боголюбским и XVI в. — опричнина Ивана Грозного. Они делят русскую историю на три периода, различавшихся по господствующим в каждом из них началам социального и государственного строя: мир, боярщина, государство. Третий период, в свою очередь, делится на две тесно связанные между собой половины: эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма. Время Петра I историк рассматривал как один из этапов развития государства нового времени, сложившегося в основных своих устоях в XVI—XVIII вв. и частично в XIX в.: «Это — один период сословного государства с монархической властью, которая постепенно превращается в абсолютизм, получая перевес над стеснявшую ее ранее силой сословий». Постепенно происходит разрушение сословного старого строя и образование нового свободного гражданского порядка. Важнейшим событием XIX в. ученый считал освобождение крестьян в 1861 г.

Творчество Н. П. Павлова-Сильванского достигло вершины в годы первой русской революции. Он оказался в числе тех историков, которые пытались дать ответы на возникшие в обществе вопросы. В его бумагах сохранилась запись, связанная с выходом монографии «Феодализм в Древней Руси»: «Книга эта выходит во время Русской Великой Революции... И революция именно заставила меня усиленно заняться этой книгой и закончить ее». Не менее актуальными были и другие направления работы ученого — изучение истории петровских преобразований, русского общественного движения, биографии А. Н. Радищева, движения декабристов.

В начале XX в. имя Павлова-Сильванского, по мнению исследователя его творчества С. В. Чиркова, «стало одним из популярнейших в русской исторической науке». Труды историка «остаются замечательным явлением нашей историографии».

14.3. Марксистская концепция истории России

В конце XIX — начале XX в. в связи с распространением в русской общественной мысли марксистской теории и методологии были сделаны попытки сформулировать на их основе отношение к прошлому и настоящему России.

В марксистском направлении в конце XIX в. существовали два течения, резко разошедшиеся на рубеже веков по своим мировоззренческим и социально-политическим взглядам. Одно течение представляли «легальные марксисты» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков и др.), которые в основном принимали экономическую теорию К. Маркса и в то же время не признавали его учения в области социологии и философии. Представители другого течения приняли главную социологическую и социальную сущность марксизма — понятие о классовой борьбе, о будущем развитии России как обществе социалистическом, являющемся закономерным результатом исторического процесса.

«Первый марксист» в России, философ, историк и общественный деятель **Георгий Валентинович Плеханов** (1856—1918) прошел путь от народничества к марксизму. В работах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Несколько слов в защиту экономического материализма», «О монистическом понимании истории», «Основные вопросы марксизма», «К вопросу о роли личности в истории» он популяризировал идеи марксистской философии и теории исторического познания, полемизировал с народниками и сторонниками позитивизма.

Материалистическое понимание истории, писал Плеханов, имеет в виду связь и зависимость надстроечных явлений от базиса. Это методологический принцип изучения общества и проявления закономерностей его развития: формирования производительных сил, обусловленных ими экономических отношений, социально-политического строя, выросшего на данной экономической основе. Закономерности, в свою очередь, формируют правовые и идеологические отношения, оказывают влияние на психику людей. Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом, между производительными силами и общественным строем возникает взаимодействие. Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему их росту, а потом начинают мешать ему. Возникает необходимость их изменения. Г. В. Плеханов полагал, что эта зависимость проявляется в основном на больших отрезках исторического развития. Путь же поворота в общественных отношениях всегда лежит через надстройку. Поэтому в области, например, идеологии многие

явления могут быть только косвенным образом объяснены экономическими явлениями.

Позитивистская теория факторов, признавал Плеханов, будучи в свое время полезной, уже сыграла свою роль. Человеческое общежитие рассмотрено с различных точек зрения, и теперь появилась необходимость представить синтетический взгляд на общественную жизнь. Это дает монистическое понимание характера исторического процесса, определяющее влияние материального (экономического) фактора.

Отрицая народническое понимание роли личности в истории и происхождения идей, Плеханов считал их вторичными от экономических отношений, настаивал на обусловленности действий личности исторической необходимостью. При этом он не умалял инициативы и активности ни отдельной личности, ни массы людей: «Ни один великий шаг в историческом движении человечества не может совершиться не только без участия людей, но и без участия великого множества людей, т.е. масс». Личность, более развитая благодаря своим природным данным, может влиять на судьбу общества, и иногда ее влияние бывает даже очень значительно. Но как самая возможность, так и размеры влияния определяются организацией общества, состоянием его сил. При анализе общих закономерностей исторического процесса, где речь идет о развитии производительных сил и производственных отношений, влияние личности невелико. При рассмотрении же конкретных исторических событий личность играет эффективную роль. Г. В. Плеханов отвергал теорию народников о «героях» и «толпе». Выдающиеся личности, утверждал он, неразрывно связаны с массой, они выражают ее стремления и интересы. Великий человек не может навязать обществу отношения, которые не соответствуют состоянию производительных сил.

Законы материального производства и закон классовой борьбы, как главные факторы прогресса общества, являются для Плеханова ключом к пониманию исторического процесса и его отдельных явлений. В конце жизни он обратил внимание на психологические факторы, искал корни общественной экономики в национальных интересах, в отвлеченных этических принципах.

Особое место в творчестве Плеханова занимает работа «История русской общественной мысли». Это произведение, к которому он приступил в 1909 г., но, к сожалению, не завершил, содержит очерк развития русских общественных отношений. В определении исторического процесса в России уче-

ный исходил из положения марксизма, что в основе развития всех стран лежат общие законы. Сравнивая русскую историю с историей других стран, прежде всего западноевропейских, Плеханов пришел к заключению, что, не будучи «вполне своеобразным», русский исторический процесс имеет существенные отличия, напоминает «процесс развития великих восточных деспотий». Россия как бы постоянно колеблется между Западом и Востоком. В Киевском государстве меньше, в Московском — больше. После реформ Петра I европеизация России ускорилась, но еще не закончилась.

Причинами своеобразия истории России Плеханов называл уже известные в русской историографии природно-географические условия, постоянную борьбу с кочевниками, необходимость обороны границ. С природно-географической средой связаны особенности хозяйственного, экономического развития, что, в свою очередь, определило своеобразие социально-политического строя Московского государства. Завоевания, борьба с кочевниками вызывали различные перемены в хозяйственном строе, поскольку в каждом случае степень экономического и культурного развития завоевателей и завоеванных была различной. Татары опустошили Русь, замедлили рост ее производительных сил, что сказалось на ее политическом состоянии. Все это усиливало власть князя как военного стража русской земли и замедлило развитие социальных структур, привело к закреплению «высшего» служилого класса и «низшего» крестьянства, как это было в Древнем Египте, Китае, Персии, Индии и других восточных странах. «Сближение общественно-политического строя Северо-Восточной Руси со строем восточных деспотий, — делал вывод Плеханов, — объясняется в последнем счете обстоятельствами, замедлившими рост производительных сил и тем самым причинившими инертность ее хозяйству». Негативно эта замедленность развития хозяйственного строя сказалась и на классовом образовании, и на классовой борьбе, и в итоге привела к более позднему образованию классов и их подчинению государству. Борьба с феодализмом городских общин и третьего сословия подготовила создание новых средств производства и производственных отношений, а потому и нового порядка. Увеличение числа фабрик, на которых работали приписные крестьяне, было вызвано экономической отсталостью. «Азиатский» характер освобождения крестьян неблагоприятно сказался на развитии промышленности и крестьянского хозяйства.

Борьба классов, по Плеханову, оставалась в «скрытом состоянии» и существенно не поколебала в России политический строй, а напротив, укрепила его. Революция 1905—1907 гг. явилась результатом сочетания двух сил, совершенно различных по своей природе. Одна из них была создана процессом европеизации России, другую породил наш «старый восточный быт».

О перспективах революционных преобразований, в принципе способных изменить линию судьбы, намеченную Петром I, историк писал: «Если не будет объективных предпосылок для социалистической революции, то правительство вынуждено будет искать спасения в идеалах “патриархального и авторитарного коммунизма”, внося лишь те изменения, что вместо “сынов солнца” и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста».

По Плеханову, развитие русской общественной мысли происходило под влиянием западноевропейской философии. Однако он полагал, что приносимые с Запада формы и идеи определяются в конечном итоге тем содержанием, которое дают им общественные классы России. Так, просветительские идеи XVIII в. под влиянием состояния мещанского сословия, которое их восприняло, обернулись «мистикой розенкранцев». Общественная мысль и литература, отмечал Плеханов, «склоняется к упадку чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются». История русской общественной мысли конца XIX — начала XX в., продолжал он, определяется взаимными классовыми отношениями пролетариата и буржуазии.

В современной истории Плеханова интересовало становление капитализма как закономерного этапа в развитии общества. На большом фактическом материале он показал успехи развития крупного промышленного производства и рост пролетариата, развитие товарно-денежных отношений, эволюцию кустарной промышленности, разложение сельской общины. В работе «Русский рабочий в революционном движении» (1898) Плеханов представил этапы развития революционного движения в России. Особенно его привлекала деятельность Н. Г. Чернышевского, которому он посвятил несколько работ. Многие положения и оценки Плеханова легли в основу последующей марксистской историографии. Востребованы они и в современной исторической науке.

Политический деятель, создатель и теоретик социал-демократической рабочей партии в России **Владимир Ильич**

Ленин (Ульянов) (1870—1924) воспринял марксизм прежде всего как идеологию пролетариата. Значение его трудов по проблемам истории состоит в дальнейшем развитии теории исторического материализма на основе обобщения практики общественной жизни и задач революционной борьбы. Свои исходные позиции Ленин отстаивал в полемике с различными по своей теоретико-методологической сущности социологическими концепциями. Взгляды на исторический процесс он изложил в работах «От какого наследства мы отказываемся?», «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», «Задачи русских социал-демократов», «Марксизм и эмпириокритицизм» и др.

Социологическая концепция Ленина основывалась на понятии об общественно-экономических формациях. Общество в своем развитии проходит ряд ступеней, связанных с определенным уровнем производительных сил и сложившихся на их основе отношениях между людьми. Смена этих ступеней составляет объективный закон развития общества. Переход по восходящей линии от одного состояния к другому, от старого к новому, происходит в виде скачка (революции). Присущие обществу законы существуют объективно, независимо от сознания людей, их нельзя изменить или ликвидировать. Но механизм их действия, по мнению Ленина, включает в той или иной форме субъективный фактор. «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков... отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действия... не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей...», но действия личности должны вытекать из знания законов, из конкретных общественных и классовых отношений.

Деятельность личности Ленин связывал с действиями народных масс, классов. Это являлось для него исходным методологическим принципом критики теории «критически мыслящих личностей» народников. Резко выступал Ленин и против объективистской концепции «легальных марксистов», в том числе П. Б. Струве. Он противопоставил ей марксистское материалистическое понимание исторического процесса: материалисты «не ограничиваются указанием на необходимость данного исторического процесса», данного ряда фактов, на непреодолимые исторические тенденции, а «выясняют, какая именно общественно-экономическая формация и порождаемые ею антагонистические отношения... дают со-

держание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость». Конкретное соотношение объективного и субъективного он раскрыл в положении о революционной ситуации как сочетании объективных и субъективных факторов, доказывая возрастание роли субъективного фактора по мере развития революции и строительства нового общества. Рассматривать историю, писал Ленин, следует с точки зрения тех, кто ее творит. Действия масс направляются идеями, теориями, политическими взглядами. На них работают партии, которые стоят во главе классов. «Без революционной теории, — утверждал он, — не может быть и революционного движения... Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией».

Ленин раскрыл сложный процесс познания, обосновал и развил принципы диалектического материализма. Историческая практика выступает не только как цель познания, но и как критерий истины, основа развития теории. Отсюда последовательно проводимый Лениным принцип историзма. Всестороннее раскрытие получил у него также принцип классового анализа исторических процессов.

Интерес Ленина к русской истории был избирательным и корректировался в связи с задачами борьбы рабочей партии. Исследуя эволюцию производительных сил и производственных отношений в России, он подчеркивал особую роль экономического фактора в образовании единого государства на Руси. Действительное фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое было вызвано, считал Ленин, «не распадением родовых связей (их во времена Московского царства уже не существовало), а усиливавшимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок». Этот процесс он относил примерно к XVII в., которым датировал начало нового периода в русской истории.

Особое внимание Ленин уделял анализу современного ему социально-экономического состояния России, что отражено в работе «Развитие капитализма в России» (1899). К этой теме он постоянно возвращался и в дальнейшем, наблюдая за происходившими изменениями. Рассматривая капитализм в России как проявление общих законов исторического развития, Ленин одновременно выявлял особенности русского капитализма: развитие товарных отношений, кустарной и фабричной промышленности, проблемы аграрного строя, пере-

плетение крепостнических и капиталистических отношений в деревне и вообще в экономике страны. Главный его вывод: Россия — страна капиталистическая. В работе «Империализм, как высшая стадия развития капитализма» он дополнил экономическую теорию марксизма выводом об империализме, обострившим экономические, социальные и политические отношения, что неминуемо ведет к необходимости их изменения, т.е. к революции.

Ленин не оставил без внимания и историю классов и социальных групп России. Он исследовал процесс разложения сословий феодального общества, проследил формирование классов капиталистического общества: крупной промышленной и земледельческой буржуазии, пролетариата и крестьянства в их количественном и качественном отношении. Характеризуя рабочий класс, он выявил его основные группы, исходя из их деятельности, уровня политического сознания, организованности, обратил внимание на особенности рабочего класса России, выработал стратегию и тактику борьбы пролетариата. Такому же детальному анализу подверг крестьянство и определил его место в предстоящей революции.

Накануне Первой русской революции Ленин теоретически и практически разрабатывал марксистское учение о политической партии пролетариата. В работах «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» он исследовал процесс формирования социалистической идеологии и ее влияние на историческое развитие, формы классовой борьбы пролетариата и сделал вывод о необходимости создания партии нового типа, которая, сознавая «материалистические условия переворота», станет во главе рабочего класса. В последующие годы в его трудах получили развитие теория буржуазно-демократической революции и перерастания ее в революцию социалистическую, учение о государстве диктатуры пролетариата. Своими исследованиями Ленин заложил основы развития марксистского понимания русской истории.

Первым профессиональным историком-марксистом традиционно считают **Михаила Николаевича Покровского** (1868—1932). Его теоретико-методологические взгляды с момента окончания Московского университета в 1891 г. претерпели значительную эволюцию. В первых своих работах Покровский проявил себя как историк-позитивист. В конце 1890-х гг. его взгляды определялись уже «экономическим материализмом» с последующей эволюцией в сторону марксистского учения.

В работе «Экономический материализм» (1906) историк писал: «Марксизм не только объясняет историю экономическими причинами, но и представляет себе эти экономические причины в определенной форме классовой борьбы. Это — революционный исторический материализм, в отличие от мирного, эволюционного экономизма многих буржуазных писателей». Для Покровского было неприемлемо «упрощение» материалистического понимания истории, которое делает, по его мнению, из последней «слепой, стихийный процесс, идущий своим чередом, как если бы людей с их сознанием на свете не существовало».

Под материализмом ученый понимал объяснение исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека. Классовую борьбу он воспринимал как «движущее начало истории». Экономическая обусловленность исторических фактов, по Покровскому, несколько не мешает тому, что перемены в истории могут быть результатом сознательного действия людей, т.е. результатом влияния идей. Но сами эти идеи суть «не что иное, как отражение экономики в человеческом мозгу»; индивидуальные особенности исторических деятелей были «безошибочно продиктованы экономикой их времени». Признавая сложность и противоречивость исторического познания, Покровский считал, что преодолеть это противоречие можно при помощи правильного метода, и этот метод дает диалектический материализм.

В годы эмиграции Покровский написал пятитомную работу «Русская история с древнейших времен» (1910—1913), в которой впервые с марксистских позиций осветил весь ход исторического развития России. Его основанием он считал хозяйственную организацию и представил историю русского народа, исходя из смены социально-экономических стадий общества. Стадии развития, по Покровскому: первобытно-общинный коммунизм, феодализм, ремесленное хозяйство, торговый капитализм и промышленный капитализм.

Следуя за В. О. Ключевским, своим университетским учителем, Покровский обратил пристальное внимание на роль торгового капитала. В частности, его влиянием он объяснял аграрный кризис XVI в. в России, реформы Петра I. «Торговый капитал» являлся у него чуть ли не главной движущей силой истории России.

В работе «Очерк истории русской культуры» (ч. 1 вышла в 1915, ч. 2 — в 1918 г.) Покровский возвратился к проб-

леме торгового капитала и представил его как самостоятельную силу; сделал вывод о появлении нового общественного строя — торгового капитализма; причислял себя к сторонникам марксистской философии и подчеркивал, что исторический материализм является ничем другим, как попыткой приложить общенаучные факты к изучению исторических явлений.

По своим политическим и идейным позициям называл себя марксистом **Николай Александрович Рожков** (1868—1927) — историк и социолог, член Российской социал-демократической рабочей партии. Его мировоззренческие и теоретические позиции формировались поначалу под влиянием позитивизма и народнической идеологии П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Знакомство с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова довершило его «воспитание в духе марксизма». В процессе работы над диссертацией «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» он стал «фактическим марксистом», так как убедился, что «экономика дает ключ к пониманию политики», обуславливает социальные, политические и другие отношения.

Особое внимание Рожков уделял психологическому фактору. История для него, в сущности, «психологическая задача». При этом Рожков исходил из «теории развития психологических типов». Они проявляются в экономической, социальной, политической, культурной жизни общества. Преобладание того или иного типа является ключом к объяснению духовной культуры, экономического строя и социальных отношений общества.

Главной своей задачей ученый считал установление социологических законов, использование принципов познания и методов социологии. Для разрешения вопроса о современных ему направлениях в истории он полагал важными социологические приобретения для исторической науки.

Историю и социологию Рожков рассматривал в тесном единстве и взаимосвязи. Историческая наука изучает законы развития конкретных обществ в разные периоды их жизни, собирает факты и одновременно проводит первичную систематизацию и обобщение. Социология, или теория общественной жизни, имеет целью исследование общих законов общежития вне зависимости от конкретной обстановки. В соответствии с социологией О. Конта Рожков выделял законы статики и законы динамики. Изучение первых предполагало рассмотрение общества в связи всех его элементов: климатические условия,

население, отрасли хозяйства и формы хозяйственной деятельности, классовая структура общества; изучение вторых давало возможность проследить моменты развития общества, взаимодействие форм одного порядка по вертикали.

Итоги изучения России в дореволюционный период представлены в книге Рожкова «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (1903—1905). Эта работа — первое такого рода марксистское обобщающее исследование со времен Киевской Руси до XVI в. В ней рассматриваются природа и население, народное хозяйство, устройство общества, политический строй, церковь, духовенство, культурная жизнь.

Кроме истории России Рожков изучал всеобщую историю. На основе сравнительно-исторического метода он показал общее и частное в развитии различных стран и народов, причем не только европейских, но и стран других континентов в различные периоды их жизни.

14.4. Развитие специальных и вспомогательных дисциплин

Повышенное внимание ученых России в конце XIX — начале XX в. к методологическим проблемам и методам исторического исследования определило новый этап в развитии источниковедения. Его характерная черта — разработка теоретических проблем источниковедения и утверждение его в качестве специальной дисциплины в системе исторической науки.

Как уже отмечалось, новаторская роль в решении теоретических проблем источниковедения принадлежала Лаппо-Данилевскому. Главное для него — интерпретация источника, определение, какой именно исторический факт может быть восстановлен на основании факта источника, какую научную ценность источник имеет для «построения действительности». Совпадение представлений, возникавших при изучении источника, с представлениями его автора являлось для Лаппо-Данилевского критерием установления «фактической истины». Отсюда особое внимание к личности автора источника, его отношения к сообщаемому факту, условиям внешней среды. С именем Лаппо-Данилевского связано создание специальной источниковедческой дисциплины — дипломатики частных актов.

Изучением летописей занимался **Алексей Александрович Шахматов** (1864—1920), знаток русского языка, литературы и истории, действительный член Петербургской Акаде-

мии наук. «Общерусские летописные своды XIV и XV веков», «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI веков», «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», «Повесть временных лет», «Древнейшие судьбы русского племени» — таков далеко не полный перечень его работ. Исследуя русские летописи, Шахматов предположил существование не дошедших до нас более древних летописных сводов. Он представил каждый летописный список как звено в системе текстов данного памятника, развивавшегося на протяжении всей истории русского летописания с XI по XVI в., и впервые в отечественной исторической науке представил их как единый процесс. Каждый свод, отмечал ученый, создавался следующим летописцем путем сознательной, глубоко продуманной обработки бывших в его распоряжении текстов летописи и других источников, которые отражали настроения и политические устремления их авторов. Переработка производилась не произвольно, а по определенным нормам и правилам, выработанным в Средние века. А. А. Шахматов сделал вывод о существовании не сохранившихся текстов летописей и открыл новые своды. Изучение состава летописей позволило ему уточнить в ряде случаев время их написания, определить степень достоверности сообщаемых сведений. Идеи Шахматова были продолжены в трудах его учеников, в том числе М. Д. Присёлкова.

Исследованием других видов источников занимались: В. О. Ключевский — древнерусские жития святых и сказания иностранцев о Московском государстве; Н. А. Рожков и С. Б. Веселовский — писцовые книги. Продолжилось исследование летописей, степенных книг, памятников древнего русского права (В. И. Сергеевич, С. Ф. Платонов, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.). В научный оборот активно вводился актовый материал, делопроизводственные документы и т.п.

Оформились как самостоятельные дисциплины археология и этнография. Были определены основные методы поиска, изучения и интерпретации их материалов, которые использовались в изучении отечественной истории. Широкую известность получили археологи Б. В. Фармаковский, А. А. Спицын, В. В. Хвойко.

Усиление интереса общества и исторической науки к истории народа, его быту, культуре определило развитие этнографических исследований. Ученые занимались сбором материалов об обычаях, верованиях, быте народов, проживавших в Среднем Поволжье, Сибири, Якутии, Средней Азии, на Кав-

казе и других краях России. Большую роль в изучении этих материалов и становлении этнографии как научной дисциплины играли Д. Н. Анучин, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер, С. В. Савченко.

Значительные успехи были сделаны в разработке вспомогательных исторических дисциплин: Д. И. Багалеем, В. О. Ключевским, М. К. Любавским, А. А. Спицыным — в области исторической географии; И. И. Срезневским, А. И. Соболевским, И. С. Беляевым — в палеографии; А. А. Шахматовым, Н. В. Степановым — в хронологии. Исследования в области генеалогии успешно проводили А. Б. Лобанов-Ростовский, Г. А. Милорадович, Н. П. Лихачев и др.

Особое значение приобрело к концу XIX в. осмысление опыта предшествующей историографии, что было связано с теоретико-методологическими спорами в исторической науке и разработкой новых методов исследования, усилением внимания к источнику, попытками сформулировать новые концепции исторического развития. «Мы несем с собой средства, выработанные нашими предшественниками», — писал В. О. Ключевский. Знание этих «средств», практического опыта предшественников определило и место историографии как специальной дисциплины. Специальные курсы лекций по источниковедению и историографии стали неотъемлемой частью подготовки историков. Историографические введения предваряли монографические исследования, например в работе Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси».

В исследованиях П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли», В. С. Иконникова «Опыт русской историографии», в лекционных курсах В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского, Д. И. Багалея и других историков значительное место уделялось теоретическим проблемам историографии: предмету исторической науки, ее периодизации, выявлению направлений и течений, соответствующему понятийному аппарату и т.п. Были расширены хронологические и тематические рамки историографических исследований.

В основе представлений о развитии исторических знаний лежали собственные мировоззренческие установки ученых. Так, Ключевского особенно интересовала личность ученого, его внутренний мир, связь с культурной средой эпохи. Он дал блестящие характеристики многим историкам XVIII—XIX вв., обращался к различным сторонам их жизни,

соотносил их воззрения с эпохой. А. С. Лаппо-Данилевский делал акцент на индивидуальные особенности писателей истории и их мировоззренческие идеи. Для Милюкова была важна «не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты, сколько направление ее теоретических побуждений». Решающее значение в представлении русской историографии он отводил влиянию на нее западноевропейской философской и исторической мысли.

В конце XIX — начале XX в. значительно увеличилось количество справочной исторической литературы, ретроспективной и текущей библиографии. Наряду с регистрационной библиографией развивалась обзорная, реферативная, аннотированная. Историческая библиография становится неотъемлемой частью организации исследовательской работы. Большое значение для исторической науки имело издание Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, а также издание словаря братьями А. Н. и И. Н. Гранат.

Активно изучались отдельные проблемы прошлого России, что определило монографическую форму исторических исследований. Крупные проблемы разрешались коллективными усилиями, например, создание труда «Крестьянский строй» по истории крестьянства с древнейших времен до XX в., к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. была издана семитомная «Отечественная война и русское общество», к 50-летию отмены крепостного права — «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем». Для истории исторической науки особый интерес представляли издания, посвященные юбилеям или памяти наиболее крупных ученых. Так, в 1909 г. был опубликован «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его преподавательской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 — 5 декабря 1909)». Такой же характер имели «Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского» и сборник, посвященный С. Ф. Платонову.

Широко распространяется учебная литература: для студентов: литографированные курсы лекций В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, Д. И. Багаля, П. Н. Милюкова, для школьников — учебники и учебные пособия Д. И. Иловайского, С. Ф. Платонова и др. Ученые активно участвовали в просветительской деятельности: читали публичные лекции; издавали популярные книги по истории для народного чтения (особую роль в этом играло издательство И. Д. Сытина); в гу-

берниях печатали разного рода календари, памятные книги по истории края.

Историческая наука конца XIX — начала XX в. в поисках новых подходов к познанию и осмыслению истории обращалась к различным философско-историческим системам. В области методологии противопоставлялись материалистический подход, признававший основой развития общества материальные, объективные факторы, и идеалистический — метафизический подход, акцентировавший внимание на субъективных факторах, на психологических и эмоциональных составляющих тех или иных процессов. Особое внимание было обращено на теорию исторического познания (методологию), а также методы исследования.

Существовавшее многообразие подходов, однако, не создало многообразия конкретных концепций русской истории. Все они в той или иной степени повторяли основные положения старой схемы, и в итоге побеждала концепция середины XIX в. — история России есть история Российского государства. По своей социальной сущности эта схема являлась государственно-охранительной. Исключение составляли марксистская и народническая историография.

Многие положения исторических концепций конца XIX — начала XX в. оказали влияние на последующее развитие историографии.

Источники

Виноградов, П. Г. Избр. тр. / П. Г. Виноградов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. В. Антощенко. — М., 2010.

Лаппо-Данилевский, А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII веков / А. С. Лаппо-Данилевский. — М., 1990.

Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : в 2 вып. / А. С. Лаппо-Данилевский. — СПб., 1910—1913 (2010).

Лаппо-Данилевский, А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский. — СПб., 1890.

Ленин, В. И. Избр. / В. И. Ленин ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. С. Розенталь. — М., 2010.

Ленин, В. И. Империализм, как новейший этап капитализма / В. И. Ленин. — Пг., 1917 (в послед. изд. — Империализм, как высшая стадия капитализма).

Ленин, В. И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ленин. — СПб., 1899.

Миллюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Миллюков. — М., 1896 ; 2006.

Миллюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Миллюков. — М., 1892.

Миллюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 2 т. / П. Н. Миллюков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. И. Канищева. — М., 2010.

Павлов-Сильванский, П. П. Феодализм в России / П. П. Павлов-Сильванский. — М., 1988.

Платонов, С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник / С. Ф. Платонов. — СПб., 1888.

Платонов, С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С. Ф. Платонов. — СПб., 1899.

Плеханов, Г. В. Избр. тр. / Г. В. Плеханов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. В. Тютюкин. — М., 2010.

Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли : в 3 т. / Г. В. Плеханов. — М., 1914—1916.

Покровский, М. Н. Очерк истории русской культуры : в 2 ч. / М. Н. Покровский. — М., 1915—1918.

Покровский, М. Н. Русская история с древнейших времен : в 5 т. / М. Н. Покровский. — М., 1910—1913.

Рожков, Н. А. Избр. тр. / Н. А. Рожков ; сост., авт. вступ. ст., сост. авт. коммент. А. Ю. Морозов, О. В. Волобуев. — М., 2010.

Рожков, Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения : в 2 ч. / Н. А. Рожков. — М., 1903—1905.

Рекомендуемая литература

Брачев, В. С. Русский историк Сергей Федорович Платонов / В. С. Брачев. — СПб., 1995. — Ч. 1—2.

Бычков, С. П. Введение в отечественную историографию XX века / С. П. Бычков, В. П. Корзун. — Омск, 2001.

Вандалковская, М. Г. П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер: история и политика / М. Г. Вандалковская. — М., 1992.

Волобуев, О. В. Н. А. Рожков: Историк и общественный деятель / О. В. Волобуев. — М., 2012.

Говорков, А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки / А. А. Говорков. — Томск, 1976.

Историки России: Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001.

Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. — М., 1996.

Кирсанова, Е. С. Методология истории русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века / Е. С. Кирсанова. — М., 2004.

Корзун, В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX веков (анализ отечественных историографических концепций) / В. П. Корзун. — Омск, 2000.

Леонтьева, О. Б. Марксизм в России на рубеже XIX—XX веков: проблемы методологии истории и теории исторического познания / О. Б. Леонтьева. — Самара, 2004.

Макушин, А. В. Павел Николаевич Милюков: труды и дни / А. В. Макушин, П. А. Трибунский. — Рязань, 2001.

Малинов, А. В. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ / А. В. Малинов, С. И. Погодин. — СПб., 2001.

Михайлова, Е. Е. Философия истории В. О. Ключевского и его учеников / Е. Е. Михайлова. — М., 2003.

Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций: в 3 вып. / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 2001—2008.

Проблемы истории в трудах В. И. Ленина. — М., 1973.

Рамазанов, С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: в 2 ч. / С. П. Рамазанов. — Волгоград, 1999.

Ростовцев, Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа / Е. А. Ростовцев. — Рязань, 2004.

Синицын, О. В. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века / О. В. Синицын. — Казань, 1990.

Тарасова, Н. И. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова (по работам 1905—1907 гг.) / Н. И. Тарасова // История и историки. — М., 1990. — С. 262—279.

Тютюкин, С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста / С. В. Тютюкин. — М., 1996.

Цыганков, Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики / Д. А. Цыганков. — М., 2010.

Чернобаев, А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского / А. А. Чернобаев. — М., 1992.

Раздел IV СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Глава 15

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Историческую науку, которая существовала в Советском государстве на протяжении семи с половиной десятилетий, принято называть советской историографией. Отношение к ней после распада СССР сильно изменилось. Высказываются различные соображения по поводу того, какое место занимает советская историография в общем процессе развития исторических знаний в России.

Практически никто из современных исследователей не рассматривает советскую историографию как однолинейно прогрессивный процесс. Наиболее распространенными являются две точки зрения: одни историографы относятся к ней с нигилистических позиций, полностью отрицая ее научный характер, обвиняя советских ученых в преднамеренной фальсификации истории; другие (их большинство) — настаивают на дифференцированном подходе, выделяя этапы развития либо периоды отечественной истории, отдельные проблемы, при изучении которых заидеологизированность и политизированность проявлялись в различной степени, и таким образом труды многих ученых представляется возможным рассматривать как существенный вклад в познание прошлого.

При этом под советской исторической наукой понимается только марксистско-ленинская историография, и в этом смысле неким инородным телом в исторической науке выглядят историки «старой школы» и «мелкобуржуазные историки», которые продолжали в 1920-е гг. свои исследования; «объективистски» мыслящие ученые 1930-х гг., не воспринимавшие принципиальные основы марксистско-ленинской теории; «инакомыслящие» историки последующих десятилетий. Говорить о том, что эти исследователи не «делали погоды» и не определяли развитие исторической науки в Советском государстве, значит грешить против истины и обеднять

процесс развития отечественной историографии в советский период.

Кроме того, следует учитывать, что после Октябрьской революции значительная часть историков эмигрировала из Советской России. За границей многие из них продолжали активно разрабатывать различные проблемы истории, теории и методологию исторического исследования. Для воссоздания всесторонней картины развития русской историографии XX столетия необходимо изучить творческое наследие ученых всех школ и направлений отечественной исторической мысли, как проживавших и работавших в Советской России (СССР), так и оказавшихся за границей.

В развитии исторической науки в Советском государстве можно выделить ряд этапов, различающихся по степени сочетания «либеральных» и «консервативных» тенденций. Эти этапы как бы чередовались, последовательно сменяя друг друга. На первом этапе (октябрь 1917 г. — конец 1920-х гг.) длительное сосуществование «новой» марксистской историографии и «старой» исторической науки, сформировавшейся в дореволюционный период, привело к приросту исторических знаний, появлению новых исследовательских проблем и проведению целого ряда плодотворных научных дискуссий. Второй этап (1930-е — середина 1950-х гг.) — время господства «консервативных» тенденций, резко ограничивших творческое осмысление отечественной истории. На третьем этапе (вторая половина 1950-х — 1960-е гг.) вдохнула жизнь в историческую науку «оттепель», свидетельство тому — появление крупных исследований по многим проблемам отечественной истории. Четвертый этап (1970-е — первая половина 1980-х гг.) отмечен процессом «ресталинизации», борьбой с «инакомыслием» в исторической науке, насаждением «единственно верной» концепции истории. На этапе «перестройки» (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг.) проявились тенденции, получившие дальнейшее развитие в современной российской исторической науке.

15.1. Становление марксистской исторической науки

В первые годы существования Советского государства в исторической науке происходили два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, закладывались организационные основы марксистской историографии, создавались но-

вые научные и учебные учреждения, призванные обслуживать интересы большевистской партии, с другой — продолжала развиваться историческая наука, представляемая учеными «старой школы», получившими образование до 1917 г.

Марксистское направление в исторической науке, сформировавшееся на рубеже XIX—XX вв., до революции не было единым. После 1917 г. различия во взглядах на историю большевистских и меньшевистских историков проявились более отчетливо. Это хорошо видно по творчеству М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова. Не было единства и среди представителей большевистской исторической науки, так как ее теоретики — В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий — по-разному понимали ход российской истории. Наглядные примеры — дискуссия об особенностях русского исторического процесса и природе русского самодержавия (1922), в которой принимали участие Троцкий и Покровский; «литературная дискуссия», вызванная появлением работы Троцкого «Уроки Октября» (1924), и др. Пока шла внутрипартийная борьба, существовал определенный плюрализм, — в это время еще можно было обсуждать теоретические проблемы исторической науки с разных точек зрения.

Организация научных исследований. Создание новых центров исторической науки. К моменту прихода большевиков к власти марксистское направление не имело организационно-материальной базы. Поэтому с самого начала новая власть приступила к созданию научно-исторических учреждений и учреждений для организации подготовки кадров историков-марксистов. Большое влияние на этот процесс оказали председатель Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленин и заместитель народного комиссара по просвещению М. Н. Покровский.

Главным учреждением марксистской науки в Советском государстве стала организованная летом 1918 г. Социалистическая академия общественных наук, в составе которой имелось социально-политическое отделение. Председателем президиума академии являлся Покровский. Академия одновременно занималась учебно-просветительской работой, ведением научных исследований и подготовкой научных кадров. С 1922 г. издавался ее научный орган — «Вестник Социалистической академии». В 1924 г. она была переименована в Коммунистическую академию.

Научные интересы историков-марксистов были сосредоточены на изучении российского и зарубежного революци-

онного движения. Для исследования истории зарубежного революционного движения в 1920 г. в Социалистической академии был создан музей по марксизму, который в 1921—1922 гг. выделился в самостоятельный Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Его возглавлял в 1921—1931 гг. Д. Б. Рязанов. Институт проводил работу по собиранию и изданию произведений основоположников марксизма. С 1924 г. выходил «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», с 1928 г. началось издание собрания их сочинений.

Изучением истории российского революционного движения занималась учрежденная в сентябре 1920 г. при Народном комиссариате просвещения (с декабря 1921 г. в ведении ЦК РКП(б))¹ на правах отдела) Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) во главе с известным партийным журналистом и историком М. С. Ольминским. Истпарт выпускал свои периодические журналы: «Пролетарская революция», «Красная летопись» и др. В 1920-х гг. его филиалы открылись по всей стране. Вопросы сохранения, обработки и издания документов по истории революции и партии находились исключительно в ведении Истпарта. По количеству изданных исторических материалов он занял первое место среди советских научных центров того времени.

В первые годы деятельности Истпарт занимался собиранием и изучением произведений Ленина, их изданием, а также трудов о его жизни и деятельности. В 1920—1925 гг. было предпринято издание собрания сочинений Ленина в 20 томах (26 книгах). В 1924 г. создается Институт В. И. Ленина для принятия срочных мер к выпуску избранных сочинений и Полного собрания сочинений вождя пролетариата. С 1925 по 1932—1933 гг. вышли второе и третье издания сочинений Ленина в 30 томах.

К учреждениям, изучавшим историю российского революционного движения, относились также Комиссия по истории профессионального движения (Истпроф, 1920), Комиссия по истории молодежного и коммунистического движения (Истмол, 1921), Общество старых большевиков (1922), Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921).

¹ ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

Важную роль в становлении историографии революционного движения второй половины XIX в., истории РСДРП и первой русской революции сыграл **Владимир Иванович Невский** (Кривобоков Феодосий) (1876–1937) — социал-демократ, с 1903 г. большевик. С 1897 г. он учился на физико-математическом факультете Московского, затем Петербургского университетов. После очередного ареста и тюрьмы был отправлен в Харьков, где восстановился в университете и в 1910 г. получил диплом первой степени по специальности «физическая химия». Впоследствии, писал его биограф М. В. Зеленев, «естественнонаучное образование сказалось в исторических трудах Невского как склонность к систематизации, классификации, сбору всех частности, а главное, в диалектическом подходе к объекту исследования».

Активное участие принимал Невский в революционном движении. В 1913 г. он был кооптирован в Русское бюро ЦК РСДРП¹, в 1917 г. входил в состав Военной организации при Петроградском комитете, а потом и при ЦК РСДРП(б)². После Октябрьской революции стал народным комиссаром (вначале заместителем) путей сообщения, членом Совета обороны, занимал другие ответственные должности.

Интерес к исторической науке возник у Невского еще в студенческие годы. В 1920 г. Владимир Иванович, возглавлявший подсекцию в Истпарте по дооктябрьской истории партии, получил задание написать историю революции 1905 г. Так началась его систематическая работа в архивах, «знакомство и сотрудничество с С. Н. Валком, С. Ф. Платоновым, А. А. Шиловым, другими историками и архивистами “старой школы”, от которых Невский перенял методы работы с документами. Он был одним из немногих большевиков-историков, который прошел такую школу археографического мастерства».

В 1920-е — середине 1930-х гг. Невский создал несколько сот работ по истории России, Российской социал-демократической рабочей партии, методологии истории, философским проблемам обществоведения и естествознания, был редактором и составителем многих сборников документов, главным редактором журнала «Красная летопись». Он стал

¹ ЦК РСДРП — Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

² ЦК РСДРП(б) — Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)

автором первого в СССР сводного труда объемом в 40 печатных листов по истории революционного движения в России — «Очерки по истории Российской коммунистической партии». В книге рассматривался процесс формирования рабочего класса в России, рабочее и социал-демократическое движение, даны портреты выдающихся рабочих-революционеров. Немалый интерес представляют другие его работы: «Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период с 1880 по 1905 год», «Советская печать и литература о Советах», «История РКП(б). Краткий очерк», «Январские дни в Петербурге в 1905 г.», «От “Земли и воли” к группе “Освобождение труда”», «Советы и вооруженное восстание в 1905 году». Статьи и монографии Невского отличаются насыщенностью новым фактическим материалом, критическим анализом источников.

Независимость суждений, неумение и нежелание подстраиваться под чужие схемы приводили к столкновениям с Ольминским, по просьбе которого он был отстранен от работы в коллегии Истпарта. В феврале 1925 г. Невского назначили директором Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. На этой должности в полной мере раскрылся его талант руководителя, умеющего вести за собой большой коллектив, быть настоящим хозяйственником. Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. под руководством Невского было построено новое здание библиотеки, до сих пор украшающее Москву.

Большое внимание после революции уделялось подготовке кадров историков-марксистов. В 1919 г. был организован Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (его ректором в 1921 г. был В. И. Невский), затем коммунистические университеты открылись еще в девяти городах.

Три отделения — историческое, философское и экономическое — готовили специалистов в созданном 11 февраля 1921 г. Институте красной профессуры (ИКП). Его ректором стал М. Н. Покровский. В ИКП принимали коммунистов со значительным партийным стажем, проявивших себя на партийной, советской или военной работе (в порядке исключения — беспартийных) и показавших способности к научно-исследовательской деятельности. К преподаванию в Институте привлекались ведущие марксистские общественеды и историки: М. Н. Покровский, Н. М. Лукин, А. М. Деборин, П. И. Лященко и др. За первое 10-летие своего существования ИКП подготовил свыше 100 ученых-историков, среди

них Н. Н. Ванаг, С. М. Дубровский, И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, С. Г. Томсинский, А. В. Шестаков.

Для консолидации малочисленных историков марксистского направления в 1919 г. в Петрограде создано Научное общество марксистов. В 1925 г. в Москве при Коммунистическом университете было организовано Общество историков-марксистов во главе с М. Н. Покровским. С 1926 г. Общество выпускало журнал «Историк-марксист».

Развитие источниковой базы. 1 июня 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела», согласно которому все архивные материалы дореволюционных учреждений и учреждений, возникших после Октябрьской революции, были переданы в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Руководство архивами возложили на Главное управление архивным делом (ГУАД), с 30 августа 1922 г. — Центральный архив РСФСР, после образования СССР — Центральный архив СССР, подчиненное сначала Народному комиссариату просвещения, а затем Президиуму ВЦИК. В июле 1919 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет об отмене частной собственности на архивы умерших русских писателей, художников, ученых и других деятелей, хранящиеся в библиотеках и музеях, и передаче их в государственный архивный фонд. Возглавлявшего с 1918 г. ГУАД Рязанова в 1920 г. сменил Покровский. С 1922 г. издавался периодический орган архивного ведомства — журнал «Красный архив».

В 1925 г. в Москве были образованы центральные государственные архивы: Октябрьской революции, Красной Армии, Военно-исторический, Революции и внешней политики, Древлехранилище Центрального государственного исторического архива, Центральный государственный архив (в Ленинграде), годом позже фотокиноархив.

В процессе становления советской исторической науки складывалась новая документальная база, соответствующая задачам и проблематике времени. Публиковались источники по истории трудящихся классов и революционного движения, документы, разоблачающие внутреннюю и внешнюю политику царизма. Весьма показательно издание зимой 1917—1918 гг. семи выпусков «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел» периода подготовки Первой мировой войны.

Изменения в преподавании истории. Большевики поставили перед собой задачу перевести на марксистские пози-

ции преподавание истории в школе. Поскольку в короткие сроки сделать это было невозможно, вместо истории в средней школе вводилось преподавание обществоведения. Новый предмет объединял элементы экономики, права и истории. Историческая часть курса включала общие социологические законы развития общества и «общественных форм».

Для подготовки специалистов в области общественных наук в 1919 г. в Московском и Петроградском (впоследствии и в других) университетах вместо историко-филологических и юридических факультетов были организованы факультеты общественных наук (ФОН) с историческими, экономическими и политико-юридическими отделениями. На ФОНах, наряду с учеными «старой школы», преподавали историки-марксисты, такие как: В. В. Адоратский, В. П. Волгин, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, А. Д. Удальцов и др., которые читали курсы по истории социализма, революционного движения, революций 1905 и 1917 гг., истории партии и ленинизма. В середине 1920-х гг. ФОНы ликвидировали. В 1925 г. в МГУ¹ на их базе организовали этнологический факультет с историко-археологическим, этнографическим, литературным отделениями и отделением изобразительных искусств, в ЛГУ² — факультет языкознания и материальной культуры с двумя отделениями.

Установление связей с зарубежной исторической наукой.

После Октябрьской революции были прерваны связи между российскими и зарубежными исследователями. Наступление на буржуазную и мелкобуржуазную историческую науку, изоляция советской страны на международной арене не способствовали развитию контактов с международным сообществом историков.

Лишь в 1922 г. Оргкомитет V Международного конгресса историков направил в адрес РАН³ приглашение участвовать в работе конгресса. В состав российской делегации вошли В. В. Бартольд, Н. П. Оттокар и Е. В. Тарле. В 1924 г. академик Е. Ф. Карский участвовал в работе Первого Международного конгресса славянских географов и этнографов в Праге. В 1927 г. на конгрессе славянских географов и этнографов

¹ МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

² ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

³ РАН — Российская академия наук.

в Варшаве работала более представительная по численности делегация из СССР.

В июле 1928 г. группа историков-марксистов (М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, Н. М. Лукин, С. М. Дубровский, В. М. Фриче и др.) и историков «старой школы» (С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, М. М. Богословский, Д. Н. Егоров и др.) по приглашению Общества по изучению Восточной Европы посетила Германию. В Берлине прошла «Неделя советской исторической науки». В августе того же года историки из СССР (М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, В. П. Волгин, Е. А. Косминский, А. Е. Пресняков, В. И. Пичета, П. Ф. Преображенский, Е. В. Тарле и др.) приняли участие в работе VI Международного конгресса историков в Осло. В 1928–1929 гг. Советский Союз добился права представительства в ряде комиссий при Международном комитете исторических наук.

Начавшийся диалог между российскими и зарубежными учеными не получил развития. Более того, контакты с зарубежными учеными были поставлены в вину историкам «старой школы» во время «Дела академика Платонова» и историкам-марксистам в годы репрессий.

Подготовка обобщающих трудов по истории. Новая власть испытывала потребность в обобщающих работах по отечественной истории, написанных на основе марксистских позиций, с целью замены учебников, принадлежавших перу дореволюционных ученых. В создании таких работ решающую роль сыграли представители старшего поколения марксистских историков, сформировавшихся на рубеже XIX–XX вв. Они основывались на материале, написанном ими еще в дореволюционный период, но в советское время внесли в него серьезные коррективы.

В 1920 г. М. Н. Покровский выпустил книгу «Русская история в самом сжатом очерке». Две ее первые части охватывали историю России до конца XIX в., третья — 1896–1906 гг. (издана в 1923 г.). После знакомства с первыми двумя частями книги Ленин предложил сделать ее учебником, дополнив хронологическим указателем и историографическими сюжетами. До середины 1930-х гг. «Сжатый очерк» был главным учебным пособием по истории страны. Автор показал ее с точки зрения эволюции экономики и развития классовой борьбы, обосновывая закономерность и неизбежность русской революции. «Сжатый очерк» написан на основе дооктябрьского труда Покровского «Русская история с древнейших времен», дополненного новым материалом.

Н. А. Рожков в 1919—1926 гг. выпустил 12-томную «Русскую историю в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)», охватывающую период с древнейших времен до Октябрьской революции и гражданской войны. Показав русскую историю в сравнении с историей других стран и народов, Рожков выявил как общие, так и особенные черты русского исторического процесса. Для методологических воззрений Рожкова была характерна эклектика. Он постепенно эволюционизировал от представления о многомерности исторической науки к признанию материалистического понимания истории единственно верным.

В основе русской истории, по Рожкову, лежала социологическая схема, состоявшая из девяти периодов: первобытное общество, общество дикарей, варварское общество (VI—X вв.), феодальная революция (X—XII вв.), феодализм (XIII—XVI вв.), дворянская революция (XVI — первая четверть XVIII в.), старый порядок (вторая четверть XVIII — первая четверть XIX в.), демократическая революция (первая половина XIX в. — 1907 г.), капитализм. Схема Рожкова была далека от классической марксистской теории общественно-экономических формаций, однако при изложении фактического материала он последовательно придерживался формационного подхода к истории России.

Проблематика научных исследований. Изучение истории дореволюционной России не было приоритетным у историков-марксистов. Они обращались к тем проблемам, которые считали актуальными. В центре их внимания паходились сюжеты, связанные с народными движениями и социально-экономической историей. Своеобразие изучения этих проблем в 1920-е гг. заключалось в следующем: во-первых, историки-марксисты испытывали серьезное влияние концепции Покровского, во-вторых, не было ни одной проблемы, по которой они не вели дискуссии. Научные дискуссии вызывались как наличием в историческом сообществе различного понимания хода исторического процесса, так и влиянием нэпа, общеполитической обстановкой в стране, межпартийной и внутрипартийной борьбой.

Историки-марксисты посвящали немало своих работ юбилейным датам в истории народного движения. Изучение классовой борьбы в России было особенно актуальным в связи с отмечаемым в 1925 г. 150-летием восстания Емельяна Пугачева. Историки обсуждали вопросы о характере крестьянских войн, их руководителях и участниках. М. Н. Покровский

крестьянские восстания в XVII в. характеризовал как «крестьянскую революцию», которая в XVIII в. сменяется «буржуазной революцией», направленной против торгового капитала. В соответствии с этой концепцией Г. Е. Меерсон назвал пугачевщину ранней буржуазной революцией, вызванной столкновением двух типов первоначального капиталистического накопления: монополистического, связанного с царизмом, и свободного от монополии торгово-капиталистического на окраинах. Подавление восстания он объяснял поражением «американского пути» капиталистического развития сельского хозяйства.

В связи с другим событием — широко отмечавшимся в том же году столетним юбилеем декабристов, было опубликовано более 1300 работ. Среди историков-марксистов существовали различные мнения об историческом значении этого движения. М. С. Ольминский выступил против празднования юбилея, так как видел в декабристах лишь «движение дворян-землевладельцев». М. Н. Покровский к настоящим революционерам относил членов Южного общества и Общества соединенных славян. Северное общество он называл «типичной буржуазно-помещичьей группировкой». В духе концепции Покровского была написана работа М. В. Нечкиной об Обществе соединенных славян.

Выходили работы о А. Н. Радищеве, А. И. Герцене, М. А. Бакунине, С. Г. Нечаеве и многих других представителях русского революционного движения. Их деятельность оценивалась по-разному: В. В. Боровский считал Герцена социалистом, а В. М. Фриче не видел в нем и революционера. Столетие со дня рождения Н. Г. Чернышевского (1928) стимулировало проведение крупной дискуссии о его месте в русском революционном движении. Многие историки-марксисты находились под влиянием Г. В. Плеханова и считали революционеров-демократов выразителями настроений интеллигенции, а не крестьянских масс, заимствовавших идеи мыслителей Западной Европы.

Ю. М. Стеклов характеризовал Чернышевского как философа, самостоятельно пришедшего к марксистским выводам и даже осознавшего историческую роль пролетариата. Он считал, что Чернышевский первым в России обосновал коммунистические взгляды, «предупредившим многое из того, о чем учил Ленин». В дискуссии, организованной по этому поводу, концепцию Стеклова подвергли критике, противопоставив ей взгляды Ленина на Чернышевского как крестьянского революционера и революционного демократа.

Писали историки-марксисты и о народничестве. Ю. М. Стеклов причислял Бакунина к родоначальникам русского коммунизма. Против этого выступили Е. А. Мороховец и В. П. Полонский. М. Н. Покровский рассматривал революционные события накануне реформы 1861 г. и в пореформенный период как «народническую революцию», направленную против царизма и поддержанную кругами промышленной буржуазии, заинтересованной в борьбе с торговым капиталом и с его надстройкой — самодержавием.

Первостепенное внимание в марксистской историографии уделялось изучению социально-экономического развития страны накануне Октября 1917 г. В ходе дискуссии о характере российского империализма были изложены две различные концепции. Согласно первой, представленной в работах Н. Н. Ванага и С. Л. Ронина, признавалось наличие в России финансового капитала, подчинившего себе русские коммерческие банки и через них русскую промышленность. Л. Н. Крицман утверждал, что «система русского финансового капитализма не существовала», в России было лишь «расширение сферы эксплуатации иностранного финансового капитала». Такая концепция получила название «денационализаторской».

Другой концепции придерживались А. Л. Сидоров, И. Ф. Гиндин, Е. Л. Грановский и Г. Ц. Циперович. Они проследили развитие капитализма в России в начале XX в., проявившееся в росте накопления капиталов, образовании монополий, сращивании банковского и промышленного капитала. Приток иностранных капиталов, по утверждению этих авторов, — не единственная причина образования финансового капитала, а особенность развития капитализма в России. Эта концепция получила название «национализаторской». В итоге дискуссий по этой проблеме в 1929 и 1931 гг. взгляды о полуколониальном положении России были отвергнуты.

А. В. Шестаков, С. М. Дубровский и некоторые другие историки исследовали развитие капитализма в сельском хозяйстве России конца XIX — начала XX в., столыпинскую аграрную реформу, сельское хозяйство во время Первой мировой войны. Они преувеличивали уровень развития капитализма и не писали о сохранении полукрепостнических отношений. Ю. Ларин отмечал положительные стороны столыпинской реформы, видел наибольшие успехи развития капитализма не в крестьянском хозяйстве, а в помещичьем и главной причиной этого считал подъем цен на хлеб на мировом рынке.

Историки-марксисты внесли вклад в изучение внешней политики России. На этом научном направлении господствовала концепция М. Н. Покровского, который считал, что Первая мировая война была развязана странами Антанты. С. Д. Сказкин в работе «Конец австро-русско-германского союза» (1928) изучил отношения России с Австро-Венгрией и Германией в 70—80-е гг. XIX в.

Исследованием истории российского пролетариата, его участия в революционном движении, возникновении и развитии социал-демократического движения занимались как большевистские, так и меньшевистские авторы. Меньшевик М. С. Балабанов указывал на неоднородность российского пролетариата, на связь определенной его части с землей. Историки-меньшевики настаивали на стихийном характере участия рабочих в политической борьбе против царизма. Большевик Б. Павлов (Б. П. Козьмин) преувеличивал падение руководящей роли социал-демократии в этом процессе.

О российской социал-демократии писали меньшевистские лидеры Ю. О. Мартов («История Российской социал-демократии», «Мировой большевизм», «Записки социал-демократа»), Н. Н. Суханов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов; большевистские историки А. С. Бубнов, В. И. Невский, Н. Н. Попов, Е. М. Ярославский и др. В этой литературе сложилось несколько взглядов на истоки социал-демократического движения в России.

В. И. Невский писал о социал-демократии как течении, оформившемся под влиянием марксизма, а также социалистических идей народничества и народовольчества. Его оппоненты из меньшевистского лагеря считали, что социал-демократия возникала с момента создания группы «Освобождение труда». По Рожкову, подлинными марксистами в России — Г. В. Плеханов и меньшевики. Н. Л. Сергиевский в качестве предтечи большевизма рассматривал Д. Благоева. Многие историки-марксисты не разделяли взглядов Сергиевского — принятие этой точки зрения сближало ленинизм с народничеством, к которому тяготел Благоев. За преувеличение влияния народничества на социал-демократию Ольминский критиковал Невского.

Дискуссии по вопросу об истоках социал-демократии продолжались в 1923 г., когда отмечалось 25-летие I съезда и 20-летие II съезда РСДРП. Большевистские авторы приписывали историческую роль I съезда и возвеличивали значение II съезда в истории партии, так как он дал начало большевизму.

Годовщины 20-летия и 25-летия революции 1905 г. вызвали интерес к изучению истории первой русской революции. Споры развернулись по вопросу о ее характере. Меньшевистские историки продолжали настаивать на буржуазном характере революции 1905—1907 гг., большевистские авторы отмечали ее народный, в первую очередь, рабоче-крестьянский характер, однако и они не были единодушны. Л. Д. Троцкий, верный своей концепции «перманентной революции», отрицал революционные возможности крестьянства. Его мнение серьезно влияло на взгляды историков-марксистов, которые также писали о Первой русской революции как исключительно пролетарской и в поражении пролетарского движения видели разгром всей революции 1905 г. А. В. Шестаков и Мороховец признавали роль крестьянства в революции, изучали его выступления в 1906—1907 гг.

Развернулась дискуссия и по отдельным вопросам революции. Л. Д. Троцкий оценивал Советы, созданные в ходе революции, как органы самоуправления и «образ рабочей партии». Некоторые историки отстаивали ленинское понимание Советов как зарождавшихся органов восстания и революционной власти. По мнению Невского, в ряде случаев Советы становились полнокровными органами власти. А. В. Шестаков видел наивысший подъем революции в Октябрьской политической стачке 1905 г., а Е. М. Ярославский и С. И. Черномордик (П. Ларионов) — в Московском вооруженном восстании в декабре 1905 г.

В острой форме проходили дискуссии по вопросу оценки различных этапов революции 1917 г. В меньшевистской литературе распространилось мнение о Февральской революции как «истинной», «славной», «бескровной», «народной». Многие большевистские авторы не видели принципиальной разницы между февральским и октябрьским этапами единой революции 1917 г. М. Н. Покровский считал, что в феврале диктатура пролетариата была установлена де-факто, а в октябре оформлена де-юре. В 1927 г. в связи с 10-летием Октябрьской революции в ряде изданий была установлена четкая грань между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями.

Однако не все большевистские авторы признавали Октябрьскую революцию социалистической. С. А. Пионтковский высказал мысль о том, что она «была в одно и то же время и пролетарской, и буржуазно-демократической». Концепция о двойственном характере Октябрьской революции пользо-

васалась поддержкой вплоть до конца 1920-х гг. Л. Н. Крицман характеризовал ее как «совпадение антикапиталистической и антифеодальной революции». Такого же мнения придерживались авторы четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского (1926–1930).

В брошюре «Уроки Октября» (1924) Троцкий писал, что Октябрьская революция победила только потому, что большевизм в 1917 г. «идейно перевооружился» и принял его идею «перманентной революции». Излагая теорию «двух вождей» в революции, автор «Уроков Октября» доказывал, что руководство в дни переворота принадлежало ему, а не Ленину.

Публикация брошюры вызвала острую «литературную» дискуссию, в которой приняли участие И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. К. Крупская. Свое понимание революции, роли в ней Ленина и Троцкого Сталин представил в работах «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма», «Троцкизм или ленинизм». Пленум ЦК РКП(б) в январе 1925 г. расценил выступление Троцкого как попытку «подменить ленинизм троцкизмом».

Активное участие в борьбе с троцкизмом принял М. Н. Покровский. В очерке «Октябрьская революция в изображениях современников» (1927) он писал, что Троцкий заимствовал основы схемы русской истории у историков «государственной школы» и, опираясь на нее, пытается доказать невозможность победы социализма в Советской стране. В 1927 г. в «Очерках по истории Октябрьской революции» под редакцией М. Н. Покровского Октябрьская революция оценивалась как социалистическая.

В те же годы начала разрабатываться история иностранной интервенции и гражданской войны. В работах членов Военной академии, военно-научных обществ изучалась военно-оперативная сторона событий. К пятилетию основания Красной Армии (1923) вышли военно-исторические исследования, авторами которых были полководцы Красной Армии. М. Н. Тухачевский в книге «Поход за Вислу» писал о причинах неудач Красной Армии в советско-польской войне 1920 г. В дискуссии, вызванной выходом книги, приняли участие крупнейшие военачальники — С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, А. И. Егоров и др. Среди обобщающих трудов, освещавших весь период иностранной военной интервенции и гражданской войны, следует назвать работы Н. Е. Какурина и А. Анишева, трехтомный труд по истории Красной Армии и ее боевых действий, подготовленный военными историками.

Создавались работы, в которых анализировалась расстановка классовых сил в годы гражданской войны (С. И. Гусев).

В литературе 1920-х гг. были даны первые оценки проводимой большевиками нэп. Н. А. Рожков рассматривал нэп как возврат к идеям Февральской революции, реставрацию в России буржуазных порядков. С. И. Гусев видел в нэпе продолжение Октябрьской революции и подчеркивал, что, не будь гражданской войны, большевики в 1919—1920 гг. «вели бы ту же самую, по существу, “новую” экономическую политику (а не политику “военного коммунизма”, на которую нас вынудила гражданская война)».

Начало критики концепции М. Н. Покровского. Во второй половине 1920-х гг. историки-марксисты все чаще стали выступать с критическими замечаниями в адрес Покровского и его исторической концепции. Особые возражения вызывали положения ученого о торговом капитализме, народничестве и Первой мировой войне.

Покровский неоднократно писал о политическом значении истории: «...история есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего». В работах «Ленин и Маркс как историки», «Ленинизм и русская история» он пытался подвести взгляды Маркса и Ленина на историю под свою концепцию.

Различное понимание историками-марксистами основных категорий марксизма, отсутствие единообразия при характеристике «общественных форм», желание отказаться от теории торгового капитализма привели к дискуссии об общественно-экономических формациях. С. М. Дубровский в книге «К вопросу о сущности “азиатского” способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» (1929) поставил три вопроса, которые обсуждались в ходе дискуссии: об «азиатском» способе производства, торговом капитализме и крепостничестве. В итоге историки-марксисты пришли к выводу, что «азиатский» способ производства, упоминаемый в трудах Маркса, неверно считать особым способом производства, отличным от рабовладельческого и феодального. Они поддержали вывод Дубровского: в торговом капитализме нет оснований видеть не только особую формацию, но и определенный исторический период. Вместе с тем была отвергнута его концепция о феодализме и крепостничестве как разных формациях, крепостничество стали рассматривать как разновидность феодализма.

К концу 1920-х гг. Покровский отказался от многих своих прежних оценок исторических событий. Он внес в текст «Сжато очерка» многочисленные поправки, однако в своей основе его концепция русской истории осталась прежней.

15.2. Историки «старой школы» в Советском государстве

Революция 1917 г. серьезно повлияла на судьбы немарксистских историков. Многие из них не приняли изменений в стране и эмигрировали за границу. Оставшиеся в Советской России продолжали свои исследования. Эта группа историков, чьи взгляды сформировались на рубеже XIX–XX вв., не представляла единого целого, в нее входили представители официально-охранительного, либерального и различных социалистических течений (прежде всего, неонароднических).

Советская власть развернула наступление на немарксистскую историческую науку. Ленин настаивал на ограничении преподавательской деятельности историков «старой школы», так как речь шла о воспитании молодежи. На основании принятого большевиками декрета о печати в течение 1918 г. были закрыты многие исторические журналы: «Русская старина», «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», «Вестник археологии и истории» и др. Историки-марксисты выступали с критикой трудов ученых «старой школы». В созданных новой властью журналах регулярно печатались статьи и рецензии В. В. Адоратского, В. И. Невского, М. Н. Покровского, Г. С. Фридлянда и многих других, доказывающих несостоятельность буржуазной методологии, развенчивающих «идеалистические» исторические концепции.

В августе — сентябре 1922 г. по решению Политбюро ЦК РКП(б) из Петрограда, Москвы, Киева и других городов России в административном порядке выслали за рубеж по разным подсчетам от 186 до 300 крупных представителей «старой» интеллигенции. Среди них историки А. В. Флоровский, Л. П. Карсавин, А. А. Кизеветтер, С. П. Мельгунов и др. Обсуждался вопрос о высылке из России Н. А. Рожкова. Р. Ю. Виппер в 1924 г. эмигрировал в Латвию и до 1941 г. работал профессором в университете в Риге.

Власть пыталась взять под свой контроль Петроградскую Академию наук. В год 200-летнего юбилея (1925) ее преобразовали в Академию наук СССР (АН СССР). В состав

АН СССР внедряли марксистские структуры. Тем не менее, вплоть до конца 1920-х гг. АН СССР была центром, в котором доминировали представители «старой» науки.

Организация научных исследований. Представители немарксистских историков, по существу, задавали тон в деятельности научно-исторических учреждений, исторических обществ, ряда журналов, на кафедрах высшей школы, созданных до революции. Это были профессиональные ученые, обладавшие большим опытом исследовательской работы: С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, М. К. Любавский, В. И. Пичета, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле, П. Е. Щеголев и др. Многие из них работали в Академии наук и университетах, публиковали свои труды в периодических изданиях: «Русский исторический журнал» (1917–1922), «Дела и дни» (1920–1922), «Анналы» (1922–1924).

Появившиеся научно-исторические учреждения объединили преимущественно историков «старой школы». В 1919 г. на основе Императорской археологической академии возникла Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК). В 1921 г. при Московском и Петроградском университетах были организованы Институты истории. Спустя два года они и ряд других исторических учреждений были преобразованы в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

До конца 1920-х гг. историки «старой школы» объединялись в научные общества (Общество истории древностей российских при Московском университете, Русское историческое общество в Ленинграде, Московское археологическое общество, Русское археологическое общество). В 1919 г. в Петрограде активисты социалистических партий образовали Общество изучения истории освободительного и революционного движения в России. Одним из его организаторов был Щеголев. В 1921 г. в Москве создается Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, в котором преобладали представители неонароднических течений. Периодическим органом Общества стал журнал «Каторга и ссылка».

В период нэпа в Советской стране бурно развивалось краеведческое движение. Специалисты, в том числе историки, работавшие на местах, шли работать в краеведческие организации, поскольку их активно вытесняли из образования. На Урале до 1929 г. работало Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), созданное еще в 1870 г., в Пермском

университете до 1928 г. — кружок по изучению Северного края во главе с П. С. Богословским. В крупных городах существовали ученые архивные комиссии, объединявшие главным образом «старых» специалистов.

ГАИМК, Институт истории РАНИОН и краеведческие организации являлись теми сферами, в которых историки «старой школы» могли работать как профессионалы. Многие из них тесно сотрудничали с новой властью, занимали руководящие должности в исторических учреждениях. С. Ф. Платонов был руководителем Петроградского отделения Главного архивного управления СССР, председателем Археографической комиссии, ректором преобразованного Петроградского археологического института, директором Пушкинского дома и Библиотеки АН СССР, в марте — ноябре 1929 г. — он академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР. Ряд исследовательских исторических институтов в Петрограде возглавлял А. Е. Пресняков, Московское отделение Главного архивного управления СССР — М. К. Любавский, он же участвовал в разработке декрета «О губернских архивных фондах». Председателем Петроградского отделения Главного архивного управления СССР был П. Е. Щеголев.

Историки «старой школы» активно работали в Археографической комиссии Академии наук: они выявили новые тексты Русской Правды, переиздали русские летописи — Новгородскую IV, Лаврентьевскую, благодаря им появилось учебное издание «Повести временных лет». Сборники документов, составленные по материалам хозяйств боярина Б. И. Морозова, купцов и промышленников Строгановых, Троице-Сергиева монастыря, писцовые книги раскрывали важнейшие вопросы аграрной истории дореволюционной России.

Методологические основы историков «старой школы». В своих работах, созданных после Октябрьской революции, историки «старой школы» стояли на прежних методологических позициях. Они отстаивали представления о ведущей роли государственности в историческом процессе, «закрепощении» и «раскрепощении» созданных государством сословий, бесклассовом характере русского исторического развития, приоритете в истории политических, юридических и нравственно-эстетических факторов. Широкое распространение среди обществоведов получило неокантианство. Эти позиции в объяснении исторического процесса отстаивали Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, В. М. Хвостов и др. После революции А. С. Лаппо-Данилевский приступил к подготовке

нового издания своей книги «Методология истории», первый том вышел в 1923 г. уже после смерти автора.

Вместе с тем, немарксистские историки вынуждены были реагировать на новые реалии, возникшие в исторической науке России после Октябрьской революции. В результате давления, оказываемого на ученых «старой школы», Р. Ю. Виппер, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле, С. А. Голубцов пришли к выводу о необходимости сочетать идейные и экономические моменты в объяснении исторического развития. Н. И. Кареев призывал историков быть вне борьбы партий и классов, признать марксизм как одно из направлений в современной социологии.

Под влиянием неокантианства историки «старой школы» находились вплоть до конца 1920-х гг. Д. М. Петрушевский в книге «Очерки по экономической истории средневековой Европы» (1928) называл социально-экономические категории, которыми оперировала марксистская методология, субъективными конструкциями.

Проблематика научных исследований. Позиции историков «старой школы» были наиболее сильны в историографии Древней и средневековой России. Многие из них высказывали отношение к проблеме существования феодализма на Руси, поставленной в работах Н. П. Павлова-Сильванского, П. И. Беляева, К. А. Неволлина и других дореволюционных историков. Так, С. В. Юшков сначала изучал историю IX—XI вв., исходя из схемы Ключевского о торговом характере Древней Руси, а затем пришел к выводу о феодальном характере социальных отношений этого периода, хотя преуменьшал степень феодализации в домонгольский период. М. М. Богословский в работе о средневековом Пскове писал, что наличие явлений феодализма было замечено уже давно и получило признание в отечественной историографии; однако Псков был большим торговым городом, где «развитая торговля мешала возникновению феодальных отношений».

Обобщающие работы по истории Древней и средневековой Руси принадлежат **Александру Евгеньевичу Преснякову** (1870—1929) — члену-корреспонденту Петроградской Академии наук (1920), члену-корреспонденту АН СССР (1925), специалисту в области истории Древнерусского государства и права, землевладения на русском Севере, политической истории и русского революционного движения. В 1893 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. После 1917 г. Пресняков продолжал служить на избранном им научно-педагогическом по-

прище: участвовал в архивном строительстве, в организации исследовательских учреждений и подготовке научных кадров, был профессором Петроградского университета, деканом археографического факультета Петроградского археологического института, позднее преподавал в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, в Институте красной профессуры. А. Е. Пресняков создал оригинальную концепцию истории Древней Руси, внес значительный вклад в изучение крупных проблем российской истории XVII—XX вв., в разработку теории и методологии истории, историографии и источниковедения. Его дореволюционные сочинения «Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий» (1909), «Правительствующий Сенат в царствование Елисаветы Петровны» (1911), выросшая из университетских лекций монография «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий» (1918) снискали Преснякову славу талантливого исследователя. В послереволюционные годы он пересмотрел свои историко-философские воззрения, устремился к марксистской социологии и предпринял попытки приложить идеи марксизма к изучению прошлого.

Обращаясь к разработке теоретических вопросов феодализма в России, Пресняков признавал наличие его в Древней Руси и считал, что процесс феодализации начинался не в киевском периоде, а в XIV—XV вв. Великороссия была типичным феодальным государством. Занимаясь изучением проблем восточнославянского этногенеза, ученый сформулировал новый метод комплексного историко-археолого-лингвистического исследования. Работы Преснякова, писал С. В. Чирков, «проникнуты стремлением слить “доисторический” и “исторический” периоды в жизни Восточной Европы, представить их историю в виде целостного единого процесса и обнаружить истоки прогрессивного развития культуры ее древних обитателей».

В 1920-х гг. научные интересы ученого сместились в область изучения новой и новейшей истории России. Он разрабатывал вопросы истории международных отношений XVIII—XIX вв., декабристоведения, первой русской революции, рецензировал документальные публикации о царствовании Николая II, революции и гражданской войне. Особое внимание уделял Пресняков истории исторической науки, в 1923 г. издал книгу «Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики», создал «историографические

Историки России

Лаппо-Данилевский
Александр Сергеевич
(1863—1919)

Петрушевский
Дмитрий Моисеевич
(1863—1942)

Чечулин
Николай Дмитриевич
(1863—1927)

Кизеветтер
Александр Александрович
(1866—1933)

Богословский
Михаил Михайлович
(1867—1929)

Довнар-Запольский
Митрофан Викторович
(1867—1934)

Павлов-Сильванский
Николай Павлович
(1869—1908)

**Покровский
Михаил Николаевич
(1868–1932)**

**Рожков Николай
Александрович
(1868–1927)**

**Пресняков
Александр Евгеньевич
(1870–1929)**

Рязанов
Давид Борисович
(1870–1938)

Струве
Петр Бернгардович
(1870–1944)

Богоявленский
Сергей Константинович
(1872–1947)

Готье
Юрий Владимирович
(1873–1943)

Тарле
Евгений Викторович
(1874–1955)

Дживелегов
Алексей Карпович
(1875–1952)

Карташев
Антон Владимирович
(1875–1960)

Веселовский
Степан Борисович
(1876–1952)

Невский
Владимир Иванович
(1876–1937)

Щёголев
Павел Елисеевич
(1877–1931)

Пичета
Владимир Иванович
(1878–1947)

Яковлев
Алексей Иванович
(1878–1951)

Присёлков
Михаил Дмитриевич
(1881–1941)

Архангельский
Сергей Иванович
(1882–1958)

Бахрушин
Сергей Владимирович
(1882–1950)

Греков
Борис Дмитриевич
(1882–1953)

Дружинин
Николай Михайлович
(1886–1986)

Федотов
Георгий Петрович
(1886–1951)

Валк
Сигизмунд Натанович
(1887–1975)

Вернадский
Георгий Владимирович
(1887–1973)

Николаевский
Борис Иванович
(1887–1966)

Карпович
Михаил Михайлович
(1888–1959)

Романов
Борис Александрович
(1889–1957)

Сказкин
Сергей Данилович
(1890–1973)

Новосельский
Алексей Андреевич
(1891–1967)

Тихомиров
Михаил Николаевич
(1893–1965)

Мицц
Исаак Израилевич
(1896–1991)

Панкратова
Анна Михайловна
(1897–1957)

Нечкина
Милица Васильевна
(1901–1985)

Арциховский
Артёмий Владимирович
(1902–1978)

**Зайончковский
Петр Андреевич
(1904–1983)**

**Черепнин
Лев Владимирович
(1905–1977)**

**Лихачев
Дмитрий Сергеевич
(1906–1999)**

**Нарочницкий
Алексей Леонтьевич
(1907–1989)**

**Окладников
Алексей Павлович
(1908–1981)**

**Пиотровский
Борис Борисович
(1908–1990)**

**Рыбаков
Борис Александрович
(1908–2001)**

**Севостьянов Григорий
Николаевич
(1916–2013)**

Зимин
Александр Александрович
(1920–1980)

Поляков Юрий
Александрович
(1921–2012)

Тарновский
Константин Николаевич
(1921–1987)

Волобуев
Павел Васильевич
(1923–1997)

**Ковальченко
Иван Дмитриевич
(1923–1995)**

**Бовыкин
Валерий Иванович
(1927–1998)**

**Фурсенко
Александр Александрович
(1927–2008)**

**Буганов
Виктор Иванович
(1928–1996)**

Милов
Леонид Васильевич
(1929–2007)

Болховитинов
Николай Николаевич
(1930–2008)

Старцев
Виталий Иванович
(1931–2000)

Новосельцев
Анатолий Петрович
(1933–1995)

портреты» С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, М. А. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. Д. Чечулина, А. А. Шахматова. В 1928 г. в связи с выдвижением его кандидатуры в действительные члены АН СССР газета «Известия» писала: «Большие научные данные, соединенные с исключительной преданностью делу преподавания, делают А. Е. Преснякова в глазах самой широкой советской общественности одним из наиболее крупных ученых нашего времени».

Активно разрабатывались в трудах ряда историков «старой школы» вопросы складывания государственной территории Руси в результате колонизационных процессов (С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин, А. А. Введенский, С. В. Рождественский, А. А. Савич и др.). С. Ф. Платонов в работе «Прошлое русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья» (1923) утверждал, что ранняя колонизация Поморья была «боярской, промысловой, капиталистической». Историк выделял в этом регионе два этапа колонизации: до середины XV в. — новгородцами, со второй половины XV в. — москвичами. При описании особенностей колонизации Сибири ученый подробно осветил роль Строгановых. М. К. Любавский в работе о колонизации Севера и Северо-Восточных районов Руси XIV—XV вв. писал о «народнохозяйственных и военно-политических факторах совершавшегося объединения». Он положительно оценивал «великорусскую колонизацию» в среде «инородческого населения», не обонел вниманием и колонизационную деятельность монастырей.

Проблему крепостного права С. Ф. Платонов рассматривал на общем фоне «общегосударственной жизни», в том числе в связи с опричниной. В исследованиях С. Б. Веселовского, А. Е. Преснякова и многих других авторов возникновение крепостного права связывалось с историей сеньориального или вотчинного права. Б. Д. Греков при изучении причин возникновения крепостного права выводил их из так называемого экономического кризиса 70—80-х гг. XVI в., связывая его с развитием торгового капитализма.

Политическая история средневековой России разрабатывалась в работах С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, Р. Ю. Виппера, Ю. В. Готье. А. Е. Пресняков, исходя из представления о великокняжеской (а затем и царской) власти как о надклассовой силе, ее главную задачу усматривал в объединении всех материальных средств страны для организации самообороны от иноземных вторжений, налаживании внешних торговых

путей, «необходимых для развития народнохозяйственной жизни».

Для Виппера Иван III и Иван IV являлись гениальными организаторами и вождями крупнейшей державы своего времени. С. Ф. Платонов рассматривал Ивана IV как крупного государственного деятеля и объяснял основные линии его поведения тягостными впечатлениями, полученными в детстве, мирозерцанием, стремлением к самодержавному правлению. Опричнину историк считал средством ослабления знати. Продолжая свои исследования по истории Смутного времени, начатые в дореволюционный период, Платонов призывал к «моральной реставрации» образа Бориса Годунова, сумевшего стать российским самодержцем. По его словам, «Борис не служил никакому частному или классовому интересу», ибо чисто «государственный интерес» лежал в основе всех его начинаний.

Ю. В. Готье видел в государстве надклассовый орган, который стоит на страже интересов всего общества. Причины Смуты он объяснял чрезмерным напряжением сил государства, нарастающим недовольством в народных массах, расколом в правящих кругах.

Истории России нового времени посвящены работы М. М. Богословского и С. Ф. Платонова о Петре I, монографии и статьи А. Е. Преснякова об Александре I, Николае I, Александре II и Александре III, сочинение Ю. В. Готье о внутренней политике России второй четверти XIX в. Е. В. Тарле, исследуя историю внешней политики, доказывал агрессивность германского империализма накануне Первой мировой войны и отрицал роль Англии, Франции и России в ее развязывании. Б. А. Романов занимался вопросами дальневосточной политики царизма и дипломатической историей русско-японской войны 1904—1905 гг.

Представители «старой школы» высказывали мнение и по тем проблемам, которые разрабатывали историки-марксисты. Ю. И. Гессен, А. Е. Пресняков, С. В. Бахрушин, К. А. Пажитнов, П. Г. Басенки, В. И. Пичета и другие историки принимали участие в деятельности Комиссии по истории труда в России, публиковали свои исследования по истории рабочего класса и крестьянства на страницах «Архива истории труда» (1921—1925). К. А. Пажитнов, продолжая традиции дореволюционной историографии, в духе работ В. И. Семеновского указывал на неоднородность российского пролетариата как его отличительную черту, акцентировал

внимание на его пестром составе, связи определенной части с землей. П. Г. Васенко выпустил работу об условиях жизни промышленных рабочих Русско-Американской компании.

Неонародники изучали развитие крестьянского хозяйства в дореволюционной России и вытеснение им крупного, помещичьего капиталистического хозяйства, отмечали успехи столыпинской аграрной реформы и настаивали на необходимости развития в советской стране крупного частного хозяйства в земледелии.

Историю русского революционного движения в 1920-е гг. изучали В. И. Пичета, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин, С. Н. Валк и др. Их оценки значительно отличались от тех, которые давали историки-марксисты. Так, Р. В. Иванов-Разумник изложил историю общественной мысли от Радищева до начала XX в. как борьбу индивидуализма с мещанством, которую ведет интеллигенция. Он считал, что революцию 1905 г. совершила интеллигенция.

О декабристах писали Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, С. Н. Чернов, П. Е. Щеголев и др. При этом они разрабатывали и те аспекты движения, к которым почти не обращались историки-марксисты. А. Е. Пресняков в монографии «14 декабря 1825 г.» рассмотрел социально-экономические основы декабристского движения, «кризис верхов» накануне восстания. В центре внимания Грекова находилась тема, связанная с тамбовским именем М. С. Лунина и хозяйственным состоянием страны накануне выступления декабристов. С. Н. Чернов писал об истоках освободительного движения в России.

П. Е. Щеголева, С. П. Мельгунова занимала проблема деятельности органов политического сыска в конце XIX — начале XX в., провокация как метод борьбы царизма с революционным движением. М. К. Лемке изучал историю царской цензуры.

События, произошедшие в России в октябре 1917 г., историки «старой школы» объясняли через призму действия субъективного фактора. По Р. Ю. Випперу, Октябрьская революция еще раз доказала, что «над миром человеческих отношений» господствуют идеи. П. А. Сорокин рассматривал ее как взрыв, который привел к власти людей, привыкших командовать над другими людьми.

В 1918—1919 гг. вышли сборники статей, подготовленные эсеровскими авторами: «Большевики у власти. Социально-экономические итоги Октябрьского переворота», «Год русской революции», «Из недавнего прошлого». Авторы статей

указывали на отсутствие в такой отсталой стране, как Россия, объективных условий для социалистической революции и диктатуры пролетариата, обвиняли большевиков в разрушении русской государственности, гражданственности и культуры, в голоде и разрухе народного хозяйства, разложении армии. Н. В. Святицкий на страницах одного из сборников, основываясь на итогах выборов в Учредительное собрание, доказывал, что большевики не пользовались поддержкой не только среди населения России в целом, но даже вели за собой меньшинство пролетариата.

15.3. Историческая наука русской эмиграции

После 1917 г. значительное количество научных работников, в том числе историков, покинули Россию и продолжили свою научную и педагогическую деятельность в эмиграции. Школа Московского университета была представлена в зарубежье П. Н. Милюковым и А. А. Кизеветтером, Петербургского — Н. П. Кондаковым, М. И. Ростовцевым и др. В изгнании оказались историки разных возрастных групп, часть из них сформировалась как ученые уже за рубежом (П. Е. Ковалевский, С. Г. Пушкарёв).

Центры эмигрантской исторической науки возникли в Берлине, Париже, Белграде и в других городах различных частей света (Европы, Азии и Америки). Особое место среди них занимала Прага. Благодаря поддержке президента Чехословакии Т. Масарика здесь были созданы русские научные и учебные заведения: семинар Н. П. Кондакова по истории русского и византийского искусства и археологии (впоследствии Институт им. Н. П. Кондакова), Русское историческое общество, Русский народный университет, Юридический факультет. В Праге работали ученые, занимавшиеся русской историей, историей искусства и археологией, византинисты, славяноведы. Широкое международное признание получили труды Русского исторического общества (его первым председателем был Е. Ф. Шмурло), сборники трудов семинара Н. П. Кондакова.

Важную роль в сохранении научных традиций играли учебные центры Русского зарубежья. К началу 1924 г. в 12 западноевропейских странах сложилась сеть русских учебных заведений: 47 низших, 43 средних и 8 высших школ, в них обучалось свыше 11 тысяч учеников и студентов.

Распространением знаний о российской науке и культуре занимались Союз русских академических организаций, в который объединились созданные в разных странах академические группы; эмигрантские музейные собрания — по всему миру их насчитывалось около 40. Важную роль играли периодические общественно-исторические издания (среди них — «Записки Русского научного института в Белграде», «Сборники Русского археологического общества», «Труды русских ученых за границей» и др.).

В 1923 г. постановлением Главного комитета Всероссийского земского и городского союзов (Земгор) и при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Чехословакии был создан Русский заграничный исторический архив. Многие эмигрантские организации присылали в архив обязательные экземпляры издаваемых ими материалов. В результате Русский заграничный исторический архив собрал уникальную коллекцию книг и брошюр по вопросам политики, идеологии и быта русской эмиграции. В 1929 г. началась издательская деятельность архива, с 1931 г. сюда поступали личные архивы писателей и литературных объединений.

Проблематика исследований. В связи с недоступностью для историков-эмигрантов отечественных архивных и библиотечных материалов они сосредоточили свою деятельность на изучении славянской тематики, истории Византии и стран Западной Европы. В трудах, посвященных истории России, главное внимание уделялось допетровской эпохе, прежде всего проблеме влияния норманнов на первый период истории Руси, а также темам, практически не разрабатывавшимся в советской историографии: история церкви, религиозная культура, вопросы генеалогии.

Предметом исследований ряда ученых являлась Киевская Русь в системе международных отношений. Так, профессор Белградского университета Г. А. Острогорский при рассмотрении сходства древнерусских государственных институтов с византийскими пришел к выводу о несостоятельности утверждений о вассальной зависимости Руси от Византии. Сотрудник Института им. Н. П. Кондакова Д. А. Расоковский опубликовал оригинальный материал по истории черных клобуков, печенегов, торков, берендеев и половцев. М. В. Шахматов посвятил большое исследование органам власти и управления в Московской Руси IX—XVII вв.

С. Г. Пушкикарев исследовал отношения церкви и государства в феодальной России. В монографиях «Свято-Троиц-

кая Сергиева Лавра» (1928) и «Роль православной церкви в истории русской культуры и государства» (1938) он проанализировал взаимоотношения мира и монастыря на Руси в XIV—XVII вв. С. Г. Пушкарев занимался историей происхождения крестьянской поземельно-передельной общины. По его мнению, в Московском государстве отсутствовали признаки «первобытного земельного коммунизма или коллективизма», община была порождена реформами Петра I о подушном обложении.

Первой крупной работой историка-медиевиста, философа и религиозного мыслителя **Георгия Петровича Федотова** (1886—1951), выпускника историко-филологического факультета Петербургского университета, стала монография «Абеляр», изданная в 1924 г. В следующем году он эмигрирует в Париж, где преподавал в Православном богословском институте, вместе с И. И. Фондаминским и Ф. А. Степуном редактировал журнал «Новый град». В 1941 г. Федотов переезжает из Франции в США, работает приглашенным профессором в Богословской школе при Йельском университете (Нью-Хейвен), а с 1943 г. — профессором русской православной Свято-Владимирской семинарии (Нью-Йорк). Его основные труды «парижского» и «американского» периодов эмиграции, получившие широкую известность: «Святой Филипп, митр. Московский» (1928), «И есть, и будет: Размышления о России и революции» (1932), «Русская религиозность» (1946; 1966), «Святые Древней Руси (X—XVII вв.)» (1959). Значительный интерес представляют публицистические статьи Федотова по философии русской истории и культуре «Судьба и грехи России» (1991).

История России XIX в. отражена в исследованиях А. Н. Фатеева о проекте конституции М. М. Сперанского и П. А. Остроухова о Нижегородской ярмарке, ее общей конъюнктуре за 50 лет, с 1817 по 1867 г. Проблемы российского освободительного движения интересовали историков-эмигрантов слабо. Среди них выделим работы Н. С. Жекулина о ранних занятиях П. И. Пестеля политэкономией и Б. Е. Евреинова о М. А. Бакунине.

Политическая неоднородность эмиграции, наличие в ней различных групп и течений — от монархистов до меньшевиков и эсеров — в наибольшей степени проявились в литературе, посвященной истории революции и гражданской войны в России. Научные исследования и мемуары на эту тему отражали ожесточенные споры в среде русской эми-

грации, которые сводились к осмыслению истоков революции, поиску виновных в катастрофе, постигшей белое движение. Уже в 1919 г. в Киеве вышла работа П. Н. Милюкова «История второй русской революции». Происшедшие события в России автор объяснял слабостью государственности и социальных прослоек, «упорством» старого, царского режима, «неискренностью» его уступок обществу, т.е. либеральной буржуазии. В изданных в 1920-е гг. двух томах «Истории второй русской революции» и в монографии «Россия на переломе» концепция Милюкова получила дальнейшее развитие и обоснование.

Историографический интерес представляют «Очерки русской смуты» А. И. Деникина (Париж; Берлин, 1921—1926); «Красный террор в России. 1918—1923» С. П. Мельгунова (Берлин, 1923); монография Н. Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.» (Париж, 1937). При всей разнице во взглядах на события в России историки-эмигранты были едины в их оценке: они отрицали закономерность и прогрессивность свершившейся в октябре 1917 г. революции.

В методологическом отношении историческая наука русского зарубежья была многопланова. Часть историков (П. Н. Милюков) по-прежнему придерживалась традиций «старой школы», схемы В. О. Ключевского. Крупными направлениями в области методологии истории были социологическое (Е. Ф. Шмурло, П. М. Бицилли) и теософское (Л. П. Карсавин, Г. В. Флоровский). Важное место занимали проблемы философии истории в творчестве Н. А. Бердяева.

Широкое распространение в 1920-е гг. среди эмигрантских деятелей получили идеи евразийства¹. «Отцом» евразийства считается языковед и философ князь Н. С. Трубецкой. В книге «Европа и человечество» (1920) он выступил против романо-германизации России, отстаивал принцип равноценности всех культур и народов и с этих позиций отвергал одностороннее насаждение чужой культуры. В работе «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925) Трубецкой писал о «неправильности» признания России «продолжением Киевской Руси». По его мнению, первым образованием, из которого вышло Русское государство, стала монгольская держава Чингисхана. После распада

¹ Евразийство — философско-политическое движение, выступающее за отказ от европейской интеграции России в пользу интеграции с центральноазиатскими странами.

этой империи Москва продолжила ее евразийскую политику, опираясь на традиции православия.

Один из ведущих теоретиков евразийства — П. Н. Савицкий — экономист, географ и философ — происхождение этого понятия объяснял географическим фактором. В массиве земель Старого Света, отмечал он, выделяется срединный материк — «Евразия», на его пространстве и разворачивается история России, страны, которая не является ни Европой, ни Азией, а геополитическим миром в себе. Особенности исторического и культурного развития России — Евразии обусловлены ее природно-географическими условиями и исторически сложившимися в ней внутриэтническими отношениями. Социально-политическую среду, рассматриваемую неразрывно от территории, Савицкий обозначил ключевым в евразийской теории понятием «месторазвитие».

Пропагандируя основы евразийского учения, его сторонники апеллировали к опыту прошлого. При этом первостепенное внимание уделялось пересмотру господствовавших историографических традиций. В этой связи особое значение имело выступление на стороне евразийцев профессиональных историков. Евразийская точка зрения на русский исторический процесс наиболее последовательно выражена в книгах Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» (1927), «Опыт истории Евразии» (1936), «Звенья русской культуры» (1938).

Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973) — сын выдающегося естествоиспытателя и философа В. И. Вернадского. После окончания историко-филологического факультета Московского университета (1910) его оставили на кафедре русской истории для «подготовки к профессорскому званию». С 1913 г. Вернадский — приват-доцент Петербургского университета, в 1917 г. защищает магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II», последующие три года работает в Пермском и Симферопольском филиалах Киевского университета. В Крыму при П. Н. Врангеле Вернадский занимал пост начальника отдела печати, после поражения белых эмигрировал.

В 1922—1927 гг. Вернадский жил и работал в Праге, преподавал в Русском юридическом институте, много работал в архивах Берлина, Вены, Парижа, где изучал русские летописи; участвовал в работе семинара Н. П. Кондакова (с 1925 г. возглавил его). Движение Вернадского к евразийству было вызвано его интересом к взаимосвязи степной, византийской

и славянской культур, колонизации русскими Евразийского материка. Исследователь его творчества Н. Е. Соничева отмечала, что в евразийстве ученого привлекли «некоторые ключевые историко-философские идеи, сходные с его собственными. Никогда не присоединяясь к этому движению политически, Вернадский заимствовал евразийский словарь и своими работами подвел историческую основу под евразийскую доктрину».

Движущей силой развития русского общества историк считал «взаимное давление русской народности и окружающей среды». Русский народ, подчеркивал он, «занял место в истории благодаря тому, что оказываемое им давление было способно освоить это место». В основе концепции Вернадского — взаимодействие природных и социальных факторов. Размещение на территории Евразии четырех почвенно-климатических зон (безлесная тундра, лесная зона, степная зона, зона безлесных пустынь) в значительной мере обусловило направление и результаты миграционных процессов. Это и определило этнический облик Евразии, «соотношение между лесом и степью».

В русской истории Вернадский выделял пять периодов: с древнейших времен до смерти Святослава Игоревича в 972 г., когда имели место попытки объединения леса и степи; с 972 г. до нашествия Батыя на Русь в 1238 г. — время борьбы между лесом и степью; с 1238 г. до основания зависимого от Москвы Касимовского татарского царства в 1452 г. — победа степи над лесом; 1452—1696 гг. — победа леса над степью в результате распада Золотоордынской державы и возвышения Москвы, этот период заканчивается взятием Петром I Азова; 1696—1917 гг. — объединение леса и степи «в отношении хозяйственно-колонизационном», в этот период Российское государство распространяется почти до естественных пределов Евразии. Таким образом, делал вывод ученый, унаследовав традиции монгольской государственности и византийского православного христианства, Россия в ходе исторического развития превратилась в евразийскую империю. Это было логическим завершением многочисленных попыток русского народа создать единую государственность.

Дальнейшая разработка исторической концепции Вернадского связана с «американским» периодом его жизни и творчества. В 1927 г. он стал преподавателем Йельского университета. Через год на английском языке выходит однотомная «История России» Вернадского, которая впоследствии неод-

покрatio переиздавалась. С интересом на Западе встретили его работы «Ленин: красный диктатор», «Русская революция: 1917—1932», «Политическая и дипломатическая история России». В середине 1930-х гг. совместно с М. М. Карповичем Вернадский приступил к созданию многотомной «Истории России». Первые ее тома (до возникновения Российской империи) должен был написать Георгий Владимирович, остальные — Карпович. Работа ученого над проектом продолжалась свыше четверти века: 1-й том — «Древняя Русь» — вышел в 1943 г., 5-й том — «Московское царство» — в 1969 г. Изложение событий русской истории Вернадский довел до 1682 г. В этом и других его сочинениях, созданных в США, получила развитие оригинальная концепция русской истории, включавшая в себя учение Владимира Ивановича Вернадского о ноосфере. В ее основе — тезис о взаимодействии природы и общества как главном содержании всемирно-исторического процесса.

Г. В. Вернадский — выдающийся русский историк. В то же время он и американский ученый, оказавший большое влияние на становление русистики в США. Многие его труды, изданные на английском языке, лишь спустя годы были переведены на русский. Объясняется это, в частности, следующим: на Западе работы историков-эмигрантов, написанные на иностранных языках, получали преимущественное право для публикации. Так, на английском языке издали курсы истории Д. П. Святополк-Мирский (1927) и М. Т. Флоринский (1940), на итальянском — Е. Ф. Шмурло (1928—1930), на французском — Н. Брянчанинов (1929). В 1930-е гг. на французском и английском языках вышел трехтомник по русской истории под редакцией П. Н. Милюкова.

Постепенно обозначился процесс денационализации российской исторической науки за рубежом, «растворения» ее в традиционной западной историографии.

Особенностью развития исторической науки в Советском государстве вплоть до конца 1920-х гг. являлось сосуществование двух научных направлений — марксистского и немарксистского. Каждое из направлений имело свои научные учреждения и занималось собственной проблематикой исследований. Марксистских историков больше интересовали проблемы социально-экономической и политической истории России периода капитализма и советской эпохи, а также история российского революционного движения. Историки «старой школы» разрабатывали традиционные для русской историографии проблемы феодальной истории страны. Между

представителями двух направлений часто проходили дискуссии. Это свидетельствовало о том, что в исторической науке в первое послеоктябрьское десятилетие имел место научный плюрализм.

Другая особенность развития отечественной историографии в рассматриваемый период — становление ее в русском зарубежье. Историки-эмигранты внесли весомый вклад в разработку методологии исторического исследования, создали немало ценных конкретно-исторических трудов, особенно по проблемам, которые в силу идеологических причин не исследовались в советской исторической науке.

Источники

Биццли, П. М. Очерки теории исторической науки / П. М. Биццли. — Прага, 1925.

Вернадский, Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. — Прага, 1927.

Вернадский, Г. В. Русская история / Г. В. Вернадский. — М., 1997. Т. 1—5.

Виппер, Р. Ю. Круговорот истории : сб. ст. / Р. Ю. Виппер. — М. ; Берлин, 1923.

Дубровский, С. М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала / С. М. Дубровский. — М., 1929.

Милюков, П. Н. История второй русской революции / П. Н. Милюков. — София, 1921—1923.

Невский, В. И. Очерки по истории Российской коммунистической партии. — М., 1923. — Т. 1 (М., 1935).

Платонов, С. Ф. Иван Грозный (1530—1584) / С. Ф. Платонов. — Пг., 1923.

Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. — М., 1920—1923.

Пресняков, А. Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий / А. Е. Пресняков. — Пг., 1918.

Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : в 12 т. / Н. А. Рожков. — М., 1918—1926.

Савицкий, П. Н. Избр. / П. Н. Савицкий ; сост., авт. вступ. ст. Е. Л. Петренко ; авт. коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова, Е. Л. Петренко. — М., 2010.

Струве, П. Б. Избр. тр. / П. Б. Струве ; сост. О. К. Иванцова. — М., 2010.

Трубецкой, Н. С. Избр. / Н. С. Трубецкой ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов. — М., 2010.

Федотов, Г. П. Избр. тр. / Г. П. Федотов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. К. А. Соловьев. — М., 2010.

Федотов, Г. П. Собр. соч. : в 12 т. / Г. П. Федотов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. С. Бычков. — М., 1996—2011.

Рекомендуемая литература

Алексеева, Г. Д. История. Идеология. Политика (20—30-е гг.) / Г. Д. Алексеева // Историческая наука России в XX веке. — М., 1997. — С. 79—166.

Алексеева, Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука / Г. Д. Алексеева // Историческая наука России в XX веке. — М., 1997. — С. 13—51.

Белоусова, Г. А. В. И. Невский: Государственный деятель, историк, человек / Г. А. Белоусова. — М., 2008.

Брачев, В. С. Русский историк А. Е. Пресняков (1870—1929) / В. С. Брачев. — СПб., 2002.

Бычков, С. П. Введение в историографию отечественной истории XX века : учеб. пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. — Омск, 2001.

Вандалковская, М. Г. Историческая мысль русской эмиграции: 20—30-е годы XX века / М. Г. Вандалковская. — М., 2009.

Волобуев, О. В. Н. А. Рожков: Историк и общественный деятель / О. В. Волобуев. — М., 2012.

Зеленов, М. В. Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы / М. В. Зеленов. — Н. Новгород, 2000.

История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие / науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. — М., 2006.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005.

Пронин, А. А. Историография российской эмиграции / А. А. Пронин. — Екатеринбург, 2000.

Сабенникова, И. В. География общественной мысли Русского зарубежья / И. В. Сабенникова // Общественная мысль Русского зарубежья : энцикл. — М., 2009. — С. 9—72.

Сидоров, А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов / А. В. Сидоров. — М. ; Симферополь, 1998.

Соколов, В. Ю. История в отсутствие человека: некоторые особенности развития отечественной историографии в 1920—1930-е годы / В. Ю. Соколов. — Томск, 1994.

Глава 16

СТАЛИНИЗМ И ИСТОРИЯ.

30-Е — СЕРЕДИНА 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В советской историографии рубеж 1920—1930-х гг. характеризовался как время консолидации историков на базе марксистско-ленинской методологии. Советская историческая наука впервые стала единой. Такое состояние было обусловлено рядом мероприятий, проведенных партийно-государственными структурами.

В новейшей историографии процесс развития исторической науки в СССР в это время представляется более сложным. Подавление внутрипартийной оппозиции, установление режима личной власти Сталина привели к тому, что с конца 1920-х гг. партийное руководство начинает более активно вмешиваться в развитие исторической науки. Усиливается давление как на немарксистскую, так и на марксистскую историографию. Целью этого вмешательства являлась подготовка официальной концепции советской исторической науки, утверждение в ней сталинизма.

16.1. Партийно-государственное руководство исторической наукой

Большую роль в организации дальнейшего наступления на немарксистскую историографию сыграл М. Н. Покровский. В связи с изменившейся идеологической ситуацией в стране его позиция в отношении инакомыслящих историков резко изменилась. Еще весной 1928 г. на конференции марксистско-ленинских учреждений он говорил: «После Октябрьской революции у нас развивалось как марксистское, так и буржуазное обществоведение. И это правильно. Будет плохо, если установится монопольное положение марксистской литературы, а заниматься обществоведением станут одни коммуни-

сты. Буржуазное течение, буржуазные тенденции нам нужны, они нам в известной мере полезны, так как общественные науки крепнут в идейной борьбе». Прошло менее года, и, выступая на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов (конец 1928 — начало 1929 г.), Покровский призвал «положить конец существующему еще в некоторых научных сообществах мирному сотрудничеству марксистов с учеными, далекими от марксизма или даже враждебных марксизму».

С конца 1920-х гг. власть начала проводить политику наступления на интеллигенцию. Росло недоверие к «старым специалистам». На всю страну прогремели «Шахтинское дело» (1928), процесс «Промпартии» (1930) и др. В ряду этих процессов следует рассматривать и «Академическое дело», или «Дело академика Платонова», сфабрикованное органами ОГПУ¹ в конце 1929 — начале 1930 г. В общей сложности по нему проходило 115 человек. С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачева, М. К. Любавского, С. В. Рождественского, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушина и других историков обвинили в создании контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и установления конституционной монархии.

Последовали аресты немарксистских историков, широко-масштабная чистка в АН СССР, ликвидация относительно независимой «старой исторической науки». В 1929 г. закрыли институты РАНИОН, в том числе Институт истории, переданный в состав Коммунистической академии. Прекратили свою деятельность Общество истории древностей российских при Московском университете, Русское историческое общество в Ленинграде, Московское археологическое общество, Русское археологическое общество, ученые архивные комиссии, которые существовали во всех крупных городах.

Партийно-государственные мероприятия были направлены на «наведение порядка» и в марксистской исторической науке. В 1929—1930 гг. состоялась дискуссия о «Народной воле». Ее начал **Иван Адольфович Теодорович**, известный советский политический деятель (большевик с 1903 г., член ЦК РСДРП в 1907—1908 и 1917 гг., в 1909—1912 гг. — каторжанин, в октябре — декабре 1917 г. — народный комиссар по делам продовольствия, в 1928—1930 гг. — генеральный

¹ ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.

секретарь Крестьянского интернационала). В своей статье «Историческое значение партии “Народная воля”», посвященной 50-летию юбилею организации «Народная воля» и опубликованной в журнале «Каторга и ссылка», Теодорович объявил революционное народничество «прямым предшественником большевизма». Он резко критиковал М. Н. Покровского, считавшего народовольцев буржуазно-либеральным течением.

В дискуссии приняли участие сторонники различных взглядов. Противники Теодоровича обвиняли его в незнании ленинской оценки народничества. Внутрипартийная борьба, разгоревшаяся в то время, придала дискуссии особую идеологическую напряженность. По окончании дискуссии Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) опубликовал тезисы о «Народной воле»: взгляды ее участников однозначно делились на «правильные» и «неправильные», революционное народничество оценивалось как революционно-демократическое движение, Теодоровича осуждали за стремление «смазать различие между научным и утопическим социализмом», приукрашивание народничества и причислили к «правому клону».

После появления тезисов в печати развернулась настоящая травля представителей «неонародничества». Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которое возглавлял Теодорович, в 1935 г. было ликвидировано, прекратилось издание его печатных органов — «Каторга и ссылка» и «Бюллетень», а сам Иван Адольфович в 1937 г. был арестован и расстрелян.

Издание постановлений и тезисов, приуроченных к историческим годовщинам, надолго вошло в практику партийного руководства. В них давались оценки важнейшим событиям отечественной истории, которые носили директивный характер. Так, в уже упомянутых тезисах Отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) о «Народной воле» прямо говорилось, что историки должны следовать этим оценкам. Перед историками-марксистами ставились конкретные цели, прежде всего — изучение истории советского общества. В связи с этим в 1931 г. ЦК ВКП(б) поддержал инициативу А. М. Горького и принял два постановления об издании «Истории гражданской войны в СССР» и «Истории фабрик и заводов».

В сентябре 1931 г. в письме И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» обращалось внимание на троцкистский

характер ряда публикаций, в том числе учебников по истории партии, и содержался призыв к разоблачению фальсификаторов истории. Кроме того, в письме излагались принципы работы ученых, которые полностью меняли исследовательскую лабораторию советских историков. По существу, историкам запрещалось самостоятельно выдвигать и творчески обсуждать научные проблемы. Эта функция полностью переходила к партийному руководству. Провозглашенный Сталиным принцип партийности сводил деятельность историков к простому комментированию партийных документов. В адрес историков, работающих с источниками, прежде всего архивными, звучали далеко не лестные отзывы (их уподобляли «архивным крысам»). Насаждался пресловутый «иллюстративный» метод исследований. Дискуссии ученых, отражавшие различные точки зрения, отождествляли с «произволом и небрежностью» в изложении истории.

После публикации письма Сталина в периодической печати развернулась «проработка» историков 1920-х гг. Среди тех, чьи произведения не соответствовали сталинским установкам, были: Д. А. Баевский, Д. Я. Кин, И. И. Минц, В. И. Невский, А. Г. Слуцкий, С. А. Пионтковский, А. Г. Шляпников, Н. Н. Эльвов, Е. М. Ярославский и др. В исторических журналах публиковались «покаянные» письма ученых. «Тов. Сталин, — униженно обращался к вождю Ярославский, — укажите мне тот “ряд ошибок принципиального и исторического характера”, о которых Вы говорите в конце Вашего письма». В дальнейшем творчество Ярославского служило цели утверждения сталинизма в исторической науке.

В ряде партийных документов звучала мысль о возрождении школьного исторического образования. Решение о замене в первые годы советской власти преподавания истории в школе курсом обществоведения, вызванное в свое время необходимостью борьбы с буржуазной идеологией, в начале 1930-х гг. было признано неверным. В постановлении ЦК ВКП(б) об учебных программах в начальной и средней школе, принятом в августе 1932 г., говорилось о необходимости усилить элементы историзма в программах по обществоведению и другим предметам.

В январе — марте 1934 г. по поручению ЦК ВКП(б) Народный комиссариат просвещения РСФСР организовал два совещания с участием ученых и школьных преподавателей истории, в ходе которых решался вопрос о наиболее эффективных методах изучения истории. Народный комиссар про-

свещения А. С. Бубнов критически оценил учебники по истории, отметил схематизм и перегрузку их социологическими схемами, отсутствие имен и описания конкретных событий. Для разработки положений по улучшению преподавания истории и подготовке учебников истории была создана комиссия из историков и педагогов.

В постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» подчеркивалось неудовлетворительное состояние преподавания истории в школах, критиковалось абстрактное освещение общественно-экономических формаций в курсе обществоведения и выдвигалось требование перейти к конкретному изложению исторических событий и персонажей, освещению истории русского народа в неразрывной связи с историей других народов. В начале августа в духе данного постановления А. А. Жданов, С. М. Киров и И. В. Сталин написали «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР».

26 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об учебниках по истории». В соответствии с ним для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных ранее учебников по истории, была образована комиссия под председательством А. А. Жданова. В ее компетенцию входило: создание группы для просмотра отдельных учебников, а также объявление конкурса на учебники взамен тех, которые будут признаны подлежащими коренной переделке.

27 января 1936 г. центральные газеты опубликовали сообщение «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)», в котором говорилось, что авторы учебников продолжают настаивать на «явно несостоятельных исторических определениях и установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского». Эти ошибки характеризовались как «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку».

В тот же день в газетах «Правда» и «Известия» были опубликованы статьи К. Радека «Значение истории для революционного пролетариата» и Н. И. Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах М. Н. Покровского)». Первый из них утверждал, что все исторические работы Покровского «чужды ленинизму». Н. И. Бухарин, получивший указания написать «разгромную» статью об исто-

рии лично от Сталина (об этом известно из воспоминаний его жены А. М. Лариной), обвинил Покровского в вульгарной трактовке многих методологических проблем, в формуле «История есть политика, опрокинутая в прошлое», которая в дальнейшем (несмотря на то, что ее автор, Бухарин, вскоре был репрессирован) стала общепринятой в советской историографии.

М. Н. Покровского критиковали за то, что он недооценивал роль личности в истории. Между тем именно возвеличивание роли исторических персонажей стало интересовать Сталина, задумавшего переписать историю под себя. Еще в декабре 1929 г. в связи с 50-летием вождя в адрес юбиляра звучали хвалебные речи, с его именем связывали развитие теории марксизма-ленинизма и разработку практики социалистического строительства. В юбилейном номере «Правды» были опубликованы статьи, среди которых особенным подобоострастием отличались публикации Л. М. Кагановича, А. И. Микояна и К. Е. Ворошилова. Статья Ворошилова «Сталин и Красная Армия» являла собой образец субъективистского освещения истории гражданской войны исключительно через призму деятельности Сталина.

В феврале 1935 г. арестовали В. И. Невского — автора первых обобщающих трудов по истории партии, историка революционного движения в России. Ученого обвинили в руководстве контрреволюционной организацией, куда входили многие историки, в том числе его ученики П. И. Анатольев, В. С. Зельцер, П. П. Парадизов. Произведения Невского критиковались за попытку «смазать и замолчать величайшую роль т. Сталина». За «связь с троцкистско-зиновьевской оппозицией» арестовали И. Л. Татарова и Н. Н. Эльзова.

Одновременно преследованиям подверглись историки-марксисты второго поколения, воспитанные в стенах советских учреждений в 1920-е гг. Были арестованы Н. Н. Ванаг, В. М. Далин, О. А. Лидак, С. А. Пюнтковский, А. Г. Пригожий, М. А. Рубач, Б. Н. Тихомиров, С. Г. Томсинский, Б. М. Фрейдлин, Г. С. Фридлянд и др.

В середине 1930-х гг. появляются произведения, пропагандировавшие роль Сталина в истории. В докладе Л. П. Берии в июне 1935 г. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», вышедшем в том же году отдельной книгой, были сформулированы теории о «двоецентрии» в ходе образования большевистской партии и «двух вождях партии в революции». Таким образом, значение Сталина и Ленина

уравнивалось. Теория «двух вождей» была использована при написании первого тома «Истории гражданской войны в СССР» (1935).

В это время происходит перемена во взглядах Сталина на историю. Он фактически реабилитировал весь дореволюционный период русской истории, положительно оценил деятельность целого ряда российских самодержцев. В связи с этим менялось отношение к трудам дореволюционных историков России. Ученые «старой школы» (Бахрушин, Готье, Тарле и др.), пережившие события, связанные с «делом академика Платонова», вновь оказались востребованы.

Апогея достигла критика Покровского и его учеников. В 1937—1939 гг. исторические журналы были заполнены публикациями с требованиями «довести дело до конца». Репрессиям подверглись Н. М. Войтинский, П. О. Горин, Б. Б. Граве, С. М. Дубровский, Д. Я. Кин, В. Г. Кнорин, Н. М. Лукин, М. А. Лурье, Н. Н. Попов, М. А. Савельев, А. Г. Слуцкий, В. Г. Сорин и др.

В 1939—1940 гг. вышел сборник статей, подготовленный в Институте истории АН СССР, «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (ч. 1) и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (ч. 2). Научные и политические взгляды Покровского квалифицировались в нем как вредительство, а деятельность ученого — как «врага народа».

Заключительным этапом в подготовке официальной концепции отечественной истории можно считать появление нового учебника по истории. В середине 1930-х гг. был создан авторский коллектив для его написания. Комиссия ЦК ВКП(б) в составе В. Г. Кнорина, Н. Н. Поспелова и Е. М. Ярославского доработала и представила на рассмотрение членов Политбюро ЦК ВКП(б) макет нового учебника. И. В. Сталин внес в него существенную и принципиальную правку, которая вполне позволяет считать его соавтором данного учебника. Он предложил новую периодизацию истории партии, охарактеризовал ее деятелей исключительно в черно-белых тонах, написал философский раздел учебника.

Учебник «История ВКП(б). Краткий курс» увидел свет в 1938 г. Представленная в нем сталинская версия марксизма на длительное время стала теоретической основой советской исторической науки. Субъективистский подход в оценке роли Сталина способствовал насаждению конъюнктурщины и догматизма в исторических исследованиях. В этот период отсутствовала специальная теория и методология собственно исто-

рической науки. Считалось, что исторический материализм является достаточной теоретической базой для конкретно-исторического исследования.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. учебник был признан высшим достижением марксистско-ленинской науки, его идеями должны были руководствоваться все историки. Это нашло отражение в учебнике по истории СССР для 3 и 4-х классов начальной школы под редакцией А. В. Шестакова и в изданном в 1940 г. под редакцией А. М. Панкратовой учебнике для 8—10-х классов средней школы в трех частях (книгах) с древнейших времен до событий лета 1940 г.

К концу 1930-х гг. завершилась работа над учебником по истории СССР для исторических факультетов университетов. В 1939 г. вышел первый том «История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина, в 1940 г. — второй том «Россия в XIX в.» под редакцией М. В. Нечкиной. Шла подготовка к изданию третьего тома, в котором предполагалось изложить историю СССР в XX в., но до начала войны работу не закончили.

16.2. Изменение организационной структуры советской исторической науки

В 1929 г. Институт красной профессуры разделили на четыре института: истории партии, истории (с отделениями истории России и СССР, истории Запада, истории Востока, истории рабочего и профсоюзного движения), философии и естествознания, экономики. В 1931 г. на базе исторических отделений Московского и Ленинградского университетов были созданы Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) и Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ).

Еще в 1928 г. Институт Ленина объединили с Истпартом. В 1931 г. в результате объединения Института Ленина и Институтом Маркса и Энгельса был создан Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК ВКП(б).

На базе Археографической комиссии АН СССР в 1931 г. образовали Историко-археографический институт. Через два года для руководства учреждениями, занятыми в составе АН СССР разработкой вопросов истории, создается Историческая комиссия во главе с В. П. Волгиным.

Коммунистические университеты в 1932 г. преобразуются в высшие «коммунистические сельскохозяйственные школы». На базе Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова начала функционировать Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б).

Существенные изменения произошли в архивном деле. На рубеже 1920–1930-х гг. было создано Центральное архивное управление союзного значения. В 1931 г. Древлехранилище Центрального государственного исторического архива переименовали в Госархив феодально-крепостнической эпохи. В 1934 г. из Центрального государственного архива выделились четыре архива: Архив народного хозяйства, Архив культуры и быта, Морской исторический архив и Военно-исторический архив.

В феврале 1936 г. правительство приняло решение о ликвидации Коммунистической академии и передаче ее учреждений и институтов Академии наук СССР, а также создании в составе Отделения общественных наук АН СССР Института истории. В новом Институте было образовано восемь секторов, проблематика которых охватывала все основные разделы истории СССР, всемирной истории и вспомогательных исторических дисциплин. В 1936 г. открылось Ленинградское отделение Института.

Периодическим органом Института истории АН СССР стал журнал «Историк-марксист». С 1936 г. Институт выпускал неперіодический сборник «Исторический архив» с публикациями главным образом документов по истории России, с 1937 г. — «Исторические записки» со статьями исследовательского характера. В том же году научно-популярный журнал Общества историков-марксистов «Борьба классов», издававшийся с 1931 г., был переименован в «Исторический журнал».

Большие изменения произошли в области высшего исторического образования. С начала 1934/35 учебного года открылись исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, позднее в университетах и педагогических институтах других городов. Исторические факультеты готовили не только преподавателей истории преимущественно для средней школы, но и научные кадры через аспирантуру для научно-исследовательской работы.

В ходе очередной перестройки системы исторических учреждений в 1938 г. ликвидировали Институт красной профессуры. Годом позже архивная система СССР была передана

в подчинение НКВД¹, что резко ограничило доступ исследователей к архивным фондам.

16.3. Основная проблематика исторических исследований в 1930-е годы

Репрессии против историков, утверждение в советской исторической науке сталинской интерпретации прошлого крайне негативно сказались на ее последующем развитии. Фактически прекратились исследования по теории исторического познания. Единственно верной признавалась марксистско-ленинская методология. В исторических сочинениях, посвященных истории партии, революционному движению, преобладали догматизм и упрощенчество. Широкое распространение получили цитатничество, иллюстративный метод, «фактографизм» — описание явлений без должного их анализа. По мере исчезновения с политической арены видных политических, советских, военных, хозяйственных деятелей, объявленных «врагами народа», их имена трактовались в исторических трудах исключительно негативно или вообще не упоминались.

Тем не менее, в 1930-е гг. советская историческая наука достигла определенных успехов в разработке отдельных конкретных проблем. В современной историографии отмечается, что, в первую очередь, можно говорить об успехах в изучении истории России периода феодализма. Об этом свидетельствуют дискуссии того времени, работы И. И. Смирнова о характере строя Древней Руси, выводы С. В. Юшкова о Древней Руси как колыбели русского, украинского и белорусского народов, фундаментальная монография С. Б. Веселовского «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVII веков» (1936).

К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, В. В. Мавродин и другие историки изучали социально-экономические предпосылки объединения русских земель вокруг Москвы. Первые два историка считали, что корни процесса экономического объединения страны надо искать в XIV—XV вв., а политиче-

¹ НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР — центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1934–1946 гг., впоследствии преобразован в МВД СССР.

ское объединение ускорила необходимость защиты рубежей от внешних врагов. По мнению Базилевича и Бахрушина, политическое объединение прошло два этапа: возникновение национального государства при Иване III и превращение его в многонациональное при Иване IV с присоединением Поволжья и Сибири.

Ведущим специалистом по истории России периода феодализма и общепризнанным главой советских историков в 30-е гг. стал **Борис Дмитриевич Греков (1882—1953)**. После окончания в 1905 г. Варшавского университета он сдал магистерские экзамены в Петербургском университете и приступил к написанию диссертации по истории русского церковного землевладения «Новгородский дом Святой Софии». В центре внимания Грекова находились феодальное хозяйство, различные категории феодально-зависимого населения. Первая часть труда была опубликована в 1914 г., вторая — в 1927 г. Книга явилась важным подготовительным этапом в выработке ученым нового историографического представления о характере русского феодализма и становлении отношений крепостничества на Руси.

В 1916—1918 гг. Греков преподавал в Пермском университете, следующие два года — в Таврическом. С 1921 г. ученый работает в Археографической комиссии, которую возглавлял С. Ф. Платонов. В связи с «Академическим делом» его арестовали, однако вскоре освободили.

Б. Д. Греков принимал активное участие в дискуссии о характере строя Древней Руси, отстаивал тезис о возникновении у восточных славян феодальных отношений и установлении феодальной общественно-экономической формации, минуя стадию рабовладения. Принципиальное значение имела разработка ученым вопросов об изменении форм феодальной ренты, ее связи с общественным строем и внутренней политикой государственной власти и феодальных группировок.

Свою концепцию Греков обосновал в монографии «Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне» (1934). Впервые в историографии он проследил процесс организации крупной вотчины в XI—XIII вв., предпринял попытку исследовать феодальные отношения в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., выдвинул гипотезу о «втором издании крепостничества» в России XVI в. Вывод Грекова о феодальном характере общественного строя в Киевской Руси поддержали в то время большинство историков.

В 1935 г. выходит в свет его книга «Феодалные отношения в Киевском государстве». С третьего издания (1939) монография получила название «Киевская Русь». В этой работе ученый доказывал, что процесс феодализации в древнерусском обществе шел параллельно с государственным строительством; государство с центром в Киеве складывалось в результате выравнивания социально-экономических и политических условий развития севера и юга расселения восточнославянских племен.

Следует отметить, что после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» закрепилось положение о пяти общественно-экономических формациях развития всех стран. В связи с этим А. В. Шестаков выступил со статьей, в которой характеризовал Киевскую Русь как рабовладельческое государство. Его поддержали П. П. Смирнов, Н. Д. Кузнецов, А. И. Яковлев и др. Б. Д. Греков в третьем издании своей работы вынужден был согласиться с этой точкой зрения. Однако в послевоенных изданиях «Киевской Руси» он вернулся к прежним взглядам на Древнюю Русь как на раннефеодальное государство.

Результаты научных исследований Грекова получили широкое признание. В 1934 г. он был избран членом-корреспондентом, в 1935 г. — действительным членом АН СССР, в марте следующего года возглавил Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ). С 1937 по 1953 г. Греков — директор Института истории АН СССР, одновременно, с 1944 по 1946 г., — директор Института истории материальной культуры, с 1946 по 1951 г. — директор созданного по его инициативе Института славяноведения. С 1946 по 1953 г. ученого неоднократно избирали академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР, многие годы он преподавал в ЛГУ, МГУ, Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), принимал активное участие в общественной и государственной деятельности.

Несмотря на большую организационную и административную работу, Греков продолжал научные исследования. В предвоенные годы его научные интересы сосредоточились на истории крестьянства. В 1940 г. выходит книга «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России», которая предваряла монографию ученого «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века» (1946). Этот труд пишет Н. А. Горская, ученица и автор одного из последних исследований о жизни и творчестве Грекова, «остается классикой отечественной историографии в силу своей собствен-

ной историографичности, широкого географического охвата (с «докиевского периода» и до середины XVII в.), корректного применения сравнительно-исторического метода, аккумуляции богатейшего материала самых разнообразных источников: письменных, археологических, этнографических, лингвистических, фольклорных, кроме отечественных — византийских, арабских, западноевропейских».

Б. Д. Греков изучал историю монголо-татарского нашествия, Золотой Орды, борьбы Руси за создание своего государства. В последние годы жизни ученый интересовался историей южных и западных славян. Многое ему удалось сделать в области конкретного источниковедения, публикации источников, организации археографического дела в стране.

Современники уважали Грекова не только за высокий профессионализм, но и за человеческие качества. Академик Д. С. Лихачев вспоминал: «Для меня Греков был подлинным главой советской исторической науки, и не только потому, что он занимал в ней высшие административные посты... но и потому, что благодаря своим научным и моральным качествам был в исторической науке самым крупным авторитетом».

Значительное место в отечественной историографии 30-х гг. отводилось военной и внешнеполитической тематике. Наиболее значимыми в этой области были исследования академика **Евгения Викторовича Тарле** (1874—1955). Его творческое наследие насчитывает свыше 1000 трудов. Ученый опубликовал 50 монографий, не считая 120 их переизданий, исправленных и дополненных. Феноменален диапазон его научных интересов — политическая, экономическая, военная, дипломатическая, религиозная история и культура с древности до современности. С равным успехом изучал Тарле как отечественную, так и всеобщую историю (прежде всего историю Франции).

После окончания Киевского университета и защиты магистерской диссертации о великом социалисте-утописте Томасе Море Тарле в 1903 г. занял должность приват-доцента Петербургского университета. «Очерк развития философии истории» (1908) свидетельствует, что в то время мировоззрение ученого составлял синтез «доктрины Конта с учением Маркса». Е. В. Тарле примыкал к меньшевистской фракции РСДРП и подчеркивал свои демократические убеждения. Под влиянием событий Первой русской революции он занялся изучением исторической роли пролетариата. Докторская диссертация «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (издана в двух томах в 1909 и 1911 гг.), монография «Кон-

тинентальная блокада» (1913) и другие сочинения принесли историку мировую славу.

Во время Первой мировой войны Тарле активно изучал международные отношения; заинтересовался и историей России. В 1921 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1927 г. — академиком. После вынужденного перерыва в связи с арестом и ссылкой (1930—1932) ученый вновь включается в активную творческую работу. В 1936 г. выходит самая популярная книга Тарле «Наполеон», вскоре другой широко известный труд — «Нашествие Наполеона на Россию». Следует отметить, что здесь впервые в советской историографии война 1812 г. трактовалась как отечественная. С этого времени тема борьбы россиян с агрессорами становится одной из центральных в творчестве историка. Проблемы внешней политики в начале XIX в. нашли отражение в работе Тарле «Талейран». Ряд глав написал он для трехтомной «Истории дипломатии».

В годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие выходят монографии Тарле «Крымская война», «Семерная война и шведское нашествие на Россию», четыре книги по истории русского флота, фрагменты исследования «Внешняя политика России при Екатерине II», биографии М. И. Кутузова, П. С. Нахимова, С. Ю. Витге и др. В своей работе Тарле стремился использовать максимум архивных документов, справедливо полагая, что они составляют «надежный фундамент для здания исторического исследования». Отличительными чертами Тарле-ученого являлись исключительная эрудиция и литературное мастерство. Неизменным успехом пользовался Тарле-лектор. По многим отзывам, после В. О. Ключевского он не имел себе равных.

Дальнейшее развитие в историографии получило изучение проблем периода капитализма и империализма. Так, в монографии С. Г. Струмилина о черной металлургии в России наибольший интерес представляют главы, посвященные XIX — началу XX в. Ряд авторов (Г. Н. Бибииков, П. Г. Рындзюнский) исследовали внутренние процессы в деревне в условиях разложения феодализма и формирования капиталистических отношений. Достижением историографии тех лет стало изучение жизни и творчества деятелей освободительного движения: А. Н. Радищева, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Е. Д. Черменский в монографии о буржуазии и царизме в годы первой русской революции впервые исследовал

довал генезис буржуазных партий, процесс оппозиционности либеральной буржуазии.

Советский период отечественной истории разрабатывался в историографии 30-х гг. недостаточно. Несмотря на наличие сравнительно большого количества трудов по истории Октябрьской революции и гражданской войны, о первых мероприятиях пролетарской диктатуры в промышленности и сельском хозяйстве, о стахановском движении в процессе индустриализации (только в 1935—1940 гг. Стаханову и его почину было посвящено 4643 работы), все эти проблемы в силу догматизации исторической науки не получили глубокого освещения. Особое внимание историки уделяли сюжетам, связанным с ролью Сталина в революции и гражданской войне. Так, детально «исследовалась» его деятельность в ходе обороны Царицына и на северном фланге Восточного фронта. При этом реальные факты подменялись мифологемами. «В самые трудные моменты в жизни молодого государства в период гражданской войны, — писал, например, Е. М. Ярославский, — товарищ Сталин становится организатором снабжения продовольствием всего населения, а затем организатором и полководцем Красной Армии и проявляет в этом деле гениальнейшие способности».

Определенный научный интерес представляют работы 1930-х гг. о Советах как органах государственной власти. Эти вопросы исследовали В. Н. Аверьев, А. М. Панкратова и др. В ряде книг и статей были отражены события гражданской войны и иностранной интервенции в отдельных регионах страны.

В конце 1930-х гг. в Институте истории началась подготовительная работа по созданию многотомных «Истории СССР» и «Всемирной истории». При Отделении истории и философии АН СССР создается Комиссия по проблеме этногенеза, задачей которой было изучение происхождения народов и борьбы против фашистской фальсификации в этой области. В 1939 г. Институт истории АН СССР выпустил сборник «Против фашистской фальсификации истории».

16.4. Советская историческая наука в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны изменились как условия существования советской исторической науки, так и задачи, которые решали историки. На временно оккупиро-

ванной территории СССР были уничтожены многие научные учреждения, музеи, библиотеки и архивы, расхищены и вывезены в Германию исторические ценности. В 1941—1942 гг. из западных и южных районов европейской части страны научно-исследовательские институты и вузы эвакуировали в Среднюю Азию, на Урал и в Сибирь. Прекратился выпуск ряда исторических журналов («Красный архив», «Пролетарская революция» и др.); «Историк-марксист» был слит с «Историческим журналом».

В развитии исторической науки в годы войны выделяют два этапа: 1) июль 1941 — первая половина 1943 г., 2) вторая половина 1943 — май 1945 г. На первом этапе в деятельности историков преобладали пропагандистские аспекты. Многие из них принимали участие в работе Всероссийского общества культурных связей с заграницей, Антифашистского комитета советских ученых, в Комиссии по истории Великой Отечественной войны, Бюро научной пропаганды в СССР, Комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков. «В центре патриотического воспитания, — писал академик Ю. А. Поляков, — оказалась Родина в широком смысле как понятие, объединяющее все народы страны. Ядром Родины была Русь, сплотившая все народы в нерушимый союз. Широко пропагандировалась мысль о совместной борьбе всех народов страны против иноземных захватчиков, об их исконной дружбе».

На фоне подъема самосознания нации возникла необходимость пересмотреть отношение к прошлому русского народа, особенно к героическим традициям. ЦК ВКП(б) поручил издательствам выпустить серию брошюр о Великой Отечественной войне, выдающихся русских полководцах. В 1942 г. было издано сразу несколько партийных документов в связи с историческими юбилеями: 700-летней годовщиной Ледового побоища, 130-летием Бородинского сражения и 25-летием Октябрьской революции. В документах содержалась позитивная оценка многих событий дореволюционной истории. Научные сессии, выставки, многочисленные лекции и публикации историков, посвященные этим событиям, раскрывали цели и содержание немецкой агрессии против русских земель в XII—XIII вв., полководческое искусство М. И. Кутузова, значение Октябрьской революции, индустриализации страны в деле повышения ее оборонного потенциала.

Несмотря на тяжелые условия военного времени, не прекращалась научно-исследовательская работа историков.

Они изучали военную историю, международные отношения, историю славянства, исследовали вопросы организации Красной Армии в 1918—1920 гг., партизанского движения в годы гражданской войны, борьбы с немецкой интервенцией (И. И. Минц, Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон). Широкое распространение получил биографический жанр — ученые отражали в своих работах жизнь и деятельность Александра Невского, Ивана IV, Минина и Пожарского, Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова. Книга Р. Ю. Виппера об Иване Грозном, одобренная Сталиным, в годы войны издавалась трижды (1942, 1944 и 1945).

Во второй половине 1943 г. началось возвращение научных учреждений, архивов, библиотек, музеев из эвакуации. Одновременно расширялась сеть исторических учреждений в центре и на местах. Были созданы институты славяноведения (1942) и истории искусств (1944) АН СССР, Археографическая комиссия Института истории АН СССР (1944). Началось издание «Известий АН СССР. Серия истории и философии» (1944—1952). Открывались новые университеты и пединституты с историческими факультетами.

На этом этапе произошло знаменательное для исторической науки событие — расширилось проблемное поле отечественной историографии. Изменение политики государства в отношении религии обусловили необходимость изучения истории Русской православной церкви. Союзнические отношения в рамках антигитлеровской коалиции способствовали развитию сотрудничества в области науки. Наместились новые формы интеграции столичных историков с учеными союзных республик. В 1943 г. была издана «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» под редакцией А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова. В Ташкенте С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье занялись разработкой истории Узбекистана; первый том «Истории народов Узбекистана» вышел в 1947 г.

В то же время партийные органы пресекали попытки историков расширить круг творческих поисков. Партийная печать подвергла критике исследования, в которых нарушались основополагающие принципы марксизма-ленинизма. В журнале ЦК ВКП(б) «Большевик» критиковались труды А. И. Яковлева, Б. И. Сыромятникова, Е. В. Тарле: Яковлева — за тезис о Московском государстве XVI—XVII вв. как «холопьем царстве»; Сыромятникову ставили в вину, что он в природе абсолютизма первой четверти XVIII в. усматривал

выражение интересов не только дворянства, но и купечества и характеризовал политику Петра I как объективно «антифеодальную и антидворянскую»; Тарле — за то, что он недооценил классовую сущность Крымской войны.

В мае — июне 1944 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание с участием видных советских историков: обсуждали положение в исторической науке, обменивались мнениями по широкому кругу вопросов отечественной и всемирной истории. В ходе совещания были высказаны замечания в адрес «Исторического журнала». В 1945 г. постановлением ЦК ВКП(б) журнал был реорганизован и стал называться «Вопросы истории».

16.5. Советская историческая наука в первое послевоенное десятилетие

Вскоре после Великой Отечественной войны была восстановлена, а в последующие годы расширена сеть научно-исторических учреждений и вузов с историческими факультетами. По распоряжению Сталина наука была включена в приоритетные направления развития страны. Академия наук получила повышенное финансирование. В составе Института истории АН СССР появились новые специализированные отделы, секторы, проблемные исследовательские группы. Событие большой научной значимости того времени — организация в 1946 г. Комиссии по истории исторической науки. Деятельность Института истории в первые послевоенные годы концентрировалась вокруг создания многотомных обобщающих трудов: «История СССР», «Всемирная история», «История Москвы».

Для подготовки научных кадров высшей квалификации в 1946 г. была организована Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). Значительно расширился прием в аспирантуру вузов и научных учреждений, была создана докторантура.

В постановлениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам подвергался резкой критике отход от принципов классовости и партийности. В стране разворачивается кампания по искоренению «объективистских» тенденций в общественных науках, борьба с космополитизмом, «западнопоклонничеством», великодержавным русским шовинизмом. Партийные органы предлагали актуализировать проблематику научных исследований, акцентировать внимание на советской истории. В связи с образованием мировой социалистической си-

стемы возникла потребность изучения опыта строительства социализма в СССР.

Существенное воздействие на историческую науку оказали организованные на рубеже 1940–1950-х гг. дискуссии по проблемам философии, политической экономии, языкознания. Партийное руководство страны намеренно инициировало их проведение в свете новых работ Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР», чтобы выяснить позиции ученых. Дискуссии носили явно идеологический характер. В частности, при обсуждении работы «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна использовались те же подходы, что и в аналогичной ситуации с книгой Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Цель обсуждения заключалась в том, чтобы вновь поставить непреодолимую грань между дореволюционной и советской историографией.

Смерть Сталина не внесла принципиальных изменений в развитие науки. Некоторые современные историографы (Л. А. Сидорова) период «оттепели» в советской исторической науке связывают с «феноменом» журнала «Вопросы истории». В то же время они признают, что в это время «достоверность и значимость положений “Краткого курса истории ВКП(б)” еще не подлежала ревизии».

Деятельность журнала «Вопросы истории». В послевоенный период издавались «Военно-исторический журнал», «Исторические записки». Наиболее авторитетным историческим изданием в СССР был журнал «Вопросы истории». Именно на его страницах обсуждались спорные вопросы, главным образом, по истории феодальной эпохи.

В 1949–1951 гг. проходила дискуссия о периодизации феодальной и капиталистической формаций, проблемах складывания Русского централизованного государства, значении присоединения нерусских народов к России, особенностях крестьянских войн, формировании капиталистического уклада в недрах феодализма, промышленном перевороте в России, товарном производстве. Обсуждался доклад М. В. Нечкиной о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации.

В мае 1953 г. ЦК КПСС принял решение о журнале «Вопросы истории». Его деятельность была признана неудовлетворительной, указывалось на недостаточное внимание, которое редколлегия уделяла освещению истории партии, советского общества и истории народов СССР. Главным редактором

журнала утвердили А. М. Панкратову, ее заместителем — Э. Н. Бурджалова.

В 1954—1956 гг. журнал «Вопросы истории» проводил дискуссию о периодизации истории советского общества в связи с подготовкой вузовского учебника «История СССР. Эпоха социализма». Главным был вопрос о критериях периодизации, хронологических рамках отдельных периодов и процессов: восстановительный период, нэп, индустриализация страны.

В выработке новых подходов к изучению истории партии и советского общества журнал следовал решениям партийных органов. После опубликования постановления ЦК КПСС о 50-летию Коммунистической партии Советского Союза, в котором критиковался культ личности, редколлегия журнала призвала к борьбе с догматизмом, начетничеством в изучении марксистско-ленинской теории. Однако должно было пройти определенное время, чтобы новые идеи проникли в сознание и воплотились в исторических исследованиях. К тому же большая часть историков не поддержала позицию журнала.

В апреле — июне 1955 г. отдел науки ЦК КПСС провел проверку деятельности журнала «Вопросы истории». Редакцию обвинили в ослаблении внимания «к вопросам идейно-политической выдержанности публикуемых статей», размещении материалов, содержащих серьезные методологические ошибки и политически сомнительные формулировки», преувеличении «положительных явлений в буржуазной науке». Несмотря на столь суровую критику, редакция журнала продолжала отстаивать необходимость свободного от догм исследования исторических проблем. Выступая в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС, А. М. Панкратова затронула такие вопросы, как состояние изучения истории советского общества, необходимость издания полного собрания сочинений В. И. Ленина, его научной биографии, организации исследовательской работы, подготовки кадров историков. Она призывала «перестроиться не на словах, а на деле».

Упорство редколлегии «Вопросы истории» в стремлении следовать тем направлениям в работе, которые вытекали из решений XX съезда, говорится в очерке о Панкратовой в книге «Историки России: Биографии», «в условиях непоследовательности ограниченности хрущевской либерализации жизни, нараставшего сопротивления со стороны приверженцев сталинского прочтения истории», вызвало волну критики в адрес журнала и его главного редактора. 9 марта

1957 г. было принято постановление ЦК КПСС «О журнале «Вопросы истории»», содержащее обвинения в «буржуазном объективизме», «либеральном толковании политики партии», «обелении позиции меньшевиков» в опубликованных в нем материалах. Не выдержав этой травли, А. М. Панкратова 25 мая 1957 г. скончалась.

Советские историки первых послевоенных лет, как и в 1930-е гг., наибольших успехов в рамках марксистской парадигмы достигли в изучении феодальной истории России. Этому во многом способствовали не только проведенные дискуссии, но и открытия археологов. После окончания войны плодотворно работал Б. А. Рыбаков. Крупнейшим открытием в области археологии явилось обнаружение в Новгороде в 1951 г. экспедицией под руководством А. В. Арциховского первой берестяной грамоты. Большое научное значение имела находка под Смоленском экспедицией, возглавляемой Д. А. Авдусиным, сосуда с древнейшей русской надписью, относящегося к X в.

Различные взгляды высказывались о характере общественного строя в Древнерусском государстве. С. В. Юшков продолжал утверждать, что Киевская Русь была обществом не феодальным, а переходным — от первобытнообщинного строя к классовому, а государственное устройство называл «варварским». Б. А. Рыбаков в книге «Ремесло Древней Руси» (1948) предположил, что процесс генезиса феодализма уходит гораздо дальше вглубь веков, чем это принято считать. М. Н. Тихомиров, изучая историю городов в Древней Руси, пришел к выводу, что они возникали с развитием ремесла и торговли в области экономики, общественных отношений — в области феодализма. П. П. Смирнов считал, что до конца XV в. городов, как центров товарного производства, не существовало, они были чисто феодальными явлениями. По Бахрушину, города до конца XV в. являлись княжескими вотчинными центрами. Лишь с конца XV в. началось постепенное их превращение в ремесленно-торговые центры. Историки переносили на русское средневековье схему развития городов Западной Европы.

В послевоенный период в связи с официальным заказом показать великое прошлое русского народа, его достижения в области культуры, уникальные и в то же время сопоставимые с достижениями европейской цивилизации, выходят работы Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Б. А. Романова, Н. Н. Воронина, А. В. Арциховского и др. Высокую оценку властей

получили труд Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» и коллективная монография «История культуры Древней Руси» (1951). Под культурой понималась совокупность всего произведенного обществом на определенном этапе развития с дифференциацией на материальную и духовную культуру. Таким образом, понятие «культура» отождествлялось с понятием «цивилизация».

С. Б. Веселовский и Б. Д. Греков рассмотрели историю крестьянства с древности до середины XVII в. С. Б. Веселовский анализировал процесс закрепощения крестьян с позиций «старой» юридической школы. Б. Д. Греков критиковал концепции буржуазно-дворянской историографии и связывал закрепощение крестьян с распространением барщины.

В ходе острых дискуссий обсуждались социально-экономические предпосылки образования Русского государства. П. П. Смирнов, связывая их с состоянием производительных сил Руси XIV—XV вв., пришел к выводу, что в начале XIV в. произошел «аграрный переворот». И. И. Смирнов, В. В. Мавродин, С. В. Юшков, К. В. Базилевич показали, что никакого «аграрного переворота» в XIV в. не было. Л. В. Черепнин, обратив внимание на рост крепостнических отношений в XIV—XV вв. и зарождение поместной системы, главной экономической предпосылкой централизации считал развитие рыночных связей. Ученый оспорил мнение С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича о двух этапах формирования Русского государства и показал, что объединительные процессы с самого начала вовлекли в сферу своего действия наряду с русским и многие нерусские народы.

В 1950-е гг. о политике Ивана Грозного писали С. В. Бахрушин, И. И. Смирнов, С. Б. Веселовский, П. А. Садиков и др. Они отмечали историческую обусловленность реформ царя и его опричной политики как орудия борьбы с оппозиционными феодальными верхами. Эти авторы также идеализировали личность Ивана Грозного. В. И. Пичета рассматривал историю Русско-Литовского государства, С. К. Богоявленский изучал приказную систему России XVII в.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. высказывались разные точки зрения о времени, темпах, формах генезиса капиталистических отношений в России. С. Г. Струмилин, Б. Б. Кафенгауз, Н. В. Устюгов, Е. И. Заозерская, исследуя мануфактурное производство в XVII—XVIII вв., находили в нем отдельные элементы, свойственные капиталистической организации труда. С. Г. Струмилин утверждал, что мануфак-

турное производство по природе своей может быть только капиталистическим и применение принудительного труда на русских мануфактурах XVII—XVIII вв. принципиально ничего не меняет. М. В. Нечкина обосновывала точку зрения, что примерно в XVII в. феодализм вступает в свою нисходящую стадию. По В. Н. Яковцевскому и Н. Л. Рубинштейну, генезис капиталистических отношений начинался лишь во второй половине XVIII в., а мануфактуры более раннего времени были крепостническими. Н. М. Дружинин сделал следующий вывод: зарождение капиталистических отношений в России должно быть отнесено к XVII в., тем не менее феодальный строй не исчерпал своих возможностей и продолжал развиваться по восходящей линии до 1760-х гг., когда началось его постепенное разложение.

О внешней политике и реформах Петра I писали Ю. В. Готье, Б. Б. Кафенгауз, В. В. Мавродин, Л. А. Никифоров, Б. С. Тельпуховский, Б. И. Сыромятников. В 1947 г. вышел в свет сборник статей «Петр Великий», авторы которого анализировали преобразования и политику Петра I. В статьях А. И. Андреева и С. А. Фейгиной положительно оценивались взгляды дореволюционных историков и признавалось большое влияние западных идей на деятельность Петра I, их обвинили в «объективизме» и «ложном академизме». Данные статьи не вписывались в общее русло борьбы с «западно-поклонничеством».

Появились первые обобщенные очерки социально-экономического развития страны в XIX в. — труды П. И. Лященко и П. А. Хромова. Н. М. Дружинин в работе о государственной деревне сделал вывод: реформа 1837—1841 гг. закрепляла систему «государственного феодализма» в условиях нараставшего кризиса феодально-крепостнического строя. П. А. Зайончковский, изучая материалы, отражающие процесс подготовки крестьянской реформы 1861 г., раскрыл ход борьбы между крепостниками и либералами «за форму и меру уступок».

На ученых, исследовавших вопросы монополистического капитализма в России, по-прежнему оказывало влияние положение «Краткого курса истории ВКП(б)» о полуколониальной зависимости страны от иностранного капитала в период империализма. Считалось, что Россия не была страной «классического» империализма, российский империализм — «военно-феодальный», слабый и неразвитый; монополистические объединения в своем развитии будто бы дошли только до объ-

единений типа синдикатов. В оценке роли иностранного капитала преобладало мнение, что он держал под своим контролем важнейшие отрасли промышленности и банковскую систему страны, промышленные и банковские монополии представлялись исполнителями воли иностранных банков.

Изучением экономической истории России занималась ведущая школа, которую создал А. Л. Сидоров — наследник традиций исторической науки 1920-х гг. Появляются исследования М. Я. Гефтера и П. В. Волобуева, посвященные истории топливно-металлургических монополий страны, монополизации сахарной промышленности, политике царского правительства в отношении монополий. А. Л. Сидоров и Т. Д. Крушина анализировали взаимоотношения монополий и государства накануне Первой мировой войны, организацию военной экономики в годы войны, складывание военного государственно-монополистического капитализма в России.

Изучение истории революционного и освободительного движения в России в XIX в. происходило под влиянием борьбы с «космополитизмом». В связи с этим развитие революционного движения связывалось, прежде всего, с внутренними процессами в стране — социально-экономическими изменениями и классовой борьбой. Революционное движение и передовая общественная мысль России изучались в значительной мере в отрыве от европейских прогрессивных философских и политических течений, а иногда противопоставлялись им. Это было характерно для работ Г. П. Макагоненко, М. А. Горбунова, В. С. Покровского, П. Ф. Никандрова о А. Н. Радищеве; Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского о декабристах, для литературы, посвященной революционным демократам 1840—1860-х гг. Новым словом в исторической науке стал опубликованный М. В. Нечкиной двухтомный обобщающий труд «Движение декабристов» (1955). Автор, подчеркивая национальные истоки движения декабристов, его направленность на разрешение коренных национальных вопросов, отмечала воздействие на дворянских революционеров буржуазных идей французских просветителей и влияние на них революционных событий в Европе.

Буржуазные реформы 60—70-х гг. XIX в. изучал П. А. Зайончковский. Много сделали для разработки военной и дипломатической истории Е. В. Тарле, Б. А. Романов, Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, В. Т. Пашуто, К. В. Базилевич, А. А. Новосельский, Л. Г. Бескровный и др. Наиболее крупный труд советских историков по этой проблеме — трехтомная «История

дипломатии» под редакцией В. П. Потемкина. В ней рассматривались вопросы истории дипломатии Древней Руси, Московского государства, Российской империи и СССР до начала Второй мировой войны.

В 1955 г. отмечалось 50-летие первой революции в России. А. М. Панкратова в соответствии с господствовавшей концепцией характеризовала ее как буржуазно-демократическую по характеру, но пролетарскую по движущим силам и методам борьбы.

Изучение истории советского общества находилось под особым контролем партийных органов и испытывало наибольшее влияние культа личности Сталина. Советские историки были вынуждены освещать отдельные проблемы с учетом концепции, разработанной в партийных документах и воплощенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Наиболее крупные исследователи истории советского общества были задействованы в написании многотомной «Истории гражданской войны в СССР». В первом томе (1935) излагались события Февральской революции, во втором (1942), изданном к 25-летию Октябрьской революции, — события с конца сентября по ноябрь 1917 г. Содержание обоих томов раскрывалось с точки зрения теории «двух вождей», показывая роль Сталина в подготовке и проведении Октябрьской революции.

В конце 40-х — начале 50-х гг. в обстановке начавшейся «холодной войны» актуальное значение приобрели исследования истории империалистической интервенции, выяснение степени и характера участия в ней отдельных держав. А. В. Березкин, А. В. Кунина, Б. Е. Штейн показали организующую роль США в антисоветской интервенции.

В послевоенные годы возникла необходимость в осмыслении истории напа (Э. Б. Генкина), советского метода индустриализации для рекомендации его странам социалистического содружества (М. П. Ким, Э. Ю. Локшин). Противоречивые суждения высказывались об исходном уровне, начале и завершении индустриализации. Тезис о полукOLONIALном положении России в эпоху империализма довлел над историками, поэтому промышленный уровень страны в это время занижался. Некоторые авторы датировали период индустриализации 1926–1929 гг. (от XIV съезда ВКП(б) до первой пятилетки), другие — совмещали его со сроками первой пятилетки; высказывались мнения о завершении индустриализации к 1941 г. и даже о ее продолжении в послевоенный период.

После окончания Великой Отечественной войны развернулись исследовательские работы по созданию ее истории. Первые установки и направления ученым дал Сталин в речи в феврале 1946 г.; руководствовались они также идеями, содержащимися в сборнике докладов и речей вождя «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

И. В. Сталин оценивал войну как великую школу испытания и проверку всех сил народа. Он закрепил мнение о вероломности нападения Германии на СССР как основной причине неудач Красной Армии в начальный период войны. Действия Красной Армии на начальном этапе войны характеризовались как тактика «гибкой обороны». Говоря о потерях, понесенных СССР в ходе войны, Сталин отмечал, что они были такими же, какие понесла Германия.

В 1948 г. вышло второе издание краткой биографии Сталина. В связи с 70-летием со дня его рождения была опубликована статья К. Е. Ворошилова «Гениальный полководец Великой Отечественной войны». В этих и других работах обосновывалась решающая роль Сталина в достижении победы. Вопросами экономики в годы войны занимался Н. А. Вознесенский, его книга «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1947) содержала богатый фактический материал.

Итогом изучения истории Великой Отечественной войны в первое послевоенное десятилетие стало издание коллективного труда «Очерки по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» (1955). Сталинская концепция пронизывает все содержание книги: военные неудачи СССР на первом этапе войны объяснялись исключительно внезапностью нападения гитлеровской Германии, умалчивалось о просчетах вождя накануне и в первые дни войны. В основе книги лежала сталинская периодизация войны. Начальный ее период доводился до битвы под Сталинградом, чтобы не объяснять причины неудач Красной Армии весной — летом 1942 г. Правда, авторы «Очерков» отказались от теории «гибкой обороны» в освещении начального периода войны.

Историческая наука в СССР в 30-е — первой половине 50-х гг. XX в. в результате «вытеснения» ученых «старой школы», унификации исторических знаний превратилась в «единую» советскую историческую науку, стоявшую на марксистско-ленинской методологической основе. Вплоть до середины 1950-х гг. историки находились под сильнейшим воздействием идеологии сталинизма. Это сказалось на проблематике

научных исследований, которая соответствовала и трактовалась в свете догм, зафиксированных в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Попытки некоторых историков, публиковавших свои исследования после смерти Сталина, в том числе на страницах журнала «Вопросы истории», выйти за рамки дозволенного, рассматривались как антинаучные и решительно пресекались.

Источники

Бахрушин, С. В. Научные труды : в 4 т. / С. В. Бахрушин. — М., 1952—1955.

Генкина, Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922 гг.) / Э. Б. Генкина. — М., 1954.

Греков, Б. Д. Избр. тр. : в 4 т. / Б. Д. Греков. — М., 1957—1960.

Греков, Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века : в 2 кн. / Б. Д. Греков. — М., 1952—1954.

Нечкина, М. В. Движение декабристов : в 2 т. / М. В. Нечкина. — М., 1955.

Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1955.

Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1948.

Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. — М., 1936.

Тарле, Е. В. Нашествие Наполеона на Россию / Е. В. Тарле. — М., 1938.

Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. — М., 1948.

Рекомендуемая литература

Алексеева, Г. Д. История. Идеология. Политика (20—30-е гг.) / Г. Д. Алексеева // Историческая наука России в XX веке. — М., 1997. — С. 79—166.

Артизов, А. Н. В угоду взглядам вождя (конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР) / А. Н. Артизов // Кентавр. — 1991. — Октябрь — декабрь. — С. 125—135.

Артизов, А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) / А. Н. Артизов // История СССР. — 1991. — № 1. — С. 102—120.

Артизов, А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) / А. Н. Артизов // Вопросы истории. — 1994. — № 7. — С. 34—48.

Барсенков, А. С. Советская историческая наука в послевоенные годы: 1945—1955 / А. С. Барсенков. — М., 1988.

Брачев, В. С. «Дело историков» 1929–1931 годов / В. С. Брачев. — СПб., 1998.

Горская, Н. А. Борис Дмитриевич Греков / Н. А. Горская. — М., 1999.

Дубровский, А. М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А. М. Дубровский. — Брянск, 2005.

Каганович, Б. С. Е. В. Тарле и петербургская школа историков / Б. С. Каганович. — СПб., 1995.

Панкратова, А. М. Историк и время. 20–50-е годы XX века / А. М. Панкратова. — М., 2000.

Сидорова, Л. А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков / Л. А. Сидорова. — М., 2008.

Чапкевич, Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле / Е. И. Чапкевич. — Орел, 1994.

Глава 17

«ОТТЕПЕЛЬ» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 50-Х — 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Решения XX съезда КПСС (1956), последующие партийные документы о десталинизации положили начало либерализации общественно-политической жизни в СССР. Хрущевская «оттепель» позволила историкам поставить новые проблемы и развернуть дискуссии по их обсуждению. Но этот процесс происходил не сразу и не однолинейно. На протяжении второй половины 50–60-х гг. XX в. в советской исторической науке не прекращалась борьба между сторонниками последовательной десталинизации и приверженцами более консервативной (традиционной) линии. Борьба между ними шла с переменным успехом.

17.1. Начало либерализации советской исторической науки

На XX съезде прозвучала критика догматизма в советской исторической науке. В ряде выступлений содержался призыв по-новому, с позиций ленинизма, освещать многие события и факты, изложенные в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Решения съезда, развенчавшие культ личности Сталина, вызвали неоднозначную реакцию как внутри Советского Союза, так и за рубежом. В руководстве страны во главе с Н. С. Хрущевым не было единства по вопросу о культе личности. Под давлением противников разоблачения деятельности Сталина в июне 1956 г. принимается постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», в котором критика была смягчена, а негативные проявления культа личности перемежались с достижениями социалистического строительства.

Деятельность историков партийные органы не оставляли без внимания. После XX съезда КПСС ЦК принял ряд постановлений, направленных на развитие исторической науки: об издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина (1957), «Советской исторической энциклопедии» (1957), книг по истории фабрик и заводов (1958). Сохранилась практика издания партийных документов, посвященных выдающимся личностям и историческим датам: к 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова (1956), 40-летию годовщины Февральской и Октябрьской революций (1957) и др.

Большое влияние на историческую науку в начале «оттепели» оказало постановление ЦК КПСС от 09.03.1957 «О журнале “Вопросы истории”». Его принятие было ответной реакцией на публикацию в журнале статей Э. Н. Бурджалова, М. С. Волина, С. Ф. Найды, Ю. П. Петрова, в которых опровергались догматы периода культа личности Сталина. Исследователь этого периода в развитии отечественной историографии Л. А. Сидорова пишет о драматическом конфликте, развернувшемся в конце 1956 — начале 1957 г. вокруг журнала «Вопросы истории». Причиной его она считает даже не сами публикации, а независимую позицию редакции журнала во главе с А. М. Панкратовой в проведении линии XX съезда. В постановлении говорилось о «теоретических и методологических ошибках, имевших тенденцию отхода от ленинских принципов партийности в науке».

Началось наступление на тех историков, которые восприняли решения XX съезда как руководство к действию. В отношении них использовались идеологические проработки, административные взыскания, ограничение права публикации, доступа к архивным источникам. Принимались и более жесткие меры. Показательным стало «Университетское дело», или «Дело Льва Краснопевцева», организовавшего на истфаке МГУ кружок из студентов, аспирантов и преподавателей для изучения актуальных проблем марксистско-ленинской теории. В феврале 1958 г. девять его участников были осуждены на сроки от 6 до 10 лет. Отзвуки этого «дела» сказались на судьбе таких известных впоследствии историков, как Н. Н. Покровский и Н. Я. Эйдельман.

Наличие противоречивых тенденций в советской исторической науке сказалось и на подготовке обобщающих трудов, прежде всего по истории советского общества. В 1957 г. увидел свет вузовский учебник по истории СССР эпохи социализма — первый сводный труд этого периода. Его авторы по-

пытались отделить гражданскую историю от истории партии и отойти от канонов «Краткого курса». В 1959 г. был издан учебник «История Коммунистической партии Советского Союза» под редакцией Б. Н. Пономарева, приверженца принципов, заложенных в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Учебник (студенты неслестно именовали его за большой объем «кирпич») периодически переиздавался, и с течением времени схема изложения истории партии все более повторяла разработанную Сталиным.

Решения партийных органов ориентировали историков использовать традиционные принципы исследования: партийность, научность и историзм. Тем не менее, эпоха «оттепели» — это время творческих поисков советских историков. Возродились дискуссии по многим проблемам отечественной истории — «душа науки». Желание освободиться от сталинского прочтения истории, ослабление идеологического давления «сверху», публикация новых источников благотворно влияли на историков, способствуя определенной либерализации их взглядов.

17.2. Методологические поиски советских историков

Деятельность историков в этой области проходила под знаком «обновления исторической науки в свете решений XX и XXII съездов КПСС». Появилась возможность более углубленного изучения ленинского теоретического наследия. В 1957—1967 гг. были изданы 10 дополнительных томов к четвертому изданию сочинений Ленина, куда включили не публиковавшиеся ранее работы, письма, записки, в том числе последние произведения, продиктованные умирающим вождем в конце 1922 — начале 1923 г. В пятое, Полное собрание сочинений Ленина вошли около 9 тыс. произведений и документов, свыше 1000 из них были введены в научный оборот. Эти материалы позволили заняться изучением ранее секретных тем революционной и советской истории, познакомиться с исследовательской лабораторией Ленина, проследить эволюцию его взглядов на многие проблемы. Особенностью этого периода являлась попытка «по-новому» прочитать произведения Ленина. Историки рассматривали его идеи в развитии, обращали внимание, в частности, на те противоречия, которые имелись во взглядах молодого и зрелого Ленина.

Налаживались контакты между историками различных стран в рамках мирового социалистического содружества. Советские историки принимали участие в международных конгрессах востоковедов, славистов и т.п. С середины 1950-х гг. советская историческая наука была вновь представлена на международных конгрессах исторических наук — в Риме (1955), Стокгольме (1960), Вене (1965). В 1970 г. очередной международный конгресс исторических наук проходил в Москве.

В СССР публиковались произведения некоторых «прогрессивных» западных авторов (А. Верт и др.). На методологию истории в СССР определенное воздействие оказывала мировая наука, прежде всего школа «Анналов». Под влиянием западной науки отечественные историки обратили внимание на проблемы, ранее не разрабатываемые в стране: историческую психологию (Б. Ф. Поршнев), историю ментальности (А. Я. Гуревич) и др. Советские историки стали применять новые методы исследования, а также и междисциплинарные: математические методы и электронно-вычислительные машины (В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко), семиотический метод (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский). Формировались новые исторические направления и школы: Тартуско-московская семиотическая школа, школа по изучению ментальности в Московской высшей школе социальных и экономических наук, клиометрическая школа в МГУ, «новое направление» и др. В 1960—1961 гг. проходила дискуссия по проблеме методов обработки массовых исторических источников.

Развитие семиотических исследований в стране стимулировала деятельность семинара по структурному изучению знаковых систем, организованного в 1962 г. в Москве сектором структурной лингвистики Института славяноведения АН СССР, возглавляемым В. Н. Топорковым, совместно с Советом по кибернетике АН СССР. В 1964 г. по инициативе Ю. М. Лотмана в Тарту была проведена первая «летняя школа» по вторичным моделирующим системам. «Школы» работали в Эстонии в 1966, 1968, 1970 и 1974 гг. Большинство их участников — ученые Москвы и Ленинграда. Тартуский университет издавал материалы состоявшихся обсуждений на страницах своих «Ученых записок» в серии «Труды по знаковым системам» (всего вышло 25 выпусков). Определение культуры, которое выработала Тартуско-московская семиотическая школа, противопоставлялось официальному, употребляемому в советской исторической науке. Понятие

«культура» наполнилось новым смыслом — как исторически сложившаяся система «языков» (знаковых систем), передающих по определенным принципам социально значимую информацию.

В январе 1964 г. в Институте истории АН СССР создали сектор методологии истории под руководством М. Я. Гефтера. Ученый был убежден, что развитие исторической науки связано не только с накоплением нового фактического материала, но и с появлением новых идей, гипотез, исследовательских концепций, расширяющих представление об историческом процессе. В секторе обсуждались важнейшие методологические вопросы исторического познания: история общественно-исторических формаций, «азиатский способ производства», соотношение всемирной истории и истории одной страны, методы исторического исследования, роль субъективного фактора в истории, исторические закономерности и т.д.

17.3. Консервативные тенденции в исторической науке

Негативную роль в развитии советской исторической науки играл отдел науки ЦК КПСС во главе с С. П. Трапезниковым. Осенью 1965 г. партком Института истории АН СССР во главе с В. П. Даниловым подготовил обширный доклад об общем положении в исторической науке, утвердил его на партийном собрании и представил в Отдел науки ЦК КПСС. В докладе говорилось о необходимости снять запрет на исследование отдельных проблем, неприемлемости административно-бюрократических методов руководства наукой, создании в ней демократичной, свободной обстановки. Позиция В. П. Данилова, К. Н. Тарновского, Я. С. Драбкина, А. М. Некрича и других историков, представленная в докладе, вызвала сопротивление сторонников консервативного курса в исторической науке, которых поддержал Отдел науки ЦК КПСС.

В годы «оттепели» некоторые ученые выступали с нестандартными идеями. Например, А. А. Зимин высказал свою точку зрения на произведение «Слово о полку Игореве», он считал, что время написания памятника — вторая половина XVIII в. Одни историки и литературоведы поддержали его, другие, представлявшие большинство научного сообщества, категорически были не согласны с мнением историка. В ходе дискуссии по этому вопросу, проведенной в Институте истории СССР

по инициативе Отдела науки ЦК КПСС, в адрес Зимина прозвучала жесткая критика. В аналогичной ситуации оказались историки, которые, опираясь на произведения Маркса и Энгельса, западноевропейских марксистов, пытались пересмотреть некоторые взгляды на теорию исторического процесса, высказывали мнение, что в России господствующим являлся «азиатский способ производства».

В феврале 1966 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялась дискуссия по книге А. М. Некрича «1941, 22 июня». Ее участники положительно оценили труд известного историка и даже предложили переиздать его с учетом пожеланий и замечаний, высказанных в ходе дискуссии. Однако представители отдела науки ЦК КПСС осудили книгу. В 1967 г. автора исключили из партии «за преднамеренное извращение» политики Коммунистической партии и Советского правительства накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, «что было использовано зарубежной реакционной пропагандой в антисоветских целях».

Тем не менее, есть все основания говорить об «оттенели» в советской исторической науке. Свидетельство этому — ряд научных конференций, проведенных историками «нового направления», а также публикация трех концептуальных сборников: «Свержение самодержавия в России» (1970), «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» (1970), «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности» (1972). Авторы статей высказали на страницах сборников положения, которые в начале 1970-х гг. подверглись острейшей критике. Расширилась география «нового направления», организационно связанного с сектором империализма Института истории АН СССР. Активно поддерживали идеи «нового направления» историки в Свердловске, Новосибирске и других научных центрах страны.

Постоянно возрастало количество издаваемой исторической литературы, «Трудов» и «Записок» научно-исторических учреждений и вузов, научно-популярной литературы, учебников по истории для средней и высшей школы. Появились новые периодические издания: журналы «Исторический архив» (1955–1962), «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Советская археология», «Археографический ежегодник». Возобновилось издание «Военно-исторического журнала».

Решения XX съезда партии обозначили рубеж в советской исторической науке, переход ее к новому, «современному» этапу. Публикуются историографические исследования, пре-

жде всего по истории исторической науки дореволюционного периода (первые три тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (1955—1961); лекционные курсы В. И. Астахова, В. Е. Иллерицкого, С. Л. Пештича, Л. В. Черепнина). Начинается подведение итогов новейшей историографии, в связи с этим публикуется сборник статей «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (1963).

17.4. Расширение источниковой базы

Серьезные изменения происходили в архивном деле. После XX съезда архивы вывели из подчинения МВД, что облегчило доступ исследователей к историческим источникам. В середине 50-х и в 60-е гг. в научный оборот вводились большие комплексы документов. В институтах истории Академии наук СССР создаются специальные секторы по публикации источников.

В археографической деятельности также произошли перемены — наряду с выпуском отдельных тематических документальных публикаций, посвященных актуальным вопросам отечественной истории, издавались фундаментальные многотомные серийные или фоновые публикации, в первую очередь источников по истории советского общества. Документы, отражавшие этот период, содержались в 381 сборнике, что составляло значительную их часть от всех (481), изданных в 1956—1960 гг.

Открытие и публикация источников сопровождалось развитием специальных источниковедческих исследований, изданием ряда новых учебников и пособий по археографии, метрологии, хронологии, дипломатике, сфрагистике (Н. Г. Бережков, В. И. Буганов, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин). Объединяла эти публикации единая методика отбора исторических документов. На основе тщательного изучения русской дореволюционной и советской историографии и археографии были введены Правила издания исторических документов в СССР.

Большая работа осуществлялась по подготовке обобщающих трудов по истории СССР: в свет вышли «Очерки истории СССР», «История Москвы», первые тома «Всемирной истории», «Истории Ленинграда», «Советской исторической энциклопедии» и др.

17.5. Проблематика научных исследований

Изучение дореволюционной истории России. Изучение генезиса феодальных отношений строилось на основе концепции, разработанной в трудах Б. Д. Грекова. Дальнейшее развитие концепции связано с именем Б. А. Рыбакова. По его мнению, складывание государства в Древней Руси произошло на рубеже VIII—IX вв., а формирование предпосылок государственности — в более раннее время. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, Я. Н. Щапов высоко оценивали роль Древнерусского государства в системе международных отношений.

Наряду с Древнерусским государством изучались отдельные его части в период феодальной раздробленности. Результаты многолетней работы Новгородской археологической экспедиции под руководством А. В. Арциховского и В. Л. Янина позволили воспроизвести картину социально-экономического и политического развития Новгородской республики.

В исследованиях А. Д. Горского, С. М. Капитанова, Г. Е. Кочина, А. М. Сахарова, Л. В. Черепнина и других ученых рассматривались социально-экономические предпосылки образования единого Российского государства: состояние сельского хозяйства, промыслов, ремесла, торговли и городов. Отличие этого процесса в России от западных стран историки видели в том, что на Руси в XIV—XV вв. отсутствовали буржуазные элементы.

С. М. Дубровский призывал покончить с идеализацией Ивана Грозного и признать бессмысленность его опричной политики и борьбы с боярством, так как централизованное государство сложилось уже в конце XV в. Установление самодержавия Дубровский считал явлением отрицательным. Эта точка зрения стала предметом обсуждения. Так, И. И. Смирнов, указав на историческую обусловленность и прогрессивность централизаторской политики Ивана Грозного, раскрыл историю острой борьбы феодальных группировок в период, предшествовавший его воцарению. Избранную раду Смирнов трактовал как обычную «ближнюю думу» — совет ближайших к царю лиц.

Иной позиции придерживался А. А. Зимин. В 1960-е гг. были опубликованы его работы по истории России XV—XVI вв. Историк подчеркивал насильственный характер правления Ивана Грозного, обрушившего террор на широкие народные массы и подорвавшего экономику страны. По Зи-

мину, введением опричнины царь преследовал цель уничтожить реликты феодальной раздробленности: крупных удельных князей, церковную верхушку и сепаратистские тенденции в Новгороде. Согласно заключению Р. Г. Скрынникова, удары самодержавия были направлены против боярской знати, препятствовавшей установлению безграничной личной власти Ивана Грозного.

М. Н. Тихомиров выступал против тех историков, которые преувеличивали степень централизации Русского государства в XVI в. Он рассматривал вопрос о значении сословно-представительных учреждений в политической истории средневековой России.

Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965) — выдающийся исследователь отечественной истории X—XIX вв. В 1917 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета, там же работал с 1934 г. доцентом, а затем профессором. Одновременно, с 1936 г., был сотрудником Института истории АН СССР. В 1946 г. Тихомирова избрали членом-корреспондентом Академии наук, в 1953 г. — академиком.

По инициативе ученого была восстановлена Археографическая комиссия, возобновилось издание Полного собрания русских летописей, а также ценнейших летописных памятников, выпускавшихся вне серии томов Полного собрания русских летописей. Перу Тихомирова принадлежат фундаментальные монографии «Исследование о Русской Правде», «Древнерусские города», «Россия в XVI столетии», «Русская культура X—XVIII веков», «Российское государство XV—XVII вв.», «Русское летописание», две объемные книги по истории Москвы XII—XV вв. и много других исследований, в том числе по историографии, археографии, источниковедению, палеографии, дипломатике, исторической географии — всего более трех с половиной сотен. М. Н. Тихомиров высоко ценил заслуги предшественников на ниве исторической науки, в том числе своих учителей — Б. Д. Грекова, В. Н. Перетца, С. В. Бахрушина. В свою очередь, он воспитал целую плеяду учеников — «детей» и «внуков», среди которых немало крупных ученых. Отдавая дань уважения учителю, они публикуют в «Археографическом ежегоднике», основанном историком, материалы «Тихомировских чтений», посвященные современным научным изысканиям.

В период «оттепели» отечественные историографы акцентировали внимание на социально-экономических процессах

в России. Высказывались различные точки зрения на проблему происхождения крепостного права. Л. В. Данилова полагала, что распространение барицны было более следствием, нежели причиной формирования системы крепостного права. Л. В. Черешнин считал, что применять по отношению к России термин «вторичное закрепощение» нет оснований, потому что оформление системы крепостного права в конце XVI — середине XVII в. произошло не после какого-либо смягчения крепостнических отношений, а как их дальнейшее развитие. Тенденция к закрепощению крестьянства в XV в. была выявлена А. Д. Горским.

Несколько дискуссий состоялось по проблеме генезиса капитализма в России. Эта тема рассматривалась в журнале «Вопросы истории» в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в связи со статьей М. В. Нечкиной о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации в России; в журнале «История СССР» в первой половине 1960-х гг. — в ходе дискуссии о расслоении крестьянства и о мелком товарном производстве в России в XIX в.; во второй половине 1960-х гг. — в ходе дискуссии о начальном этапе генезиса капитализма.

Участники дискуссий, поддержав позицию М. В. Нечкиной в оценке характера и значения «восходящей» стадии, высказывали разные мнения относительно начала «нисходящей» стадии (от XVI до конца XVIII в.). Д. П. Маковский и С. Г. Струмилин считали, что капиталистические отношения появились в России уже в XVI в., но их развитие было искусственно прервано крепостнической реакцией второй половины XVI в., причем особую роль в этом сыграла опричная политика Ивана Грозного.

Зарождение буржуазных отношений многие ученые датировали XVII—XVIII вв., однако расходились в оценке глубины и степени этого процесса. С. Г. Струмилин и В. Я. Кривоногов писали о развитии промышленности XVII—XVIII вв. по капиталистическому пути и признавали все виды мануфактуры того времени капиталистическими. По мнению А. М. Панкратовой, А. П. Пронштейна, ни в XVII, ни даже в XVIII в., за исключением последних его десятилетий, не могло быть и речи о капитализме и пролетариате. Н. Л. Рубинштейн пришел к выводу о формировании капиталистического уклада в области сельского хозяйства в 60-х гг. XVIII в.

Весомый вклад в разработку проблем социально-экономической истории России внес **Николай Михайлович Дружинин** (1886—1986). В 1911 г. он окончил юридический,

а в 1918 г. историко-филологический факультет Московского университета. До революции принимал участие в освободительном движении, за что подвергался арестам и ссылке, участвовал в Первой мировой войне.

Н. М. Дружинин — историк самых разносторонних научных интересов. Еще в студенческие годы он приступил к изучению движения декабристов. Его первая монография была посвящена «Журналу землевладельцев», выходившему в 1858—1860 гг. Большую научную значимость имели теоретические статьи Дружинина по социально-экономической тематике. История русского крестьянства — главная тема его научной деятельности — блестяще исследована в книгах «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» и «Русская деревня на переломе 1861—1880 гг.».

Научные заслуги Н. М. Дружинина получили признание: в 1946 г. его избрали членом-корреспондентом, в 1953 г. — действительным членом АН СССР. Коллеги-историки высоко оценивали не только научные, но и человеческие качества Николая Михайловича, считали его примером бескорыстного служения Отечеству.

Разрабатывая в ходе развернувшихся в период «оттепели» дискуссий вопрос о путях зарождения капитализма в аграрном строе России на примере государственных крестьян, Дружинин показал, что основным содержанием социально-экономического развития государственной деревни в последние десятилетия крепостной эпохи была борьба между новым и старым. К середине XIX в. она переросла в острый конфликт: одну его сторону представляло стихийное развитие производительных сил деревни, другую — господство крепостничества.

И. Д. Ковальченко установил, что длительный процесс развития товарно-денежных отношений в русской крепостной деревне не мог завершиться при феодально-крепостническом строе, что на заключительном, кризисном этапе этого строя товарно-денежные отношения оказывали определяющее воздействие на положение не только помещичьих, но и крестьянских хозяйств.

Реформу 1861 г. исследовал П. А. Зайончковский. Аграрной историей пореформенной эпохи занимались В. Д. Мочалов, П. И. Малахинов и Н. А. Елиазаров. Предметом оживленных дискуссий стал вопрос о двух путях аграрной эволюции — демократическом, буржуазно-крестьянском, и консервативном, буржуазно-помещичьем. Одни исследователи полагали,

что в России развитие аграрного капитализма происходило по «прусскому» пути; другие ставили вопрос о борьбе «прусского» и «американского» путей.

К. А. Пажитнов, П. М. Лукьянов, П. А. Хромов, В. К. Яцунский, П. Г. Рындзюнский исследовали генезис капитализма в промышленности. Вопрос о времени начала и завершения промышленного переворота разрабатывался учеными по-разному. Большинство историков датировали начало этого процесса 30–40-ми гг. XIX в., а завершение — рубежом 70–80-х гг. XIX в.

Отечественные исследователи активно изучали особенности российского империализма. По вопросам о степени развития монополистического капитализма, характере монополистических объединений в России, роли иностранного капитала в промышленном развитии страны, масштабах и глубине развития государственно-монополистического капитализма существовали различные точки зрения, определившиеся еще в 1920-е гг.

В конце 1957 г. А. Л. Сидоров создал Научный совет АН СССР «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», объединивший усилия ученых Москвы, Ленинграда и ряда провинциальных центров. В последующее десятилетие количество исследований по истории российского империализма заметно увеличилось. П. А. Хромов, Г. Д. Бакулев, С. М. Лисичкин, А. А. Нестеренко писали о крупной промышленности. Историю экономики России в период Первой мировой войны разрабатывали А. Л. Сидоров и его ученики, финансы России, банковские и промышленные монополии — Б. В. Ананьич, И. Ф. Гиндин, М. Я. Гефтер, П. В. Волобуев, Т. М. Китанина, М. П. Вяткин, А. А. Фурсенко, В. И. Бовыкин, К. Н. Тарновский, К. Ф. Шаццлло, В. Я. Лаверычев, А. М. Соловьева. Работы о государственно-монополистическом капитализме в России создали А. П. Погребинский и К. Н. Тарновский. В этой литературе велась полемика о том, каким был уровень российского империализма; кому — государству или монополиям — принадлежала ведущая роль в формировании государственно-монополистического капитализма; какой характер имеет «военно-феодальный империализм» и др.

А. Л. Сидоров разграничивал особенности монополистического капитализма и особенности экономики России в эпоху империализма. Отмечая, что по своей природе и основным чертам российский монополистический капитализм не отли-

чался от империализма других стран и что крепостнические пережитки не были особенностью российского империализма как такового, ученый считал возможным характеризовать термин «военно-феодальный империализм» не общие особенности империализма в России, а лишь своеобразие политической надстройки, т.е. царизм. Основные же особенности российского империализма, по его мнению, заключались в активном вмешательстве государства в экономическую жизнь страны и в широком участии иностранного капитала в российских монополиях. Другие историки полагали, что феодально-крепостнические пережитки оказывали сильное воздействие на монополистический капитализм, и именно этот смысл вкладывали при оценке российского империализма как «военно-феодального».

Выявились различные точки зрения по вопросу о соотношении хозяйственно-экономических укладов в аграрном строе России эпохи империализма в целом и удельном весе капиталистического сектора в особенности. С. М. Дубровский утверждал, что ведущим направлением в аграрной эволюции было развитие капитализма. А. М. Анфимов сделал вывод, что в деревне вплоть до 1917 г. господствовали докапиталистические и раннекапиталистические формы производства (полупатриархальные, мелкотоварные, полукрепостнические).

В середине 1960-х гг. некоторые ученые приступили к разработке нового подхода к истории предреволюционной России, который должен был базироваться на представлении о многоукладности ее экономики. На Западе подобная деятельность историков получила название «новое направление».

В современной литературе к представителям «нового направления» относят исследователей, работавших в Институте истории СССР АН СССР: П. В. Волобуева, Л. М. Иванова, А. М. Анфимова, К. Ф. Шацилло, А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, К. Н. Тарновского, А. Я. Авреха, Ю. И. Кирьянова, а также сотрудников других научных учреждений страны; М. Я. Гефтера, В. В. Адамова (Свердловск), В. В. Тимошенко (Белоруссия), П. Г. Галузо (Алма-Ата), В. С. Дякина (Ленинград) и др. «Генераторами новых идей» выступили П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин.

«Новое направление» сформировалось в период, когда преодолевались догматы сталинской методологии и концепции истории. В центре внимания его последователей нахо-

дились вопросы взаимодействия социально-экономических укладов и структур с политикой самодержавия в различных ее аспектах. Ученые предприняли попытку по-новому «прочитать» произведения Ленина, учесть его характеристики и оценки уровня экономического развития страны, социальной структуры общества, аграрного вопроса в России начала XX в. Уральские историки «нового направления» делали выводы об особенностях социально-экономического развития края, основываясь на высказывании Ленина об «оригинальном строе» промышленности Урала.

Ученые «нового направления» доказывали, что существовал особый путь аграрно-капиталистической эволюции России, и выделяли его основные черты: вступление страны в эпоху капитализма при сохранении существенных остатков феодализма; отсутствие четко выраженной свободной конкуренции; ускоренный вариант капиталистической модернизации; переплетение передовых и отсталых форм капитализма с докапиталистическими отношениями. Многоукладная экономика России, по их мнению, представляла все известные социально-экономические системы. Это обусловило противоречивый характер революции 1917 г., которая включала пролетарский, аграрно-крестьянский, национально-освободительный этапы.

Во второй половине 1960-х гг. историки «нового направления» пересмотрели проблему соотношения общедемократических и социалистических тенденций русской революции в начале XX в. Принципиальные положения «нового направления» сводились к следующему: российская буржуазия была экономически и политически слаба и зависима от самодержавия; пролетариат утратил свою руководящую роль после Первой русской революции; Февральская революция носила стихийный характер; пролетариат весной 1917 г. не был готов выполнить роль гегемона в революции и выступал в союзе с крестьянством, провозглашая общие цели — борьбу за мир, землю, национальное равноправие.

К. Н. Тарновский в конце 1960-х гг. сделал вывод о «новом направлении» как о синтетической системе современных представлений, в которой взаимодействовали и уже оформившиеся положения, и вновь полученные результаты исследовательской деятельности.

Большое внимание историки уделяли вопросам классовой борьбы и освободительного движения в России. Была организована дискуссия, посвященная крестьянским вой-

нам в феодальной России. А. А. Зимин высказал мысль, что все события начала XVII в. нужно отнести к крестьянской войне, которая имела прогрессивное значение, ибо задержала наступление крепостничества и содействовала колонизации Юга и Сибири вследствие перемещения масс беглого населения. И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская и В. В. Мавродин предложили отнести восстание под предводительством Кондратия Булавина в 1707—1708 гг. к крестьянским войнам.

Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт, Е. В. Чистякова, В. И. Буганов изучают городские восстания XIV—XVII вв. А. А. Зимин, А. И. Клибанов, Я. С. Лурье, И. А. Казакова исследовали идеологическую борьбу в средневековой Руси. Первые два историка еретические течения этого времени характеризовали как «реформационное движение в России».

Б. Г. Литвак, М. Е. Найденов, П. И. Лященко изучали классовую борьбу крестьянства в XIX в. И. Д. Ковальченко и П. Г. Рындзюнский отмечали, что в условиях кризиса феодально-крепостнического строя и развития капиталистического уклада крестьянские волнения были вызваны не только усилением крепостнического гнета, но также и стремлением крестьян к более свободной экономической деятельности. А. И. Клибанов, Л. А. Коган, К. В. Чистов исследовали общественное сознание крестьянства. Дискуссионным являлся вопрос об уровне общественного сознания крестьян, наличии в этой среде идеологии.

П. А. Зайончковский, В. Р. Лейкина-Свирская, Е. Л. Рудницкая анализировали взгляды радикальной общественной мысли второй половины XIX в. Происходили дискуссии о времени формирования идеологии революционного народничества, которое в советской историографии всегда характеризовалось положительно. По мнению С. С. Волка и М. Г. Седова, деятельность «Народной воли» — высший взлет в революционной борьбе народников.

Б. П. Кузьмин выступил против противопоставления революционных народников 1870-х гг. революционерам-демократам «шестидесятникам» — Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову и др. Его поддержали Э. С. Виленская и Б. С. Итенберг. Ш. М. Левин, напротив, полагал, что оформление доктрины революционного народничества произошло на рубеже 1860—1870-х гг. и получило отражение в произведениях П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева. Р. В. Филиппов, разделяя точку зрения относительно этих хронологических рамок,

связывал исходный момент оформления доктрины с деятельностью ишутинцев¹.

Имели место и другие расхождения в вопросах об этапах истории народничества, его общей оценке в истории русского освободительного движения, разрешении народниками вопроса о судьбах капитализма в России, о понимании характера сложной и противоречивой народнической идеологии в целом, ее эволюции, о деятельности революционных народников среди рабочих, об отношениях между представителями народничества и русской социал-демократией. Разногласия между исследователями привели к дискуссии, которая развернулась на страницах журналов «Вопросы литературы» (1960–1961) и «История СССР» (1961–1962).

В 1958 г. при Институте истории АН СССР была создана группа под руководством М. В. Нечкиной для изучения революционной ситуации в России в 1859–1861 гг.

О внутренней политике царизма во второй половине XIX — начале XX в. писали В. В. Гармиза и Б. В. Виленский, раскрывая процесс подготовки и проведения земской и судебной реформ. Земской контрреформе 1890 г. была посвящена книга Л. Г. Захаровой. М. И. Хейфец и П. А. Зайончковский исследовали кризис внутренней политики царизма в конце 1870-х — начале 1880-х гг. и определили вызвавшие его социальные силы. М. И. Хейфец считал такой силой крестьянское движение, П. А. Зайончковский — борьбу народовольцев. Характер государственности и внутренней политики России в эпоху империализма рассматривал А. Я. Аврех. Его критиковали за высказывания о крестьянстве как массовой социальной опоре царизма и за вывод о полубуржуазной природе русского абсолютизма.

По истории внешней политики России этого времени писали И. В. Бестужев, А. Л. Нарочницкий, В. Г. Сироткин, М. Ф. Злотников, А. С. Станиславская, В. И. Бабкин, Л. Г. Бескровный, П. А. Жилин, А. Г. Тартаковский, Н. Н. Болховитинов, А. В. Фадеев, Н. А. Халфин, Г. А. Хидонтов. Внешнеполитическая деятельность России в XIX — начала XX в. всесторонне рассмотрена в новом издании «Истории дипломатии».

А. М. Панкратова, В. К. Яцунский, Л. М. Иванов, П. С. Гусятников и А. Г. Рангин изучали историю формирования проле-

¹ Ишутинцы — тайное революционное общество в Москве в 1863–1866 гг. под руководством Н. А. Ишутина.

тариата, его положение и борьбу в XIX в. Ход Первой русской революции исследовали В. И. Бовыкин, А. И. Гуковский, Н. Н. Демочкин, Л. К. Ерман, А. В. Пясковский, Е. Д. Черменский, Н. Н. Яковлев. В их работах анализировались причины и предпосылки революции, борьба масс и партийное руководство этой борьбой на различных этапах революции, уточнялась ее периодизация, раскрывались народный характер революции и гегемония в ней пролетариата во главе с партией большевиков. Исследователи отошли от изображения революции как поединка пролетариата с самодержавием и писали о существовании на политической арене России революционно-демократического, буржуазно-либерального и самодержавно-помещичьего лагерей.

Л. К. Ерман исследовал деятельность русской интеллигенции и либерально-буржуазных кругов в революции 1905–1907 гг., В. Я. Лаверычев — вопросы борьбы московской контрреволюционной буржуазии с революционным движением на этапе от Первой русской революции 1905–1907 гг. до Октябрьской революции 1917 г. О предпосылках и ходе Февральской буржуазно-демократической революции писали Е. Д. Черменский и Э. Н. Бурджалов, об отдельных ее этапах — О. Н. Знаменский, Н. Я. Иванов и др. П. В. Волобуев изучал историю русской буржуазии, буржуазных организаций, анализировал политику Временного правительства.

Проведение исследования истории советского общества. Активную работу по изучению истории Октябрьской революции проводил Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», образованный в 1958 г. во главе с академиком И. И. Минцем. К юбилеям революции (50- и 60-летнюю) были созданы обобщающие труды и монографии по многим ее проблемам.

И. И. Минц в первом томе «Истории Великого Октября» (1967), посвященном свержению самодержавия в России, доказывал наличие в России объективных и субъективных предпосылок для социалистической революции. Традиционная позиция академика в этом вопросе основывалась на концепции развития революционного процесса в России и была прогнуположенной той, которую защищало «новое направление».

В 1957 г. вышел третий том «Истории гражданской войны в СССР». Значительная часть его содержания отражала процесс установления власти Советов в различных регионах страны. Освободившись от сталинских постулатов, авторы

защищали ленинскую трактовку «триумфального шествия» советской власти. Относительно социалистического и буржуазно-демократического характера Октябрьской революции историки писали, что в ее ходе параллельно решались две группы задач: «походя, мимоходом» задачи нерешенной буржуазно-демократической революции, в частности ликвидация помещичьего землевладения, и задачи социалистического переустройства страны.

В трудах В. А. Виноградова, П. А. Голуба, Г. Ф. Кима, П. Н. Соболева, В. И. Старцева, В. А. Шишкина получила разработку отраслевая история Октября — экономическая, политическая, военная, внешнеполитическая, социальная. К. В. Гусев, В. В. Комин, И. В. Рубан обратились к изучению истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Октябрьской революции. Д. А. Чугаев, Е. Г. Гимпельсон, А. В. Венедиктов, П. Н. Першин, В. М. Селунская, В. Р. Герасимюк писали о формировании диктатуры пролетариата, союзе рабочего класса и крестьянства, системе органов социалистического государства, о решающей роли последнего в преобразовании общественного строя.

В конце 1950-х гг. завершилось издание пятитомной «Истории гражданской войны в СССР», предпринятое еще в 30-е гг. В трех последних томах освещались основные военные события. Историки отказались от сталинской концепции истории гражданской войны. А. И. Крушанов, С. М. Кляцкин, Ю. П. Петров, М. И. Стишов, Г. Х. Эйхе исследовали ее основные этапы и ход в крупнейших регионах страны. Л. М. Спирин изучил расстановку классовых сил и партий в гражданской войне.

В отличие от историографии предшествующего периода началось изучение нэпа, его роли в укреплении союза рабочего класса и крестьянства, периодизации, государственно-капиталистического сектора, товарообмена, планового руководства развитием экономики, экономических и социальных изменений в переходный период, классовой борьбы. Внимание к нэпу усилилось в связи с хрущевско-косыгинскими реформами конца 50—60-х гг.

На страницах журналов «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС» были проведены дискуссии. Э. Б. Генкина, Ю. А. Поляков, И. Я. Трифонов раскрывали формы и методы проведения новой экономической политики, классовую и внутрипартийную борьбу этого периода. Историки настаивали

на преемственности экономической политики весны 1918 г. и весны 1921 г., между которыми был период «военного коммунизма», вызванный гражданской войной.

Полемика выявила различный подход к периодизации нэпа; не было достаточной ясности в вопросах о его начальном этапе, эволюции, характере и формах. Ю. А. Мошков доказывал, что эта экономическая политика была свернута в конце 1920-х гг., но эту точку зрения не поддерживали. По-разному оценивались экономические уклады в условиях нэпа. Дискуссии 1960-х гг. стимулировали изучение проблем нэпа, что нашло отражение в монографиях Э. Б. Генкиной, Ю. А. Полякова, В. П. Погорельского, И. Я. Трифонова, Л. Ф. Морозова.

Социалистическую индустриализацию изучали Ю. В. Воскресенский, И. А. Гладков, В. З. Дробижев, С. С. Хромов, И. В. Маевский, В. И. Кузьмин. Они настаивали на международном значении этой политики и возможности использования ее опыта в странах социалистического содружества. Историки разделяли точку зрения, что индустриализация развернулась в СССР в середине 1920-х гг. и заняла около 10 лет. М. И. Бахтин, А. Г. Раппин, Б. М. Смехов, А. П. Финаров, О. И. Шкаратан, А. М. Панфилова в своих работах писали о рабочем классе.

На рубеже 1950—1960-х гг. интенсивно исследовались вопросы аграрной революции и ее социально-экономические итоги (П. Н. Першин, В. М. Селунская, Г. В. Шаранов). Ю. А. Поляков проанализировал историю крестьянства в период перехода к нэпу, показал масштабы процесса его дифференциации. Официальная концепция истории коллективизации в СССР была сформулирована в работе С. П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос» (1967).

Культурная революция в СССР отражена в творчестве М. П. Кима. Историк связывал ее непосредственно с моментом победы Октябрьской революции. После появления его трудов в исторической науке проходила дискуссия по проблеме культурной революции в СССР, ее хронологических рамках, региональных особенностях, соотношении нового и старого в процессе создания социалистической культуры.

С конца 1950-х гг. расширяется источниковая база в изучении истории Великой Отечественной войны. Публикуются воспоминания выдающихся военачальников (Г. К. Жукова, А. М. Василевского, С. М. Штеменко, командующих фронтами и армиями, видами Вооруженных Сил и родами войск). В 1960—1965 гг. была издана шеститомная «История Великой

Отечественной войны советского народа в 1941—1945 гг.». В этом труде отсутствовали некоторые догматы сталинизма, однако на место старых мифов пришли новые: непомерно возмечивалась роль Н. С. Хрущева, умалялась роль Сталина, Жукова, Ставки Верховного Главнокомандования, Государственного Комитета Оборона и других органов управления страной. Все трудности как накануне войны, так и в ее ходе объяснялись исключительно влиянием культа личности Сталина. Авторы вышедшей после отстранения Хрущева от власти книги «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история» внесли ряд существенных уточнений в характеристику деятельности командования и Военных советов отдельных фронтов.

На изучение послевоенного периода истории СССР большое влияние оказывала смена руководства страны. При Н. С. Хрущеве и Л. И. Брежневе появлялись работы, в которых проблемы послевоенной истории рассматривались исключительно через призму деятельности той личности, которая находилась у власти и в свете решений очередных партийных форумов. Историки и экономисты писали о вступлении СССР после окончания войны в очередную стадию строительства социализма, которая характеризовалась как «полная и окончательная победа социализма в СССР», после которой начинался период «непосредственного строительства коммунистического общества».

Для периода «оттепели» характерно действие противоречивых тенденций. Решения XX съезда КПСС позволили части советских историков освободиться от догм культа личности Сталина, продвинуться вперед в области решения методологических проблем и изучения конкретных вопросов отечественной истории. Практически по всем периодам истории страны широкое распространение получили научные дискуссии.

В то же время партийный диктат и идеологическое руководство исторической наукой сохранялись, что проявилось преимущественно в консервации традиционных оценок многих проблем истории и преследовании тех ученых, которые мыслили по-другому. Н. С. Хрущев до определенного времени не вмешивался в деятельность историков, однако тон его выступлений на встречах с творческой интеллигенцией в декабре 1962 г. и в марте 1963 г. не сулил ничего хорошего. Во второй половине 1960-х гг. усилилось влияние на историков таких руководителей идеологических ор-

ганов, как М. А. Суслов, Б. Н. Пономарев, П. Н. Поспелов, С. П. Трапезников, которые представляли консервативное крыло в партии.

Источники

Волобуев, П. В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году / П. В. Волобуев. — М., 1964.

Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева : в 2 т. / Н. М. Дружинин. — М. : Л., 1946 ; 1958.

Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. / Н. М. Дружинин. — М., 1978.

Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. — М., 1964.

Зимин, А. А. Слово о полку Игореве / А. А. Зимин. — СПб., 2006.

История гражданской войны в СССР : в 5 т. / сост.: Максим Горький, В. Быстрянский, В. Милютин. — М., 1935—1958.

Ковальченко, И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века / И. Д. Ковальченко. — М., 1967.

Панкратова, А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII века) / А. М. Панкратова. — М., 1963.

Сидоров, А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917) / А. Л. Сидоров. — М., 1960.

Янин, В. Л. Новгородские посадники / В. Л. Янин. — М., 1962 (2003).

Рекомендуемая литература

Алексеева, Г. Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60—80-е годы / Г. Д. Алексеева // Историческая наука России в XX веке. — М., 1997. — С. 269—301.

Заболотный, Е. Б. Современная историография о феномене «новое направление» / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX—XX веках. — Екатеринбург, 2004. — С. 46—59.

Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001.

Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций : в 3 вып. / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 2001—2008.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005.

Поликарпов, В. В. «Новое направление» 50—70-х гг.: последние дискуссии советских историков / В. В. Поликарпов // Советская историография. — М., 1996. — С. 349—400.

Сидорова, Л. А. «Оттепель» в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия / Л. А. Сидорова. — М., 1997.

Сидорова, Л. А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков / Л. А. Сидорова. — М., 2008.

Стариков, Н. В. Эпоха «оттепели» и этапы становления сталинизма: Вопросы историографии / Н. В. Стариков // Советская историография. — М., 1996. — С. 316—348.

Тарновский, К. Н. Советская историография российского империализма / К. Н. Тарновский. — М., 1964.

Тарновский, К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX века. Советская историография середины 50-х — 60-х годов / К. Н. Тарновский. — М., 1990.

Чистякова, Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров / Е. В. Чистякова. — М., 1987.

Глава 18

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

70-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 80-Х ГОДОВ

XX ВЕКА

На рубеже 60—70-х гг. XX в. в стране происходили изменения, которые характеризовались отходом от решений XX и XXII съездов КПСС. «Оттепель» в исторической науке сменилась консервативным поворотом, спровоцированным во многом «пражской весной» 1968 г. В исторической публицистике употребляется в отношении этого периода в советской исторической науке термин «ресталинизация». Несмотря на свою публицистичность, он более точно отражает те изменения, которые происходили в советской исторической науке, чем официальный термин, появившийся в годы «перестройки», — «застойный период».

В СССР был восстановлен жесткий идеологический контроль за развитием общественных наук. В постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» и дальнейших партийных решениях было сформулировано положение, определявшее деятельность советских историков, — необходимость строгого соблюдения принципа партийности. При этом утверждалось, что принцип коммунистической партийности нисколько не противоречит научной объективности.

18.1. Организация научных исследований

Деятельность научных исторических учреждений находилась под контролем аппарата ЦК КПСС. Партийные органы контролировали финансирование, кадровую политику, определяли приоритетные направления исследований. Про-

должалась практика издания партийных документов, посвященных юбилейным датам: 50- и 60-летию Октябрьской революции, 150-летию годовщины со дня рождения К. Маркса и Ф. Энгельса, 100- и 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, 50-летию образования СССР и т.д. Усилия советских историков направлялись на борьбу с буржуазными и оппортунистическими фальсификациями истории.

Подготовкой кадров для исторической науки в основном занимались высшие учебные и академические учреждения. В стране существовала разветвленная сеть университетов и пединститутов с историческими факультетами, развивалась аспирантура научно-исследовательских учреждений и вузов. В конце 1960-х — первой половине 1980-х гг. в ряды историков-исследователей и преподавателей вузов влился значительно бóльший отряд молодых специалистов, чем в любой предшествующий период. Историческое образование являлось престижным, о чем свидетельствовали высокие конкурсы при поступлении на исторические факультеты.

Большую роль в обеспечении идеологического фундамента для исторической науки играли научные центры при ЦК КПСС — Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук, Высшие партийные школы. Они выполняли идеологические и контрольные функции, диктовали ученым санкционированные властью направления и формы работы.

Начало консервативного поворота в советской исторической науке некоторые современные авторы связывают с приходом к власти Л. И. Брежнева. Действительно, уже первые годы его правления отмечены попытками реабилитировать И. В. Сталина и отменить решения XX и XXII съездов КПСС, осуждавшие культ личности. Заметно сократилась критика Сталина, сталинизма. Однако под давлением советской и мировой общественности реабилитировать Сталина не удалось, хотя в декабре 1969 г. впервые после 1949 г. отмечался его юбилей.

В конце 1960-х — первой половине 1980-х гг. дальнейшее развитие получили научные академические центры. Они были организованы в Сибири, на Дальнем Востоке, Урале и Северном Кавказе. В составе научных центров функционировали институты исторического профиля.

В академических учреждениях трудились над обобщающими многотомными трудами: «Всемирная история», «Советская историческая энциклопедия», «История СССР с древнейших времен до наших дней», «История КПСС» и др. Эта работа ученых находилась под пристальным вниманием партийных

органов, прежде всего Отдела науки ЦК КПСС, которые направляли исследовательскую мысль историков в русло официальной доктрины. При подготовке обобщающих трудов возникла серьезная проблема: историки не могли договориться о том, как освещать сталинский период в отечественной истории. В связи с этим многие труды так и не были завершены, в них отсутствовали тома по современной истории страны.

В 1982 г. под редакцией И. И. Минца вышел первый учебник для вузов по советской историографии — «Историография истории СССР: Эпоха социализма». В 1985 г., спустя 19 лет после выхода четвертого тома, вышел пятый том «Очерков истории исторической науки в СССР», посвященный периоду конца 1930—1950-х гг.

Историографы подводили итоги развития современной им исторической науки между очередными съездами партии. Широко публиковались историографические сборники научных статей. С 1970 по 1985 г. регулярно выходили ежегодники «История и историки». Заметно оживилась деятельность в провинциальных научных центрах: Томске, Саратове, Калининске, Свердловске и др. Так, в 1970-е гг. в Уральском государственном университете имени А. М. Горького сложилась «уральская историографическая школа» во главе с профессором О. А. Васьковским. Позднее здесь была создана Уральская секция Научного совета АН СССР по истории исторической науки.

В эти годы в свет вышло большое количество исторических документов, которые создавали новые возможности для изучения истории России. Вместе с тем многие проблемы отечественной истории второй половины XIX — начала XX в., советского периода не были обеспечены достаточной источниковой базой. С течением времени все большее количество архивных фондов оказывались недоступными исследователям. Возрождался так называемый иллюстративный метод исследования, столь распространенный в исторической науке в сталинскую эпоху.

18.2. Теоретико-методологический уровень исторической науки

В конце 1960-х — первой половине 1980-х гг. усилия историков были сосредоточены на разработке общетеоретических и методологических проблем всемирно-исторического и оте-

чественного исторического процессов. Однако их изыскания характеризовались повторением одних и тех же марксистских положений, связанных с общественно-экономическими формациями, классовой борьбой, революцией, диктатурой пролетариата, действием экономического фактора. При этом ученые доказывали передовой характер марксистских исследований и несостоятельность буржуазной методологии истории.

Положительным явлением стало укрепление связи между историей и другими общественными науками — философией, социологией, экономическими науками. Это способствовало созданию исследований в «пограничных областях», взаимному обогащению общественных наук, методов их изучения.

Определенное воздействие на советскую историческую науку оказывала зарубежная историография. В СССР существовала система закупок зарубежной литературы, но она аккумулировалась в основном в спецхранах. Допущенные к ней историки специализировались на критике зарубежных концепций отечественной истории (В. И. Салов, Г. З. Иоффе, Ю. И. Григнцкий, Б. И. Марушкин, Н. В. Романовский и др.).

Тем не менее, издание в СССР произведений авторитетных представителей школы «Анналов» М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, западных структуралистов М. Фуко, К. Леви-Стросса, Р. О. Якобсона, работы Г. Хакена по проблемам синергетики, М. Вебера имело важное значение. Советские историки Ю. Н. Афанасьев, Ю. Л. Бессмертный, А. Я. Гуревич, В. М. Далин, М. Н. Соколова, анализируя творчество французской «новой исторической науки», труды других зарубежных авторов в соответствии с требованиями того времени, показывали, к чему могут привести эклектизм, гипертрофированная квалификация, увлечение психоанализом, исторической антропологией, и через эту критику знакомились с новейшими методами исторического исследования.

Под влиянием западной науки, представители которой подходили к исследуемым объектам как к целостной системе, обладавшей определенной структурой, и применяли для ее изучения различные методы, получившие название системно-структурного анализа, отечественные историки стали использовать методы моделирования исторических процессов, разрабатывать новые пути исследования массовых исторических источников с применением электронно-вычислительной техники и т.п.

В 1968 г. И. Д. Ковальченко создал Комиссию по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследова-

дованиях при Отделении истории АН СССР и руководил ей до 1995 г. Комиссия выпустила семь сборников, посвященных различным вопросам использования математических методов в исторических исследованиях. С 1979 г. на историческом факультете МГУ действовал семинар «Количественные методы в исторических исследованиях». В 1979 и 1981 гг. были проведены советско-американские симпозиумы по применению количественных методов в исторической науке. Особенно востребованными они были в исследованиях по социально-экономической и социально-политической истории России Нового и Новейшего времени. В разработку квантитативной истории включились исследователи Киева, Ростова-на-Дону, Баку, Горького, Тбилиси, Таллинна, Днепронетровска и других городов СССР.

В 1984 г. вышло учебное пособие «Количественные методы в исторических исследованиях» под редакцией И. Д. Ковальченко. Успешно работал в области новых информационных ресурсов и технологий в исторических исследованиях Л. И. Бородин.

Историки, применявшие количественные методы, предпринимали шаги к использованию моделирования исторических явлений и процессов. И. Д. Ковальченко писал, что в историческом исследовании в той или иной степени используются три типа моделей: отражательно-измерительная, альтернативно-гипотетическая и альтернативно-симуляционная. Советские ученые были готовы к построению моделей первого типа, допускали использование моделей второго типа, но к третьему типу относились негативно. Руководствуясь выводом, что история не знает сослагательного наклонения, они отвергали поиск «мнимых альтернатив», не основанных на реальном ходе развития или его возможных тенденциях.

Примером реализации модели второго типа можно считать работу Н. Е. Носова. Он поставил вопрос о существовавшей, но не реализовавшейся возможности развития России по пути сословно-представительной монархии, а не безграничного самодержавия.

В 70–80-е гг. XX в. произошло дальнейшее развитие «тартуско-московской семиотической школы», нацеленной на формирование нового подхода к изучению истории культуры. К исследованию этой проблемы подключились специалисты, занимавшиеся изучением, в первую очередь, зарубежной древней и средневековой истории (А. Я. Гуревич, М. А. Барг, С. С. Аверинцев, Л. М. Баткин, А. П. Каждан,

Г. С. Кнабе) и историей России (Н. Я. Эйдельман). Принципы отечественного структурализма в изучении культуры наиболее полно воплощены в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» (1980).

Применение новых методов в историческом исследовании стимулировало развитие источниковедения, повысив требования к достоверности и репрезентативности конкретно-исторических данных.

18.3. Борьба с инакомыслием

Период 1970-х — первой половины 1980-х гг. отмечен борьбой с инакомыслящими, их поиском в науке. Употребляя термины «диссидент» или «инакомыслящий» в отношении ученых, подвергшихся преследованиям, необходимо учитывать следующее: историки тех лет не рассматривали себя в качестве оппозиционно настроенных к официальной науке, подавляющее их большинство не выходило за рамки марксистской методологии, хотя многие считали, что можно и нужно использовать достижения зарубежной и дореволюционной историографии. Тем не менее представителям официальных идеологических органов после совершенного консервативного поворота и этого оказалось достаточно, чтобы начать с ними борьбу.

На рубеже 1960—1970-х гг. репрессии обрушились на историков, которые в предшествующий период разделяли либеральные позиции. Большую роль здесь сыграли отдел науки ЦК КПСС, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. Я. Геллер и А. М. Некрич уже в конце 1960-х гг. вынуждены были покинуть СССР. В 1969 г. в журнале «Коммунист» жесткой критике подверглись работы М. А. Барга и А. Я. Гуревича за попытки структуралистского изучения общества как социальной системы.

Сильный удар был нанесен по ведущему научному историческому учреждению страны — Институту истории АН СССР. В августе 1968 г. решением ЦК КПСС, вызванным якобы необходимостью увеличить количество самостоятельных научно-исследовательских учреждений, его разделили на два учреждения — Институт истории СССР во главе с Б. А. Рыбаковым и Институт всеобщей истории во главе с Е. М. Жуковым. В 1970 г. Институт истории СССР возглавил П. В. Волобуев. Проведенная реорганизация носила

не формальный, а спланированный характер. Деятельность сектора методологии и сектора империализма Института истории подверглась особой критике.

Широкий резонанс в среде научной общественности вызвал сборник статей «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы» под редакцией С. О. Шмидта (1969), подготовленный в секторе методологии. Его авторы пропагандировали идеологическую нейтральность собственно методики исторического исследования. В рецензии на сборник, опубликованной в журнале «Вопросы истории», говорилось о серьезных недостатках статей «авторов с не по-русски звучащими фамилиями». Выводы были однозначны: познавательный арсенал историка не нейтрален к его мировоззрению, а формализация и математизация методов исторической науки не устраняют классового, партийного подхода к историческим явлениям.

Изданный в секторе методологии сборник статей «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969) негативно восприняли в партийных органах вплоть до ЦК КПСС. Авторов обвинили в отходе от марксистско-ленинской методологии. Было принято решение о реорганизации сектора методологии; в 1970 г. он прекратил существование.

В июне 1972 г. бюро Отделения истории АН СССР по инициативе П. Н. Поспелова приняло специальное постановление, в котором осуждалась деятельность «нового направления». В марте 1973 г. состоялось совещание в отделе науки ЦК КПСС, на котором оно квалифицировалось как «ревизионистское». Критиковались подготовленные его сторонниками сборники «Свержение самодержавия в России», «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония», «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности». Представители «нового направления» подверглись партийным взысканиям, их заставили сменить темы исследования, лишили возможности выступать в печати, в журналах были опубликованы разгромные статьи по поводу вышедших сборников, сектор истории СССР периода империализма реорганизовали.

В 1974 г. решением ЦК КПСС был снят с поста директора Института истории СССР П. В. Волобуев как «не справившийся с работой». Его перевели на работу в Институт истории естествознания и техники.

Судьба Павла Васильевича Волобуева (1923–1997) во многом типична для поколения отечественных ученых, про-

шедших через горнило Великой Отечественной войны и вступивших в историческую науку в 1950-е гг. После кратковременной работы инструктором отдела науки ЦК КПСС, откуда он добровольно ушел, написав в письме на имя Н. С. Хрущева о «бесполезности» своего пребывания в этой должности, Павел Васильевич с конца 1955 по 1974 г. работал в Институте истории (с 1968 г. — Институт истории СССР) АН СССР. Под влиянием своего учителя А. Л. Сидорова он занялся исследованием процесса развития капитализма в России, экономического положения в стране в 1917 г. Этим темам посвящены его кандидатская («Монополии и топливный “голод” в России в 1911—1914 гг.») и докторская («Экономическая политика Временного правительства») диссертации. Став с 1970 г. директором Института истории СССР, П. В. Волобуев много сделал для правдивого освещения российской истории. Он считал неправильным вмешательство «партийных инстанций» в дела исторической науки, выступил одним из «генераторов» идей «нового направления».

В Институте истории естествознания и техники, где Волобуев оказался не по своей воле, он занимался историей русской науки в пореформенный период и историко-теоретическими проблемами, подготовил монографию «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность» (издана в 1987 г.) об альтернативности истории России и других стран. Во второй половине 1980-х гг. ученый получил возможность вернуться в Институт истории СССР. В 1992 г. он возглавил Научный совет РАН¹ «История революций в России». В. Л. Телицын, сотрудник этого Совета, позднее писал, что Павел Васильевич своей целью поставил, «с одной стороны, с позиций исторической правды переосмыслить историю России последней четверти XIX в. и русских революций первых двух десятилетий XX в., отказавшись от мифологии официальной советской историографии, а с другой — избежать создания новых мифов».

В 1990 г. Волобуев был избран академиком АН СССР (РАН). В том же году он становится президентом Международной комиссии по истории Октябрьской революции при Международном комитете исторических наук, с 1993 г. — президентом Ассоциации историков Первой мировой войны.

Другого представителя «нового направления» — К. Н. Тарновского — перевели в сектор исторической географии. В связи

¹ РАН — Российская академия наук.

с тем, что его докторскую диссертацию «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки», защищенную в 1970 г., долгое время не утверждали, автор забрал ее из ВАК¹, но не поступился своими принципами. И. Ф. Гиндина в 1973 г. отправили на пенсию. В Уральском государственном университете имени А. М. Горького критика звучала в адрес заведующего кафедрой истории СССР В. В. Адамова, ответственного редактора сборника «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности».

Борьба с инакомыслием сказалась на судьбах многих советских историков, чьи взгляды были признаны не соответствующими официальной концепции отечественной истории. Более того, прикрываясь борьбой за чистоту марксистско-ленинской науки, порой сводили личные счеты.

Сильной критике подверглась концепция И. Я. Фроянова, представленная в монографии «Киевская Русь: Очерки социально-политической истории» (1980). Автора обвинили в «антимарксизме», «буржуазности», «непатриотичности», «забвении формационного и классового подходов». В 1971 г. в журнале «Вопросы истории» Б. А. Рыбаков обрушился с критикой на Л. Н. Гумилева, «причастного к археологии», за спорную датировку и интерпретацию «Слова о полку Игореве». Впоследствии Л. Н. Гумилеву запретили печатать текст его второй докторской диссертации «Этногенез и биосфера земли», защищенной в 1974 г. В ней ученый изложил свои представления об этносе как связующем звене между природой и человеком и ввел в науку новое понятие, психологическую доминанту — пассионарность².

В исследованиях о «Слове о полку Игореве» Б. А. Рыбаков в начале 1970-х гг. подверг критике А. А. Зимина за попытку пересмотреть датировку «Слова». Академик выдвинул гипотезу о возможном авторе «Слова» — киевском летописце второй половины XII в. Петре Бориславиче, являвшемся выразителем интересов боярства и противником княжеских междоусобиц.

Одним из результатов консервативного поворота в советской исторической науке стало то, что прекратились науч-

¹ ВАК — Высшая аттестационная комиссия.

² Пассионарность (фр. *passionner* — увлекаться, разжигать страсть) — воля к славе, известности, иногда сильнее, чем инстинкт самосохранения. Термин Л. Н. Гумилева.

ные дискуссии. Споры в 1968—1971 гг. в журналах «История СССР» и «Вопросы истории» по проблеме социальной сущности российского абсолютизма так и остались незавершенными из-за слишком бросающихся в глаза аналогий с советской политической системой.

18.4. Проблематика научных исследований

Изучение дореволюционной истории России. В изучении истории Древней Руси советские историки исходили из концепции Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова о феодальной основе общественных отношений. Однако существовала и другая точка зрения. Крупные работы по истории Древнерусского государства написал И. Я. Фроянов, чьи взгляды расходились с официальной концепцией Грекова и Рыбакова. И. Я. Фроянов показывал Древнюю Русь как страну городов-земель, вечового народовластия и общинной самодеятельности.

Исследователей, изучавших Российское государство, привлекала преимущественно политическая история. Они выдвигали новые термины, объяснявшие процесс складывания Московского государства, спорили о характере государственного строя. С. О. Шмидт, отмечая развитие сословного представительства и взаимоотношения феодалов между собой (система местничества), констатировал, что в средневековой России имела место не столько централизация, сколько бюрократизация управления, унификация правовых норм, финансовой системы, военно-служебных отношений. По мнению Шмидта, в XVI в. уже начинал формироваться абсолютизм с чертами восточного деспотизма.

А. Л. Шапиро и В. И. Корецкий изучали крепостнические отношения в России. Так, Корецкий считал, что этот процесс шел нарастающими темпами на протяжении всего XVI столетия и был связан с ростом барщины, поэтому опричнина не является решающим этапом на пути закрепощения крестьян. По его мнению, развитие Российского государства происходило по феодально-крепостническому, а не по раннебуржуазному или «предбуржуазному» пути. По А. А. Зимину, Россия в XVI в. стояла на пороге «нового времени», вместе с тем он показывал живучесть следов феодальной раздробленности в политической жизни страны.

Р. Г. Скрынников исследовал проблему «заповедных лет» и связывал их с отменой монастырских тарханов и «обеле-

нием» господской пашни в 1580-х гг. Он пришел к выводу, что правительство запрещало переход всех тяглых людей не только в деревне, но и в городе, причем запрет распространялся как на владельческих, так и на черносошных крестьян.

Одним из крупнейших советских ученых-медиевистов был **Лев Владимирович Черепнин** (1905—1977). Историк, источниковед, историограф, специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, он внес весомый вклад в исследование многих проблем прошлого России, прежде всего периода феодализма.

Жизнь неоднократно испытывала будущего академика на прочность: при родах умерла мать Черепнина; из-за «дворянских корней» не прост был его путь к высшему образованию; в 1930 г. он был осужден по так называемому «Академическому делу» и сослан на три года в Северный край; вернувшись из лагеря и не имея права на московскую прописку, работал «по договорам», ежедневно опасаясь нового ареста. Лишь благодаря врожденному таланту, упорству, поддержке коллег-историков Лев Владимирович сумел не только выжить, но и добиться многого в науке.

В 1942 г. Черепнин защищает кандидатскую, а спустя пять лет — докторскую диссертацию. В последующие годы он успешно работает в МГИАИ¹ и МГУ, в Институте истории АН СССР. Его монографии «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» (ч. 1. 1948; ч. 2. 1951), «Образование Русского централизованного государства (1960), «Земские соборы Русского государства в XVI—XVII веках» (1978) и др. вошли в золотой фонд отечественной историографии. Подготовленные им или под его руководством публикации духовных и договорных грамот великих удельных князей XIV—XVI вв., текст Судебника 1497 г., второй и третий тома «Актов социально-экономической истории Руси конца XIV — начала XVI вв.» заложили качественно новые параметры советской документальной археографии. За большой вклад в развитие исторической науки Черепнин в 1957 г. был удостоен Ломоносовской премии МГУ, в 1970 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», в 1972 г. его избирают в действительные члены АН СССР. В 1981 г. ученому посмертно была присуждена Государственная премия СССР.

Изучение истории русской промышленности проходило в свете проблемы генезиса капиталистических отношений.

¹ МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт.

Е. И. Заозерская установила неравномерность возникновения элементов капиталистического производства в разных областях промышленности и показала роль феодального государства в организации экономики в XVI—XVII вв. К. Н. Сербина, изучавшая крестьянскую железоделательную промышленность, отмечала негативное влияние феодально-крепостнических отношений на процесс перехода от мелкого товарного производства к крупному, капиталистическому.

Вопросом о формировании и развитии всероссийского аграрного рынка интересовались И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов. Они применили математические методы для исследования соотношения между ценами на основные виды сельскохозяйственной продукции, землю, тягловую и рабочую силу. Историки установили основные этапы развития аграрного рынка, уточнили географию региональных рынков и ее изменение во времени, раскрыли процесс становления всероссийского сельскохозяйственного рынка, показав, что к середине XIX в. его формирование еще не закончилось.

Б. Г. Литвак и А. Г. Гончий, изучив уставные грамоты и выкупные сделки как важнейшие источники по истории реформы 1861 г., сделали традиционный вывод о крепостническом, грабительском характере реформы.

Н. М. Дружинин в работе «Русская деревня на переломе 1861—1880 гг.» (1978) по-новому осветил сложнейшие проблемы аграрно-капиталистической эволюции. Автор проанализировал буржуазные стороны реформы 1861 г. и показал, что определяющим моментом в реализации реформы был перевод крестьян на выкуп, с которым происходило отделение крестьянского хозяйства от помещичьего, т.е. ликвидация феодальных отношений и формирование слоя мелких свободных самостоятельных производителей — крестьян. Выкупная операция, по мнению историка, форсировала процесс первоначального накопления, расчистила путь новому, капиталистическому строю в его «прусском» варианте. Н. М. Дружинин установил, что аграрная эволюция в бывшей государственной деревне могла происходить на основе крестьянского хозяйства, т.е. по «американскому» пути. Этот путь был в России не только возможностью, но и социально-экономической реальностью, особенно в районах Севера, Юга, Поволжья и За-волжья.

Промышленное развитие России в XIX в. исследовали В. К. Яцунский и Ю. А. Рыбаков, мелкотоварное крестьянское производство, его взаимоотношение с крупным фаб-

ричным производством в период завершения в России процесса перехода от мануфактуры к фабрике — Е. И. Соловьева и М. К. Рожкова.

Социальная сторона промышленного переворота в советской историографии была представлена многочисленными трудами по истории рабочего класса и многими работами по истории российской буржуазии. В первых рассматривался вопрос образования слоя постоянных наемных рабочих, вскрывались источники формирования пролетарских кадров, устанавливалась их численность. Было показано, что постоянные рабочие преобладали среди рабочих крупной промышленности по мере превращения мануфактуры в фабрику, а главным источником пополнения рабочих кадров являлось разоряющееся крестьянство. Процесс образования класса промышленных пролетариев в России завершился в основном в 80-х гг. XIX в. Обстоятельное исследование о формировании, численности, составе и облике крупной буржуазии и предпринимательских организаций в пореформенной России, взаимоотношениях буржуазии и государственного аппарата создал В. Я. Лаверычев.

По-прежнему активно изучалась история революционного движения и радикальной общественной мысли в России XIX в. С. С. Ланда проанализировал процесс формирования мировоззрения декабристов. Революционное движение и передовая общественная мысль 30—40-х гг. XIX в. были освещены в книге Л. И. Насонкиной. Связи Герцена и Огарева с деятелями России, выступавшими их тайными корреспондентами, роль Герцена в разоблачении секретной политической истории России XVIII—XIX вв. раскрывал в своих работах Н. Я. Эйдельман. Авторы коллективной монографии «Революционная ситуация в России в середине XIX века» подвели итоги в изучении этой темы.

Н. А. Троицкий писал о революционном народничестве. Авторы отдельных работ, посвященных идеологам и руководителям народнического движения, приукрашивали их деятельность. В частности, Н. М. Пирумова идеализировала воззрения и деятельность М. А. Бакунина. В. Г. Хорос, И. К. Пантин и Г. Г. Водолазов рассмотрели народничество как течение, противостоявшее марксизму.

Весомый вклад в исследование истории российского освободительного движения в XIX в. внесла **Милица Васильевна Нечкина** (1899—1985). Ее отличали не только талант, интеллект, огромная эрудиция, но и высокая профессиональная

культура, интеллигентность. Вскоре после окончания Казанского университета Нечкина опубликовала свое первое монографическое исследование «Русская история в освещении экономического материализма. Историографический очерк» (1922). С тех пор вопросы истории исторической науки неизменно находились в поле ее зрения. Наряду с этим она успешно занималась общими проблемами истории России, теорией и методологией исторического познания, писала учебники для средней и высшей школы. Монографии Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы» (1947), «Движение декабристов» (1955), «Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества» (1974), «День 14 декабря 1825 года» (1985) вошли в золотой фонд отечественной исторической науки, сохраняют и сегодня, несмотря на ряд спорных моментов, свою научную значимость.

С 1924 г. Нечкина работала в Москве, стала профессором МГУ и Академии общественных наук при ЦК ВКП(б); с 1936 г. и до конца жизни являлась научным сотрудником Института истории (Института истории СССР) АН СССР. Преподавательскую и исследовательскую деятельность она умело сочетала с организаторской: успешно работали созданные ею Научный совет по истории исторической науки, Группа по изучению революционной ситуации в России 1859–1861 гг. В 1953 г. Милицу Васильевну избрали членом-корреспондентом, в 1958 г. — действительным членом АН СССР.

В сборнике «Встреча двух поколений» (1980) Нечкина раскрыла проблему смены дворянского этапа революционного движения разночинским в условиях первой революционной ситуации. Она исследовала вопросы взаимодействия лондонского центра во главе с Герценом и Огаревым и петербургского центра во главе с Чернышевским и Добролюбовым, создания первой революционной организации 60-х гг. XIX в. «Земля и воля».

Серьезный урон изучению социально-экономической истории конца XIX — начала XX в. нанесла критика концепции «нового направления». Внимание историков сконцентрировалось на исследовании главным образом тех форм организации производства, которые свидетельствовали о высоком уровне развития капитализма в России: истории промышленных и банковских монополий, формировании финансового капитала, взаимоотношении монополий и государства, возникновении государственно-монополистического капитализма, роли иностранных капиталов в России, общем

и особенно в российском империализме (Б. В. Ананьич, А. А. Фурсенко, В. И. Бовыкин, К. Ф. Шаццло, В. Я. Лаверычев, А. М. Соловьева, Л. Е. Шенелев).

Вопросами, связанными с назреванием революционного кризиса в России в начале XX в., занимались А. Ф. Костин, А. В. Ушаков, П. С. Гусятников, Л. Т. Сенчакова. Работы по этой проблематике отличались стремлением историков доказать гегемонию пролетариата во всех трех русских революциях. А. А. Мухин и Ю. И. Кирьянов изучали интенсивность и формы эксплуатации рабочих, продолжительность рабочего дня, санитарные и другие условия работы, размер заработной платы, жизненный уровень рабочих, их жилищные условия, образование и культуру.

Критика «нового направления» сказалась и на освещении характера государственности, внутренней политики России в эпоху империализма. Н. П. Ерошкин и А. М. Давидович рассмотрели классовую природу самодержавия в эпоху империализма, его эволюцию в начале XX в., сущность понятия «конституционное самодержавие», введенного В. И. Лениным, роль самодержавия в нарастающей внутриполитической напряженности в России, приведшей к падению царизма. Н. П. Ерошкин охарактеризовал бюрократический аппарат страны, показал не только классовую, но и духовно-нравственную обреченность его последних представителей. А. М. Давидовича критиковали за высказанные им спорные суждения о государственно-капиталистическом хозяйстве как второй экономической опоре самодержавия, о поддержке буржуазией помещиков, о социальной структуре и политическом облике российской буржуазии.

В. Я. Лаверычев подчеркивал антипролетарскую направленность политики царизма по рабочему вопросу в 1861—1917 гг. П. А. Зайончковский исследовал вопросы политической реакции 80-х — начала 90-х гг. XIX в. Ю. Б. Соловьев анализировал политику самодержавия по отношению к дворянству в эти же годы и отмечал тщетность попыток правительства возродить силу и величие «благородного» сословия, а также гибельность узкосословной социальной политики.

В трудах В. И. Старцева, А. Г. Слонимского, Е. Д. Черменского рассматривались неудачные попытки буржуазных партий предотвратить революцию в России путем сговора думских деятелей с придворной камарильей. Э. Н. Бурджалов в двухтомной монографии исследовал историю второй буржуазно-демократической революции в России. Создание военно-промышленного потенциала России в XIX — на-

чале XX в. отражено в работах Л. Г. Бескровного, П. А. Зайончковского, К. Ф. Шацillo. Ученые проанализировали состав, численность и вооружение армии, вопросы организации офицерского корпуса и обучения войск, политику высшего военного руководства.

В советской историографии появились работы, характеризующие как внешнюю политику России в целом в XIX в. (Н. С. Киняпина), так и в отдельные периоды, по отдельным направлениям и странам (Б. А. Георгиев, С. Д. Сказкин, А. З. Манфред). В связи с 60-летием начала Первой мировой войны был издан двухтомный труд (1975), в котором исследованы происхождение и характер войны, дан анализ важнейших событий на суше и море.

Изучение истории советского общества. Во всех работах по истории советского общества широко освещалась руководящая роль партии и В. И. Ленина. И. И. Миц в трехтомной работе «История Великого Октября» в противовес «новому направлению» исследовал процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, осветил вопросы, связанные с победой Октябрьской революции, триумфальным шествием советской власти по стране, ролью рабочего класса как гегемона революции на протяжении всех ее этапов. В книге «1918-й год», как продолжение темы, академик писал о первых очагах сопротивления большевикам. Рабочему классу как гегемону революции посвятили работы Б. М. Фрейдлин, Л. С. Гапоненко, Г. А. Трукан, а также авторы специальных коллективных трудов.

В 1970-е гг. сформировалось несколько направлений в исследовании трех российских революций: история рабочего класса и его гегемония в освободительном движении, боевая работа большевиков в трех революциях, история трех революций в отдельных регионах. Работа по каждому из них заканчивалась выходом авторских или коллективных публикаций.

В то время исследователи, наряду с изучением борьбы большевиков с буржуазными и мелкобуржуазными партиями, обратили внимание на внутреннюю историю последних, их роль в формировании лагеря контрреволюции, закономерности краха и распада. Х. М. Астрахан, С. Н. Канев, К. В. Гусев, Г. З. Иоффе, Л. М. Спирин, А. Я. Грунт, В. Д. Поликарпов, О. Н. Знаменский рассматривали революцию и контрреволюцию в их постоянной конфронтации, в реальных столкновениях.

Историки гражданской войны и иностранной военной интервенции (Ю. И. Кораблев, И. В. Ставицкий, В. Д. Поли-

карпов, А. А. Строков и др.) проводили дискуссии о ленинской концепции этого периода, в частности, об их периодизации. Ю. А. Поляков, В. П. Данилов, Л. М. Спирин дискутировали о сроках окончательного поворота середняцких масс в сторону советской власти. Развитию социалистической революции в деревне в 1918 г. посвящены исследования Т. В. Осиповой и А. А. Чернобаева. О сущности политики «военного коммунизма» писали Е. Г. Гимпельсон, Ю. С. Попков, М. И. Давыдов.

В 1970–1980-е гг. продолжилось исследование различных проблем нэпа (Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко, И. Я. Трифонов, И. Б. Берхин). Актуальность приобрел вопрос о государственном капитализме. В литературе изучались его социально-экономическая сущность, формы и методы использования госкапитализма в СССР (концессии, арендные предприятия и др.). Грани между собственно госкапитализмом и капитализмом выделялись в том, что первый подвергался государственному регулированию.

Историки вновь приводили доказательства, что строительство социализма в СССР включало решение задач индустриализации, коллективизации и культурной революции. В трудах по истории индустриализации (В. И. Кузьмин, В. И. Касьяненко) было сформулировано ее определение как процесс развития крупного машинного производства, способного обеспечить создание материально-технической базы социализма, экономическую независимость и обороноспособность, решить социальные задачи. Критиковалось мнение о том, что создание крупной машинной индустрии приходилось начинать с нулевого уровня. Продолжались споры о хронологических рамках индустриализации: одни авторы считали, что этот процесс включает в себя три довоенных пятилетки, другие конечной датой называли 1936–1937 гг.

Разрабатывалась история советского рабочего класса (А. А. Матюгин, В. К. Фединин, В. И. Бутенко и др.). Духовная жизнь рабочих советских промышленных предприятий отражена в трудах Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Л. А. Ониква. Активно изучалась история фабрик и заводов.

В ряде работ по коллективизации рассмотрен ленинский кооперативный план (Л. Е. Файн, Л. Ф. Морозов, В. В. Кабанов). Классовую борьбу в деревне, ликвидацию кулачества и других эксплуататорских классов в СССР исследовали Н. А. Ивницкий и И. Я. Трифонов.

М. П. Ким разрабатывал проблему культурной революции, рассматривая ее как составную часть социалистического

строительства. Историк считал, что основные задачи культурной революции были реализованы к середине 1950-х гг.: ликвидирована неграмотность, произошла коренная «перестройка» всей системы образования, развивалась культурная работа в массах, были созданы социалистическая наука и искусство. Культурная революция как тема исследования отражена в творчестве Г. Г. Карпова.

В связи с разработкой концепции о советском народе как новой исторической общности в СССР изучались проблемы национальной политики. Обсуждался вопрос о причинах и конкретных сроках изменения взглядов Ленина и партии на федерацию. Одни исследователи утверждали, что если до победы Октября вождь пролетариата выступал против федерации, подразумевая существование ее буржуазного типа, то после 1917 г., обобщив революционное творчество масс, отстаивал социалистический тип федерации. По мнению других историков, уже в работе «Государство и революция» Ленин высказался за целесообразность федерации в России. Свой вариант предложил В. Я. Зевин: Ленин и партия, заранее не предопределяя форму государственного устройства, при обеспечении полного равноправия наций считали возможным применить разные формы национально-государственного устройства. В дискуссионном порядке обсуждался вопрос о времени выдвижения Лениным и партией идей о создании Союза ССР.

Одной из наиболее догматизированных в историографии продолжала оставаться тема истории Великой Отечественной войны. Советские историки уделяли большое внимание предыстории Второй мировой войны, изучению причин ее возникновения, раскрытию роли империалистических государств в ее развязывании. П. А. Жилин писал о подготовке гитлеровской Германии к агрессивной войне, В. Я. Сиполс — о безнаказанности фашистского агрессора со стороны империалистических правительств Англии и Франции, которые видели в нем орудие, направленное против социалистической революции в Европе и Советского Союза, против освободительного движения народов всего мира.

Вносились изменения в трактовку отдельных этапов войны. Наблюдалось желание историков реабилитировать Сталина и снять с него вину за поражения в начальный период войны. Причины неудач Красной Армии объяснялись объективными обстоятельствами: неготовностью СССР к войне, перевесом сил гитлеровской Германии и т.д. М. В. Захаров, В. А. Анфилов и другие историки выступили против того, чтобы рассма-

тривать начальный этап войны как непрерывное отступление Красной Армии. Они исследовали важнейшие сражения 1941 г. и показали тот урон, который советские войска нанесли гитлеровскому вермахту, сорвав его планы, отмечали успешные операции, в том числе и наступательные (Смоленское сражение, Ельнинская операция).

Значительным событием в историографии истории Великой Отечественной войны явилось издание 12-томной «Истории Второй мировой войны. 1939—1945 гг.». В этом монументальном труде подчеркивалась роль Л. И. Брежнева в Великой Отечественной войне. Образчиком такого подхода стала книга воспоминаний генсека Брежнева «Малая земля». Субъективизм в освещении истории Великой Отечественной войны сохранился и после смерти Брежнева. Роль Ю. В. Андропова в войне была зафиксирована в книге о Карельском фронте, роль К. У. Черненко — в книге о советском тыле.

В эти годы повысился интерес к изучению современности. Послевоенный период рассматривался через призму критики волюнтаристского курса Н. С. Хрущева и прославления Л. И. Брежнева. Исследование проблем аграрной истории активизировалось после мартовского (1965) пленума ЦК КПСС. В 1978 г. вышла книга Л. И. Брежнева «Целина», в которой было показано значение освоения целины в повышении зернового производства в СССР.

С. П. Трапезников, В. И. Касьяненко, И. Б. Берхин приняли активное участие в разработке концепции развитого социализма в СССР. До середины 1970-х гг. господствовало мнение, что полная и окончательная победа социализма в стране, которую относили к концу 1950-х гг., означает тем самым и создание развитого социалистического общества. Во второй половине 1970-х гг. рубеж, с которого в СССР начинается решение задач развитого социализма, перенесли на начало 1960-х гг.

Итоги национально-государственного строительства за 60 лет советской власти подводились в связи с принятием Конституции СССР 1977 г. Были опубликованы работы о советском народе как новой исторической общности людей.

Развитие советской исторической науки в 1970-е — первой половине 1980-х гг. характеризовалось отступлением от традиций «оттепели» в исторической науке и усилением консервативных тенденций. Это проявилось как в области методологии истории, так и в изучении конкретной проблематики отечественной истории. Практически прекратились научные

дискуссии; историков, которые выходили за рамки дозволенного, объявляли инакомыслящими и подвергали гонениям.

В то же время в указанные годы наблюдался прогресс в области совершенствования методики исторического исследования, были созданы труды по отечественной истории, подготовившие появление новых подходов к исследованию далекого и недавнего прошлого, которые проявились в годы «перестройки».

Источники

Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. / Н. М. Дружинин. — М., 1978.

«Жаль, мало пишу...»: статьи, письма, архивные документы академика РАН П. В. Волобуева / сост. В. Телицына. — М., 2006.

Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX в. / П. А. Зайончковский. — М., 1970.

Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в. / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. — М., 1974.

Нечкина, М. В. Встреча двух поколений: из истории русского революционного движения конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. / М. В. Нечкина. — М., 1980.

Черепнин, Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. / Л. В. Черепнин. — М., 1978.

Яцунский, В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. : избр. тр. / В. К. Яцунский. — М., 1973.

Рекомендуемая литература

Алексеева, Г. Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60—80-е годы / Г. Д. Алексеева // Историческая наука России в XX веке. — М., 1997. — С. 269—301.

Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001.

Заболотный, Е. Б. Судьба «нового направления» в исторической науке / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. — Екатеринбург, 2004. — С. 46—59.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005.

Поликарпов, В. В. «Новое направление» 50—70-х гг.: последняя дискуссия советских историков / В. В. Поликарпов // Советская историография. — М., 1996. — С. 349—400.

Раздел V

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

КОНЦА XX — НАЧАЛА

XXI ВЕКА

Глава 19

«ПЕРЕСТРОЙКА» И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 80-Х —

НАЧАЛО 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В годы «перестройки» в развитии исторической науки появились новые черты, были выработаны новые подходы к освещению традиционных вопросов и поставлены новые исследовательские проблемы. Внутри периода «перестройки» некоторые историографы выделяют два этапа. Сначала обновление исторических знаний приобрело форму пересмотра устаревших оценок, выявления «белых пятен» и «фигур умолчания», преодоления сталинского наследия в науке; затем, на рубеже 1980—1990-х гг., проявляются творческий и организационный кризис исторической науки.

19.1. Писатели и публицисты об истории

Большое влияние на историческую науку в условиях «перестройки» оказали писатели и публицисты главным образом из поколения «шестидесятников». Публикация их произведений, многие из которых были написаны еще в годы хрущевской «оттепели», стала возможной после объявления «гласности». В книгах, пьесах, журнальных публикациях А. Бека, В. Белова, Д. Гранина, В. Дудинцева, С. Залыгина, Б. Можалева, А. Рыбакова, А. Приставкина, Ю. Трифонова, М. Шатрова высказывались новые идеи, оценки, принципы подбора исторического материала. «Шестидесятники» поднимали завесу над закрытыми в прошлом сторонами жизни общества, страницами его истории. Можно спорить об адекватности оценок исторических событий, степени профессионализма в описании исторических фактов, тем не менее, писатели, несомненно, обновили историческое знание. Именно они обра-

тили внимание общества на «белые пятна» в истории и выдвинули собственные гипотезы в их объяснении. Центральной проблемой произведений был культ личности Сталина и связанные с ним негативные аспекты истории страны.

Журналы «Огонек», «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», газеты «Московские новости», «Аргументы и факты» публиковали произведения авторов, считавшихся в сталинский и брежневский периоды знакомыми: А. Ахматовой, М. Булгакова, В. Гроссмана, Е. Замятина, Б. Пастернака, Б. Пильняка, Д. Платонова, А. Твардовского. Большой популярностью пользовались произведения писателей, побывавших в ГУЛАГе (Е. Гинзбург, А. Жигулин, В. Шаламов), писателей-эмигрантов (В. Аксенов, Г. Владимов, В. Войнович, А. Зиновьев, В. Набоков, В. Некрасов, А. Солженицын), дневники и биографии репрессированных в период сталинизма (М. Рютин, Ф. Раскольников). Знакомство с ними способствовало развитию в обществе негативного отношения к «казарменному» социализму.

Авторы не были едины в оценках истории России. Некоторые из них в своей критике недостатков советской истории не выходили за рамки «перестроечной» идеологии, другие отстаивали идею, что советский социализм был изначально несостоятелен и губителен для народа. Выделялись своими суждениями представители национально-патриотического направления, они выступали подчеркнуто с внеклассовых позиций и отстаивали идею «русской исключительности», которой угрожал неожиданно ворвавшийся в Россию процесс вестернизации. Наибольшим авторитетом среди представителей творческой интеллигенции пользовались писатели В. Солоухин, В. Белов, В. Распутин, Ю. Бондарев, В. Пикуль, художник И. Глазунов и др. В журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва» осуждалась критическая направленность публикаций в отношении советской истории, авторов обвиняли в посягательстве на «принципы», на которых держалось советское общество. Своеобразный манифест оппонентов «перестройки» — письмо Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованное в 1988 г. в газете «Советская Россия».

Неприятие западного влияния постепенно трансформировалось в идею о наличии векового «масонского заговора» против России, преследующего цель превращения ее в сырьевой придаток и духовного раба Запада. Писатели-«патриоты» воспевали исключительный и всепобеждающий русский ха-

ракти. Крайним выражением национал-патриотизма стала деятельность общества «Память», лидер которого Д. Васильев во всем происходящем видел происки, описанные в «Протоколах сионских мудрецов».

Публицистика на исторические темы постепенно превратилась в жанр, наиболее востребованный после художественной литературы читающей публикой, желавшей познакомиться с историей Отечества. На слуху были имена А. Бовина, Ф. Бурлацкого, А. Ваксберга, Н. Ивановой, Ю. Карякина, И. Клямкина, О. Лациса, Г. Лисичкина, А. Нуйкина, Л. Пияшевой, В. Селюнина, А. Стреляного, Ю. Черниченко. Политические и экономические темы часто обсуждали профессиональные ученые Л. Абалкин, О. Богомолов, П. Бунин, Т. Заславская, Г. Попов, Г. Шмелев. Они откровенно говорили о своем отношении к советской истории и советскому строю. Боевой клич исторической публицистики выражался словами: «В истории не должно быть белых пятен!» Под «белыми пятнами» понимались фальсифицированные или сознательно скрытые факты прошлого, без которых правдивая история была просто невозможна.

Публицисты стремились осмыслить и развенчать проявления командно-административного социализма. Г. Попов, опираясь на роман А. Бека «Новое назначение», дал развернутую характеристику административно-командной системы, функционировавшей не только во времена Сталина, но и во время «застоя». Пьесы драматурга М. Шатрова «Брестский мир» и «Дальше... дальше... дальше» вызвали полемику об альтернативах исторического развития. Ю. Буртин, И. Клямкин, О. Лацис, А. Нуйкин, В. Кожин рассуждали о судьбе России.

В исторической публицистике поначалу преобладала тема, связанная со Сталиным. Это и понятно: ее развивали «шестидесятники» — люди, чья совесть и сознание были разбужены XX съездом КПСС. Однако постепенно в адрес Сталина стала звучать более беспощадная критика. Раскрывались его личное участие в массовых репрессиях, насильственная коллективизация, преступная деятельность Ягоды, Ежова и Берии. Разоблачение Сталина сопровождалось выявлением и реабилитацией большого количества безвинных жертв режима. Студент МГИИ Д. Юрасов составил картотеку репрессированных, насчитывавшую несколько десятков тысяч имен. Процесс их реабилитации был поддержан «сверху»: в ЦК КПСС создали специальную комиссию во главе с секретарем ЦК А. Н. Яковлевым.

19.2. Появление новых исследовательских проблем

Реакция научной общественности на выступления писателей и публицистов на исторические темы не была однородной. Одни историки реагировали остро и даже болезненно, заявляя, что ответы на важнейшие вопросы истории партии уже были научно обоснованы и поэтому нет необходимости переписывать историю. Авторы журнальных публикаций обвиняли в том, что они взялись не за свое дело, упрекали в непрофессионализме, одновременно обосновывалась необходимость изучения источников. Другие историки считали, что писатели и публицисты вносят большой вклад в обновление исторического знания и с ними можно и нужно вести диалог. Во второй половине 1980-х гг. часто проводились круглые столы историков и литераторов, на которых происходил обмен мнениями по наиболее актуальным вопросам отечественной истории, прежде всего по проблеме сталинизма.

Историки по-новому рассматривали традиционные темы. Об этом свидетельствовали публичные чтения «Социальная память человечества», проходившие в МГИАИ в 1987—1988 гг. В ходе чтений широкая аудитория знакомилась с материалами по отечественной истории и нетрадиционными подходами в ее освещении. Привлекал внимание состав авторов, выступавших на чтениях: Ю. Н. Афанасьев пригласил историков «нового направления» — П. В. Волобуева, К. Н. Тарновского, М. Я. Гефтера, которые в своих докладах затрагивали волновавшие многих проблемы. Позднее в чтениях приняли участие историки-эмигранты А. М. Некрич и М. Я. Геллер, американский профессор С. Коэн. В выступлениях советских и зарубежных ученых говорилось о Сталине и сталинизме, альтернативе Н. И. Бухарина и пр.

В преддверии 70-летнего юбилея Октябрьской революции П. В. Волобуев озвучил проблему альтернативности исторического развития России в 1917 г. В октябре 1986 г. он сдал в печать книгу «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность». К. Н. Тарновский выступил с докладом о предпосылках образования в России марксистской партии нового типа. Ученый затронул вопрос о трагической судьбе историков «нового направления» и напомнил их концепцию по таким вопросам, как масштаб и уровень зрелости капитализма в России, особенности ее эволюции в начале XX в.

Многие свежие мысли, идеи, подходы, высказанные историками, были учтены при составлении доклада «Октябрь

и «перестройка»: революция продолжается», с которым выступил М. С. Горбачев 2 ноября 1987 г. Оценивая этот документ с позиции принципа историзма, следует признать его смелость и новаторство при оценке некоторых проблем истории страны накануне, в ходе и после Октябрьской революции. Особенно это касалось оценки деятельности политических лидеров, которые в советской историографии являлись своеобразными «фигурами умолчания». Выступление Горбачева подтолкнуло историков к более интенсивному освещению «белых пятен» в отечественной истории.

С «перестройкой» возродились научные дискуссии, формы которых во второй половине 1980-х гг. были различными. В 1988—1989 гг. популярностью пользовались специальные исторические приложения к газете «Правда» — «правдинские пятницы», что свидетельствовало о заинтересованности власти в обсуждении наболевших вопросов истории партии и советского общества. На страницах приложений ведущие историки отвечали на вопросы о ходе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, «политическом завещании» Ленина, перипетиях создания СССР, новой экономической политике, коллективизации, индустриализации, «заговоре» в Красной армии, Великой Отечественной войне и др. Историки публиковали материалы о Сталине, Троцком, Крупской и других деятелях большевистской партии.

В 1988—1991 гг. редакции периодических изданий с целью быстрее обмена мнениями по поводу новых задач, стоявших перед историками, проводили круглые столы, где звучали различные точки зрения. В академических исторических журналах публиковались материалы научных дискуссий и новые исторические документы. С 1989 г. стал выходить исторический журнал «Родина». На его страницах историки и публицисты высказывались по актуальным проблемам отечественной истории, в частности об обстоятельствах гибели Романовых в Екатеринбурге, белом движении, «демократической контрреволюции», мелкобуржуазных, либеральных и монархических партиях. В 1990 г. в журнале была опубликована статья А. И. Козлова, которая привлекла внимание исследователей к судьбе казачества в России. Для удовлетворения спроса читателей на историческую публицистику издавались специальные исторические альманахи: «Факел», «Хронограф», «Минувшее», «Звенья», «Прометей». Учитывая огромный общественный интерес, материалы научных дискуссий и бесед по истории публиковались в виде

отдельных сборников статей и материалов. Эти публикации отличались радикальностью формулируемых вопросов и самое главное — ответов на них.

В ряде публикаций поднимались новые проблемы, прежде всего советской истории. Популярностью пользовалась серия книг, выходившая под девизом «“Перестройка”: гласность, демократия, социализм», более известная по названию первого сборника статей, вышедшего в 1988 г. под редакцией Ю. Н. Афанасьева «Иного не дано». Авторы в острой форме обсуждали такие принципиальные вопросы, как истоки сталинизма, будущее социализма, демографическую и экономическую ситуацию в стране, положение религии. К изучению советской истории предлагалось применить новые концептуальные подходы.

19.3. Начало реформирования исторического образования

17 апреля 1987 г. в АН СССР состоялось совещание по проблемам преподавания обществоведческих дисциплин. На нем подчеркивалась необходимость внесения в курс «История КПСС», который являлся обязательным для изучения во всех высших учебных заведениях, принципиальных изменений, связанных с критикой сталинизма. Впоследствии правящая партия под воздействием политических процессов, происходивших в стране, вынуждена была приспосабливаться к быстро меняющейся обстановке. На смену «Истории КПСС» как учебной дисциплины пришла «Социально-политическая история XX века». Позднее, в 1990 г., издательство «Высшая школа» предложило ведущим историкам опубликовать лекции по курсу «Социально-политическая история XX века».

Историческая наука переживала период обновления, и оценки исторических событий быстро менялись. В связи с этим на первое место среди историографических источников выходили малые жанры: выступления на научных конференциях и круглых столах, статьи в общественно-политических и научных журналах. Крупных обобщающих работ выходило мало, поэтому остро встал вопрос об их написании. По решению Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 г. развернулась работа по созданию 10-томной «Истории Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг.». Намечалась подготовка издания многотомной «Истории гражданской войны в СССР» и других обобщающих трудов

по политической истории XX в. Сначала предполагалось подготовить учебник по истории КПСС, который реализовал бы новые подходы к отечественной истории, а затем в краткие сроки написать «Очерки истории КПСС». О значении, которое придавалось этому труду, можно судить по следующему факту: для его подготовки была образована комиссия ЦК КПСС под председательством М. С. Горбачева. Журналы «Коммунист» и «Вопросы истории КПСС» печатали на своих страницах отдельные главы «Очерков».

Общество «Знание» в 1991 г. начало издавать научно-популярную серию «Политическая история XX века». В качестве учебного пособия по данной дисциплине историки только что созданного Российского государственного гуманитарного университета подготовили обобщающее издание «Наше Отечество: опыт политической истории», отличавшееся тем, что в нем изменилось не только название страны, но и сам дух издания. Руководитель авторского коллектива С. В. Кулешов в предисловии к книге сделал ранее невозможное для советской действительности заявление: «Прошли те времена, когда у нас был только один Вождь, одна Партия, один Учебник».

Среди выходившей в годы «перестройки» литературы доминировали издания, посвященные советскому периоду. Восполняя недостаток трудов по истории России дореволюционного периода, было решено переиздать труды историков XVIII—XIX вв.: сочинения Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, сборники работ В. Н. Татищева, И. Е. Забелина. Издатели, спеша удовлетворить растущий интерес миллионов читателей к отечественной истории, прежде всего к слабо разработанной в советской историографии политической истории самодержавия, поставляли большими тиражами на книжный рынок десятки репринтных изданий. Среди них произведения популярного в советское время польского историка и писателя К. Валишевского, малоизвестные широкой публике сочинения дореволюционных писателей С. Либровича, М. Евгеньевой и др. Читатели получили возможность познакомиться с работами советских исследователей, считавшихся инакомыслящими, а потому малодоступных в брежневское время: А. Я. Авреха, П. В. Волобуева, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин, К. Н. Тарновского, И. Я. Фроянова, Н. Я. Эйдельмана. Публиковались произведения видного историка, географа и этнолога Л. Н. Гумилева. Планы издать собрание сочинений опального в сталинские времена

М. Н. Покровского не были реализованы из-за бесконечно продолжавшегося спора о достоинствах и недостатках его концепции. Оживлению исторических исследований в стране способствовало постановление Правительства РСФСР от 17.04.1991 «О регулировании издательской деятельности в РСФСР», согласно которому была отменена цензура.

В марте 1991 г. ЦК КПСС принял постановление «О реформе системы научных и учебных заведений КПСС». Сами преобразования носили во многом формальный характер. Так, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС переименовали в Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, а его филиалы на местах — в центры общественно-политических исследований. Были переименованы высшие партийные школы. Например, в Свердловской области высшая партийная школа стала называться Уральским институтом социального управления и политологии.

19.4. Изменения в источниковой базе

Изучение исторического прошлого, постановка и решение новых исследовательских проблем невозможны без включения в научный оборот новых источников. По инициативе партийного руководства в 1986—1987 гг. в открытое хранение перевели большое количество архивных дел, обеспечивая доступ к ним историков. Однако Главное архивное управление СССР, которым руководил Ф. М. Ваганов, решительный защитник принципа партийности и классовости в архивном деле, препятствовал желанию научной общественности широко ознакомиться с архивными фондами. Во второй половине 1980-х гг. общественность обсуждала подготовленный Главным архивным управлением СССР проект закона об архивах. Особенно активно по этому вопросу выступали историки и архивисты, работавшие в МГИАИ. Составленный при их участии альтернативный официальному проект закона об архивном деле и архивах предусматривал пересмотр традиционных форм и методов комплектования архивного фонда, расширение доступа исследователей к историческим источникам на основе строгого соблюдения архивного законодательства. Несмотря на то, что до распада СССР не удалось принять новый закон об архивном деле, с конца 1980-х гг. началась широкая публикация источников по основным проблемам отечественной истории. Для публикации документов

по новейшей истории России в 1989—1991 гг. издавался журнал «Известия ЦК КПСС».

Радикализация общественного мнения заставила власти принять меры по рассекречиванию документов и их публикации. В марте 1987 г. в ЦГАОР СССР¹ были переданы в открытое хранение, а с 1989 г. выделены в специальное хранилище коллекции белогвардейских и белоэмигрантских фондов — документы Русского заграничного исторического архива в Праге, поступившие в ЦГАОР еще в 1946 г. Увидели свет мемуары участников событий революции и гражданской войны, которые сражались по обе стороны баррикад. Публиковались серийные издания, выходившие за границей: «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев», «Россия в мемуарах дипломатов», «Архив русской революции», «Белое дело», «Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923—1927 гг.», а также многочисленные тематические сборники документов. С 1991 г. в Ленинграде выходил историко-документальный альманах «Русское прошлое». Впервые начали публиковаться воспоминания действующих политиков.

В годы «перестройки» происходило обновление источниковой базы по истории России конца XIX — начала XX в. Публиковались документы о деятельности высших органов государственной власти царской России, воспоминания государственных и политических деятелей того времени, документы политических партий дореволюционной России. Большим спросом пользовались документы, а также свидетельства очевидцев последних лет жизни и трагической гибели династии Романовых. Расширение источниковой базы, введение в научный оборот ранее недоступных материалов способствовало развитию исторических исследований, существенному изменению их проблематики.

19.5. Изменение отношения к зарубежной историографии

В годы «перестройки» изменилось отношение к западной историографии, которая ранее рассматривалась исключительно как фальсификаторская. В опубликованных во второй

¹ ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

половине 1980-х гг. работах А. В. Гребенюка, А. Е. Куниной, А. Н. Сахарова, О. М. Семко, В. В. Согрина звучала мысль о дифференцированном подходе к произведениям западных советологов. 1 июня 1987 г. редакция журнала «История СССР» провела встречу историков за круглым столом по проблеме «Современная немарксистская историография и советская историческая наука». Участники встречи отметили, что многие представители буржуазной исторической науки отказываются от политизированных и упрощенных схем, стремятся к более объективной трактовке истории России. В январе 1989 г. круглый стол советских и американских историков организовала редакция журнала «Вопросы истории», инициатива мероприятия принадлежала американской стороне.

В публикуемых обзорах западной литературы по истории России основное внимание уделяли уже не ее критике, а изучению и применению к конкретным проблемам отечественной истории. Этот подход условно можно назвать так: «Отечественная история — взгляд со стороны». На русский язык были переведены и опубликованы произведения тех исследователей, которых на Западе причисляли к ревизионистскому направлению в исторической науке. Д. Боффа, И. Дойчер, Э. Карр, С. Коэн, А. Рабинович достаточно лояльно относились к советскому режиму, критикуя лишь отдельные его стороны. Первый западный обобщающий труд по советской истории, опубликованный в нашей стране, — книга итальянского историка Д. Боффа «История Советского Союза». Она представляла альтернативу советским учебникам, прежде всего в анализе послеоктябрьской истории. По-новому трактовалась социально-экономическая история России первых двух десятилетий XX в. в книге английского историка Э. Карра, автора 12-томной «Истории Советской России».

К концу «перестройки» на книжных прилавках появились произведения по истории России, созданные российскими эмигрантами (Н. А. Бердяев, Н. И. Ульянов, И. А. Ильин). Их творчество пронизывало стремление выделить некую «русскую идею» и через ее призму рассматривать исторические судьбы России. Большое впечатление на читателей произвела книга Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», в которой, несмотря на неприязнь автора к большевикам, появление коммунистической идеи в России объяснялось особенностями ее исторического развития.

Начинали доходить до читателя произведения консервативных западных исследователей и историков русского зару-

бежью, критически оценивавших советский опыт. Вышедшая «Квинтэссенция» представляла собой сборник статей критиков коммунизма. Один из них — З. Бжезинский — в статье «Большой провал. Агония коммунизма» писал о России как о «лишней стране» в мировом сообществе; коммунизм, по его мнению, являлся разновидностью тоталитаризма. Историк-эмигрант С. П. Мельгунов в работе «Красный террор в России 1918—1923 гг.» обвинял коммунистов в развязывании государственного террора против собственного народа. Наряду с этими работами появлялись и произведения эмигрантской монархической историографии (И. А. Солоневич).

19.6. Обновление методологических подходов к отечественной истории

Значительно усилился интерес советских историков к методологическим проблемам исторической науки. До того времени обсуждение их широкой научной общественностью не приветствовалось, а интерпретация была прерогативой главным образом небольшого круга столичных авторов.

В годы «перестройки» в СССР были опубликованы работы западных исследователей по методологии и философии истории (М. Вебер, П. Дьюкс, Ф. Фукуяма, К. Ясперс). Особенно активно печатались произведения культурологического направления (Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Й. Хейзинга, О. Шпенглер). Популярностью пользовались работы А. Тойнби. Наибольшее влияние, имевшее место и прежде, на изменение методологических позиций советских историков оказала школа «Анналов». На русском языке были изданы основные произведения М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Л. Февра.

Издавались и теоретические работы российских дореволюционных и эмигрантских авторов. Публикация произведений А. С. Лаппо-Данилевского, Л. П. Карсавина, В. С. Соловьева, П. А. Сорокина сопровождалась появлением исследовательской литературы об их творчестве, вкладе в разработку методологии истории. Эта литература отличалась от предшествующих изданий подобного рода — в ней вместо традиционной критики немарксистской исторической науки говорилось о ее достижениях, использование которых позволит советской науке выйти из кризисного состояния. В частности, акцентировалось внимание на том, что западная историческая наука

активно использует междисциплинарные связи, применяет методы из арсенала других наук, в том числе естественных.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. издавались исследования признанных отечественных специалистов в области методологии истории — М. А. Барга, А. Я. Гуревича, В. В. Иванова, Б. Г. Могильницкого, В. С. Черняка и др. Историческая наука делала попытки обновить арсенал методов исследования. Новые подходы в этой области были обобщены в книге И. Д. Ковальченко «Методы исторического исследования» (1987).

Иван Дмитриевич Ковальченко (1923—1995) — выдающийся советский и российский ученый. Участник Великой Отечественной войны. После ее окончания вся его последующая жизнь была связана с МГУ. Здесь он защитил кандидатскую и докторскую диссертации, в течение почти 30 лет руководил кафедрой. С 1988 г. Ковальченко — академик-секретарь Отделения истории и член Президиума РАН (академик АН СССР с 1987 г.). Весомый вклад внес он в изучение целого ряда актуальных вопросов отечественной истории. Его научные труды были посвящены проблемам аграрной истории России XIX — начала XX в., формирования всероссийского аграрного рынка, промышленной типологии Европейской части России, применения математических методов в исторических исследованиях, методике выявления глубинных фундаментальных взаимосвязей, пронизывающих жизнь социума на протяжении больших отрезков времени.

В центре внимания Ковальченко находились вопросы философии и методологии исторической науки, источниковедения, историографии. По словам академика Л. В. Милова, в монографии «Методы исторического исследования», Иван Дмитриевич «четко увязывает общие проблемы методологии с практикой исторических исследований. По сути, она вся выполнена в общеисторическом аспекте, то есть рассчитана на историков любого направления, хотя конкретно-исторический материал автор счел необходимым черпать только из отечественной истории». В годы «перестройки» Ковальченко занимает взвешенную позицию в ходе развернувшихся дискуссий по проблемам методологии истории. Принципиально важный характер имели статьи ученого в «Исторических записках», в журналах «Новая и новейшая история», «Свободная мысль», вышедшие в последний год его жизни. В них он «стремился наметить новые подходы к методологическим проблемам исторического познания, освобождающие

«классический марксизм» от предельной примитивизации и политизации, искусственной изоляции его от общего процесса развития философии истории» (Л. В. Милов).

Не только И. Д. Ковальченко, но и многие другие исследователи тех лет защищали марксизм от нападок, полагая, что методы, разработанные марксистской наукой, имеют важное значение для изучения исторического процесса, доказывали, что в ней заложены неустаревавшие до сих пор идеи. В. П. Дмитренко, В. В. Журавлев, В. П. Наумов, А. П. Ненароков, Е. Г. Плимак в своих работах предлагали изменить отношение к произведениям классиков марксизма-ленинизма, которые рассматривались в советской исторической науке как непререкаемая методологическая основа, не требующая критического осмысления. Парадоксом являлся тот факт, что в советское время не изучались многие классические произведения, не укладывавшиеся в официальную концепцию. Во второй половине 1980-х гг. некоторые из них были впервые в СССР опубликованы, в частности, отдельные работы К. Маркса, в которых негативно оценивалась внешняя политика России. Внимание общественности было привлечено к «политическому завещанию» Ленина — последним его работам, где он, по мнению ряда авторов, пересмотрел свои взгляды на социализм. «Политическое завещание» Ленина трактовалось как реальная альтернатива сталинизму. Развернулось обсуждение фундаментальных теоретических основ марксистского понимания истории: закономерностей развития исторического процесса, исторического прогресса и др.

Обновление методического арсенала исторической науки происходило во многом за счет естественных наук. Большое внимание историков привлекла синергетика — научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), образующимися в открытых системах. Этот метод используется в таких естественных науках, как биология, физическая химия и т.д. Широкое распространение получил принцип моделирования исторических процессов и событий. Историки стали применять его для конструирования нереализованных альтернатив исторического развития. Основоположники этого направления в советской исторической науке П. В. Волобуев, Б. Г. Могильницкий, Н. Я. Эйдельман обсуждали проблему альтернативности исторического развития с теоретической точки зрения. Иногда историографы называют весь период «перестройки» эпохой изучения исто-

рических альтернатив. Активно применяли этот метод в освещении истории и писатели.

В то же время отдельные историки разделяли мнение, что никакие усилия не приведут к обновлению исторического знания, пока наука основывается на марксистско-ленинской методологии. В адрес последней и ее основоположников все острее звучала критика. В начале 1990-х гг. в печати, оппозиционно настроенной к коммунизму, особенно в республиках Прибалтики, были опубликованы ленинские документы, в которых вождь пролетариата призывал к террору в отношении деятелей контрреволюции, церковнослужителей, инкомыслящих, причисленных к врагам советской власти. Литераторы и публицисты писали о подробностях личной жизни Ленина, его политической и государственной деятельности, которые позволяли усомниться в незыблемости положительной оценки его роли в истории. В произведениях В. Гроссмана, В. Солоухина, А. Солженицына отрицалось какое-либо различие между Лениным и Сталиным, коммунизмом и фашизмом, советскими и германскими концентрационными лагерями. За Лениным последовала очередь Маркса. В ряде публицистических выступлений содержались попытки критического анализа теоретических положений марксизма, его основоположника обвиняли в утопизме, антигуманизме, необоснованности универсальных претензий.

К концу «перестройки» в среде историков произошла дифференциация во взглядах, наметились основные направления в интерпретации исторических фактов. Одни исследователи не желали «поступиться принципами» и отстаивали традиционные методы советской исторической науки; другие считали, что марксизм должен быть очищен от наслоений сталинизма и дополнен новейшими достижениями в области методологии; третьи перешли на позиции воинствующего антикоммунизма, резко осуждали советский период, оценивая его с позиций тоталитаризма.

Критика марксистско-ленинской концепции исторического процесса проявилась в отрицании ее краеугольного камня — учения об общественно-экономических формациях. Сторонники формационного подхода отстаивали идею о необходимости изучения отечественной истории именно с такой позиции, подтверждая ее некоторыми новыми концепциями. Это касалось прежде всего деятельности «нового направления», процесс «реабилитации» которого пришелся на вторую половину 1980-х гг. Под влиянием научной общественности

9 июня 1988 г. бюро Отделения истории АН СССР отменило постановление, принятое в марте 1972 г., осуждавшее «новое направление». С его идеями ассоциировались ставшие модными теории «эшелонов капиталистического развития», «догоняющего развития» и др. И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос проблемы буржуазной модернизации России, «вторичности» ее капитализации и своеобразности межформационного периода поставили в сравнительный исторический контекст и рассмотрели в сопоставлении с «первичной» буржуазной формацией в Европе.

В сообществе историков звучали призывы начать поиски информационной парадигмы объяснения хода исторического процесса. Возник интерес к цивилизационной концепции его объяснения. Значительное распространение получила историческая антропология, привнесшая в исследования методы науки о происхождении и эволюции человека не только как общественного, но и как биологического индивида. Данная проблематика широко отражалась на страницах альманаха «Одиссей». В статьях А. Я. Гуревича, С. В. Оболенской, В. Н. Топорова методы, используемые историками школы «Анналов», не только пропагандировались, но и активно применялись при изучении менталитета российского общества. С распространением и использованием цивилизационного подхода к истории появились и первые оригинальные концепции, отличные от марксистско-ленинского объяснения истории России, например, этнолога Л. Н. Гумилева и философа А. С. Ахиезера.

Уже в годы «перестройки» в ряде выступлений прозвучала мысль о «кризисных явлениях в советской исторической науке». Большинство исследователей видели их в извращении истинного содержания марксизма-ленинизма Сталиным и требовали очистить марксистское учение от наслоений сталинизма. Публицисты и некоторые радикально настроенные историки причинами кризиса называли неспособность марксистской теории в целом объяснить исторический процесс.

19.7. Научная проблематика

Изучение истории дореволюционной России. Проблематика исторических исследований в те годы в основном оставалась традиционной. Различные аспекты возникновения и развития древнерусской государственности изучали

А. П. Новосельцев, И. Я. Фроянов и др. Как и прежде, историки исследовали главным образом социально-экономическую историю, историю классов и классовой борьбы. Приоритетным здесь являлось изучение истории рабочего класса (Д. В. Гаврилов, Н. А. Иванова, Т. М. Китанина и др.) и крестьянства (А. В. Гордон, М. М. Громыко, П. С. Кабытов, А. В. Камкин, Б. Г. Литвак, А. Л. Шапиро и др.). Правда, если ранее ученые акцентировали внимание на проблемах социальной структуры и активности этих классов, то в годы «перестройки» их интересы сосредоточились на изучении быта, нравственных идеалов, роли этих классов в истории страны. Выходили работы А. И. Аксенова, Я. Е. Водарского, А. В. Демкина, В. С. Дякина, П. Н. Петрова, Ю. Б. Соловьева, Л. Е. Шепелева, посвященные дворянству, буржуазии, купечеству, однако их история освещалась в основном с классовых позиций. После реабилитации казачества об этой категории населения и его роли в истории России писали А. И. Козлов, И. Я. Куценко, И. Л. Омельченко, А. Л. Станиславский. Изучалась история русской культуры (Д. С. Лихачев). Успешно разрабатывались история и археология Сибири (Л. М. Горюшкин, В. И. Молодин, А. П. Деревянко).

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. появились новые исследовательские проблемы по дореволюционной истории. В связи с 1000-летием крещения Руси возрос интерес к истории Русской православной церкви, были опубликованы работы о русских святых (А. П. Богданов, Н. С. Борисов, В. И. Буганов, А. Ю. Дворниченко, А. Г. Кузьмин, Г. Л. Курбатов, М. П. Новиков, О. М. Рапов, Р. Г. Скрынников, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов, А. С. Хорошев и др.). Важное значение для восстановления исторической роли православия в отечественной истории имела коллективная монография «Русское православие: Вехи истории» под редакцией А. И. Клибанова (1989).

Большой вклад в изучение православия в России внес **Ярослав Николаевич Шапов** (1928—2011). После окончания исторического факультета МГУ он в 1952—1957 гг. работал старшим, затем главным библиотекарем Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, с 1957 г. — младшим, старшим, главным научным сотрудником Института истории АН СССР (с 1992 г. — Институт российской истории РАН). На протяжении всего творческого пути Шапова в центре его внимания находились вопросы истории религии и права Древнерусского государства. В 1964 г. он за-

цитил кандидатскую диссертацию «Церковь как феодальная организация в Древней Руси». Через 11 лет состоялась защита его докторской диссертации «Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках». В 1970–1980-е гг. выходят монографии Щапова «Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV века» (1972) и «Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв.» (1989). Признанием выдающихся заслуг ученого стало избрание его в 1987 г. членом-корреспондентом АН СССР. Успешной была научно-организационная и преподавательская деятельность Щапова: он был председателем Научного совета Академии наук «Роль религии в истории», руководителем Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, председателем Российского общества историков-архивистов, Почетным членом и членом Совета Императорского Православного Палестинского общества, профессором МГУ.

Активно изучали историки реформы, проводившиеся в России, уделяя большое внимание их инициаторам (Б. Г. Литвак, Н. Я. Эйдельман). Среди реформаторов наибольший интерес вызывали С. Ю. Витте и П. А. Столыпин (А. Я. Аврех и др.). Итогом изучения дореволюционной России в «перестроечной» историографии можно считать коллективную работу «История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX веков». Е. В. Анисимов, С. В. Думин, Л. Г. Захарова, В. Б. Кобрин, С. В. Мироненко, В. И. Моряков, А. А. Турилов, К. Ф. Шацлло, А. Л. Юрганов рассмотрели на ее страницах основные проблемы истории страны того времени.

Изучение истории советского общества. Новые подходы к трактовке основных вопросов советской истории были сформулированы в научно-публицистических сборниках «Историки отвечают на вопросы», «Историки спорят» и др. Среди исследователей советского общества наметились определенные разногласия в оценке узловых проблем истории страны в XX столетии. Г. А. Трукан, Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко, В. С. Лельчук, В. П. Данилов в 1990 г. в журнале «История СССР» опубликовали пять глав из готовившегося учебника «История советского общества: Краткий очерк (1917–1945 гг.)», в которых в основном доминировали традиционные подходы. В качестве альтернативы коллектив авторов под редакцией А. Т. Кинкулькина объединил в сборнике «Страницы истории советского общества» материалы по советской истории, изданные в первые годы «пере-

стройки». Ю. С. Борисов написал небольшое учебное пособие по советской истории, в котором обобщил высказанные ранее новые оценки деятельности Сталина и созданной им системы. Историки, получившие широкую известность в годы «перестройки», — В. П. Булдаков, Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов, М. М. Гориннов, С. В. Цакунов, К. Н. Доценко, Е. Ю. Зубкова, О. А. Ржешевский — подготовили вторую часть книги «История Отечества: люди, идеи, решения» под названием «Очерки истории Советского государства». Эта работа, вызвавшая большой интерес, давала представление об альтернативном развитии советской истории.

В публицистике второй половины 1980-х гг. был поставлен вопрос о характере общественного и государственного строя в СССР. Ответ на него содержался в статьях К. Амбарцумова, Э. Баталова, А. Бовина, Г. Бордюгова, Ф. Бурлацкого, Ю. Буртина, А. Бутенко, Т. Кадочниковой, М. Капустина, В. Киселева, В. Козлова, Г. Козлова, В. Кондаурова, Н. Симонии, Г. Шахназарова и др. Авторы объясняли особенности советского социализма, приставляя к нему такие эпитеты, как «государственный», «казарменный», «идеократический», «азиатский», «феодальный».

В печати обсуждались различные модели социалистического общества. Некоторые авторы предлагали отделить ленинскую модель построения социалистического общества от сталинской, считая, что взгляды Ленина на социализм претерпели значительную эволюцию. По их мнению, если до 1917 г. он разделял точку зрения Маркса и Энгельса на социализм как на нетоварный и самоуправляющийся, то в процессе строительства нового общества, особенно в период нэпа, ввел в модель социализма такие категории, как закон стоимости и государство, пришел к выводу, что все это «всерьез и надолго». И. В. Сталин же создал свою модель социализма, используя по форме ленинское наследие (товарность и государственность), но извратив его по сути. Поставленную Лениным проблему — найти способ согласования плана и рынка — Сталин решил, но, отбросив в конце 1920-х гг. нэп, а вместе с тем и элементы рождающегося рынка, перешел к прямым, командным методам управления. Товарно-денежные отношения были низведены до учетно-регистрационных, а деньги, как предсказывал Энгельс, к простым квитанциям.

В ходе развернувшихся дискуссий радикальная интеллигенция требовала отказаться от самого термина «социализм»

и называть общество, построенное в СССР, иначе. Как альтернатива предлагался термин «административно-командная система», сформулированный Г. Х. Поповым. Н. А. Симония для осмысления советской истории использовал марксистское определение «азиатский способ производства». Звучали предложения о замене концепции социализма на концепцию советского тоталитаризма. Последнюю пропагандировали Ю. И. Грицкий, М. И. Пискотин, А. Н. Сахаров, В. В. Смирнов и др.

Как реакция на безликую советскую историографию резко возрос интерес к персоналиям российской истории, по существу, возродился жанр исторической биографии. По выбору персоналий можно судить об эволюции настроений в исторической науке в годы «перестройки». Издавались биографические очерки об исторических личностях, которые ранее являлись «фигурами умолчания» в советской историографии. В популярной серии «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ») в СССР в основном выходили книги, посвященные официально признанным выдающимся деятелям страны, выбор персоналий носил идеологический характер. Подавляющее большинство из них были революционерами, героями Октябрьской революции или гражданской войны, из дореволюционного времени — либо деятели революционного лагеря, либо полководцы. В конце «перестройки» в серии «ЖЗЛ» начали появляться биографии репрессированных, опальных деятелей советской эпохи (А. В. Косарев, Ф. К. Миронов). В 1991 г. была опубликована книга Ю. И. Кораблева «Председатель РВСР Л. Д. Троцкий».

Журнал «Вопросы истории» в 1988 г. ввел постоянную рубрику «Исторические портреты», где помещались очерки о репрессированных в годы сталинщины Н. И. Бухарине, А. И. Рыкове, Г. Я. Сокольникове, М. П. Томском, А. В. Чаянове. Из деятелей дореволюционной эпохи были представлены белорусский просветитель Ф. Скорина и «красный» генерал А. А. Брусилов, удостоенные внимания и в советской историографии. К концу «перестройки» журнал стал публиковать очерки о российских предпринимателях, реформаторах (С. Ю. Витте, П. А. Столыпине), самодержцах (Екатерине II, Павле I, Александре I) и т.п. Наряду с многочисленными статьями в периодической печати, выходили целые сборники, посвященные историческим персоналиям: вначале больше писали о жертвах сталинских репрессий, «большевиках-ленинцах», несколько позже — о политиче-

ских оппонентах большевиков из умеренно-социалистического и либерального лагерей, о представителях консервативного лагеря, государственных деятелях дореволюционного периода и монархах.

Постановка новых исследовательских проблем во многом была обусловлена влиянием западной историографии и, прежде всего, школы «Анналов». В отечественной историографии начали изучаться проблемы, связанные с возникновением и утверждением социокультурного подхода к изучению прошлого, с распространением принципов «новой исторической науки», понимаемой как социальная история. По словам Г. И. Зверевой и Л. П. Репиной, в ее основе лежала междисциплинарная методология, тенденция к сближению истории с общественными науками, к заимствованию их теорий, методов и приемов исследования. Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. «новая социальная история» обратилась к разработке «иных исследовательских парадигм — целостной, компаративистской, глобальной истории и к микроанализу как конкретному историческому методу систематического изучения социальных идентичностей, производства и репроизводства социального, к уяснению природы и механизмов внутренней («неаприорной») казуальности в истории». С 1989 г. начинает издаваться альманах «Одиссей», знаменовавший начало «антропологического» поворота в творчестве историков. Издаются работы по исторической и социальной психологии, истории ментальностей (А. Я. Гуревич). Ученые исследовали историю повседневности (под ней понимались в то время нарушения в быту, пьянство и т.д.). Гендерная история, развиваясь в рамках «новой социальной истории», воспринималась историками того времени как женская история. Роль женщин в русской истории изучали Н. Л. Пушкирева, С. Н. Кайдаш и др.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. происходили изменения в организации исторической науки, ее теоретико-методологической базе и методике исторических исследований, пополнялась источниковая база. Рассмотрение истории России с различных идейно-теоретических и методологических позиций свидетельствовало о признании плюрализма в отечественной науке. Смысл изменений заключался в выработке новых подходов к изучению отдельных проблем, прежде всего, социально-политической истории России второй половины XIX — XX в.

Источники

Аврех, Л. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / Л. Я. Аврех. — М., 1991.

Барг, М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. — М., 1987.

Волобуев, П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / П. В. Волобуев. — М., 1987.

Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. — М., 1989.

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX веков. — М., 1991.

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. — М., 1991.

Кобрин, В. Б. Иван Грозный / В. Б. Кобрин. — М., 1989.

Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М., 1987.

Литвак, Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива / Б. Г. Литвак. — М., 1991.

Наше Отечество: опыт политической истории : в 2 ч. — М., 1991.

Пушкарева, Н. Л. Женщины Древней Руси / Н. Л. Пушкарева. — М., 1989.

Реформы второй половины XVII—XX вв.: подготовка, проведение, результаты. — М., 1989.

Щапов, Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси X—XIII веков / Я. Н. Щапов. — М., 1989.

Эйдельман, Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. — М., 1989.

Рекомендуемая литература

Бордюгов, Г. А. История и конъюнктура / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. — М., 1992.

Волобуев, О. Очищение: история и «перестройка» : публицистические заметки / О. Волобуев, С. Кулешов. — М., 1991.

Заболотный, Е. Б. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века : учеб. пособие / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин. — Тюмень, 2004.

Историки России. XVIII — начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1996.

Исторические исследования в России: тенденции последних лет / под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1996.

Логунов, А. П. Кризис исторической науки, или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х — начала 90-х годов / А. П. Логунов // Советская историография. — М., 1996. — С. 447—487.

Наумова, Г. Р. Историография истории России / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. — М., 2009.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005.

Поляков, Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы : в 3 кн. / Ю. А. Поляков. — М., 1999 ; 2004 ; 2009.

Портреты историков. Время и судьбы : в 5 т. / под ред. Г. Н. Севостянова. — М., 2000—2010.

Соловей, В. Д. Русская история: новое прочтение / В. Д. Соловей. — М., 2005.

Глава 20

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ

В первой половине 1990-х гг. историческая наука в России развивалась под влиянием коренных перемен, происходивших в стране: крушение советской системы, ликвидация КПСС, распад СССР, принципиальные изменения в идеологической сфере. Многие современные авторы (Г. А. Бордюгов, А. А. Искендеров, В. В. Журавлев, Ю. А. Поляков, С. В. Тютюкин, А. И. Ушаков, В. В. Шелохаев и др.) рассматривают это время как начало нового этапа в развитии российской исторической науки.

20.1. «Кризис» отечественной исторической науки

Историки, философы и другие представители общественных наук России активно обсуждали вопрос о «кризисе» современной исторической науки и путях его преодоления. Так, Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов видели причины кризисных явлений в отходе некоторых ученых от марксистско-ленинской диалектики, в приверженности их сталинскому догматизму. И. Д. Ковальченко высказал следующую мысль: на протяжении нескольких последних десятилетий XX в. имел место всеобщий кризис исторической науки, вызванный дифференциацией научного знания и отставанием в деле его синтеза. Английский историк М. Мэтьюз связывал неудовлетворительную историографическую ситуацию с наследием «холодной войны», отрицательно повлиявшей на развитие всей мировой исторической науки.

Многие историки основными причинами кризисных явлений называли отсталость советской исторической науки, ее замкнутость на единственной марксистско-ленинской методологии, оторванность от достижений мировой исторической

мысли. По словам А. А. Искендерова, «кризис отечественной историографии в главном и основном порожден кризисом марксизма (прежде всего метода материалистического понимания истории в его крайне детерминированной форме), того марксизма, который в советское время превратился в государственную идеологию и даже мировоззрение, присвоив себе монопольное право определять, в каких рамках может развиваться та или иная область гуманитарного знания. Марксизм, по существу, вывел историю за пределы науки, превратив ее в составную часть партийной пропаганды».

Анализируя состояние исторической науки России в рассматриваемое время, можно говорить, что в ней произошли три своеобразных «революции»: образовательная, архивная и методологическая.

20.2. Реорганизация системы исторического образования

В первой половине 1990-х гг. начала проводиться общероссийская образовательная реформа, которая серьезно затронула и преподавание истории. Историческое образование признали несоответствующим новым реалиям, в школах отменили обязательные выпускные экзамены по истории. С 1993 г. Министерство образования РФ провозгласило переход на концентрическую систему преподавания истории взамен прежней линейной. Побудительной причиной этой реформы стал закон об обязательном девятилетнем образовании, который предусматривал, что школьник к концу девятого класса должен прослушать весь курс истории.

Реорганизации подверглась система исторического образования и в высших учебных заведениях страны. В вузах ликвидировали курс социально-политической истории XX в. Наряду с отечественной историей в негуманитарных вузах в зависимости от выбора студентами читали курсы «Человек и общество», «Мировые цивилизации», «Культурология», «Основы гуманитарных знаний» и др. Перестройка образования проводилась с учетом подготовки кадров, принятой на Западе. В частности, началось введение в ряде вузов многоступенчатой системы обучения студентов, включающей бакалавриат и магистратуру.

В связи с тем, что на исторических факультетах университетов и педагогических институтов изучался курс отечественной истории, было принято решение о переподготовке кадров

преподавателей и создании новых учебников по истории России. В 1992 г. Комитет по высшей школе рекомендовал в качестве учебного пособия книгу французского историка Н. Верта «История советского государства. 1900—1991». По мнению многих ученых и педагогов, это был неудачный выбор, в книге имелось немало фактических ошибок. Неточность была допущена уже в названии работы, ибо в период с 1900 по 1917 г. страна была не советским государством, а Российской империей.

Книга Н. Верта была выбрана в качестве учебного пособия не случайно: автор заявлял, что она создана с целью «деидеологизировать, деполитизировать споры о СССР», отказаться от двух крайностей в освещении советской истории: теории официальной советской историографии и концепции тоталитаризма. Верт представил иной взгляд на историю России, отличавшийся от других западных авторов, произведения которых переводились на русский язык в годы «перестройки». Прежняя западная историография относилась к разряду «ревизионистской литературы», а книга Верта и изданная позже работа английского историка Д. Хоскинга «История Советского Союза 1917—1991» укрепили позиции появившегося в отечественной историографии либерального направления.

Новые школьные и вузовские учебники было рекомендовано создавать с учетом именно данного подхода. Выполняя эту рекомендацию, Л. Н. Жарова и И. А. Мишина в своем учебнике заявили о приверженности к цивилизационному подходу, который позволял рассматривать историю страны в контексте общемирового развития, выявлять особенности российской цивилизации, оценивать события отечественной истории через цивилизационные сдвиги и взаимовлияния. А. Ю. Головатенко рассматривал советскую историю через призму концепции «советского тоталитаризма». В то же время в 1992—1993 гг. вышли школьные учебники И. А. Федосова, В. П. Островского, В. И. Старцева, Б. А. Старкова, Г. М. Смирнова, Б. А. Рыбакова, А. А. Преображенского, в которых продолжал доминировать формационный подход к истории.

С 1994 г. выходили учебники и учебные пособия, изданные в рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России». Их авторы попытались взглянуть на историю России с новых позиций. Появились учебники, написанные с точки зрения цивилизационного подхода к истории (И. Н. Ионов, Л. И. Семенникова). В. Г. Хорос, например,

оценивал историю России в контексте общемирового процесса модернизации и в сравнении с другими цивилизациями.

Таким же путем пошли в первой половине 1990-х гг. создатели многих других вузовских учебников, пособий и курсов лекций по истории России. Каждый вуз пытался представить свой вариант изложения отечественной истории. Сам по себе данный факт был отрадным, так как свидетельствовал о либерализации не только издательской, но и творческой деятельности. Однако в них, как правило, изложение давалось в рамках лишь одной интерпретации истории. Необходимо отметить ряд учебников, созданных в Екатеринбурге коллективом авторов под редакцией Б. В. Личмана. Они заложили основу многоконцептуального изучения истории, получившего широкое распространение во второй половине 1990-х гг. — начале XXI в.

20.3. Реформирование архивного дела в России

Существенные изменения происходили в области обновления источниковой базы исторических исследований. Новая власть радикально реорганизовала архивную систему. 24 августа 1991 г. Президент России Б. Н. Ельцин издал ряд указов об архивном деле в Российской Федерации, согласно которым архивы КПСС и КГБ СССР передавались в ведение российских архивных органов. На базе Центрального партийного архива был организован Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), партийные архивы и часть фондов КГБ на местах передавались на государственное хранение. Центральный государственный архив Октябрьской революции и Центральный государственный архив РСФСР объединили в национальный архив России — Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Всего было создано 17 федеральных архивов и центров хранения документов. Среди них: Центр хранения историко-документальных коллекций (на базе бывшего Особого архива), Российский государственный архив экономики (бывший Архив народного хозяйства), Центр хранения документов молодежных организаций (бывший Архив ЦК ВЛКСМ) и др. Реорганизовывалась архивная система на местах.

Значительная работа проводилась по рассекретиванию архивных документов. Согласно постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 сентября 1991 г. была соз-

дана временная депутатская комиссия парламентского расследования «причин и обстоятельств государственного переворота в СССР». В результате проделанной ею работы с большого количества документов сняли гриф секретности, и они стали доступны для исследователей.

Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде РФ и архивах от 07.07.1993 предусматривали реформирование архивного дела в стране и широкое участие архивохранилищ в публикации документов.

Под влиянием новых реалий изменились названия некоторых периодических изданий: журнал «История СССР» стал называться «Отечественная история», «Вопросы истории КПСС» — «Кентавр», «Коммунист» — «Свободная мысль» и т.п. Менялось и их содержание. На страницах журналов большое место отводилось публикации ранее недоступных советскому читателю мемуаров деятелей антибольшевистского лагеря, произведений эмигрантских авторов. В 1992 г. возобновилось издание научно-публикаторского журнала «Исторический архив». Он был учрежден Комитетом по делам архивов при правительстве Российской Федерации. С 1993 г. в качестве приложения к журналу «Родина» выходили «Вестник Архива Президента Российской Федерации», «Источник».

Архивные службы приступили к изданию серий документальных материалов, главным образом, по новейшей истории России, которая в советской историографии была наиболее политизирована и идеологизирована. Московское городское объединение архивов и издательство «Историческое наследие» издали несколько альманахов «Неизвестная Россия. XX век», издательство «Русская книга» — сборники документов в серии «Россия в лицах, документах, дневниках».

По инициативе Министерства образования РФ началось массовое издание хрестоматий по отечественной истории для школ и вузов. Значительное количество новых документов по новейшей истории России публиковали центральные и местные издательства. Следует отметить, что многие материалы поступали из зарубежных архивов. В частности, в России были изданы документы, опубликованные в эмиграции А. И. Солженицыным в серии «Исследования новейшей русской истории».

Публикации документов позволяют проследить, какие проблемы отечественной истории оказались в то время в центре внимания. На первый план вышла политическая история. Были опубликованы документы и воспоминания, раскрывающие внутреннюю и внешнюю политику царской России, до-

кументы по истории России конца XIX — начала XX в., материалы российских политических партий небольшевистского толка. Многие из опубликованных источников по истории революционного движения отражали такие его стороны, как провокаторство, контроль со стороны правоохранительных органов. Удовлетворяя общественный интерес, широко публиковались документы и многочисленные воспоминания свидетелей трагической гибели царской семьи в Екатеринбурге.

С 1992 г. издательство «Голос» опубликовало 16 томов избранных произведений лидеров белогвардейского движения под общим названием «Белое дело», издательство «Терра» — 22 тома белогвардейских мемуаров берлинского «Архива русской революции». Документы по истории белого движения публиковались на страницах альманаха «Русское прошлое» и в возрожденных эмигрантских изданиях: «Новый часовой» в Санкт-Петербурге, «Военная быль» в Москве, в журналах и других изданиях, выходивших во многих городах страны.

Тогда же стала обновляться источниковая база по истории 1920—1940-х гг. Издавались документы по истории индустриализации, коллективизации, политических репрессий, Великой Отечественной войны. Заслуживает упоминания серийная публикация документов «Русский архив: Великая Отечественная».

Интересные документы по послевоенному периоду советской истории и по новейшей истории России вышли в серии «Архив новейшей истории России» из «Особых папок» руководителей страны. Были опубликованы свидетельства современников советской эпохи.

Характеризуя положение, сложившееся в первой половине 1990-х гг. в области издания источников, исследователи отмечали, что как количественно, так и качественно эти публикации позволяют говорить о настоящей «архивной революции», начавшейся в результате широкого открытия российских архивов после 1991 г.

20.4. Методологическая революция

Кардинальные изменения произошли в области методологии истории. Во всех бедах отечественной историографии обвинялась марксистско-ленинская методология истории, от ко-

торой следовало полностью отказаться из-за ее неспособности выполнять роль инструмента познания. Прозвучавший в начале 1990-х гг. призыв к свершению «методологической революции» обусловил активный поиск принципиально новых теоретико-методологических основ исторической науки. Смысл «методологической революции» нередко сводился к замене одной универсальной теории, в качестве которой выступал в советское время марксизм, на другую, не менее универсальную теорию.

Из тех, кто выступал против марксизма-ленинизма, одни историки активно противопоставляли ему «очищенный» от догм марксизм, другие — отрицали значение марксизма в целом. Под влиянием критики сторонники материалистического понимания истории вносили коррективы в свои концепции, однако сдавать позиции не собирались. Некоторые исследователи подчеркивали, что цивилизационный и формационный подходы различаются только задачами изучения исторического процесса. По мнению Ю. И. Семенова, объяснить произошедшее в России XX в. можно лишь при условии использования методов марксистской социологии, в частности, концепции «азиатского способа производства».

Суть цивилизационного подхода, как принципа объяснения истории, разъясняли М. А. Барг, А. М. Дубровский, А. Н. Ерыгин, М. Д. Карпачев, Л. И. Новиков, Л. И. Ракилов, Н. Б. Селунская, Е. Б. Черняк, Л. А. Чижев и др. Имели место попытки применить его к истории России в целом (С. В. Кулешов и А. Н. Медушевский, Л. И. Семенникова), чтобы показать особенности ее развития. Однако среди сторонников цивилизационного подхода к истории отсутствовало единое мнение по вопросу, к какому типу цивилизации относится Россия.

Существовала точка зрения, что Россия с самого начала своего развития была неотъемлемой частью западной цивилизации и лишь приход к власти большевиков свернул ее с магистрального пути. Обосновывалась эта мысль в работах политологов и историков В. В. Ильина, И. Н. Ионов, Б. Г. Капустина, А. С. Панарина и других авторов. Их противники из различных политических лагерей доказывали, что Россия не приемлет ценностей западного мира, поскольку относится к другому типу цивилизаций. Звучали предложения отнести Россию к странам восточного типа. В работах В. Г. Гельбраса, В. С. Мясникова и других ученых подчеркивалось, что в истории России неоднократно предпринимались

попытки включения страны в европейскую жизнь: принятие христианства, реформы Петра I и т.п., но все они заканчивались неудачей. В советский период страна превратилась в обычную восточную деспотию во главе с тираном — партийным вождем. В настоящее время российские политики должны взять за образец развития коммунистический Китай, сделавший в 1980—1990-е гг. в результате реформ Дэн Сяопина невиданный экономический рывок.

Многие исследователи разделяли евразийскую концепцию об особой российской цивилизации. Р. Евзеров, В. В. Козловский, А. Панченко, В. Б. Пастухов, О. А. Платонов, П. Савкин, С. Хоружий писали о связи культуры и жизни народа с географической средой, о том, что Россия отличается как от Запада, так и от Востока. Они пытались представить ее как «замкнутый океан-континент», особую самобытную цивилизацию. Были и такие авторы, кто рассматривал Россию как «цивилизованно неоднородное общество», «расколотую», «кочующую» цивилизацию.

Определенное распространение получил модернизационный подход. Его сторонники Б. С. Ерасов, Н. Н. Зарубина, Г. Зиборов, П. Кандель, В. В. Козловский, В. А. Красильников, Г. Л. Купрянин, А. Рябов, Н. Б. Селунская, В. В. Согрин, А. И. Уткин, В. Г. Федотова, акцентируя внимание на различных модернизационных теориях, разработанных западными исследователями, показывали возможность применения их к объяснению некоторых периодов истории России.

В 1993 г. состоялось обсуждение особенностей развития российской модернизации. Как показала дискуссия, обществоведы понимали модернизацию как комплексный процесс, охватывавший все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, политическую, культурную, в результате которого менее развитые общества приобретают черты более развитых. Многие ученые определяли модернизацию как переход от традиционного общества к индустриальному или постиндустриальному.

Среди сторонников теорий модернизации одни интерпретировали историю, основываясь на формационном подходе, другие — на цивилизационном. Призывая использовать теорию модернизации, ее приверженцы объясняли, что она «идеологически более нейтральна», чем формационный и цивилизационный подходы.

Раздавались голоса о применении альтернативного подхода к российской истории, помогающего понять всю ее мно-

гомерность. Если в «перестроечное» время речь шла в основном лишь об альтернативах, возникших в ходе революций 1917 г., и альтернативах сталинизму, теперь встал вопрос о либеральной альтернативе развития России. С точки зрения исторических альтернатив рассматривались варианты объединения русских земель в XIV—XVI вв. и других периодов отечественной истории.

20.5. Расширение круга исторических источников

Существенно изменился корпус историографических источников. Определенное влияние на него оказала политика в области издания исторической литературы. В. А. Невежин и О. А. Пруцкова отмечали, что «отпуск цен в 1992 г., превратное понимание внезапно наступивших “экономических свобод” и полной бесцензурности сотнями коммерческих издательств, которые стали стихийно возникать после распада СССР, породили ряд ранее небывалых проблем. «Раскручивалась», главным образом, ходовая литература для массового читателя. Резко уменьшился объем социально значимой литературы, в том числе научного и справочного характера». Тираж исторической литературы составлял в 1992—1995 гг. не более 7—9 млн экз. Причем, в это число входили как книги известного В. Суворова (Резуна), изданные общим тиражом 4 млн экз., так и научная литература, тираж которой в основном не превышал 1 тыс. экз. Среди издаваемой в первой половине 1990-х гг. литературы на первом месте находилась научно-популярная и учебная, затем следовали мемуары, биографии и исторические портреты.

Многие историки переключились на создание популярных в те годы работ, написанных в жанре исторической биографии. Анализ этой литературы показывает, что сократилось количество отечественных изданий о деятелях советской эпохи. Основное внимание историки уделяли самодержцам и государственным деятелям дореволюционной России. Возрос интерес к представителям дома Романовых. Вышли биографические справочники о государственных и политических деятелях России, дипломатах. Но данным В. А. Козлова, в 1992—1994 гг. было опубликовано более 300 научных и научно-популярных биографий политических и военных деятелей, представителей интеллектуальной элиты. Это свидетельствовало, что «в выборе героев явно чувствуется конфликт

имперской и советской России в историческом сознании современного российского общества».

Поскольку профессиональные историки в то время не освещали многие принципиальные вопросы отечественной истории, этим воспользовались люди, не имевшие никакого отношения к науке. В первой половине 1990-х гг. книжные полки магазинов стали заполняться литературой особого рода. Ее авторы делали ставку прежде всего на историческую сенсацию, разоблачение «тайн и загадок» прошлого, не утруждая себя заботой об исторической достоверности своих версий. Увлечательность сюжетов и литературные достоинства привлекали внимание массовой аудитории. По мнению Е. Ю. Зубковой и А. И. Куприянова, такие авторы, как Э. Радзинский, М. Аджиев, Н. Шамагонов, произвольно относились к историческим источникам, делали дилетантские «филологические» открытия, излагали материал и свои размышления в стиле «фэнтези».

В рассматриваемый период важнейшими историографическими фактами историографии стали труды эмигрантских и западных историков по истории России. По подсчетам В. А. Козлова, в первой половине 1990-х гг. было издано не менее 200 публикаций зарубежных исследований только по истории России XX в. Достоянием российской общественности становились, как правило, издания западных авторов консервативного направления. Из эмигрантской литературы в основном публиковались работы, в которых пропагандировалась монархическая или «русская» идея.

20.6. Проблематика научных исследований

Существенные изменения произошли в проблематике издаваемых работ по истории России с древнейших времен по XX в. включительно. На историческую проблематику оказали влияние, во-первых, смена приоритетов, вызванная изменениями в общественно-политическом строе России, во-вторых, постмодернистские тенденции.

Исследование дореволюционной истории России. Большинство исторических работ посвящались дореволюционной истории России. Как реакция на чрезвычайно политизированную советскую литературу, резко упал интерес к трудам по экономической истории страны. На изучение отдельных периодов истории серьезное влияние оказывали взгляды до-

революционных ученых, а также советских исследователей, которых власть рассматривала как диссидентов.

Особое внимание было привлечено к истории Руси XIII—XV вв., деятельности главных и неоднозначных фигур этого периода: Александра Невского, Дмитрия Донского, Василия Темного. Выходят монографии В. И. Буганова «Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви» (1991, в соавт.), «Полководцы XVII века» (1992, в соавт.), «Разин и разинцы» (1995).

Виктор Иванович Буганов (1928—1996) — крупный специалист в области отечественной истории, источниковедения, археографии, историографии, архивоведения, исторической биографии. После окончания в 1951 г. Московского государственного историко-архивного института и защиты в 1955 г. кандидатской диссертации «Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII вв. как исторический источник» вся последующая жизнь Буганова была связана с Институтом истории СССР АН СССР (Института российской истории РАН), где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора (1975—1984), руководителя центра по изучению и публикации источников (с 1992 г.). По словам его ученика Н. М. Рогожина, Виктор Иванович «был яркий представитель классического типа ученого-энциклопедиста и просвещенного патриота, типа, увы, редкого в наши времена. Обширные исторические познания сочетались в нем с литературным даром, с тонким восприятием природы, музыкальной и художественной культуры». Признанием научных заслуг Буганова стало избрание его в 1994 г. членом-корреспондентом РАН.

Ведущее место в научном творчестве ученого занимали поиск, описание, изучение и издание письменных источников средневековой России. Он ввел в научный оборот в общей сложности 260 списков разрядных книг XVI—XVII вв. До последних дней своей жизни он был редактором, ответственным редактором томов Полного собрания русских летописей, публиковал источники и статьи о московских восстаниях второй половины XVII в. Событиям этого «бунташного» столетия посвящена докторская диссертация Буганова, защищенная в 1969 г. На основе новых источников написаны его художественно-публицистические книги и статьи о предводителях крестьянских войн И. И. Болотникове, К. Ф. Булавине, С. Т. Разине, Е. И. Пугачеве, о Петре I и других представи-

телях Дома Романовых, московских воеводах и полководцах конца XIV — XVIII в.

В 1995 г. в издательстве «Просвещение» были опубликованы два тома школьного учебника «История России» для 10 классов, написанные Бугановым совместно с П. Н. Зыряновым и А. Н. Сахаровым.

В первой половине 1990-х гг. получили распространение взгляды Л. Н. Гумилева, который рассматривал историю через призму этнологии и пассионарной теории. Критиковались вульгарный социологизм в исследованиях этноса, взгляды на историю России как однолинейный процесс от Рюрика до современности. В соответствии со схемой Гумилева выделялись Древняя Русь (IX—XIII вв.) и Московская Русь (с XIII в.) как история двух самостоятельных этносов, прошедших все фазы развития от пассионарного подъема до обскурации.

И. Я. Фроянов и представители его школы поставили под сомнение старую идеологизированную схему образования Древнерусского государства, которая завышала социально-экономический и политический уровень Древней Руси, и оценивали ее с точки зрения цивилизационных критериев как историю городов-государств. Основательно пересматривалась история борьбы русских земель за свою независимость в XIII—XV вв. В решении вопроса о сделанном Русью цивилизационном выборе оказались востребованы и взгляды классического «евразийства» и «последнего евразийца» Гумилева. Ученики А. А. Зимина разрабатывали его теорию, отрицавшую, что судьбу объединительного процесса в то время обязательно должна была решить Москва. Используя принцип альтернативной истории, исследователи обосновывали версию о полицентрическом характере объединительного процесса, когда лидерами попеременно выступали Юго-Западная Русь, Литовско-Русское государство, Тверь, Москва; утверждали, что пути развития России могли быть другими, если бы объединение русских земель пошло иным путем, чем уже состоявшийся.

Ряд ученых поддержали В. Б. Кобринна, критиковавшего советских исследователей за идеализацию личности Ивана Грозного, рассмотрение борьбы «прогрессивного» дворянства с «реакционным» боярством как причину опричнины. Л. В. Милов выявлял исторически оправданные закономерности появления крепостного права в России, объясняя их особенностями цивилизационного развития страны. Получила

признание точка зрения историков XIX в. о закреплении всех сословий в период правления Петра I и последующего медленного, поэтапного раскрепощения их под влиянием экономических, политических и моральных обстоятельств. В связи с этим подвергались сомнению «величие» Петра I, его вклад в совершение цивилизационного рывка России на основе использования зарубежного опыта.

Существенно изменилось отношение к проблемам классовой борьбы и освободительного движения в России. Советских историков критиковали за абсолютизирование роли классовой борьбы как двигателя истории. Переосмысливалось значение «крестьянских войн», которые стали характеризовать как «казацко-крестьянские восстания» с преимущественно царистской идеологией, и подчеркивалось их негативное воздействие на судьбы России (В. И. Буганов и др.).

Одной из самых дискуссионных была историография социалистических и леворадикальных идей и движений в России. Освободительное движение нередко рассматривали как источник всех бед, которые обрушились на страну. Изменилось отношение к исследованию истории классов российского общества. Практически прекратилось изучение истории рабочего класса. На первый план вышли исследования по истории казачества, дворянства, буржуазии, российского либерализма и консерватизма.

В первой половине 1990-х гг. стали активно разрабатываться крестьяноведческие исследования в России. Под руководством английского историка Т. Шапина была сформирована исследовательская группа «Изучение социальной структуры российского села». В. П. Данилов возглавил семинар «Современные концепции аграрного развития», материалы которого публиковались в журнале «Отечественная история» и сборнике «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире». В этих публикациях вводились в оборот базовые категории крестьяноведения.

Становление новой российской государственности активизировало разработку истории органов управления и самоуправления Российским государством, в том числе его карательных органов. История власти в России рассматривалась главным образом через деятельность монархов, особенно последних представителей династии Романовых.

Распад СССР — «последней империи» современного мира — обусловил повышенный интерес к изучению импер-

ской составляющей российской государственности. Публицисты и историки рассматривали империю как реальную, конкретизированную форму государственного облика России, а также в культурно-историческом, философском, геополитическом и других контекстах.

В связи с зарождением в постсоветской России новых социально-экономических отношений активно изучались история предпринимательства, филантропических учреждений и их организаторов. Выходили труды, посвященные истории Русской православной церкви, монашества. Государство, выдвигая православие на роль «интегратора» общества, содействовало насаждению религиозной проблематики в отечественной историографии. Была издана многотомная энциклопедия «Христианство», переиздавались труды эмигрантских исследователей по истории Русской православной церкви.

Благодаря изданию произведений эмигрантов широко обсуждалась «русская» идея. Ее распространению способствовала внутриполитическая обстановка: распад СССР, возрождение России как многонационального государства, которому заново предстояло осознать свою идентификацию, выход в новое геополитическое пространство. Появление «ближнего зарубежья», наличие там миллионов русских и их неполноправное положение обострили внимание к русской нации и ее исторической судьбе. Используя творческое наследие дореволюционной и эмигрантской исторической мысли, исследователи обсуждали особенности национального характера русских, их обычаи и нравы, отличия от других этносов, населявших в разное время Россию.

Изучение истории советского общества. Споры о судьбе социализма в России и социалистической идеи были продолжены. Этот вопрос интересовал авторов немногочисленных работ по советской истории, издававшихся в стране в то время.

Предпринимались попытки объяснить с цивилизационной точки зрения, что произошло с Россией в XX в. Один из поставленных тогда вопросов звучал так: являлся ли социализм произволом деятельности большевиков, утопией или вытекал из особенностей развития страны? Некоторые исследователи, апеллируя к идеям западного мыслителя Э. Дюркгейма, Н. А. Бердяева и др., полагали, что переход к новому строю в 1917 г. оказался возможен благодаря определенным цивилизационным особенностям страны. Российский тип цивилизации, начиная с Киевской Руси, был основан на коллек-

тивистских соборно-вечевых общинных началах. Россия как многонациональная евразийская держава, синтезировавшая элементы западных и восточных культур, в силу географических и климатических условий развивала в себе коллективистское жизнеустройство. Укреплению этих традиций способствовало принятие Русью христианства по православному образцу.

Философ М. К. Мамардашвили писал о том, что коммунизм является органичным продуктом русской истории. Революцию в России, утверждал он, объективно готовили не только большевики, но и подвижники земли русской Сергей Радонежский и Нил Сорский, раскольники и казаки, С. Разин и Е. Пугачев, декабристы и А. Герцен, Н. Чернышевский и С. Перовская, Г. Плеханов и Ю. Мартов и даже либералы П. Струве и П. Милюков. Концепция социалистического коллективистского переустройства общества легла на исторически подготовленную почву общинно-коллективистского жизнеустройства. Именно народный менталитет с его традициями соборности, братства, духовности, жертвенности, социальной справедливости, общенациональной государственности и патриотизма стал основой для строительства социализма.

Однако большая часть приверженцев цивилизационного подхода объясняла советский период истории XX в. с позиций теории тоталитаризма. Именно на первую половину 1990-х гг. приходится наибольшее количество исследований, популяризовавших суть данной концепции и распространивших ее на историю России. Проблеме тоталитаризма посвящались многочисленные научные конференции и обобщающие труды А. В. Бакунина, А. Ю. Головатенко, И. С. Кузнецова, В. А. Мау, Г. А. Трукана и др. В работах Э. Баталова, Е. Э. Бейлиной, Ю. С. Борисова, Ю. А. Борко, В. В. Бочарова, В. М. Бухарева, М. А. Вылцана, К. С. Гаджиева, М. Я. Гефтера, А. В. Голубева, Н. В. Загладина, Ю. И. Игрицкого, В. В. Ильина, Ю. В. Куперта, Т. П. Мягкова рассматривались содержание данного понятия, его черты, этапы и хронологические рамки. Основными вопросами проходивших дискуссий являлись: противопоставление тоталитаризма и демократии, обсуждение судеб различных тоталитарных государств в XX в., особенно СССР и Германии. Многие историки уже не разделяли мнения, бытовавшего в период «перестройки», что апогеем советского тоталитаризма были 1930–1940-е гг., и распространили это понятие на весь советский период. Однако были

авторы, которые усомнились в тоталитарном характере советского политического режима в последнее десятилетие его существования.

Анализ событий Октябрьской революции и гражданской войны преимущественно основывался на материалах контрреволюционного лагеря, белого движения. Это было ответной реакцией на предание забвению данных тем в советской историографии. Историки обратились к изучению верхов общества, «средних слоев». Изменился подход к исследованию истории рабочего класса и крестьянства. Акцент был сделан на изучение драматической судьбы этих классов в послереволюционное время, их фактическое «деклассирование», которое вылилось в многочисленные антисоветские выступления рабочих и крестьян на завершающем этапе гражданской войны.

Обновление проблематики хорошо прослеживается по дискуссиям и круглым столам. Они, как правило, посвящались новым проблемам отечественной истории, мало затрагивавшимся в советской историографии. Некоторые обсуждения строились на сопоставлении исторического материала и современности, что приводило к модернизации событий прошлого. Так, на проходившем в марте — апреле 1992 г. в Институте российской истории РАН круглом столе по истории гражданской войны большинство выступавших проводили параллели между событиями периода гражданской войны и современностью.

Большой интерес проявлялся к изучению советской истории 1920—1930-х гг. «Оптимистическую» оценку нэпа, характерную для исторической науки периода «перестройки», сменила «пессимистическая». Историки стали больше изучать экономические кризисы в период нэпа, которые не позволили новой экономической политике эффективно развиваться. Внутрипартийная борьба 1920-х гг. рассматривалась главным образом через призму борьбы за власть. Прекратилась идеализация «бухаринской альтернативы», «альтернативы Троцкого» в борьбе со Сталиным в связи с признанием доктринальных основ «строительства социализма» в СССР. Был поставлен вопрос о цене «строительства социализма» в 1930-е гг. Большими тиражами издавались работы Д. А. Волкогонова о вождях коммунизма В. И. Ленине, Л. Д. Троцком и И. В. Сталине.

Серьезному переосмыслению была подвергнута история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Наряду с тра-

диционной историографией, не выходившей за рамки официальной версии войны, разрабатывался вопрос об ответственности сталинского руководства страны за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции, подготовки к превентивной войне против Гитлера. Инициатива такой постановки вопроса принадлежит эмигранту В. Суворову (Резуну).

Влияние постмодернизма на историческую проблематику. Распространение постмодернистских идей оказало воздействие на российских исследователей, которые все более применяли социологический и антропологический подходы к истории. Постсоветская историография активно использовала наследие французской школы «Анналов», американской «новой социальной истории» и других направлений и школ западной науки.

Антропологический подход связывают с именами А. Я. Гуревича, Ю. Л. Бессмертного, деятельностью журналов «Одиссей», «Диалог со временем». Социальная история, история ментальностей, историческая антропология изменили предмет исторических исследований, в центре которого оказались не история государства и его институтов, а изучение социальных отношений, картины мира, сферы повседневности, области воображаемого и т.д.

Историки активно заимствовали проблематику, подходы, методы и язык социологии и антропологии, пересматривали требования к историческим сочинениям, внедряли новую терминологию. Исследователи не проводили четкой грани между «исторической антропологией» и «историей ментальностей», полагая, вслед за А. Я. Гуревичем, что первая есть продолжение второй.

В первой половине 1990-х гг. состоялось несколько конференций и круглых столов историков и философов, посвященных феномену российского менталитета. Эта тематика вызвала оживленные дискуссии, в ходе которых обсуждались следующие вопросы: кого следует считать носителем определенного типа ментальности (индивида, социальную группу, народ в целом); как соотносятся в этом понятии элементы сознательного и бессознательного.

Изучение истории повседневности происходило на примере средневековой, новой истории России и истории советского общества. Героями исследований становились не народы, классы, социальные группы, а «живые», «простые» люди с обыденными взаимоотношениями, надеждами, разо-

чарованиями, планами, с различных этажей социальной лестницы; прослеживалась эволюция жизни «простых людей», их представлений и традиций на различных этапах развития российской цивилизации (Е. А. Осокина, Н. Б. Лебина, М. В. Шкаровский и др.). Гендерные исследования посвящались исключительно «женской истории» (М. П. Аракелова, А. И. Евстратова и др.).

Одним из проявлений многообразия тем, поднятых историками в первой половине 1990-х гг., стало обращение к истории русского политического масонства. Первым в наше время с серьезным исследованием масонства в России выступил В. И. Старцев.

Владимир Иванович Старцев (1931–2000) — представитель ленинградской (петербургской) исторической школы второй половины XX в. После окончания юридического факультета ЛГУ он трудился в Ленинградском архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ныне — ЦГА Санкт-Петербурга), учился в аспирантуре под руководством С. Н. Валка и работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, по 1998 г. заведовал кафедрой истории СССР (русской истории) в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена (РГПУ). Широкий и разноплановый диапазон научных интересов Старцева: история Красной гвардии и рабочей милиции Петрограда, русской буржуазии и самодержавия в 1905–1917 гг., внутренней политики Временного правительства, столицы Российской империи и др. Большое место в его творчестве занимают источниковедение и археография. Он известен как составитель и публикатор множества подборок документов и архивных материалов. Следует отметить и научно-популяризаторскую деятельность ученого, который на протяжении многих лет вел на радио Петербурга «Исторический клуб».

Обратившись к изучению масонства, Старцев исследовал его политические аспекты и влияние на русскую политическую жизнь начала XX в. По словам Е. Р. Ольховского, «не со всеми его выводами и положениями можно согласиться, но нельзя отрицать главного: Виталий Иванович активно вмешивался в споры историков XVIII–XX вв. о политическом значении масонства в истории России и высказал свой весьма нетрадиционный взгляд на эту проблему».

В последние годы жизни, работая профессором в Санкт-Петербургском государственном университете, Старцев стал

заниматься психологией истории, создал и возглавил Международную ассоциацию исторической психологии.

Подводя некоторые итоги развития исторической науки в России в первой половине 1990-х гг., можно констатировать, что в ней продолжались активные поиски в области теории и методологии исторического познания. Наряду с несомненными достижениями в этом направлении, имели место попытки вернуть историков к единственной монометодологии, представлявшей собой зеркальное отражение марксистской методологии. Среди представителей исторической науки официальную поддержку получали лишь те, кто придерживался либеральных взглядов, настаивал на применении цивилизационного подхода к истории, объяснял советскую историю с позиций теории тоталитаризма. Однако, несмотря на давление «сверху», существовали различные мнения, которые обусловили появление новых концепций объяснения исторического процесса.

Достижениями в развитии исторической науки того времени следует считать принятие решительных мер по наведению порядка в архивном деле и расширение доступа исследователей к архивным фондам, особенно по новейшей истории России, широкую публикацию исторических документов. Значительное обновление источниковой базы, применение новых методологических и концептуальных подходов позволило исследователям достичь серьезных результатов в изучении многих проблем, прежде всего истории дореволюционной России.

В первой половине 1990-х гг. научные приоритеты в отечественной историографии претерпели существенные изменения. Историки сосредоточили внимание на изучении тех проблем, которые по идеологическим причинам не могли разрабатываться в советский период. На расширение исследовательской проблематики серьезное влияние оказали изменившиеся реалии новой России и постмодернистские тенденции.

Источники

- Буганов, В. И.* Разин и разинцы / В. И. Буганов. — М., 1995.
Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б. В. Ананьич. — СПб., 1996.
Волконогов, Д. А. Семь вождей / Д. А. Волконогов. — М., 1996.
Гражданская война в России: перекресток мнений. — М., 1994.
Другая война: 1939—1945. — М., 1996.

- Нэл: приобретения и потери. — М., 1994.
- Старцев, В. И. Русское политическое масонство начала XX века / В. И. Старцев. — СПб., 1996.
- Судьбы российского крестьянства / Ю. Н. Афанасьев [и др.]. — М., 1996.
- Трукан, Г. А. Путь к тоталитаризму: 1917—1929 гг. / Г. А. Трукан. — М., 1994.
- Фроянов, И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы / И. Я. Фроянов. — М.; СПб., 1995.

Рекомендуемая литература

- Жуков, В. И. Реформы в России: 1985—1995 гг. / В. И. Жуков. — М., 1997.
- Заболотный, Е. Б. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века: учеб. пособие / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин. — Тюмень, 2004.
- Заболотный, Е. Б. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, И. Г. Шишкин. — Тюмень, 2003.
- Интеллектуальная культура современной историографии / отв. ред. А. П. Логунов. — М., 2006.
- Историки России: Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2001.
- Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 2003.
- Литвак, Б. Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох / Б. Г. Литвак. — СПб., 2002.
- Между канунами: ист. исслед. в России за последние 25 лет / под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 2013.
- Наумова, Г. Р. Историография истории России / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. — М., 2009.
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005.

Глава 21

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

В середине 1990-х гг. в исторической науке России стали происходить важные изменения. Они были связаны, прежде всего, с политическими причинами. После длительных и серьезных разногласий, имевших место после распада СССР и нередко заканчивавшихся вооруженным противостоянием, различные политические силы подписали договор об общественном согласии. Это означало, в том числе, что в российском обществе возобладал политический плюрализм.

21.1. Изменения в сфере исторического образования

С 1995 г. Министерство образования РФ начало формировать федеральный компонент учебников, в который должны были войти несколько пособий по одному и тому же курсу. Либерализация в издательской деятельности привела к широкой публикации учебной литературы, более разнообразной и отражавшей основные точки зрения на отечественную историю. Только в 1995—1996 гг. в стране вышло около 160 наименований учебной литературы по истории России. Утверждалось понимание необходимости преподавания истории с учетом многоконцептуального подхода. Учебники по истории России стали настолько заметным явлением, что их нельзя игнорировать как историографический факт современной исторической науки. В создании многих из них принимали участие ведущие российские ученые, признанные специалисты в изучении отечественной истории.

Если в целом многообразие учебной литературы по истории России следует считать положительным фактом, то издание свыше 90 учебников и учебных пособий для системы

образования, рекомендованных Министерством образования РФ, является явно чрезмерным. Ни в одной стране мира подобного положения нет. В учебниках многих стран (США, ФРГ, Польша, Китай) проводится государственно-патриотическая линия, мягко или жестко противопоставляющая разные государства и консолидирующая народ на основе патриотизма, специфики развития страны. Патриотическая идеология запрещает унижение, умаление истории своего народа, требует понимания мотивов его поведения в тот или иной исторический период, воспитывает уважение к предыдущим поколениям. Она исходит из того, что сила государства, его будущее во многом зависят от понимания и уважения народом своей истории и традиций.

Необходимость наведения порядка в издании учебной литературы по истории осознали не только российские историки, но и властные структуры. 30 августа 2001 г. на заседании Правительства РФ был рассмотрен вопрос о состоянии учебной литературы по новейшей истории России. В ходе дискуссий, организованных на телевидении и в печати, обсуждался вопрос: каким должен быть учебник XXI в.? Некоторые авторы полагали, что учебник должен содержать больше фактов и не навязывать ученикам и студентам никаких оценок. Следует подчеркнуть, что для преподавания истории по первому концентру, главной целью которого является запоминание исторического материала и его повторение, такой подход может быть признан удовлетворительным. Однако в рамках второго концентра в соответствии с требованиями Министерства образования РФ учащиеся должны не только расширить свои знания за счет пополнения фактического материала, но и уметь объяснить их.

На Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы преподавания новейшей отечественной истории», организованной Министерством образования РФ и РАН в Москве 3 декабря 2001 г., была рассмотрена «Концепция преподавания истории XX века». Некоторые участники конференции подтвердили приверженность многофакторному подходу к анализу исторического процесса, развивающегося нелинейно, противоречиво и имеющего несколько альтернатив. Другие историки, в частности А. Н. Сахаров, А. О. Чубарьян, обосновывали необходимость государственного подхода в преподавании истории. По их мнению, власть имеет право внедрять через государственную школу в сознание молодого поколения патриотическую идеологию.

В январе 2002 г. на некоторые стороны освещения истории обратил внимание Президент РФ В. В. Путин. Редакция журнала «Отечественная история» провела круглый стол на тему «Каким быть современному школьному учебнику по отечественной истории XX века?». Главное внимание его участников привлекли вопросы, связанные с выработкой и корректировкой новых подходов к содержанию и концептуальной основе школьного курса отечественной истории XX в. Во время обсуждения были выявлены претензии к современным учебникам по отечественной истории. Характеризуя их, В. Б. Жиромская отмечала, что, «как правило, в основе изложения событий в учебнике лежит определенная концепция исторического развития. Это либо теория модернизации, либо теория альтернатив, либо попытки оценивать деятельность исторических лиц лишь с позиций защиты ими частной собственности». Т. А. Филиппова указывала на имеющую место «идейную чересполосицу», когда «один и тот же учебник может содержать тексты, написанные как с либеральной, так и с консервативной позиции». Были намечены пути дальнейшего совершенствования учебно-методических изданий по отечественной истории в рамках проекта по разработке второго поколения государственных стандартов образования.

Несмотря на проделанную работу в деле унификации учебной литературы по истории, руководство страны по-прежнему выражает озабоченность положением дел в этой сфере. Учитывая появление «национальных историй» в странах бывшего социалистического содружества, а также на постсоветском пространстве, в которых нередко фальсифицируется роль России во взаимоотношениях с этими государствами, перед историками страны была поставлена задача выработки согласованной позиции по многим острым проблемам отечественной истории. Особую актуальность вызывает история кануна Второй мировой войны и истории Великой Отечественной войны. В начале 2013 г. Президент РФ В. В. Путин призвал историков создать учебник по истории, который должен создать представление об отечественной истории как едином, непротиворечивом процессе, в котором позитивные страницы российской истории не замалчивались бы в угоду политической конъюнктуры.

21.2. Развитие источниковой базы

На рубеже XX—XXI вв. исследователи стали работать со значительно более широким, чем ранее, кругом исторических ис-

точников, извлеченных как из отечественных, так и из зарубежных архивов. По всем основным проблемам российской истории опубликованы документы, позволяющие переосмыслить представление о прошлом. Ознакомиться с ними можно в периодических изданиях «Исторический архив», «Источник», «Отечественные архивы», «Вестник архивиста», «Клио».

Особенно много новых источников издается в настоящее время по истории России конца XIX — начала XX в. и по советской истории. Заслуживает внимания публикация издательством «Российская политическая энциклопедия» многотомной серии документов «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Документальное наследие». В серийной публикации «Архив новейшей истории России» помещены документы о деятельности Временного правительства 1917 г., гибели семьи Романовых и т.п. Значительно пополнилась в последние годы историческая мемуаристика по данному периоду. Переизданы и впервые изданы на русском языке воспоминания государственных и политических деятелей России конца XIX — начала XX в. С 1997 г. издается серия «Фонда демократия» под общей редакцией А. Н. Яковлева «Россия: XX век», в которой вышли подборки документов по наиболее острым проблемам советской истории; в издательстве «РОССПЭН» — серия исторических источников «Социальная история России XX века» и многотомная серия написанных по новым источникам монографий «История сталинизма»; в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС» — серия «Архив», посвященная жизни и деятельности крупных государственных и политических деятелей России. Интересные и важные в научном отношении документы о взаимоотношениях государства и церкви в XX в. опубликовали Н. Н. Покровский, М. И. Одинцов и другие исследователи.

Разносторонне освещается тема «Власть и общество». В фундаментальном многотомном издании «“Совершенно секретно”. Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922—1934 гг.» опубликованы рассекреченные документы архивов ГПУ, ОГПУ, НКВД, их отчеты руководству страны о состоянии промышленности, сельского хозяйства, настроениях среди рабочих, крестьян, интеллигенции, молодежи, в армии, церковной среде, антисоветском подполье, криминальной сфере, о других аспектах внутренней жизни страны. Эти материалы позволяют впервые показать «другую жизнь» в СССР, при социализме, раскрывают тайные пружины политики совет-

ского руководства, в том числе и репрессии в отношении различных категорий населения.

Активно занимаются публикацией документов на местах. Сборники документов в серии «Власть и общество. Российская провинция» увидели свет в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Перми, Челябинске и других городах страны.

К делу издания источников по истории России подключились зарубежные исследователи. Разработан многотомный российско-французский проект публикации сельских сводок ВЧК — ОГПУ — НКВД. МГУ, Итальянский институт философских исследований, Дом наук о человеке и Школа высших социальных исследований спонсируют многотомную серию «Документы советской истории».

21.3. Теоретико-методологические основы

Важные изменения произошли в теоретико-методологической сфере исторической науки. Некоторые исследователи предложили отказаться от использования крайних теоретико-методологических подходов в изучении истории и выступили за синтезирование всего лучшего, что было создано отечественной и мировой исторической наукой. И. Д. Ковальченко в одной из своих последних работ писал, что «в настоящее время сложились в целом благоприятные условия для преодоления теоретико-методологического кризиса исторической науки, как в нашей стране, так и в мировой науке в целом». Он предлагал в качестве способа выхода из кризиса «напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания».

Существовало и другое мнение — историку вообще не нужна никакая методология историй. «Бегство» от методологии проявлялось в том, что отдельные авторы намеренно уходили от рассмотрения сложных теоретических понятий и категорий, таких как «формация», «цивилизация», «исторический закон», «исторический прогресс», и отказывались давать периодизацию изучаемых процессов. По этому поводу О. М. Медушевская и М. Ф. Румянцева справедливо заметили, что исторического исследования без методологии не бывает, ибо оно всегда осуществляется в рамках определенной научной системы; «речь может идти лишь о различной степени осознанности (отрефлексованности) как процесса на-

учного познания в целом, так и конкретного исследования каждым исследователем».

Тем не менее, сегодня в исторической науке используются различные интерпретации отечественной истории. По наблюдениям А. Т. Тертышного и А. В. Трофимова, «в настоящее время существует целый “букет” (до двадцати) разнообразных теорий, концепций, так или иначе интерпретирующих исторический путь, пройденный Россией».

Современные исследователи предлагают несколько классификаций историков в зависимости от того, какие именно интерпретации применяются ими в исторических сочинениях. По мнению С. А. Кислицына, можно условно говорить о трех основных направлениях осмысления истории: нигилистически-разоблачительном, апологетически-пропагандистском и объективистско-центристском. Б. В. Личман считает, что в отечественной исторической науке имеют место следующие основные интерпретации (концепции) истории России XX в.: религиозная, всемирно-историческая, локально-историческая.

По мнению авторов данного пособия, в настоящее время наиболее распространенными подходами к объяснению исторического процесса являются формационный, цивилизационный и модернизационный. Последний подход к истории применяют те исследователи, которые стремятся избежать крайностей неомарксистской и либеральной историографии. Различие в подходах к объяснению истории оказывает существенное влияние на рассмотрение конкретных проблем российской истории.

Историки России освоили и применяют в своих трудах практически все новейшие методы исторического исследования. Однако их выбор во многом зависит от той парадигмы, которую берет на вооружение тот или иной автор. Для науки наших дней характерен плюрализм взглядов, в том числе и на природу исторического источника. В литературе можно встретить несколько точек зрения на исторический источник как объект, отражающий исторический процесс и свидетельствующий о прошлом человеческого общества. Для И. Н. Кузнецова, «источник, с одной стороны, представляет собой факт исторического прошлого, с другой — содержит информацию об этом факте». Сторонники данного подхода опираются в основном на позитивистские методы исторического познания. В то же время немало исследователей рассматривают исторический источник в рамках исторической феноменологии, цель которой — понять человека прошлого, а через него — окружа-

ющий его мир. Широкое распространение получила теория исторического источника, разработанная в дореволюционной историографии А. С. Лаппо-Данилевским; он понимал под источником «реализованный продукт человеческой психики», доступный чужому восприятию. Вслед за ним О. М. Медушевская определяет источник как «продукт (материально реализованный продукт) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о человеке и обществе, в котором он жил и действовал». По ее мнению, задача историка заключается не в изучении источника, а в изучении системы отношений: человек — произведение — человек. А. Л. Юрганов считает, что «для исторической феноменологии объектом является источник как интерсубъективная реальность. Задача историка-феноменолога — дать «чужой одушевленности» право на монолог. В этом смысле источник — самоцель познания и единственная реальность, несущая в себе собственные и исчерпанные (т.е. самодостаточные) смыслы».

В рамках различных методологических подходов предлагается несколько вариантов периодизации истории России. Сторонники формационного подхода к истории традиционно выделяют в истории России такие эпохи, как феодализм, капитализм, социализм. Теми же категориями пользуются и некоторые сторонники цивилизационного подхода к истории, правда, они вкладывают в них иной смысл. Их интересует не социально-экономическое содержание данных категорий, а особенности российского исторического процесса на фоне мирового в широком цивилизационном смысле, поскольку понятия «феодализм» и «капитализм» формировались на материале истории Запада. Сторонники модернизационного подхода избегают деления истории России на «древнюю», «средневековую» и «новую». Они выделяют в ней традиционное и современное общество, рассматривая XVIII — первую половину XIX в. как переходное время между ними. Все чаще в современной историографии используется периодизация истории России на основании изменения форм государственной власти, поскольку власть считается доминирующей чертой российского общества, пронизывающей всю его историю.

Научный плюрализм позволяет рассматривать основные проблемы истории с различных методологических и концептуальных позиций. Историческая наука России на рубеже XX—XXI вв. стала многоконцептуальной, открытой для на-

учных дискуссий. В ней отсутствуют запретные темы, разрабатываются практически все вопросы. Исследователи от выдвижения новых подходов и формулировки новых проблем перешли к переосмыслению всей отечественной истории.

21.4. Особенности современных историографических источников

Трудно не заметить, что историографические источники на рубеже XX—XXI вв. стали более разнообразными по сравнению с первой половиной 1990-х гг. В это время произошли серьезные изменения в издательском деле в России. Резко сократились тиражи исторической литературы, однако выросло число наименований, а значит, и круг изучаемых тем. Среди историографических источников весьма распространенным становится монографический жанр.

Современная историография постоянно пополняется работами обобщающего характера. Обширна энциклопедическая литература по истории. Так, в издательстве «РОССПЭН» под редакцией В. В. Шелохаева были изданы энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века» (1996), «Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века» (2010), «Российский либерализм середины XVIII — начала XX века» (2010), а под редакцией В. В. Журавлева энциклопедии «Общественная мысль России XVIII — начала XX века» (2005) и «Общественная мысль Русского зарубежья» (2009).

К сожалению, осталась незавершенной пятитомная энциклопедия «Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года». Вышло всего три тома. Основная причина этого в следующем: ее подготовка пришлось на первую половину 1990-х гг. Редакция и авторский коллектив энциклопедии понимали, что «наше быстротекущее “сегодня” не может не вносить (и нередко достаточно глубокие) коррективы в понимание нашего “вчера”, каким бы далеким и отстраненным оно ни было». Читатель легко может обнаружить, как менялась авторская концепция по мере выхода очередного тома энциклопедии (1994—2000).

14 октября 2002 г. Президентом РФ был подписан Указ «Об издании Большой российской энциклопедии». На страницах уже вышедших томов большое место отводится отечественной истории.

Серьезную работу проводят местные историки по созданию региональных энциклопедий. За последнее десятилетие вышло не менее 60 подобных изданий. Их авторы среди множества вопросов развития региона обязательно выделяют и описывают его историю. Особенную историческую ценность представляют специализированные исторические энциклопедии. Среди них можно назвать «Уральскую историческую энциклопедию» (1998), подготовленную Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН во главе с академиком В. В. Алексеевым. Издательский центр «Московведение» выпустил под редакцией С. О. Шмидта, по существу, краткий московский биографический словарь «Московская энциклопедия» (Т. 1. Лица Москвы : в 5 кн. М., 2007–2012). В первом томе этого издания представлена информация об «исторических лицах» (причем уже скончавшихся); второй том — «Образ Москвы в прошлом и настоящем» — будет, по словам Шмидта, «обо всем остальном».

Характерной чертой современных энциклопедических изданий стало участие в их подготовке больших международных коллективов. Например, в работе над фундаментальным трехтомным научно-справочным изданием «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов» (отв. ред. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов) (2012), в котором содержится свыше 3800 статей участвовало 158 исследователей из 10 стран мира. С интересом были встречены научной общественностью словари о российских историках, как в целом по стране, так и по отдельным регионам: Будаев Д. И. «Историки Смоленска XVIII—начала XX вв.» (1993); Корзун В. П., Кузнецова О. В., Осадченко Б. А. «Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска» (1999); «Историки Урала XVIII—XX веков» под ред. В. В. Алексеева (2003); Милибанд С. Д. «Востоковеды России: XX — начало XXI в.» (2008; 2009); Чернобаев А. А. «Историки России XX века» (2005; 2009) и др.

Особо следует отметить уникальное научно-справочное издание под ред. С. О. Шмидта «Каталог архивных фондов отечественных историков» (2001; 2007; 2012), включающее описание личных фондов, биографические сведения, библиографию трудов, а также научную и справочную литературу о сотнях отечественных историков. Завершение издания этого фундаментального труда будет иметь важное историографическое значение, способствовать более углубленному позна-

нию исторического пути, пройденного российской исторической наукой за три столетия.

Анализируя современную историческую литературу, нельзя согласиться с утверждением Е. Ю. Зубковой и А. И. Куприянова о том, что «поток исторических сенсаций, сделанных, главным образом, по принципу разоблачения “проклятого прошлого”, стал постепенно иссякать». Напротив, данная литература сейчас все более многочисленна и разнообразна. Много работ посвящается «тайнам», связанным с жизнью великих людей, «тайнам» русской истории в целом, например, серии «Тайны XX в.» и «Военные тайны XX в.».

Д. М. Володихин, О. И. Елисеева и другие авторы пишут о появлении феномена *folk history*. Представители этого «популяризаторского» направления могут доказать что угодно: с одной стороны, «удревнить» русскую историю, используя такие, с позволения сказать, источники, как «Велесова книга», «Песни птицы Гамаюн»; с другой — «ускорить» историю, используя идеи, выдвинутые математиками А. Т. Фоменко и Г. В. Носовским. Псевдонаучную литературу серьезно критикуют В. А. Бронштейн, Д. М. Володихин, О. И. Елисеева, А. А. Зализняк, В. П. Козлов, С. О. Шмидт, В. Л. Янин.

Весьма распространенной в современной историографии по-прежнему является литература, посвященная роли личности в истории России. Если в советской историографии в центре внимания находились деятели главным образом революционного лагеря, а в первой половине 1990-х гг. — либерального и консервативного, то в новейшей историографии доминируют плюралистический и многофакторный подходы. В последние годы произошла переоценка практически всех крупных фигур в отечественной истории. Это нашло отражение, в частности, в трудах Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, А. П. Ненарокова, Н. А. Троицкого, И. Х. Урилова, В. В. Шелохаева.

Серьезную работу проводит редколлегия серии «Жизнь замечательных людей». Следует возразить тем авторам, которые по-прежнему считают ее «молодогвардейской». В рассматриваемый период работа над серией проводится в соответствии с традициями, заложенными еще в дореволюционный период Ф. Ф. Павленковым. В последние годы к написанию биографий великих россиян были привлечены ведущие российские историки — Е. В. Анисимов, Н. С. Борисов, А. Н. Боханов, О. И. Елисеева, Н. И. Павленко, Р. Г. Скрынников, Б. Н. Флоря и многие другие, что повысило научную ценность

выпускаемой литературы. Продолжилась традиция публикаций биографий дореволюционных государственных, политических и военных деятелей, представителей науки и культуры. Впервые за последнее десятилетие в серии «Жизнь замечательных людей» нашлось место биографиям представителей революционного лагеря.

На современном этапе развития исторической науки проявился интерес к историческим личностям советской эпохи. В серии «Жизнь замечательных людей» опубликованы биографии В. И. Ленина, Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина, Ю. В. Андропова, книга Р. А. Медведева об окружении Сталина. Своеобразным феноменом 1990–2000-х гг. стала неслыханная «сталиниада», в создании которой приняли участие многие российские авторы различных политических и идеологических взглядов (Ю. Н. Жуков, Б. С. Илизаров, В. В. Серебряников, В. В. Суходеев, О. В. Хлевнюк, И. И. Чигирин и др.). На новых источниках, ранее недоступных исследователям, разрабатывается история советских спецслужб (А. А. Зданович, О. Б. Мозохин, А. М. Плеханов, С. Н. Полторак, Б. А. Старков, В. Н. Хаустов, В. С. Христофоров и др.).

Важнейший историографический факт исторической науки в современной России — присутствие в ней зарубежной исторической литературы. На русском языке издаются работы западных ученых самых различных направлений, от коммунистов до консерваторов, они принимают участие в проводимых научных конференциях и дискуссиях, пишут статьи для российских журналов.

21.5. Проблематика научных исследований

Проблематика исследований в современной историографии охватывает все периоды и проблемы отечественной истории. Ныне историческая наука характеризуется тем, что ученые опираются на знания, которые были накоплены в дореволюционной, советской, российской эмигрантской и зарубежной историографии. Достижения историков в изучении конкретных проблем отечественной истории рассмотрены в ряде историографических работ. Остановимся на тех сюжетах, которые отличают историческую науку в России на рубеже XX–XXI вв.

Изучение дореволюционной истории России. Активно развивается в новейшей историографии изучение исто-

рии Древней Руси и русского феодализма (А. А. Горский, В. А. Кучкин, Н. М. Рогожин и др.), истории славян и кочевого мира (Б. Н. Флоря), дипломатики (С. М. Капитанов). Впервые в отечественной историографии комплексно исследована история колоколов и колокольного производства средневековой Руси, начиная с их появления вскоре после принятия христианства и до конца XVII в. (А. Ф. Бондаренко). Указом Президента РФ В. В. Путина присуждена премия в области науки и инноваций за 2012 г. молодому ученому А. С. Усачеву за вклад в изучение древнерусской книжности XVI в.

Одной из ведущих проблем, которая проходит через всю отечественную историю, является тема власти. Изучение феномена власти выделилось в последние годы в самостоятельное направление политической истории. Если в первой половине 1990-х гг. историки изучали политические процессы через противопоставление революционного и реформаторского путей, акцентируя внимание на консервативной и либеральной идеологических системах, то политический плюрализм в современном российском обществе заставляет исследователей изучать весь спектр идеологических течений в России: консервативных, либеральных, социалистических и леворадикальных. В работах последних лет анализируются история власти, ее механизмы и технологии.

Внимание ученых привлекает российская государственность. Историки рассматривают представительские учреждения в России с древнейших времен до начала XX в. как элементы рождающейся новой цивилизации, как модели будущего переустройства России на антиабсолютистских, а позднее и демократических началах. Объектом анализа стали демократические традиции древности, восходящие еще к догосударственному периоду, Новгородская республика, учреждения Московского царства, земские соборы, Уложенная комиссия, земские учреждения, Дума и многое другое (В. Л. Янин, И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев и др.).

Столь популярная в первой половине 1990-х гг. проблема имперской составляющей российской государственности в современной историографии осмысливается отечественными и зарубежными учеными как сложная и многоуровневая проблема, затрагивающая не только характер государственности, но и менталитет населения России. Журнал «Родина» провел длительную дискуссию на тему «Мы в импе-

рин. Империя в нас». В рамках российско-американского проекта разрабатывались различные аспекты имперской проблематики: история административного управления окраинами Российской империи, имперских элит и т.д.

В связи с дискуссиями об имперском характере Российского государства по-новому характеризуется проблема присоединения различных народов к России и их последующего существования в рамках империи. Отброшен апологетический подход к проблеме, историки пинут о различных путях вхождения народов в состав Российского государства, указывая как на действительно имевший место добровольный характер присоединения, так и на насильственный путь. Анализируются различные формы вхождения народов, показывается позиция верхов и низов общества в этом вопросе, система управления национальными окраинами России. Остро дискуссионными являются перипетии взаимоотношений России с северокавказскими народами в XIX в., особенно в период Кавказской войны.

С новых позиций рассматривается история внешней политики России. Вышло пятитомное издание «История внешней политики России» с конца XV до начала XX в. Актуальной темой в условиях глобализации, происходящей ныне в мире, является исследование российского европеизма (А. О. Чубарьян).

С позиций «новой социальной истории» изучаются сословия и социальные группы России. Социальная история приобрела характер культурной истории, акцентируя внимание не на решении конкретной проблемы, а на выявлении отношения историка к ней. Интерес исследователей был перенесен с изучения общества на исторические феномены и механизмы самоидентификации, развитие способности к личностному восприятию тех или иных культурных отношений.

В отличие от отечественной социологической традиции структурирования общества по функциональному имущественному признаку, современные «крестьяноведы» исследуют, какие обязательства в рамках деревенской общности несет крестьянин, чем определяется различие между бедностью и богатством. В исторической науке сложились два направления в изучении российского крестьянства: первое во главе с В. П. Даниловым декларирует актуальность крестьяноведческих подходов и междисциплинарных методов в исторических исследованиях; второе, возглавляемое А. П. Корелиным, настаивает на достаточности традиционных методик для описания российского крестьянства.

В области крестьяноведения историки достигли значительных успехов. Книга Л. В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» была удостоена Государственной премии РФ за 2000 г.

Леонид Васильевич Милов (1929—2007) внес весомый вклад в изучение отечественной истории, источниковедения, палеографии, количественных методов в исторических исследованиях. В центре внимания ученого на протяжении всего творческого пути находились аграрная история русского средневековья, древнерусское право, генезис капитализма в России, проблемы социально-экономической истории страны. В золотой фонд отечественной историографии вошли его «Исследование об “Экономических примечаниях” к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII — начала XIX вв.)» (1965); монографии, написанные в соавторстве: «Всероссийский аграрный рынок XVIII— начала XX вв.» (1974), «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия (источник, компьютер и методы исследования)» (1986), «От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства» (1994) и др. Выдающиеся заслуги ученого получили широкое признание. В 1990 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР (РАН), а в 2000 г. — академиком РАН.

Наряду с аграрной тематикой, успешно во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. развивалось исследование многих других проблем российской истории. Так, на смену истории рабочего класса, столь популярной в советской историографии, пришла «рабочая» история. Авторы, занимающиеся этой проблематикой, стремились выявить все существующие в обществе социальные группы, уточнить конкретные связи между ними, зафиксировать общественное положение, права и обязанности, статус и престиж индивидов и социальных организаций.

Серьезные изменения претерпели исследования истории Русской православной церкви, других религиозных конфессий. Это направление развивали светские (О. Ю. Васильева, Н. А. Кривова, М. И. Одинцов, Т. А. Чумаченко) и церковные историки (митрополит Климент (Капалин), протонерей Владислав (Цыпин), игумен Дамаскин (Орловский), священник Георгий (Ореханов)). В последнее время в ходе острой дискуссии обсуждается вопрос о необходимости формирования конфессиональной составляющей в историческом сознании жителей России.

Широко распространяется взгляд на Россию XX в. как на целостный (нерасчлененный) период отечественной истории. Для его изучения применяются «сквозные» темы («аграрная революция», «незавершенная революция», «столетняя революция» и др.), которые пронизывают дореволюционный и послереволюционный периоды. Вызывает интерес исследование демографических процессов на протяжении всего XX столетия, что позволило уточнить и впервые озвучить цифры потерь российского населения в результате таких катаклизмов, как Первая мировая война, революция и гражданская война; коллективизации, раскулачивание и голод начала 1930-х гг.; политические репрессии 1930-х — начала 1950-х гг.; Великая Отечественная война и голод середины 1940-х гг.

Изучение истории советского общества. В отличие от первой половины 1990-х гг. в настоящее время издается большое количество обобщающих трудов по этому периоду истории XX в. Серьезное влияние на российских ученых в освещении советской истории оказывают труды западных специалистов.

Многие исследователи по-прежнему оценивают послеоктябрьский период через призму концепции советского тоталитаризма. Различные подходы определяются смыслом понятия «тоталитаризм», которым оперируют историки. Одни из них считают, что тоталитаризм — «одна из форм государства (тоталитарное государство), характеризующаяся его полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституционных форм и свобод, репрессиями в отношении оппозиции и инакомыслящих (например, различные формы тоталитаризма в фашистской Италии, Германии, коммунистический режим в СССР, франкизм в Испании и др.)». Согласно другим исследователям, тоталитарный характер носило советское государство, а не советское общество, ибо идеология не имела всеобъемлющего характера и не была безальтернативным кредо для всех граждан. Именно поэтому идеологическая основа тоталитарного государства рухнула первой под напором гласности.

Большие расхождения существуют в литературе по поводу хронологических рамок советского типа тоталитаризма. Согласно одной точки зрения, в России с первых месяцев Октябрьского переворота закладывалось не свободное демократическое государство, а типичный тоталитарный режим со всеми присущими ему признаками, и таковым он оставался вплоть до падения в 1991 г. Другая точка зрения — советское общество не на всех стадиях было тоталитарным, в нем

переплетались элементы тоталитаризма и авторитаризма. Весьма распространенным является мнение, что тоталитаризм в СССР утвердился в конце 20-х гг. XX в. и начал сворачиваться после смерти Сталина.

На рубеже XX–XXI вв. в научном сообществе появился термин «социалистическая модернизация». Его сторонники считают, что она объективно преследовала те же цели, что и модернизация начала XX в., имела догоняющий характер, те же противоречия и тушки. Но, кроме этого, она была отягощена рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств.

Серьезные исследования посвящены демографическим сдвигам, происходившим в стране в советское время. Большую роль в изучении этой проблемы играет Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии во главе с Ю. А. Поляковым.

Юрий Александрович Поляков (1921–2012) — академик и советник РАН, лауреат Государственной премии СССР и премий имени М. В. Ломоносова и В. О. Ключевского, автор свыше 600 научных работ, в том числе более 30 монографий и научно-популярных книг. После окончания в 1945 г. исторического факультета МГУ он увлекается молодежной тематикой, что приводит его в «Комсомольскую правду» на должность заместителя заведующего международным отделом. В заочной аспирантуре Института истории АН СССР Поляков подготовил и успешно защитил в 1949 г. кандидатскую диссертацию об обороне Москвы в 1919 г. В том же году он становится научным сотрудником Института истории, где до своей кончины был руководителем Центра Института российской истории РАН по изучению населения и территории России.

Ю. А. Поляков — ученый широкого диапазона научных интересов. В центре его внимания находились история Октябрьской революции и гражданской войны, нэп (в 1965 г. он защитил докторскую диссертацию «Переход к нэпу и советское крестьянство»), история Москвы. Увлечшись проблемами народонаселения, Поляков создает Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии. Под его редакцией опубликовано исследование «Наше непредсказуемое прошлое: Полемиические заметки» (1995); «Историческая наука: люди и проблемы» (1999–2009); «Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка» (2010–2011). Большое место в них занимают воспоминания автора о кол-

легах-историках (М. Я. Геллере, М. В. Нечкиной, В. М. Хвостове, Л. В. Черепинне и др.), важных событиях общественной и научной жизни.

С разных методологических и концептуальных позиций современные исследователи рассматривают все основные проблемы советской истории, не оставляя в «тени» ни одну из них. История революций 1917 г. и гражданской войны анализируется как противоборство различных политических сил. Идет фронтальное исследование деятельности всех политических партий, сил революции и контрреволюции, «белых» и «красных», «демократической контрреволюции» и «зеленого движения» (В. И. Шишкин).

Продолжается спор «оптимистов» и «пессимистов» в оценке нэпа. Однако современных историков гораздо больше интересует политическая ситуация, которая сложилась в СССР в 1920-е гг. Тема «Власть и общество» — одна из ведущих в исследовании советской истории. Специалисты рассматривают ее как на общероссийском, так и региональном уровне (А. А. Кулаков).

Новым историографическим пластом являются исследования депортации советских народов в 1930—1940-е гг. (Н. Ф. Бугай, А. А. Герман, В. П. Сидоренко). Активную работу проводит Международная ассоциация исторической психологии имени В. И. Старцева. По инициативе ее президента с 2000 г. С. Н. Полторака в Санкт-Петербурге состоялись 32 научные конференции. На основе анализа источников и историографии был рассмотрен широкий круг проблем психологического состояния персоналий и социальных общностей. Успешно развивается в последние годы во всем мире историческая экология. В России эта отрасль исторической науки, в которой принимают участие историки, географы, культурологи, геологи, представители других областей знания, также проходит активную фазу становления. Серьезных успехов в изучении взаимоотношений человека и окружающей среды в исторической ретроспективе добились саратовские ученые. На проведенных в Саратовском государственном техническом университете всероссийских конференциях были заслушаны доклады об экологической истории как новом течении в историографии, об истории антропогенных отложений и загрязнений в Саратове и др.

Изучение истории Великой Отечественной войны ведется с двух основных позиций. В конце 1990-х гг. вышел четырехтомный обобщающий труд «Великая Отечественная война

1941–1945: Военно-исторические очерки», в котором война характеризуется как одно из самых выдающихся ратных свершений в истории страны, свидетельство величайшего патриотизма и самоотверженности народа. В то же время в самостоятельное научное направление выделилось изучение «другой войны» — Великая Отечественная война рассматривается как часть Второй мировой войны 1939–1945 гг., ответственность за ее развязывание отдельные ученые возлагают в равной степени на Гитлера и Сталина.

На основании недавно рассекреченных документов исследователи изучают послевоенный период советской истории. Особый интерес в этом отношении вызывают книги А. А. Данилова и А. В. Пыжикова «Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы», Р. Г. Пихон «Советский Союз: История власти. 1945–1991», «Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985», «Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005», В. П. Попова «Большая ничья. СССР от Победы до распада», А. А. Фурсенко «Россия и международные кризисы. Середина XX века». Издание этих работ свидетельствует, что историки смело вторгаются в историю современности, овладевают междисциплинарными методами исследования.

В последние годы наметилась устойчивая тенденция к атомизации исторического знания. В 1997 г. был основан альманах «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории». В 1999 г. проведена научная конференция, посвященная соотношению микро- и макрон истории. Среди ее участников возобладало мнение о принципиальном различии и несводимости этих подходов к истории. Микроистория как исследовательский подход используется в работах А. В. Антощенко, С. В. Журавлева, О. Е. Кошелевой, Е. Э. Ляминной, И. В. Нарского и др. «Новая культурная» (интеллектуальная) история предполагает изучение таких тем, как история повседневности, гендерная история, менталитет российского общества.

На рубеже XX–XXI вв. историки попытались развести понятия «историческая антропология» и «история ментальностей». В российской науке первая трактуется как более широкое понятие, связанное с изучением разнообразных форм быта и социальных практик. С позиции исторической антропологии активно исследуются политические и военно-исторические проблемы. Складывается научное направление по изучению религиозного менталитета, русской религиозности,

«народного православия». Этой проблематике посвящены исследования В. М. Лаврова, А. П. Найдёновой, П. С. Стефановича и др.

В издательстве «Молодая гвардия» выходит серия «Повседневная жизнь человечества», в которой опубликованы книги по истории повседневности в России А. И. Бегуновой, Е. В. Романенко и др. В этом направлении активно работают Н. Б. Лебина, А. Ю. Давыдов, И. В. Утехин.

Гендерная история развивалась в недрах «новой социальной истории». Успешно занимается этой проблемой Н. Л. Пушкарева. По ее мнению, гендерные исследования в России на рубеже XX—XXI вв. претерпели существенную эволюцию. Если в первой половине 1990-х гг. они посвящались исключительно «женской истории», то теперь гендерная история понимается как взаимоотношения полов, отрицается биологический и психологический детерминизм.

Историческая наука в России на рубеже XX—XXI вв. характеризуется методологическим и научным плюрализмом, что является, наряду с обновлением источниковой базы исследований, необходимым условием для переосмысления отечественной истории. От выработки новых подходов и изучения отдельных проблем исследователи перешли к концептуальному осмыслению всей отечественной истории с древнейших времен до настоящего времени.

Однако наличие различных моделей в освещении истории России приводит к определенному релятивизму в оценке исторического прошлого. Этим пользуются околوناучные силы, которые в погоне за историческими сенсациями, по сути, обесценивают знание о прошлом. Серьезное влияние на современную историческую науку оказывает и постмодернистский вызов.

Источники

Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — М., 1997 (2010).

Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920—1930 гг. / В. П. Булдаков. — М., 2012.

Великая Отечественная война 1941—1945: военно-исторические очерки : в 4 кн. — М., 1998—1999.

Война и общество в XX веке : в 3 кн. / рук. проекта и сост. О. А. Ржепешевский. — М., 2008.

Данилов, В. П. История крестьянства в России в XX веке: избр. тр. : в 2 ч. / В. П. Данилов. — М., 2011.

Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. — М., 2001 (2006).

Нэл: экономические, политические и социокультурные аспекты. — М., 2006.

Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны 1945—1985 / Р. Г. Пихоя. — М., 2007.

Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий 1985—2005 / Р. Г. Пихоя. — М., 2007.

Россия сельская: XIX — начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. — М., 2004.

Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал : в 2 кн. — М., 1997.

Рекомендуемая литература

Заболотный, Е. Б. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века : учеб. пособие / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин. — Тюмень, 2004.

Заболотный, Е. Б. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, И. Г. Шишкин. — Тюмень, 2003.

Кулаков, А. А. Век XX: Общество и региональная власть. Проблемы историографии / А. А. Кулаков. — Н. Новгород, 2009.

Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. — М., 2008.

Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций : в 3 вып. / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 2001—2008.

Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 2011.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005.

Сахаров, А. Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация / А. Н. Сахаров. — М., 2004.

Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное своеобразие. — Екатеринбург, 2009.

Чубарьян, А. О. Российский европеизм / А. О. Чубарьян. — М., 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История российской исторической науки с древнейших времен до наших дней — важнейшая составная часть отечественной культуры. «Духом историзма» проникнуты летописи, на протяжении нескольких столетий являвшиеся наиболее распространенной формой исторических сочинений на Руси. В последней четверти XVII — начале XVIII в. в России появились работы, основанные на критике источников и рациональном изучении причинно-следственных связей событий в рамках авторских концепций. Они заложили прочный фундамент русской исторической науки, которая уже вскоре достигла крупных успехов, а в XIX—XX вв. заняла достойное место в мировой историографии.

Российская историческая наука богата яркими дарованиями. Краткая характеристика в учебном пособии трудов выдающихся отечественных историков позволила, на наш взгляд, составить представление об эпохе, в которой они жили и работали, о господствовавших в то время политических и философских концепциях, историософских тенденциях, источниковой базе исследований, степени изученности рассматриваемых проблем.

Во все века труд историка был тесно связан с политикой, идеологическими воззрениями своего времени. Так было уже в Древней Руси. «Рукой летописца, — писал А. А. Шахматов, — управляли политические страсти и мирские интересы». Аналогичной была ситуация и в следующие столетия. Особенно политизированной стала историческая наука в XX в. Но и в это время ученые стремились к объективному исследованию исторического процесса. «Долг национальной историографии, — подчеркивал С. Ф. Платонов, — показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения, субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию».

Стремление к истине нередко приводило ученых к столкновению с властью. Многие из них подвергались репрессиям как при самодержавии (Н. И. Костомаров, А. П. Щапов, В. И. Семевский, П. Н. Милюков, П. Е. Щеголев), так и при советской власти (А. А. Кизеветтер, С. П. Мельгунов, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, В. И. Пичета, Б. А. Романов), а некоторые — и до, и после революции (Е. В. Тарле, Н. А. Рожков, В. И. Невский, Н. М. Дружинин, Б. И. Николаевский и др.). Однако, несмотря на многочисленные преграды, историческая наука в России успешно развивалась.

Выдающихся результатов в познании прошлого добились ученые конца XIX — начала XX в. Кардинальным образом изменились условия работы историков после 1917 г., когда господствующее положение в науке занял марксизм. В Советской России (СССР) трудились ученые, взгляды которых сформировались в дореволюционный и советский периоды. Плодотворно исследовали многие проблемы прошлого историки-эмигранты.

Весомый вклад вносят ученые России в изучение зарубежной истории (А. Б. Давидсон, С. П. Карпов, В. С. Мясников, С. Л. Тихвинский, М. Л. Титаренко, А. О. Чубарьян), археологии (А. П. Деревянко, В. Е. Ларичев, Н. А. Макаров, В. И. Молодин, Р. М. Мунчаев, В. Л. Янин), антропологии и этнографии (В. А. Тишков). Глубокое усвоение историографии всеобщей истории необходимо каждому выпускнику вуза — историку.

Рубеж XX—XXI вв. знаменует начало нового периода в историографии. Это связано с обновлением методологии исторических исследований, появлением новых тем, переосмыслением задач и методов работы историографов. Принципиальное значение имеет широкое внедрение в науку и повседневную жизнь компьютерных технологий, что вносит коренные изменения в познание прошлого. Иным становится процесс обучения истории.

Тысячелетний опыт развития отечественной историографии, самоотверженное служение многих поколений российских историков музею Клио позволяют надеяться, что и в современных условиях ученые будут с честью решать поставленные перед ними задачи, объективно исследовать историю своего Отечества в неразрывном единстве с историей всего человечества.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ¹

Ad fontem / У источника : сб. ст. в честь Сергея Михайловича Капитанова / отв. ред. С. О. Шмидт. — М., 2005.

Антипин, Л. Н. Ломоносов: У истоков отечественной исторической науки / Л. Н. Антипин. — М., 2009.

Антощенко, А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории) / А. В. Антощенко. — Петрозаводск, 2003.

Антощенко А. В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов / А. В. Антощенко. — Петрозаводск, 2010.

Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века : в 126 т. / пред. редсовета Л. А. Опёнкин. — М., 2010.

Брачев, В. С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба / В. С. Брачев. — СПб., 2001.

Брачев, В. С. Русский историк А. Е. Пресняков (1870—1929) / В. С. Брачев. — СПб., 2002.

Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул ; отв. ред. И. В. Тункина. — СПб., 2008.

Бычков, С. П. Введение в отечественную историографию XX в. : учеб. пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. — Омск, 2001.

В. О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии : в 2 кн. — М., 2005.

Вандалковская, М. Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20—30-е гг. XX в. / М. Г. Вандалковская. — М., 2009.

Волобуев, О. В. Н. А. Рожков: историк и общественный деятель / О. В. Волобуев. — М., 2012.

Дворниченко, А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: страницы жизни и творчества / А. Ю. Дворниченко. — СПб., 2001.

¹ В «Краткую библиографию» включены труды, изданные в 2001—2012 гг. Литература по историографии, о творчестве отдельных историков, вышедшая ранее, представлена в книге: Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001. С. 878—880.

Дубровский, А. М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.) / А. М. Дубровский. — Брянск, 2005.

Ефремов, А. В. Борьба за историческую концепцию Н. Я. Данилевского в оценке современников / А. В. Ефремов. — М., 2006.

Заболотный, Е. Б. Историческая наука России в конце XX — начале XXI века : учеб. пособие / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин. — Тюмень, 2004.

Заболотный, Е. Б. Очерки современной историографии истории России с древнейших времен до начала XX века / Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, И. Г. Шинкин. — Тюмень, 2003.

И. В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е гг.: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений : сб. док. / сост., авт. предисл. и примеч. М. В. Зеленов. — СПб., 2006.

Илизаров, С. С. Герард Фридрих Миллер (1705—1783) / С. С. Илизаров. — М., 2005.

Иллерицкий, В. Е. Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917—1960 гг.) / В. Е. Иллерицкий ; отв. ред. А. П. Логунов. — М., 2006.

Интеллектуальная культура современной историографии / отв. ред. А. П. Логунов. — М., 2006.

Историки России. Иконография / под ред. А. А. Чернобаева. — М., 2008 ; 2011.

Историография истории России до 1917 года : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. — М., 2003.

Историография сталинизма : сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. — М., 2007.

Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского / отв. ред. А. В. Малинов. — СПб., 2003.

История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие / науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. — М., 2006.

История через личность: историческая биография сегодня / отв. ред. Л. П. Репина. — М., 2005.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. — Вып. 1 : XVIII век / под ред. С. О. Шмидта ; сост. В. Ю. Афиани, Т. В. Лохина, М. П. Мироненко. — М., 2001 ;

Вып. 2 : Первая половина XIX века / отв. ред. С. О. Шмидт ; сост. Т. В. Медведева, М. П. Мироненко. — М., 2007 ; Вып. 3 : Вторая половина XIX — начало XX века : ч. 1 : А — В / отв. ред. С. О. Шмидт ; сост. Т. В. Медведева, М. П. Мироненко, В. А. Черных. — М., 2012.

Кип, Д. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Д. Кип, А. Литвин — М., 2009.

Киреева, Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина / Р. А. Киреева. — М., 2004.

Кирсанова, Е. С. Методология истории русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века / Е. С. Кирсанова. — М., 2004.

Леонтьева, О. Б. Марксизм в России на рубеже XIX—XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического познания / О. Б. Леонтьева. — М., 2004.

Литвак, Б. Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох / Б. Г. Литвак. — СПб., 2002.

Макушин, А. В. Павел Николаевич Милюков: труды и дни / А. В. Макушин, П. А. Трибунский. — Рязань, 2001.

Малинов, А. В. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ / А. В. Малинов, С. И. Погодин. — СПб., 2001.

Мир историка : историограф. сб. : вып. 1—8 / отв. ред. В. П. Корзун, А. В. Якуб. — Омск, 2005—2013.

Михайлова, Е. Е. Философия истории В. О. Ключевского и его учеников / Е. Е. Михайлова. — М., 2003.

Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций : в 3 вып. / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 2001—2008.

Морозов, В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В. В. Морозов. — М., 2005.

Наумова, Г. Р. Историография истории России / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. — М., 2009 ; 2010.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. — Омск, 2005.

Павленко, Н. И. Михаил Погодин / Н. И. Павленко. — М., 2003.

Панеях, В. М. Историографические этюды / В. М. Панеях. — СПб., 2005.

Поляков, Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы : в 3 кн. / Ю. А. Поляков. — М., 1999 ; 2004 ; 2009.

Поляков, Ю. А. Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка : в 2 кн. / Ю. А. Поляков. — М., 2010.

Репина, Л. П. История исторического знания : учеб. пособие / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — М., 2004.

Ростовцев, Е. А. А. С. Лапшов-Данилевский и петербургская историческая школа / Е. А. Ростовцев. — Рязань, 2004.

Рохас, К. А. А. А. Историография в XX веке. История и историка между 1848 и 2025 годами / К. А. А. Рохас. — М., 2008.

Савельев, А. В. Необычная карьера А. М. Панкратовой / А. В. Савельев. — М., 2012.

Сидорова, Л. А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков / Л. А. Сидорова. — М., 2008.

Смирнов, А. Ф. Николай Михайлович Карамзин / А. Ф. Смирнов. — М., 2005.

Умбрашко, К. Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX века : в 2 т. / К. Б. Умбрашко. — М., 2006.

Усачев, А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария / А. С. Усачев. — М., 2009.

Фомин, В. В. Ломоносов: гений русской истории / В. В. Фомин. — М., 2006.

Цимбаев, Н. И. Историософия на развалинах империи / Н. И. Цимбаев. — М., 2007.

Чекурин, Л. В. Русский историк Д. И. Иловайский : опыт биобиблиографического исследования / Л. В. Чекурин. — Рязань, 2002.

Чернобаев, А. А. «Грядущее на все изменит взгляд»: Статьи. Выступления. Публикации. 2005—2010 гг. / А. А. Чернобаев. — М., 2010.

Чернобаев, А. А. Историк и мир истории / А. А. Чернобаев. — Саратов, 2004.

Чернобаев, А. А. Историки России XX века : биобиблиограф. слов. : в 3 т. / А. А. Чернобаев. — Саратов ; СПб., 2005—2009.

Шаханов, А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века / А. Н. Шаханов. — М., 2003.

Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : энцикл. : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. — М., 2008—2009.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абалкин Л. И. 438
Абдыкалыков М. 381
Аввакум 151
Август 74
Авдусин Д. А. 385
Аверинцев С. С. 419
Аверкий 85
Аверьев В. Н. 379
Аврех А. Я. 405, 408, 442, 452, 456
Адам Бременский 120
Адамов В. В. 405, 423
Аделунг Ф. П. 160, 161
Адживс М. 467
Адоратский В. В. 339, 340, 348
Аксаков К. С. 177, 202, 205, 206, 228, 229, 245
Аксельрод П. Б. 344
Аксенов А. И. 451
Аксенов В. П. 437
Александр I 129, 150, 164, 167, 220, 236, 237, 259, 284, 285, 354, 454
Александр II 237, 259, 285, 311, 354
Александр III Великий 92, 236, 259, 354
Александр Невский 51, 52, 58, 91, 154, 381, 468
Александров А. В. 28
Александров Г. Ф. 383
Алексеев В. В. 486
Алексеева Г. Д. 33, 364, 391, 413
Алексеев И. И. 35
Алексей Михайлович 74, 75, 84, 91, 119, 257, 259
Алпатов М. А. 86, 104
Альшиц Д. И. 69, 86
Амбарцумов Е. А. 453
Амосов А. А. 69, 86
Ананьич Б. В. 404, 428, 476, 487
Анастасевич В. Г. 161
Анатолев П. И. 370
Андерсон О. 173
Андреев А. И. 117, 122, 387
Андреев И. Л. 86
Андреева Н. А. 437
Андрей Боголюбский 46, 96, 242, 313
Андропов Ю. В. 433, 488
Анисимов Е. В. 452, 487
Анишев А. 346
Анна Иоанновна 105, 108,
Анна Кашинская 84
Антипин Л. И. 137, 500
Антонов В. Ф. 228
Антощенко А. В. 34, 327, 495, 500
Анучин Д. Н. 325
Анфилов В. А. 432
Анфимов А. М. 405
Аракелова М. П. 475
Аргаматов А. М. 148
Аристов Н. А. 252, 253
Арсений 56
Арсланов Р. А. 228
Артемиус 67
Артемова Т. В. 156
Артизов А. И. 391
Арциховский А. В. 385, 400
Арцыбашев Н. С. 28, 160
Аскольд 46, 115
Астахов В. И. 32, 399
Астрахан Х. М. 430
Афанасий 68
Афанасьев Ю. И. 33, 418, 439, 440, 477
Афиани В. Ю. 174, 175, 501
Ахизер А. С. 450
Ахматова А. А. 437

Б

- Бабич И. В. 259
Бабкин В. И. 408
Багалей Д. И. 29, 263, 325, 326
Бавский Д. А. 368
Базилевич К. В. 374, 375, 386, 388

- Байер Г. Э. 18, 116, 124, 131, 132, 137, 141, 289
 Бакулев Г. Д. 404
 Бакунин А. В. 472
 Бакунин М. А. 342, 343, 358, 407, 427
 Балабанов М. С. 344
 Балащов В. А. 35
 Балуев Б. П. 34, 268
 Бантыш-Каменский Н. Н. 127, 147
 Барг М. А. 419, 420, 447, 456, 462
 Бароний 77, 92
 Барсенков А. С. 391
 Барсов А. А. 155
 Бартольд В. В. 339
 Басенки П. Г. 354
 Баталов Э. 453, 472
 Баткин Л. М. 419
 Батый 50–52, 55, 361
 Бахрушин С. В. 349, 353–355, 366, 371, 372, 374, 375, 381, 385, 386, 391, 401
 Бахтин М. Н. 411
 Бахтин М. М. 396
 Бачинин А. Н. 201
 Башилов С. С. 128
 Башкин М. 67
 Бегунова А. Н. 496
 Безобразов П. В. 235, 247
 Безотосный В. М. 486
 Бейлина Е. Э. 472
 Бейль П. 142
 Бек А. А. 436, 438
 Белинский В. Г. 227, 228, 229
 Белов В. И. 436, 437
 Белоусова Г. А. 364
 Беляев И. Д. 242, 243, 249, 250, 268
 Беляев И. С. 325
 Беляев П. И. 351
 Бердяев Н. А. 203, 297, 298, 359, 445, 471
 Бередников Я. И. 28, 287
 Бережков Н. Г. 399
 Березкин А. В. 389
 Беринг В. 124
 Берия Л. П. 370, 438
 Бернулли Д. 105
 Берх В. 160
 Берхин И. Б. 431, 433
 Бесалаев И. Н. 232
 Бескровный Л. Г. 388, 408, 429
 Бессмертный Ю. Л. 175, 418, 474
 Бестужев И. В. 408
 Бестужев-Рюмин К. Н. 28, 29, 91, 200, 246, 260–265, 268, 269, 391, 308
 Бетховен Л. 193
 Бжезинский Э. 446
 Бибииков Г. Н. 378
 Бирон Э. Н. 105, 108, 109
 Биццелли П. М. 359, 363
 Благова Т. И. 228
 Благоев Д. 344
 Блок М. 418, 446
 Блюментрост Л. Л. 125
 Бовин А. Е. 348, 353
 Бовыкин В. И. 404, 409, 429
 Богданов А. П. 85, 86, 451
 Боголец Черноярский 75
 Богомолов О. Т. 438
 Богословский М. М. 288, 292, 340, 349, 351, 354
 Богословский П. С. 350
 Богоявленский С. К. 386
 Бодянский О. М. 178, 266
 Болеслав 96
 Болотников Н. И. 468
 Болотов А. Т. 151
 Болтин И. П. 30, 141–143, 157, 167, 169, 236, 237, 266, 289, 291
 Болховитинов Н. Н. 34, 161, 408
 Бондарев Ю. В. 437
 Бондаренко А. Ф. 489
 Бордюгов Г. А. 33, 453, 456, 458, 477
 Борис Владимирович 42, 43
 Борис Годунов 74, 96, 118, 216, 354
 Борисов Н. С. 451, 487
 Борисов Ю. С. 453, 472
 Борко Ю. А. 472
 Боровский В. В. 342
 Бородкин Л. И. 34, 419
 Боффа Д. 445
 Боханов А. Н. 487
 Бочаров В. В. 472
 Брауншвейгский 148
 Брачев В. С. 328, 364, 391, 500
 Брежнев Л. И. 412, 416, 433
 Бреннер Г. 108
 Бродель Ф. 418, 446
 Брокгауз Ф. А. 326
 Бронштейн В. А. 487
 Брусилов А. А. 454
 Брюс Я. В. 106
 Брянчанинов Н. 362
 Бубнов А. С. 344, 369
 Бубнов Н. М. 296
 Бугай Н. Ф. 494
 Буганов В. И. 64, 399, 407, 451, 468–470, 476

Будаев Д. И. 486
 Бузескул В. П. 500
 Булавин К. 407, 468
 Булгаков М. А. 437
 Булгаков С. Н. 298, 314
 Булдаков В. П. 453, 496
 Бунич П. Г. 438
 Бурджалов Э. Н. 384, 394, 409, 429
 Бурлацкий Ф. М. 438, 453
 Буртин Ю. 438, 453
 Бурцев Т. 107
 Буслаев Ф. И. 271
 Бутенко А. 453
 Бутенко В. И. 431
 Бутков П. Г. 179
 Бутурлин И. В. 83
 Бухарасев В. М. 472
 Бухарин Н. И. 334, 369, 370, 439, 454
 Быстрянский (Ватин) В. А. 413
 Бычков С. П. 35, 328, 364, 500
 Бычков С. С. 364

В

Ваганов Ф. М. 443
 Ваксберг А. И. 438
 Вакулина Е. Н. 268
 Валишевский К. 442
 Валк С. Н. 122, 336, 355, 475
 Ванг Н. Н. 338, 343, 370
 Вандальковская М. Г. 328, 364, 500
 Варлаам 70
 Васенко П. Г. 355
 Василевский А. М. 411
 Василек Константинович 51
 Василек Романович 46, 53
 Василий II Темный 217, 468
 Василий III 259
 Васильев Д. Д. 438
 Васильева О. Ю. 491
 Васильевский В. Г. 308
 Васьковский О. А. 23, 417
 Введенский А. А. 353
 Вдовина Л. Н. 104
 Вебер М. 418, 446
 Венедиктов А. В. 410
 Венелин Ю. 230
 Венцеслав 96
 Вергилий 271
 Вернадский В. И. 360, 362
 Вернадский Г. В. 246, 247, 360–363
 Верт А. 396
 Верт Н. 460
 Веселовский А. Н. 325

Веселовский С. Б. 324, 349, 353, 374, 381, 386
 Вико Дж. 230, 233
 Виленская Э. С. 407
 Виленский Б. В. 408
 Виндельбанд В. 297
 Виноградов В. А. 410
 Виноградов П. Г. 300, 327, 353, 500
 Вишпер Р. Ю. 295, 296, 348, 351, 353–355, 363, 381
 Витте С. Ю. 378, 452, 454
 Владимир Мономах 41, 48
 Владимир Святославич 38, 39, 42, 44, 45
 Владимиров В. П. 34
 Владимирский-Буданов М. Ф. 275, 324
 Владимов Г. 437
 Владислав (Цыпин), протоиерей 491
 Водарский Я. Е. 451
 Водолазов Г. Г. 427
 Вознесенский Н. А. 390
 Войнович В. Н. 437
 Войтинский Н. М. 371
 Волгин В. П. 339, 340, 372
 Волин М. С. 394
 Волк С. С. 407
 Волкогионов Д. А. 473, 476
 Волобуев О. В. 293, 328, 363, 364, 456, 500
 Волобуев П. В. 388, 404, 405, 409, 413, 420–422, 432, 439, 442, 448
 Володина Т. В. 157
 Володихин Д. М. 487
 Вольнский А. П. 109
 Вольтер Ф. М. 135, 138, 142, 146, 147, 151, 155, 163,
 Воронин Н. Н. 385
 Воронцов А. Р. 149, 150
 Ворошилов К. Е. 370, 390
 Воскресенский Ю. В. 411
 Востоков А. Х. 160, 186
 Врангель П. Н. 360
 Всеволод Большое Гнездо 96
 Вульф Х. Р. 91
 Вылцан М. А. 472
 Вяземская Е. А. 164
 Вяткин М. П. 404

Г

Гаврилов Д. В. 451
 Гаджиев К. С. 472
 Галиль И. Х. 160
 Галузо П. Г. 405

- Ганелин Р. Ш. 34, 487
 Гапоненко Л. С. 430
 Гарлиза В. В. 408
 Гарскова И. М. 34
 Гваньини А. 83
 Гегель Г. 203, 249
 Геерен А. Г. 180
 Геллер М. Я. 439, 400, 420, 494
 Гельбрас В. Г. 464
 Гендель Г. Ф. 163
 Генкина Э. Б. 389, 391, 410, 411
 Георгиев Б. А. 430
 Георгий Амартол 39
 Георгий (Ореханов), свящ. 491
 Герасименко Г. А. 23, 35
 Герасимюк В. Р. 410
 Герберштейн С. 97
 Герман А. А. 494
 Геродот 97, 116, 124, 138, 271
 Герцен А. И. 207, 223-228, 232, 342, 352, 378, 427, 428, 472, 475
 Гессен Ю. И. 354
 Гёте В. 163
 Гефтер М. Я. 388, 397, 404, 405, 439, 472
 Гиббон Э. 138, 231
 Гизель И. 76, 77
 Гизо Ф. 176
 Гильфердинг А. Ф. 28,
 Гимпельсон Е. Г. 410, 431
 Гиндин И. Ф. 343, 404, 405, 423
 Гинзбург Е. С. 437
 Гитлер А. 474, 495
 Гладков И. А. 411
 Глазунов И. С. 437
 Глеб Владимирович 42
 Глинка М. И. 257
 Гоббс Т. 92
 Говорков А. А. 328
 Гоголь Н. В. 257
 Голиков И. И. 127, 143—146, 157
 Голицын Б. А. 101
 Голицын В. В. 82
 Головатенко А. Ю. 460, 472
 Головин Н. Н. 359
 Голуб П. А. 410
 Голубев А. В. 472
 Голубцов С. А. 351
 Гомер 130, 271
 Гончий А. Г. 426
 Гораций К. Г. Ф. 271
 Горбачев М. С. 440, 442
 Горбунов М. А. 387
 Гордесв Ф. Г. 154
 Гордон А. В. 451
 Гордон Л. А. 431
 Горин П. О. 371
 Горинов М. М. 453
 Городецкий Е. Н. 381
 Горская Н. А. 34, 376, 391
 Горский А. А. 489
 Горский А. Д. 400, 402
 Горький А. М. 367, 413, 416, 423
 Горюшкин Л. М. 451
 Готье Ю. В. 349, 353—355, 366, 371, 381, 387
 Граве Б. Б. 371
 Градовский А. Д. 220, 248, 304, 308
 Гранат А. Н. 326
 Гранат И. Н. 326
 Гранин Д. А. 436
 Грановский Е. Л. 343
 Грановский Т. Н. 263, 271, 291
 Гребенюк А. В. 445
 Греков Б. Д. 349, 353, 355, 372, 375—377, 386, 388, 391, 400, 401, 424
 Грибоедов А. С. 428
 Грибоедов Ф. И. 74, 85, 86, 110
 Громыко М. М. 451
 Гроссман В. С. 437, 449
 Гроций Гуго 92
 Грунт А. Я. 430
 Губе Р. 230
 Гуковский А. И. 409
 Гумилев Л. Н. 423, 442, 450, 456, 469
 Гуревич А. Я. 396, 418—420, 447, 450, 455, 474
 Гусев К. В. 410, 430
 Гусев С. И. 347
 Гусятников П. С. 408, 429

Д

- Давидович А. М. 429
 Давыдов А. Ю. 496
 Давыдов М. И. 431
 Давидсон А. Б. 499
 Далин В. М. 370, 418
 Дамаскин (Орловский), игумен 491
 Даниил Галицкий 46, 53
 Даниил Романович 46, 53
 Даниил Рязанец 68
 Даниил, митр. 67
 Данилевский И. Н. 64
 Данилевский Н. Я. 64, 76, 255—257, 268, 269, 501

Данилов А. А. 495
 Данилов В. П. 397, 431, 452, 470, 490, 497
 Данилова Л. В. 402
 Дворниченко А. Ю. 451, 589, 500
 Деборин А. М. 337
 Делиль Ж. Н. 105
 Демкин А. В. 451
 Демочкин Н. Н. 409
 Деникин А. И. 359
 Денисов А. 103
 Дербов Л. А. 157
 Деревянко А. П. 451, 499
 Державин Г. Р. 164
 Джаксон Т. Н. 137
 Джонсон Р. 71
 Джебе 49
 Дидро Д. 151
 Дильтей Ф. Г. 155
 Дир 46, 115
 Длугош 97
 Дмитренко В. П. 431, 448, 452
 Дмитриев И. И. 164
 Дмитриев Л. А. 64
 Дмитриев С. С. 247
 Дмитриева И. А. 157
 Дмитрий Донской 468
 Дмитрий Иванович 64
 Дмитрий Константинович 46, 56
 Дмитрий Самозванец 153
 Добролюбов Н. А. 378, 407, 428
 Довнар-Запольский М. В. 29
 Дойчер И. 445
 Долгово Н. 73
 Достоевский Ф. М. 171
 Доценко Е. Н. 453
 Драбкин Я. С. 397
 Дробижев В. З. 396, 411
 Дружинин Н. М. 387, 388, 402, 403, 426, 434, 499
 Дубровский А. М. 391
 Дубровский С. М. 338, 340, 343, 347, 363, 371, 392, 400, 405, 413, 464, 501
 Дудинцев В. Д. 436
 Думин С. В. 452
 Дурновцев В. И. 201
 Дьюкс П. 446
 Дьяконов М. А. 353
 Дэн Сяопин 465
 Дюби Ж. 418, 446
 Дюркгейм Э. 471
 Дякин В. С. 405, 451

Е

Евгений, митр. (Болховитинов Е. А.) 161
 Евгеньева М. 442
 Евзеров Р. 465
 Евиатий Коловрат 50
 Евреинов Б. Е. 358
 Евстратова А. И. 475
 Евфросиния Полоцкая 49
 Егоров А. И. 346
 Егоров Д. Н. 340
 Ежов Н. И. 438
 Екатерина I 239, 244
 Екатерина II Великая 138, 140, 142, 146–152, 155, 168, 220, 245, 252, 266, 284, 307, 310, 360, 378
 Елагин И. П. 236
 Елиазаров Н. А. 403
 Елизавета Петровна 118, 119, 126, 142, 239, 244, 352
 Елисеев Г. З. 252
 Елисеев К. 75
 Елисеева О. И. 487
 Ельцин Б. Н. 461
 Емсельянов Ю. Н. 34
 Емельянов-Лукиянчиков М. А. 268
 Ерасов Б. С. 465
 Ермак Т. 71, 72
 Ерман Л. К. 409
 Ермолай Прегрешный 67
 Ерошкин Н. П. 429
 Ерытин А. Н. 464
 Ефименко А. Я. 248
 Ефремов А. В. 268, 501
 Ефрон И. А. 326
 Ешевский С. В. 28

Ж

Жарова Л. Н. 460
 Жданов А. А. 469
 Жекулин Н. С. 358
 Желябужский И. А. 85
 Жигулин А. В. 437
 Жилин П. А. 408, 432
 Жиромская В. Б. 480
 Жуков В. И. 477
 Жуков Г. К. 411, 412
 Жуков Е. М. 420
 Жуков Ю. Н. 488
 Жуковский В. А. 164
 Журавлев В. В. 448, 458, 485
 Журавлев С. В. 495

З

Забелин И. Е. 254, 268, 269, 291
Заболотный Е. Б. 23, 33, 35, 413, 432, 456, 477, 497, 501
Заборовский С. И. 77
Загладин Н. В. 472
Зайончковский П. А. 387, 388, 403, 407, 408, 429, 432
Зализняк А. А. 487
Залыгин С. П. 436
Замятин Е. И. 437
Заозерская Е. И. 386, 426
Зарубин Н. Н. 465
Заславская Т. И. 438
Захаров М. В. 432
Захарова Л. Г. 408, 452
Зверева Г. И. 455, 456, 502
Зданович А. А. 488
Зевин В. Я. 432
Зеленов М. В. 201, 336, 364, 501
Зельцер В. С. 370
Зиборов Г. 465
Зимин А. А. 70, 397, 398, 400, 407, 413, 423, 424, 442, 496
Зиновьев А. С. 28, 437
Зиновьев Г. Е. 446
Злотников М. Ф. 408
Знаменский О. Н. 409, 430
Зодотарев П. А. 75, 76
Зотов Н. 91
Зубкова Е. Ю. 453, 467, 487
Зырянов П. Н. 469

И

Иван III 96, 100, 114, 118, 120, 168, 169, 190, 217, 234, 253, 259, 310, 354, 375
Иван IV Грозный 67, 68, 69, 73, 82, 86, 91, 117, 118, 144, 152, 169, 182, 196, 210, 216, 217, 243, 259, 310, 313, 354, 363, 375, 381, 386, 400–402, 413, 456, 469
Иван V 106
Иван Калита 57, 59, 103
Иванов В. В. 447
Иванов Л. М. 405, 408
Иванов М. И. 363
Иванов М. М. 154
Иванов Н. А. 263
Иванов Н. Я. 409
Иванов П., худ. 173
Иванова Н. 438

Иванова Н. А. 451
Иванова Т. В. 363
Иванов-Разумник Р. В. 355
Иванцова О. К. 363
Ивницкий Н. А. 431
Игорь Святославич 46–48, 59, 139, 172, 173, 183, 397
Игрицкий Ю. И. 418, 454, 472
Изяслав Мстиславич 154
Иконников В. С. 28, 263, 264, 266–268, 325
Илизаров Б. С. 488
Илизаров С. С. 137, 153, 501
Илларион, митрополит 43–45
Иллерицкая Н. В. 228, 268
Иллерицкий В. Е. 22, 32, 247, 399, 501
Иловайский Д. И. 257–259, 268, 326, 503
Ильин В. В. 464, 472
Ильин Н. А. 445
Ионов Н. Н. 460, 464
Иосиф Волоцкий 66, 103
Иоффе Г. З. 418, 430
Ирошников М. П. 122
Искендеров А. А. 458, 459
Искра Л. М. 228
Истомин К. 82
Итенберг Б. С. 407
Ишимова А. О. 171

К

Кабанов В. В. 431
Кабытов П. С. 451
Кавелин К. Д. 200, 207–214, 217, 221–223, 228, 229, 232, 234, 241, 242, 261, 502
Каганович Б. С. 392
Каганович Л. М. 370
Кадочникова Т. 453
Каждан А. П. 419
Казакова И. А. 407
Кайдаш С. Н. 455
Какурин Н. Е. 346
Калайдович К. Ф. 161, 166, 186
Калачов Н. В. 185, 260, 261
Калинина С. Г. 157
Каменев Л. Б. 346
Каменев С. С. 346
Каменский А. Б. 122, 137
Камкин А. В. 451
Камынин В. Д. 23, 33–35, 413, 432, 456, 477, 497, 501
Кандель П. 465

- Канев С. Н. 430
 Канищева Н. И. 328
 Канкрин Е. Ф. 161
 Кант Э. 163
 Кантор В. К. 228
 Капустин Б. Г. 464
 Капустин М. 453
 Карамзин Н. М. 21, 27, 28, 162—176, 180, 181, 184-186, 192, 232, 234, 236—238, 242, 243, 246, 258, 264, 265, 271, 289—291, 442, 503
 Карсеев Н. И. 296, 299, 351
 Карл IX 97
 Карл XII 94, 98
 Карл Великий 286
 Карпачев М. Д. 464
 Карпов Г. Г. 432
 Карпов С. П. 499
 Карпов Ф. 67
 Карпович М. М. 362
 Карр Э. 445
 Карсавин Л. П. 298, 348, 350, 359, 446
 Карский Е. Ф. 339
 Карякин Ю. Ф. 438
 Касьяненко В. И. 431, 433
 Кафенгауз Б. Б. 386, 387
 Качалов Н. В. 360, 361
 Каченовский М. Т. 28, 176—179, 191, 192, 200, 201, 260, 263
 Качеони Т. 176
 Каптанов С. М. 400, 489, 500
 Квинт Курций 92
 Кизевеггер А. А. 296, 328, 348, 356, 499
 Ким М. П. 389, 411, 431
 Ким М. Ф. 410
 Кин Д. Я. 368, 371
 Кинкулькин А. Т. 452
 Кипянина Н. С. 430
 Кип Д. 502
 Киприан Старорусенков 71
 Кирсева Р. А. 229, 265, 268, 270, 273, 293, 502
 Киреевский И. В. 202-204, 228
 Кирилл 38, 51, 52, 75
 Кирилл Туровский 161
 Киров С. М. 369
 Кирсанова Е. С. 328, 502
 Кирьянов Ю. И. 405, 429
 Киселев В. 453
 Киселев П. Д. 403, 413
 Кислицын С. А. 483
 Китанина Т. М. 404, 451
 Клибанов А. И. 407, 451
 Климент (Капалин), митр. 491
 Клопов Э. В. 431
 Клосс Б. М. 86
 Ключевский В. О. 21, 28, 30, 126, 202, 235, 246, 247, 265, 266, 270—294, 296, 299, 300, 309, 311, 321, 324—326, 329, 351, 353, 359, 378, 428, 442, 493, 500, 502
 Клямкин И. М. 438
 Кляцкин С. М. 410
 Кнабе Г. С. 420
 Кнорин В. Г. 371
 Княжнин Я. Б. 153
 Кобрин В. Б. 442, 452, 456, 469
 Ковалевский М. М. 296
 Ковалевский П. Е. 356
 Ковальченко И. Д. 24, 27, 35, 247, 396, 403, 407, 413, 418, 419, 426, 432, 447, 448, 456, 458, 482
 Коган Л. А. 407
 Кожин В. В. 438
 Козлов А. И. 440, 451
 Козлов В. А. 453, 456, 458, 466, 467
 Козлов В. П. 174, 175, 487
 Козлов Г. 453
 Козлова Н. В. 104
 Козловский В. В. 465
 Козловский М. И. 154
 Козляков В. Н. 86
 Козьмин Б. П. 344
 Колесник И. И. 157
 Колумб Х. 160, 175
 Комин В. В. 410
 Комисаренко А. И. 157
 Кондаков Н. П. 356, 357, 360
 Кондауров В. 453
 Кондорсе Ж. А. 138
 Константин Багрянородный 116
 Константин Великий 45, 49
 Конт О. 248, 300, 304, 322, 377
 Кораблев Ю. И. 430, 454
 Корелин А. П. 490, 497
 Корещкий В. И. 70, 424
 Корзун В. П. 23, 34, 35, 328, 364, 413, 432, 457, 477, 486, 497, 500, 502
 Косарев А. В. 454
 Косминский Е. А. 14, 340
 Костин А. Ф. 429
 Костомаров Н. И. 252—254, 260, 266, 268, 271, 309, 499
 Косыгин А. Н. 488
 Котляров А. Н. 144, 145, 156
 Котошихин Г. К. 72

- Кочин Г. Е. 400
 Кошелев А. И. 203
 Кошелева О. Е. 495
 Коэн С. 439, 445
 Коялович М. О. 29, 238, 261, 264–266, 268–270
 Красильщиков В. А. 465
 Краснопевцев Л. 394
 Крашенинников С. П. 126, 127, 152
 Крестинин В. В. 143, 144, 146, 157
 Кривова Н. А. 491
 Кривоногов В. Я. 402
 Кривошеев Ю. В. 394, 489
 Крицман Л. Н. 346
 Крупина Т. Д. 387
 Крулская Н. К. 346, 440
 Крушанов А. И. 410
 Крылов Н. И. 208
 Крюйс К. И. 90
 Крюков Д. Л. 232
 Ксенофонт 97, 271
 Кудрявцев И. А. 22, 32, 271
 Кудрявцев М. 74
 Кузнецов И. Н. 483
 Кузнецов И. С. 472
 Кузнецов Н. Д. 376
 Кузнецова О. В. 486
 Кузьмин А. Г. 64, 122, 451
 Кузьмин Б. П. 407
 Кузьмин В. И. 411, 431
 Кулаков А. А. 494, 497
 Кулшов С. В. 442, 456, 464
 Кунаков Г. 74
 Кунина А. В. 389, 445
 Куперт Ю. В. 472
 Куприянов А. И. 467, 487
 Купрянин Г. Л. 465
 Куракин Б. И. 91, 99–101
 Курбатов Г. Л. 451
 Курбский А. М. 67, 82, 266
 Кутузов М. И. 378, 380
 Куценко И. Я. 451
 Кучкин В. А. 487
- Л**
- Ла Порт Ж. де 232
 Лабузов В. А. 23, 35
 Лаврычев В. Я. 404, 409, 427, 429
 Лаврентий, монах 45, 47
 Лавров В. М. 496
 Лавров П. Л. 299, 322, 407
 Ланда С. С. 427
 Лаппо-Данилевский А. С. 11, 29, 78, 263, 296, 297, 300, 304–308, 323, 325–329, 351, 353, 446, 484, 501, 502
 Ларин Ю. 343
 Ларина А. М. 370
 Ларичев В. Е. 499
 Лафатер И. К. 163
 Лацис О. Р. 438
 Лачаева М. Ю. 23, 25, 35, 64, 104, 501
 Лашников И. В. 21, 28, 263
 Ле Гофф Ж. 418, 446
 Лебедев В. И. 372
 Лебина Н. Б. 475, 496
 Левин Ш. М. 407
 Леви-Стросс К. 418
 Лейкина-Свирская В. Р. 407
 Леклерк Н. Г. 142
 Лельчук В. С. 452
 Лемке М. К. 355
 Лешин В. И. 30, 160, 317–320, 327–329, 334, 335, 337, 342, 346, 347, 362, 370, 372, 384, 394, 395, 406, 416, 429, 430, 432, 448, 449, 453, 473, 488
 Леонтович Ф. И. 220
 Леонтьев П. М. 271
 Леонтьева О. Б. 329, 502
 Лефорг Ф. Я. 101
 Либрович С. 442
 Лидак О. А. 370
 Лисичкин Г. 438
 Лисичкин С. М. 404
 Литвак Б. Г. 407, 426, 451, 452, 456, 477, 502
 Литвин А. Л. 502
 Лихачев Д. С. 64, 103, 171, 377, 385, 399, 451
 Лихачев Н. П. 325, 366
 Личман Б. В. 461, 483
 Лобанов-Ростовский А. Б. 325
 Логунов А. П. 33, 456, 477, 501
 Локшин Э. Ю. 389
 Ломоносов М. В. 13, 14, 76, 105, 126, 130–137, 154, 170, 172, 173, 181, 236, 266, 493, 500, 503
 Лопухина А. Ф. 99
 Лопухины 101
 Лосенко А. П. 154
 Лотман Ю. М. 170, 175
 Лохина Т. В. 501
 Лукин Н. М. 337, 340, 371
 Лукьянов П. М. 404
 Лунин М. С. 355
 Лурье М. А. 371

Лурье Я. С. 407
Лызлов А. И. 82–86
Любавский М. К. 278, 325, 326, 340,
349, 350, 353, 366, 499
Людвик XVI 163, 237
Лютер М. 163
Лямина Е. Э. 495
Лященко П. И. 337, 387, 407

М

Мабильон Ж. 102
Мабли Г. Б. 138, 149
Мавродин В. В. 104, 374, 386, 387, 407,
500
Маджаров А. С. 269
Маевский И. В. 411
Макагоненко Г. П. 387
Макарий Желтоводский 75
Макарий, митр. 68, 503
Макарихин В. П. 23
Макаров Н. А. 499
Маковский Д. П. 402
Максим Грек 87
Максимович И. О. 76
Макушин А. В. 329, 502
Малахинов П. И. 403
Малинов А. В. 269, 329, 501, 502
Малиновский А. Ф. 127, 166
Мамай 64
Мамардашвили М. К. 472
Манкис А. И. 95–97, 104, 110, 127,
170, 236
Манфред А. Э. 430
Маньков А. Г. 407
Мария-Антуанетта 163
Марк К. 296, 314, 322, 335, 347, 372,
377, 398, 416, 448, 449, 453
Мартин 103
Мартов Ю. О. 344, 472
Маргоз Н. П. 172
Марушкин Б. И. 418
Масарик Т. 356
Матвеев А. С. 72–73, 148
Матинский М. А. 156
Матюгин А. А. 431
Мау В. А. 472
Медведев Р. А. 488
Медведев С. А. 77–79, 85
Медведева Т. В. 501
Медушевская О. М. 482, 484, 497
Медушевский А. И. 464
Меерсон Г. Е. 342

Мезин С. А. 157
Мельгунов С. П. 348, 355, 359, 445, 499
Меншиков А. Д. 126
Мерсье П. 142
Мефодий 38
Микоян А. И. 370
Милеску-Снафарий Н. Г. 73
Милибанд С. Д. 486
Миллер В. Ф. 325
Миллер Г. Ф. 18, 97, 125–128, 131,
132, 136, 137, 139, 141, 147, 151, 177,
186, 237, 289, 501
Милль Д. 248
Митов Л. В. 426, 432, 447, 448, 469,
491, 497
Милорадович Г. А. 325
Милот К. 232
Мильков В. В. 64
Милтоков П. Н. 21, 29, 30, 296, 300–
304, 325, 326, 328, 329, 356, 359, 362,
363, 472, 499, 502
Милютин В. 413
Минин К. 172, 381
Мишц Н. И. 32, 338, 368, 381, 409, 417,
430.
Мирабо О. Г. Р. 163
Мироненко М. П. 501
Мироненко С. В. 452
Миронов Ф. К. 454
Михаил Всеволодич 46, 54
Михаил Тверской 55
Михаил Федорович 73–75, 114, 120,
154, 259
Михаил Ярославович 47
Михайлова Е. Е. 293, 329, 502
Михайловский Н. К. 299, 304, 322
Михаэлис И. Д. 102
Мишина И. А. 460
Могильницкий Б. Г. 10, 35, 329, 413,
447, 448, 497, 502
Можасв Б. 436
Можасва Г. В. 34, 144, 145, 157
Мозехин О. Б. 488
Моладин В. И. 451, 499
Монтескье Ш. Л. 138
Монфокон Б. 102
Мор Т. 377
Морозов А. Ю. 293, 363
Морозов Б. И. 350
Морозов В. В. 86, 502
Морозов Л. Ф. 411, 431
Мороховец Е. А. 343, 345
Моряков В. И. 452

Мочалов В. Д. 403
 Мошков Ю. А. 411
 Мстислав Владимирович 39
 Мстислав Романович 49
 Мстислав Торонецкий 239
 Мунчаев Р. Ш. 499
 Муравьев В. А. 27, 32, 35
 Мусин-Пушкин А. И. 139, 157
 Мухин А. А. 429
 Мыркова А. В. 228
 Мэтьюс М. 458
 Мягков Г. П. 472
 Мясников В. С. 464, 499

Н

Набоков В. В. 427
 Надеждин Н. И. 28, 179, 191, 260, 262, 264
 Найда С. Ф. 394
 Найденов М. Е. 407
 Найденкова А. П. 496
 Наполеон I Бонапарт 290, 378, 391
 Нарочницкий А. Л. 408
 Нарский Н. В. 495
 Нартов А. А. 138, 139
 Нарышкин Л. Н. 101,
 Насонкина Л. Н. 427
 Насонов А. Н. 64
 Наталья Кирилловна 91
 Наумов В. П. 448
 Наумова Г. Р. 23, 34, 35, 65, 85, 457, 477, 502
 Нахимов П. С. 378
 Небезин В. А. 466
 Неволин К. А. 351
 Невский В. И. 336, 337, 344, 345, 348, 353, 364, 368, 370, 499
 Некрасов В. П. 437
 Некрасова М. Б. 137
 Некрич А. М. 397, 398, 420, 439
 Ненароков А. П. 448, 487
 Нестеренко А. А. 404
 Нестор 39—42, 63, 77, 115, 129—131, 137, 140, 352, 491
 Нечаев С. Г. 342
 Нечкина М. В. 31, 270, 292, 293, 338, 342, 372, 383, 387, 388, 391, 402, 408, 427, 428, 432, 494
 Никандров П. Ф. 387
 Никитин Н. Н. 154
 Никифоров Л. А. 387
 Николаевский Б. И. 499

Николай I 237, 259, 284, 285, 354
 Николай II 259, 285, 352
 Никон, монах 39
 Никон, патриарх 102
 Ницше Ф. 446
 Новиков Л. Н. 464
 Новиков М. П. 451
 Новиков Н. Н. 127, 139, 146—148, 162, 163
 Новоселов Д. С. 363
 Новосельский А. А. 388
 Новосельцев А. П. 400, 451
 Носов Н. Е. 419
 Носовский Г. В. 487
 Нуйкин А. А. 438

О

Оболенская С. В. 450
 Огарев Н. П. 378, 427, 428
 Олег 40, 41, 60, 154, 183, 184,
 Ольга 40, 44, 46, 116, 173, 195
 Ольминский М. С. 335, 342, 344
 Ольховский Е. Р. 475
 Омельченко И. Л. 451
 Оников Л. А. 431
 Опёкин Л. А. 500
 Ортега-и-Гассет Х. 446
 Осадченко Б. А. 486
 Осипова Т. В. 431
 Осокина Е. А. 475
 Островский В. П. 460
 Острогорский Г. А. 357
 Остроухов П. А. 358
 Оттокар Н. П. 339

П

Павел I 150, 187, 454
 Павел Маровский 80
 Павленко Н. И. 201, 487, 502
 Павленков Ф. Ф. 487
 Павлов-Сильванский Н. П. 240, 300, 312, 313, 325, 328, 351
 Пажитнов К. А. 354, 404
 Палицын А. 144
 Папарин А. С. 464
 Панеях В. М. 502
 Панкратова А. М. 338, 372, 379, 381, 384, 385, 389, 391, 394, 402, 408, 413, 503
 Пантин И. К. 427, 450
 Панфилова А. М. 411
 Панченко А. М. 465

- Парадизов П. П. 370
 Парамонова М. Ю. 502
 Паскаль Б. 147
 Пастернак Б. Л. 437
 Пастухов В. Б. 465
 Пахомий Лагофет 63
 Пашуто В. Т. 388, 400
 Пересветов И. С. 67
 Перетц В. Н. 401
 Перовская С. Л. 472
 Першин П. Н. 410, 411
 Пестель П. И. 358
 Петр I Великий 11, 59, 88—101,
 105—107, 109, 119, 123, 127, 134, 135,
 140, 141, 144, 145, 147, 152, 168, 169,
 182, 186, 190, 191, 195—197, 200, 204,
 210—212, 217, 221—222, 224, 236—238,
 244, 247, 252, 253, 256, 259, 264, 284, 286,
 300, 307, 309, 310, 313, 316, 317, 321, 328,
 354, 358, 361, 381, 382, 387, 468, 470
 Петр Бориславич 423
 Петренко Е. Л. 363
 Петров П. Н. 451
 Петров Ю. А. 503
 Петров Ю. П. 394, 410
 Петрушевский Д. М. 295, 351
 Пештич С. Л. 32, 122, 399
 Пивовар Е. И. 34
 Пивоваров Ю. С. 269
 Пикуль В. С. 437
 Пильняк Б. А. 437
 Пионтковский С. А. 345, 368, 370
 Пирумова Н. М. 427
 Писарев Д. И. 378
 Пискотин М. И. 454
 Пихоя Р. Г. 35, 104, 364, 495, 497, 501
 Пичета В. И. 340, 349, 354, 355, 386, 499
 Пияшева Л. И. 438
 Платонов Д. 437
 Платонов О. А. 465
 Платонов С. Ф. 30, 270, 275, 296, 300,
 308—312, 324, 326, 328, 336, 340, 349,
 353, 354, 363, 366, 375, 498, 499
 Плеханов А. М. 488
 Плеханов Г. В. 29, 314—317, 322, 328,
 329, 342, 344, 394, 472
 Плимак Е. Г. 448, 450
 Плюшар А. А. 265
 Погодин М. П. 28, 70, 179, 184,
 191—201, 202, 232—234, 242, 243, 262,
 291, 502
 Погодин С. И. 329, 502
 Погорельский В. П. 411
 Погребинский А. П. 404
 Подьяпольская Е. П. 407
 Пожарский Д. М. 172, 381
 Покровский В. С. 387
 Покровский М. Н. 30, 270, 320, 321,
 328, 329, 334, 337—348, 363, 365—367,
 369—371, 391, 442
 Покровский Н. Н. 394, 481
 Полевой Н. А. 176, 179, 184—193, 200,
 201
 Поликарпов В. В. 413, 432
 Поликарпов В. Д. 430
 Поликарпов Ф. П. 94, 95
 Полонский В. П. 343
 Полторацк С. Н. 488, 494
 Полунин Ф. А. 139
 Поляков Ю. А. 23, 34, 380, 410, 411,
 431, 452, 457, 458, 493, 502
 Пономарев Б. Н. 395, 413
 Попков Ю. С. 431
 Попов В. П. 495
 Попов Г. Х. 438, 454
 Попов Н. И. 126
 Попов Н. Н. 344, 371
 Поршнев Б. Ф. 396
 Посошков И. Т. 104
 Поспелов П. Н. 371, 413, 421
 Потемкин В. П. 388
 Потемкин Г. А. 141
 Потресов А. Н. 344
 Прасковья 106
 Прево А. 173, 174
 Преображенский А. А. 34, 460
 Преображенский П. Ф. 340
 Пресняков А. Е. 246, 340, 349—355,
 363, 364, 500
 Пригожий А. Г. 370
 Присёлков М. Д. 65, 324
 Приставкин А. И. 436
 Прокопович Феофан 88, 93, 94, 104
 Прокопович-Антонский А. А. 152
 Пронин А. А. 364
 Пронштейн А. П. 402
 Протасова Е. И. 164
 Пруцкова О. А. 466
 Прыжов И. Г. 252
 Пряденин В. С. 26, 35
 Пугачев Е. И. 149, 224, 245, 341, 468,
 472
 Путин В. В. 480, 489
 Пуффендорф С. 92, 110
 Пушкарев Л. Н. 86
 Пушкарев С. Г. 356—358

Пушкарева Н. Л. 454, 455, 496
Пушкин А. С. 145, 162, 170, 257, 266
Пыжиков А. В. 495
Пясковский А. В. 409

Р

Рабинович А. 445
Радзинский Э. С. 467
Радищев А. Н. 148–150, 156, 167, 313, 342, 355, 378, 387
Радек К. 369
Разгон И. М. 381
Разин С. Т. 75–100, 468, 472
Разумихин П. 173
Ракитов А. И. 464
Рамазанов С. П. 329, 457
Ранке Л. 230
Рапов О. М. 451
Раскольников Ф. Ф. 437
Расоковский Д. А. 357
Распутин В. Г. 437
Рашин А. Г. 408, 411
Рейхель И. 147
Ремезов С. У. 71
Репина М. П. 455, 456, 501, 502
Репников А. В. 268
Ржешевский О. А. 453, 496
Риккерт Г. 297
Римский-Корсаков И. А. 79–82
Рогнеда 154
Рогожин Н. М. 156, 468, 489
Рождественский С. В. 353, 366
Рожков Н. А. 30, 296, 322–324, 328, 329, 334, 341, 344, 347, 348, 363, 499, 500
Рожкова М. К. 427
Розенталь И. С. 329
Роллен 155
Романенко Е. В. 496
Романов Б. А. 354, 385, 388, 499
Романовский Н. В. 418
Романовы 440, 444, 466, 469, 481
Ромодановский Ф. Ю. 101
Ронин С. Л. 343
Ростислав Мстиславович 103
Ростовцев Е. А. 329, 502
Ростовцев М. И. 356
Рубан И. В. 410
Рубач М. А. 370
Рубинштейн Н. Л. 11, 30, 124, 383, 387, 402
Рудницкая Е. Л. 407

Румянцев Н. П. 130, 160, 161, 186
Румянцев П. А. 148, 381
Румянцева М. Ф. 482
Руссо Ж. Ж. 138, 149
Рыбаков А. Н. 436
Рыбаков Б. А. 65, 385, 391, 400, 420, 423, 424, 460
Рыбаков Ю. А. 426
Рыков А. И. 454
Рындзюнский П. Г. 378, 404, 407
Рюрнк 73, 96, 100, 114, 116, 120, 128, 133, 134, 168, 169, 182–184, 195, 207, 234, 469
Рюриковичи 73, 128, 240,
Рютин М. Н. 437
Рябов А. 465
Рязанов Д. Б. 335, 338
Рясенцев К. В. 201

С

Сабенникова И. В. 364
Савельев М. А. 371
Савицкий П. Н. 360, 363
Савич А. А. 353
Савкин П. 465
Савченко С. В. 325
Садиков П. А. 386
Салюстий 271
Салов В. И. 418
Салтыков И. П. 192
Самарин Ю. Ф. 200, 203, 205, 206, 228, 265
Сахаров А. М. 22, 32, 34, 400
Сахаров А. Н. 34, 157, 174, 175, 229, 247, 268, 328, 445, 454, 456, 469, 479, 497
Сахаров Е. В. 65
Свердлов М. Б. 122
Свердлов Я. М. 337, 373
Святицкий Н. В. 356
Святополк 42
Святополк-Мирский Д. П. 362
Святослав Всеволодич 48
Святослав Ярославович 42
Святослав Игоревич 39, 361
Севастьянова А. А. 146, 157
Севастьянов Г. Н. 34, 457
Седов М. Г. 407
Селунская В. М. 410, 411
Селунская Н. Б. 464, 465
Селюнин В. 438
Семевский В. П. 30, 248, 354, 499
Семенникова Л. И. 460, 464

- Семенов Ю. И. 464
 Семко О. М. 445
 Сенчакова Л. Т. 429
 Сенявин Н. А. 90
 Сербина К. Н. 426
 Сергеевич В. И. 220, 248, 261, 275
 Сергиевский Н. Л. 344
 Серебрянников В. В. 488
 Сидоренко В. И. 494
 Сидоров А. В. 364
 Сидоров А. Л. 343, 388, 404, 405, 413, 422
 Сидорова Л. А. 383, 392, 394, 413, 414, 503
 Сильвестр 39, 46, 62, 77
 Симеон Полоцкий 77, 78
 Симон Старовольский 83
 Симония Н. А. 453, 454, 501
 Синицын О. В. 329
 Сиполе В. Я. 432
 Сироткин В. Г. 408
 Сисмонди Ж. 231
 Сказкин С. Д. 344, 430
 Скворцов-Степанов И. И. 339
 Скорина Ф. 454
 Скрынников Р. Г. 401, 424, 451, 487
 Слонимский А. Г. 429
 Слущкий А. Г. 368, 371
 Смахов Б. М. 411
 Смирнов А. А. 486
 Смирнов А. Ф. 175, 503
 Смирнов В. В. 454
 Смирнов Г. М. 460
 Смирнов И. И. 374, 386, 400, 407
 Смирнов П. П. 376, 385, 386
 Смирнова М. И. 13, 157,
 Соболев П. Н. 410
 Соболевский А. Н. 325
 Соргин В. В. 445, 465
 Софмонов Ф. И. 90
 Соколов В. Ю. 364
 Соколова М. Н. 418
 Сокольников Г. Я. 454
 Солженицын А. Н. 437, 449, 462
 Соловей В. Д. 457
 Соловьев В. С. 446
 Соловьев К. А. 363
 Соловьев С. М. 28, 29, 30, 193, 207, 208, 230–247, 263, 264, 270–273, 277, 287, 289–291, 353, 442
 Соловьев Ю. Б. 429, 451
 Соловьева А. М. 404
 Соловьева Е. И. 427
 Соловьев И. А. 446
 Солоухин В. А. 437, 449
 Соничева Н. Е. 361
 Сорин В. Г. 371
 Сорокин П. А. 355, 446
 Софья Алексеевна 78, 81, 97, 101, 135,
 Софья Палеолог 238
 Спенсер Г. 248
 Сперанский М. М. 167, 168, 358
 Спирин Л. М. 410, 430, 431
 Сипцын А. А. 324, 325
 Срезневский И. И. 325
 Ставицкий И. В. 430
 Сталин И. В. 30, 334, 346, 365, 367–372, 379, 381, 383, 389–391, 394, 395, 412, 416, 437–440, 449, 453, 473, 481, 488, 493, 495, 501, 502
 Станиславская А. С. 408
 Станиславский А. Л. 451
 Станкевич Н. В. 178
 Стариков Н. В. 414
 Старков Б. А. 460, 488
 Старцев В. И. 410, 429, 460, 475, 477, 494
 Старчевский А. В. 28, 263
 Стаханов А. Г. 379
 Стеклов Ю. М. 342, 343
 Степанов Н. В. 325
 Стенун Ф. А. 358
 Стефан, игумен 42
 Стефанович П. С. 496
 Стишов М. И. 410
 Столыпин П. А. 452, 454, 456
 Страбон 116
 Стратеман В. 92
 Страхов Н. Н. 171
 Страхов П. Н. 152
 Стреляный А. 438
 Стрешнев Т. Н. 101
 Строганов А. С. 172
 Строганов С. Г. 192, 232, 233
 Строгановы 71, 233, 350, 353
 Строев В. М. 173
 Строев П. М. 160, 161, 166, 178, 186, 287
 Стрюков А. А. 431
 Струве П. Б. 291, 314, 318, 363, 472
 Струмилин С. Г. 378, 386, 402
 Стрыйковский М. 77, 83, 91, 97
 Субсей 49
 Суворов А. В. 381
 Суворов В. (Резун) 466, 474
 Сумароков А. П. 126, 153

Суслов М. А. 413
Суханов Н. Н. 344
Суходеев В. В. 488
Сыроечковский Б. Е. 388
Сыромятников Б. И. 381, 387
Сытин И. Д. 171, 327

Т

Талейран Ш. М. 378
Тамерлан 61
Тарасова Н. Н. 239
Тарле Е. В. 339, 340, 349, 351, 354, 366,
371, 377, 378, 381, 382, 388, 391, 392,
499
Тарновский К. Н. 397, 404–406, 414,
422, 439, 442
Тартаковский А. Г. 408
Татаров И. Л. 370
Татищев В. Н. 21, 27, 28, 105–122, 124,
127, 131, 133, 139, 167, 168, 170, 181,
182, 236, 237, 266, 271, 442
Татищев Н. А. 106
Тацит 151
Твардовский А. Т. 437
Творогов О. В. 64
Телицын В. Л. 422, 432
Тельпуховский Б. С. 387
Теодорович И. А. 366, 367
Тертышный А. Т. 483
Тимофеев И. 70, 151
Тимошенко В. В. 405
Титаренко М. Л. 499
Тихвинский С. Л. 499
Тихомиров Б. Н. 370
Тихомиров М. Н. 31, 65, 385, 391, 399,
401, 414
Тихонова Е. Ю. 229
Тишков В. А. 499
Ткачев П. Н. 407
Тойнби А. 446
Толстой Л. Н. 171, 257
Томсинский С. Г. 338, 370
Томский М. П. 454
Топорков В. Н. 396
Топоров В. Н. 450
Торопицын И. В. 122
Тохтамыш 60, 61
Трапезников С. П. 397, 411, 413, 433
Третьяковский В. К. 236
Третьяков И. А. 152
Трибунский П. А. 329, 502
Трифонов И. Я. 410, 411, 431

Трифонов Ю. В. 436
Троицкий Н. А. 427, 487
Трофимов А. В. 483
Троцкий Л. Д. 334, 345, 346, 440, 454,
473
Трубецкой Н. С. 359, 363, 364
Трукан Г. А. 430, 452, 472, 477
Туган-Барановский М. И. 314
Тункина И. В. 500
Турилов А. А. 452
Тухачевский М. Н. 346
Тьерри О. 176, 186, 230
Тютюкин С. В. 328, 329, 458

У

Угрюмов Г. И. 154
Удальцов А. Д. 339
Ульянов Н. И. 445
Умбрашко К. Б. 201, 503
Урилов И. Х. 487
Усанов В. И. 23, 35
Усачев А. С. 489, 503
Успенский Б. А. 396
Устрялов Н. Г. 28, 260, 263, 266
Устюгов Н. В. 386
Утехин И. В. 496
Уткин А. И. 13, 465
Ушаков А. В. 429
Ушаков А. И. 458

Ф

Фадеев А. В. 408
Файн Л. Е. 431
Фармаковский Б. В. 324
Фатеев А. Н. 358
Февр Л. 446
Фединин В. К. 431
Федор Алексеевич 75, 77, 91
Федор Иванович 96
Федосов И. А. 460
Федотов А. Ф. 263
Федотов Г. П. 275, 358, 363, 364
Федотова В. Г. 465
Фейгина С. А. 387
Феодосий Печерский 41–43
Феодосий Сафонович 77
Филарет 70, 73
Филиппов Р. В. 407
Филиппова Т. А. 480
Филофей 86, 87
Финаров А. П. 411

Фишер И. Э. 126
 Флоринский М. Т. 362
 Флоровский А. В. 348
 Флоровский Г. В. 359
 Флоря Б. Н. 487, 489
 Фоменко А. Т. 487
 Фомин В. В. 137, 503
 Фомина Ю. 65
 Фонвизин Д. И. 151, 491
 Фондаминский И. И. 358
 Формозов А. А. 269
 Франк С. Л. 350
 Фрейдлин Б. М. 370, 430
 Фрейер И. 153
 Фридлянд Г. С. 348, 370
 Фриче В. М. 340, 342
 Фролов Э. Д. 451
 Фроянов И. Я. 423, 424, 442, 451, 469, 477, 489
 Фуко М. 418
 Фукуяма Ф. 446
 Фурсенко А. А. 404, 428, 495
 Фурсова Е. Б. 228

Х

Хакен Г. 418
 Халфин Н. А. 408
 Харченко Е. П. 201
 Хаустов В. Н. 488
 Хвойко В. В. 324
 Хвостов В. М. 494
 Хвостов Вен. М. 350
 Хвостов М. М. 296
 Хейзинга Й. 446
 Хейфец М. И. 408
 Херасков М. М. 147
 Хидонтов Г. А. 408
 Хилков А. Я. 95, 976, 104
 Хлевнюк О. В. 488
 Хлезов А. А. 137
 Хомяков А. С. 202, 203, 228, 257
 Хорос В. Г. 427, 450, 460
 Хорошев А. С. 451
 Хоружий С. 465
 Хоскинг Д. 460
 Хромов П. А. 387, 404
 Хромов С. С. 411
 Хрущев Н. С. 393, 412, 422, 433, 488

Ц

Цакунов С. В. 453
 Цамутали А. Н. 229, 247, 269

Цимбаев Н. И. 228, 247, 305
 Циперович Г. Ц. 343

Ч

Чанксвич Е. И. 392
 Чаянов А. В. 454
 Чеботарев Х. А. 153, 155
 Чекурин Л. В. 503
 Черепица В. Н. 269
 Черепнин Л. В. 32, 70, 104, 122, 124, 137, 386, 399, 400, 402, 407, 425, 432, 494
 Черкасский В. А. 192
 Черменский Е. Д. 378, 409, 429
 Черненко К. У. 433
 Черниченко Ю. Д. 438
 Чернобаев А. А. 34, 35, 104, 122, 137, 247, 293, 329, 364, 431, 486, 500, 501, 503
 Чернов С. Н. 355
 Черномордик С. И. (Ларионов П.) 345
 Черных В. А. 501
 Чернышевский Н. Г. 207, 223–228, 317, 342, 378, 407, 428, 472
 Черняк В. С. 447
 Черняк Е. Б. 464
 Чесноков В. И. 247, 269
 Чечулин Н. Д. 30, 353
 Чивилев А. И. 232
 Чигирин И. И. 488
 Чижев Л. А. 464
 Чингисхан 49, 359
 Чирков С. В. 313, 352
 Чистов К. В. 407
 Чистякова Е. В. 86, 407, 414
 Чичерин Б. Н. 207, 208, 214–221, 223, 228, 229, 241, 261, 304, 502
 Чориков Б. А. 173
 Чубарьян А. О. 479, 490, 497, 499
 Чугаев Д. А. 410
 Чулков М. Д. 143, 145, 146, 151, 157
 Чумаченко Э. Г. 270, 293, 491

Ш

Шаламов В. Т. 437
 Шанин Т. 470
 Шанский Д. Н. 137, 157
 Шантуровы 85
 Шапиро А. Л. 23, 32, 35, 104, 424, 451
 Шапошников Б. М. 346
 Шаронов Г. В. 411
 Шатров М. Ф. 436, 438

Шафарик П. 230
Шафиров П. П. 94, 97–99, 104, 170
Шаханов А. Н. 247, 269, 293, 353, 503
Шахмагонов Н. 467
Шахматов А. А. 65, 85, 323, 324, 325, 498
Шахматов М. В. 357
Шахназаров Г. Х. 453
Шацилло К. Ф. 404, 405, 429, 430, 452
Шашков С. С. 252
Шелехов 156
Шеллинг Ф. 176, 193, 203
Шелохаев В. В. 458, 485
Шемберг 108
Шенелев Л. Е. 429, 451
Шереметев Б. П. 127
Шестаков А. В. 338, 343, 345, 372, 376
Шикло А. Е. 23, 34, 35, 65, 201, 229, 457, 477, 502
Шилов А. А. 336
Шильдер Н. К. 248
Ширинянц А. А. 174, 201, 228
Шишкин В. А. 410
Шишкин В. И. 494
Шишкин И. Г. 33, 477, 497, 501
Шкаратан О. И. 411
Шкаровский М. В. 475
Шлёцер А. Л. 18, 28, 102, 121, 128–130, 135, 137, 169, 170, 177, 180, 186, 192, 200, 236, 237, 266
Шляпников А. Г. 368
Шмелев Г. И. 438
Шмидт С. О. 34, 69, 407, 421, 424, 486, 487, 500, 501
Шмурло Е. Ф. 356, 359, 362
Шпенглер О. 446
Штейн Б. Е. 389
Штеменко С. М. 411
Штритгер (Стриттер) И. Г. 151
Штрубе де Пирмонт Ф. Г. 126
Шубин Ф. Ф. 154
Шумахер И. Д. 126
Шхонебек А. 92

Щ

Щапов А. П. 250–252, 268, 269, 274
Щапов Я. Н. 65, 400, 451, 452, 456

Щеголев П. Е. 349, 350, 355, 499
Щедрин Ф. Ф. 154
Щедровский И. 173
Щербатов М. М. 98, 127, 140–142, 147, 156, 157, 166–169, 236, 237

Э

Эверс И. Ф. Г. 176, 179, 180–185, 187, 191, 193, 200, 201, 232, 233
Эйдельман Н. Я. 394, 420, 427, 442, 448, 452, 456
Эйлер Л. 105
Эйхе Г. Х. 410
Эльвов Н. Н. 368, 370
Эмин Ф. А. 236
Энгельс Ф. 296, 322, 335, 372, 398, 416, 453

Ю

Юнг Э. 147
Юрасов Д. 438
Юрганов А. Л. 452, 484
Юрий Всеволодич 50, 51
Юрий Долгорукий 242
Юрченков В. А. 35
Юстиниан 97, 126
Юхт А. И. 122, 157
Юшков С. В. 351, 374, 385, 386

Я

Ягода Г. Г. 438
Якобсон Р. О. 418
Яковлев А. И. 376, 381
Яковлев А. Н. 438, 481
Яковлев Н. Н. 409
Яковцевский В. Н. 387
Якуб А. В. 502
Якубовский А. Ю. 388
Янин В. Л. 35, 400, 413, 487, 489, 499
Ярослав Мудрый 39, 43–44, 51
Ярославский Е. М. 344–346, 368, 371, 379
Ясперс К. 446
Яцунский В. К. 124, 404, 408, 426, 432

Покупайте наши книги:

В офисе издательства «ЮРАЙТ»:

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В логистическом центре «ЮРАЙТ»:

140053, Московская область, г. Котельники, мкр. Ковровый, д. 37,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В интернет-магазине «ЮРАЙТ»: www.urait-book.ru,
e-mail: order@urait-book.ru, тел.: (495) 742-72-12

Для закупок у Единого поставщика в соответствии
с Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ обращаться
по тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, vuz@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

Учебное издание

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

Учебное пособие для бакалавров

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора *А. А. Чернобаева*

Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,5. Тираж 500 экз. Заказ № 2756

ООО «Издательство Юрайт»

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.
E-mail: tko-saransk@mail.ru

Чернобаев Анатолий Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Главный редактор журнала «Исторический архив».

Историография истории России

Настоящее издание посвящено узловым проблемам истории отечественной исторической науки. Особое внимание уделено ее состоянию в XX столетии. Учитывая современный уровень развития отечественной историографии, авторы в ряде случаев пересмотрели устоявшиеся выводы и оценки. Наряду с рассмотрением конкретно-исторических условий и обстоятельств появления научных концепций и их сути, в пособии кратко излагаются биографии видных представителей отечественной исторической науки.

В конце каждой главы приводится библиография, включающая основные историографические источники и литературу.

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

 юрайт
издательство

biblio-online.ru

ISBN 978-5-9916-3303-1

9 785991 633031